

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"
Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУШИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Владимир САЛАМАХА
...И нет пути чужого
Повесть 6
- Юрий ПАХОМОВ
Композист
Рассказ 67
- Владимир ЧУГУНОВ
Ожидание. Рассказ 76

Поэзия

- Анатолий ГОРБУНОВ
Зелёная отчизна 3
- Алексей ИВАНТЕР
Чем мы останемся... 63
- Борис ОРЛОВ
И встал на правом фланге... 73
- Евгений ЭРАСТОВ
Это время легко для наитий 83
- Василий СТРУЖ
Геополитические стихи 103

Память

- Сергей КУНЯЕВ
"Ты, жгучий отпрыск
Аввакума..." 86
- Борис ШИШАЕВ
Хроники беды 222

Дневник современника

- Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в тупик 107

Очерки и публицистика

- Станислав КУНЯЕВ
Характер гиперборейский 119
- Михаил ДЕЛЯГИН
Государство, народ и бизнес 131

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Леонид ИВАШОВ
Безопасность России
под угрозой (*беседа с
писателем И. ШУМЕЙКО*) 140

Борис КЛЮЧНИКОВ
Европейцы не желают сгнить
в плавильном котле наций 146

Израэль ШАМИР
Кому нужна война в Иране 154

Ольга СВЕРДЛОВА
Трудные судьбы
трудных детей 161

Анатолий КИРПИЧНИКОВ
Откуда пошла Русская земля 172

Станислав ЗОТОВ
Кутузов и Наполеон 177

Салават АСФАТУЛЛИН
Вторжение 203

Александр БОБРОВ
Это русская память и слава 212

Критика

Николай СКАТОВ
Русская мадонна 249

Наследник классики
(*беседа Ксении ЗИМИНОЙ с
Андреем РУМЯНЦЕВЫМ*) 257

Валентина СЕМЁНОВА
Игрище 262

Григорий КАЛЮЖНЫЙ
Неугасимая мечта Николая
Старченко 279

Книжный развал

Дмитрий ВОЛОДИХИН
Сибирское узорочье 282

Александр НЕСТРУГИН
Настоящие люди 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, И. А. Горбатова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 24.07.12. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,6. Заказ №3403. Тираж 8700 экз.

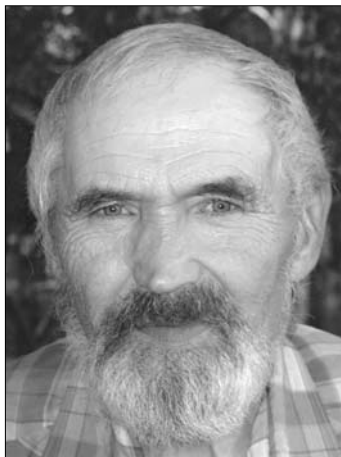
Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
e-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО "Издательский дом "Красная звезда",
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

ЗЕЛЁНАЯ ОТЧИЗНА

Анатолию Байбордину

* * *

Ослепший дом. На брёвнах накипь солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.

Напрасно ждёт весёлое остожье
На косовицу ратников своих —
Уставшие, они по воле Божьей
Рассеялись в пустотах голубых.

Скорбит река о празднично идущих
По вечному — по Млечному Пути...
В заоблачных далёких райских кущах
Милей лугов, чем эти, не найти!

Прости живых, зелёная отчизна,
За то, что мы собой не дорожим,
За то, что мы на самом склоне жизни
Даём оценку радостям земным.

ГОРБУНОВ Анатолий Константинович родился в деревне Мутино Киренского района Прибайкалья в 1942 году. Стихи стал писать ещё школьником. Рано приобщился к труду: пастишил, пилил лес, плавал на пароходе кочегаром, несколько лет проработал в авиации. Первые стихи А. Горбунова были опубликованы в альманахе "Сибирь", в газете "Литературная Россия", в сибирских журналах. В 1977 году он был принят в Союз писателей СССР. Сегодня А. Горбунов — автор почти двух десятков книг стихов и прозы для взрослых и детей.

Ослепший дом. На брёвнах накопъ солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.

ШМЕЛИ

Разве можно забыть эти брови подковой!
Силу собственных чар ты не знаешь сама —
Оцелованных губ привкус вербы медовой
Так и сводит с ума, так и сводит с ума!

Ты пришла и ушла по разбитой дороге,
По оследьям судьбы свой искать интерес,
Непутёвый апрель щедро бросил под ноги,
Отражая тебя, шёлк текучих небес.

По лесам и полям Божья музыка льётся,
Скоротали метель и растались навек.
Сколько зим пронеслось, до сих пор отдаётся
Колокольчатый смех за туманами рек!

Разве можно забыть эти брови подковой?
Обожгла нас любовь, и на память о ней
Ты оставила мне прутик вербы медовой
И поющих на нём золотистых шмелей.

ТРЕЛЁВКА

Брату Василию

1. Деляна

Вьюгами зарёваны
Покати дорог.
Меркой калиброванный,
Колотый швырок
С лесосеки к пристани
Требовали мы.
Март до хруста выстудил
Синий храм зимы.

Лошади — горячие,
Страшно на возу!
Ветер прыгал мячиком,
Вышибал слезу.
Лица сажей мечены,
Ты постарше был,
Шевелились к вечеру
Из последних сил.

Знали: тот, кто ленится,
Досыта не ест.
Длинные поленницы
Высились окрест.
На весь мир единственный
Здесь топился дом.
И текла таинственно
Лена подо льдом.

2. Пароходик беленький

Флагман навигации,
Он придёт весной,
Ржавой цепью бряцая,
Бросит якорь свой.

Пароходик старенький,
Пьяный от гудков,
Пассажиров ставили
На погрузку дров.

Сколько их, вербованных,
Плыло на Восток,
Меркой калиброванных,
Как в лесу швырок!

Флагман навигации
Взад-вперёд ходил,
Трелевали нацию,
Дым столбом валил.

Где-то под берёзками
Все они лежат.
Были мы подростками,
Жили наугад.

Двум советским братикам
Всё-то по плечу!
На страну горбатили,
Только вот на чью?

Шлёп да шлёп вдоль берега,
На жалея дров,
Пароходик беленький,
Пьяный от гудков.

НАПАРНИКИ

Юрию Гуртовому

Медвежий рёв. Ночлеги. Лайки.
Магнитный взор седой луны..
В свои сибирские крайки
Мы с детства были влюблены.

Из прорубей закаты пили,
Топтали хвойное руно.
Тайгу крест-накрест исходили,
Истёрлись посохи давно.

Ещё былых костров осветки
Коварно манят за хребты,
Где бородатый мох на ветках
Повис, как беличьи хвосты.

Там сердцу радостней стучится,
И от растопки сладок дым...
Мы — две печальных старых птицы —
Уже туда не долетим.

ВЛАДИМИР САЛАМАХА

...И НЕТ ПУТИ ЧУЖОГО

ПОВЕСТЬ

1

В тот год рано из Демковских болот улетели журавли в дальние края на зимовку. Их стаи впервые за три военных года шли низко над землей, словно птицы понимали, что лихая пора кончилась и что сейчас по ним уже некому стрелять. Наверное, журавли также чувствовали, что горстка людей, наблюдающая за ними, не только не причинит им вреда, а, наоборот, радуется их большим косякам. А были эти косяки большие потому, что лето для птицы выдалось хорошее, молодняк сохранился, набрался силы, вовремя стал на крыло. А раз так, то не страшна первая большая неизведанная дорога, которую первогодки должны запомнить навсегда, чтобы потом много раз за годы, отпущенные природой, вести отсюда в дальние края новые потомства и возвращать их сюда, где впервые увидели свет.

Журавлиные стаи людей радовали: курлычут, летят, ведут вожак за собой молодняк, значит, жизнь продолжается и в природе, и вообще, есть надежда на добро, как и что бы ни было на этой земле.

Ранние журавлиные стаи — к ранней зиме. Впрочем, не только птицы предсказывают это: примет тому вокруг множество, стоит только присмотреться, чтобы увидеть их.

Так вот, нынче рано начала желтеть листва. На осинах она зарделась еще в августе и как-то сразу, в одночасье: сегодня вроде еще зеленая, с легким летним желтым оттенком, и вдруг, через ночь — огненно-рыжая... Ей бы

САЛАМАХА Владимир Петрович родился в 1949 году в деревне Бересневка Кировского района Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Прозаик, критик, публицист, эссеист, лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

такой еще постоять, позвенеть, а она, только ветер дохнул, посыпалась на землю. А земля-то после ночи уже холодная, роса тяжелая, тусклая, и даже при солнце не источает она легкого разноцветного свечения, как еще было совсем недавно...

Рано ушли журавли, рано зима легла на землю. Как посыпались однажды утром в последние дни октября мягкие белые хлопья из низкого темного неба, так и сыпались почти непрестанно до середины ноября.

За снегопадами люди не увидели, как почернела, свернулась в трубочки листва на огромных старых дубах у дамбы, как льдом покрылась река, как, очерченный инеем, ближе к деревне приплыл серый горизонт — они как будто не заметили окончания осени и начала зимы.

За две недели снег вырос до крыши перекошенного сарайчика, стоящего на погорке возле Гуды (его собрали из обгоревших бревен мужчины еще летом), сравнялся со свежим срубом колодца среди деревни, укутал-закрыл мягким белым покрывалом чахлый лозняк у реки, навис синеватыми шапками на ветвях огромного старого куста сирени, чернеющего возле единственной уцелевшей здесь в войну хаты.

Снег укрыл почти до половины стога в луге за Дубосной, сравнял реку и мост.

И вдруг прояснилось. Очистилось от низких тяжелых туч небо. Сначала на нем в синих проталинах появилось огромное розовое солнце, покрасовалось с полдня, затем разлило вокруг слепящую желтизну, исчезнувшую к вечеру, и вот уже вокруг — сплошная хрустальная синева.

Ветер совсем ослаб, будто выдохся. Снег заблестел, заискрился. В морозном воздухе днем далеко слышались голоса детишек у реки, звонкий лай собаки, скрип полозьев, ржанье лошадей и меканье козы в сарае, скрип старого колодезного журавля над новым срубом...

В воздухе остро запахло дымками.

Такой порой трое гуднянцев Ефим Боровец, Михай Михасев и Николай Безродный собрались ехать на саях за реку за сеном.

Там, за рекой среди леса, в болотах, на твердом (а это хорошие луговины) в конце лета они сметали три стога — на большее не хватило сил и времени — тогда не было возможности завезти сено в деревню: до морозов в луг с конем хода нет, вязнет чуть не до живота, да и человек, когда косил, смотрел, как бы не провалиться, метил стать на кочки, где тверже.

Тогда, в сенокосную пору, лошадей в деревне не было. Это позже, когда война отошла дальше на чужие земли, Михай, бывший партизан — его не взяли на фронт, так как еще не оправился после ранения, полученного, когда наши сюда наступали, — как-то привел из района пару побитых коростой немецких лошадей, которых там дали хозяйству.

Известно, как появились здесь лошади, можно было, когда подмерзла земля, съездить в луга, но мужики этого не сделали. “Хватит им еще времени наработаться, — говорил Ефим, — пусть окрепнут, привыкнут к нам, уж больно деликатные кони...”

Впрочем, те лошади, может, когда-то и были деликатными (тонконогие, высоко несущие головы, они на тяжеловозов не похожи), а как появились здесь, то чуть волочили ноги, перекатывая под шкурой ребра. Да и короста... Для них возле сарая еще с осени мужчины сметали стожок из скошенной возле дамбы травы. Этого сена как раз и хватило до сегодняшнего дня.

Сейчас лошади, не единожды окуренные дымом, очищенные от коросты, были невиданным богатством деревни, где до войны был большой крепкий колхоз.

Учув мужчин, шедших к сараю, лошади заржали в тесном, отведенном им стойле.

Ефим, семидесятилетний мужик, длинный, словно жердь, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, с сухими жилистыми руками — он шел впереди, — услышав лошадей, весь засиял, выдыхая клубы белого пара, сказал: — Ого!.. Заждались. Скажи ты, не было б то живое.

Ему никто не ответил, да и говорил Ефим больше сам себе. В руках он держал старую деревянную, с черной трещиной почти по всей длине, лопату, на которой обычно сдают в печь хлеб.

Возле сарая Ефим ускорил шаг, снег под его сапогами закрипел как-то по-особенному жестко, будто толченное стекло, — и вдруг остановился, закашлялся, воткнул лопату в сугроб. Минуту постоял в каком-то одному ему известном раздумье, затем быстро потер красные руки, встряхнул плечами, словно молодой, схватил лопату и начал отбрасывать снег, засыпавший за ночь до половины ворота.

— Скажи ты, дядя, — запрыгал рядом с ним на деревяшке Николай, наблюдая, как Ефим ловко орудует лопатой, отбрасывая большие снеговые шапки, — снег-то какой. Я что-то не могу припомнить, когда такая зима была.

Николай стучал протезом по снегу, оставляя в нем выбоины, казалось, что эта деревянная нога больно втыкается ему выше колена в живое, поэтому он и прыгает.

— Может, когда и была, — сказал старик, на минуту остановившись, чтобы передохнуть. — Только и я не помню такой зимы, врать не буду.

Сказав это, Ефим вновь взялся за лопату.

Он, Ефим Боровец, сейчас был самым пожилым из гуднянцев, которым летом сорок третьего года удалось спастись от гибели, когда немцы сожгли деревню. Тогда мало кто избежал смерти: несколько женщин и детишек на рассвете пошли в лес, чтобы собирать малины, а потом обменяли ее на соль в Барвицком гарнизоне. Потом эту соль Ефим должен был отнести партизанам, лагерь которых стоял в Демковских болотах. Немцы же на деревню налетели позже, часов в семь утра, ягодников перехватить им не удалось.

И еще живым из стариков остался Иосиф Кучинский. Так как тому было не спастись? Его сын Стас снюхался с немцами с начала оккупации и служил им.

Правда, за неделю до того страшного дня Иосиф, вернувшись от сына из гарнизона, говорил, что, наверное, надо людям уйти в лес, что-то немцы уж очень заворошились, кто знает, что задумали...

— Слышит собака погибель — ластится, — бросил кто-то из деревенских, стоявших тогда на улице.

— Почему это собака? — повернулся на голос Иосиф. — Я никому ничего плохого не сделал.

Ефим тогда и выдал ему:

— А потому, что скулишь. Знаешь, что наши немца хорошо бьют, что скоро вызволят нас и земельку нашу, вот и трясешься, словно собачий хвост.

— А ты-то откуда знаешь, что бьют?

— Слухом земля полнится. Добрые люди говорят.

— Это какие такие добрые люди? — спросил Иосиф, поглядывая из-под редких, будто выщипанных, рыжих бровей.

— Так я тебе и сказал! — вызывающе усмехнулся Ефим. — Может, шепнуть кому хочешь? Смотри, не успеешь...

Все, кто был здесь, на улице, поглядывали то на Ефима, то на Иосифа. А Ефим разошелся, с каждым словом все ближе и ближе подступал к Иосифу. Иосиф тем временем сжался, словно ожидая удара, сказал:

— Зря ты так, Ефимка. Может, Стас и волколак. А я при чем?

— Как при чем? Корень-то твой!

— Что правда, то правда, — словно сдался Иосиф. — Этого не отрубшь... Но было же время, люди знают, я по углам не прятался.

Толстые синеватые Иосифовы губы дрожали, он старался смотреть мимо людей. На мгновение Ефиму даже стало его жаль. Но сейчас, при людях, он не мог себе позволить пожалеть человека, с которым когда-то дружил. Впрочем, не мог позволить себе этого и по иной причине: Иосиф не первый раз прилюдно козырял своим былым: словно набрасывал на весы хорошее и плохое. И если хорошее — свое, то плохое — сыново. Все знали, что Иосиф зла людям не делал.

— Былое — не стена, не спрячешься за ним, — сказал Ефим. — Было — слыбло, словно вода в реке. Ты о сегодняшнем думай.

— Я перед Богом чист!

— Вот ему ты и скажешь, когда час пробьет, — холодно, одними глазами усмехнулся Ефим. — Не с ним живешь. Я такой же, как и ты, старый

человек, может быть, также одной ногой стою уже там, на краю жизни. Но нет его, Бога. У немцев на пряжках написано “С нами Бог”. А что творят?... Среди людей живем, на человеческом языке говорим, перед людьми и будем ответ держать... Смотри, попробуй только выдать...

— Это хорошо, что снега столько насыпало, — сказал Ефим. Он окончил работу, поставил лопату к стене. Высокий, ровный, с седой, лоточком, зашнурованной вокруг беззубого рта бородой, с маленькими острыми глазами и впалыми щеками, он посмотрел вокруг и добавил: — Мое вам слово, если к весне разживемся семенами да засеем клинок на взгорье у дамбы, осенью с хлебом будем. А летом как-нибудь перебьемся: шавелек, ягода, гриб. Смотришь, что-нибудь власть подбросит. А уж на зиму хлебушек свой нужен, без него никак нельзя.

— Далеко идешь, а под ноги смотри, — сказал Николай. — Здесь хотя бы о сегодняшнем дне думать. Еще и к стожкам не подобрались, а ты, дядя, нас уже невзрачным хлебушком кормишь.

— Тоже мне забота — стожки, — бросил Ефим. — Снег держится крепко, хоть ты его пешней долбай. Да, уже надо сено свозить, лошади мох со стены повыскубали, солому с крыши таскают. А там, в лугах, не сено — чай!

— Снег, снег, — вклинился в разговор Михей, — вот как накатится паводок, так будет тебе снег!

— Это почему же? — спросил Николай. — А дамба зачем? Как накатится вода, так и откатится.

Ефим не стал слушать дальше, ткнул руку в карман брюк, отбросил полу длинной шинели, достал ключ, сбил рукавицей снег со ржавого тяжелого замка, отомкнул его.

В сарае пахло прелью, было полутемно. В дальнем от двери левом углу слабо вырисовывалась загородка, по стене скользнули две длинные тени, подались к людям.

Здесь, в сарае, Николаева деревяшка громко стучала об окаменевшую землю. Ефим от угнетающего звука, отражающегося от намерзших стен, болезненно сжался — он не мог спокойно смотреть на этого молодого, еще, как говорят, при полной силе, но изуродованного человека. И чтобы не думать об этом, старик поспешил к стойлу, ласково погладил шею сначала одной лошади, затем другой, и, словно кони понимали его, сказал:

— Терпите, терпите, был бы хлебушек у меня, последний бы вам дал...

Лошади строгли ушами, мусолили влажными губами рукава его немецкой шинели, фыркали и, казалось, в самом деле понимали старика, прощали ему то, что пришел без гостинца.

Ефим снял оброть, висевшую на гвозде, приколоченном к стене, бережно надел ее на вороного, вывел из стойла. Белого он оставил на месте, тот заржал, начал тревожно ходить из угла в угол.

— Ишь ты его, — сказал Михей, — манежится, скотина деликатная, офицер, не иначе, на ней красовался. Я, когда вел его из района, изрядно намаялся с ним. Так и норовил цапнуть меня за плечо. Но не тут-то было: пару раз перетянул розгой по спине, так приутих.

— Ну и дурак, — незло бросил Ефим, — это же животное, спрос с него какой? Ему ласка нужна. Ты ему доброе слово в ухо вложи, прислушается да уразумеет, с чем ты пришел. А ты знай розгой... Конечно, коня накорми, досмотри, а потом уж — в работу. Не зря сказывают, дескать, без работы кони... — он на мгновение запнулся, подыскивая слово, выпалил: — падают, от что!

Мужики поняли его, заулыбались. А Ефим продолжал:

— Лошади все равно, что немца возить, что тебя. Она же не разбирает. Она знает одно: хозяйина. А хозяева меняются, но конь привыкает быстро, если ты его рукой ласковой да словом мягким. Ну и конечно, если у тебя в кармане ломоть хлебушка... Впрочем, что я вам говорю? Без работы лошадь портится. Сегодня — вороного в работу, завтра — белого. И этому, и тому делов хватит. А ты розгой! Тебя бы самого.

Михей, услышав такое, растерянно пожал плечами, дескать, я — что?.. Я — так, в шутку. Но никто его шутки не понял...

На дворе Ефим молча, думая о чем-то своем, набросил коню хомут, подвел к саням, стоящим у стены сарая, запряг.

Все это время, когда запрягал, лошадь слушалась его, стригла ушами. Ефим говорил ей известные в таких случаях слова: “Стоять... Задом... Голову... Тпр-ру-у...” — и мужиков, наблюдавших за этим, словно осенило: “Да он же русский, не немец, конь-то!..”

Это произнес растерянно Михай.

— Ну да, русский, — радостно сказал Ефим, настолько радостно, как только может говорить огрубевший от нелегкой жизни семидесятилетний мужик, для которого радость — редкая роскошь, которой он стесняется, как чего-то непривычного, излишнего для него.

— Русский, — слово подтвердил Николай, — а ты его — розгой!

— Да ладно вам, — сказал Ефим, — дело житейское. Хворостинка коню нужна. Как же лошадь без хворостинки?

Он замолк, давая понять мужикам, что пустой разговор окончен. Запряг коня, легко вбросил в сани желтый порубень, смахнул с шинели на рукавах легкую наледь, оставшуюся от влажного лошадиного дыхания, потуже затянул на поясе сыромятный ремешок, подышал на красные руки и неожиданно вернулся к прежнему:

— Нда, мужики... Разлялякались мы что-то. Русский — не русский. Хворостина... Деликатные — не деликатные... Не мужские это разговоры. О весне, о хлебе думать надо... Как же без него? Война не сегодня-завтра окончится. Хотел супостат весь человеческий корень изничтожить, да не тут-то было! Нашлась на него управа: всем миром люд встал супротив дьявола.

— А ты что, дядя, в Бога веруешь? — спросил Николай. — Что-то за тобой не заметно такого было. О дьяволе говоришь.

— Верую, не верую, мне знать. Поживи с мое, повидай столько, может, и уверуешь. Хотя, как говорят, на Бога надейся, а сам не плошай. Кругом разруха. Сейчас нам помощи ждать неоткуда. И хлебушка нам никто не даст просто так.

— Это уж точно, — сказал Николай. — Будет чем посеять — вырастим. Хотя земли наши какие, песочек... Я же, сами знаете, сказывал уже не раз, пока ногу мне не отхватило, так почти по всей Украине прошел. Там земля такая — хоть ты ее на хлебушек намазывай, жирная. Только брось в нее зерно. А у нас что? Сколько ни удобряй ее — все равно серая.

— Чтобы земля родила хорошо, многие годы с ней надо ладить, — сказал Ефим, — а то и века. Деды наши сказывали, что когда-то она совсем родить не хотела, а они все равно ее не бросили. Камень убирали, потом своим поливали, вишь, чуток пробудилась, родимая. Это наша земля-матушка, мы без нее шагу ступить не можем. Да и хлебушек она уже нам перед войной хороший давала. Силушку она свою почувствовала, задышала как следует. Вот посеяли по осени клинышек озимины у реки. Снежок ее теплом укрыл, поспит до весеннего солнышка. А яровые — будет видно. Что-то придумаем, добро и нас не обойдет стороной. Окончится война, колхозы возродятся. Вот и лошадей нам дали, не может быть, чтобы зерна весной не подбросили. В беде-горе сейчас не одни мы, но все равно помогают, чем могут. Вот если бы сейчас детишек поддержать да Катерину, совсем хорошо было бы. Катерине так сейчас за двоих есть надо... Как подумаешь о ее судьбе, так сжимается сердце, хоть волком вой.

— Здесь ничего не изменишь, — сказал Михай. — Не у одного тебя болит.

— Знаю, знаю. Наверное, ей так на роду написано. Планида у нее такая, как говорили в далекие времена. Тогда свекор и свекровь погибли, а вот сейчас и Петро...

— Планида, говоришь? — подошел к нему Михай. — Сейчас у всех нас одна судьба-планида. Это как ломоть с одного каравая — одинаковый вкус.

— И то правда. Вот и должны мы сейчас о ней заботиться больше, чем о себе, — сказал Ефим.

— Вишь, как случается, — вздохнул Николай. — Я с ее Петром так и не увиделся. Да и Михай — тоже. Я вон где был — в самом Крыму, а Ми-

хей переправу через Березину наводил, когда Петро пришел. Одного тебя, дядя, он из наших мужиков и увидел.

— Так и есть, одного меня... Петро знал, что вы живые. Я ему сказал. Очень уж хотел он с вами свидеться. Думаю, поговорить вам было о чем: столько всего пережили! Говорил, как и тебя, Николай, уж очень покрутило. Из-под Бобруйска до Можайска из окружения шел. Не раз жизнь на волоске висела, а вышел без царапины. И наград у него хватало. Как на мой ум, их просто так не раздают.

— Это уж точно, — подтвердил Николай.

— Я вот немало пожил на свете, — продолжал Ефим. — Всякое повидал: и хорошее, и плохое. Но никак не могу понять, как иной человек может носить в себе столько зла.

— Ты про Стаса? — спросил Михей. — Не называй его человеком. Змея, как ее ни грей за пазухой, все равно жиганет. Она...

— Я не о том, — перебил его старик. — Не от змеи родился. Я так разумею: все люди рождаются одинаковыми, хотя сказывают, что яблоко от яблони недалеко катится. И плачут малыши одинаково, и смеются, и птичек жалеют, и цветочками любуются. А вот вырастают... Как понять это? Ты здесь хоть три жизни проживи, а до конца не поймешь. Возьми того же Стаса. Малым его помню: такой, как вся ребятня, был... Кто мне скажет, где он переступил черту человеческого?

— Ты, дядя, все хочешь понять, почему это Иосифов сын к немцам пошел, нелюдем стал, — сказал Михей. — Так и я часто думаю: почему? Ненависть к людям вызрела? Говоришь, помнишь его малым: был такой, как все... А как вырос, как беда, так что, страх за свою жизнь уничтожил в нем всё человеческое?... Так все мы, случается, других не любим, когда что не по нам, но позлимся-позлимся, а не враждуем. И страх наш при нас. Бывает, иной раз ох как страшно, но ничего, хватает ума не поддаваться ему, страху этому. Вообще-то, наверное, правду сказывают: яблоко от яблони недалеко катится. Здесь надо на Иосифа смотреть.

— Да что это мы об одном и том? — перебил его Ефим. — Давайте лучше закурим, еще и наговоримся, и нарботаемся.

Ефим сунул руку в карман, достал оттуда щепотку табаку, обрывки пожелтевшей немецкой газеты, повернулся к мужчинам:

— Курите.

Михей брезгливо посмотрел на бумагу:

— Вновь ты, дядя, вражескую суешь. И как ты только табак из нее смокчешь? Немцами воняет!

Но, сказав так, он все же руку не отнял, взял табак, свернул сигарку, зажал ее между пальцами, выставил, словно показал кому-то кукиш, сплюнул на снег.

Ефим на все это смотрел молча. Но когда Николай поднес Михею спичку и тот сладко затынулся, старик бросил:

— Вишь ты, немцем ему мой табак воняет! А мне — медом пахнет?! Я что, виноват в том, что у меня кроме этой гадости ничего нет? — он резко, будто хотел располовинить, рванул полы немецкой шинели.

Михей пожал плечами, отступил на шаг, посмотрел растерянно на Николая, ожидая поддержки.

— Хватит! — сказал Николай. И Михею: — Если у тебя есть хорошее пальто, так отдай дядьке. Что, не узнаешь его в этом одеянии? А я узнаю!..

— Да, да, Миколка! Я что, немцу служил? — разозлился старик. — Я что, когда война началась, в район не ходил, не просился, чтобы на фронт взяли? Только беда моя в том, что не взяли: и стар, и слаб. Сразу как две печати на лоб поставили!.. А сейчас скажи, почему ты, когда в лесу был, без меня не мог обходиться?.. А здесь, вишь, я уже немцем ему воняю!

Ефим разошелся. Казалось, еще мгновение, и он набросится с кулаками на Михея.

— Да брось ты, дядя! — сказал Михей. — Пошутил я. Как-то неудачно вышло. Будто не знаю, сколько ты добра всем нам сделал.

— А ты не ластись!.. — старик никак не мог успокоиться. — Скажи ты,

фрищем ему от меня несет. Ты лучше понюхай Иосифа... Ишь, чем прикрывается: отец за сына не отвечает. А все от тебя, Николай, пошло! Твои слова?

— Мои. Хотя, впрочем, я только так говорил. А слова эти слышал от людей.

— Слышал — и забудь. Мало ли что кто рассказывает. Отец — сын. Стас, между прочим, не мой сын, а Иосифа. И смотри ты, Иосифа никто не трогает. А он, все знаем, как наши пришли, где-то месяц скрывался. А ты спроси у него, где? И все вы как воды в рот набрали... А ты поинтересуйся у самого Иосифа, почему у него дымок из трубы несет запах сала, а у Кати — пустой? Думаешь, у Иосифа кладовая пустая и там мыши нечем поживиться?

Старик переходил от одного разговора к другому. Он уж забыл, что же его обидело. Его сейчас обижало то, что мужчины на обращают внимания на Иосифа Кучинского, а вот над ним, Ефимом, иногда легонько подтрунивают...

— Ладно, трогай, — вдруг сказал он и дернул вожжи.

Лошадь тронулась с места. Сани ехали по улице мимо землянок и черных, засыпанных снегом почти до половины печных труб, оставшихся от сгоревших хат, приближались к хате Иосифа Кучинского, стоявшей в конце деревни. Впрочем, сейчас деревни как таковой не было: исчезла она с лица земли, сожгли ее летом фашисты вместе с жителями, не ушедшими тогда в лес по малину, а вот Иосифова хата уцелела.

Сейчас мужчины угрюмо молчали. Ефим шел за санями, тяжело ступая по глубокому снегу рядом со свежей колеей, оставляемой полозьями, Михей тянулся следом за ним, время от времени искоса поглядывая на старика. Николай ковылял рядом с лошадью: мужики говорили ему, чтобы садился в сани, но он отказывался, дескать, надо привыкать ходить на протезе. Впрочем, вскоре, как тронулись в путь, Ефим отдал ему вожжи, и сейчас Николай, намотав их на запястье правой руки, с наслаждением правил.

— Да, замело, — вдруг сказал Николай, поглядывая по сторонам, и неожиданно вернулся к прежнему разговору: — Надо все же нам о хлебе серьезно подумать.

Тем временем сани поравнялись с хатой Иосифа Кучинского, и Ефим с Михеем зло посмотрели на нее.

Ефиму показалось, что хата похожа на самого Иосифа: окна смотрят подслеповато, невысокая, какая-то осунувшаяся, как сам Иосиф. И еще показалось Ефиму, что за обледеневшим окном, выходящим на улицу, скользнула тень.

— Слышь, Николай, — сказал Михей, — а если у него хлеба спросить? У него хлебушек должен быть. Он запасливый. Думаю, при Стасе запаса. А что? Стас на людском добре жился.

Услышав это, Николай будто споткнулся. Остановился и Михей, поглядывая на старика.

— Ты что говоришь? — Николай от неожиданности присел, с недоумением посмотрел на Михея, затем ткнул кнутом в сторону Иосифовой хаты. — У него? Ты о чем говоришь? Да если бы у него даже от своего хлеба закрома ломались, я к нему на поклон не пошел бы.

Михей молчал, наверное, не понимая, что крамольного он сказал. А Николай только сейчас заметил, что его деревянная нога глубоко провалилась в снег, попробовал вытащить ее, но сразу сделать это он не смог. Тогда, переводя дух, он сказал:

— Ты слышишь, дядя, что он говорит?

Николай сжал кулаки, да так, что побелели пальцы, и вдруг закашлялся, его грудь под шинелью затряслась, он рванул из снега деревяшку, выскочил на твердое.

— Отдали бы, как разживемся, — неожиданно поддержал Ефим Михея.

— А тебя, дядя, я не понимаю, — сказал Николай. — То ты на Иосифа, то...

Он закашлялся, согнулся, обхватил руками грудь, начал медленно опускаться на снег. Кашель перехватил дыхание, да так, что лицо стало сначала красным, а потом начало синеть. Оседая на землю, Николай судорожно схватил горсть снега, приложил к лицу. Но это не помогло.

Тем временем Ефим и Михей подбежали к нему, подхватили под руки, подняли.

Николай тяжело оторвал голову от груди, посмотрел на них влажными глазами, как выдохнул:

— Не надо. Слышите? Он сам от нас отвернулся, а вы...

Успокоился он минут через пять. Медленно выпрямился, встряхнул плечами, словно сбрасывая с себя какой-то неимоверно тяжелый груз, заскакал к саням, перевалился в них, схватил вожжи, закутил ими в воздухе:

— Но!..

Лошадь рванула с места, Николай растянулся в санях. Ефим и Михей посмотрели друг на друга: один в немецкой шинели, другой — в нашей.

— Ты почему на меня так смотришь? — спросил Ефим. — Да я...

Он со всей силой рванул полы шинели, лопнула перетертая на поясе сыромятина. Казалось, старик облегченно вздохнул, потом крикнул:

— Да пусть вся эта гадость сгорит! — и, не ожидая ответа, побежал догонять сани.

О чем он говорил, о шинели, о ссоре или об отношении к Иосифу, было непонятно.

2

Иосиф Кучинский, из-за которого чуть не поссорились мужики, жил один. Его старая хата стояла на краю деревни, метрах в двухстах от дамбы, отгораживающей реку от человеческого жилья.

Иосиф старался не показываться на люди.

Уже сколько лет он очень плохо спал по ночам. Стоило только ему вечером лечь на холодную деревянную кровать, закрыть глаза, как тяжелые мысли роем одолевали его, наслаивались одна на одну. Были они какие-то неопределенные, кажется, ни о чем конкретном, но угнетали, терзали душу и, наконец, касались его теперешнего положения.

Иосиф чувствовал себя одиноким, словно полевая былинка. Рассуждая о себе, он думал: “Нести мне свой тяжкий крест до конца. И когда умру, никто не вспомнит меня добрым словом, и неизвестно, зароят ли люди, как подобает, в землю, или даже к избе не подойдут, как не подходят сейчас... Ведь я давно уже оторван от людской жизни, как что-то ненужное, ненавистное им, презираемое всеми. Наверное, дай им волю, сжили бы со свету...”

Если же ему и удавалось заснуть, так после того, как изматывался вконец от угнетающих, разрывающих душу мыслей, когда в сотый раз сожалел о том, что родился, что жил, пустил на свет ту жизнь, которая принесла другим столько горя, кого прокляли люди. И тогда впадал в страшные сны, в кошмары, в которых от кого-то убегал, но так и не мог убежать, и, бессиленный, просыпался в холодном поту. Проснувшись, лежа некоторое время в постели, отходя от кошмаров, он рассуждал так: от себя убегал, от своей горемычной судьбы, но разве от нее убежишь? Разве можешь изменить то, что было?..

И сейчас Иосиф проснулся рано, задолго до рассвета, когда вокруг лежала густая тьма, она угнетала, пугала своей кажущейся беспросветностью. Но вот что странно: сегодня во сне он ни от кого не убегал. Он просто шел по деревне. По той, довоенной, ладно выстроенной по обе стороны широкой улице, наполненной детскими голосами, скрипом колодезных журавлей, разнообразными запахами, словом, он шел по той Гуде, которая жила своей извечной жизнью. Но он спиной чувствовал: за ним гонятся!

Он остановился, ему не было страшно, спокойно посмотрел на разъяренную толпу, догоняющую его, понял, что, настигнув, она растерзает его, но тем не менее спокойно сел возле дамбы: давайте!.. И ожидая своего последнего часа, он даже обрадовался: наконец-то избавлюсь от тех душевных страданий, с которыми уже не могу справиться, которые извели вконец, распоттали, уничтожили. Но вот что странно: добежав, толпа остановилась возле него, и ни у кого не поднялась рука, чтобы ударить, более того, никто не приблизился к нему, не проронил ни слова.

Он посмотрел на людей, все они были как бы на одно лицо... Он хотел увидеть среди этой толпы Ефима, Михея, Николая, Катю, чтобы спросить у них, как своих когда-то близких односельчан, — что происходит, — но их здесь не было. Он уже собрался позвать их по именам, но односельчане, их неясные образы вдруг словно отгородились от него какой-то дымчато-туманной пеленой, исчезли...

И тогда Иосиф проснулся.

Он лежал в постели, смотрел через окно в темноту, ждал, когда забрезжит рассвет, ждал его, как избавления от кошмарного сна, от тяжелых, все выжигающих в душе мыслей, хотя знал, что и это утро, как предыдущие, уже ничего не изменит в его жизни.

Рассвет вливался в хату не спеша. Утро было морозное: сначала высветилось окно напротив кровати; с улицы на его обледеневшие края как-то несмело, вкрадчиво-медленно наплывала светлая полосочка. Затем она постепенно стала зеленоватой, растеклась по всему стеклу, начала приобретать красноватый цвет. И вот уже посреди окна, там, где меньше намерзло, словно в проруби, засиял солнечный зайчик.

И сразу же красный цвет расплылся на кружевных узорах на стекле, какая-то серая тень соскользнула с подоконника на серый пол, пробежала по нему, исчезла у порога.

Иосифу показалось, что темный потолок начал опускаться к полу, но вот что странно: через несколько минут в хате заметно посветлело, и потолок, словно спружинив, поднялся вверх. Ясно вырисовались круглые бревна стен, чистые серые половицы...

Скрипнула кровать. Иосиф тяжело поднялся, опустил босые ноги на пол. Холод сразу же обжег ступни. Иосиф обрадовался: сон ушел, а он из кошмара возвратился в реальную жизнь.

Иосиф босиком прошел к печке, в полутьме нащупал на ней теплые, дерматином подшитые на пятках бурки, подержал их в руках, вернулся назад. Поставив обувь под кровать, как обычно начал неторопливо осматривать хату, будто после долгого отсутствия привыкал к ней.

В хате все было как всегда: печь в углу у входной двери, стол напротив у окна, старый огромный сундук у стены от улицы, в левом углу — икона, окаймленная самотканым ручником, под ней на стене — темно-коричневая рамка с фотокарточками.

Иосиф долго всматривался в фотографии, словно хотел поговорить с теми, чьи образы они отображали. Потом, будто спохватившись, подумал: а говорить-то не с кем да и не о чем.

Вот они с Марией. Снимок сделан на каком-то празднике в Дубосне. Пожелтела фотография, как осенний лист, пожухла, будто иней ее прихватил, прошелся по ней, а потом отпустил. Но все равно хорошо видно, как они с Марией смотрят прямо в объектив, словно верят, что оттуда вылетит птичка.

Это старый Ицка, еврей из Селибы, скрипач, шорник и фотограф, говорил, перед тем как снять:

— Смотри, Иосиф, смотри, Мария, сейчас отсюда вылетит птичка, да не моргайте...

Смотрели, зная, что никакой птички не будет, а тогда, в молодости, так хотелось верить, что она должна быть, птица, приносящая добро, счастливую долю...

Иосифу вдруг все же захотелось поговорить с покойницей. Он никогда ее не любил, даже не привык к ней как муж, хотя были они связаны одной жизнью немало лет.

Была Мария — и нет ее. Была бы жива, сказал бы ей или нет, что из-за нее вся его жизнь пошла рикошетом? Вряд ли сказал бы.

Чужая она ему была. Умерла Мария перед самой войной. Ей бы еще жить да жить, но, наверное, люди не зря говорили, что весь род Вариончиков по женской линии какой-то дуплистый, гнилой — никто в нем из них почему-то до старости не доживал. В молодости все девчата цветут, парни по ним с ума сходят — девушки словно привораживают их к себе, — а выйдут замуж, детей родят, начинают увядать. Почему — никто не знает. Дере-

венские старухи уговаривали парней не свататься к Вариончиковым барышням, дескать, у них на роду что-то недоброе значится, проклятье, что ли, но нет, будто сломя голову бежали к ним кавалеры.

— Зельем они опаивают парней наших, — вздыхали старухи, глядя, как парни увиваются возле какой из Вариончиковых девчат: вздыхали, охали, а что толку...

“Вот, Марийка, — думал Иосиф, — ты на том свете спишь вечным сном, и все тебе ничо чем. И ничего тебе сейчас не нужно. Ни земли, за которую любому готова была горло перегрызть, если вдруг невзначай кто чужой ступал на нее, ни сундука, набитого никогда не надеванным тряпьем, ни той брани, которой ты осыпала меня всякий раз, когда делал что-нибудь по-своему, а тебе казалось, не так, как надо.

Да, придиралась ты ко мне безо всякой на то причины. Жили так, словно мстила мне за то, что я есть на этом свете, что я рядом с тобой... Не так встал, не так стал, не так сказал, не так дышу, да и молчу не так...”

Тяжела, страшна гнетущая бабья непонятная за что и откуда взявшаяся месть. Хотя, если разобраться, догадывался, знал Иосиф — почему, откуда. Не ему предназначалась Мария, не ему. Был у нее до него парень. Матвей из Нетомли, соседней деревни. Любились они. Да только не суждено им было сойтись: Матвей — из староверов, и его родители строго-настроено запретили ему слать к Марии сватов. Хороший был парень Матвей, кручинился долго, а потом взял свою, из староверов, отцовского слова не ослушался.

И у Матвея судьба тяжелая: работяга был, в колхоз не пошел, свое хозяйство наладил крепкое. Раскулачили его, сослали вместе с женой да двумя сыновьями: семья как в воду канула.

Мария волчицей выла, когда услышала, что Матвея высылают. Иосифу тогда хотелось просто по-человечески утешить ее — на Матвея зла у него не было, хотя знал: он, Матвей, а не Иосиф, первый Мариин мужчина — подошел к жене, осторожно положил руку на плечо, а она:

— Это тебя, тебя надо туда, да в землю, да в землю!..

Интересно, за что? Так и не спросил тогда у Марии. Впрочем, можно только догадываться, за что, почему судьбы такой мужу желала...

Так и не поговорив мысленно с Марией, Иосиф перевел взгляд правее, где среди пожелтевших фотографий зияло коричневое пятно.

Была там ранее фотография, была... Вырвал ее Иосиф. Фотографию вырвать можно. Но как вырвать из души то, что гнетет?..

Размышляя так, Иосиф услышал на улице голоса. Они приближались к его хате. Он подошел к окну на улицу, через наледь увидел, что по улице идет лошадь, запряженная в сани, а за ней — мужики. Ну конечно, это Михай, Николай и Ефим. Кто же еще, если мужчин в деревне больше нет? Кто воюет на чужих землях, куда ушла война, кто в земле лежит, а кто и земли не знает: сожжен вместе с остальными жителями — женщинами, стариками, детьми...

Прошлым летом немцы жгли деревни, особенно лесные, такие, как Гуда. Налетали на рассвете или даже днем. Окружали, загоняли людей в хаты, сараи, закрывали двери и жгли... В Гуде уцелели немногие...

Иосиф увидел мужчин уже напротив своего окна. Шли они странно: Ефим держал деревянную лопату. Михай — в одной руке вилы, а на плече веревку — сани же есть, почему в них не вбросили?.. “Коли так, значит, по крестьянской работе соскучились, — решил Иосиф, — вот и несут...”

Николай на своей деревяшке прыгал следом за ними. Тоже странно...

Иосифу показалось, что те его увидели, он инстинктивно отпрянул от окна.

Проводив глазами мужчин, Иосиф быстро всунул холодные ноги в бурки, набросил на плечи фуфайку и вышел из хаты во двор.

Он не знал, куда пойдет, что будет делать. Ноги будто сами привели его под навес. Взгляд скользнул по лодке, сделанной им самим накануне войны, но так и не спущенной на воду. Три военных года она стояла под навесом, привязанная цепью к одному из столбов, которые держали навес, привязанная непонятно зачем — уж давно паводков нет, вода не затопливает Гуду — дамба надежно защищает ее от реки.

Затем он посмотрел на дрова, сложенные в поленницу у стены, на вилы, стоящие в углу. В то же мгновение Иосиф будто почувствовал прикосновение рук к холодному гладкому деревянному черенку этого нехитрого крестьянского инструмента. Показалось, что запахло луговым сеном, почудилось, что он слышит веселое людское многоголосие, которое бывает во время сенокосной страды. Иосиф будто наяву ощутил легкую утомленность, ту, что ощущаешь после косьбы.

Иосиф, понимая, что это пьянящее чувство вот-вот исчезнет, быстро схватил вилы, черенок обжег руки — дерево было непривычно холодное, настывшее — бросился к улице. Сделав несколько шагов, остановился, растерянно посмотрел на улицу, понял, что никуда не пойдет: не нужна мужчинам его помощь. Он вернулся под навес, поставил вилы на место, побрел к крыльцу, остановился возле него, не зная, что делать дальше. Неожиданно у него закружилась голова, перед глазами посыпались “звездочки”, засало под ложечкой.

В таком состоянии Иосиф стоял минуту, не более: как накатило волной, так и исчезло — он знал, от голода это.

Иосиф уже несколько дней ничего не ел: не хотелось. То ли оттого, что нервы были напряжены, то ли потому, что знал: односельчанам сейчас вообще голодно, а у него кое-какая еда есть.

У Иосифа было пару горстей пшена (некогда Стас почти ведро притащил из гарнизона), немного картошки, сушеные и соленые в кадке грибы, вязка лука. Так что можно было сварить суп, похлебать. Но...

Когда Иосиф смотрел на пшено, развязав холщовый мешочек, который хранил в печурке, ему очень хотелось, чтобы это было жито. Пусть даже горсть, две... Он бы берег его как зеницу ока. А если бы — целый мешок?! Тогда он согласен был бы голодать сколько угодно, зернышка не взял бы. Зерно лежало бы в кладовой, и Иосиф ежедневно перебирал бы его, откладывая поврежденные, выбрасывая сорняки.

Когда Иосиф думал об этом, ему виделось теплое поле, над которым поднимается легкий пар. А на этом поле, своем ли, колхозном ли, он, Иосиф, сеятель, вбрасывающий в мягкую почву зерно...

В такие мгновения он забывал обо всем том, что делается вокруг него, он существовал в своем некогда привычном мире, мире пахаря и сеятеля, составлявшем сущность его жизни. Ведь сколько себя помнил Иосиф, помнил на земле: в поле, в лугах, на реке, в лесу...

Иногда ему казалось, что рожден он был не матерью, которой не знал — умерла при родах на поле во время жатвы, — а самим полем. Знал по рассказам, которые иногда слышал в детстве, что мать — работницу, роженицу, свекровь и свекор гнали в поле до последнего, дескать, сколько баб на ниве рожают и — ничего...

Родила... Какая-то старуха серпом отрезала его пуповину, связующую с матерью, завязала пупок. Затем завернула младенца в снятое с себя тряпье, спрятала в тень под снопами, чтобы палящее солнце не выжгло глаза, а его матери, роженице, уж ничем не могла помочь, и та ушла из жизни, не увидев своего первого и последнего ребенка... И рос этот ребенок при мачехе, по существу, чужой женщине, у которой своих было трое: вдовицей пришла та женщина к Иосифову отцу. А он, мальчик, всего хлебнул в детские годы, да и потом, взрослый. Жизнь такова, что и страдания, и радость идут по ней в обнимку...

Иосиф тяжело поднялся на крыльцо, не сбивая снег с обуви, зашел в хату, присел у окна на скамейку, вновь через мутный глазок в наледи смотрел на улицу.

Он знал, что на том конце деревни, или того, что от нее осталось, в сарае-конюшне мужчины держат двух лошадей, выделенных им в районе для восстановления хозяйства. Смотрел в окно и видел на противоположной стороне улицы черные печные трубы, оставшиеся от сожженных хат... Когда же поворачивал голову влево — видел свой огород, занесенный снегом. И прежде всего, совсем близко — огромный, широко разросшийся, заиндевевший куст сирени.

Куст сирени был очень старый. Покрытый мохнатым инеем, он казался мертвым, высохшим. Сейчас трудно было представить, что весной сирень расцветет, что ее чарующий цвет и неповторимые запахи, слегка кружащие голову, станут, как уже было много лет подряд, неотъемлемой частицей пробуждения здешней природы, без которой этот уголок земли будет беднее.

Куст стоял в огороде, шагах в двадцати от хаты. Был он белый, но из его середины просачивалась угнетающая чернота. Казалось, что ее выталкивают из себя толстые, с оглоблю, первородные стебли. Не верилось, что когда-то эти два стебля были маленькими, слабенькими ростками. Тогда, много лет назад, Иосиф принес их сюда из соседнего села. Недолго размышляя, посадил он сирень в поле, а не под окном хаты, как, впрочем, всегда делают те, кто хочет приукрасить свой двор. Принес в ту теплую весеннюю пору, когда на фоне голубого купола неба лес вокруг Гуды уже хорошо и сочно зеленел, когда поле доверчиво открылось солнцу, а птицы по утрам своим разноголосьем спешили пробудить все окрест, призывая землю к возрождению после долгой зимней спячки.

Тогда Иосиф воткнул в теплую влажную землю два махоньких стебелька, по-мужски грубовато, словно стесняясь, прижал их корешки руками и, радостный, посмотрел вокруг. А вокруг — жизнь бушует в многообразии красок и звуков, да такая огромная, бесконечная, что даже страшно: приживутся ли эти квелье стебельки среди всей этой пробудившейся силы...

Сейчас, если долго смотреть на эту черноту, исходящую из куста, кажется, что она поглощает свет, льющийся на землю с холодного розового неба, и от этого так холодно вокруг, неуютно, одиноко...

И еще Иосифу казалось, что нынешней весной куст уже не оживет, что его не смогут пробудить птичьи голоса и ласковый ветер. А раз так, то его тонкие запахи больше никогда не разольются в воздухе, не вскружат голову легкой, чуть пьянящей радостью, не всколыхнут душу сладкой надеждой на возрождение всего окрест...

Иосиф заметил, что куст сирени начал увядать, еще прошлым летом. Было такое ощущение, словно кто-то в одночасье перерубил его корни: листья пожелтели мгновенно, в один день, и когда налетал ветер, они осыпались на землю, будто в листопад.

Может быть, куст высох потому, что, когда горела деревня, пламя лизнуло и его, не обошло стороной, как, впрочем, и все кусты и деревья в Гуде, хотя не все потом начало сохнуть. И еще Иосиф иногда думал, что его сирени самой судьбой предначертано погибнуть, не оставив после себя побегов: а если по-хорошему, так все живое должно иметь продолжение, иначе какой же смысл жизни?..

Иногда Иосифу казалось, что сирень здесь росла сама по себе, еще до того времени, как Вариончик купил эту землю в приданое дочери.

Впрочем, какой-то куст здесь все же был. Но какой?.. Вариончик, как ставили на этом месте хату Иосифу, говорил, что кусту здесь не место: дескать, лишняя корзина картошки вырастет, если его выкорчевать. И не помнит он уже, память словно отшибло, было это на самом деле или почудилось. Хотя время от времени появляется смутное, как за туманом, видение: он, он, а не кто иной, садит в теплую землю два квельих ростка... И еще видится, как он отбирает у старика топор, который тот занес над каким-то кустом, и слышится голос Марии, указывающей на прутья сирени:

— А это зачем? Подожди, ты еще наешься этим прутьем...

Иосиф сейчас не может сам для себя определить: это было действительно так или чудится. Но одно он все же помнит: когда-то в далекие молодые годы какой-то спор вокруг сирени был. И в споре этом победил он, Иосиф: не позволил ни тестю, ни Марии уничтожить куст. Значит, смог тогда он настоять на своем, проявить характер, а как же? Наверное, это был редкий случай в его жизни, когда он не подчинился им (а подчинился он и Марии, и ее отцу, почитай, все время, пока жили они на земле), смог тогда настоять на своем.

И хорошо, что отстоял сирень. Уж очень хорошо она цвела. Весной словно кипела в бело-голубом цветении, и когда Иосиф выходил на крыльцо, голова хмельно кружилась от запахов, хорошо было на душе, спокойно.

Много лет Иосифа радовало, что посаженные им ростки прижились, вошли в силу, окрепли, дали побеги.

Со временем куст разросся, и чем больше он занимал земли, тем больше ругалась Мария, как говорили гудьянцы, ела Иосифа поедом.

А Иосиф, глядя на куст, на молодую поросль, думал: вот как в природе слажено — есть корни, есть побеги, и жизнь будет до тех пор, пока они не будут насильственно уничтожены.

И вот куст иссох, порвались его корни, что ли? Или земля не может больше напоить своими соками эти два ствола?.. Кто знает, в чем здесь причина.

4

Гуду сожгли летом сорок третьего года.

Солнечным утром, когда еще не высохла роса на траве, в деревню въехало несколько крытых брезентов машин. Из них высыпали немцы. А через некоторое время у колхозного клуба послышались нечеловеческие крики, плач и стоны. Над землей плыл черный дым...

Иосиф, присыпанный черной, полусгнившей прошлогодней листвой, лежал в беспомощности в зеленом кусте сирени...

Когда утром по хатам начали ходить немцы да полицаи и выгонять сельчан на улицу, сгонять к клубу, Стас прибежал домой и сказал Иосифу, чтобы он прятался.

Иосиф понял: немцы затевают что-то недоброе, закричал на сына:

— Что надумали, изверги? Я давно подозревал это. Еще тогда, когда приходил к тебе в гарнизон посмотреть, что да как там у тебя. Людей упреждал, но они меня не послушали. Бога у вас нет!.. Никуда я не побегу. Что людям, то и мне. Их судьбу разделю, коли так.

— Смотри! — гаркнул тогда Стас. — Немцы прихлопнут тебя, как мышшь, да еще и поджарят в придачу...

— Нет, ты мне ответь! — Иосиф схватил сына за грудки, затряс: — Что удумали, изверги?

Стас не ответил. Он дохнул ему в лицо чесноком и перегаром, перехватил сухие отцовские руки и со всей силы отбросил его от себя.

Иосиф, словно снап, отлетел в угол, ударился головой о скамейку, стоявшую там. И сразу же застонал от боли, а потом, преодолевая ее, подхватился и коршуном набросился на сына:

— Изверги!..

Стас тем временем выставил перед собой винтовку, заорал:

— Говорю тебе, прячься, старый дурак! Они не посмотрят, что ты мой отец...

Иосифа винтовка не остановила, Стас резко повернул дуло к себе, ударил отца прикладом в грудь, отбросил его к двери:

— Остынь, батька!

— Какой я тебе батька? Зверь ты... Нет, я никуда не побегу. Сказано, что людям будет, то и мне!

Иосиф, тяжело дыша, пошатываясь, встал с пола, но Стас вновь ударил его прикладом в грудь. Больше Иосиф ничего не помнит, очнулся он уже на земле, под кустом сирени. Наверное, когда он потерял сознание, Стас затащил его сюда и присыпал старой листвой.

Иосиф не знает, как долго он пролежал здесь без сознания. Впрочем, время от времени сознание возвращалось к нему, и тогда он, будто во сне, слышал жуткие крики и выстрелы, ощущал запах гари, видел огненные сполохи... и вновь проваливался во тьму... Мир, в котором он тогда пребывал, воспринимался как нереальный. И все, что в это время происходило вокруг него, Иосиф не воспринимал как земное действие. Все было — непонятно, необъяснимо, все плыло мимо него. Было оно кошмарное, такое, что и придумать невозможно...

Когда Иосиф вернулся в реальность, над землей уже лежала ночь. Вокруг было темно, и только высоко в небе острыми искрами были рассыпаны звезды...

Иосифа трясло, хотя, казалось, земля под ним была горячая.

Первое, что он тогда услышал, непонятные, приглушенные чужие голоса, доносившиеся из его хаты.

Иосиф, оттолкнувшись руками от земли, поднялся на колени. Земля под ним шаталась, и, чтобы не упасть, он ухватился за толстый шершавый ствол сирени. Глаза туманились то ли от слез, то ли от едкого дыма, принесенного сюда откуда-то ветерком. Прислушиваясь к голосам, уже собираясь позвать кого-нибудь на помощь, Иосиф увидел в окнах хаты слабый кольщущийся свет и расплывчатые лица, бессильно застонал, тяжело опустился на землю.

Они!..

Да, это были они. За столом напротив окна сидел Стас. Его голова покачивалась. Черные волосы нависли на лоб и закрывали глаза. Время от времени он отбрасывал их рукой набок. Рядом с ним, держа в руке стакан, сидел немец. Кто еще был в хате, Иосиф не рассмотрел, но по голосам понял — непрошенных гостей было несколько...

Лежа на земле, Иосиф левой рукой нащупал в кармане спички, правой начал лихорадочно рвать сухую траву.

Он знал, что сейчас сделает...

Иосиф выполз из куста и направился к сараю, стоявшему шагах в десяти от хаты. Придерживаясь за стену, выпрямился. Сразу же в нос ударил запах прелого сена, его как отрезвило.

Пошатываясь, Иосиф долго стоял, держась за стену, размышлял, что прежде всего сейчас должен сделать: поджечь хату или... Ну, подожжет он ее. А немцы, услышав запах дыма, увидя в темноте отблески огня, выскочат во двор: хата сгорит, сгорит сарай, навес — только и всего. Конечно, его они схватят: он далеко не убежит, нигде не спрячется, найдут и в кусте сирени, и у реки, и в дугах — все прочешут... Ладно, убьют, сожгут его. Но с ними-то ничего не случится: вот что страшно.

Была тогда у Иосифа и иная возможность рассчитаться с нелюдьми: винтовка, спрятанная под крышей сарая.

И тогда, поняв, что поджигать хату бессмысленно, он, будто спохватившись, быстро нащупал в соломе под крышей завернутую в тряпку винтовку. Почему-то сразу же, как только ощутил ее ствол, руки перестали дрожать.

Эту немецкую винтовку Иосиф спрятал еще в сорок первом, зимой, когда Стас вступил в полицию, а по деревне пошли слухи о партизанах, которые якобы объявились в демковских болотах.

Что партизаны изредка навещают в деревню, Иосиф догадывался. Не однажды ночью видел он, как вскрай огородов в направлении к Ефимову сараю двигались человеческие силуэты. Догадывался, что Ефим с партизанами связан...

Тогда Иосиф втайне ото всех целыми днями бродил по лесу, в надежде встретить людей с оружием, и если не прийти к ним в отряд, так хоть чем быть полезным: должны же у них кроме Ефима быть свои люди в деревне. В то время он не думал, что партизаны если и видели его, то не хотели к нему выйти, не хотели, чтобы у них был связным отец предателя. Наивный старик рассуждал по-своему: "Я же ни в чем не виноват, люди это знают, им нечего меня опасаться". Но люди считали иначе, да и время было такое, что не каждый свой доверял своему!..

Длинной показалась Иосифу тряпка, в которую когда-то завернул винтовку, а когда рука ощутила гладкий теплый приклад, в висках застучало, и он, пошатываясь, брел назад к кусту сирени...

Вот уже затрещали под ногами сухие веточки... Иосиф присел на левое колено, щелкнул затвором, нашел в темноте квадрат слабого света, резко ткнул в ту сторону дуло.

На мгновение оно блеснуло, задрожал блик на конце мушки, словно привязанной за нить к его пальцу, лежащему на курке.

Иосиф повернул дуло левее, тень от куста накрыла его, словно придавила к земле. Тогда он, резко раздвинув ветви, будто распорол эту тень — и блестящая тоненькая полоска пробежала от ложка к мушке. Через мгновение мушка медленно поползла по квадратной заплате слабого света, задрожала на Стасовой переносице.

Казалось, Иосиф не понимал, что делает. И вместе с тем понимал: еще мгновение — и все кончится, он сбросит с себя тот невероятно тяжелый груз людского презрения, который лег на него еще тогда, когда Стас пошел в полицию. Пошел сам, без всякого принуждения, ничего не сказав Иосифу, — просто однажды исчез из дома на сутки (Иосиф думал, что где-то в лесу ходит, партизан ищет), а явился с полицейской повязкой на рукаве, заявив: “Сейчас заживем, батька...” Вот тогда односельчане, как только Иосиф вышел на улицу после бессмысленных скитаний по лесу в поисках партизан, начали плевать ему вслед. Тогда он спиной чувствовал их презрительные взгляды, ненавистью прожигающие все его существо. Это было невероятно страшной пыткой. С тех пор вся его жизнь превратилась в пытку, ежедневную, ежечасную, ежеминутную, в ту пытку, которую выдержать могло только каменное сердце...

“Да, тяжел груз отца полиция: угнетает, давит, сжигает, уничтожает тебя как человека, — часто думал о себе Иосиф. — Ладно, пусть бы однажды этот груз раздавил тебя, уничтожил, растворил. Так нет же — уничтожать уничтожает, а способность думать и размышлять обо всем, что видишь, оставляет”.

Такие размышления были очень страшны, как настоящая пытка, от которой нет избавления. Иногда ему казалось, что избавления не будет даже тогда, когда ляжет в землю...

Многое за этой пыткой виделось Иосифу, много чувствовалось, особенно когда, случалось, бывал на людях, среди которых столько лет жил, с которыми ранее делил и радость, и горести.

Тогда Иосифу нужно было сосредоточиться на ином, на том, что он собирался совершить... Вот Стас вновь сбросил с глаз слипшиеся волосы — по его руке пробежал красный отсвет от лампы, скользнул по переносице, по виску, затем упал на щеку, застыл на мгновение...

Нет, в те минуты не злба владела Иосифом, а беспомощность и безысходность: “Сейчас, после того, что случилось с людьми, нет мне жизни, нет”.

Как сейчас видится...

Мушка все дрожит, ползает по переносице сына.

Как Стас похож на Марию! У него такая же большая, как и у нее, голова, тонкие губы, длинный, ползком, нос и черные волосы.

Может быть, от нее и зло у него?.. Знать, ее, Мариино семя перебороло его, Иосифово. А могло быть иначе, если бы верх взяло иное семя. Наверное, не зря издавна люди говорят, когда судят о человеке, дают ему характеристику, дескать, в нее (в мать) или в него (в отца). И этим для тех, кто знает ветви этих родов, все сказано: припоминается, что в том или ином было хорошего, плохого.

И еще говорят: “В кого он (она) уродился (уродилась)? Ни в отца, ни в мать: какое-то чертово семя...”

Чергово не чертово, а, случается, чужое: жизнь штука сложная, всякое бывает...

Иосиф всматривался в сыново лицо до тех пор, пока оно не стало расплывчатым и не начало раздваиваться в его представлении: Стас — Мария... Мария — Стас... И когда палец уже твердо лежал на курке, Иосиф почему-то видел перед собой только ее, Марию.

Он застонал, опустил дуло. Иосиф понял, что в Марию выстрелить не сможет, какая бы злая она ни была, как бы пренебрежительно ни относилась к нему, как бы его ни ненавидела. Он также понимал, что во всем этом выражалось ее неприятие его и как мужа, и как человека вообще. И думал, что такое может быть ниспослано человеку свыше как наказание за какие-то деяния, как проклятие и тому, кто ненавидит, и тому, кого ненавидят.

Сам он как-то все это терпел, а вот Марию ее же зло и съедало, иначе не скажешь. Наверное, рожденная такой, она не могла быть иной на этой земле, никто и ничто не могло ее изменить. Но и к страдальцам он не мог отнести ни ее, ни себя: страдальцы понимают, что они такие, Мария же — нет, да и он... Их отношения — знак судьбы? Или расплата за грехи предков, совершенные перед людьми?..

Впрочем, кто знает? Мало ли что говорят люди, какие только причины ни отыскивают, осуждая человека за творимое им зло или сочувствуя ему в тех бедах, в которые он попадает. Но, наверное, во всем этом все же есть что-то неподвластное просто разуму: ведь никто еще не смог объяснить, почему и как происходит именно *это*, а не *то*...

Иосиф в бессилии отбросил от себя винтовку, упал на землю. Его вновь затрясло, как в лихорадке, и, кажется, он вновь потерял сознание...

Сейчас, вспоминая все это, Иосиф будто еще раз пережил то страшное мгновение и совершенно ясно понял, почему тогда не совершил то, что должен был совершить...

А голоса на улице удалялись. Они ускользали от него, словно что-то способное утешить его истрадавшуюся душу, но почему-то не желающее это делать. Казалось, люди уходят от него навсегда, обрекая Иосифа на вечное одиночество...

5

После ссоры мужчины чувствовали себя словно не в своей тарелке. Миновав хату Иосифа Кучинского, выезжая за деревню, приближаясь к дамбе, направляясь к мосту через реку, они все время молчали.

И мост прошли молча. Старый, деревянный, он уцелел в войну. Ни для партизан, ни для немцев мост особой стратегической роли не представлял: взорви, сожги эти пятнадцать-двадцать метров бревен и плашек, так у того края деревни брод, на телеге реку переедешь. А вот дамба — другое дело. Без нее — никак нельзя. В иной снежный год, как пойдет по весне талая вода, так все зальет окрест. Тогда не сvezенные стога стоят на лугах по шапки в воде, и кусты вдоль реки — тоже, и хаты в деревне — чуть ли не по крыши залиты.

Старики сказывали, когда деды и прадеды нынешних гуднянцев селились здесь на берегу реки, выжигая лес под пашню, выкорчевывая пни, так потоков этих и в помине не было. Время шло, люди обжились, и вдруг здешние земли приглянулись какому-то оставшему генералу, и он купил их. Начал рыть канал, соединил Дубосну с Черножилкой, рекой за Демковскими болотами, верстах в двадцати отсюда (хотел гонять плоты к городу). Дубосне это не понравилось. С тех пор терпит-терпит она чужие воды, что идут через ее извечное русло, да в иной год по весне так закапризничает, что в один день выплеснет их на деревню: получайте!.. И Черножилка — еще та река! Темная, в омутах, берега низкие, болотистые. К тому же она через какие-то только одной ей известные пути имеет связь с иными реками. А те — с водами, сбегаящими в нее с каких-то возвышенностей.

Словом, выходит, что и в природе, как и у людей, все тесно связано, переплетено, отлажено. Так что стоит только человеку вмешаться в этот веками устоявшийся лад, жди беды...

За мостом свернули на целину — большое заснеженное поле. За ним, почти у самого горизонта, чернела зубчатая стена Демковского леса. Это с левой стороны от реки. С правой лес подступал почти к самой деревне: хороший, старый сосновый, стоящий на возвышенности. Наверное, поэтому он и уцелел в те далекие времена, когда здесь возводилась деревня: какая же на песке пашня или сенокос?

А вот за полем, спускающимся в низину, среди Демковского леса, земля словно опрокидывалась вниз. Там начинались непроходимые болота, тянувшиеся на многие километры окрест. Там — царство птиц, зверья, клоквы...

На этих болотах попадалась твердь, и было ее не мало. Среди нее — луговины, на которых и косили. Говорилось так: “Там не сено — чай! Косу не потянуть: что взмах, то пуд...”

По целине лошадь шла тяжело. Ее копыта с хрустом ломали тонкую, как стекло, снежную корку. Лошадь проваливалась по колено в снег. Сани же скользили поверху. Лошадь напрягалась, вытягивала вперед шею, старый истертый хомут скрипел так, что, казалось, вот-вот лопнет..

Видя, что лошади тяжело, мужчины старались помочь ей: Ефим тянул за уздечку, а Михай, воткнув вилы сзади в сани, толкал их.

Направляясь к лесу, мужчины посматривали, чтобы снежно-ледяная корка не порезала лошади ноги. Порезет — беда!.. Но пока обходилось, лошадь, вытягивая из снега ноги, шла не торопясь, наверное, она своим животным чутьем понимала, как ей нужно передвигаться по такому опасному насту.

— Не умница ли? — сказал Ефим. — Смотрите, как идет. Иной раз животина умнее человека. Вишь, какова! Сейчас при таком снеге копытному зверю тяжело. Если в такую пору волчья стая обложит лося, косяку, кабану — спасенья нет!

— Что зверь? — сказал Николай. — Сейчас о человеке думать надо.

— А ты бы меньше разговаривал да садился в сани, — ответил ему Ефим. — Ковыляешь, как неизвестно кто. Не бойсь, твой вес — лошади не тяжесть.

— Садись, садись, — поддержал Ефима Михай. — Дорога не близкая, — и добавил: — Я вот что мыслю, дядя Ефим. А назад-то, с возом, как? Небось, сани корку ломать будут.

— Не думаю, — сказал Ефим. — Полозья широкие. Хотя смотря сколько нагрузим. Впрочем, и раньше сено возили по такому снегу. Сани хорошо идут поверху, конечно, кое-где корка хрустит. Не без этого. Тут главное не торопить лошадь, она сама нужный шаг выберет. Вот и вся хитрость.

Николай в сани так и не сел. Он по-прежнему ковылял за ними, выбивался из сил. Упрямец, не слушал мужчин, будто назло им шел по целине, дескать, что вы все время напоминаете, какой я никудышный...

Тем временем уже хорошо обозначилось утро. Далековатая полоска леса, еще полчаса тому черная, сейчас розовела на фоне снежной синевы. Небо из темно-голубого стало желто-голубым, почти зеленым, высоким. Из-за леса медленно поднимался огромный красный диск солнца — над землей занимался новый день.

Михей все подталкивал сани, время от времени втягивал голову в ворот изношенной шинели, иногда шурился, особенно когда на погорке ветер вихрем кружил снежок, полными горстями бросал его в лицо.

Холода Михай не боялся. Во всяком случае, он так считал, приучил себя к этой мысли, не зная, что к холоду вообще привыкнуть нельзя. За время партизанской жизни ему не раз доводилось мерзнуть и в снегу, и в ледяной воде. Сейчас в своей шинели бывший окруженец напоминал идущего издалика бойца, одежда которого истрепалась, и сам он выбился из сил, а ему еще — идти и идти... Дойдет ли туда, куда надо?..

Если уж так говорить, то в свое время Михай дошел... В начале войны он попал под Витебском в окружение. В Гуду пришел, когда уже легла зима. Вышло так, что остался он один: бойцы роты, в которой служил, в неразберихе первых дней войны разбрелись кто куда. Тогда их, молодых, необученных, разбросал, рассыпал то ли страх перед неизвестностью, то ли поиск места, где и как определиться, чтобы потом противостоять беде. (Попробуй пойми, что у кого тогда было на душе?.. Крутом стреляют, люди гибнут, а ты не знаешь, что делать...)

Как Михай дошел до своей деревни, сейчас он и сам не сказал бы: то ли язык довел, то ли карта, то ли какое-то чутье на родные места. В конце концов пройдя немало дорог, минуя всяческие преграды, пережив опасности, а их много было на его пути, он очутился дома. Был он отощавшим, обессиленным, но живым, невредимым.

Прятался от немцев на сеновале, а когда пошли слухи, что в лесах появились партизаны, пошел к ним...

Где-то через час-полтора въехали в лес. Петляя по заснеженной дороге, по которой всегда ходили в луговины, находящиеся среди болот, мужчины за-

метили, что из леса к стожкам ведут цепи глубоких следов от копыт. Эти цепи были слегка припорошены снегом. Присмотревшись к ним, Ефим сказал:

— Боюсь, если лоси не съели наше сено, так располовинили его, уж это точно.

— Так мы же стога хорошо огораживали, — ответил ему Михай. — Неужто...

— Посмотрим, — вздохнул Николай. — А вообще-то не должно. Так всегда раньше было: и огораживали, и лоси ходили, и — ничего...

Стога, хоть и были огорожены жердями, но большей частью на высоте человеческого роста были хорошо пообскублены. Голодные лоси через жерди все же просовывали к стогам морды: надо было подальше огораживать.

Михей, сбрасывая из саней веревки в снег, раздраженно пробубнил:

— Ну вот, доэкономились.

— А ты думаешь, если бы сено возле сарая было, так оцелело бы? — произнес Николай.

— Оцелело бы не оцелело, но...

Михей взял вилы и, проваливаясь по колено в снег, пошел к стожку. Воз они сложили быстро. Работали охотно, истосковавшись по делу. Разогрелись, разгорячились — лица красные, пар вокруг — клубами.

Сено на сани подавали Михай и Ефим. Николай был на возу, складывал его, деревяшкой притаптывал сухие, шуршащие пласты. Правильно сложить воз, чтобы он не рассыпался, нужно умение, и он в этом деле, как говорили сельчане, был спец. В прежние, довоенные времена в этом равных в деревне ему не было: сметает стог, не стог — кукла. Да и воз он мог сладить такой, что и увязывать не надо.

Сейчас, сложив сено на саях, Николай радовался, что его навыки не стерлись со временем, что он по-прежнему способен уложить воз так, что мужики, осмотрев его, могут сказать одно: “Загляденье!..”

Ефим так и сказал. Эта высшая похвала старика, к мнению которого все всегда прислушивались, радовала Николая, убеждала его в том, что он, несмотря на свое увечье, человек в хозяйстве нужный.

— Ты, Николай, со своей ногой уж оставайся там, — посоветовал ему Ефим.

— Ну не пойму, почему вам моя деревяшка так мешает, — разозлился Николай. — Думаете, если я с деревом (он постучал самодельным протезом по жерди, которую ему подали мужчины, чтобы увязать воз), так уже и ломаного гроша не стою? Знать, вы меня и председателем избрали, потому что пожалели: инвалид!.. Я вот еще месяц-два этой деревяшкой потопчу землю, да так наловчусь на ней прыгать, что шиш за мной кто двуногий угонится! Не надо меня жалеть: живой я, живой, да еще в силе!.. Нам есть кого жалеть: детишек, Катерину... Война там, — махнул он рукой на запад, — а мы — здесь. Так что не надо — ля-ля да ля-ля, словно не мужики мы, а бабы какие...

Он лег на бок, ухватился руками за веревку, привязанную к концу жерди, ловко соскользнул с воза в снег.

— Ну ты и колочий! — улыбнулся Михай. — Да никто тебя не жалует. Уж если — чуток. А ты в самом деле окрепни, пусть как следует заживет, тогда хоть танцуй... Лошадь жалеешь. Жалей. Оно, может, и так. Только кого жалеть: человека или животину? Да волк ее режь! Будем мы — будет все...

Ефим тем временем махнул рукой, дескать, затеяли пустое, дернул лошадь за уздечку, воз тронулся, сейчас сани уже шли тяжело, местами ломая снеговую корку.

Вскоре, почувствовав воз, лошадь напряглась, было видно, что ей тяжело: и голова часто-часто заходила сверху вниз, ноги будто подкашивались, на шее забугрились мышцы. Мужчины начали помогать ей, воткнув вилы в воз сзади.

— Я так рассуждаю, — через некоторое время сказал Николай, — вот вывезем сено, да денька через два-три в лес нам надо ехать. Пока держится снег, будем трелевать бревна, строиться надо. Не ждать же, пока мужики с

фронта вернутся. Придут, ведь и спросить могут, дескать, чем вы здесь занимались, пока мы воевали?

— А мы не сидим сложа руки, — возразил ему Ефим и, обращаясь к Михею, спросил: — Как думаешь, Михеюшка?

— Спросят — найдем что ответить, — сказал тот. — На улице же никто не живет? Землянки сладили. Что-то и посеять смогли... Я за этот спрос не очень-то боюсь. Меня тревожит другое: что скажу им, когда спросят, почему эта вражина Стас здесь всю войну как хотел, так и расхаживал? Я же тут партизанил. Я за ним почти три года охотился, а все впустую. Не один раз пересекались наши стезжки-дорожки, а результата никакого. Однажды в Демках уж точно мог я его придавить. А он выскользнул, как уж из-под вил. Убежал. Он тогда на окраине деревни в хате самогон с дружками хлестал. Мы налетели, пока туда-сюда, так он и ушел за реку... Вот доложи кому об этом, скажут: какой же ты вояка, если даже с пьяными полициями не смог совладать?..

— Ладно, — сказал Николай, отрывая Михея от его размышлений, — сейчас в самом деле надо думать о том, как строиться. Навозим дерева, одну хатенку поставим, другую... Смотришь, постепенно жизнь наладится. А тем, кто немцу служил да уцелел, — сполна воздастся. И их помощникам — тоже.

— И их родным? — спросил Михей, как наивный мальчишка.

— Об этом мы уже говорили, — вмешался в разговор Ефим. — Они-то, родные, при чем?.. Скажем, при чем тот же Иосиф? Вот вы бы его без суда и следствия к стенке поставили, была бы ваша воля. А я еще подумал бы. Я же с ним сызмальства связан был. Молодой, он был парень хоть куда, дружественный. Сирота. Земли у его отца имелось, как бабе сесть... И девушка у него была пригожая. Из Демков. Любились они. А вот надо же, с Марией снюхались, или опоила она его чем-то. Ему тогда перевалило далеко за сорок, а ей — тридцатник.

Да и у Марии парень был. Работага. Матвей. Словом, если подумать, так у всех их жизнь как-то срикошетила. Кто в чем виноват, у меня ответа нет. Да и не судья я им. Помню, был там, в Демках, некто Бонафаций Комаровский. Однажды, пока мы с Иосифом у Вариончика амбар ладили, так Бонафаций свел Иосифову красотулю: люди их в снопах застали в срамных видах. Иосиф, как узнал об этом, уж очень кручинился. Помню, когда Комаровский, мы его звали Комар, вез ее под венец, так Иосиф перед конем на дороге бревном лег... Значит, была у человека душа, страдала.

— Была, да вся вышла, — сказал Михей.

— И все же кажется мне, что Иосифова Текля, так ее звали, не за Комара шла, а за его богатство. Паном настоящим он не был, но и не бедствовал. Земля у него, крепкое хозяйство, работников держал. А вот как Иосиф с Марией сошелся, не скажу, не знаю. Как-то в один день сосватал он ее — и все там. Может, отомстить Текле хотел, а может, на Вариончиково богатство позарился: у того земли хватало. Но вот что интересно, это вы сами знаете, как только колхоз мы здесь ладить начали, Иосиф — сразу же к нам. Все свое отдал: и лошадь, и корову, и овец. Да и работал он неплохо, как на себя.

— Еще бы, — злорадно усмехнулся Михей, — как ему было не работать? Тестя раскулачили, а его не тронули: успел все в колхоз сдать, выходит, перехитрил всех.

— Ну, это ты зря, — опять не согласился Ефим, — Иосиф же до колхоза не очень-то жил, а у тестя старался ничего не брать. А тот не любил его. Тесть даже ребенка, Стаса, себе забрал. При нем, при Вариончике, жил малец.

— И дожился. Гада вырастили дед с отцом, а не человека, — сказал Николай.

— Может, и так, — тяжело вздохнул Ефим. — Стас людей сызмальства сторонился, волчонком на них смотрел. Бывало, сидит на дедовой завалинке, ест хлеб с маслом, а рядом тот же Петька голодными глазами блещит. Нет, Стас разломить пополам не догадается. Дед его таким был: зимой у него снега не допросишься. Я не забуду, как землю делили. Тогда Вариончик с вилами и дневал, и ночевал на своей: любого мог проткнуть. А не понимал, что река не бежит вспять: если прорвет запруду, так уж прорвет!..

— Я думаю, — размышлял дальше Николай, — еще будет нам время во всем разобраться. Война столько всего наделала, столько судеб изломала, искалечила. Здесь дядя Ефим прав — не надо рубить сплеча. Во всем ясность нужна. Со временем все отстоится, муть оседет, светлое — оно само наверх подымется. Но все же я разумею так: если Иосиф по закону и не виноват, то как Стасов отец, как человек — весь в дерьме. Люди живут по своим, человеческим, неписаным законам. Их не обойдешь, не объедешь. Они, законы эти, веками складываются. По ним наши предки жили. По ним и мы жить должны. И дети наши. А как же иначе?..

— Мудрено, Николай, — пожал плечами Ефим. — Я в таких твоих пониманиях жизни не очень-то разбираюсь. Хотя послушаешь тебя, подумаешь — выходит, так оно и есть: живи, как люди, и весь сказ. Только легко сказать: живи... Я побоялся бы других наставлять: как свое вспомнишь — так вроде права такого нет у тебя. Еще бы: случилось, и нередко, людей обижал ни за что ни про что, хотя и они тебя обижали... Конечно, когда не со зла обижал, а по глупости, — одно. А вот когда со зла — иное... Бывало, в молодости подерешься с кем из-за дивчины, так это еще ничего. А вот как кого облаешь, будто собака, — это уже иное. Бывало... Да мало ли что... Ясность, говоришь, придет время, говоришь... А я уже стар. Мне ждать некогда. Мой день — век. Ясность мне сегодня нужна. И не могу, да и не хочу сегодня, сейчас взять да и просто так вытащить из своей жизни Иосифа, словно занозу из пальца: выбросил и забыл. А если он у меня глубоко в душе сидит, тогда как?.. Если Иосиф втайне подсоблял сыну и это откроется — одно. Если нет — так и суда нет. Что он, старик, мог с ним сделать? Пьяного удушить?.. Так сын ведь... Грех. Мы уже люди старые, иногда остаешься наедине с собой, вспомнишь прожитое, да и подумаешь: а что там, за последней чертой тебя ждет? Кто знает точно, есть тот свет или нет?.. Представь, что есть. С какой душой тогда, скажем, Иосифу туда идти? С душой сыногубца?.. Нет, мужики, нельзя сторяча рубить, нельзя. Вот, скажем, вскорости аль нет, я уйду туда, куда ушло большинство когда-то живших на земле. И мне не все равно, каким я туда явлюсь. Не все равно и как вы здесь жить будете без меня. Как будет жить Катя, ее дитя, а оно родится. И мне хочется, чтобы то дитя училось ходить не в землянке, а в хате, по светлым теплым половицам, которые я, надеюсь, еще успею положить. Мне хочется, чтобы дитя это на солнышко смотрело через те окна, которые я поставлю. Мне хочется знать, какому Иосифу в молодости я подавал руку: такому, как Стас, или иному. Судить легко — понять, разобраться трудно.

— Да выберемся мы из землянок, выберемся! — раздраженно, возвращая разговор в прежнее русло, сказал Николай.

— А ты не перебивай, слушай, что старшие говорят, — остановил его Ефим и продолжал: — Я думаю так: если у человека есть зло, так ты его не прячь, рано или поздно покажется наружу. Злые мы сейчас какие-то. А почему, если бы кто спросил? А я отвечу: пережили много, души наши оледенели, еще не оттаяли. А почему? Да потому, что нас пока мало что греет в этой жизни. А вообще-то пока я знаю одно, что нельзя жить со злом в сердце: рано или поздно оно не выдержит, лопнет... Да, есть обида и есть зло. Обида постепенно исчезает, стирается из памяти, разве что еще какое-то время остается сожаление, что так было. А вот зло требует иного исхода. Оно слепое. К мести, к расплате за малейшую обиду человека толкает. Только к какой, за что?.. Скажем, я считаю, что кто-то виноват в чем-то, настаиваю на своем и никто меня не может переубедить. А если человек ни в чем не виноват? Вот что страшно — мое нежелание понять это.

— Ты как-то странно рассуждаешь, дядя. Так можно договориться до того, что любого гада надо оправдать. А если он тебя по морде бьет?.. А?.. По-твоему, по одной щеке бьют, другую подставляй? — возмутился Николай. — Как в Библии, что ли?.. Правда, я ее не читал, но от людей слышал, такое там есть.

— Читал, не читал. И я ее не читал, при своей грамоте: крестиком расписываюсь. Только свою щеку я никому не подставлял и не подставляю, — сказал Ефим. — Говорю, сейчас в жизни столько всего переплетено, что не так-то просто расплести, развести по своим местам.

Ефим смолк, вобрал голову в ворот шинели, прикрылся от ветра, потер руки. У мужчин было такое ощущение, что он выговорился сполна, что ему это давно нужно было сделать. Но и выговорившись, он ничего определенного для себя в отношении Иосифа не решил: вроде и защищает его, вроде и нет... И эти его размышления посеяли у мужчин сомнения: действительно ли все так с Иосифом просто, как они думают.

За разговором не заметили, как подъехали к мосту. Остановились. Ефим осмотрел ноги лошади: шла своей же колеей, в след, нет никаких порезов.

Ефим похлопал ее по шее, погладил.

— Дядь, а дядь, мы вот все о стройке говорили, — сказал Николай. — С Кати начнем, что ли?

— А с кого же, — ответил ему старик.

6

Катя Грудницкая, которой мужики первой в деревне собирались поставить хату, стала жить в Гуде со своим Петром незадолго до войны. Родом она была из Забродья, соседнего села (в нем до коллективизации стояла церковь, но когда организовали колхоз, ее превратили в клуб).

Забродье, как и Гуду, летом сорок третьего сожгли фашисты. Сожгли, как и многие белорусские деревни, вместе с жителями, творя нечеловеческие зверства на земле, неслыханные доселе людьми, не виданные небом.

До войны гуднянские парни ходили в Забродье на гулянье, брали тамошних девчат замуж, таким образом две эти деревни, можно сказать, роднились.

Гуду и Забродье разделяло километров восемь. Это если говорить о расстоянии, которое можно было преодолеть по дороге. Если же идти тем путем, которым ходили парни, то получится раза в два ближе, хотя путь этот не простой. Еще бы — река. Она петляет в полях, в низинах, у болот, и не так-то просто преодолеть этот небольшой путь между двумя деревнями. Хотя через Дубосну переправлялись на лодках: гуднянцы в Забродье, а те в Гуду.

Вообще-то издавна повелось, что в родной деревне мало кто из парней обращает внимание на своих девушек — разве что уж если невзначай до беспамятства влюбится, — а так чужие кажутся привлекательней, красивее, загадочней, чем те, что рядом с тобой.

Вот и брали гуднянцы забродьевских, а забродьевские — гуднянских...

Забродье было большое: три Гуды, не меньше. Туда даже провели электричество, экое диво, не дошедшее до войны до Гуды.

В Забродье ходил на гулянки и Петро Журавец. Кто знает, когда Катя запала ему в душу. Может, в один из тех летних вечеров, когда легким туманом устлан луг у реки, а звезды падают в нее, и все вокруг чарует своей таинственностью. А может быть, весной, во время паводка, когда все живет ожиданием обновления.

Впрочем, когда бы это ни случилось, а все равно привез он девушку в Гуду весной. Самой обыкновенной, как и все земные здешние весны.

В ту весну на здешнюю землю пришел большой паводок — где-то далеко таяли снега, льды, и вода по необузданным рекам бежала сюда, заливала все окрест, срывала венцы новых срубов, сметала лежневки, доходила до Забродья, заставляя местных жителей перебираться из хат на крыши и там ожидать, пока все успокоится.

Конечно, такие паводки случались не каждый год. Хотя все паводки помнились, и людям бы лучше не селиться в здешних местах — так нет, без воды, пусть и такой, они не представляли себе иной жизни, и каждый знал: будет вода — будет хлеб.

В паводок здесь с утра до вечера по улицам плавали лодки, мужчины сидели на веслах, слышались женские и детские голоса, кричали петухи, лаяли собаки — все было привычным. Как пять, десять, двадцать лет тому...

Гуда стояла немного выше Забродья, но паводками тоже не была обделена. Ее также, пока не насыпали дамбу, часто затопляло. Чью хату, что повыше стояла, до завалинок, а чью — по окна и выше. Когда же здесь за два года до войны солдаты насыпали дамбу (сначала такую же дамбу, только ра-

за в три длиннее, они возвели у Забродья), паводок Гуду дважды обошел. Гуднянцы тогда вспоминали добрым словом военных: учения проводили, вал насыпали, а нам польза...

В последнюю предвоенную весну паводок откатился от Гуды, но все же накрыл правую, нижнюю часть Забродья — сумел-таки перехлестнуть там недостаточно высокую дамбу.

Тогда челны и лодки гуднянцев сновали между деревьями. Гуднянцы возили в Забродье хлеб, корма животным на колхозную ферму, стоящую на погорке возле леса и отрезанную водой от деревни.

В ту весну вытащил из сарая свою новую, только что сработанную, просмоленную лодку Петро. Столкнул ее в воду и, ловко орудуя веслом, направился в Забродье.

Высокий, широкоплечий, с веселыми глазами и добрым открытым лицом, он гнал лодку по большой воде, не обращая внимания на то, что она местами кипит, несет бревна, пни, выворотни, кусты, которые, попадись на их пути, подомнут под себя. А может, и обрастал, но, выросший на воде, он с малых лет научился как следует орудовать веслом, и нет ничего удивительного, что легко петлял среди этих преград.

Возле Забродья Петро веслом словно подсек корму, повернул лодку к ферме, привязал ее к старому дубу, расщепленному сверху донизу черной широкой извилистой лентой, оставшейся от молнии, и, разбрасывая по сторонам брызги, похлопал к длинному деревянному строению. Там слышался девичий смех, голоса.

Зачастил Петро в Забродье. Однажды, когда вода только-только начала возвращаться в русло, а на островах засветились желтизной серые ветви вербы, на золотисто-синей воде под высоким слепящим солнцем закачалась Петрова лодчонка, и слышалась из нее в два голоса песня:

*Жаваранак, ранняя птушачка,
Чаго так рана з выраю вялятаеш?
А там пры даліне — там ляжаць крыгі,
А там пры дарозе — снягі і марозы.
— А я тыя крыгі крыламі разаб’ю,
А я тыя марозы нагамі растапчу...*

Пел Петро, и подпевала ему Катя, зная, что встретила свое счастье, и с ним ей жить да жить...

И была свадьба в Гуде. И как здесь заведено издавна, гуляла на ней вся деревня. И был каравай, и звучали присказки, шутки-прибаутки и пожелания, чтобы жито родило, чтобы Катя любила, чтобы пчелы роились и детишки родились... И был на свадьбе Стас Кучинский. Он сидел рядом с молодыми и сыпал шаферкам горстями конфеты.

Но недолгим оказалось Петрово и Катино счастье... Война началась. Мобилизовали на нее вместе со всеми, кто под призыв попадал, Петра и Стаса. И их односельчане-одногодки вместе пошли на войну. А там на долгие четыре года разошлись их стезжки-дорожки. Встретились Петро и Стас, когда наши освободили район. Тогда командование части (редкий случай — она проходила рядом) отпустило Петра проведать родных. Пришел Петро в Гуду в конце июля. И верила и не верила Катя своему счастью. Будто предчувствовала, что будет оно не долгим: ни на шаг не отпускала от себя Петра. И не пускала она тогда его в лес, умоляла не идти. А он пошел выследить вепря: люди, которым посчастливилось остаться в живых после жуткой трагедии лета сорок третьего, голодали. Пошел, да там и остался...

В Вылозах, глухом заблооченном месте, когда Петро, походив по лесу, присел отдохнуть на старую подгнившую колоду, на него неожиданно вышел Стас с дружкой-полицаем. (Когда пришли наши, эти полицейские убежали в лес: немцы не взяли их с собой, бросили, как ненужных собак.) Петро даже не успел снять с плеча винтовку, увидев Стаса и его дружбану, не бросился бежать — как сидел, так и остался сидеть. Узнали они один одного: Петро и Стас, воин и дезертир... Долго смотрели в глаз друг другу. А потом...

Об этом Стас и его поделщик признались, когда возле Рогачева их арестовали, а Петра через несколько дней нашли в лесу гуднянцы.

Сейчас Катя жила одна в землянке, ожидая, когда у нее родится ребенок. По ее подсчетам, это должно случиться весной.

7

После того как немцы сожгли деревню, Иосиф как никогда остро ощутил свою беспомощность и старость.

Старости обычной, возрастной человеческой, он не боялся. Когда-то, в молодые годы вообще не думал, что она придет. Казалось, будешь жить вечно. Казалось, ты не подвластен времени.

Получив за Марией полоску земли, Иосиф получил и лошадь. Это — настоящее богатство. К тому же у Иосифа имелось золото. Червонец, монета. Тяжело он ее заработал когда-то в молодые годы. У богатых людей жили свои рвал на пашне, косьбе, жатве. За свои труды брал бумажные деньги, складывал рубль к рублю. Затем в городе обменял их на золотую монету. Мыслил так: женюсь, на хозяйство пушу, бумажки и есть бумажки, а золото со временем только дорожает, не зря так бывалые мужики сказывают...

И вот, женившись на Марии, получив за ней приданое, думал, что проживет как человек. В детстве настрадался, наголодался, и не потому, что якобы мачеха была жадная, нет. Она, эта чужая женщина, давала ему все, что и своим детям. Настрадался потому, что своей земли у его отца был маленький клочок, а на нем не разживешься. Когда же Иосиф начал самостоятельно вести хозяйство, мечтал стать хозяином, но все равно золото не посмел использовать: увидит Мария, отцу отберет, скажет, тебе оно без пользы, а он в дело пустит.

И сколько ни рвал жилы Иосиф на своем несчастном клинышке, а зерна в закромах так и не прибавлялось, хозяйство не расширялось, и, вопреки мечтаниям, хорошие сапоги он так и не обул, ладной избы не поставил. И жил, как говорят, с оглядкой на Марииных родителей: что они скажут, то и делал. Да и жена с утра до вечера сипела на него, укоряла, что хозяин он никудышный, не то что ее отец, у которого и зимой, и летом были работники.

— Да на него вся деревня горб гнет! — говорил Иосиф, когда Мария уж очень надоедала, ставя отца в пример.

— Гнет, да не за так, за деньги.

— Считаю, что за так. Копейки платит.

— Он их силой к себе не гонит. Сами бегут: “Дай работу, дай...” А ты, если и дальше так будешь хозяйничать, с голоду опухнем, дитя со свету сведем.

Иосиф смолкал. Дитя есть дитя. Как-то странно с его рождением получилось: только они с Марией начали жить как муж и жена, а у нее сразу же брюхо обозначилось. Хотя вроде не девкой Марию брал. Слышал он от бывалых мужиков, какова она, девка, что с ней происходит, когда бабой становится... Была у них первая ночь, как у жены и мужа, и ничего, что должно было после этого остаться на простыне, не обнаружилось. Свекровь утром сразу же выгатила из-под них простынь, когда он невзначай зацепился за нее, заорала: “Глаза твои бесстыжие, че зыришь? Бабьей грязи не выдывал? Отвернись, срамник”.

Да не зырил он, само глянулось...

И тогда у него закралось сомнение: не Матвеева ли Мария женщина? Не он ли, Иосиф, умыкнул ее от Матвея? Хотя как умыкнул? Разлучили Марию и Матвея его родители: дескать, грех ему, приверженцу старой веры, с поганкой жить, свою веру блюсти надобно... А тут Иосифа его девушка осрамила. Обида жгла тогда Иосифа, стыд: как людям в глаза смотреть? Чувство было такое, что это тебя в негоже виде обнаружили, а не ее... Печалился, кручинился, места себе не находил. По деревням метался, по гуляньям ходил, на девчат засматривался: чем Текля лучше их, что в сердце его прикипела — не оторвать?.. Вроде и пригожие, и ладные девчата, а все

не такие, как Текля. А она, ее образ жжет, жжет... Куда ни посмотришь вокруг, везде она видится. Без нее стал свет не мил, без нее жизни не было. И так долгих лет двадцать, что ли... Пока не встретился с Марией. Впрочем, он и сейчас не знает, не помнит, как и где Мария подвернулась, руками шею обвила, ласковые слова в уши прошептала... Да, хмельел он тогда от ее слов, и хмельность эта была какая-то злая, кому-то в отместку — это он после понял.

Сошлись они с Марией быстро: однажды Вариончик застал их вечером на завалинке у своей бани. Они сидели, даже не обнявшись, просто сидели. А он заорал: “Сопсел, как пес, состарился, девчонку совратил! Под венец, кобель ты этакий!.. Сейчас же под венец! Осрамил девку, осрамил!..”

Да не осрамил, не трогал он ее! Но раз уж так вышло, значит вышло: под венец! Видел, что Мария этому рада-радешенька. Правда, сперва это было. А потом уже, когда стали жить в супружестве, иной раз в постели Матвешком его называла. А он, Иосиф, молчал, затаясь думал, с чего бы так?.. Он-то сам ее Теклюшкой не кликал.

Сын родился не так, как положено, не через девять месяцев, а через шесть их супружеской жизни. Свекровь орала: “Недоношенное дитя, с материнской голодухи. Слабый мальчонка, хотя бы выжил...”

Да не голодали они! Было что есть. И не слабый мальчик был — богатырь! Старушка Фекла, что бабила (отрезала пуповину), так и сказала: “Богатыря выносила”. Свекровь зло зыркнула на нее: “Много видишь, глаза твои слепые. Слабое дитя, невыношенное, до срока на свет объявилось”. Да увела Феклу в кладовую, а потом за дверь выпроводила, пальцем погрозила...

Тогда Иосиф словно отрезвел: мать честная! Здесь что-то не то... Его ли дитя?..

Раздумья были тяжелые, только одному ему известные. Никому о них не говорил. Дитя есть дитя. Принял его, как и подобает отцу. Думал, а если и не его, так в чем оно виновато? Растил, смотрел, чтобы здоровый мальчик был. Однажды, когда Стасу годиков пять исполнилось, взял его в Дубосну на ярмарку. Уж очень хотелось мальчонке мир показать да каких-нибудь игрушек диковинных купить. У церкви встретил Матвея. Тот тоже на ярмарку приехал. “Здоров — здоров”. А как иначе? Мужчины знакомы. Знал, Матвей тоже женился, детишки есть, вроде двое, мальчик и девочка.

— Твой? — спросил Матвей, указывая дрожащим пальцем на Стаса, сидящего в телеге, и внимательно рассматривая его.

— А чей же? — удивленно ответил Иосиф.

— На мать похож, — заключил Матвей. — Знать, счастливое дитя, коли так. У нас так сказывают.

— Дай Бог, — только и ответил Иосиф, поглядывая на сынишку, стараясь увидеть, чем же Стас похож на Марию. Не нашел тогда, чем: дитя как дитя, черты лица еще не совсем сформированы, разве что нос такой же, как у нее, длинный. Да губы тонкие.

Повернулся, а Матвея и след простыл. Станным тогда показалось Иосифу Матвеево появление и исчезновение.

Возвратившись домой, сказал об этом Марии. Она вдруг выверилась: “Что ты мне Матвеем глаза колешь? У него своя жизнь, а у меня своя. Иди лучше навоз от коровы выбрось, по вымя в жиже”.

Вышел из хаты. Нет, навоз выбрасывать, а побыть наедине: тяжело ему с Марией, а ей с ним. Вот не препятствовали бы Матвеевы старики, может быть, жила бы она с ним по-иному, ладом, в понимании, не то что с Иосифом. А он, Иосиф, может быть, тоже нашел бы женщину по себе. А здесь получается, не пара они с Марией, не пара...

Так и жили под одной крышей два чужих человека, пока не отошла Мария раньше времени на тот свет, как рано отходили туда все женщины Вариончикова рода.

С тех пор много воды утекло в реке, многое в жизни изменилось, произошло. И в колхоз вступил не последним из гудянцев... И, случалось, к вдовам здешним присматривался (а как же одному хозяйство вести?). И с людьми, кажется, ладил, со многими дружил, но никогда нигде никому и слова

худого о Марии не сказал, тем более о своих сомнениях и догадках насчет отцовства Стаса. Поднял мальчика, вырастил, человеком хотел видеть.

А Мария, сколько вместе жили, столько и сипела, да сохла с каждым годом все более и долее, пока не умерла. Впрочем, если вообще по годам, так рано: в тридцать пять. А если исходить из всего женского Вариончиково рода, так по возрасту всех пережила. Конечно, грешно подобным образом рассуждать, но такова жизнь, с этим ничего не поделаешь...

В полутьме сеней в углу возле двери он нащупал метлу, затем рукой сильно толкнул дверь на крыльцо. Она резко скрипнула, и сразу же в глаза метнулась белизна, на мгновение ослепила, Иосиф закрыл глаза.

Когда открыл, вновь, как утром, увидел перед собой слепящую белизну. И сразу же глубоко вдохнул холодный воздух с такой жадностью, будто у него в жизни оставалась одна-единственная минута, за которую он должен вобрать в себя эту обжигающую холодную чистоту окружающего мира, чтобы навсегда запомнить, какой был этот мир.

В эту же минуту впервые за много дней Иосиф ясно услышал звуки деревни: голоса детей у реки и заливистый лай собаки, меканье козы в сарае на том конце Гуды и треск сухих веток старой сирени на своем огороде, стрекот сороки на заборе и глухой стук деревянного ведра о лед, наросший на колодезный сруб, стоящий среди улицы.

Иосиф вновь направился под навес, пристроенный к сараю.

Сухо скрипел снег под ногами, неприятно, словно песок на зубах.

Он остановился у лодки, запорошенной снегом, подумал, что надо было бы ее сразу же, как мастерил, полностью спрятать до весны под навес. Но как ты это сделаешь один? Потом прошел вглубь навеса, взял в углу деревянную лопату и начал расчищать дорожку от крыльца к своему колодцу, некогда им самим выкопанному на улице, чуть в стороне от въезда во двор. Работал с удовольствием, но вскоре вспотел, расстегнул тулуп, сбросил в снег рукавицы.

Прокопав дорожку, сходил в хату за ведром, вернулся к колодцу.

Голоса детей, неожиданно исчезнувшие, когда начал бросать снег, вдруг вновь возникли, но сейчас уже слышались где-то недалеко за спиной. Иосифу хотелось повернуться, посмотреть на детишек, но он почему-то сдержал себя, его пальцы быстро заскользили по шесту, к которому было прикреплено деревянное ведро.

Достав воды, Иосиф не спеша, посматривая, как ветер разбрызгивает капли на снег, налил ее в ведро, принесенное из хаты. Голоса вновь затихли, будто оборвались.

Иосиф посмотрел в ведро. Оно было неполное. Ну ничего, ему хватит: взял ведро и направился к хате, стараясь идти спокойно, хотя за спиной чувствовал легкие, быстрые шаги.

Он уже ступил на крыльцо, взялся левой рукой за обжигающий засов, как рядом с ним в дверь ударил, разлетелся на осколки кусок льда.

От неожиданности Иосиф вздрогнул, поставил ведро на крыльцо, повернулся, решив, что детишки затевают с ним шутовскую игру, нагнулся, взял кусочек оледеневшего снега, намереваясь бросить в ответ, но застыл на месте: из-за забора на него с ненавистью смотрели две пары детских глаз — Валик и Света. Иосифа поразило, что дети, когда он повернулся, не бросились бежать, не стали прятаться, а Валик даже нагнулся, взял еще одну льдинку.

Иосиф стоял молча, ожидая, что будет дальше. Кажется, ни один мускул не дрогнул на его лице. “Значит, и для детишек я...”

Валик, целясь в Иосифа, прищурил левый глаз, смотрел ему прямо в лицо, и его рука, в которой он сжимал льдинку, медленно поднималась, чтобы бросить ее в лицо старику. И когда, казалось, она вырвется из руки мальчишки, полетит в Иосифа, он услышал женский голос:

— Что же ты делаешь?.. Дедушка тебе игрушка, что ли? Как тебе не стыдно? И кто такому тебя научил?..

Дальше Иосиф не слушал, повернулся, открыл дверь в сени: он не хотел встречаться с Катей. Он вообще боялся, что когда-нибудь их взгляды могут встретиться.

В ту ночь он не сомкнул глаз.

Это было необъяснимо... На следующий день, встав с постели после бессонной ночи, Иосиф почувствовал облегчение на душе. Возможно, всему были две причины: первая — то, что длинной бессонной ночью он почему-то ни о чем не думал, просто лежал в темноте с открытыми глазами. Такое состояние у него было впервые за последние годы. А именно: ты есть в этом мире, и как будто нет тебя, а все, что происходило вокруг, к чему был и не был причастен, скользит мимо твоего сознания, не вызывая никаких чувств. Состояние известное — невероятная усталость, когда душа истрадалась до предела.

Вторая — он еще с вечера решал, что уйдет куда-нибудь из деревни, уйдет навсегда, подальше от этих людей, которые его не принимают, не хотят понять, презирают.

Подальше — это куда?.. Да хоть бы в город. В городе можно найти какую-нибудь работу. Есть работа — есть конура. Там можно пережить зиму, подрабатывая на товарной станции, а потом, когда станет тепло, можно будет уйти в скитания, вообще подальше от людей. Тогда он забьется в какую-нибудь глушь в лесу у реки, соорудит куренек, да и останется в нем. Руки у него еще крепкие, топор держать не разучились, сила пока есть, одиночество вдаль от людей и будет ему избавлением от страданий.

Какое-то время Иосиф стоял среди хаты, боясь выйти во двор. Сейчас ему казалось, что, увидев с крыльца деревню или то, что от нее осталось — черные печные трубы, — он потеряет (или она сама ускользнет из души) ту легкость, которая там вдруг появилась.

Он стоял, утешая себя неясным и не вполне понятным будущим одиночеством вдаль от людей, пока не почувствовал, что затекли ноги.

Рассвело. Хотя в хате было еще серо, но он уже мог различать все, что в ней находилось. Вот его взгляд вновь скользнул по стене, остановился на той же, вызывающей тяжелые размышления рамке с фотографиями. От них вновь повеяло колочим, гнетущим холодом.

“Ладно, что это я? — сказал сам себе Иосиф. — Время, надо собираться, раз уже решил, так нечего отступать...”

Собирается он недолго: положил в холщовый мешочек-рюкзачок пару нижнего белья, черствый ломоть хлеба, горсть мелких луковок, забросил шлею за плечо, сунул руки в карманы тулупа, вышел в сени.

Там остановился: а золото... С собой взять? Кругом разруха, людям есть нечего, до золота ли сейчас?

Вспомнил, как, вступая в колхоз, вместе с коровой, лошадьё, упряжьё и монету хотел сдать в хозяйство. Но, поразмыслив, вовремя остановился — мужики заклоют: “Кулак!” Не сдал. Ночью еще глубже под кустом сирени зарыл. Потом уже, в войну, в хате спрятал: оторвал кирпич под печью, отодвинул его, засунул монету в щель, кирпич на место приладил — попробуй найди!

Подумал еще: сколько лет монету сберегал, так пусть и сейчас в тайнике лежит, мало ли что... В полутьме открыл дверь в кладовую, перед глазами качнулась и замерла полоса света, льющёгося сюда через узкое, как рукавица, окошечко в стене.

Свет, падая на пол, преломился на нем, отскочил на старые рассохшиеся жернова, стоящие в углу возле стены напротив, рядом скользнул по ним... “Давно зерна не знают”, — подумал он, вдохнул холодный воздух, пахнувший пылью и песком. Иосиф прошел к полосе света, чувствуя, как под ногами проседают половицы, привычным, легким движением взялся за гладкую деревянную ручку жерновов, крутнул. Раздался холодный, полузабытый железный скрип. Из лоточка на пол сыпанулась горсть трухи. Пыльца долго оседала в полоске света.

Иосиф немного постоял, потом резко повернулся и вышел из кладовой в сени. Остановился, подумал: если задержится еще хоть на минуту, то вряд ли сегодня сделает то, на что решился — останется в плену тепла хаты, никуда не уйдет. А не уйдет сегодня, не уйдет завтра: настроение меняется —

сейчас он не жалеет себя, а через некоторое время, может быть, будет жалеть, да еще как.

Иосиф решительно вышел на крыльцо, закрыл дверной засов.

“Снег, снег метет, — подумал он, — пусть дверь будет закрыта со двора, пусть в хате сохранится тепло, может, она еще кого согреет. Увидят люди, что я исчез, зайдут в избу, пусть живут”.

Он шел по заснеженной улице не озираясь, зная, что снег постепенно заметает его следы. Иосиф не хотел, чтобы кто-нибудь его видел, он рассчитывал, что в такую рань вряд ли кто будет разгуливать по улице.

“Ничего, — успокаивал он себя, — я еще в силе. На кусок хлеба заработаю, сойду с новыми людьми — тяжело без людей. Побуду там, где меня никто не знает, где никто не будет ковыряться в моей душе, а потом — в лес, в лес...”

Остановился он на минуту только у дамбы, окинул взглядом высокую, в человеческий рост, выгнутую подковой ее спину, отливающую снежной синевой, махнул рукой, вспомнив, что немцы, отступая, здесь почему-то задержались, что-то похожее на окопы копали, да так и не укрепились, и двинулся дальше.

Вскоре совсем рассвело. Снег блестел до боли в глазах. Где-то на реке у самого берега сухо треснул лед, звонкое эхо всколыхнуло воздух, и оно будто подтолкнуло его в спину: спеши, чтобы засветло дойти до города.

Он ускорил шаг.

До шоссе проселком ему нужно было пройти километров пятнадцать. Там, на шоссе, если повезет, можно было встретить попутную машину или подсесть на какие-нибудь сани, направляющиеся в город, — мужики из близлежащих к нему деревень постоянно навевываются туда. Если не повезет, дойдет сам до города хоть к полуночи, но дойдет. В молодые годы за день успевал туда и обратно.

Вскоре вошел в лес. Здесь было еще темно, тьма словно держалась за ветви деревьев, и если уходила с дороги, то неохотно, тяжело, вползая вглубь леса.

Но вместе с тем вверху уже прочно держался свет, дрожал на острых вершинах сосен, небо заметно розовело, поднимаясь все выше и выше.

Хотя идти по узкой, присыпанной снегом колее от полозьев было нелегко, будто по узкой глубокой борозде, Иосиф не замедлял шаг — быстро привык к дороге, шел, не останавливаясь и не падая. К дороге местами выбегали хорошо известные ему поля-поляны, на погорках они блестели оледенелой коркой.

На этих полях-полянах когда-то колхоз сеял то рожь, то лен, то сажал картошку. И урожай то был, то не был: как год выдавался, если влажный, то росло все, если сухой — нет...

В войну эти земли пустовали, заросли худым разнотравьем. Отродятся ли? И — когда?

Иосиф думал, глядя на все это, что расстанется с ними навсегда. Расстанется с тем, что хорошо знал, что любил, что столько лет жило в его душе. Он не думал о том, сможет ли жить там, куда шел, без всего этого, такого дорогого и родного.

9

Никто из гуднянцев сначала не заметил, что Иосиф Кучинский исчез из деревни. Мужчинам сейчас, когда возили сено, было не до него: хотя страсти улеглись, каждый выговорился, махнул на него рукой, дескать, своих дел хватает. И у женщин забот было немало — грядет весна. И сейчас к своим хлопотам прибавлялись общие — колхозные.

До войны в Гуде был крепкий колхоз. Хотя не каждый год земля хорошо родила — земли здесь бедные, песчаные, люди жили неплохо. Животноводство выручало: заливные луга за рекой, луговины в Демковских болотах — трава вырастала — косу не потянуть, сена хватало и колхозному стаду, и на продажу в иные хозяйства. Животных тоже продавали.

Держали гуднянцы в своем хозяйстве и большой табун лошадей. Была в колхозе и техника — несколько тракторов, сеялки, конные косилки, молотилки.

Сезонные работы здесь всегда выполнялись в срок, люди на трудодень зарабатывали хорошо, словом, жили, строились, детишек растили, молодых женили, замуж отдавали — здесь все было как у людей.

Перед войной в Гуду, как знаем, даже собирались провести электричество, да не успели. В первый же день, как стало известно, что началась война, мужики, чей возраст подходил к призывному, ушли в район, в военкомат. Тогда с ними пошел и Ефим. Все думали, что он только проводит сыновей, а он вместе с мобилизованными попытался стать в строй. И стал. Но из строя Ефима попросили выйти, сказали, что стремление его заслуживает похвалы, вот только возраст давно вышел...

Ефим обижался, пытался доказывать, что он еще может воевать, хотя бы и в обозе, а без обоза, как известно, ни одна война не может обойтись. Но и в обоз его не взяли. А через несколько дней, когда немцы были уже совсем близко — в Гуде слышались раскаты взрывов, доносившиеся из-за Демковских болот, да видны были сполохи пожаров из-за леса — вернулся Ефим в деревню. Был он подавленный, осунувшийся, тихий.

А еще через день погнал он колхозных лошадей в район. Но по дороге табун и Ефима перехватили диверсанты в форме красноармейцев, приказали гнать лошадей обратно, а он сделал вид, что слушается, завернул их в лес. Тем временем на дороге появились немецкие танки, лошади разбежались, Ефим чудом спасся, успев спрятаться за выворотень у дороги, вернулся домой еле живой и без лошадей.

Позже люди из соседних деревень долго собирали лошадей по лесам. Найдя мерина или кобылу, кто-то вел в свой сарай, кто-то, спутав, прятал в лесу (потом кони стали партизанскими).

За войну немцы разобрали все колхозное добро, все, что могли, забирали и у людей — в этом им помогал Стас, зная, где что у кого может быть припрятано. А что было позже, летом сорок третьего — известно...

А еще позже, когда война откатилась на запад, Николай стал председателем вместо довоенного председателя, некоего Ковальчука, присланного из города. Было известно, что погиб он где-то под Харьковом, его жену и двоих ребятишек, приехавших с ним в Гуду, немцы уничтожили...

Впрочем, сейчас и колхоза как такового в Гуде не было. Сейчас в Гуде, кроме Ефима, Николая, Михея, Кати, Надежды Соперской и ее детишек — Светы и Валика, больше никого не было, конечно, если не считать Иосифа, которого в расчет люди не брали.

Сейчас гуднянцы думали, как сохранить лошадей, как вывести их на весну здоровыми, более-менее сытыми, способными вести борозду, тянуть плуг, борону... А еще — где взять семена под яровой клин, картошку, чем и как поддерживать детей, Катерину, как самим не опухнуть с голоду.

Не однажды из района сюда навещалось начальство из бывших местных партизан (фронтовики пошли с войной дальше), все осматривало, давало какие-то советы, а из слов известно польза какая.

Да и чем это начальство, ничего не имея, могло помочь? Разве что добрым словом, посеяв надежду на скорую Победу, на лучшую жизнь.

Хотя война и откатилась на чужие земли, но ее эхо не миновало Гуду: демковская почтальонка чуть ли не каждый день несла сюда похоронки — в основном в те семьи, которых уже не было.

Читая чужие казенные бумаги, мужчины тяжело вздыхали, отмечая, что не только целые семьи переставали существовать на земле, но и исчезали целые человеческие роды.

Уже не было в Буде рода Русиновых, большого, в четыре семьи, не было рода Иванцовых, Крутолевичей, ибо кто был в оккупации — сторел, а кто на войне — погиб там...

Иосифа обычно вспоминали, когда душевные раны кровоточили очередным гуднянским горем, когда каждому оставшемуся здесь в живых было не-

выносимо больно: тогда судьба Кучинского, его жизнь словно всплывали на общем обозрении.

Тогда в людских сердцах не было места Иосифу и не было ему сочувствия в его одиночестве, горе. Да и о том, что ему тяжело, что он страдает, что и у него есть душа, сердце, никто не думал, разве что одно: отец дьявола... Тогда людям хотелось, чтобы ему было плохо, чтобы он страдал, испытал все то, что испытали перед гибелью другие, а потом исчез навсегда из их памяти и никогда и ничем не напоминал о себе...

Пока мужчины возили из засыпанных снегом луговин сено, женщины и дети таскали его на сеновал, а потом то, что не помещалось там, — сарай, в котором стояли кони, был небольшой, — сметали рядом с ним в стожок.

Последний воз Ефим, Михей и Николай привезли только в конце третьего дня. Мужчины хорошо наработались, устали, плелись за возом, еле передвигая ноги, и Ефим, обойдя стожок, поставленный женщинами и детьми у сарая, придиричиво осмотрев его, сказал:

— Да, стожок-то — не очень. Метель загуляет, как видишь, разметает его. Где же ваши руки были, бабоньки?

— А там, дядя, и были, — ответила ему Надежда Соперская, — где и у всех людей. Не разметает! А ты что думаешь, это сено до весны сохранился? Съедят его кони.

Ефим пожалел, что обидел женщин: что с них возьмешь? Не женское это дело стога метать. И чтобы как-то сгладить неловкость, возникшую между ним и женщинами, сказал:

— Да ладно, маленько подправим. Но экономить сено будем, иного выхода у нас нет. Это сколько же на одну лошадь сена на зиму раньше заготовивали?... Да не менее двухсот пудов, тонны четыре.

— Как считаешь, дядя? — встрял в разговор Николай. — В тонне шестьдесят пудов, значит... А вообще-то, надо на бумаге сложить...

— Как знаю, так и считаю, — сказал Ефим. — Шестьдесят так шестьдесят. Да я на глаз определяю. Хватит сена — не хватит. Хватит, если будем экономить. Это я еще с осени прикинул. Так что хоть ты и председатель, а меня, Николаюшка, учить не спеши: я ведь всю жизнь при лошадях.

— Да я и не учу, — ответил ему Николай, — это я так, размышляю.

— Размышляй, размышляй. Ты грамотный, твое это дело — размышлять. А я не шибко грамотный. Я, когда был таким мальцом, как Валик, без всяких наук стога топтал не хуже иного мужика... Что такого обидного я сказал?... Да, разучились мы за войну как следует работать. Разве это дело?

— Кто и разучился, — сказала Катя, — а кто и не учился. Вот что плохо, Ефим Михайлович. А ты не очень нас критикуй: Валик и Света стожок топтали. Где, когда и кто их этому учил?

Катя приставила к стожку грабли, посмотрела на детей; они стояли возле сарая и обижено шмыгали носами: еще бы, так старались, а их, вместо того чтобы похвалить, облаяли, да кто — сам дед Ефим!..

— Если бы я знал, что это они пластовали стожок, — растерялся старик и вновь попытался сгладить ситуацию, — впрочем, как умели, так и сметали. Никуда он не денется, этот стожок, будет стоять столько, сколько надо.

— Знал, не знал, — сказала Катя, — кто же еще, как не они пластовали?... Да Валик со Светкой, может быть, настоящего лугового запаха не чуяли.

— Да я ни в чем их не обвиняю! — раздраженно пробурчал старик. — Само собой разумеется, что им было некогда и не у кого учиться стоговать. Не разобрался я, старый пень, что к чему. Вот и сказанул то, что не надо... Бывало, в их годы детишек с собой в луга брали. В сенокос, когда погода, там и дневали, и ночевали. Только, думаю, сейчас им нужно не стога складывать, а за школьной скамьей сидеть, переростки же. Не помню, они успели хоть зиму в школу походить?

— Когда было? — как будто удивилась Надежда. — Не успели. Они у меня близнецы. Как раз в сорок первом должны были в школу идти. Спасибо Кате, научила читать. Сама я грамоту не знаю, разве что чуть-чуть. Зи-

му походила в школу. Страсть у меня к учебе была, но дедушка отхлестал тряпкой, посадил за прялку. Вот и вся моя грамота. Говорил дедушка, мамин папа, что с науки хлеба не наешься, нужно смотреть, чтобы лужок не был зеленым — нужно полотна ткать, да на нем расстилать, приданое готовить. И вот на тебе, зеленый или белый лужок, все свернуло, все пошло дымом... Светка уже хорошо читает, а Валик — через пень-колоду. Так что с него требовать? Подрастет малец, поумнеет.

Валик, услышав это, совсем обиделся, отвернулся.

— Вот тебе и на! — Ефим развел руками и, обращаясь к Валику, сказал: — Как же ты в таком разе отцу письма пишешь?

— Ой, молчите, Ефим Михайлович, — Надежда смахнула слезу рожком старого вязаного платка, — разве не знаете, что с осени от Игнатия нет вестей? Какие письма? Куда? Может быть...

— Ты это брось, Надежда! — разозлился Ефим. — Война есть война. Мало ли что бывает. Может быть, он сейчас в таком секретном деле, что весть о себе подавать нельзя. И такое бывает на войне. А ты уж сразу глупости в голову берешь. Жди, Надежда, жди.

Старик подошел к Валику, положил ему руку на плечо, пристально посмотрел в лицо:

— Держись, мужик. Ничего, все у тебя будет путем. И чтение, и стога.

— Валик, ошибается твоя мама, когда говорит, что ты не шибко читаешь. Неплохо читаешь. Правда, иногда бывает, по слогам, будто по кочкам едешь. Ну, это сначала у всех так. Скоро пройдет. А вот считаешь ты очень хорошо, — похвалила Катерина.

— Правда? — обрадовался мальчик. — Я сразу подсчитал, сколько пудов сена лошади надо: двести сорок!

— Ну? — удивился Ефим.

— Вот те, дядя, и ну, — вмешался в разговор Николай. — Даже я не сразу прикинул, сколько, а Валентин, вишь ты его, мгновенно смекнул. Молодец! Вырастешь, отправим тебя на большую учебу в город. Обучишься, вернешься домой, меня заменишь. Какой из меня председатель, если я земельному делу не обучен? Согласен?

Валик согласно кивнул головой.

— Вот отдать бы их сейчас в школу, — сказал Ефим. — В райцентре, слышал, школа уже работает.

— Как же их туда отдать? Где жить будут? А что есть? Что в торбочку детям положить? Здесь они при мне, хотя и не в сытости, но и не в голоде. Ягод засушили. Грибов насолили. Щавелька в кадочку натоптали. Да по одной-две картошечки на день есть. Иной раз и сальца из города принесу, на рушники да постилки, что когда-то ткала, выменяю. Нет, сейчас детишек от себя отрывать не надо. Вместе папку нашего ждать будем. А пока — Бог батька: что людям, то и нам.

— Что вам этот Бог дался? — вновь разозлился Ефим. — Набожкались.

— Это я к слову. Вон у Иосифа в углу он имеется. И Стас, помнится, крест нательный носил. Видели мы, как шлялся по селу в расстегнутой до пупа рубахе. А что творил?

— А старик-то при чем? — спросила Катя. — Мы здесь его душу положим, а самого что-то давно не видно. И дым из его трубы не идет. И дорожка от крыльца на протоптана.

— Может, уже околел? — сказал Михай, подходя к стожку и отряхивая с одежды сенную труху.

— Прикуси язык! — бросил Ефим. — Не собака же. Может, приболел, и ему сейчас помощь нужна.

— Ну так ты, дядя, иди помоги, — сказал Михай. — Посмотри, как он там, да воды ему подай, чтоб он смоль напился!

— И пойду, Михеюшка, пойду. А как же?

Ефим поправил шапку, сползшую на лоб, повернулся, немного постоял в раздумье, потом решительно направился к Иосифовой хате.

Все молча смотрели ему вслед. Сначала Ефим шел по улице, ступая на наезженную санями колею, пошатывался со стороны в сторону, потом

ступил на целину, чтобы сократить путь. Шел он не осматриваясь, спешил.

Катя попыталась пойти следом, ступила несколько шагов вперед, но неожиданно для всех сморщилась от боли, остановилась, приложила руку к животу, прислушалась...

Надежда подбежала к ней, испуганно спросила:

— Что с тобой?

— Да ничего, — криво улыбнулась Катя, — дает о себе знать, бьет уже...

— Вот и хорошо, Катюша, — успокоилась Надежда и слабо улыбнулась: — Оно всегда так знать о себе дает. Крепись. Впервой?

— Впервой.

— Ну, слава Богу. Ждать будем.

Катя замолчала, прислушиваясь к себе.

Тем временем Ефим подошел к Иосифовому огороду, не по-стариковски ловко пролез между жердями, проходя возле старого куста сирени, зацепил его плечом: снежная пыль сыпанула ему в лицо. Не обращая на это внимания, старик поднялся на крыльцо, отбросил дверной засов, исчез в сенях.

Все замерли, ожидая, что же будет дальше, не отводили глаз от двери.

Ефим вышел из хаты минуты через две, быстро направился назад тем же путем, которым шел к Иосифовому двору. И когда все уже устали от ожидания, крикнул издалека:

— Нет его! Нет.

10

Иосиф Кучинский стал работать в городе на железнодорожной станции. Работы здесь хватало. Может, поэтому, а может, из-за его пожилого возраста им здесь никто не интересовался, не спрашивал, откуда он, где живет, есть ли родные, чем занимаются.

Да и работа у него была не постоянная, без всяких официальных оформлений. Пришел на станцию, а там таких, как он, насобиралось десятков-полтора — грузчики. И работы всем хватало. Все знали, что на путях стоят эшелоны, которые надо срочно разгрузить (стройматериалы, техника, а иногда и продукты). Ждали, когда появится какой-нибудь начальник да даст работу. И так ежедневно. Начальство в основном было такое — откормленные тыловики. Реже какой-нибудь однорукий или одноногий бывший фронтовик. Начальник, даже не ознакомившись с рабсилой, вел всю группу к эшелону: “Давайте!”

Эшелоны прибывали из самых разных мест, и было понятно, что сейчас в Сибири, Казахстане или где-нибудь в России налаживается жизнь, что там делают не только танки, самолеты, пушки, но и все то, без чего невозможно восстановить разрушенное войной хозяйство. Значит, думал Иосиф, не сегодня-завтра лихо время окончится, и, наверное, у нас сейчас сила великая, если страна работает не только на войну.

Думая так, Иосиф не отделял себя от того, что сейчас делается в стране, и его немного успокаивало то, что и он нужен. И пусть никто не знает его, но он делает что-то хорошее, заменяет чьи-то молодые руки, которые сейчас так нужны на фронте.

Компании грузчиков были не постоянные: сегодня работали одни, завтра другие. В основном это были пожилые мужики, вроде Иосифа, хотя приходили и помоложе, в солдатских истертых шинелях, кто прихрамывая, кто, по нему было видно, не совсем еще оправившись после ранения. Изредка приходили и совсем молодые парни, считай, подростки. Они подрабатывали, наверное, чтобы семье было легче. И всем хватало работы.

Иосиф видел: как бы ни менялись люди, какие бы разные они ни были, но все не любили тыловиков, этих здоровых, наглых, сытых, вороватых мужиков, каким-то образом отрезанных от войны и почему-то сплошь и рядом приставленных к вагонам с продовольствием. После работы они уходили с вещмешками, набитыми всем, что только можно было есть. Эти “сытики”, как их звали грузчики, пренебрежительно относились к “рабсиле”. Между собой они так и говорили: “Есть рабсила?.. Сколько сегодня рабсилы?..”

и т. д. Были тыловики циничны по отношению к женщинам, работавшим на путях, и, как утверждали знающие люди, “покупали” их за еду.

Иосиф однажды и сам слышал, как один из таких “сытиков” хвастался другому, как “взял бабу, да не очень простую”. “Долго я к ней присматривался — ни в какую. Говорят, какая-то бывшая интеллигентка. Смотрю, и в самом деле деликатная, лом как следует не может держать, не знает, что такое кайло. Ну, думаю, я тебя к рукам приберу, не таких брали! Я к ней и так, и этак, а она: “Уйди, дядя...” Ладно, уйди так уйди, силой брать мы тебя не будем, посмотрим, что ты на обед ешь. Оказывается, ни-че-го... Вот тут мы ее и взяли: хлебушком да тушеночкой...”

“Сытик” смеялся, смеялся и другой, делясь опытом: “К этому они, изголодавшиеся, как сучки, быстро привыкают...”

Конечно, это было страшно, необъяснимо страшно. И это была правда, и только какая-то часть той жуткой военной правды, которую довелось испытать людям. Нет, далеко не каждую вот такую или похожую на нее женщину, голодную, доведенную до отчаяния, могли “кушать”, “взять” “сытики”. А в это время, когда они бесчинствовали в тылах, на складах с продовольствием, отцы, братья, женихи этих девушек и женщин брали города, свои и чужие, погибали, лежали израненные в госпиталях, пропадали без вести. И суровой правдой было то, что не каждый фронтовик или тыловик, партизан, командир или рядовой в сложной ситуации своего существования мог остаться человеком: ибо не каждый из нас, людей, человек по своей сущности.

И самое страшное, что было сейчас, как понимал Иосиф, это то, что ни он, ни другие, представляющие для “сытиков” “рабсилу”, не посмеют заступиться за этих униженных, доведенных до отчаяния женщин: заступись — без дела останешься. А оно кормит...

Наверное, вот здесь для каждого и проходила та тончайшая грань, когда он должен был решить для себя, как быть, как поступить в этой ситуации: остаться человеком, восстав против мерзости и в результате потеряв возможность хоть как-то жить, перебиваться в относительном благополучии (есть угол, тепло, еда), или сделать вид, что ничего не видишь...

Сейчас Иосиф думал о том, как бы самому выжить, продержаться здесь до весны, поднабраться сил, накопить продуктов. Тогда он уйдет из города куда-нибудь в лес, подальше от людей, чтобы навсегда исчезнуть из их мира, такого сложного и несправедливого. Он понимал, чувствовал, что нет ему места среди своих земляков-гуднянцев, а без них, с которыми прожил худо-бедно всю свою жизнь, ничто для него не имеет смысла. Там, в Гуде, все было свое, родное, кровное (и боль, и радость, и голод, и холод, и будни, и праздники), здесь же все — чужое. И здесь ему не место...

То, что мир людей никогда не был однозначно добрым или однозначно злым, Иосиф хорошо знал. Лично для него в этом мире плохого было больше, чем хорошего. Может быть, вообще все в его жизни было против него: и детство, в котором он непонятно как, в основном сам по себе, выжил. И молодые годы, когда любимой девушкой были растоптаны лучшие чувства. И потом не понятная самому ему женитьба. И в результате не сложившаяся семейная жизнь. И страшная, врагу не пожелаешь, старость...

Получается, что сама жизнь все время отталкивала его от себя, гнала прочь, а он, глупец, не понимая этого, цеплялся за нее как только мог.

Сейчас Иосиф видел, что, как бы там ни было, жизнь постепенно возрождается. Не его личная, а жизнь вообще. И он знал, верил, что вершат ее не вот такие, как эти “сытики”, а совершенно иные, неведомые ему люди: не сами же по себе идут сюда, в этот город, эшелоны со всем тем, что необходимо для восстановления всего разрушенного. Значит, где-то там, далеко или близко, женщины, дети, старики, демобилизовавшиеся после ранений фронтовики, да и многие, если не большинство, тыловики работают на пределе своих возможностей, каждый на своем месте. Они отрывают от себя последнее, чтобы поделиться с другими, и им, тем людям, наверное, не легче, чем тем, кто принимает эту помощь. Да и отсюда, из этого города тоже отправляются куда-то в иные края эшелоны, правда, все больше с лесом, а леса на этой земле хватает.

“Наверное, — думал Иосиф, — пройдет еще не один год, а может, и десятки лет, пока земля воспрянет от причиненного ей изуверства, пока люди преодолют горе, забудут его, но тогда уж точно меня не будет”.

Найдя пристанище здесь, на станции, Иосиф ютился на угольном складе, где обитало с десяток таких же, как он, бездомных мужчин разного возраста, чьи судьбы были исковерканы войной.

Постоянных же обитателей здесь было мало, человека три-четыре. Люди часто менялись. Одни приходили сами, других приводил бригадир, еще молодой мужчина, хромающий на одну ногу, видимо, демобилизованный после ранения. Говорили, что он, вернувшийся в город, так и не нашел свой дом, семью. Говорили, что сейчас жил он в будке путевого обходчика. Почему-то все его боялись и слушались, хотя этот человек никогда ни на кого не орал. Но был угрюм, замкнут, немногословен, и к старикам, таким, как Иосиф, обращался на “вы”.

Иногда, когда не было работы, Иосиф выходил в город. Город был почти полностью разрушен. Казалось, в нем не осталось ни одного целого здания. Люди ютились в подвалах, в наскоро сбитых бараках, во временках, поставленных на пустырях. Тем не менее везде чувствовалась жизнь: по утрам дымились трубы, взрослые спешили на работу, играли детишки, а на станции всегда было многолюдно.

Время от времени Иосифа тянуло на рынок. До войны этот рынок был известен во всех близлежащих, да и далеких от города, деревнях. Там можно было купить все, что тебе нужно. Даже бытовала такая фраза: “На рынке только не купишь отца с матерью, а остальное — были бы деньги...”

Рынок, как своеобразное зеркало всякого города, хорошо отображает настроение людей, их заботы, настоящую, ни от кого не спрятанную жизнь.

Сейчас здесь на хлеб, вообще на еду, обменивали все, что только можно представить.

Иосиф ходил на рынок без всякой нужды что-нибудь приобрести: ходил с одной целью — посмотреть на людей, послушать их, увидеть, как живут.

Обычно он останавливался возле крестьян, присматривался к ним, и когда они начинали подозрительно коситься на него, не уходил, наоборот, подходил поближе, говорил, что сам из деревни, сейчас живет в городе, так ему интересно, как там нынче, в селах.

Если кто из мужиков вступал с ним в разговор, сочувствовал Иосифу, что оторван от дома, родных мест — сейчас в деревне, как ни трудно, а все же легче, чем в городе, — он отвечал: “Может быть, весной вернусь, когда сев начнется, колхозу помогу, а сейчас мне там нечего делать, да и один я”.

В такие минуты Иосиф забывал, что собирается навсегда уйти от людей, и думал, что весной вернется домой — в посевную в Гуде каждый работник будет на особом счету, и сейчас для него будто не существовало своей личной жизни, своего прошлого.

Тогда вся его прежняя жизнь представлялась, как тяжелый кошмарный сон, да и все, что сейчас с ним происходило, казалось каким-то нереальным.

Но жизнь, в которой он пребывал, была самой что ни на есть реальной, и он возвращался в нее сразу же, когда кто-нибудь из мужиков спрашивал у него о чем-то практичном типа: а что у тебя можно выменять на сало, буханку хлеба, яйца...

Иосиф отвечал, что пришел сюда просто так, тогда ему давали понять, что просто так здесь нечего делать, теряли к нему интерес, и он уходил прочь.

Были на рынке и такие, кто умел наживаться на чужом горе. И, кажется, среди них все больше городские женщины, хотя попадались и здоровые мужчины, которые почему-то сейчас были не на фронте.

Эти обычно хватали все, что только попадалось под руку, обманывали простаков. Иосиф сам видел, как, случалось, такой женщине или мужчине человек за кусок хлеба отдавал золотое кольцо, теплую одежду, добротные сапоги...

Однажды, когда Иосиф ходил по рынку и присматривался, что бы купить поесть, его остановил мужчина лет сорока, дернул за рукав тулупа.

— Беру тулуп, — ощупывал он его.

Иосиф остановился, посмотрел на наглеца. Глаза прищуренные, бегают по сторонам, лицо как маска, ничего не выражающая, одет в хороший ко-
жух, в валенках, на голове заячья шапка.

— Зачем тебе тулуп? — удивился Иосиф. — У тебя кожух неплохой, да и не на твои плечи мой тулуп. Я худой, а ты кругленький и выше меня.

— А твое какое дело? — тихо сказал мужчина. — Ты же жрать хочешь, сейчас от ветра скопыхтишься. А нет — иди своей дорогой и не высматривай, что у кого спереть. Я давно за тобой наблюдаю, слюну глотаешь. Нет, так топай отсюда и глаза не мозоль своим тулупом.

— А что дашь? — вдруг зло спросил Иосиф, желая узнать, что за ду-
шонка у этого человека.

— Хороший кусок конины, хлеба.

— Очень дешево за такой тулуп. Он почти новый, перед самой войной шил, ему сносу нет, и тепло в нем, как на печке.

— Не хочешь тулуп — кольцо, коли есть. Неделью жить будешь.

— Нет, с тобой дела у нас не будет, — Иосиф уже с ненавистью смотре-
л на этого сытого мужика. Люди в самом деле с голода от ветра шатают-
ся, а он... И вдруг как укол: — Ты что, отвоевался, хаживаешь здесь? А конина у тебя не дохлая?

— Что? — мужчина такого не ожидал. Он подступил к Иосифу, что-то сжимая правой рукой в кармане кожуха. — Да я сейчас милиционера сви-
стну! Он тебе покажет, кто отвоевался, а кто нет. Да кто ты такой?..

Иосиф знал по рассказам работавших с ним мужчин, что милиция та-
ких, как этот, не гоняет, наоборот, относится к ним с почтением, решил, что можно “влипнуть”. Растерялся.

Мужчина, увидя это, прохрипел:

— Топай, дядя, отсюда, пока цел. Понял? Да ты сам, может, с кого этот тулуп содрал. И вообще, надо бы тебя потрясти, посмотреть, что ты за фрукт, чем в оккупацию занимался. Может, в полиции был, а?..

Иосиф понял, что могут быть неприятности, если этот меняла позовет милицию, повернулся и молча ушел.

Он торопился по улице в направлении станции, ему хотелось скорее уй-
ти от людей, казалось, все, кто его видит, знают, кто он, откуда и какое зло-
деяние, совершенное его сыном, тянется за ним, Иосифом.

II

Возле станции Иосиф остановился: а идти-то некуда. На угольный склад, где ночует на тряпье в горькой пыли? К таким же людям, как сам, тоже отрезанным от всего остального мира? Впрочем, у каждого из них своя судьба, свое горе, свой способ существования, и Иосиф никому из них не нужен, да и они ему — тоже.

Он постоял на месте, словно прислушиваясь к себе. Что сейчас было у него внутри, в душе, а он верил, что у человека есть душа, — так это боль. Та боль, к которой он постепенно привык, с которой сжился, без которой не ложился спать и не просыпался. Она была, как руки, как ноги, что ли: отними эту боль — и нет тебя.

Это первое, что ему сейчас показалось. Потом, поразмыслив, он будто осознал, что боль эта — чужая, не его, она как пришита к нему кем-то на-
сильственно, пришита в тот момент, когда он был в беспамятстве. Да, эта боль вогнана в его душу словно кол. И его не вытащить, как ни старайся.

Из рта клубился пар. Мороз к вечеру крепчал. Щеки покалывало. Не-
бо было прозрачно-голубое, местами в редких сизых шрамах. На закате оно дрожало широкими багровыми полосами. Дым из трубы станционной котель-
ной ровной, серо-пепельной лентой уходил высоко в небо и там постепенно расплывался. Было хорошо слышно, как на дальних путях пыхтел паровоз, стучали буфера. В воздухе стоял какой-то гнетущий монотонный гул, соткан-
ный из самых разных звуков, каждый из которых в отдельности отсюда, с пристанционной площади, различить было трудно. Снег вокруг лежал гряз-

ный, истоптанный множеством человеческих ног, сыпучий, как сухой песок, перемешанный с угольной пылью.

Чужое небо, чужие звуки, чужой, неприятный снег... Какая-то странная ситуация: везде, и в Гуде, и здесь, в городе, все, что Иосифа окружает, словно отталкивает его от себя. Он все более отчетливо понимает, что нет ему места среди людей и здесь, и там. А выходит, он, будто вопреки всему — с ними, людьми, среди них.

Иосиф повернулся и пошел назад в город: что сейчас делать в холодном складском катушке среди горькой угольной пыли?

В последнее время у него на пустом угольном складе, как у постоянного обитателя, появился свой уголок, отгороженный досками. На складе, в этом уголке вместе с ним коротали ночи еще трое таких, как он, пожилых мужиков. Люди вроде одного возраста, а между ними никаких не то что дружеских, но и товарищеских отношений не было. Более того, чувствовалась отчужденность, граничащая чуть ли не с озлобленностью.

Иосифу иногда казалось, что у каждого из них тоже своя тайна, свое горе. Сам он ни к кому с расспросами не лез, да и они у него ничего не спрашивали.

Пошлявшись по городу, преодолев чувство, будто все, кто тебя видит, знают, кто ты и почему здесь (пусть знают, что я могу изменить?), Иосиф вернулся на станцию. Он зашел в буфет, чтобы выпить кружку кипятка, согреться.

К буфету было не подступиться. И в зале ожидания толпилось множество людей, гражданских и военных.

Согревшись — вообще-то ему в тулупе холодно не было, вот только лицо, хоть он его и прятал в воротник, жег морозец, Иосиф вышел на перрон. Здесь тоже было многолюдно. На ближних путях стояли и нетерпеливо пыхтели паром два воинских эшелона. Один из них направлялся на запад, второй — на восток.

Возле эшелона, что шел на восток, бегали взад-вперед военные. Кто-то нес в котелке кипяток, кто-то охрипшим голосом подавал какие-то команды, кто-то пиликал на гармошке — “Катюша” звучала неумело, как будто гармонист сидел на телеге, а она ехала по шпалам. А какой-то пожилой офицер матерился, размахивая пистолетом, орал, что отдаст кого-то под суд.

Иосиф понял: что-то случилось. Он протиснулся ближе к этому поезду (поезда стояли точно паровоз к паровозу, или “голова” к “голове”). В толпе в окружении гражданских и военных Иосиф увидел двоих в армейском обмундировании. Эти двое стояли, крепко обнявшись. Стояли молча, не обращая ни на кого внимания. Кто-то рядом с Иосифом спрашивал, что случилось. Пожилая женщина, вся седая, в истертом ватнике, не отводя глаз от этих двоих, сказала:

— Оказывается, есть что-то на свете. Родные братья встретились. Один оттуда, другой — туда. Один искалеченный, домой возвращается, а другой, может, на смерть едет. Вот и пересеклись их пути, спаси их Господи...

— Как?

— Откуда мне знать? — искренне удивилась женщина. — Наверное, свыше им было назначено встретиться.

Иосиф не стал слушать дальше, протиснулся в толпе ближе к братьям. Может быть, он впервые за войну был свидетелем человеческого счастья. Вернее, его вспышки: появилась, словно искорка в крошечной тьме, вспыхнула язычком пламени, на мгновение дохнула теплом в душу, чтобы люди вспомнили, что есть оно...

В это мгновение Иосифу по-настоящему стало хорошо, даже радостно. Он вдруг поверил в добро, в то, что как бы тяжело ни было, а судьба все равно выведет тебя к людям, туда, где понимание и сочувствие.

Он не знал этих людей. Он никогда их не видел. Но он знал, что через минуту-другую они исчезнут из его жизни, чуть скользнув по ней. Он чувствовал, что еще долго, а может быть, до конца своих дней, в тяжелые минуты он будет вспоминать их.

А сейчас его душу охватила радость и вместе с тем тревога: один — с войны, другой — на войну. Что ждет одного, искалеченного на фронте (так сказала женщина, Иосиф еще не видел), дома, в этой мирной, почти до основания разрушенной жизни? А другого — там, на фронте? И суждено ли им еще встретиться?..

Иосиф вновь рванулся вперед, кого-то толкнул локтями, сумел протиснуться ближе к братьям: ему надо было хоть чуть-чуть прикоснуться к теплу человеческого счастья, колы своего уже не суждено ощутить.

Паровоз, направляющийся на восток, вдруг сердито запыхтел, выдыхая огромные клубы пара. Иосиф, торопливо взглянул на лица братьев и вздрогнул, будто молния сверкнула перед глазами: лицо возвращающегося с фронта было изрезано тяжелыми лиловыми рубцами, и вместо губ — изломанные синие шрамы.

Паровоз запыхтел чаще, рядовой решительно оторвался от брата, еле удержался на такой же, как у Николая, деревяшке, посмотрел поверх толпы синими, будто васильки, глазами. Но его брат, щупленький молодой лейтенантик, вновь приник к нему, затряся на плече брата, проговорил:

— Братик, слышишь, домой едь, домой! Больше — никуда! Выбрось дурь из головы! Там тебя люди ждут...

— Боже праведный, — перекрестилась рядом с Иосифом какая-то старушка, — что война с людьми делает! И какой изверг ее придумал? За что на людей такая кара?.. Закрой, Господи, этого мальчика своей неизносимой ризой. — И начала шептать “Отче наш”.

Иосиф подумал, что эта старая женщина, чья-то мать, несомненно, многое повидавшая на своем веку, все происходящее воспринимает как свое кровное. И пережив немало, она все равно не может свыкнуться с тем, что на земле столько горя и зла. Сейчас, понимая, что людям не совладать с ними, уповает на высшую волю. Так может быть, все это зло и свалилось на людей потому, что они натворили много того, чего нельзя было творить. Они нарушили извечные жизненные устои, ходили брат на брата, изничтожали храмы, отрекались от отцовской веры — и много иного ненужного совершали и совершают люди...

“Нет, нет, нет!.. — Иосиф отогнал прочь от себя такие мысли. — Грех так думать. В чем и перед кем может быть виноват этот молодой, изуродованный войной солдатик, как и тысячи таких же других, искалеченных, израненных, сложивших голову на войне?.. Он же не... мой Стас”.

Да, бежал Стас от войны, от той войны, на которой должен был или лечь в землю, или вернуться живым, раненым или не раненым, искалеченным или невредимым... Эта, если так можно сказать, сторона войны — защита Отечества — всегда у людей считалась святой и правой. А Стас избрал иную ее сторону. Ту, которую во веки веков презирают люди, или проще сказать, проклинают того, кто на той стороне войны. Объявился ночью, как ворюга, разбойник, злодей... Постучал осторожно в окошко. У Иосифа тогда сразу же мелькнула догадка — сын! Дрожащими руками он открыл дверь, впустил его в хату, усадил за стол, ничего не спрашивал, теряясь в догадках и отгоняя прочь страшную мысль: дезертир... А утром Стас сказал:

— Все, батька, отвоевался я!

— Бог с тобой! — воскликнул Иосиф. — Перекрестись! Как это случилось? Где вас окружили?.. Коли так, схоронись пока дома, затем в лес уйдишь. Знать, где-то там окруженцы, такие же, как ты, собираются.

Стас покивал головой:

— Эх, батька, батька, ты не знаешь, что вокруг делается. Ты не видел, какая сила прет! Всем этим Советам — крышка!.. А ты — в лес... Вот были бы живы дед с бабкой, они бы так, как ты, не говорили, они бы радовались, что этим голозадым Советам конец пришел. Сколько они над бабкой с дедом поиздевались, пока ты с Ефимом на колхозные собрания бежал да призывал сельчан сообща хозяйничать. Они, дед с бабкой, меня растили, а не ты. Да, Советы все у деда с бабкой забрали: и землю, и хлеб. Они их самих со свету сжили: сослали куда-то, и неизвестно, что с ними там случилось. А ты, хитрец, сразу в колхоз... Хватит, батька!.. Сейчас мы еще посмотрим, кто верх возьмет: в гарнизон пойду!

— Говорю: перекрестись! — Иосиф подхватился с места, наклонился через стол к сыну, чтобы схватить того за грудь. Стас отпрянул от него, а Иосиф продолжал: — Ты что себе в голову вбил? Наши люди сообща переломают немцу хребтину. Сколько войн ни было, а все равно на России обжигались. Тогда что будет?.. Отец я тебе или нет?

— Отец только потому, что на свет пустил? Пустить на свет — дело нехитрое. А растил же меня не ты. И вообще, что ты мне дал?.. Ни-че-го! Так что ты мне не судья: хотя мне жаль тебя, старого дурака. А немца уже ничто не остановит, под ним вся Европа лежит.

— Одумайся! — хрипел Иосиф. — Мало ли что было: ну, попал в окружение, потерял оружие... Испугался, потом оклемался, вспомнил, кто ты и что — воин. А оружия сейчас вокруг всякого много валяется, и немецкого, и нашего. Вот и подними, пока затаишь, а там — в лес. Партизаны были во все войны. Я твоего позора не переживу!

— Переживешь! Все переживешь, что судьба пошлет. А не выдержишь, значит, свое откоптит...

Иосиф тогда понял: перед ним чужой человек, с которым его, кажется, никогда ничто не связывало. Уяснил, что Стас не отступится от того, что задумал: у него велика злость на весь мир, сын пышет лютой злобою.

— Мне, если уж так тебе хочется знать, дороги назад нет, да и не надо. Я для себя давно все решил, так что прикуси язык, старик.

— Гнилая у тебя душонка, — сказал Иосиф. — Ткнешь пальцем — рассыплется. Ну что ж, моя вина, моя. Сам виноват, что побоялся деда с бабкой послушаться, когда они тебя забирали. Взросло в тебе их злое семя.

— Тебе что, между глаз врезать? — сказал Стас. — Заладил... Надоело! Живи как знаешь.

Иосиф понял, что разговор окончен. Он тяжело поднялся из-за стола, направился к двери, там на минуту задержался, оглянулся, посмотрел на сына. Тот спокойно ел суп. “Чужой, совсем чужой”, — подумал Иосиф и вышел из хаты.

...Все это вспомнилось Иосифу сейчас на перроне, вспомнилось, когда услышал, как старуха просила Бога, чтобы он отвел пулю и огонь от молоденького лейтенанта, едущего на фронт. Потом после “Отче наш” она читала молитву, в которой были слова о сохранении воина, идущего на битву за свою землю. И слышал он их, эти великие слова человеческой надежды о спасении (дело правое), пострадавшие людьми на протяжении веков, и каждое из них больно отбивалось в сердце: моего сына эти слова обошли...

Старуха молилась:

*...Маці Божая з сябе рызу здымала,
Раба Божага салдаціка ўкрывала,
Хуткія кулі і вострыя мячы замаўляла:
Каля яго лятайце,
У яго не трапляйце.
Зберажы яго, Божа,
Ад кулі хуткай,
Ад шаблі вострай,
Ад агню, ад птопу,
Ад снарада.
Зберажы і памілуй яго
На многія лета.
Накрый яго сваёй святой рызай,
Зберажы і памілуй на многія лета,
Дай яму зброю і святы хрэст...*

В детстве, да и позже, сейчас, во время войны, Иосиф слышал много молитв на разные случаи жизни, а эту слышал впервые. С каких времен она пришла?.. Кто к этому времени ее “приставил”? Когда?.. Или только сейчас она людям явилась?.. Никто не скажет... Молитва потрясла его: “*Дай яму зброю і святы хрэст...*” Это было предельно понятно, до какой степе-

ни возвышается ратное дело и как оно возвеличивает того, кто идет на битву за свою землю...

“По вагонам!” — прокатилось волной в морозном воздухе.

Люди на перроне заметались, забегали. Паровоз дал долгий гудок. Лязгнули настывшим металлом буфера, прогнулись под вагонами рельсы.

— Лейтенант! Давай, скорей, скорей! — слышалось из постепенно набирающего ход эшелона. Казалось, кричали из всех вагонов, из всех открытых проемов в них.

И тогда Иосиф увидел, как рядовой уже со всей силы оттолкнул от себя лейтенанта. Испуганно, что есть силы, закричал:

— Беги, Вася, беги! Это же фронт!..

Лейтенант словно очнулся, пошатываясь, начал осторожно отходить от брата, потом сорвался с места, бросился к проплывающему мимо вагону, оглянувшись:

— Ваня, домой! Слышишь?.. Домой!..

Он успел вскочить на подножку последнего вагона.

Иосиф, как и все, кто остался на перроне, не знал, какие судьбы у этих двух братьев. Он не знал, почему изуродованный солдат не собирается ехать домой. Может быть, у него там была невеста, и таким он не мог показаться ей на глаза. А может, там, где жил раньше, и вовсе уже не было никакого дома, а просто место, где жили люди, знавшие и помнившие его другим...

— Езжай, Вася... Бей гада!.. А я — домой!..

Вряд ли лейтенант уже мог слышать эти слова брата, поезд шел быстро, удалялся и вскоре исчез за поворотом.

Во всем том, что сейчас видел и слышал Иосиф, открылась трагедия судеб двух незнакомых ему молодых людей, один из которых, наверное, Ставов ровесник, а второй чуть моложе. Потрясенный увиденным, Иосиф словно сбросил с себя тот гнетущий груз, который носил все это время, простонал: “Домой, домой...”

Через два дня гудяницы заметили над трубой хаты Иосифа Кучинского дымок.

12

Ефим Боровец на этой земле корня не имел. И вообще, он не знал, есть ли где люди из его рода или нет их. Был он, как здесь говорили, из чужбины, пришлый, но чужаком его не называли, как обычно бывает в таких случаях. Ефим появился в Гуде лет пятьдесят тому, да так и остался здесь, прижился, полюбил этот край, людей, обзавелся семьей.

До Гуды он, мальчишка, сирота, не знавший и не помнящий родителей, скитался по земле, водил от деревни к деревне старцев. Потом, как подросток, работал у богатых мужиков, учился всему, чему только могла научить жизнь.

Он все, что было с ним, хорошо помнил лет с пяти-шести. Именно в этом возрасте какая-то старуха отдала его в поводыри проходившим через деревню старцам. Но он не знал, что это была за старуха, какая деревня и что с ним произошло до того времени.

Он мог только представить, была это родная бабушка или далекая родственница, к которой он попал, потому что его родители рано умерли. Кое-как выхлыв его, она, горемычная, поняв, что ей дальше мальчонку не прокормить, отдала на спасенье, на “чужой кусок хлеба”... А может, он рожден без отца, был подкидышем у чужих людей, или еще имелась какая-то причина тому, что Ефим не знал, кто его пустил на свет. Но как бы то ни было, он выжил среди чужих людей, немало повидал в жизни и с молодых лет усвоил, что одному человеку быть на этом свете нельзя.

Он знал свое имя — Ефимушка. Так его звали старцы, с которыми ходил по земле. Они, как он помнил, оберегали его, отдавали лучший кусок хлеба, накрывали в холод теплой тряпичей. Но однажды, когда после нескольких лет скитаний остановились в одной богадельне, старцы отдали его в работники какому-то богатому мужику, сказав, что пора ему выбиваться в люди, а их век близится к закату...

Он не помнил их лиц. Вернее, не помнил, чем различались лица тех трех стариков, которые и спасли его от голодной смерти, фактически вырастили. Позже, много лет спустя, когда вспоминал время своих скитаний, перед глазами словно наяву возникали трое согбенных жизненной тяжестью старцев с длинными белыми бородами.

Были эти старики зрячие. Это он помнит точно. Но не знает, что заставило их однажды сорваться со своих мест, где они жили, и пуститься в скитание по миру, такому непростому, часто жестокому, тому миру, в котором не всегда есть место жалости и сочувствию к обездоленному, миру, как ему тогда казалось, построенному на том, что сильный обязательно подминает под себя слабого.

Случалось, их травили собаками, били чем ни попадя, обзывая ворами и бродягами, показывали “от ворот поворот”, в лучшем случае говаривали: “Ступайте с Богом”, а то и отбирали последнюю корку хлеба.

Хотя чаще люди, сами бедняки, давали то, что могли дать: краюху хлеба, горсть крупы, несколько картофелин, лук...

Воспринимали их как обычное жизненное явление, без чего сама жизнь не может существовать, — в те времена на земле было немало скитальцев, и никого не интересовало, кто они, откуда: есть такое, и все тут. Это как дерево у дороги, валун в поле, тропка в лесу... Вот так она и течет — сама по себе, жизнь.

Но обычно после войн, неурожайных лет, каких-нибудь иных потрясений, разрушающих основы существования прежде всего семьи, странников на земле становилось больше. Тогда отношение к ним менялось из извечно христианского (подай ближнему) до инстинктивного — всех не накормишь, не согреешь — выжить бы самому...

Конечно, это отношение к горемычным не захватывает всех людей до единого, кого минет такая доля. Оно, неприятие обездоленных, накатывает постепенно, как вода в половодье, неся грязную пену, муть, при этом где-то за что-то цепляется, останавливается и через некоторое время постепенно оседает на дно. Тогда все вокруг становится чистым, прозрачным, возрождается, чтобы засверкать первородным светом. Так и среди людей: после бед, вражды, отторжения сильными слабых и горемычных постепенно появляется сочувствие к ним, желание помочь, облегчить страдания.

Старцы, с которыми в детстве, наверное, лет до четырнадцати-пятнадцати ходил Ефим (кто его годы считал, если он и сам не знает года своего рождения), хоть и были на одно лицо, но каждый светился каким-то своим внутренним светом. Ефим это чувствовал: он, свет этот, такой разный, но все равно теплый, добрый. Не раз битые другими, изгоняемые из крестьянских подворьев, униженные до такой степени, что, казалось, как после всего этого можно чувствовать себя человеком, старцы каким-то непонятным, необъяснимым юному Ефиму образом оставались людьми, способными не оттолкнуть друг друга, не бросить на произвол судьбы его, мальчонку, и не держать на людей зла.

Иногда, размышляя над этим, Ефим понимал, что это великий человеческий дар, который дан далеко не каждому, хотя, впрочем, может, и не дар, а жизненное приобретение, своеобразное выстраданное мужество.

Сам он, как считал, таким даром не обладал. Случалось, и нередко, обижал незаслуженно людей (а разве может быть заслуженной обида, да и кто кому дал такое право — обижать?). Был он зол на людей, которые жили не так, как он, и которые часто его обижали, как, между прочим, всю войну был зол на Иосифа, и еще мало ли на кого, кто в его понимании поступал не так, как надо...

Конечно, Иосиф здесь стоял особняком: свой же, из одной деревни, весь как на ладони, тот, вместе с которым немало пота пролито на полях и лугах, немало соли съедено да из одной миски хлебано во время сева, сенокоса, жатвы.

Так что здесь ты, хотя и чужой ему, а многим связан — жизнь такова, что без связки с людьми — тебе в ней очень тяжело.

И сейчас, когда Ефим обнаружил, что Иосиф ушел из деревни, старый,

беспомощный, да еще среди зимы, подумал, что если Кучинский и дотянет в одиночестве до весны, не упадет где-нибудь на дороге и если его не заметет метель, выживет, то, наверно, побредет по миру странником, просящим по-даение. Если такое случится, скорее всего, странствовать Иосиф будет не один — сейчас на горьких и пыльных дорогах родной земли много бездомных, искалеченных, отвергнутых жизнью. Вот только бы тот люд, которому посчастливилось выйти из этой страшной войны с наименьшими потерями, который при этом смог ничем не запятнать себя, не гнал бы прочь горемычных, страдальцев вроде Иосифа, подозревая их в несовершенных ими злодеяниях, считая виновными во всех людских бедах...

Сейчас еще трудно сразу, а порой и невозможно разобраться не только в людях, но и в самом себе, а уж быть судией всем и вся — грех.

Ефим к Богу обращался не часто. Разве что когда было очень тяжело, когда хотелось понять: почему, за что на него такая напасть, да нужно было самому себе уяснить, постыдный ли этот или тот его поступок. Хотя обращался он к Всевышнему иногда и в молодые годы, так тогда по иным причинам...

В Гуду Ефим пришел не один, а с товарищем, таким же, как сам, бродягой, которого встретил однажды во время скитаний. Как-то сошлись, слово за слово — и тот одинок, шляется по людям как неприкаянный. Сговорились, решили, что вдвоем легче.

Как раз стояла зима. Хорошая, снежная, ядреная. В полях заботы крестьянину нет, рожь обмолочена, нанялись они к Федору Ругилевичу делать гонт. Тот ставил сруб, намеревался отделить от себя взрослого сына, рабочие руки хозяину были нужны.

Тогда еще прямой как столб, высокий, черный как смолье, Ефим нравился многим девчатам во всех местах, где ему только приходилось бывать.

Головы Ефим им не морочил, ни в какие серьезные отношения не вступал: кто он, без роду и племени, да без дома, хозяйства, без земли? Греха на душу не брал, помня высказывания одного старца, что чужие слезы, если ты в них виноват, тебе же и отольются, как и то, что рано или поздно твое добро, сделанное другому, возвратится. (Если так, почему тогда сам тот старец всю жизнь горемычничал?)

И здесь, в Гуде, Ефим девушкам приглянулся. Бывало, пойдет на вечерки, те глаз с него не сводят. Местные же кавалеры не раз собирались отметить Ефима, но побаивались: его товарищ пустил молву, будто Ефим уже не один острог прошел, так что связываться с ним не надо.

Но тем не менее, несколько ночей подряд исчезал инструмент, который Ефим с товарищем оставляли под навесом. Как понимал Ефим, гуднянские парни хоть таким образом хотели показать пришлым, кто здесь свой, а кто нет.

Ефим и его товарищ несколько раз вынуждены были ездить в Дубосну на базар, чтобы купить там инструмент. Но однажды, когда вновь исчез топор, Ефим на вечерках сказал товарищу, чтобы все услышали:

— Игнатий, у нас с тобой опять инструмент увели. Но попомнишь мое слово: тот, кто это сделал, притянет его в зубы, да еще волком будет выть под окном у дяди Федора. Ты же знаешь, каким я словом страшным владею, сегодня же к утру на вора и напушу его. Вот тогда вся Гуда будет знать, кто это.

Почему он так сказал, и сам объяснить не мог. Наверное, на такое Ефима подтолкнуло то, что крестьяне в то время верили в Бога, а о всяких заговорах чего он только не наслушался от старцев.

Утром весь инструмент был на месте. И пошла тогда молва по деревне, что этот черный, Федоров работник, тайное слово знает. Молодые Иосифа зауважали, стали перед ним заискивать, а старики говорили, что от такого чародея надо держаться подальше.

А под весну зачастила к Федору его соседка, вдова, старая Авгинка. Она все о чем-то шепталась с Федором, вкрадчиво посматривая на Ефима. Однажды Авгинка нерешительно вошла в дом, постояла у порога, потом согнулась, робко подошла к нему, подала кошелку с яйцами, взмолилась:

— А дитяtko ты мое!.. А мой ты батюшка!.. Не оттолкни старуху, не плюнь ей в глаза... Горе у меня неутешное, помоги! Сколько буду жить, столько за тебя буду Богу молиться.

Старуха смотрела Ефиму в глаза, и он видел униженную, убитую горем, беспомощную женщину, которая, поняв, ищет у него если не избавления от каких-то страданий, то сочувствия. И он, еще толком ничего не зная, начал ее утешать, говорить, что поможет, если ему это под силу.

— К доченьке моей хворь пристала, — прошепелявила беззубым ртом старуха. — Ей бы уже к выданью ладиться, а она вдруг начала увядать. Осенью пошла по грибы, возле Вылазов встретили ее какие-то мужики, к ней бросились, так она еле убежала, сутки в болоте хоронилась, домой пришла сама не своя. С тех пор всего боится, иной раз меня не признает. У кого я только помощи ни просила, кто ей только воду ни заговаривал, а сладу нет. Ой, горюшко, цвела девонька, а сейчас чахнет на глазах.

Впервые пожалел Ефим, что назвался знахарем. Поверили люди в его ложь, а это не к добру. Чем он мог помочь этой старухе, ее дочери, если сам пнем, безграмотный, и кроме силы, данной ему природой, ничего не имеет? Вот если бы тогда он случайно оказался там в лесу, то, конечно же, положил бы тех выродков. Как сказать об этом старухе?.. Впрочем, какая она старуха, если у нее дочь на выданье? Пятьдесят, ну, шестьдесят лет женщине, а выглядит на все семьдесят, а то и более. От нележкой ли крестьянской жизни так состарилась, от горя ли к своему закату идет. Утешение ей нужно, сочувствие.

Ефим посмотрел на женщину и словно почувствовал, что у нее сейчас делается на душе: он — ее единственная и последняя надежда. И еще было у него такое чувство, будто какой-то слабый, самому непонятный луч тепла скользнул из его души, согрел старуху — по ее серому лицу словно пробежал отблеск света.

— Попробую, — сказал он тихо.

В свое время, скитаясь со старцами, Ефим слышал и от них, и от людей много чего таинственного и необъяснимого. Знал, видел, что от испуга, слеза словом добрым люди людей лечат.

— Веди меня, мать, к дочке своей, — сказал Ефим.

— Веди, веди, — будто приказал ей Игнатий, слышавший их разговор. — Он хворь ее как рукой снимет. Уж я-то видел, инструмент вернули. Ефимово слово силу имеет, я тебе говорю!..

А через полгода встала на ноги Авгинкина Марфа. Вновь расцвела девушка, зарозовели ее щеки, возвратились к ней веселость и радость.

Нет, не лечил ее Ефим словом таинственным, особым. Не знал он такого слова. Его сразу, как только увидел девушку, пробрала какая-то непонятная дрожь, какой-то необъяснимый огонь вспыхнул в душе. Да так, что зашатался юноша и, чтобы не упасть, припечатал руку к дверному косяку, еле сдержался, чтобы не застонать, а про себя произнес: “Подыму ее, за собой поведу, никому не позволю над ней глумиться...”

Долго не отходил Ефим от девушки, говорил ей ласковые слова, какие только знал, и она через некоторое время как ото сна очнулась.

И никуда он ее не повел за собой — остался Ефим в подслеповатой Авгинкиной хате. Не примаком остался, а, как говорили люди, Марфиным хозяином и мужем. О его знахарстве постепенно забыли, так как Ефим больше не соглашался никого лечить. Но его зауважали: всегда помогал соседям по хозяйству, коли нужда такая была, никого зазря не обижал, был крут, но справедлив.

Работал Ефим, как и все крестьяне — и день, и ночь. Но в богатеи так и не вышел, а когда коллективизация началась, так тут он вместе с Иосифом — в числе первых...

Вспомнили люди о его знахарстве, а точнее, вспомнил Иосиф, когда началась война, когда отправляли на нее сыновей.

Ефимовы сыновья были похожи на отца — такие же высокие, темноволосые, сильные. Были они у него поздние: Марфа почему-то долго не могла понести. Думали, что им придется век доживать в одиночестве, а она почти в сорок первенцем забеременела, Ефиму тогда было пятьдесят.

Двоих родила ему Марфа, одного за другим. Началась война, годок-то их призывной. И пошли на фронт Никодим и Иван. И Стас с ними на войну шел.

Идя со всеми в район, Ефим остановился за деревней на мосту, стал на колени и, как будто загораживая сыновьям дорогу назад, остановил их, решительно перекрестил: “Пусть не тронет тебя, Никодим, и тебя, Иван, пусть огонь и меч обойдут вас... Дети, благословляю вас на дело ратное. Так уж выпало на ваш век, что надо идти спасать землю, вместо того чтобы бросить в ее зерна. И нет вам пути назад без победы”.

Сыновья слушали отцовские наставления молча. Слушали его и мужчины, которые вместе с ними шли в военкомат. А было их много, вся деревня. Слышал это и Иосиф Кучинский. Он смотрел на Ефима с ужасом: неужто так можно о детях своих?

— С победой придем, отец, — сказал Никодим. — Иначе нам нельзя: наша земля здесь, все здесь наше. Знаем, не на погулянку идем.

И когда мужчины молча вновь зашагали по дороге, скрываясь в сухой горькой пыли, Иосифовы сыновья и Стас время от времени останавливались, поворачивали головы к деревне, будто понимая, что каждый должен ее запомнить такой, как есть, ибо потом, после войны она будет совсем иной. Иосиф тогда приподнял Ефима с колен, пересохшими губами произнес:

— Вставай, Ефимка...

Ефим встал. Но пошел не в деревню, а в райцентр, догоняя сыновей и мужчин.

13

Много раз за войну вспоминал Ефим тот день, когда проводил своих сыновей и гуднянских парней да мужчин на фронт, и свой разговор с Иосифом. Особенно часто вспоминал Иосифа, когда через некоторое время после оккупации в деревне объявился его Стас и спустя некоторое время надел на рукав полицейскую повязку.

И сразу же, а впрочем, с первого дня, как Стас стал полицаем, между Ефимом и Иосифом будто кто провел глубокую борозду и развел мужчин, некогда друживших, по ее разным сторонам. Сколько Иосиф ни пробовал поговорить с Ефимом, все никак не получалось. Ефим посматривал на него презрительно, и если, случалось, где-нибудь пересекались их дорожки, отворачивался. А Стасу вообще плевал в след. А однажды, когда тот, будучи выпивши, попробовал схватить Ефима за воротник рубашки, ловко вывернулся и, глядя тому прямо в глаза, бросил:

— Тхорь, ты на меня лапы не распускай! Смотри, найдутся люди, вмиг укоротят. Понял?

Стас этого не ожидал, на мгновение растерялся, а потом снял винтовку с плеча, ткнул дулом в грудь Ефиму и, наливаясь кровью, по-бычьи выгнув толстую шею, бряцнул затвором.

— Ну?! — крикнул Ефим. — Отойди! Если еще не попробовал людской кровушки, так одумайся!.. Не поздно. Придет время, все тебе отзовется, сопляк!..

Ефим повернулся и, не озираясь, пошел к своей хате. А Стас все еще стоял посреди улицы, держа в руках винтовку. Его трясло.

На шум из хаты вышел Иосиф, увидел Стаса с винтовкой и удаляющегося по улице Ефима, подбежал к сыну, повис на руке:

— Ты что это надумал, а?

— Уйди прочь! — хрипел Стас. — Уйди, а то не посмотрю, что батька. Защитник нашелся. Да я...

Больше он не нашел что сказать, резко забросил винтовку за плечо, повернулся и пошел в Борвицу, где стоял гарнизон, но через несколько шагов остановился, бросил:

— Ладно, сегодня я вас, дураков, помилую, ибо своего ума не вставишь. Поживите, просмотрите, что вокруг делается. Хорошенько посмотрите. Может, что-нибудь и поймете. Но еще раз случится такое — не ждите пощады!

Он взмахнул рукой, словно отрубил.

Вспоминал тот день Ефим и думал, что для таких, как Стас, нет ни Бога, ни человека, вообще нет ничего святого.

Помнил Ефим и то, что когда сожгли деревню, а он, вернувшись из леса, увидев пепелище вместо хат, черные печные трубы, беззвучно плакал, пытался отыскать свою Марфушку и не нашел даже ее следа... Как и многих своих соседей и односельчан.

Вспоминал, потом обессиленно тряся, стонал, звал сыновей, будто вновь видел их перед собой, будто вновь говорил им: "...Благословляю вас на дело ратное... Надо идти спасать землю... И нет вам пути назад без победы..." И слышал в ответ: "С победой придем, отец... Наша земля здесь..."

А еще вспоминал это раньше, когда из окружения в деревню вернулся раненый Михай, в окошко не стучал, а вполголоса позвал:

— Дядя Ефим, а дядя Ефим! Выйди...

Когда Ефим вышел, Михай пояснил:

— Дядя Ефим, моя вина, что к фронту не пробился. Кори меня за это, но прочь не гони. Нет моей вины, что пуля подкосила... Только знай, своей винтовки я не бросил... Скажи, где мне сейчас искать людей с оружием, где?..

Ефим не стал разбираться в путаном объяснении односельчанина: в чем есть его вина, в чем нет... Пусть сам определит для себя, если уже не определил. Подумал, что неспроста именно к нему пришел Михай: дружил с его сыновьями — ладно, это хорошо. Мальчишкой, юношей слушался и его, Ефима — было. А может быть, пришел к нему потому, что и он, Михай, слышал его слова, сказанные сыновьям в напутствие... Как знать, да и не до расспросов сейчас. Сказал ему:

— Люди, Михеюшка, они везде есть. А тех, что тебе нужны, я знаю, где искать. А пока дома схоронись, подожди, окрепни.

Сжималось сердце у Ефима, огнем польхало: может быть, сейчас вот так, как Михай, идут к родному дому его сыновья. Спросил:

— А моих не видел?

— Нет, дядя Ефим. Нас еще в районе разлучили. Их — в танкисты, меня — в пехоту. И вообще, разбросало наших кого куда, будто ветер развеял. Может, когда и соберемся, коль живы будем.

Через некоторое время Михеевы отец с матерью и Ефим провожали его в партизаны.

Хорошо помнил Ефим, как после освобождения вернулся с фронта Николай. Ковылял на деревянном протезе по пустой, сожженной деревне, плакал долго, стонал...

— Отвоевался, — сказал Ефим, обнимая его, когда тот немного успокоился.

— Там-то отвоевался, — ответил Николай. — А здесь что?

— А здесь сам видишь.

— Вижу. А твои-то парни как?

— Пока вестей не подают, — сказал Ефим. — Вот Михай, считай, с начала войны здесь.

— Это как? — удивился Николай.

— Окруженец он. Партизанил.

— Партизанил?

— Да раненый он пришел. И сейчас кашляет. Грудь прошибло. На нем вины нет. На других есть. С Михея какой спрос? — успокоил тогда его Ефим.

14

...Пока глаза привыкали к густой темноте, Ефим внимательно прислушивался к тому, что делается вокруг. Было слышно, как в сарае мекает коза, в лозняке за рекой время от времени глухо, как ветер, воет волк.

Ефим нащупал возле двери землянки железный прут, взял его в руку и, отвернув лицо от ветра — последнее время даже слабый ветер вышибает из глаз слезу, — заспешил к сараю. Он слышал, как в морозном воздухе разлетается слабее эхо его шагов...

Такие ночные походы к сараю, где лошади и коза, у Ефима — каждую ночь. Вроде никто его к такому делу и не приставил, а он все равно считает,

что это его обязанность — смотреть, как там и что... Если monthly и безветренно, Ефим, придя сюда, убедившись, что все, как и должно быть — лошади и коза на месте, долго осматривается вокруг. Как привидения, зловеще поблескивая, бросая тяжелые тени, возвышаются над засыпанными снегом пепелищами печные трубы. Огромной, таинственной кажется темная полоса дамбы. Молчаливые дубы, будто чугунные, стоят возле нее...

Такие ночи, когда все можно различить вокруг, Ефим не любил. Он, возвратясь в землянку, не мог спать такими ночами. Его угнетало одиночество и ощущение того, что он совершенно бессилён в этом огромном, так и непознанном им мире...

Сейчас, подходя к сараю, Ефим неторопливо достает из кармана ключ, открывает замок. Рядом с ним скрипит протезом Николай: сегодня почему-то и ему не спится. Мысли какие-то тревожат или просто тянет посмотреть, как хозяйство, Ефим не спрашивает.

С улицы в сарай, шелестя остатками соломы по углам, влетает ветер. В стойле фыркают лошади.

Ефим закрывает дверь, нащупывает в кармане коробок спичек, зажигает старый фонарь. Слабый свет высвечивает кругляк у стены, хомуты, упряжь, подвешенные на гвоздях, сдвигает в углы тьму, из изгороди вытягиваются длинные лошадиные морды, по стенам скользят тени.

Ефим по деревянной жердяной лестнице поднимается на сеновал, там он берет сено, прижимая к себе, осторожно ощупывает ногами лестницу, спускается вниз, бросает корм лошадям, рассуждает:

— Весной будет легче. С дамбы сойдет снег, там раньше, чем где, появляется трава, смотришь, заживем. А сейчас, вишь, мох со стен повыскубали.

Николай слушает Ефима, соглашается с ним. Поговорив, они возвращаются к землянкам. Там они молча расходятся — каждый направляется к своей.

15

На исходе зимы Ефим, Николай и Михей, управившись с сеном, начали таскать из леса бревна, которые заготовили ранее.

Сосна была хорошая, не переспелая. “Само то, что надо на сруб”, — говорил Ефим, когда мужчины по бревнышку, комлем, втягивали на сани.

Одни бревна, по длине хаты, резали на семь шагов, другие, по ширине, на пять. Такого размера, как задумали мужчины, должна быть хата: большая Кате с одним ребенком пока и не нужна. Да и лошади, хотя и запряженные в парк, больше не потянут. Размышляли и так: потом уже, когда окрепнем, когда вернутся с войны мужики, когда хозяйство прочно на ноги станет да более-менее отстроится Гуда, к Катиной хате приладим трехстенок...

Стояли ясные безветренные дни с чистым голубым пологом неба, с солнцем, которое с каждым днем ходило к нему все выше и выше и к полудню становилось по-весеннему ярким.

Снег быстро посинел, затем покрылся серым цветом, будто посыпанный пеплом, стал ноздреватым, осел на дороге, и когда станешь на него на целине, под обувь уже выступает вода.

Сполз с деревьев иней. Они сбросили с себя черноту, убралась в коричневое, посветлели придорожные березки.

Днем уже хорошо пахло весной, свежим ветром, приносящим из леса запахи сосны и ели. А вот дубы все еще стояли черными, на их ветвях сухо трепетала не опавшая на зиму редкая листва.

В деревне чувствовалась жизнь: лаяла, заливалась, почти не переставая, собака, мекала коза, ржали лошади, горлопанили чудом уцелевшие петухи, шумели Валик и Светка, женщины выходили к реке полоскать в прорубях белье.

Сползла постепенно и наледь с окон хаты Иосифа Кучинского. Иосиф, возвратившись из города, так и не осмелился выйти к людям. Он по-прежнему сторонился их. Если ему нужно было сходить к колодцу за водой или принести из-под навеса дрова, он сначала смотрел через окошко на улицу, нет ли там кого.

Иосиф жил прежней жизнью, понимая, что никто его не ждет, что никому он не нужен.

Утром видел Иосиф, как мужчины ехали за бревнами, разговорчивые, кажется, даже повеселевшие. Днями он слонялся по хате без дела, а ближе к вечеру вновь садился у окна, смотрел на дорогу. Сначала возле левого берега реки появлялась красная дуга, она то опускалась в низинку, то поднималась над ней, покачивалась равномерно, затем плыла над гребнем дамбы, а в том месте, где дамба огибала деревню, из-за насыпи показывались головы лошадей. И вот уже наступал тот момент, когда появлялись сани с бревном. За санями, подталкивая их, шли мужчины. Когда они проходили мимо Иосифовой хаты, он видел, что лица у них утомленные, обветренные.

Часто именно здесь, напротив его хаты, к саням подбегали Валик и Светка, рядом с ними прыгала, заходила в радостном лае собака.

Потом, когда лошади направлялись к Катиному подворью, из землянки выходила хозяйка. Ступала она, как замечал Иосиф, осторожно. Было хорошо заметно, что женщина беременна.

Катя выносила деревянное небольшое ведрышко и кружку. Мужчины по очереди долго пили.

Иосиф с интересом смотрел на Катю. Живот у нее острый (а может, ему так казалось, попробуй рассмотри отсюда, да еще если он скрыт ватником), как был некогда у его жены, когда ходила беременная Стасом. Молода была тогда его Мария. Это он, Иосиф, долго после Теклиной измены холостяковал, почти до сорока дотянул, девчат и женщин сторонился, пока с ней не сошелся. Как знать, не она ли, Мария, его, бобыля, тогда выбрала. Может, родители посоветовали, а может, сама: есть в селе мужик ничейный... Вот и сложилось так, что Стас у него поздний, да и у Ефима сыновья поздние, считай, ровесники. Но давно уже нет Марии, и Теклюшки нет: раскулачили ее семью, сослали. Может, там, где-то на чужбине, убереглась она, а может, и нет — кто знает...

Сейчас, глядя на Катю, он думал, что у нее обязательно будет мальчик: старухи всегда определяли, кто должен родиться, — если острый живот, то мальчонка, если круглый — девочка.

Конечно, мальчик будет похож на Петра. А как же?

Думал Иосиф и о том, что когда-нибудь, если ему еще отпущено пожить на этом свете лет этак десяток, однажды пересекут их дороги: сынишки Петра да Кати и его... Думал и почему-то не боялся того момента, а наоборот, успокаивал себя в ожидании, представляя эту встречу, ибо она будет очень нужна Иосифу. Он должен знать на остаток своих дней, кем ляжет в землю: отщепенцем, отцом предателя или человеком, который ни в чем не виноват перед людьми...

Мужчины, Ефим и Михай, скатывали бревно с саней. Николай, прихрамывая, топтался чуть в отдалении, чтобы не мешать.

А еще позже, через несколько дней, Иосиф видел, как мелькают, поблескивают отточенной сталью в руках мужчин топоры, как из-под острых лезвий летят по сторонам щепки.

Иосиф представлял, как там, на площадке, сейчас пахнет смолой и с каким желанием работают мужчины.

Тогда что-то щемяще-сладкое подступало к сердцу, кружило голову, казалось, руки начинали чувствовать топориче, его отполированную поверхность, тепло дерева. Рукам нужно было дело. Но...

Время шло. Мелькали дни, постепенно рос сруб, венец ложился на венец. С каждым днем все выше и выше ходило по небу солнце, все дальше и дальше отодвигался серый горизонт.

16

В начале апреля весна пробудилась по-настоящему. Весь март снег еще держался — ночи были холодными, и зима отступала неохотно. Вечерами хорошо подмораживало, случалось, мороз крепчал и покрывал льдом все, что успевало растаять за день. В апреле же как-то сразу все вокруг переменя-

лось. Солнце стало ласковым. Побежали к реке ручьи. Вокруг все поплыло. Ветер хотя и озорничал, но уже не нес того холода, который ранее колот лицо, руки. Зашевелились, словно пробудились ото сна, веточки сирени, доверчиво потянулись к солнцу. А вскоре прилетели скворцы, иплыи несколько дней подряд по небесной синеве в Демковские болота журавли.

А еще через некоторое время над Гудой закружил аист.

До начала войны у деревни на старом дубе возле дамбы было его гнездо. Аисты каждое лето ходили по лугу возле реки, выводили птенцов, учили их летать, чтобы осенью увести от здешних морозов в далекие теплые края, а весной привести назад, на эту землю, где родились.

Перед войной женщины, рвавшие щавель возле дуба, принесли весть, что аисты сбросили одного птенца.

В мире было беспокойно, и старики говорили, что это (выброшенный из гнезда птенец) плохая примета, хотя люди и без того жили в тревоге: если война идет по земле, она непременно докатится и сюда. Говорили шепотом, поглядывая по сторонам: за такие разговоры можно сгннуть где-нибудь в Сибири...

Жили здесь аисты и в войну. Казалось, она должна была обойти их, этих святых птиц. Но нет, когда горела Гуда, птицы всполошились, покинули свое гнездо, долго высоко кружили в небе над деревней, потом улетели... И сейчас никто не помнил, да и не знал, не видел, к тому времени птенцы уже умели летать или нет, и что с ними стало. Ефим тогда видел в задымленном небе только двух птиц...

Сейчас аист прилетел один. Может быть, он был из той пары, которая тогда жила здесь: прилетел посмотреть, что и как, чтобы потом привести подругу, ждавшую (так всем хотелось) где-то его. А может, это была иная, чужая, нездешняя птица, которая искала людей, чтобы поселиться рядом с ними: ведь аисты всегда ладили гнездо рядом с человеком. И сейчас люди хотели, чтобы эта птица вернулась к ним. Особенно хотелось этого детям: Валику и Свете. Они бегали по улице, махали руками, кричали:

— Аист, аист, лети сюда!.. Обойдет тебя беда...

Кто научил их этим немудреным словам, люди не знали, но, глядя на детей, слушая, как они зовут аиста, улыбались. Это были редкие улыбки, непринужденные, греющие душу, пробуждающие в людях человеческое, освещающие огрубевшие лица.

Но как дети ни звали аиста, он так и не сел в старое гнездо (может быть, чужое для него), не махая крыльями, уплыл по голубому небу куда-то в сторону Забродья.

...Лошади, когда Ефим снял с них упряжь, поняли, что после тяжелой работы им дают волю, стригли ушами и, помахивая хвостами, зашлепали копытами по раскисшей дороге. Ефим вел их на пастбище.

Сегодня мужчины не возводили сруб, они будто спохватились, что скоро нужно будет ставить перекрытие, с утра съездили в лес за жердями. Намучились вдоволь. Местами кони шли сами — дорога раскисла — местами же мужчины подталкивали колеса, но все же привезли два воза жердей. Прикинули, что этого хватит на кровлю, и еще останется. А что останется — не пропадет, деревню надо отстраивать.

А сруб они возвели хороший, уже до половины окон. Катя попросила, чтобы хата была без глухой стены. Чтобы в ней весь день было светло: как встало солнце, так и заглянуло в окошко, и в полдень там, и чтобы последний луч, как оно к закату скатится, в избе засыпал. И вот сейчас сруб желтел гладкой сосной, радовал глаз.

Сегодня впервые Ефим вел лошадей на весеннюю зелень. Вел на дамбу. Когда были в лесу, заметил, что местами уже хорошо зеленеет разнотравье, особенно там, где выше, суше.

Лошади вышли из зимы не сытыми, но и не доходягами: сумели сохранить их мужики, экономя, сена хватило до сегодняшнего дня, и еще немного осталось.

И вот первый раз лошади на пастбище, на воле... А воля коню, пусть и со слабым кормом, нужна!..

Отсюда, из деревни, было хорошо видно, как за мостом возле дамбы острые льдины режут берег, крошатся, ударяясь в камни, как пенится темная вода, затопившая с той стороны луг и подбирающаяся к Демковскому лесу.

Вода на том берегу поглотила дороги: и сейчас к райцентру ни пройти, ни проехать. И так будет почти до самого лета, пока река, нагулявшись вволю по дорогам, лугам, перелескам, устанет, успокоится, войдет в берега. И если бы не дамба, сейчас река гуляла бы по деревне, захлестнув землянки, затопив подворье Иосифа, и может быть, забралась бы и в хату. А вот до колхозного сарая, в котором стоят кони, вряд ли добежала бы: мужчины собрали его на погорке.

“Скажи ты, — размышлял сам с собой Ефим, — реке уже пора очиститься от льдин, а они все неизвестно откуда плывут и плывут. Да, большая нынче вода, для многих деревень, стоящих на реке, весна будет тяжелая, так что спасибо военным, у нас дамба есть, нам легче...”

Солнце спускалось к горизонту, к гребню леса, но не Демковского, откуда встает, а Гридецкого, лежащего выше, на западе. Там бор. Настоящий. Там уже иные хозяева, не гуднянцы и забродцы, а гридецкие и стрижевские, да земленикские. Эти три деревни находятся в лесной глуши, далеко от Гуды, но близко одна от одной. Там уже чужой, иной район. Тамшний люд сюда редко навдывается, разве что случайно. Но и эти лесные деревни фашисты не пощадили, сожгли.

Ефим посмотрел на солнце. Сейчас оно не слепило, как утром, было хоть и красное, но будто потянуто синеватой пленкой. Зеленовато-розовое чистое небо подсказывало ему, что ночью возьмется морозец. Ко всему, деревья возле дамбы почернели, словно не было днем их коричневого свечения. Их густо облепили грачи, они беспрестанно кричали, заглушая все окрест. Дубы бросали на землю длинные тени, местами пересыпанные холодными блестками росы. Повевало холодком.

Ефим повел лошадей к дамбе. Остановился. Осмотрел все вокруг, прищурил глаза. Ему представилось лето, луга в разноцветьи, те луга у реки, куда он ведет лошадей в ночное, небольшой костерок на берегу, соловьиное пение...

Сколько за свою жизнь, работая в молодые годы на богатых, а потом, как остановился в Гуде, уже будучи сам хозяином, затем в колхозе водил он лошадей в ночное!.. И всегда у него было такое ощущение, будто душой прикасался к неразгаданной тайне вольности и бесконечности мира!.. В небе светится Млечный Путь, мерцают мириады звезд, иногда какая-нибудь сорвется да покатится золотым шариком по темному полотну, оставляя на нем огненную дугу... И фыркают лошади, время от времени стучат подковами о камни в траве... И шумит река, ее темная лента дрожит посреди желтой лунной дорожкой... Чарующе, неповторимо. В такие минуты, когда вдруг забываешь все былое, хорошо на душе. И жизнь кажется прекрасной, бесконечной, и ощущение такое, что ты сам вечный, как вечно земля... Но это так, только на время.

Ефим спутал лошадей, погладил их по шеям, посмотрел, где суше, там травка хорошо взялась, уже кольшется, дышит.

Лошади поскакали поближе к кустам, к реке — там трава повыше, гуще: туда так туда...

Ефим не спеша скрутил самокрутку, с наслаждением выкурил ее, посмотрел на грачей: кричат, наверное, что-то рассказывают друг другу, кто знает...

Он еще постоял немного, повернулся и пошел к деревне. Под ногами хрустел тоненький, словно паутинка, ледок, дорога подмерзала, и мокрые ноги в растоптанных сапогах начинали мерзнуть.

Отсюда, с дамбы, удерживающей в своей подкове кипящую, в обломках льдин, воду, Гуда была хорошо видна. На фоне темно-синего неба в рыжих потоках, черная, отражались столбы печных труб, за ними — серые низкие насыпи землянок. Хага же Иосифа Кучинского горбилась на отшибе, ее окна уже не блестели, лучи скользили мимо них. В стороне от нее желтели бревна Катиного сруба.

Над землянками чуть поколыхивались тонкие, снизу сизые, а сверху золотистые ленты дыма. А вот из трубы Иосифовой хаты дым не шел.

“Смотри ты, — подумал Ефим, — как рано ложится спать. Может, днем что варит, когда мы делом заняты. Пусть варит, нам-то варить нечего, разве что вот-вот щавелек пойдет...”

...Вдруг Ефима что-то сильно толкнуло в спину, сорвало с головы шапку, покатило ее по дороге. В то же мгновение обожгло шею, перехватило дыхание, будто переломав Ефима посредине, бросило на землю, сдирая кожу с рук, потянуло по чему-то шершавому, как рашпиль.

А еще через мгновение он услышал взрыв. Перевернувшись лицом вверх, Ефим увидел в черной синеве комья земли, осколки деревьев, разорванные кусты, — все это медленно расплзлось в вышине, и застыв там на минуту, устремилось на землю.

Воздух звенел...

Ефиму казалось, что в этом пронизывающем все тело звоне он слышит ржание лошадей: оно то наплывает, то ульывает, и эхо его теряется где-то далеко-далеко... Через какое-то время (минута, две, три... мгновение?) звуки исчезли, и тяжелая тишина, волны горячего спрессованного воздуха обожгли его лицо, руки, горло, словно Ефима пригвоздили к холодной земле. И Ефим, шуря глаза от страха, все же нашел силы, приподнял голову, посмотрел туда, откуда все это...

Дамба...

Дамба исчезла. Исчезли лошади, деревья, грачи, и только дым развеивался над вспененной, высокой, в человеческий рост волной, катившейся на него. Волна была еще далеко, и Ефим успел подумать, что здесь, у деревни, она ослабнет, осядет, расплзется по сторонам, не успеет смять его, смыть.

Он, немощными усилиями преодолевая слабость и боль, оттолкнулся окровавленными руками от земли, встал, повернулся и посмотрел в сторону деревни. А оттуда, спотыкаясь, бежали к нему Николай и Михей. Вернее, бежал Михей, а позади, изрядно отставая от него, скакал на деревянной ноге Николай. И Ефим решил, что волна не осядет, не расплзется, а, наоборот, с каждым мгновением будет расти и накроет, унесет мужчин. Он замчал им руками, бросился навстречу, чтобы остановить их, уберечь от беды.

Он кричал, чтобы они бежали назад, подняли Катю, детишек, уводили их на погорок, к сараю. Ефим кричал и не слышал своего голоса. И когда волна возле деревни догнала его и сильно толкнула под колени — до мужчин было еще метров сто, — он, устояв, повернулся к реке и, убедившись, что дамбы действительно нет, простонал:

— Кони!..

17

Иосиф уже дремал, как услышал глухой гул, а через мгновение его потрянуло, будто в кровати отвалились ножки, зазвенели стекла в окнах, с потолка посыпалась пыль.

Ничего не понимая, он соскочил с постели. Вокруг все дрожало, было такое ощущение, будто где-то за деревней, у реки стреляют из множества орудий, и эхо выстрелов катится по земле.

На улице что-то звучно падало в грязь, трещали жерди забора, слышались невятные крики, жутко и глухо выла собака.

Через несколько минут гул утих, но на улице по-прежнему что-то трещало, рядом с его хатой послышались людские голоса. Иосиф бросился к окну. В это мгновение треснула оконная рама, разлетелось вдребезги стекло, лицо обожгли холодные брызги воды.

Иосиф с трудом удержался на ногах, отпрянул назад, ожидая, что сейчас вода захлестнет хату. Но холодная волна откатилась. Он увидел в полумраке, как она уносит раму, похожую на крест, увидел людей, убегающих от нее по направлению к сараю, стоящему на погорке на том конце деревни.

“Паводок!” — мелькнула мысль. В это мгновение он не подумал, что есть дамба, которая должна защитить деревню от паводка, но тут же ужас-

нулся, вспомнив, что еще никогда река так сильно не разливалась. Значит, дамба...

И тогда Иосиф, будто это происходило вчера, увидел, как на дамбе, покрытой поздним разноцветьем, ползают немцы. Значит, отступая, они ее заминировали. Он видел их на дамбе, видел один из гуднянцев, ибо мужчины, Катя, ее соседка и детишки находились в лесу, прятались от фашистов, и ничего тогда не понял.

И как это никто не догадался, что дамба, эта земляная насыпь, заминирована? Зачем? Это же не мост, да и деревни, если уж так, нет: разве что его хата да несколько землянок.

Иосиф почувствовал, что стоит в воде и что ноги обжигает холод. “Хлеб!” — мелькнуло в его голове. Иосиф инстинктивно бросился в сени. Увидел, что фанерные двери в кладовую сорваны с одной петли и, перекосившись, висят на другой. Он вошел в кладовую. Там тоже плескалась вода, доходила почти до колена. Иосиф глянул на тяжелую полку у стены, приделанную на высоте чуть выше колен. Мешок зерна лежал там, на месте. Он поднял его, сделал шаг к высоким, в пояс, жерновам, с огромным усилием поставил зерно на них. Затем, вытирая пот со лба, облегченно вздохнул: “Успел”.

Иосиф знал (так всегда было ранее), что через день-другой паводок загонит его на чердак. Он станет там жить, перетянув туда постельное тряпье, нехитрые съестные запасы и, естественно, это зерно. Потом он будет днями сидеть на пологом покрытии сеней, наблюдать за тем, что делается вокруг, ждать, когда вода начнет убывать. А уходить она начнет постепенно. Сначала отступит от стены сарая, надолго оставив на ней свою темную отметину — ровную полосу, словно проведенную огромной кистью. Потом отступит от навеса, опустив на землю наверняка поднятую сейчас там лодку, надежно привязанную, затем уйдет со двора, унеся с собой мусор, доски, дрова, если, конечно, их не прибрать с осени повыше в поленницу. И наконец, вычистит подножья куста сирени от прошлогодней листвы и прочего хлама, войдет в дуга, чтобы, побродив там, поколобродив, вернуться в речное русло. Тогда сейчас близкий горизонт отодвинется дальше, за лес, все вокруг вспыхнет мягкой зеленью, засияют слепящей пушистой желтизной приречные вербы. Небо тоже, как и земля, изменит свой цвет: голубизна его, сейчас вязкая, словно затвердеет, поднимется выше.

Все это произойдет не сразу, но ты все равно каждый день будешь замечать изменения, происходящие в природе, радоваться им. Ты увидишь, как постепенно возвращается к прежней жизни деревня. Будешь переговариваться с соседями, тоже сидящими на крышах сеней, и время от времени станешь, спускаясь вниз, садиться в лодку. Ты всегда весной привязываешь ее на длинной цепи к балке покрытия сеней (это сейчас она под навесом), вода поднимет твой корабль и, отвязав, начнешь плавать по деревне от дома к дому — мало ли кому нужно чем-то помочь, что-то подсказать: ты же здесь, если не считать Ефима, самый пожилой человек и довольно опытный в житейских делах.

Ты будешь помогать сельчанам, а они — тебе, и у вас найдется много общих самых разных забот, дел, и вы сблизитесь на все это время, как, впрочем, происходило всегда в такие времена, когда одна общая беда одинаково касалась всех...

Да, это было — из иных времен жизни деревни, не таких, как сейчас. И если нынче обо всем этом думаешь, как о том, что так и будет, — то зря. Тогда, когда все так и случалось, в Гуде жило много разных семей. И людей тогда здесь много жило “от мала до велика”. Груднички, школьники, женихи, невесты, родители, бабушки, дедушки...

В то время, кажется, люди терпимее и добрее относились друг к другу. Сейчас нет деревни как таковой. Нет многих и многих людей, а терпимость и доброта тех, кто остался в живых, унесло пламя — следы не отыскать, эха не услышать... И новый паводок уже не сблизит его с этими гуднянцами. Между ними и Иосифом — дамба. И не такая, как была эта, которую можно разрушить, уничтожить, вновь возвести, а нерукотворная, неподвластная никакой силе, а только теплу или холоду людских сердец...

Иосиф сейчас боялся (раньше такого страха он не ощущал), что паводок загонит его на чердак. А там ты перед людьми, собравшимися на сарае на том конце деревни, — как на ладони, как бельмо в глазу. Он знал, понимал, что именно там, в колхозном сарае, стоящем на погорке, его односельчане и будут пережидать ненастье.

Сейчас Иосиф отошел от своеобразного шока, вызванного неожиданностью. Как следует поразмыслив, определив, что вода прибывает уже не так стремительно — простор ей большой: от леса до леса, — он немного успокоился. Да и успел сделать самое главное: зерно спас.

Отдышавшись, Иосиф осмотрелся. Увидел лесенку у стены, приставленную к потолку, к лазу в потолке. Этот лаз перед войной он заколотил досками накрест.

Когда-то, до того как насыпали дамбу, лаз был нужен, а как появилась дамба — нет. И заколотил он его не только за ненадобностью, но еще и потому, что иногда думал: вот отлучусь из дома, кто-то через крышу заберется в хату. Впрочем, о том, что в твое жилье может забраться чужой, раньше не думалось, но незадолго до войны, когда военные проводили здесь маневры, вдруг пошли разные разговоры о каких-то нарушителях, шпионах, диверсантах...

Иосиф в темноте нашел топор на лавке, стал на лесенку, оторвал доски, отбросил лаз. Потом босыми ногами, не обращая внимания на холод, захлопал в хату. Там в печурке нащупал коробок спичек — драгоценность невероятную. Там же находился и полотняный мешочек с кремнем. Это добро всегда лежало у него там же на случай, если спички отсыреют. Затем взял свечу под образами, зажег ее.

Желтый язычок слабого пламени всколыхнул вокруг тьму, потом, набравшись силы, отбросил ее по углам, толкал ее туда, задрожал на воде.

В первую минуту Иосиф почти с облегчением вздохнул, увидев, как по хате, словно живая, задвигалась его тень. Но вскоре опешил: тень будто влипла в рамку с фотографиями, что висела на стене, найдя себе место рядом с Маришным изображением, с пятном, где когда-то был Стас.

В то же мгновение Иосиф услышал, как затрещала свеча, язычок ее пламени затрепетал, будто на ветру, и казалось, еще мгновение — она погаснет.

Иосифа охватил ужас: он вспомнил, как еще в его далеком детстве старухи говорили: если зажженная свеча трещит, а пламя в безветрие мечется по сторонам, значит, вокруг то, что не видно человеческому взгляду. И оно — нечистое...

Он понял, что это за “нечистое”. Уяснил, откуда оно. Понял, кто носил его в себе. Ужаснулся: оно все время окружало его, Иосифа, шло рядом с ним много лет, угнетало, звало к себе. Он подсознательно пытался уйти от этой чертовщины, да тщетно. И вот сейчас...

Иосиф перекрестился, повернулся, намереваясь выйти из хаты, но в стену ударила новая волна. Стена задрожала, с нее сорвалась, упала в воду рамка с фотографиями. С минуту она держалась на поверхности, потом в мгновение исчезла в темной воде, глухо ударилась о пол.

“Ну вот, Мария, тебя уже совсем нет, — слабо прошептал он. — Эх, как нас жизнь скрутила... А любил же я другую. И ты любила другого. И жизни наши могли иначе сложиться, в радость: и твоя, и моя. Только, что ни говори, уже ничего не изменить, не исправить, разве что в мыслях...”

Текля... Долго он присматривался к ней. Ее образ сжигал его, следовал за ним неотступно всегда и везде, пленил.

Большие васильковые глаза, длинные, ниже пояса, косы, гибкий стан... И если, случалось, глаза их встречались — сердце у Иосифа замирало.

До последнего вдоха не забудет, как осмелился подойти к ней, как в Немках вместе с Ефимом косили Юхновцу. Тогда Текля вместе с женщинами подсобляла старому Бонафацию управляться по хозяйству.

— Ты чего это меня сторонисься? Кусаюсь, что ли? — спросила она тогда.

— А я и не сторонюсь, — сторяя от непонятного чувства, сказал он. — Работы много, некогда присматриваться.

Он помолчал, потом осмелел:

— Давай вечером погуляем.

— Давай, — согласилась она.

А вскоре люди начали говорить, что они “любятся”. Хорошо говорили, предвидя осеннюю свадьбу: тогда в деревне женились, управившись с работами. Да, видимо, сглазили.

Как-то жито жали. Бабы слух пустили: в снопах в срамном виде невзначай заспели Теклошку и Бонафациевого Авдея. Бросился Иосиф к Авдею, а тот осадил его: “Убыю, не трожь. Сейчас она моя, на ней мой знак оставлен...”

Так и разошлись их с Теклей пути-дороги. Правда, однажды вновь переплелись, и, наверное, Иосиф имел возможность стать счастливым, соединиться с Теклей, но...

...Гладкие, сытые кони Авдея Юхновца под звон бубенцов несли свадьбу из Демков в Дубосну, в церковь, венчать молодых. Из-под копыт разлетались комья мокрого снега. Слышалось: “Гони! Гони!..” Иосиф и еще трое гуднянцев, его одногодков (их нет уже в живых, сгинули в войну) по обычаю как раз у реки перегородили свадьбе дорогу жердями — как говорили в деревне, “бросили зайца”. (Парни хотели получить водку, Иосиф же согласился идти с ними по известной причине — Теклю напоследок увидеть.)

Дорога спускалась с погорка, вдоль небольшого ельника, и как раз у моста сани разгонялись. Вот здесь и вздыбились кони, заржали: возницы осадили их.

Из переднего возка вылетел Авдей, словно столб, протянулся по снегу, заорал как резаный:

— Бей гольгтыбу!.. Вишь, Авдеевой водки захотелось!..

Повыскакивали из саней Авдеевы дружбаки, били гуднянцев и Иосифа как только могли: ногами, руками, нагайками, потом окровавленных бросили на снегу.

А Иосифу тогда (почудилось, или это было на самом деле) послышался ее голос:

— Что же они с тобой сделали, изверги?..

И еще Авдеев:

— Назад, сука!.. Обоих порешу!..

Наверное, почудилось. Еще бы: Текля вытирает его окровавленное лицо белым платочком да шепчет: “Слово молви, с тобой останусь. Не люб он мне, силой тогда в снопы утащил...”

Не сказал тогда слова Иосиф, то ли избитый не мог его молвить, то ли обида жгла.

Ушла Текля. Авдей все же “смиловивился” над избитыми в горькое яблоко парнями — бросил им водки...

А еще говорили потом, что прежде чем парни перегородили дорогу, Иосиф поперек нее лег... Нет, не помнит он такого...

А если и случилось все так, как говорили, то сам виноват, что не сказал тогда Текле того единственного слова, которое должен был сказать, чтобы по-иному пошла его жизнь. Не сделал одного-единственного шага, который мог изменить его судьбу. Как, впрочем, и потом много уже раз в иных обстоятельствах не смог сказать, сделать того, что следовало сказать, сделать, чтобы жить по-иному — радостно и счастливо. Значит, судьба его такова, неподвластна она ему: не мог, не может он ее изменить.

Значит, всю жизнь окружали и окружают его не те силы, как иных людей, не тем путем он шел, каким надо было идти. Вот и сейчас свеча трещит, как бы подтверждая это. Так что уже ничего не изменишь, если до сих пор не сможешь изменить. Да и надо ли?

Остановившись на этой мысли, Иосиф понял, что жалеет себя. Он сожалеет, что его жизнь не получилась, что он многим обделен судьбой неизвестно почему и за что. Он вроде и пытался что-то изменить в ней, но не получалось: то ли нерешительно это делал, то ли боялся, что перемены ни к чему лучшему не приведут. А может, потому, что все время и везде — один, ожидая от кого-то понимания и сочувствия, и при этом все больше и больше жалел себя...

Так вот почему, стремясь к людям, он так и не пришел к ним!.. Жалость к себе мешала, обиду на них таил, дескать, не хотите понять, как мне тяжело одному со своим горем. Не разумел, что у других горе еще похлеще твоего, что иным горше, чем тебе. Вот и сбились они, “другие”, сейчас маленькой горсточкой на чердаке сарая, ждут, а что дальше. А что дальше — одному Богу известно, ведь помощи им ждать неоткуда, да и кто поможет, если одни они на целом свете. Впрочем, одни-то одни, но вместе, а вот он один как перст, и быть ему одному до последнего часа своего. А час тот, наверное, не так уж и далек: прикинь по годам, жизнь-то, выходит, прожита. Но как, с кем?.. С людьми ли?..

Если подумать, он все время уходил от них, сторонился их. Жил, вроде стесняясь людей. Ведь они счастливые и беззаботные, а он... И стыдно ему, что он не такой, что Теклюшку позволил увести, что Марию, молодую, пожилой взял неизвестно почему, что родители ее нелюдьями слыли, что Стас таким уродился, что никогда он, Иосиф, не поступил так, как надобно было именно ему, а не кому-то иному.

Стыдясь, уходил прочь от людей. А может, все это время он уходил от самого себя?..

Иосифу от этой мысли стало совсем плохо, но он уже не мог остановиться, она вытаскивала другие, требовала обоснования, заставляла до конца понять свое душевное состояние.

Да, он никогда не думал, что от себя нельзя убежать. Выходит, он должен страдать, и, наверное, как когда-то в старину говорили набожные люди, ссылаясь на Библию, страдания облегчают душу. Но он в Бога давно не верит и, наверное, никогда не верил. Ефим говорил как-то: “Среди людей живем, перед ними и ответ держать будем...” Правду говорил... Среди людей... только, опять же, среди них ли жизнь его протекла? Нет, вдали от них. Скользнула в стороне, случилось, иной раз выходила к людям, как к свету, а свет тот обжигал его, и вновь Иосиф уходил в сторону, в тень. А там в стороне, в тени, в одиночестве он почему-то ощущал себя легче и спокойнее. Во всяком случае, раньше ему так казалось...

И вот сейчас Иосиф должен прийти к ним, к людям.

На дворе уже совсем стемнело. Через проем окна в хату врывается колючий холодный ветер. В темном небе слабо мерцали звезды. Их отражение покачивалось на черной воде. От его хаты туда, где сарай, где люди, бежала, ломаясь, желтая лунная дорожка.

18

...Когда мужчины прибежали к Ефиму, а он к ним, вода уже доходила выше колен. Николай и Михай подхватили старика под руки, боясь, что он упадет. Ефим же, отдышавшись, обессиленно молвил:

— Лошадей погубил...

— Не ты, война, — сказал Николай. — Заминировали, сволочи, дамбу, а мы и не подумали об этом. Никто не подумал, что может произойти такое, не проверил. Мост проверили, на том и купились. Так что, дядя Ефим, не убивайся, не вини себя. Твоей вины в этом нет. Кто же мог подумать, что наша деревня даже одной избой немцу страшна?.. Успокойся да подумай о том, что могло случиться, если бы детишки с тобой лошадей погнали.

— Я — ничего. Я один...

Ефим не договорил, умолк.

— Пошли, — сказал Михай. — Нужно спешить. Вода прибывает, видимо, размывает дамбу, смотри, к утру вся сюда хлынет. Все затопит вокруг, сметет. А у нас — ни лодчки. Разве что у него, — Михай кивнул в сторону Иосифовой хаты, — да и то, если не снесло ее: видел, стояла под навесом.

— К сараю идем, — сказал Николай, — там соберемся, решим, что делать дальше. Да и женщины с детишками как раз там находились, когда рвануло, управлялись с козой, стойла чистили.

— Ну слава Богу, — перекрестился Ефим.

Поддерживая друг друга, они втроем двинулись к сараю на погорке, возле которого стояли, прижавшись друг к другу, две женщины и двое детишек. Мужчины шли, а вода все прибывала: она толкала их под колени, обжигала холодом.

Когда подошли к женщинам и детишкам, Ефима поразило, да и Николая с Михеем тоже, что никто не кричал, не голосил, не метался, не зная, что делать, — все, молча ожидая, смотрели на них.

— Вижу, все здесь, — сказал Николай.

— Все-то все, только дяди Иосифа нет, — вздохнула Катя.

— Иосифа? — словно переспросил у нее Ефим. — У него же есть где паводок переждать, о нем ты не очень печалься. У него — лодка под навесом. А наши на берегу. Снесло их, не иначе.

Ефим, сказав это, заметил, как Катя неожиданно вздрогнула, инстинктивно приложила руки к животу. Ефим дернулся к ней, чтобы поддержать ее, но Катя сказала:

— Не волнуйтесь, все идет как надо. Знать, уже недолго одной мне быть.

Старик все понял, как приказал:

— Ты вот что, Катерина, — если испугалась, руками живот не трожь: там же дитя. Помню, в старину люди знающие сказывали, что женщина в положении, коль видит беду аль страшно ей отчего, не должна руками хвататься за тело.

— Это почему?

— Чтобы знака на ребенке не было: от собаки — клок шерсти на тельце, от огня — опалины, и вообще чтобы потом в жизни ничего не боялся.

— Брехня все это, дядя Ефим, забабоны, — сказал Николай.

— А ты не лезь не в свое! — прикрикнул на него Ефим. — Пусть и брехня. Она что, тебе или ей мешает?

— Да нет, дядя Ефим, — слабо улыбнулась Катя, — не испугалась я, с радостью дотронулась, чувствую, скоро уже.

— Ну и хорошо, — сказал Ефим. — В сарай давай, на чердак. Мы как предчувствовали, что паводок будет, знали, где сарай ставить. Не дойдет сюда вода, вот увидите.

Ефим вошел в сарай, взял фонарь, висевший на стене у входа, зажег его. Здесь было сухо.

— Вы вот что, мужики, — сказал он, обращаясь к Николаю, Михею и Валику, — оставайтесь здесь. А женщины — наверх. Там еще сено есть, разметаите, чтобы лежать можно было.

Он видел, как от боли дернулась Катя, как перекошилось, покраснело ее лицо.

19

Ближе к полуночи Иосиф решил покинуть хату. Все это время она будто удерживала его какой-то неведомой, неодолимой силой, словно понимала, что он собирается оставить ее навсегда. Странно, но когда уходил в город, такого ощущения у него не было, хотя покидал ее тоже с тяжелым сердцем.

Он сидел на кровати в глубоком раздумье, опустив ноги в сапогах в воду, которая уже доходила почти до колен, и не мог уяснить, что же его здесь так держит.

На столе, по-прежнему потрескивая, слабо мерцала свеча, но уже не первая и не вторая, а третья. Ее отблески чуть металась на темной, казалось, густой, как деготь, воде. И все это время Иосифу мерещилось, что рядом с ним в хате Мария и Стас. Он их не видит, но чувствует бестелесных. Они то совсем рядом с ним, то выходят на свет свечи, и тогда она трещит, а потом, коснувшись его, света, отдаляются в угол, в какой-то бессильной злобе мечутся там, превращаясь в бесформенные тени. Потом, пометавшись, будто сговорившись о чем-то, вновь подплывают к нему, стараясь то ли обвить его, то ли просто дотронуться, обжечь и отскочить. Тогда, кажется, свеча особенно потрескивает и язычок ее пламени безо всякой причины (ветра

же нет) начинает неистово колебаться, шарахаться из стороны в сторону, того и гляди погаснет. Но почему-то не гаснет, а поколебавшись, поплясав по сторонам, выравнивается, какое-то время горит ровно, хотя по-прежнему трещит, будто на самом деле в хате какая-то чертовщина.

Страха Иосиф не чувствует, но все же холодок внутри есть. Неприятный, чуждый ему, противный.

Впрочем, этот холодок гложет его с вечера. А за это время он успел многое сделать: пригнал от навеса лодку, привязал ее к крыльцу. Лодка хорошая, как следует просмоленная, на ней плыть да плыть, если кому надо. Собрал рюкзак харчей: четыре банки тушенки, хороший брус сала (килограмма три), пшеница с полведра, десяток картофелин, фунта два соли — с этим богатством нигде не пропадешь. Оно его мозолями, потом заработанное.

Положил рюкзак в лодку, на полку на носу, чтобы не промок. Туда же, в лодку, только на поперечное сиденье посередине, положил мешок зерна, ржи. Это особый скарб. Хочешь — мели на жерновах, потом хлеб пеки, хочешь — сей.

Дорого оно досталось Иосифу. Нет, дорого не потому, что отдал за него золотой червонец царской чеканки, а что боялся, как бы по дороге домой продавец, а он ему зерно на телеге вез, не прихлопнул где-нибудь среди леса да в снег не зарыл.

Продавец тот или меняла был немного знаком Иосифу — мужик из Забродья, некто Михаил Калистратов. Еще до войны он славился тем, что любого мог отметелить, коли что; кажется, за какую-то провинность даже успел посидеть год-два в тюрьме.

В войну вроде смирный был, хотя ходили слухи, что не ссорился ни с немцами, ни с партизанами: и тем, и другим делал колеса, сани. А тут встретил его Иосиф на базаре. Оба обрадовались: считай, земляки, на чужбине. Чуть ли не в объятия бросились друг другу. Михаил с расспросами, дескать, ты чего здесь, дядя Иосиф? А Иосиф рад стараться, мол, работаю на станции, вот на рынок захаживаю, иной раз что и выменяю. “А ты?” — “Я? Вот пару мешков хлебушка привез, излишек. Сам сеял, сам убрал. Может, возьмешь?” — “А почему бы и нет, если сторгуемся?” А Михаил: “Что дать можешь?” — “Что, что, — почесал затылок Иосиф, — колец нет, цепочек тоже, кожух, что ли?” — “В кожухе сам ходи. Может, иное какое золотишко имеется? Твой же тесть богачом слыл. Неужто тебе ничего не перепало от него? Или от сынка твоего? Люди сказывали, на людском горе он руки хорошо нагрел!”

Обидело это Иосифа, оскорбило: тестем, Стасом упрекает. Нет, не поимел он от них ничего. И если бы давали, от тестя ничего не взял бы, а от сына — даже перекрестился бы. А вот свой золотой червонец у Иосифа с молодых годов имелся: долго на него он бумажные деньги зарабатывал, чтобы на них выменять здесь же, в городе. И сейчас, разозлившись, как мальчишка, выпалил: “Зачем же тестево или сыново? У меня свой блестящий червончик есть”. — “Ну, тогда сговорились, — сказал Михаил. — Я тебе мешок подвезу. Куда?”

Иосиф, все еще находясь в непонятном состоянии, сказал тогда: “В Гуду. Денежка там у меня припрятана”. — “В Гуду так в Гуду, вдвоем веселее, да и смелее ехать: вечер скоро, а дорога неблизкая, да и лес...”

В Гуду приехали уже ночью. Лошадь у Михаила была сытая, как не с войны, быстрая. Может, из тех колхозных, что разбежались, когда в начале войны Ефим в район гнал. Сейчас поди спроси у Михаила — так он тебе и скажет.

Михаил, пока ехали, несколько раз спрашивал, не при нем ли, Иосифе, червонец, а он всякий раз твердил, что дома. При этом думал: был бы при мне, точно пристукнул бы меня землячок, и рука не дрогнула б. Или пристрелил: обрез-то у него имеется. Это Иосиф увидел сразу, как за город выехали, когда дорога пошла лесом. Тогда Михаил пошарил рукой под сеном, достал ствол, положил рядом с собой, под правую руку, пояснил Иосифу: “Лес, дядя, темно, мало ли что. А ты — не бойсь ничего, коли со мной”.

Дома при Михаиле, при слабом свете свечи Иосиф достал из-под печи, отодвинув кирпич, завернутую в тряпицу золотую монету, подал ему: “Смолу берег, Миша, а ты говоришь, тесть богатый был, сын...”

Отдал и чуть удержался, чтобы не заплакать: когда-то рассчитывал, что на свадьбу с Теклюшкой использует, а оно вон как все обернулось...

Михаил взял монету, сказал, вроде сочувствуя: “Ну и дурак ты, дядя Иосиф. Жизнь прожил, сидя на одной монете. А мог бы...”

Иосиф не переспрашивал, что мог бы: зачем?.. Услышал, как почему-то затрещала свеча. Подумал, наверное, отсырели свечи, лежали не в печурке, а в ящике стола, решил, что их надо подсушить, сказал Михаилу, чтобы распрягал лошадь, ставил в сарай — ночь на дворе. Тот отказался: “За меня, дядя, не боись, через час дома буду. Ночь звездная, я — через реку напрямую, путь хорошо известен...”

“Хорошо, когда путь известен”, — подумал Иосиф. Если вспомнить людей, среди которых он жил всю свою жизнь, так получается, что большинство из них, как он понимает, знает, как жить, как поступать в той или иной ситуации. Ишь ты, путь известен... Поэтому и жили многие, наперед зная, что и как делать, все предвидя. Но вот только одного не предвидели — войну. Да что и как в ней происходит. А он, белая ворона, никогда ничего наперед не предвидел. И вот сейчас, спустив на воду лодку, погрузив в нее харчи и мешок зерна, он не знает, что делать дальше. Да, думал раньше, что уйдет от людей в лес, в одиночестве доживет старость, впрочем, не представляя толком, как...

Вот сейчас он один в хате, им же самим поставленной. А хаты, конечно же, ставят для счастья. Только не принесла ему счастья его хата. И сейчас, на склоне лет, когда, как говорят, день — век, хата эта не приносит обычного человеческого покоя. Наоборот, выталкивает, выдавликает его из себя. Нет, не паводком. Паводка Иосиф не боится, а вот этими то ли призраками, то ли тенями Марии, Стаса, и вот уже кажется, тех немцев, которые вместе со Стасом пили здесь, как сожгли деревню... И уже которая свеча трещит у иконы. Так неужели в этой хате столько черной злой силы, что ничто не может изгнать ее отсюда?..

Иосиф резко поднялся, подошел к столу, взял в правую руку свечу, ступил шаг к иконе, снял ее с покута, засунул под рубашку, тихо молвил: “Господи, если ты есть — прости за все грешное в моей жизни. И если моя хата никому не нужна, то зачем она мне?..”

20

Ближе к полуночи, когда дети, свернувшись в клубочки, спали в сарае на полатах, сделанных Михеем из жердей, а Катя на чердаке тихо стонала, мужчины услышали с улицы разорванный ветром голос:

— Люди!.. Люди!..

Ефим поднялся с колоды, на которой сидел, приоткрыл дверь и, посматривая в темноту, крикнул:

— Кого это прибило к нам в такую пору?..

— Фонарь возьми, фонарь. Посвети, дядя Ефим, — сказал Николай, подавая ему фонарь.

Ефим взял фонарь, вышел из сарая, заметил, что вода сюда так и не дошла, обрадовался, прокричал в темноту:

— Кто там?

— Люди... — слабый голос и шлепки весел по воде слышались уже недалеко.

Сначала, когда Ефим услышал этот голос, он удивился, подумав: “Кого занесло сюда такую порой и откуда? Дамбы уже нет, нет и моста, и единственная дорога, соединяющая деревню с миром, отрезана водой. Значит, никто чужой не мог сюда прибиться. А может, это ему кажется? Может, он еще не пришел в себя после взрыва?”

— Люди, — голос уже хрипел.

Нет, не кажется... Ефим понял, кто ищет возле них или у них спасе-

ния — Иосиф, — и мстительная злоба начинала закипать в душе: у него еще хватает совести...

Впрочем, сейчас в душе боролись два чувства. Одно — отправить того, кто пришел, прочь. Так и сказать ему: “Уходи, дьявол, чтобы во веки веков люди не видели и не слышали тебя...” Другое — снизить, впустить к себе. Ведь не от добра он плывет сюда. Видимо, многое передумал Иосиф, прежде чем решиться прийти к людям, переборол страх перед ними. А зачем идет, на что надеется? Идет за помилованием? Надеется на сочувствие?

Как быть сейчас Ефиму? Отозваться на зов, впустить в строение, дать пристанище? А как к этому отнесутся мужчины, женщины, детишки?..

Было раньше, как-то сельчане даже пытались сочувствовать Иосифу. Но никто никогда и в мыслях не держал такого — простить, оправдать.

Много зла видел Ефим за свою жизнь. И людей злых повидал немало. Знает, человек от зла слепнет. Он перестает быть человеком и жаждет только одного — зла. А со злом среди людей нельзя жить... Самому сейчас не ослепнуть бы от злобы.

— Сюда, гребни на меня! — вдруг закричал Ефим и приподнял фонарь.

Торопливые шлепки весел послышались уже рядом.

— Это ты, Иосиф?

— Я, я, Ефимка.

— Откуда?

— Из дома... — голос слабел, то ли от усталости, то ли от обиды.

— Из дома, говоришь. Ну, ну...

Ефим почувствовал, как чувство жалости сменяется неприятием того, кто сейчас буквально в каких-то пяти шагах от него. И вот уже лодка воткнулась носом в землю, остановилась. Ефиму захотелось заорать так, чтобы весь мир услышал и чтобы от его крика тот, кто в лодке, окаменел навеки: “Прибыл!.. А где же ты раньше был, когда с нами всеми творилось такое, что...”

Но он не закричал, еле сдержался. Долго молчал. Нависла тяжелая, гнетущая тишина. И неизвестно, как долго она властвовала бы, если бы ее не нарушил голос Николая, появившегося у двери сарая:

— Затворяйте дверь, незачем мерзнуть.

— Люди, — вновь прохрипел голос из лодки. — Зерно у меня здесь, хлеб... А хата еще теплая... Как вы здесь?.. Детишки же...

— Здесь они, здесь, а как же? — будто сам себе сказал Николай. — И Катя здесь. Рожает. У тебя в хате — вода, здесь — сухо. Паводок не дойдет к нам, не дойдет. Здесь его переживем.

— Дверь, дверь закройте! — крикнул Михей из сарая. — Сквозит!

Николай захлопнул дверь. С той стороны. Ефим стоял в раздумье, как быть... Тем временем накатила волна, толкнула лодку к сараю.

Вместо эпилога

Той ночью среди огромного разлива воды долго пылала Иосифова хата. Люди, собравшись вместе на сухом пятачке у сарая, давшего им пристанище, видели, как ветер рвал в клочья желтое пламя, словно старался сбить его со строения, погасить, но тщетно.

Они наблюдали за тем, как горит хата, в отблесках огня на воде искали глазами того, кто еще недавно прильнул к ним, но так и не находили. Возле них качалась на слабой волне лодка с рюкзаком на носу и большим мешком на поперечном сидении. Нигде не обнаружили они его и потом, когда все кануло в прошлое: сторела хата, ушел паводок, наступила весна, расцвело лето, легла зима...

Никто не знал, что стало с Иосифом: куда он исчез, сам ли поджег хату или кто иной, и вообще как все это произошло.

Но однажды Петрова Катя, будучи в городе на базаре с маленьким Петькой (приехали покупать ему к школе одежонку — шел в первый класс, в Забродье работала школа, а Гуда все еще отстраивалась) увидела старика, похожего на Иосифа.

Он стоял у входа на базар, худой, сторбленный, с седой бородой, и, опираясь левой рукой на палку, вытянув правую, молча просил подаяния.

Катя бросилась к старику, закричала: “Дядя Иосиф, это ты, ты?..”, но старик хриплым чужим голосом остановил ее: “Обозналась, гражданочка... Не кричи так, мальчонку испугаешь...”

Катя отпрянула, повернулась к сынишке, стоявшему рядом, он действительно испугался, готовый вот-вот расплакаться, подхватила его на руки, обняла, начала целовать в загоревшие щеки, успокаивать: “Не бойся, это дедушка Иосиф из нашей деревни, мы его сейчас...” Она не договорила, что сейчас, повернулась к старику, но того уже на месте не было.

Кате вспомнилась ночь, когда она рожала Петьку, отблески пожара, и с каким усилием она сдерживала тогда себя, чтобы, изнемогая от боли, в горячке не схватиться руками за что-нибудь на своем теле, не оставить знак на ребенке. Смогла удержать себя тогда, нет на Петьке никакого плохого знака. Тогда, в муках рожая, она даже не заплакала.

Катя заплакала сейчас.

АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР

ЧЕМ МЫ ОСТАНЕМСЯ...

* * *

Поле с белыми маками за глухими оврагами,
где окопы запаханы, а пехота оплакана,
где под талой водицею, под землицей дубелою,
под полёгшей пшеницею с костью чёрной да белую,
по январскому холоду, по удушью по летнему
эти буйные головы никогда не последние...

И стоят, не колышутся деревья по-над пашнями,
пенье тихое слышится над живыми и павшими,
над дорогой идущими, над с дороги сошедшими,
над в далёко зовущими, над до срока ушедшими...

Но под сладкой рябиною, под калиной горящею
ты лежишь, непалимая, светом горним горящая,
в свет небесный зовущая, хоть сама не нашедшая,
но куда-то ведущая как судьба сумасшедшая.

* * *

В белом романе, который Россией забыт,
Звёзды Тамани дрожали под мантру копыт.
Там, на Тамани, в чужую шинелку одет,

ИВАНТЕР Алексей Ильич родился в 1961 году в Москве. Учился в МГПИ им. В. И. Ленина. Работал в геологических экспедициях на Дальнем Востоке. Во второй половине 1980-х и первой половине 1990-х — директор издательства "Постскриптум". Дальнейшая судьба долгое время была связана с самолётостроением. Постоянный автор и член редколлегии журнала "Сибирские огни".

Красную бабушку поманит белейший мой дед.
Крупные звёзды Тамани в темрюкском вине.
Это не с нами, но память в тебе и во мне.
Вот и не больно, спокойно и глупо тепло.
На подоконник присядем, а губы светло.

* * *

Там, где берёзы стоят у колодца,
в полночь давно уже нет никого.
Он постоит, перекурит, напьётся
И мимо дома пройдёт моего

В стоптанных валенках, без портупеи,
между продавленных влажных колеи...
Павших за Истру бесплотные тени
ночью проходят деревней моей.

Птицы на крыше стучат в черепицу,
ветер манчжурку полощет в саду,
мёртвой пехоте сегодня не спится —
короток сон в сорок первом году.

* * *

Когда за ночным Ленинградом ночные плоды
упадут, и вишни над вишневым садом, как красные
звёзды, взойдут, спеша в суматохе одеться, льняной
зажигая фитиль, я вспомню советское детство,
тяжёлые косы Рахиль. А ветер бушует за Истрой,
и лупит прожектор в окно, и нет пионеров-горнистов
на Пулковском поле давно, и филин летает — над
садом, и ворон — над русской судьбой, но слышится
из Ленинграда знакомый “платок голубой”.
Мне только бы этот глоточек забытого всеу кино.
Про синенький скромный платочек я что-то не
слышал давно. Чарующий голос давнишний поёт
в сорок третьем году, и падают спелые вишни,
и буря бушует в саду, и крут фронтовой кипяточек,
и жизнь прибывает на треть, за синенький скромный
платочек я тоже готов умереть. Мой мир забвенен
и жарок, и полон водой дождевой — пока догорает
огарок, фатьяновский тот, фронтовой.

* * *

А в лугах за Орлом, а в лугах за Орлом
Голубая трава.
Не грусти о былом, не грусти о былом,
Подбирая слова.

Далеко за Москвой, далеко за Москвой
Колосятся овсы.
Бог пребудет с тобой, Бог пребудет с тобой,
Убежавший мой сын.

А в какие края, а в какие края
Мне — седому — убечь?
Тут и дочка моя, тут и мати моя:
Мати Русская Речь.

* * *

О чём бы родина ни пела,
Какой бы кривды ни плела,
Каким бы гудом ни гудела,
Какое поило б ни пила,

Каким бы брашном ни рыгала,
Каким заклятьем ни кляла —
Детей снегами укрывала
И мёртвых на руки брала.

* * *

Бродят ветра по пустому двору в Истре и в Старом
Осколе, дом мой стоит на холодном ветру между
войною и полем.

И забывает слова

голова — проще — не знать и не помнить тех, кто ушёл,
оперившись едва, из непротопленных комнат, встал
и растаял в осеннем дыму, выключил свет на пороге,
вброд миновал и войну, и тюрьму, где-то пропал по
дороге. Вон он поёт о любви и войне, детях, разлуке
и доме — в каждой семье на моей стороне с жёлтого
фото в альбоме.

* * *

Чем мы останемся, чем мы останемся,
Если с Землёю нежданно расстанемся —
Речью горячей, словечком резным,
Воздухом зрячим, бродячим, ржаным?
Слухом ли чистым, недреманным оком,
Спящим за Истрой свинцовым горохом,
Памятью долгой старух слободских
Наших грехов непонятно каких?
Пили мы много, а слушали мало,
Как напевала она и ковала,
Благословляла и тут же кляла,
Била под дых, на поруки брала.

* * *

Зреют смертельные травы в нашей глухой стороне,
где виноватый и правый в общем пылают огне,
кажется мне, подо мною дышит огонь нутряной;
русскою силой земною жив я на тверди земной.
Правдой последнею правы, долею вдовьей правы,
выросли русские травы выше моей головы.
Путавший лево и право, всей головою больной,
правдой небесною правый, близок я к силе земной.
К раменью и заручевью, к травам, листве и корням,
овцам, ночному кочевью, птицам, шмелям и коням...

* * *

А если Он неправ, и льнёт к земле земное, и нету в небесах ни келий, ни кают, так отчего тогда по небу сердце ноет, и люди на Земле ночные слёзы льют? И если — Он неправ, и зря душа алкала, так отчего горюч славянский алфавит, и сложный русский сплав небесного закала не стынет на ветру, как колокол гудит?

* * *

А если вправду подсчитать,
кому спасибо начертать,
кому спасибо начертать,
что жив и в силе —
спасибо, Ольга и Максим,
а больше всех, скажу за сим,
Анастасия.

Спасибо Юре и Петру
и медсестре, что поутру
иглу вонзила,
и целовала впопыхах,
и бабке той, что на руках
меня носила.

Спасибо лету и зиме,
спасибо лесу и суме,
тому вокзалу.
Спасибо дому и двору,
а медсестре, что поутру —
уже сказал я.

Спасибо всем, кто рядом был,
спасибо тем, кого забыл,
кто не был рядом,
кто целовал, кто бинтовал,
и кто руки не подавал,
кто брызгал ядом.

Спасибо вам, спасибо вам
за мёд и жало по губам,
что жив и в силе,
мои враги, мои друзья,
моя Москва, моя семья,
моя Россия.

ЮРИЙ ПАХОМОВ

КОМПОНИСТ

РАССКАЗ

Осенью, в канун страшного сорок седьмого, мыкались мы с матерью по чужим углам. Жили сначала у знакомых неподалеку от вокзала, потом переехали в окраинный район Дубинку, в частный дом — скрипела по ночам, терлась об оконное стекло лоза, и все вокруг пахло виноградом “изабелла”. Сестра хозяйки дома, парализованная старуха, целый день сидела в коляске, следила за мной выпученными глазами и что-то мычала — оттуда тоже пришлось съехать, уж не помню почему. Пригрела нас Лина Григорьевна, смуглая, похожая на цыганку женщина — с ней мать дружила потом до самой смерти, а белая, утонувшая в зарослях жасмина хата на всю жизнь для меня стала символом спасительного прибежища.

Навалилась сырая, стывшая осень, матери далеко было ездить на работу, трамваи ходили кое-как, пришлось искать что-то поближе — так вот мы и оказались в закутке у Сазонихи, одинокой бабки, имевшей “квартиру” в одноэтажном кирпичном бараке, что стоял в пяти минутах ходьбы от стеклотарного завода, где мать избрали секретарем парткома.

Квартирка была крохотная, с полутемной, в одно окно, горницей, проходной кухонькой, где стоял топчан Сазонихи, и холодными сенями, кото-

ПАХОМОВ Юрий Николаевич родился в 1936 г. в Горьком в семье военнослужащих. Закончил Военно-медицинскую ордена Ленина Краснознамённую академию им. С. М. Кирова в Ленинграде. Служил на подводных лодках и кораблях Черноморского и Северного флотов. Полковник медицинской службы, был главным эпидемиологом Военно-морского флота, сейчас в отставке. Занимаясь литературным творчеством, стал лауреатом всероссийских и международных литературных премий. Член Союза писателей России с 1979 года. Живёт в Москве.

рые старуха называла пышно — “террас”. Дом-барак торцом упирался в высокий серый забор, за которым громыхали, звякали буферами составы, тонко вскрикивал по ночам маневровый паровозик “кукушка”.

Всю зиму я проболел. Сазониha, сердито гремя кастрюлями, бормотала: “Эко, малец, истаял весь”. И совала мне то моченое яблоко, то соленый, в колких пупырышках огурец. А зима стояла тяжелая, светало поздно, солнце медленно протаивало сквозь оконную наледь, по дворам ходили нищие, люди замерзали на улицах.

Родичи привезли из станицы два мешка кукурузы, старуха пекла кукурузные лепешки, тем нас и спасла. И еще мать приносила с завода тыкву, запеченную у стекловарной печи — розовая, сладкая тыквенная мякоть так и осталась для меня особым, ни с чем не сравнимым лакомством.

“Хрум-хрум” — похрустывала машинка, на которой Сазониha молола кукурузу, “хрум-хрум” — отдавалось за окном, словно и там, в предвечерней сини, кто-то вращал рукоятку самодельной мельницы. Только к весне, к концу февраля, понял я происхождение этого однообразного, тягостного звука.

Вялый, укутанный в ватник и пуховой платок, вытолкнут я был Сазонихой в ветреный февральский простор: “Неча в хате-то преть, ступай воздухом подыши”. Снег осел, с сосулк капало, серый забор почернел, сад был пуст, на голых ветвях висели янтарные капли. Там-то, в саду, услышал я знакомый звук, проковылял к калитке, глянул, шурясь, пытаюсь понять, откуда хрумканье, и увидел нечто серое, кольшущееся и не сразу понял, что это строй. По раскисшей, в желтом крошewe дороге шли пленные немцы, желтолицые, оборванные, кто в чем, шли, стараясь держаться прямо, и изпод сапог летели комья грязи. “Хрум-хрум, хрум-хрум”.

Я смотрел вслед удаляющемуся строю и не мог поверить, что это те самые немцы, которые убили моего отца, заставили нас с матерью бежать через всю страну, скитаться по углам и кто, наконец, сделал мою жизнь такой непомерно длинной — столько уже в ней было воспоминаний. Вялый, закутанный в платок, я стоял у калитки, и у меня было ощущение, что меня обманули, а вечером снова подскочила температура, я метался в жару, комната была заполнена жидким, как подсолнечное масло, светом, а за стеной все ближе и ближе слышалось страшное: “Хрум-хрум”. А рядом голос Сазонихи: “Молись, девка, видать, к утру отойдет”.

Но я не умер. На третий день жар стал спадать, Сазониha натирала меня собачьим салом, силком заставляла есть мед — где только его раздобыла? — и пить какие-то горькие травяные отвары, от которых мне делалось необыкновенно легко, я как бы парил в комнате у самого потолка и, приходя в себя среди ночи, видел оттуда, сверху, замершую перед иконой старуху и рыдающую у моей койки мать. Наверное, я и в самом деле был близок к тому, чтобы “отойти”.

Потом я стал быстро поправляться, наступила весна, и я пошел в школу. Сазониha уехала в станицу помочь родичам управиться по хозяйству и добыть продуктов. Как я сейчас ни пытаюсь вспомнить лицо этой старухи, спасшей мне жизнь, и не могу — что-то морщинистое, темное, угрюмое. Была она низкоросла, худа, сгорбленна, а ходила тяжело, стуча подошвами бурок, как копытами. Мать потом рассказывала: мужа Сазонихи, казака, посадили еще в начале тридцатых, а когда на Кубань пришли немцы, сына взяли в полицаи, был он, говорят, зверь зверем, старуха прокляла его, подалась в город к сестре, от покойной сестры и досталась ей квартирка, где прожили мы голодную зиму сорок седьмого. Мое воскресение Сазониha считала чудом: “Простил меня Господь, простил за мово-то душегуба, антихриста проклятого”.

В конце марта стало уже совсем тепло. Чтобы я не болтался после школы на улице, мать брала меня с собой на завод. Мне там нравилось. В огромном сумрачном цехе ревели вентиляторы, у стекловарной печи, по деревянным настилам сновали люди, малиновые блики плясали на законченных стеклах. Я пристраивался в стороне и наблюдал за работой стеклодувов. Стеклодув совал в огнедышащий зев железную палку, выхватывал оплывший красный ком, похожий на конфетку-тянучку, и из него рождалось то стекло

для керосиновой лампы, то графин, а то стеклянный чертик. Рядом на шипящих, постреливающих паром машинах, женщины штамповали трехлитровые баллоны для овощных консервов. Расплавленное стекло заливалось вручную, подсобница должна была успеть отсечь вязкую огненную массу. Баллон выхватывался из формы шприцами, ставился на посыпанную песком площадку, он быстро темнел, покрывался серым налетом и постепенно становился прозрачным. Один из стеклодувов, старик Бурмистров, сворачивал толстую самокрутку, закуривал и, подмигнув мне, извлекал из широченных штанов сверток. “А ну глянь, что там моя ведьма сунула?” В свертке я находил то шмат круто посоленного сала, то копченого рыба, а то несколько мелких, в крапинку яиц. Жена его действительно походила на ведьму: седая, растрепанная, в черной, обвисшей до земли юбке. Когда стеклодув возвращался домой пьяным, ведьма кричала на всю улицу: “Шоб ты сказився, заразы кусок!” “Кусок заразы” представлялся мне в виде студня, и всякий раз, разворачивая сверток, я со страхом ожидал, что увижу нечто подобное.

Однажды на заводской двор, урча, вкатил обшарпанный “студебеккер”, из его кузова не спеша выbralось несколько пленных немцев. Они принялись нагружать вагонетки песком. Когда вагонетка заполнялась, пленные по команде старшего отгоняли ее к воротам цеха. Закончив работу, немцы побросали в кузов грузовика лопаты, забрались сами и уехали, а один из них, худой, низкорослый, в очках, остался. Он стоял, зябко поеживаясь, задрав остроносое лицо к небу. Я подошел ближе и спрятался за кучу песка. На немце был серый, вылинявший мундир с белыми полукружиями пота у подмышек, ноги жердями торчали из широких голенищ. Он был рыж, светлые, почти прозрачные глаза что-то отыскивали в небе, а губы, вытянутые трубочкой, шевелились. Я не сразу понял, что немец насвистывает какую-то мелодию. Он стоял ко мне спиной, и тощие его ноги слегка притоптывали, отбивая ритм. Надо же, свистун! Я пошарил глазами, нашел обломок кирпича и, широко замахнувшись, запустил в ненавистную спину. Немец упал как подкошенный, упал лицом в песок, словно в спину ему угодила пуля. Он лежал, широко разбросав руки, и не двигался. Радость от удачного броска сменилась у меня страхом — может, я убил его? Наконец немец пошевелился, перевернулся на спину, сел, наши глаза встретились, очкарик смахнул с лица песок и заплакал. Я видел, как у него по впалым щекам скатываются слезы, как вздрагивают его худые плечи. Я повернулся и пошел прочь, боясь оглянуться, боясь увидеть эти прозрачные, мокрые от слез глаза.

— Что с тобой? — спросила меня вечером мать.

— Ничего, — ответил я.

На другой день я не пошел на завод. Мать рассказала, что пленные везут из карьера песок, который идет на изготовление стекла, что немцы все доходяги, бабы жалеют, подкармливают их — ничему нас, русских, война не научила.

Появилась первая зелень — редиска, лук, стало уже не так голодно, и хлеба по карточкам прибавили. Мать говорила, что ожидается снижение цен, а скоро и карточки отменяют. Немцы все так же работали на заводе, очкарик, видно, был болен, напарники не брали его с собой в карьер, и он отлеживался на песке. Он уже не насвистывал. Когда возвращался из карьера “студебеккер”, очкарик вставал, брал лопату и начинал нагружать вагонетки. Каждое движение давалось ему с трудом.

Третий день дул норд-ост, с крыши летело кровельное железо, тротуары были усыпаны лепестками отцветающих деревьев, сразу стало холодно. От нечего делать я слонялся по заводскому двору, потом по лестнице забрался на крышу склада. Оттуда видна была товарная станция: железнодорожные составы — зеленые, бурые, серые вагоны, тускло поблескивающие нефтеналивные цистерны, рыжий пустырь, левее — пирамиды похожих на рыбы пузыри баллонов, приготовленных к отгрузке, а еще левее, за деревьями, за разноцветными крышами, открывался вид на заречье с синими горами.

Меня всегда влекла высота, то острое ощущение ужаса, холодка в животе, когда подходишь к самому краю крыши — и внизу открывается бездна. Оттуда, с крыши, я увидел очкарика, он лежал на песке, и фигура его

казалась совсем маленькой и жалкой. Я спустился с крыши, подошел к нему. Немец неожиданно открыл мутно-голубой, увеличенный стеклом очков глаз и тихо сказал:

— Мальшик... Гутн так, мальшик.

Я испуганно отскочил.

Очкарик неуклюже сел, покачал головой:

— О, ньет... Бояться — ньет. Как тебя совут, мальшик?

— Никак! — Я с брезгливостью разглядывал его.

— Никак — плехо. — Немец улыбнулся. — Отшень плехо. Я есть Ганс! — он похлопал себя по груди. — Я есть мюзикант, компонист, сочи-няйт мюзик. Ферштейн?

Я усмехнулся. Мне показалось невероятным, что этот тщедушный человек может сочинять музыку.

— Вы не верейт? Я и сам не верейт. — Немец звонко рассмеялся. — Вот, смотреть. — Он встал, отбросил полы длинноватого ему мундира, взмахнул руками, словно собирался дирижировать оркестром — дирижеров я видел в киножурналах, что показывали перед тем, как начать крутить фильмы, — его светлые брови взлетели вверх, синие, почти черные губы сложились в трубочку, очкарик на секунду замер, незряче глядя перед собой, затем дрожащим голосом повел мелодию. Я с изумлением глядел на него. Еще несколько минут назад немец лежал без сил на песке, я даже подумал, что он умер, а сейчас он преобразился, на скулах проступили розовые пятна, глаза блестели. Я видел, как песок струйками затекает в широкие голенища сапог, но он ничего не замечал, продолжая дирижировать оркестром. Я сидел ошеломленный. Ганс вдруг покачнулся, тяжело осел на песок и закашлялся. Кашлял он долго, с надрывом.

На другой день дежурил незнакомый вахтер, и на территорию завода мне пришлось пробираться через щель в заборе. Ганс, нахохлившись, сидел на перевернутом ящике и ел хлеб. Раскрошил маленький кусочек и посыпал воробьям. Увидев меня, он поздоровался и спросил, указывая на воробышек, снующих у его ног:

— Как называйт... Как называйт по-рюски... Э-э?

— Воробей.

— Я, я... воробьей. — Ганс выпятил нижнюю губу, и чирикнул. Получилось здорово. Он и сам походил на воробья: серенький, остроносый.

Я засмеялся. Немец покрутил головой, ткнул пальцем в ворон, круживших у заводской трубы, громко каркнул. И тут же, забыв обо мне, что-то пропел, меняя звук так и эдак. Прислушался и стал что-то быстро рисовать палочкой на песке. А ветер дул, гремел кровельным железом, в небо летел всякий мусор, а Ганс все чертил и чертил на песке знаки, похожие на птичьи следы. Потом, словно очнувшись, смахнул их ногой и, грустно посмотрев на меня, пояснил:

— Нотен... Я, я.

Как, почему почувствовал я своим обугленным войной сердцем, что Ганс занят чем-то очень и очень важным, и это не должно исчезнуть, как следы на песке? Я никогда не видел, как пишут музыку, но именно этот жалкий, больной немец заставил меня поверить, что существует другой мир, мир, где нет и не может быть войн, нет барахолок, нет унылых очередей за хлебом, вонючих, кишащих шпаной вокзалов, где люди спят прямо на каменном полу, и мухи ползают по их лицам. Я не мог еще изложить словами свое впечатление, но потаенное чувство подсказало мне, как следует поступить. У меня было припасено несколько тетрадок в клеточку — целое богатство, не помню, на что матери удалось их выменять на рынке, знаю только, что стоили эти тетради дорого. И вот я тайком взял одну тетрадь и отнес Гансу. Сам эпизод выпал из памяти, не уверен даже, поблагодарил ли он меня, а вот глаза Ганса запомнились, внезапно потемневшие, наполненные теплотой и состраданием. Такие глаза не могли быть у человека, убившего моего отца.

Теперь я бывал на заводе каждый день. Изредка мне удавалось принести Гансу кукурузную лепешку или немного хлеба — жить стало полегче; он рассеянно благодарил, жадно ел, заглатывая большие куски, кадык дергался

на тощей шее — чувствовалось, что он далеко отсюда, от грязного заводского двора, куч белого речного песка, ржавых вагонеток. Иногда, задумавшись, он вздрагивал, точно кто ударял его в бок, торопливо доставал из кармана мундира подаренную мной тетрадку, огрызок карандаша и, присев на перевернутый ящик, начинал писать, как тогда на песке. Ганс по-прежнему кашлял, в груди у него хрипело и посвистывало. По-русски он понимал почти все. “Нужно лечиться, в больницу”, — сказал я ему. Ганс покачал головой: “О, нет. Арбайтен, арбайтен...” — и показал на груды песка и вагонетки.

Однажды Ганс спросил меня:

— Твой фатер... отец жив?

— Нет. Погиб на фронте.

— О, майн гот! — немец закрыл лицо руками и покачал головой.

Ночью меня опять давили кошмары, что-то смутное, угрожающее, а потом вдруг открылось ровное черное поле. “Это война, — сказал чей-то голос, — а сейчас мы будем передавать музыку”. Но я услышал не музыку. А знакомое: “Хрум-хрум!” По полю двигалось, изгибалось что-то серое, круглое, похожее на гусеницу — много ног, много глаз, и все они глядели на меня. Гусеница росла, увеличивалась в размерах, заполняла все вокруг, стало трудно дышать...

Старик Бурмистров как-то спросил меня:

— Ты что с немцем-то валандаешься?

— Он не немец.

— А кто же?

— Он музыкант. Музыку сочиняет...

— Много они музыки насочиняли. Музыкант-то твой, видать, не жилец. Ишь, как кашляет. В больницу его нужно.

— Он не хочет.

— И то... В больнице скорее коньки отбросишь. На-ко, снеси ему, пусть поест. — Бурмистров протянул мне кусок хлеба с ломтем сала. — Сало-то, оно от кашля помогает.

Пленных на работу обычно привозили на заводском грузовике без охраны. Иногда в кабине “студебеккера” рядом с водителем сидел маленький, стриженный наголо солдатик с автоматом. Случалось, что немцев сопровождал и сам начальник охраны лейтенант Гуц. Он был плотен, коротконог, с непомерно большой головой, на которой фуражка с синим околышем всегда сидела прямо. Обычно лейтенант стоял во дворе, придирчиво наблюдая, как военнопленные работают. Его не любили и побаивались. Кто-то дал Гуцу странную кличку: “Тетья-дядя”. Работницы посмеивались: “Ишь, Тетья-дядя идет, буркалы, как у борова”, “Да в ём, бабы, от мужика только одне штаны!”

Я старался не попадаться Гуцу на глаза. При его появлении военнопленные, отправляясь в карьер за песком, брали с собой и Ганса. Тот был слаб, его приходилось подсаживать в кузов. Однажды, когда Ганс уже перебросил тощую ногу через борт, из-под мундира вывалилась мятая тетрадка. Лейтенант Гуц поднял ее, развернул и стал с удивлением разглядывать.

Ганс с мольбой протянул к нему руки:

— Господин офицер. Это есть мой хефт, я сочинял мюзик.

Тетья-дядя свирепо глянул на него:

— Музыку сочинил? Ах, мать твою так! Ото ж, паскуды, кормяты их, от народа отрывають... А ну давай, нечего филонить!

“Стедебеккер” рывком взял с места. Гуц, тужась, краснея лицом, разорвал тетрадку на мелкие кусочки и долго топтал их сапогами.

Прошло два дня. Я не был на заводе. Из станицы вернулась Сазониха, привезла мешок фасоли, кукурузу, свиной смалец, принялась за уборку. Я таскал воду. Часов в десять утра, прихватив кусок хлеба со смальцем, выскочил во двор. Было душно, гудели пчелы, ранние черешни уже стали розоветь. Я хотел немного хлеба оставить Гансу, но увлекся и не заметил, как съел. Уже на заводской проходной почувствовал, что что-то неладно. У вахтерши было испуганное красное лицо, с ней разговаривал незнакомый военный. До обеденного перерыва было еще два часа, но во дворе толпились ра-

бочие. У пустых вагонеток утрюмо, отдельной группой стояли пленные немцы. Около них прохаживался, скрипя сапогами, лейтенант Гуц. Увидев меня, он сердито заорал:

— Ну-ка ступай отседа, нечего здесь шастать! И вы расходитесь, граждане.

Рабочие, не обратив на него внимания, продолжали негромко переговариваться:

— А што случилось-то?

— Та кто их знае? Хриц шо ли убег?

— Не убег. В нужнике удавился.

— Тю! Чего брехать зря?

— Говорят тебе. Бурмистров пойшов до витру, а там, в нужнике, немец висит. На помочах удавился.

— Иди ты!

— Ну? Хворый был. Тощей такой, в очках. Кашлял все.

— Отчего же он себя порешил?

— Тосковал, видать. Человек все же.

— Нашел, кого жалеть, они нас не очень-то жалели.

А во двор тем временем, пискляво гуднув, въезжал автобус “скорой помощи”. На столбе что-то заполошно бубнил репродуктор. Под ноги мне попался клочок бумаги. Я поднял его — это был разорванный лист из тетради в клеточку.

БОРИС ОРЛОВ

И ВСТАЛ НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Памяти С. Орлова

С войны идущего солдата
Взяла в глубокий плен тоска...
Луна взлетела, как граната,
Из-за ближайшего леска.

Четыре года дома не был,
Не знает, жив иль нет сосед.
Из пулевых отверстий небо
Струит на землю мёртвый свет.

Один, как перст, на свете белом,
В сырой земле отец и мать...
Душа, что поле, зачерствела —
Её пахать — не распахать.

ОРЛОВ Борис Александрович родился в 1955 году в Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Дзержинского и Литературный институт им. М. Горького. Служил на Северном флоте. Капитан первого ранга. Автор 12 стихотворных сборников. Лауреат литературных премий, председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза писателей России.

* * *

*Аты-баты, или солдаты,
Аты-баты, на базар.
Детская считалка*

Седина — в висок, и даже
В бок толкает бес.
Хорошо ль живёшь ты, Паша,
Паша-“Мерседес”?

Аты-баты, аты-баты —
Песенка в цене.
А не снятся ли солдаты,
Павшие в Чечне?

Аты-баты — голосисто
В кабаках поют.
Офицеры террористам
Мины продают.

Аты-баты... Юбки, банты...
Взятки любит суд.
Генералы контрабанду
По стране везут.

“Вольво”, “Лексусы” и “Мерсы”...
Власть — слепая страсть.
Каждый хищник ищет место,
Где бы мог украсть.

Аты-баты. Наши — ваши.
Трусость — произвол.
Эту армию ты, Паша,
На базар привёл!

* * *

“...нас отравившая свобода”.
С. Есенин

В тюрьме сидит, кто чист и неподсуден,
А вор спокойно бродит меж людей.
Свободы нет и никогда не будет:
Мы все рабы сомнительных страстей.

И кто кому, и кто за что ответит?
Когда у трона раб, на троне тать.
Пока живём на этом белом свете,
Век никому свободы не видать.

* * *

То громкий вздох, то тихий крик.
Над миром — эхо гроз.
Россия загнана в тупик,
Как старый паровоз.

Спит кочегар — огонь зачах.
Разрушен русский быт.

И как на шпалах, на костях
Моя страна стоит.

Плодят сивушный перегар
Мошенник и бандит...
Но верю — встанет кочегар —
И топка загудит.

БИТВА

Иеромонаху Александру (Фауту)

I

Казалось, всё... Нет больше сил.
Спустился с неба ангел.
Здесь русские? — меня спросил
И встал на правом фланге.

II

Плачет иволга. Мышь пищит.
Меч лежит на груди крестом.
Не кладите меня на щит.
Встану сам со щитом.

Озарилась и храм, и скит.
Сила духа — небесный свет.
Битва кончена. Враг разбит.
Торжествует Новый Завет.

* * *

Печь топлю. А под окошком ветер
Яблоню сгибает, словно трость.
Я случайный гость на этом свете,
Но забыл, что я всего лишь гость.

Не один такой. Наш мир не прочен, —
Трудный быт, бессонница, семья...
В сердце — холодок бессонной ночи.
Трость. Пижама. Жёсткая скамья.

Взгляд растерян, разговор отчаян.
И смешон тот врач, что учит жить.
Он распределяет, как хозяин,
То, что смертным не принадлежит.

Копим деньги. Тайно строим планы.
Ищем славу там, где ждёт позор.
Всё нелепо и немного странно...
Лишь на небе — воля и простор.

А когда меня задует ветер,
Словно догоревшую свечу,
Обретая призрачную вечность,
Сизым дымом в небо улечу.

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

ОЖИДАНИЕ

РАССКАЗ

Поезд пришёл и ушёл, а жена опять не приехала. Уже разошёлся народ, а Борис всё стоял, глядя на далекие огни семафоров, влажно блестящие на тёмном небе, и думал о Кате. Тёплый ночной воздух угарно кружил голову. Несмотря на поздний час, было душно, как перед грозой.

Опустившись на лавку, Борис устало закрыл глаза. Два месяца назад они расстались словно чужие, не сказав на прощание ни слова, только дочь упрямо твердила на все объяснения: “Почему ты не едешь к бабе?” Катя упрямо смотрела в окно, в запотевшей влажности которого тонули огни вокзала, мелькали силуэты проходивших по платформе людей. Уязвлённые гордостью, непримиримые до жестокости, они не разговаривали больше месяца, словно и не было меж ними ничего, кроме этой бессмысленной ненависти друг к другу. И также молча, не оборачиваясь, Катя вошла в вагон, а, пройдя на своё место, даже не выглянула в окно, в то время как дочь, расплю-

ЧУГУНОВ Владимир Аркадьевич родился 6 апреля 1954 года в Нижнем Новгороде (Горький). После службы в Армии работал на Горьковском автозаводе слесарем, ГЗАСе (Горьковский завод аппаратуры связи им. Попова) регулировщиком радиоаппаратуры. В течение четырёх лет работал в старательских артелях в Иркутской, Кемеровской, Амурской областях, Алтайском крае радистом, бульдозеристом, съёмщиком. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Нижегородский педагогический университет (курс практической теологии). Работал пастухом. В 1990 году в журнале “Москва” вышла первая повесть “Малая церковь”, в 1991 году в журнале “Наш современник” — повесть “Деревенька”. С 1990 года в священном сане. Автор книг прозы: романов “Русские мальчики”, “Мечтатель”, “Молодые”, “Невеста”, сборников повестей “Плач Адама”, “Наши любимые”, “Матушки” и других. Одна из книг переведена на сербский язык. Живёт в старинном поволжском селе Николо-Погост Городецкого района Нижегородской области.

щив о стекло нос, смотрела на него немигающим взглядом. Поезд медленно тронулся. Борис машинально двинулся за уплывающим окном, дочь стала махать, заплакала и тут же исчезла в законном пространстве. Поезд, набрав скорость, пропал в ночи. И хотя с отъездом жены разом прекратилась вся эта бессмысленная суета — сборы, страх в ожидании очередного скандала, зато вновь появилось знакомое чувство ревности, как в дни их первой разлуки, когда Катя уезжала на неделю к родителям. Они только начинали жить, были молоды и совсем ещё дети. Что-то несерьёзное и ребяческое было в их отношениях, в шуточных намёках на предполагаемую друг в друге порочность, в неумелом скрывании страха от несуществующих измен. За два года супружеской жизни они многое пережили, но так и не научились понимать друг друга.

И теперь, сидя на пустой платформе, Борис в очередной раз за эти бесконечные дни разлуки перебрал в памяти всё, что произошло.

* * *

А началось с дневника, который он нечаянно обнаружил среди Катиных вещей вскоре после свадьбы. Это была общая тетрадь, с множеством наклеек и картинок, с записями, которые Катя вела, пока он служил в армии. Дневник тревожно удивил. И первое, что неприятно бросилось в глаза, было:

*“Сердце любит не однажды,
Сердце любит много раз.
Но не любит сердце многих,
Оно любит только Вас”.*

Кого именно — не сообщалось, и это, походя, задело самолюбие. Дальше читал бегло, торопясь, выискивая лишь то, что хотел и боялся найти. Перед глазами мелькали вырезки из журналов, герои романтических фильмов... И так неожиданно, так сильно вспыхнула в нём вдруг ревность к этим пустым, смутившим воображение картинкам о какой-то совершенно иной Кате.

“Я боюсь его взгляда, боюсь его насмешливого голоса...” — прочёл он где-то в середине — и вскочил, как ужаленный.

Катя стояла в дверях — усталая, тихая, спокойная, пришедшая с работы на обед чуть раньше обычного. И та, и не та. Жена, близкий человек, и в то же время чужая и загадочная. Едва сдерживая себя, он протянул ей дневник: — Вот это вот... вот — что?

Утомленно глянув, Катя взяла из его рук тетрадь. Поправила свободной рукой волосы, выбившиеся из-под светлой косынки, прочла, задумалась, растерянно, вспоминая улыбку и, пожав плечами, возразила:

— Ну и что?

— Как это — что?! Как это — что?! — вспыхнул он, не в силах владеть собой. — Да как ты могла? Да я смотреть на тебя после этого не могу! — И закричал, уходя в другую комнату: — Я думал там, что ты... ты... а ты тварь!

Катя обиженно поджала губы, заморгала глазами и, отвернувшись к стене, заплакала. Он долго крепился, а потом подошёл и взял жену за руку. Катя отдернула руку.

— Уйди!

— Кать... ну... прости. Ну слышишь? Не плачь. Катя. Ну не плачь. Ну, если я такой... ненормальный. А хочешь, — осенило его, — хочешь и я тебе про себя всё расскажу?

И, не дожидаясь согласия, принялся плести небылицу о том, как однажды, в армии, к нему на дальний, за территорией части, на свинарнике, пост пришла немка, и он “это... не выдержал, в общем, вот...” Так действительно было, только не с ним, а с солдатом из его отделения, о чём тот бахвалится перед всеми в капёрке, а сам он, будучи сержантом, на посту никогда не стоял.

* * *

Поднявшись с лавки, Борис сходил в зал ожидания, купил билет и, пройдя подземным переходом на нужную платформу, вошёл в совершенно пустой вагон электрички. Глянув на своё отражение в чёрном глянце окна, отвалился на спинку сидения и опять стал думать о Кате. Он думал о ней все эти дни, думал постоянно, думал с болью. Чувство это было тем сильнее, чем больше он тосковал по Кате, по тому утраченному семейному уюту, теплу, по той пропавшей с её отъездом уверенности в себе.

Тогда, неумело сочиняя историю с немочкой, отчасти в отместку жене, ему казалось, что Катя не слушает, каково же было его удивление, когда полгода спустя, вернувшись от родителей, она напомнила ему об этом.

* * *

В тот день сильно мело. Борис встречал Катю на той самой платформе, на которой вот уже вторую неделю не мог дожждаться теперь. Вынырнув неожиданно из снежной замяти, поезд налетел со свистом, гоня перед собой облако снежной пыли, слепя светом сплошной полосы окон, плавно плывя вдоль высокого длинного перрона. Дробно вздрогнув сцеплениями вагонов, остановился. Из открытых дверей потёк народ. Когда, наконец, появилась Катя, в белой песцовой шапке и в пальто с таким же воротником, у Бориса сладко сжало сердце.

А потом на такой же поздней электричке они добирались до своей станции, и всю дорогу от неё, почти два километра через пристанционный поселок, и весь тот вечер только и делали, что целовались и никак не могли нацеловаться, поперебой ухаживая друг за другом.

И когда Катя в порыве чувств сказала: “Боря-а, Борь, прости, а... за ту запись в дневнике... Я такая дура... И так тебя люблю”, — он принялся уверять, что ровным счётом ничего эта запись для него не значит, что он давно уже всё забыл, и что какая же она, Катя, глупая, что вспомнила об этом теперь, когда им так хорошо.

Он уже засыпал, когда с особой, очевидно, мучившей её все эти дни, болью Катя спросила:

- Она была красивая?
- Кто?
- Та немка?

* * *

Поезд стоял на путях более десяти минут, пропуская “скорый”. Было тихо. В опущенные окна вагона мягкой свежестью втекали запахи березовой серьги, грибов и железной окалины. В вагоне был потушен свет, и только матово, напоминая о прошлом, горели дежурные фонари.

* * *

А тогда у него было прекрасное настроение. В танцевальном зале горели разноцветные бра. В такие вечера Борису казалось, что, женившись рано, сразу после в армии, он будто бы что-то пропустил в своей жизни. И теперь завидовал тем, кто был а зале “вольной птицей”. И когда Катя вышла, а его пригласили на “дамский танец”, с удовольствием пошёл. И ещё издали заметил недовольное лицо вернувшийся и застывшей у входа в зал Кати.

- И как? — с вызовом в голосе спросила она, когда он подошёл к ней.
- Ну я же не виноват, что ещё могу нравиться... — попытался отделаться шуткой: — Кстати, как она тебе?
- Горбатая и, вообще, растрёпа!

Он засмеялся, наслаждаясь её ревностью, и в порыве самовлюбленного великодушия предложил:

— Ну хочешь я для тебя спою?

И, не дожидаясь ответа, пошёл к эстраде.

Пел с настроением, ловя в зале восхищенные взгляды школьников. Но когда увидел Катю, танцующую с кем-то, чуть не поперхнулся от внезапной вспышки ревности. Насилу допев, соскочил с эстрады, нарочно не замечая жены, деловито прошёл мимо и, выйдя из танцевального зала, заперся в своем кабинете. Всё в нем, как и тогда, при чтении дневника, поднялось до бессмысленной, тупой злобы. “Так, может, это он, тот, тот самый?” — услужливо взбрело в голову.

В дверь легонько постучали.

— Ку-ку, это я... — слышался насмешливый Катин голос. — Ну-у... я же не виновата, что ещё могу нравиться, — прибавила она.

— Ну-ну! Не смею мешать! — крикнул он с напускною весёлостью.

— Ага, — с тою же издевательскою насмешливостью заключила Катя. — Стало быть, домой вас теперь не ждать?

— Разумеется, я теперь лишний!

— Ну конечно же — тебе её хочется проводить!

Он не ответил. Катя постояла ещё немного, поскребла ногтями дверь и в гордой непримиримости застучала каблучками. Он же едва высидел до конца танцев. Когда же увидел из окна идущую домой Катю, а следом за ней, на некотором, правда, расстоянии того самого парня, терпению его пришел конец.

Выскочив на улицу и наскоро заперев дверь, он пошёл следом, стараясь быть незамеченным, дрожа от ревности. Было темно и сыро. Снег хлопал под ногами, с крыш бежала в хрустальные торосы вода. Борис не мог слышать их разговора, но всё, о чем они могли бы теперь говорить, казалось ему оскорбительным, подлым, замышляемым против него.

Возле подъезда двухэтажного дома из белого кирпича Катя остановилась. Задыхаясь от волнения, Борис прильнул к электрическому столбу. Отсюда ему хорошо была видна Катина улыбка, и то, как отрицательно покачала она головой, а затем, пожав плечами, как бы в чём виноватая, поспешно вошла в подъезд. Парень постоял немного, закурил и ушёл.

Было по-весеннему чудно и тихо, влажно дышала размягчённым снегом земля, уже разошёлся с танцев народ, а Борис всё стоял в ожидании, когда выбежит “к тому” на свидание Катя. И она действительно вышла. Остановилась в дверях, посмотрела на пустую, погружённую в сиреневое затишье улицу, и повернула к клубу.

Сгорая со стыда, Борис незаметно скользнул за кусты акаций и, по-шпионски пригибаясь, побежал к клубу вкруговую через парк. От волнения долго не мог вставить ключ и отпереть дверь. Какая-то пробегающая мимо случайная собачонка остановилась и, подумав, предательски тивкнула на него. Он топнул на неё, но та, отлетев с испугу назад, залилась что было моченьки.

Наконец, очутившись в кабинете, Борис включил свет, сел за стол и раскрыл первую попавшуюся тетрадь. Сначала было тихо, и он подумал, что ошибся, и что Катя действительно ушла на свидание. Но вот послышались скрип тяжёлой входной двери, робкие шаги по фойе. Дверь в кабинет отворилась. Борис даже не обернулся, лишь по спине пробежали мурашки.

Катя подошла и в знак примирения положила ему руки на плечи.

— Может, хватит?

Он резким движением скинул её руки и, повернувшись, глянул таким ненавистным взглядом, что Катя даже засмеялась.

— Уж и вообразил не знай что!

— Ну и как?

— Что-о?

— Ещё скажи, не знаешь, о чём я. Я же видел, как вы пошли!..

Катя протестующе усмехнулась.

— Ну, во-первых, не пошли, а он сам потащился, а во-вторых, что за тон?

— А в-третьих?

— А в-третьих... — на мгновение задумалась она. — А в-третьих, если муж не оказывает внимания жене, она вынуждена искать его от других! — с непримиримостью заявила она, и он ударил её по щеке.

Как бы удивлённо вскрикнув, Катя закрыла лицо руками и выбежала из кабинета. Борис не двинулся с места, а потом, дрожа от холода, ещё часа два стоял возле дома, в ожидании того, что могло оправдать его низкий поступок.

Уже подмораживало, когда он вернулся в клуб и заснул в своем кабинете на стульях, в слабой надежде на чудо оставив открытой входную дверь.

Разбудил его Геннадий Васильевич Агафонов, баянист, пьяненький, красный и до неузнаваемости опустившийся в последние дни. Три дня как он вернулся с похорон матери и все дни напролёт пил.

К вечеру они мало отличались друг от друга и шумно спорили о добре и зле, о непродолжительности земного пути, о горе, о счастье и отчего им не показывают другую сторону луны.

— Нет, Геннадий Васильевич, вы не правы, — в очередной раз пытался уверить собутыльника в обратном Борис. — Я вас спрашиваю конкретно: что такое брак?

— Как это — что? Продолжение служебного списка.

— Это вы, хе-хе, загнули. То, что вы говорите — мрак, а брак — это туманность Андромеды! Понимаете?

— Туманность чего? Анд... Не, не — не так!

— А как?

Геннадий Васильевич взял со стола бутылку водки, показал наклейку.

— Обрати внимание. Убери одну букву, всего одну. И что получится? Вода. Простая водичка, которую Христос, так сказать, претворил в вино — во-от! — и с кажущейся горестью добавил: — Через то и маемся.

— Через что?

— Без объяснений!.. Ты только вникни, Боря. Ты только раскинь мозгами! Мы хорошо научились оттачивать ногти, чтобы не царапать окружающих, но совсем разучились “быть”. Понимаешь? Быть! А это ужасно!

— Что значит — быть?

— Без объяснений!.. Съехались, понимаешь ли, пять болванов, ни ступить, ни поклониться. Старушки молятся, а мы друг перед другом топорщимся. А чего топорщимся? Мы же все помрём, Боря! Понимаешь? Все!

— А я не хочу!

— Да кто тебя спрашивать будет. Что есть жизнь?

— Что?

— Вздох. Вздохнул и, хочешь или не хочешь, будь любезен выдохнуть.

— Понимаю. И всё равно простить не могу!

— А я всех простил, всех! Всех! Хотя они и в обиде за то, что мама дом подписала мне одному, самому непутевому. Понимаешь? А я, — чуть не рыдая, воскликнул он, — я его продал и прошил! А спроси — зачем? Нет, ты спроси, спроси?

— Зачем?

— А я знаю? Наливай!

Разговор их становился всё бессвязней.

Спустя два дня, ночью, в клубе, с Борисом сделался приступ. И благо был рядом неизменный Агафонов, а то бы неизвестно, чем кончилось.

— Э-э, друг, да тебе не то что пить, нюхать её нельзя с твоей печенью! — буквально во второй день сказал ему лечащий врач.

И для Бориса началось самое тяжёлое время. Жизнь его в те дни походила на какое-то выжидание, на медленное и мучительное приближение неизбежного. Особенно обострилось это чувство, когда приехал в очередной отпуск из тайги старший брат Андрей. Он появился в больнице с целой сеткой апельсинов, шумный, весёлый, самоуверенный, с всегдашней присказкой — “Пришёл, увидел, победил” — которую трактовал по-своему. И сразу после его ухода Бориса замучила ревность. Катину непопадение в больницу как нельзя лучше подогревало её. Чего-чего только не приходило ему по этому поводу в голову. Во сне он бил жену по лицу за измену, удивляясь её скорб-

ному молчанию, порочному терпению сносить всё. И всякий раз просыпался в ужасе, с желанием сбежать отсюда.

В день приезда Кати в его жизни произошло событие, оставившее неизгладимый след в душе. С утра был сильный туман, в котором плавало позимнему холодное солнце. Оно не слепило глаза, смотреть на него было приятно, а тем более теперь, когда столько ненужного времени сулил каждый новый день впереди.

В дверь постучали, приоткрыли, сказали: “Воробьев, к тебе пришли”.

Борис вышел. На лестничной площадке было много народа, посетителей и больных, но он сразу увидел до боли родное, румяное от мороза лицо. Жена стояла возле окна, в песцовой шапке, в пальто, с сумкой в руке. Тихая, родная, но вместе с тем и чужая.

Борис остановился в нерешительности, не зная, как поступить. Глянув на него с нескрываемой обидой, Катя упрямо отвернулась к окну.

— Я только приехала сказать — я уезжаю к маме.

Борис обиделся, ничего не ответил и стал упрямо смотреть себе под ноги. По-прежнему на него не глядя, Катя сказала чужим голосом:

— Пойду. — На лестничной площадке остановилась, мельком глянула и, с неумело скрываемой забывчивостью, сообщила: — Да! Бабушка умерла. Вчера утром.

* * *

За окном мелькнули огни знакомого переезда, поезд стал тормозить. Борис поднялся и вышел на совершенно пустую в столь поздний час платформу. С шипом сомкнулись двери, и электричка с воем унеслась во тьму.

Сойдя по ступенькам, Борис пересёк пути и направился через пристанционный поселок туда, где прожил всю жизнь, где жили его родители, где впервые познакомился с приехавшей на практику на тепличный комбинат Катей, откуда ушёл в армию, где теперь, после окончания музыкального училища, работал заведующим клубом и заочно учился в Самарском институте культуры.

“Катя, я не могу без вас! Слышишь?” — зачем-то сказал он в темноту душевной ночи. И, вспоминая день бабушкиных похорон, который раз за все эти дни разлуки выругал себя за то, что не сказал тогда об этом Кате, а она, может быть, только этого и ждала.

* * *

Нет, ему никогда не забыть того дня, монотонного чтения псалтири, запаха сухого льда, церковных свечей.

В большой комнате родительского дома, посередине, на табуретах стоял гроб, а в нём бледная, тихая, будто спящая бабушка. По какому-то непонятному для него древнему обычаю под гробом лежал топор, стоял таз с бордового цвета водой. Справа, на скамейке, сидела многочисленная родня и среди них — Катя в черном платочке. Все молча, беспомощно глядели на покойницу.

“Рече безумец в сердце своем: несть Бог, — монотонно читала чтница. Борис невольно прислушался. — Растлеша и омерзишася в беззаконних, несть творяй благое. Бог с Небесе приниче на сыны человеческия, видети, аще есть разумевай, или взыскай Бога? Все уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благое, несть до единого...”

И Бориса вдруг пронзило: “Как? Неужели — ни одного?”

Он быстро окинул взглядом сидевших у гроба. Но никто, кроме него, не обратил внимания на эти слова. И так жалко, так беспомощно выглядели в эту минуту все перед лицом смерти, что Борис не выдержал и вышел в коридор.

А потом бабушку похоронили. И были грустные поминки, и до самого отъезда упрямо, как думалось тогда, или выжидательное, как верилось те-

перь, Катино молчание. А ещё через неделю Борис уехал в Самару на весеннюю сессию и, вернувшись через месяц в пустую осиротелую квартиру, отправил жене письмо. В нём и было-то всего: “Простите. Приезжайте. Очень жду”. И, не дожидаясь ответа, каждый вечер ездил к поезду. Это продолжалось вторую неделю, а жена всё не возвращалась.

* * *

Небо, удивительно звездное, лежало над посёлком. Бездонным провалом темнел огромный пруд. А в той стороне, где был город, уже светлело небо.

От воды дохнуло прохладой. Поднявшийся ветерок погнал на песчаный берег волну.

Борис вздрогнул, словно очнувшись от короткого сна.

“Неужели же ты не вернешься, Катя?” — сказал он тихо и повернул к дому.

Нужно было немного поспать, а потом идти на работу, а затем успеть на вокзал к поезду.

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

ЭТО ВРЕМЯ ЛЕГКО ДЛЯ НАИТИЙ

* * *

Снова ветра знакомый привет,
Облаков невесомые створки.
На Ветлуге пенящийся след
От трескучей и старой моторки.

Ты себя до конца не поймёшь,
Хоть и свяжешь с душевным порывом
Эту тонкую, нервную дрожь
Ивняка над песчаным заливом.

Я уже на втором рубеже.
И покуда совсем не исчезну,
Ощущаю в притихшей душе
Эту ёмкую гулкую бездну.

ЭРАСТОВ Евгений Ростиславович родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в журналах "Волга", "Москва", "Дружба народов", "Звезда", "Наш современник", "Новый мир", "Сибирские огни". Автор четырех поэтических и трех прозаических книг. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

* * *

Потакая грядущей зиме,
Стонет жалобно ветер сиротский.
Затрещит половица во мгле
И войдёт Николай Заболоцкий.

Звук появится в гиблой глуши
Из застенчивых связок гортани,
И сверкнёт в первозданной тиши
Первородной резьбой сочетаний.

Разлетится по капелькам дождь.
Ветви тополя тронет остуда.
Что за тонкая, нервная дрожь!
Только он понимал это чудо.

Это сам он прошёл в сапогах
Мимо леса и тихой могилы
С телом лётчика... В этих стихах
Неземные содержатся силы.

Выйду в поле, в открытый простор —
Как вы сумрачны, тайны природы!
Как загадочен пристальный взор,
Устремлённый сквозь долгие годы!

Он исчезнет во тьме, уходя
В шелестящие тихо страницы,
Словно робкая капля дождя
Сквозь белёсый песок просочится.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Под ногами темнеет суглинок,
Меркнет свет над моей головой.
Вижу вечный, как мир, поединок
Чёрной тучи с зелёной листвой.

Посреди навалившейся смуты
Ощуцаю в трепещущей мгле,
Как в тяжёлые эти минуты
Так и тянется небо к земле.

Напряжение вмиг разрушая,
Загрохочет обиженный гром,
Брызнет ливень, листву оглушая
Оловянным своим топором.

Это время легко для наитий —
Словно крыльями лёгких стрекоз,
Миллиардом лучащихся нитей
Всё пространство прошито насквозь.

Но лишь ангел, из рая летящий,
Злую тучу крылом уберёт,
Зашевелится мир шелестящий
От земли до Небесных Ворот.

И на трепетных крыльях эфира,
Над полями, над тихой рекой
Синева невесомого клира
Разольёт долгожданный покой.

* * *

Не страшно смерти. Страшно пустоты.
Беззвучных звёзд, от холода дрожащих.
Как вы страшны, янтарные хвосты
Комет жужжащих!

Как сложен со Вселенной диалог,
Когда не скрыть отчаянья и боли!
Легко ль глядеть на звёздный потолок
В смирительной рубашке силы воли?

Легко ль валяться круглым гольшом
На дне морском? Обкатанным, зажатым,
Засыпанным доверчивым песком,
Беспомощным пред бездною разъятой?

И что тебе, что рядом голыши
Другие, чья судьбы твоей не проще?
И равнодушно шепчут камыши,
И свищет соловей в соседней роще.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВБАКУМА...”

Глава 32

“Как сказка на Гранатном...”

В июле 1931 года на заседании комиссии по перерегистрации Всероссийского Союза писателей Ключеву было предложено представить в Союз “развернутую критику своего творчества и общественного поведения”. Слишком были очевидны последствия дальнейшего разбирательства “развёрнутой самокритики”, и Ключев, приступивший к написанию соответствующего заявления, ни словом не обмолвился о написанной, так и не пристроенной в печать и читаемой на домашних чтениях “Погорельщине”. Он сосредоточился на том, о чём знала вся литературная общественность – на публикации “Деревни” и последующей травле поэмы. Поначалу в выражениях он не стеснялся:

“Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной занесённой снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему же русский берестяной Сирина должен быть ошипан и казнён за свои многопёстрые колдовские свирели – только лишь потому, что серые, с невоспитанным для музыки слухом обмолвятся люди, второпях и опрометно рассуждая, что товарищ маузер сладкоречивее хоровода муз? Я принимаю и маузер, и пулемёт, если они служат славе Сирина – искусства...”

Уже сам по себе этот пассаж (да ещё и с прозрачным намёком на недавно покончившего с собой Маяковского – “Ваше слово, товарищ маузер!”), надо думать, привёл в бешенство членов комиссии. 16 января 1932 года состоялось очередное заседание, на котором отказали в перерегистрации бывшим 33 членам Союза писателей, подтвердили исключение из Союза ещё 10 литераторов, а специальная формулировка, касающаяся Ключева, отличалась особой жёсткостью:

“ПОСТАНОВИЛИ: исключить из Союза

Ключева Н. – как абсолютно чуждого по своим идейно-творческим установкам Советской литературе – писателя”.

20 января Ключев послал в Правление новый вариант своего “Заявления”. Собственно говоря, он не был особо новым – лишь слегка подредактированным. Но процитированные строки были убраны, а маузер (тут уж некстати вспомнится – “хрен редьки не слаще”!) был заменён на “финку”: “...справедливо ли будет взять на финку берестяного Сирина Скифии, единственная

вина которого — его многопёстрые колдовские свирели”. В результате, по смыслу сказанного, оклеветавшие Клюева смотрят уже не воинами с маузерами, а жиганами из подворотни с финками в руках. Читавшие этого смысла, судя по всему, не “просекли”, отсутствие “товарища маузера” и слёзное объяснение Клюева, что его погружение на дно Ситных рынков не “общественное поведение”, а “болезнь и нищета”, стало возможным поводом после долгих споров вычеркнуть имя Клюева из “чёрного списка” и поставить напротив него “плюс” красными чернилами.

А само “Заявление” читается и как умная защита, и как тончайший анализ самой поэмы, и как дивное стихотворение в прозе.

“... Последним моим стихотворением является поэма “Деревня”. Напечатана она в одном из виднейших журналов республики и, прошедшая сквозь чрезвычайно строгий разбор нескольких редакций, подала повод обвинить меня в реакционной проповеди и кулацких настроениях. Говорить об этом можно без конца, но я, признаваясь, что в данном произведении есть хорошо рассчитанная мною как художником туманность и преотдалённость образов, необходимых для порождения в читателе множества сопоставлений и предположений, чистосердечно заверяю, что поэма “Деревня”, не гремя победоносной медью, до последней глубины пронизана болью свирелей, рыдающих в русском красном ветре, в извечном вопле к солнцу наших нив и чернолесий. Свирели и жалкования “Деревни” сгущены мною сознательно и родились... из уверенности, что не только сплошное “ура” может убеждать врагов трудового народа в его правде и праве, но и признание им своих величайших жертв и язв неисчислимых, претерпеваемых за спасение мирового тела трудящегося человечества от власти жёлтого дьявола — капитала. Так доблестный воин не стыдится своих ран и пробоин на щите, — его орлиные очи сквозь крови и желчь видят

*На Дону вишнёвые хаты,
По Сибири лодки из кедра.*

... Разумеется, вишнёвые хаты и кедровые лодки выдвигаются мною не как абсолютная ценность и тем более не как проклятие благороднейшим явлениям цивилизации (радио, учение об электронах и т. п.). Я двадцать пять лет в литературе, просвещённым и хорошо грамотным людям давно знаком мой облик как художника своих красок и в некотором роде туземной живописи. Это не бравое “так точно” царских молодцов, не их казарменные формы, а образами живущие во мне заветы Александрии, Корсуня, Киева, Новгорода, от внуков Велесовых до Андрея Рублёва, от Даниила Заточника до Посошкова, Фета, Бородина, Врубеля и меньшего в шатре Отца — Есенина... Я принимаю финку и пулемёт, если они служат Сирину-искусству, но, жестоко критикуя себя за устремление связать своё творчество с корнями мировой культуры, я тем не менее отдаю свои искреннейшие песни революции (конечно, не поступаясь своеобразием красок и слова, чтобы не дать врагу повода обвинить меня в холопстве)...”

Клюев верен себе. Тональность, образность весь пафос “Заявления” сродни тональности, образности, пафосу его вытегорских выступлений и статей. И никакой перемены в его искреннем приятии революции.

Той, русской революции, ради которой он вещал, проповедовал, рисковал жизнью.

А теперь... Теперь после очередной проработки лишь ускорял по возможности свой проезд в Москву.

— В Питере мне теперь ходу нету... Кулацкий поэт, что уж там...

Уже в 1931-м он постоянно наведывается в Москву, где жилищная проблема была одной из острейших. “В начале тридцатых годов, — вспоминал Евгений Габрилович, — почти все писатели (малые и великие) селились по коммунальным квартирам”. Клюев был бы рад любому жилью, в то же время стараясь по возможности обменять свою ленинградскую каморку на равноценную, относительно равноценную — тишина и покой, родная душа под боком были для него превыше всего остального.

Он селится по разным адресам, подолгу гостит у Надежды Христофоровой-Садомовой в её семье во 2-м Голутвинском переулке, подыскивает возможные варианты, договаривается с хозяевами — и обо всех своих хлопотах в самых нежных выражениях сообщает Анатолию.

“Дорогой друг, дитя моё светлое!

... После невыносимой трéпки, каждодневной езды из конца в конец, разговоров в холод и вьюгу, таскания по лестницам и всяким страшным фатерам — промыслом невидимым послана мне келья, в самой лучшей части города — дом двухэтаж(ный) с вековым садом в переулке, который весь из особняков и каждый в деревьях.

Очень тихо — низенько и тёпленко. Квартирка из двух комнаток белых и квадратных с невысоким потолком — посредине милая печь, кирпичная, потом кухонка с маленькой плитой и прекрасной раковиной. На сенях ещё квартира соседней — от моей отделяется кирпичной стеной, с сеней к соседям отдельные двери. Одним словом, по-моему чудесно — хорошая лестница и чудный дворик старомосковский. Всё вместе — такая (по-моему) милая берлога, такое гнездо гагарье, тёплое, уединённое и какое-то пушистое... Тут же и Тверской бульвар, и лучшие кварталы города, но самые тихие и опрятные. Итак, свершилось то, чего ты пожелал и на что дал мне мысль... Я уже прописан и поэтому обязан в десятидневный срок прописать тебя и представить записку с ленинградского домового жакта, что я снят с продовольствия, иначе ко мне могут прописать на площадь другое лицо, уплотнить меня, так как в Москве насчёт площади очень строго. Чужой человек с улицы в моей комнате будет ужасным событием. Чтобы этого не случилось — немедленно собирайся... Прилетай, моя ласточка! Прощебечь мне весну!”

Сорвалось и с этим “гнездом гагарьим”, стоившим столько сил... И поиски продолжались. И шли нежные, чуть игривые и грустные одновременно, письма.

“... Здесь очень трудно, даже чрезвычайно тяжело устроиться с комнатой. Можно на удачу в пригородах. Знакомые говорят, что есть красивые места и зимние тёплые дачи. На одну комнату в Москве или иногда в Ленинграде меняют две-три комнаты с балконом, огородом, деревья под окнами, но очень тяжело с дровами. Я поместила объявление, было одно предложение на комнату в десять метров — это не комната, а западня какая-то. И мне стало грустно... Твоя Соловушка”.

“Понемножку можно подобрать зимнюю дачу в две комнаты, недалеко от Москвы, так, напр(имер), в Серебряном Бору. Как быть? Соглашаться ли на комнату 10–15 метров или ждать?... Я очень страдаю и неустойчивым и одиночеством. Клычков каждый день пьяный, и поговорить с ним толком нельзя... Как только получишь письмо — отвечай. Каждый день дорог...”

“Лосёнок мой — золотое копытце.

Что ты редко мычишь, видно, хорошо чувствуешь себя без старого сохатого оленя? Не заблудился ли в пихтовой чаще ты, заплутал в буреломе, смотри, как бы не провалиться в берлогу — кругом медвежьи храпы, с опаской лыжи правь... Твой Старый Лось тяжко вздыхает — ото всех своих звериных печёнок — слышишь ли ты эти тяжкие мыки? Где ты, золотое копытце? В какой чаще ты плутаешь? Не попадись волку, а ещё злее — волчице!.. Всегда с тобой. В снах моих, в желаниях, во свете и во тьме. Истрадался я без голубого лосёнка...”

“Всё ещё, несмотря на усилия, не обменялся. Много было предложений, но все неподходящие...”

В январе 1932 года Бюро секции поэтов Ленинградского отделения ВССП всё же заочно выводит Клюева из состава секции. Николай, болезненный и нищий, чуть-чуть поправивший здоровье в Сочи, предпринимает отчаянные усилия, дабы вырваться, наконец, из опостылевшего Ленинграда, и в марте находит приемлемый вариант обмена. В начале апреля переезжает в Москву, поселяется в Гранатном переулке, в квартире 3-й дома № 12.

*Кому бы сказку рассказать,
Как лось матёрый жил в подвале.
Ведь прописным ославят вралей,
Что есть в Москве тайга и гать,
Где кедры осыпают шишки —
Смолистые лешачьи пышки,
Заря полощет рушники —
В дремотной заводи строки,*

*Что есть стихи — лосиный мык,
Гусиный перелётный крик,
Чернильница — раздолье совам,
Страницы с запахом ольховым,
И всё, как сказка на Гранатном...*

Сказка, в конечном счёте, оказалась совсем не весёлой.

* * *

Но поначалу многое складывалось довольно удачно.

Его навещают в новом жилище избранные, к общению с которыми он с самого начала пытался приохотить Яра, и горевал от того, что свои душевные и духовные силы его лосёнок сплошь и рядом тратит на случайных женщин (“волчиц”) и необязательных мужчин (“волков”). Растрчивает то, что мог бы употребить в дело, в созидание совершенного творения. И ничего общего не имеют жалобы Клюева в письмах к Анатолию на то, что связался тот с “химической завивкой” или ещё какой-нибудь “волчицей”, с пошлой мужской ревностью. Это, скорее, материнская забота, та, которую проявлял в своё время Николай к Есенину — а тот частенько и понимать ничего не хотел. Теперь лишь одна мысль — не повторил бы Анатолий есенинскую судьбу. Слишком многие пытались объяснить их отношения — Клюева и Яра — что называется, с низу. И в первую очередь — родные.

Особо отличался здесь отец Анатолия.

“Дорогой друг, — писал Николай. — 26 мая был чудный вечер в Москве, на дворе у нас цветут яблони, — два больших дуба в полном листу. В этот вечер — пришли ко мне люди из Художественного театра — с ними артистка Обухова — в сарафане, в кисейных рукавах, в бусах старинных — всё для меня. — Я же очень был напряжён — чтобы сбыть этим людям картины Власова. Никифор Павлович среди чужих слов людей и совершенно для него немислимых отношений слонялся как неприкаянный и всё собирался уходить — а я ему и говорю: “Прогуляйтесь или посидите под яблоней, там есть скамеечка”, — кажется, своему человеку можно было сказать так и сгладить неловкость — но к моему изумлению — Н(икифор) Павлович понял это по-своему — стал осыпать меня бранью. Назвал мерзавцем, льстивым царедворцем, и что такое общество, какое сидит за моим столом, для него не годится — потому что он честный человек. И что такие люди сделали из его сына, т. е. тебя, — подлеца и обманщика, а если у тебя и есть художественный талант, то этому ты обязан всецело и только отцу, а не такой сволочи, как гражданин Клюев, и т. п. ... Я нисколько не обижаюсь на Н. П. и... ещё большей тревогою и жаром за твой житейский путь охватило всё моё существо. Как тебе должно быть тяжело всякий день и каждый час дышать вредной для тебя как художника средой, серым тупым мурьём! Острой жалостью пронзило моё сердце! Люди же у меня были редкие и достойные, без которых нельзя поэту существовать... Больше всего папа не доволен на то, что я совершенно спокоен, как будто я так глуп, чтобы не предусмотреть человеческого непонимания и психической недоношенности. Я ещё пять лет назад говорил с тобой о том, что папы и мамы всегда недовольны, когда помимо их дети чем-то становятся — это род какой-то ревности и даже зависти... Твоё существо принадлежит не только своим по рождению, а и обществу, если не всему Миру, и тратит жар крови на такое серьёз и на анализ человеческого непонимания слишком дорогая цена. Ты теперь сам как Бог-Фта, — иди своей дорогой, куда влечёт тебя свободный ум!..”

Последняя фраза — контаминация из строк Пушкина (“Поэту”) и Михаила Кузмина, в одной из “Александрийских песен” которого отец посылает сына в большой мир:

*Теперь ты сам, как бог Фта,
и ты идёшь в широкий мир,
и ты идёшь без меня,
но Изида всегда с тобою.*

Клюев знал, что Яру рано ещё идти в мир “без него”, но главное здесь – подтверждение любви старшего и родного, любви отеческой, чистую струю которой не могут замутиль никакие сплетни за спиной и ничьи пошлые подозрения.

“... Сочувствую тебе и соболезную каждой своей кровинкой, что замутили твою душу брехня и неизбежные сплетни прожжённых бульварных профессоров. Эти люди – отвратительные “тётки” (говорю на их языке) чуют давно – твою чистоту и аромат нашей дружбы и давно охотятся за тобой... Будь спокоен, неколебим, верен и горд своей чистотой. Много раз мы говорили с тобой об опасностях для нашей дружбы, особенно в разлуке, которая является самой удобной почвой для посева сорной травы – человеческой глупостью и ничтожеством!”

Клюев лишний раз напоминал, что “страшно встревожен, не столько за себя, сколько за твою душешку ангельскую, мой Пайя белокрылый”... “Прожжённые бульварные профессора” порядком портили кровь своими двусмысленными намёками на их взаимоотношения – и отзвук подобных разговорчиков прозвучал через много лет, когда о Клюеве взялся вспоминать... Михаил Бахтин.

Поначалу он говорил В. Дувакину о том, как Клюев “крашенный и напомаженный” ему не понравился. (Ни “крашеным”, ни “напомаженным” Клюев никогда не бывал.) Потом – “очень понравился”, когда читал “прекраснейшие” стихи. И всё равно – продолжал упоминать и про “фальшь”, и про “стилизацию”, и про “враньё” (дескать, читал великолепно по-немецки, а сам “изображал из себя человека, который даже не может узнать, на каком языке напечатана эта книга”). Клюев же, вероятно, увидев в молодом Бахтине “прожжёного профессора”, и не стремился быть с ним откровенным... Бахтин, правда, почувствовал Клюева настоящего, почувствовал на мгновение: “Он думал – что-то другое будет, но близкое больше вот к этой старой, исконной Руси, но не к тому интеллигентскому месиву, которым являлась современная жизнь для него”). Но это – много позже; а тогда, в конце 1920-х, в одной из публичных лекций он говорил о Клюеве, что “всё его московское, русское насквозь проникнуто заданиями символизма” (сказал бы он это самому Николаю!)... В беседе с Дувакиным оценил “замечательные сказки” поэта выше, чем его стихи. И, наконец, договорился до того, что якобы слышал от самого Клюева: “... ведь и господь наш Христос, ведь тоже был гомосексуалистом... Он был связан с апостолом Иоанном, своим любимым учеником, женственным человеком”... Невозможно даже представить, что Клюев с его истинно христианским мировоззрением и образом жизни мог не то что сказать, а и помыслить нечто подобное. Вот так, оказывается, Бахтин “понял” Клюева, приписав ему неслыханное кощунство, добавив при этом, непритворно ужасаясь, что так говорил “выдающий себя за крестьянина, христианина, православного”... Дурную шутку подчас играет с умнейшими людьми увлечение “телесным низом” в литературных разборах.

Но послушаем дальше самого Клюева.

“... Мягко и тепло дышит сердце, мысленно спускаюсь как бы по бесчисленным ступеням подземелья, в последний придел глубины его, смотрю – цело ли сокровище моё? Любовь моя, тяжёлая, как платина, дружба, груди чистейших сверкающих слёз... Всё нерушимо, ничто не потрачено и не расхищено. Это мой заповедник, мой зачатый клад. И в то же время не мой, а лишь тебе по какому-то таинственному избранию, единственному, – принадлежащий. Ты наследник души моей. Но страшно от вещей полноты, от осознания этого таинства. Моя молитва, чтобы ты хотя бы почувствовал кое-что из этой грозной, обручающей человека с вечностью, евхаристией!...”

Сможет ли Яр почувствовать это кое-что – вот страх и забота Клюева. Всего Анатолию не вынести, целиком груза клюевской души не принять – не выдержит душа молодая, уже устремившаяся в вихри света, уже обременившая себя случайными и необязательными знакомствами и связями, уже устремившаяся в поисках “истинной любви” и нашедшая её.

Клюев ни под каким видом не “ревнует” Яра к его избраннице, что стала потом (на краткий период) женой художника. Но слишком хорошо знает цену этой “любви” и отлично понимает – с кем его “лосёнок” связывает свою судьбу.

“... Прости меня, но я в своём уверен. И ничьих рецептов на этот случай слушать не хочу. Всю трепологию отвергаю. Как ты и предупреждал – я по-

лучил анонимное письмо от Воробьёвой (певица, избранница Яра-Кравченко. — С. К.). Это гнусный, шитый белыми нитками донос на нашу дружбу и на тебя в особенности — на твою совесть и благородство. Письмо написано на бело с черновика, и не без участия второго лица — это я остро чувствую. Ни малейшего волнения психического эфира в нём не наблюдается. Оно жалко и трафаретно-коварно, с предварительной лестью-подкупом мне как поэту, и с угрозой, что “законы революции и диалектики не на моей стороне”. Эта фраза наводит на размышление: в таком же звучании, смысле и скреплении я слышал её от следователя... Она уже стала классической и известной многим. Во всяком случае это не творчество влюблённой женщины...”

Всё более ощущая духовную и душевную перемену в Яре, слушая его упреки, явно наваянные посторонними людьми, в частности, той же Воробьёвой (ночная кукушка всех перекукует!), Клюев идёт до конца, выговаривая Анатолию в письмах самое главное, не чураясь и последних откровений.

“...Ни одна минута прожитая с тобой не была нетворческой. Это давало мне полноту жизни и высшее счастье! Создавался какой-то таинственный стиль времяпровождения и речи, искусства и обихода. Ясно чувствую, что так было накануне эпохи Возрождения, когда дружба венчала великих художников и зажигала над их челом пламенный язык гения. В нашей дружбе я всегда ощущаю, быть может, и маленькое, но драгоценное зёрнышко чего-то подлинного и великого. Только из таких зёрен сквозь дикость и тьму столетий пробивались ростки Новой Культуры. Вот что теперь для меня стало ясно. А это не мало, это не пустяки! Особенно для нас с тобой как художников. На этой вершине человеческого чувства, подобно облакам, задевающим двугорбый Арарат, небесное клубится над дольнем, земным. И этот закон неизбежен. Только теперь, в крестные дни мои, он, как никогда, становится для меня ясно ощутимым. Вот почему вредно и ошибочно говорить тебе, что ты живёшь во мне только как пол и что с полом уходит любовь и разрушается дружба. Неотразимым доказательством того, что ангельская сторона твоего существа всегда заслоняла пол, — являются мои стихи, пролитые к ногам твоим. Оглянись на них — много ли там пола? Не связаны ли все чувствования этих необычайных и никогда не повторяемых рун, — с тобой как с подснежником, чайкой или лучом, ставшими человеком-юношей.

А эти образы — есть сама чистота, сколько-нибудь доступная земному бренному слову. Только женское коварство как раз и черпает из мутных волн голого пола и свинской патологии противоположное и обратное понимание. Откуда оно у тебя? Конечно, от женского наития. Нельзя, сидя верхом на бабе, говорить о тайне, о том, что можно, и то приблизительно-символично, рассказать музыкой, поэзией, живописью или скульптурой. Только языком искусства — купленного подвигом, можно пояснить кое-что из тайны пола и ангела в дружбе. Так поступаю и я... Умозрение в красках, как и в подлинной поэзии, никогда не лжёт. Нужно только открыть глаза и очистить сердце, чтобы увидеть лучи тайны, величия дружбы и красоты...”

Стихи, о которых пишет Клюев, составили своеобразный цикл, точнее, лирическую поэму, которой он дал название “О чём шумят седые кедр” и посвятил её своему любимому другу. Читая её — понимаешь, насколько он был справедлив в своём увещевающем письме: чистота образов сродни здесь чистоте доличного письма древних икон, все признания в любви воплощены в природных символах: “Моя любовь — в полях капель, сорокалетняя медвежья, свежее пихт из Заонежья, пьянее, чем косматый шмель...” “Не пугайся листопада, он не вестник гробовой! У вдовца — глухого сада есть завидная услада — флейта-морок, луч лесной за ресницей сизых хвой!...” “Ты был, как росный ветерок в лесной пороше, я же — кедр, старинными рубцами щедр и памятью — дуплом ощерым, где прах годов и дружбы мера!...” “Без вёсен и цветов коснея, скатилась долу голова, — на языке плакун-трава, в глазницах воск да росный ладан. Греховным миром не разгадан (разрядка моя. — С. К.), я цепенел каменнокрыло меж поцелуем и могилой в разлуке с яблонною плотью...” “Я женился на тюльпане, всех пригожей и румяней пестик золотой...” “Пусть на груди моей лилея сплетётся с веткою сосновой, как символ юности и слова, и что берестяные глубины по саван лебеда голубят...” Этот мотив, напоенный тончайшим эфиром мотив любви к ангельскому существу, к “подснежнику, чайке или лучу, ставшему человеком-юношей” — без малейшего намёка на противоестественный грех — органически сплетается

с мотивом любимой — не “странной”, а полнокровной, от всей души и от всего сердца — к России — “матери матёрой”: “Россия, мать, ты ли? Ты ли? Босые ноги, плат по бровь, хрустальным лебедем из былей твоя слеза, ковыль-любовь плывут по вольной заводине...” “О берега России, сказки, без серой заячьей опаски, что василёк забудет стог за пылью будней и дорог!...” “Мы повстречаемся в Китае в тысячелетнюю весну, сердец измерить глубину цветистой сказкой о России, где жили нежити и вии, и зимний дед, рубя валежник, влюбился пчёлкою в подснежник!...” И поразительный — на фоне “Погорельщины”, “Каина”, “Песни о Великой Матери” — мотив приятия новой жизни, связанный с образом молодого героя, отстоявшего эту жизнь в боях Гражданской войны. Юный художник перевоплощается здесь в юного красноармейца — сродни тем, кого Клюев пламенными словами провожал в бой на вытегорской площади: “Товарищ, вскормленный звездой пятиочитой и пурпурной, Тебе моих напевов зурны, Лезгинка рифм под блеск кинжала!...” “Ты уходил под Перекоп с красногвардейской винтовкой и полудетской сноровкой в мои усы вплетал снега, реки полярной берега, с отчаяньем — медведем белым...” Благословление молодой жизни, напутствие от деда, что “отдал дедовским иконам поклон до печени земной и надломил утёсом шею...” — надломил в этой жизни, но останется в грядущей своими бессмертными заветами:

*Волчицей северного Рема
Меня поэты назовут
За глаз несytый изумруд,
Что наглядеться не могли
В твои зрачки, где конопли,
Польнь и огневейный мак...*

Эту поэму Клюев попытается опубликовать — и этот шаг станет для него роковым. Удар в спину он получит от нового знакомого, с которым повстречается в Москве и который ошеломит и его самого, и всю литературную общность своим буйным поэтическим даром и не менее буйным, поистине неуправляемым поведением.

* * *

Это был Павел Васильев, уже потрясший писательскую Москву своей великопной “Песнью о гибели казачьего войска”, уже отсидевший на Лубянке по “делу Сибирской бригады”, когда Леонида Мартынова, Сергея Маркова, Николая Анова и Евгения Забелина отправили в ссылку, а Павла и ещё одного “подельника” Льва Черноморцева выпустили через несколько месяцев, засчитав им в наказание отбытый срок. Павел по-казачьи, безоглядно, с абсолютной уверенностью право имеющего вломился — именно вломился — в литературную среду. Окружающие лишь ахали и качали головами. Кто-то восхищался, а кто-то затаивал нешуточную ненависть.

Варлам Шаламов вспоминал, как Васильев читал ему стихи Клюева о Ленине.

*Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в “Поморских ответах”.*

— Подтекст этих стихов пропал для нас. — говорил Павел. — Клюев — поэт сложный, серьёзный. Балагана в нём нет. Поморские ответы — это катехизис русского сектантства, знаменитое исповедание веры Андрея Денисова. Истоки хозяйственной разрухи были именно в сопротивлении всяким новшествам, исходящим от Москвы. Да и печатают Поморские ответы со строчной, не заглавной буквы.

Тот же Шаламов рисовал портрет Павла Васильева московского периода: “В Васильеве поражало одно обстоятельство. Это был высокий хрупкий человек с матово-жёлтой кожей, с тонкими, длинными музыкальными пальцами, ясными голубыми глазами”.

Во внешнем облике не было ничего от сибирского хлебороба, от потомственного плугаря. Гибкая фигура очень хорошо одетого человека, радующегося своей новой одежде, своему новому имени, – Гронский уже начал печатать Васильева везде, и любая слава казалась доступной Павлу Васильеву. Слава Есенина, слава Клюева. Скандалист или апостол – род славы ещё не был определён. Синие глаза Васильева, тонкие ресницы были неправдоподобно красивы, цепкие пальцы неправдоподобно длинны.

Иван Михайлович Гронский к тому времени сменил Вячеслава Полонского в кресле главного редактора “Нового мира” и “Красной нивы”, оставаясь при этом ответственным секретарём “Известий ВЦИК”. После апрельского постановления “О перестройке литературно-художественных организаций”, ознаменовавшего конец эпохи РАППа и примыкавших к нему литературных группировок, Гронский был поставлен во главе оргкомитета Союза советских писателей, который должен был заняться подготовкой первого общеписательского съезда. Перетряска литературной жизни имела определённые последствия. Было провозглашено “бережное” отношение к писателям, рапповская дубинка была заменена кнутом и пряником, и даже бывшие рапповцы, сменив тон, заговорили о возможной “перестройке” своих бывших врагов.

“Вглядитесь в новую поросль рабочих поэтов, – писал в “Литературной газете” “неистовый и непримиримый” Алексей Селивановский, – таких как Смеляков, Сидоров, Резчиков, Ручьёв, Беспощадный, как более “взрослый” Решетов – в первые проявления такого мощного дарования, как Васильев, в стихи Прокофьева...”

Пастернака подстерегают большие опасности. И не только его, а и Антокольского, и Мандельштама, в эти годы жившего особенно далеко от социалистической революции, и кое-кого ещё. И Пастернаку, и Антокольскому, и “старикам” – Мандельштаму и Андрею Белому – нужно помогать последовательной товарищеской критикой прежде всего...

Нам нужны социалистические мастера поэзии, знатоки своего творческого станка...

Есть у нас кулацкая поэзия. Есть поэзия хулиганствующей богемы. Есть поэзия мелкобуржуазной распущенности, упадочничества, презрения к труду. Есть поэзия, ворошащая мотивы великодержавного свинства или местного национализма. Мы не забыли о “констромольцах”. Нужно быть всё время настороже!”

Они действительно ничего не забыли. Теперь их, “неистовых ревнителей пролетарской чистоты”, привлекали к новой работе – “перестраивать” писателей, помогая им обходить все вышеперечисленные рифы.

Именно таким “перестраивателям” Клюев, хорошо помня, – такие же “незабывчивые” отнеслись к нему в Ленинграде, адресовал своё новое творение – “Клеветникам искусства” с явной отсылкой к пушкинским “Клеветникам России”:

*Я гневаюсь на вас и горестно браню,
Что десять лет певучему коню,
Узда алмазная, из золота копыта,
Попона же созвучьями расшита,
Вы не дали и пригоршни овса
И не пускали в луг, где пьяная роса
Свежила б лебедю надломленные крылья!
Ни волчья пасть, ни дыба, ни копылья
Не знали пытки вероломней, –
Пегасу русскому в каменоломне
Нетопыри влетали в гриву
И пили кровь, как суховеи ниву,
Чтоб не цвела она золототканно
Утехой брачною республике желанной!*

“Идите прочь, непосвящённые!” – явственно слышится голос из глубин тысячелетий. Непосвящённых не щадит Клюев в своём негодовании. Они для поэта – “гнусавые вороны”, которые гордое революционное знамя застыт “крылом нетопыря, крапивой полуслов, бурьяном междометий”... А их отно-

шение к русскому слову едино с их отношением к русской жизни... Ненависть и конъюнктурные потуги – вот вся их суть. И порода эта невыводима. Благополучно дожила до наших дней.

(Незабываемо, как в очередную “перестройку” то там, то сям стали появляться сочинения, прославлявшие тех самых “неистовых ревнителей” – от Селивановского до Авербаха – как “мужественных борцов со сталинизмом”, а в Библиотеке им. В. И. Ленина на выставке книг репрессированных писателей тоненькая, еле заметная книжечка Василия Наседкина заслонялась увесистыми томами бывшего литературного громилы Семёна Родова.)

*Чтобы гumno, где Пушкин и Кольцов
С Есениным, в венке из васильков,
Бодягой поросло, унылым плауном
В разлуке с песногривым скакуном...*

Классические строки – как алмазные врата, вход в которые доступен лишь тем, кто готов преклониться перед бессмертным гением Пушкина и Кольцова (хоть и говорил когда-то в полемическом запале: “Вера Кольцова – не моя вера”, но сейчас и он оказывается союзником в промыслительной битве с нетопырями)... И о современных поэтах, по высочайшему счёту им ценных, облаиваемых на всех углах или глухо замалчиваемых, – Есенине, Ахматовой, Клычкове, Павле Васильеве – Клюев пишет как о тех, чьё слово не пропадёт и не сгинет, ибо оно в родстве с русской и мировой классикой, сродни природе, – так же живо, как и глубина народного духа, их породившая, и ждёт своего осмысления.

“И пал ли Клюев бородатый, как дуб, перунами сраженный... чек, и заплакал ли зори-очи до мёртвых костяных прорех на грай вороний – чёрный смех?... Ахматова – жасминный куст, обожженный асфальтом серым, тропу утратила ль к пещерам, где Данте шёл и воздух густ...” (Об этих строках Ахматова скажет потом: “Лучшее, что сказано о моих стихах” – и возьмёт их эпиграфом к третьей части “Поэмы без героя”, заменив, правда, слово “густ” на “пуст” по своим собственным соображениям)... И в этом же пантеоне бессмертных при жизни – Павел Васильев.

*Полыни сноп, степное юдо,
Полуказак, полукентавр,
В чьей песне бранный гром литавр,
Багдадский шёлк и перлы грудой,
Васильев — омуль с Иртыша.
Он выбрал щуку и ерша
Себе в друзья, — на песню право,
Чтоб цвезть в поэзии купавой, —
Не с вами правнук Ермака!..*

Прямо скажем, несколько опрометчивой получилась последняя строчка.

* * *

В эту “перестроечную” вакханалию Клюев, действительно, не вписался. Но именно на 1932 год, последний год его высочайшего творческого взлёта, пришлась последняя прижизненная публикация – в журнале “Земля советская”, главным редактором которого стал недавно старый друг – его и Есенина – член “Перевала” прозаик Иван Михайлович Касаткин.

Именно ему в журнал, на страницах которого весь год “великого перевала” (1929-й) выяснялось – кого же считать крестьянским писателем, и выяснялось, что ни Клюева, ни Клычкова “крестьянскими” считать нельзя, ибо не “крестьянские” они, а “кулацкие”, – именно сюда принёс Клюев цикл “Стихи из колхоза”, написанные в 1931 году, в год работы над “Песней о Великой Матери”.

Нет, невозможно уложить этого поэта в разлинеенную диаграмму. Невозможно дать однозначную характеристику ни одному из периодов его жизни.

Казалось бы, работа над великой поэмой, проникнутой полным отрицанием современности, полностью исключает хотя частичное приятие чего-либо нового... Ан, нет! "Стихи из колхоза" — это гимн колхозной жизни, поэтическое воплощение абсолютного счастья людей, воистину — рая земного.

*Бреду соломенной деревней; —
Вон ком земли, седой и древний,
Читает вести про Китай.
"Здорово, дед!" — "Здорово, милый!.."
Не одолеет и могила
Золотогрудый каравай!
Порхает в строчках попугай,
И веет ветер Индостана, —
То львиная целится рана —
Твоя, мой серый Парагвай!*

Сытость и счастье. И как примета этого счастья — реалии любимого Востока, органически вплетённые в словесную ткань великого преображения земли. "Какая молодость и статность! Не уязвила бед превратность Пшенично-яростного льва!.. По сытым избам комсомол — малиной ландышевый дол цветёт зазвонисто и сладко..." "Там сегодня именины — небывалые отжины, океан калёных щей ждёт прилёта лебедей! И летят несметной силой от соломенного Нила, от ячменных островов стаи праздничных снопов!.."

Вот уж впору заговорить о конъюнктуре, о сдаче позиций, о попытке любыми средствами "перестроиться", да и опубликоваться, наконец... Тем паче что на происходящее в деревне Ключев глаза не закрывал. И не только вслух говорил с ненавистью о творящемся насилии, но и стихи рождал соответствующие:

*Вороном уселся, злобно сыт,
На ракиту ветер подорожный,
И мужик бездомный и безбожный
В пустополе матом голосит:
— Пропадай, моя телега, растакая бабка-мать!
Где же ты, невеста — павья стать,
В аравийских паволоках дева?
Старикам отжинки да посевы,
Глаз поречья и бород туман.
Нет по избам девушек-Светлан, —
Серый волк живой воды не сыщёт.
Теремное светлое кладбище
Загляделось в мёртвый океан...*

Это — 1929 год. А через 2 года — совсем иная песня. И писалась она на Саратовщине, где командовал Мендель Хатаевич.

Видел своими глазами Ключев только-только созданные колхозы, куда входили со своим хозяйством зажиточные мужики, видел, как преображалась жизнь, как распрямлялись спины не только у бедняков, но и у тех, кто всю жизнь жил единоличным небедным хозяйством, трудясь от зари до зари... Потом эти колхозы будут объявлены "лжеколхозами", расформированы — и начнётся дикая гонка в построении новых колхозов, со зверским "раскулачиванием" без смысла и разбора, с выселением новых семей, со "встречными планами", приведшими к страшному голоду 1933-го... Но как же хотелось поверить в возрождение мужика на земле, на которую этот мужик не будет больше смотреть, как на Дагона, пьющего его кровь, и благословить молодое поколение, которое будет, будет ведь жить, наконец, счастливо на земле, кровью юных бойцов омытой...

"Стихи из колхоза" были напечатаны в одном номере с васильевской поэмой "Лето", полной буйного цветения и поэтической мощи, поэмой, посвящённой Сергею Клычкову.

*Нам, как подарки, суждены
И смерти круговые чаши,
И первый проблеск седины,
И первые морщины наши.
Но посмотри на этот пруд —
Здесь будет лён, а он в купавах.
И яблони, когда цветут,
Не думают о листьях ржавых.
Я снег люблю за прямоту,
За свежесть звёзд его падающих
И ненавижу только ту
Ночей гнилую теплоту,
Что зреет в задремавших сучьях.
Так стережёт и нас беда...
Нет, лучше снег и тяжесть льда!*

“Я помню, — вспоминал Сергей Островой, — как мы с ним (с Павлом Васильевым. — С. К.) ходили к Ключеву. К Николаю Ключеву!.. И когда мы пришли к Ключеву, а тот ютился в полуподвале, в комнате на полу лежали огромные церковные книги в деревянных и металлических окладах. И первое, что сказал Ключев, обняв Васильева: “Паша, ты ведь наш сокол!” Это сказал Ключев, который, уж, слава богу, на своём веку повидал многое и многих..”

У Клычкова, который принимал в гостях Ключева, Мандельштама, тянувшегося в этот свой “московский” период к “новокрестьянам”, берущего у них мотивы, посвящавшего Клычкову стихи, Васильев читал “Песнь о гибели казачьего войска” и лирические стихи. Как вспоминал Липкин, Мандельштам отреагировал сразу: “Слова у него растут из почвы, с ней смешиваются, почвой становятся”. А Ключев после паузы подошёл, обнял Васильева, крепко поцеловал: “После Есенина первая моя радость, как у Блока, — нечаянная”.

... “Перестроечное” соревнование приобретало характер массового психоза. Каждый стремился “перестроить” хотя бы одного писателя и объявить это лично своей заслугой. Под руками у Гронского был особенно благодатный материал. Петр Орешин, уже настроившийся на мысль, что “плетью обуха не перешибешь”, прибежал однажды к нему и сообщил, что Ключев “обрабатывает Пашу”. Возможно, Орешин действительно стремился по-своему уберечь Павла, ибо в глазах высшей литературной бюрократии общение с Ключевым приравнивалось к общению с прокаженным. Гронский ненавидел Ключева нешуточной ненавистью. Он предложил Павлу поселиться в своей квартире, познакомил его с сестрой своей жены Еленой и стал “воспитывать”.

Положение Павла, по-хорошему говоря, в тогдашней литературной жизни было если не “хуже губернаторского”, то близко к этому. “Огонек”, “Литературная газета” и “Земля советская” печатали его стихи, и в то же время была запрещена публикация уже набранной книги стихотворений “Путь на Семиге”, а “Песню о гибели казачьего войска” Гронский после совета В. В. Куйбышева изъясил из почти всего отпечатанного тиража “Нового мира”, причем уже через много лет объяснил свое отступничество следующим образом: “Появление в журнале поэмы Васильева одновременно с рассылкой протоколов его допросов могло привести к возможным кривотолкам. Учитывая это, а также то, что противники Оргкомитета ССП из лагеря “воинствующих” рапповцев могли представить публикацию поэмы (в сущности, безобидное дело) как некое демонстративное выступление редакции “Нового мира” против советских следственных органов, я, посоветовавшись с В. В. Куйбышевым и А. И. Стецким, решил изъять “Песню о гибели казачьего войска” из номера”. Показательно это опасение перед не сложившими оружия рапповцами и И. Гронского, и В. Куйбышева, и А. Стецкого.

9 апреля 1933 года начальник Главлита Б. Волин (Фрадкин), обретший зловещую известность еще в 20-е годы, когда он работал в журнале “На посту”, написал большую докладную записку в Политбюро с отчетом о работе, в которой, в частности, сообщил, что “и сейчас, конечно, бывают прорывы. (В “Федерации”, например, выпущен в Октябрьской серии Асеев с большой троцкистской поэмой “Лирическое отступление”, в “Новом мире” была в 11 книжке напечатана “Поэма о гибели казачьего войска” Павла Васильева,

в ГИХЛе готовился томик того же П. Васильева, а также пришлось перепечатывать ряд страниц в “Сестрах” Вересаева (о коллективизации), в Ленин(градском) Тов(ариществе) Писателей вышли “Дневники” М. Шагинян с политически одиозными записями, в Моск(овском) Тов(ариществе) Пис(ателей) задержан готовый к печати роман “Личное и общественное” Парфенова и т. д.)... На каждый прорыв Главлит отвечает репрессиями по отношению к цензорам, передачей дела об них, как и об редакторах и авторах (партийцах), в контрольные органы и в ячейки и рядом производственных со-вещаний, инструктирующих и мобилизующих наших работников”.

Как было хорошо укрыться от всего этого в клюевской “келье”, почувствовать ласковое прикосновение руки “дедушки”, внять его мудрым речам, почитать свои новые стихи и послушать самого Клюева, приобщающего юношу к сокровенным тайнам поэтического слова:

*Пусть дубняком стальной посев
Взойдет на милом пепелище —
Лопарь забрел по голенище
В цимбалы, в лукоморья скрипки
Проселком от колдуньи-зыбки
Через горенку и дебри-няни,
Где заплутали спицы-лани,
Бодаясь с нитью ярче сказки!
Уже Есенина побаски
Измерены, как синь Оки,
Чья глубина по каблук...*

Это стихотворение Клюев посвятил Васильеву, как бы передавая ему волшебный поэтический посох, который, как думал старый поэт, не удержал в ладонях Есенин и который уже не под силу удержать ему самому, готовому погрузиться до поры до времени со своим песенным миром под воды времени, как Китеж-град в волны Светлояра.

*Но кто там в росомашьей чуйке,
В закатном лисьем малахае,
Ковром зари, монистом бая,
Прикрыл кудрявого внучонка?
Иртыш пелегает тигренка —
Васильева в полынном шелке...
Ах, чур меня! Вода по холки!
Уже о печень плещет сом —
Скирда кувшинок — песен том! —
Далече — самоцветны глуби...*

Да, он отдавал должное Васильеву как поэту, но все больше и больше замечал за ним как за человеком сознательную неразборчивость в средствах достижения литературной славы и тем паче в знакомствах.

А Гронский активно проводил “операцию” по оттягиванию Васильева от Клюева и приближению к Демьяну Бедному.

И вот 3 апреля 1933 года в редакции “Нового мира” состоялся вечер, посвященный творчеству Павла Васильева, с последующим обсуждением.

“В самом начале тридцатых годов Павел Васильев, — писал Гронский, — вызывал обоснованную тревогу за судьбу его огромного дарования. Васильев продолжал наведываться к Клюеву, что не могло не настораживать.

Васильева надо было “отстоять”. Поэтому, когда в апреле 1933 года “Новый мир” устроил творческий вечер Павла, я обрушился на поэта с резкой критикой... Я неодобрительно отозвался о новом произведении Васильева, но сделал это скорее для того, чтобы раскрыть всю полноту ответственности художника за свое творение. Целью моего выступления отнюдь не было “растоптать” или “облить” грязью молодого поэта. Свидетельство тому — “Соляной бунт” начал печататься уже в следующем, майском номере “Нового мира”, ответственным редактором которого я работал”.

Гронский многого не договорил. Чтение стенограммы этого обсуждения показывает, как он “отстаивал” Васильева.

Прежде всего: обсуждение состоялось в апреле 1933 года, а напечатаны его материалы были лишь в № 6 журнала за 1934 год. Причем выступление Бориса Пастернака в опубликованную часть стенограммы не вошло.

Читая стенограмму, видишь, какая солидная артподготовка была проведена перед “спасительной” речью самого Гронского. Вот несколько выдержек из предыдущих выступлений:

“К. Зелинский. — У нас может явиться вопрос: откуда явился Васильев? Почему на 16-м году пролетарской революции, после ликвидации кулачества как класса, появляется такой поэт? Значит, не вся еще молодежь наша? Я думаю, что это не случайно. Значит, пережитки капитализма еще налицо, еще сильны. Но с другой стороны, в нашей стране для такой поэзии нет будущего. Что касается самого Васильева, то в последней вещи, которую он сегодня прочитал, и отчасти в его “Соляном бунте” все-таки есть здоровое начало, на которое он может сам же опереться и которое позволит в дальнейшем ему развиться в настоящего советского поэта”.

“Е. Усиевич. — Для того, чтобы Васильев мог сам перестроиться, для того, чтобы его творчество не давало права наиболее реакционным элементам в нашей литературе и уповать, что он поднимет их поникшее знамя, для этого, прежде всего, Васильев должен понять не только то, что наша критика, наша общественность считает его чужаком, он должен осознать, чью идеологию выражает он. До сих пор мы не имели у Васильева ни сознания этого, ни, тем более, попытки убрать мосты, которые его связывали с этими людьми. Но я думаю, что наглядность и неопровержимость успехов социалистического строительства, та работа, которая проводилась с Васильевым нашей критикой, а главным образом, те чрезвычайно обнаженные формы, которые приняла классовая борьба, те формы, в которых выступает сейчас классовый враг, — все это кое-чему Васильева научило”.

Вот когда настал черед Гронского! Когда встал вопрос — “перестроился” Васильев или нет и “есть ли за ним будущее” в зависимости от его “перестройки”?.. Что означали эти слова в 1933 году, уже тогда многие не могли не понимать.

“И. Гронский. — Если народ не знает поэта, если народ не поет его песен, — грош цена такому поэту... Вот если с этой точки зрения мы подойдем к творчеству всей группы так называемых “крестьянских” поэтов, то мы должны сказать, что эта группа совершенно напрасно, без всяких на то оснований, приклеивает к себе крестьянскую вывеску. Это не крестьянская, а кулацкая поэзия... Возьмите творчество Ключева, Клычкова и Павла Васильева за последние годы. Что из себя представляет это творчество? Каким социальным силам оно служило? Оно служило силам контрреволюции... Это резко, это грубо. Но это правда... Можно ли переделать этих “крестьянских” поэтов? Стариков, мне думается, трудно будет переделать... Если бы они хотели служить прогрессу, то есть пролетарской революции, они давно бы это сделали... Да и трудно агитировать этих людей. Им можно лишь сказать: если хочешь сидеть в прошлом, сиди, сиди и жди того дня, когда твой народ забудет о тебе как о художнике. И он забудет. Это единственное, что можно им сказать... Я думаю, что дело заключается в том, что в воспитании Васильева мы проявили некоторое благодушие, мы над ним не работали, а кое-кто другой над ним работал. И, представленный этим людям, Васильев развился не в сторону революции, а в сторону контрреволюции... Васильев должен порвать с той группой, у которой он находится в плену... Васильев как будто делает сейчас шаг в сторону революции, но делает этот шаг очень робко, очень осторожно, очень неуверенно. Так, Васильев, к революции ты никогда не придешь. К революции надо идти решительно, смело, по-мужички... Враг нападает — дай ему десять сдач... Васильеву надо прямо сказать, что он сейчас пришел на некую грань: или он совершит прыжок в сторону революции, или он погибнет как художник... Если хочешь быть поэтом своего народа, поэтом рабочих и крестьян, порви всякие связи с прошлым и шагай в будущее без всякой оглядки. Поставь свое искусство на службу этому будущему, против всякого рабства, против всей той мрази, которая борется с нами из-за угла...”

Напротив Павла Васильева, выслушавшего все это, сидел как раз “враг” и “мразь, борющаяся из-за угла” — Сергей Антонович Клычков. И вот какой диалог состоялся после всех предыдущих погромных речей между двумя дру-

зьями: уязвленный и обиженный Павел Васильев сперва попытался защититься, а потом обрушился на своего друга с нешуточными упреками.

Дело в том, что, помимо всего сказанного, масла в огонь расчетливо подлил И. Нусинов: “Совершенно верно, что Клычков, как зрелый мастер, никому больше не подражает. Он – самостоятельный писатель. Но когда Васильев начал писать, он, несомненно, подражал Клычкову. Сейчас задача в том, чтобы освободиться от влияния Клычкова... Действительно, когда сейчас приходит поэт, который в годы революции еще только начал грамоте учиться, и говорит языком Клюева и повторяет этапы Есенина, – то это чистейший анахронизм. Все это упоение “арханых”, “избяным”, “бревенчатым” старо, скучно, запоздало и никого не трогает...”

Васильев бросился на защиту своей чести и своего литературного имени, не щадя ближайшего соратника.

“П. Васильев. – Здесь говорили, что Клычков особенно на меня влиял, что я был у Клычкова на поводу, что я овечка. Достаточно сказать, что окраска моего творчества очень отличается от клычковской, а тем более от клюевской. Я сам хорош гусь в этом отношении. Вообще, если говорить о крестьянских поэтах, – а таковые все-таки существовали и существуют, – то надо сказать, что, хотя Клычков и Клюев на меня не влияли, у нас во многих отношениях родная кровь. И все мы ребята такого сорта, на которых повлиять очень трудно. Это блестяще доказал Клычков, особенно Клюев. Тут – советское строительство, а с Клычкова как с гуся вода. Должен признаться, что советское строительство и на меня очень мало влияло... Разве Маяковский не пришел к революции, и разве Клюев не остался до сих пор ярым врагом революции?... Теперь выступать против революции и не выступать активно с революцией – это значит активно работать с фашистами, кулаками, о которых сейчас говорили. У нас с Сергеем в последнее время был разговор, что нужно решительно выбирать – за или против. Я считаю, что у Клычкова только два пути: или к Клюеву, или в революцию. Сейчас Сергей выглядит бледным потому, что он боится, что его не поймут, его побьют и т. д. Но, к сожалению, должен сказать, что я желаю такого избияния камнями... Клычков должен сказать, что он на самом деле служил по существу делу контрреволюции, потому что для художника молчать и не выступать с революцией – значит выступать против революции.

Клычков. – Это политиканство.

Васильев. – Ты имеешь право назвать меня политиканом, но твои слова ни в чем никого не убедят”.

Тяжело читать этот диалог. И бессмысленно впадать в запоздалое сожаление и произносить запоздалые упреки. Слишком туго оказался закручен узел, и молодой, горячий поэт, никогда не вдававшийся в тонкости тех или иных нюансов очередного политического момента, оказался неспособным его распутать. Прозрение, понимание того, что произошло, наступило позднее.

*Мы верили ветрам-скитальцам,
Мы песни холили в груди.
Пересчитай нас всех по пальцам,
Но пальца в рот нам не клади.*

Эту эпиграмму на Клюева и К⁰ Васильев написал примерно в то же время – незадолго до своего отречения. Шутка обернулась жуткой реальностью. Их пересчитали. Определили возможность “перестройки” каждого. И поставили каждому индивидуальное клеймо.

Думаю, что не один раз Павел потом вспоминал свои слова, сказанные в редакции “Нового мира”, особенно когда увидел их опубликованными на страницах журнала в то время, когда Николай Клюев уже начал свое “хождение по мукам” в Колпашеве. Не мог Васильев в глубине души не понимать разницы в отношении к нему Клюева и Гронского, не мог не оценить ситуации, в которой оказался. Думаю, многие его позднейшие “срывы” были следствием всё усиливающегося чувства своей вины и порожденным ею ощущением душевного разлада. И не мог он не вспомнить, обдумывая горькие строки о Беломорканале (“Хлещет в шлюзы Балтийское море и не хочет сквозь шлюзы идти...”), трагических строк своего учителя, которые тот тайно читал своему “тигренку”:

*То Беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фекла,
Беликороссия промокла
Под красным ливнем до костей...*

И нельзя не сказать, что происшедшее с Павлом Васильевым, да и вообще вся литературная политика 30-х годов, были, если угодно, расписаны и рассчитаны десятилетием раньше и получили, пожалуй, наиболее совершенное обоснование в статье Ларисы Рейснер, опубликованной в 1926 году.

“Возможна ли у нас в СССР “справедливая” критика? Конечно, нет! Булгаков написал талантливейшую книгу, но скверную и вредную. Его книга – книга врага, и она не будет признана! Устрялов – замечательнейший публицист, и Устрялова бьют и будут бить, потому что он враг, потому и опасный, что необыкновенно умный, талантливый. Со всеми ими наша критика ведет грандиозную войну, то есть самую беспощадную из всех войн. Когда не хватает пушек, то бьют дубинками.

Но как случилось, что под удары – и какие! – попадают не Устряловы и Булгаковы, а Лидия Сейфуллина, Бабель, Вс. Иванов – самые близкие нам писатели – единственные, выдвинутые не коммунистической, но, во всяком случае, советской – революционной Россией”.

Лариса Рейснер не дожила до 30-х годов, ставших роковыми и для людей ее круга. Иначе она получила бы прекрасную возможность усвоить простую истину: сначала бьют “Устряловых и Булгаковых”, потом “Бабелей и Вс. Ивановых”, потому что они для кого-то “враги”, а потом полчища “врагов” разрастаются и начинается бойня, в которой вчерашние палачи уже не имеют шансов спасти свои головы. В дубинках уже нет надобности – отменно налаживается пушечное производство. И удержаться в этой обстановке практически невозможно никому.

Интересно, что “Литературная газета” напечатала оперативный отклик на васильевский “творческий вечер” с характерным уведомлением:

“Почва, из которой Васильев черпал свое творчество, быт кулацкого семиреченского казачества, придавала его творчеству настолько реакционную окраску, что дальнейший путь этого одаренного поэта внушал очень серьезные опасения”.

Далее сообщается, что Васильев читал новую поэму “Соляной бунт” и “отрывок из стихотворения “Враги народа”, направленного против разоблаченных недавно вредительских организаций”. Что это за стихотворение – до сих пор неизвестно.

Известно другое: помимо принимавших участие в обсуждении литераторов, чьи выступления напечатал “Новый мир”, в этом действе были заняты такие лица, как Вера Инбер, Григорий Корабельников, Иван Макарьев и “перестраивающийся” Борис Пастернак – единственный, кто пытался говорить о Васильеве в уважительном тоне.

“Б. Пастернак, говоря об огромном таланте Васильева, выразил уверенность, что крупный поэт не может не пойти в ногу с эпохой... .

С. Клычков, не упоминая о творчестве Васильева, безуспешно пытался опровергнуть объективную оценку своего творчества рядом выпадов против марксистской критики. Остальным ораторам пришлось, отмечая отход Васильева от группы Клюева–Клычкова, останавливаться на реакционной роли этих последних. “Взвесьте серьезно то положение, в котором вы оказались, – сказал т. Макарьев. – Сила на нашей стороне, но мы говорим с вами серьезно, а вы все не хотите говорить серьезно. Что ж, Васильев от вас ушел, а вы оставайтесь”.

Клычков не держал на Павла зла. Совершенно по-другому отнесся к перемене в “тигрёнке” Клюев, для которого эта измена стала ударом в самое сердце. В письмах к юному другу последних лет своей жизни – живописцу Анатолию Кравченко – он, попутно вспоминая Есенина, предостерегал Анатолия от общения с Павлом.

“Толечка, ласточка моя апрельская, всем опытом, любовью святыней, заклинаю тебя – не отравляйся личинами, не принимай за подлинность – призраков Быстряковых и его патронов, Васильевых и старых, как ад, Эльз Каминских – с непрременной бутылкой, с клеветами и бесчисленными преда-

тельствами! Все подобные исчезают, как смрадный дым. Пройдешь мимо и не найдешь даже того места, где они были... Вот тебе еще пример из книги жизни: ты жадно смотрел на Васильева, на его поганое дорогое пальто и костюмы — обольщался им, но эта пустая гремящая бочка лопнула при первом ударе. Случилось это так: Оргкомитет во главе с Гронским заявили, что книги Васильева — сплошь плагиат — по Клюеву и Есенину — нашли множество подложных мест, мою Гусыню в его поэме и т. д. и т. д. Немедленно вышел приказ: рассыпать печатный набор книг Васильева, прекратить платежи и договоры объявить несостоятельными, выгнать его из квартиры и т. д. Васильев скрылся из Москвы. Все его приятели лают его, как могут, а те дома, где он был, оправдываются тем, что они и не слышали, и не знакомы с Васильевым и т. п. и т. п.”

В своей горечи Клюев доходит здесь до явных несправедливостей и прямого искажения фактов. Никто Васильева в плагиате не уличал, хотя его колыбельная про гусыню из “Песни о гибели казачьего войска” явно переключается с клюевской “белой гусыней” из “Плача о Сергее Есенине”, так же, как написанная в начале 1933 года “Тройка” — яростный ответ на плач о гибели русской тройки в “Погорельщине” (“Загибла тройка удалая, с уздой татарская шлея, и бубенцы — дары Валдая, дуга моздокская лихая, — утеха светлая твоя!.. Разбиты писанные сани, издох ретивый коренник...”):

*И коренник, как баня, дышит,
Щекою к поводом припав,
Он ухом водит, будто слышит,
Как рядом в горне бьют хозяев...*

.....
*В его глазах костры косые,
В нем зверья стать и зверья прыть,
К такому можно пол-России
Тачанкой гиблой прицепить!
И пристяжные! Отступая,
Одна стоит на месте вскачь,
Другая, рыжая и злая,
Вся в красный согнута калач.
Одна — из меченых и ражих,
Другая — краденая знать —
Татарская княжна да блядь, —
Кто выдумал хмельных лошажьих
Разгульных девок запрягать?
Ресниц декабрьское сиянье
И бабий запах пьяных кож,
Ведро серебряного ржанья —
Подставишь к мордам — наберешь.*

.....
*Рванулись. И — деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта,
Полмира тащит на вожжах!*

Давно ли Клюев сам читал и давал читать Васильеву свои неопубликованные и не имевшие никакого шанса на публикацию стихи? Теперь он обвиняет в этом Анатолия Кравченко. “При каких милых отношениях мои стихи попали к Васильеву? Чем он тебя вовлек в это преступление? Обещал протекцию и т. п.? Всякий бы и каждый на твоём месте давно бы рассказал все по порядку. Ответь, что тебе мешает?”

Проходит еще два дня, и Клюев пишет тому же Анатолию новое письмо: “Я верю, художник мой, что у тебя вкус прекрасный, но нет чутья на людей: доказательство: панибратство с цеховым заплечным мастером с Малой Полянки — он вновь был у меня — опухший от пьянства и мировых масштабов, и сердце мое холодело за твой вкус на людей и знакомства...”

Обида обидой, а не мог забыть Клюев своего недолговечного друга и наперсника в поэзии. Узнав о новом аресте Павла, он пишет Горбачевой уже из

томской ссылки: “Как Москва? Как писатели и поэты – как они, горемики миленькие, поживают. Жалко сердечно Павла Васильева, хоть и виноват он передо мною черной виной”. “Слышал я, что Павел Васильев уехал из Москвы. Это меня очень и весьма удивило. Быть может, Вы знаете, или слышали подробности. Очень любопытно”. “Очень меня волнует судьба Васильева, не знаете ли Вы его адреса?” “Что слышно о П. Васильеве? Где он?” Такие вопросы мелькают почти в каждом из последних клюевских писем. И, наконец, последнее упоминание в письме из Томска от 22 декабря 1936 года: “Объявился ли Васильев, или пишет из тюрьмы? Что Литгазеты назвали его бездарным – это ничего не доказывает. Поэт такой яркости, обладатель чудесных арсеналов с кладенцами может оказаться бездарным совершенно по другим причинам (так сказал один мудрый китаец). Мне бы очень хотелось прочесть бездарные стихи Павла. Хотя он и много потрудился, чтобы я умолк навсегда. Передайте ему, что я написал четыре поэмы. В одной из них воспет и он, не как негодяй, Иуда и убийца, а как хризопрас самоцветный”. Ни одна из этих поэм не сохранилась.

Необходимый штрих к стихотворению “Клеветникам искусства” и упоминанию имени Васильева в клюевских письмах: в заключительной редакции стихотворения одна из строк, обращенная к Павлу, приняла несколько иной вид: “Полыни сноп, степной иуда...” Все остальное сохранилось в неизменном виде.

...Вспоминая “инсценировку”, как точно определила Варвара Горбачева, отречения Васильева от Клычкова и окидывая взглядом всю гамму его отношений с Клюевым в совершенно невыносимой литературно-политической атмосфере, волей-неволей согласишься со словами молодого Льва Гумилева, с которым, кстати, Павел познакомился в доме у того же Клычкова: “Знаете, какая разница между евреями и русскими? Евреи делят всех людей на своих и чужих. Чужим они горло перегрызут, а для своих готовы на все... Русские тоже делят людей на своих и чужих. Чужим они тоже горло перегрызут, а про попавшего в беду русского подумают: “Он, конечно, свой брат, а все равно – наплевать!”

(Продолжение следует)

ВАСИЛИЙ СТРУЖ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СТИХИ

* * *

Европа — для арабов,
Тому полно причин,
И рады мы, не рады —
Не наш, Господь, почин.

Для Азии работать
Мы будем, как в семье,
А кто поймёт наш ропот —
Неведомо сие.

Беда лишь в том, что долго
Земле не протянуть,
И ринется вспять Волга —
Вот это будет путь!

* * *

Не надо закрывать глаза
На "ридну" Украину.
Мы все оттуда. Я сказал —
Её я не покину!

СТРУЖ Василий Сидорович родился в 1961 году. Трудовая биография начиналась в воспитательно-трудовой колонии. Работал мотористом, автослесарем, дрессировщиком медведей в цирке, артистом театра кукол, руководителем сельского коллективного хозяйства. Автор книги стихов "Косноязычие" (М., 2007).

Из-подо Львова — мой отец,
А бабушка — аж из Польши.
Пензянка — мама. Наших щец,
Славянских, влей побольше!

И так у всех! Отец и мать,
Дед, бабушка — украинцы! —
А мы — в России! — воевать
Должны мы за границы...

"Не будут брать — отключим газ!" —
Смеёмся всей страной
Над фразой из кино, и "бац" —
Случилось ведь зимою!

И началась, увы, война,
Вы скажете — ни грамма,
А я уверен — страшен кран! —
И все, кто возле крана!

СЕВЕРНАЯ НЕФТЬ

Чернее ночи — только нефть.
Чернее нефти — сам нефтяник.
На белый снег устало сев,
Его душа к земле притянет.

Здесь бьют за женщин — из ружья!
Ножом — под сердце. В Колве топят!
Здесь мало женщин, и нельзя,
Идя к ним — кровь не лить на тропах.

Здесь долговязые рубли
Плюют сквозь зубы снегу в глотку!
Здесь водка — средство от любви,
Пьянит рабочую походку.

Национальности равны,
Сливаюсь в Колве общей кровью,
Мочой, слезами.
Топоры —
В руках — опора здесь здоровью!

Здесь доверяют мерзлоте. —
На ней стоят рабыни-вышки!
И факела, что в темноте
Мерцают в мерзлоте — что мышки.

Здесь много мумий. Всяк сугроб —
Здесь усыпальница, возможно.
Здесь нищему — хрустальный гроб!
А по весне венки — морошка!

* * *

В больших болотных сапогах,
Сверкая каждым голенищем,
Я свет держал в своих руках
В краю холодном, но не нищем!

В краю, где ночь длинней зимы,
Свет неуёмен кратким летом,
Работали похвально мы —
Монтажники огней планеты!

На севере я бросил пить,
Что с севером не совместимо! —
Как трудно в трезвости прожить
И в пьянстве жить недопустимо!

На севере среди болот,
Что пенятся нечистым снегом,
Где стынет от дыханья рот,
Где нефть шумит под низким небом,

Я зажигал средь ёлок свет,
Я запускал светомоторы,
Я встал и протрезвел навек,
Отмёл дебоши и раздоры!

* * *

То, что сотворил Ульянов,
Или даже натворил,
Грандиозно! К большей, явно,
Цели смертный не парил!

И Наполеон, и Цезарь,
Гитлер — правили войной.
Ленин, хоть в войне был дерзок,
Строил мир! — Конечно, свой...

Пусть идея устарела,
Что кухарка — госпожа! —
Но идея-то горела
Не в одной груди вождя!

Весь народ, огнём охвачен,
Сердце знаменем пронёс
В будущее — не иначе —
Через дерзость мир возрос!

* * *

Теперь национальную идею
Не надобно искать, она пришла:
Встряхнуть весь мир! А то обледенели,
Решив, что русских смертушка взяла.

Мы греем всю Европу!
Мёрзнем сами,
Но греем прочих. Это не смешно —
И слава Богу, что живая с нами
Всемирная обязанность ещё!

Нам Бог поможет! Божья Мать поможет!
Они нас любят! — Не слюнтяи ж мы!
Не любят нас — когда мы локти гложем
И завываем посреди страны!

* * *

Я на заре вживался в куклу,
И кукла двигалась, жила,
И пела, и кричала, будто
Одушевлённая жена.

Я был душою куклы! Вместе
Мы проживали до конца
На сцене сказку, и прелестно
Я выдыхался, весь — с лица.

Я восторгался делом куклы!
Я горд был, как её душа!
И я был перестройкой куплен...
Эх, кукольная ты душа!

Я ставил в жизни мизансцены,
И телом — кукольно ходил,
Глядел на кукольные цены
И всё на кукол просадил.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

“Как этих нищих провели”

Только написал об угрозе падения цен на нефть (“Наш современник”, № 6, 2012) – они покатались. В начале года баррель стоил 127 долл., в конце июня – 90.

Конечно, глобальное нефтяное лобби просто так не сдастся. Возможна игра на военной напряжённости вокруг Ирана. Однако общее состояние мировой экономики задает вектор движения – вниз.

На какой отметке цены остановятся, предсказать не может никто. Некоторые эксперты заговорили о 60 долл. нынешней осенью (news.com/finance/21jun2012/60zabarrel.html). Что коренным образом изменит положение дел в тотально зависящей от нефтяного рынка России. Экономисты подсчитали: “Падение цен на нефть на 1 доллар обходится бюджету в 60 млрд рублей” (там же). Если цена начала года ополовинится, казна недосчитается почти четырёх триллионов!

Покорёженный бюджет может не вынести социальных обязательств, в частности, запланированного повышения пенсий и зарплат. Хорошо если денег хватит на выплату нынешних!

Пресловутая стабильность, которая на самом деле является консервацией развала, этакой замедленной съёмкой катастрофы (о чём я писал в начале главы), оказывается под вопросом. А ведь миллионы людей – 45,6 миллиона, по утверждению Центризбиркома, – проголосовали именно за путинскую стабильность. Призванную защитить и от “оранжевой угрозы”, и от опасных колебаний мирового рынка, и, разумеется, от снижения уровня жизни в стране.

Избирателей не только пугали ужасами революции – призрачной, как обнаружилось сразу после выборов. Штаб В. Путина грамотно распорядился административным ресурсом. Какую часть голосов он обеспечил, точно сказать невозможно. Но выявить использованные резервы не столь трудно.

Прежде всего это – армия. Помните документ, опубликованный в начале декабря (“Коммерсантъ”, 07.12.2011): на бланке Министерства обороны от имени министра А. Сердюкова и за его подписью сообщалось о почти стопроцентном голосовании военнослужащих за “Единую Россию” – при поголовной явке. К слову, подлинность бумаги, насколько мне известно, сомнению не

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2010 г.; № 2, 3, 6, 7, 10 за 2011 г.; № 1, 2, 6 за 2012 г.

подвергали. Естественно предположить, что, единодушно поддержав партию власти, армия оказала такую же поддержку её лидеру. Численность ВС – 1 млн. И все они обладают правом голоса.

Численность МВД – 1,1 млн. МЧС – 300 тыс. По ФСБ открытых данных нет, но аналитики говорят о 250 тысячах (вместе с ФСО и погранслужбой). К “государевым людям” можно отнести сотрудников Прокуратуры – около 46 тыс. и Следственного комитета – 23 тыс*. Всего силовиков – 2 млн 720 тыс. Добавим по одному члену семьи (в письме, опубликованном “Коммерсантом”, упоминается о “правильном” голосовании семей, значит, этот показатель отслеживают и скорее всего обеспечивают), итого – 5 млн. Понятно, насколько условна эта цифра.

Вероятно, за Владимира Владимировича проголосовало и большинство чиновников. Логичное предположение: по утверждению социологов, “чиновники, официально – госслужащие, практически общица в 90-е годы, постепенно стали подниматься за счёт роста зарплат, расширения бонусов (любопытно, что под этим подразумевается? – А. К.), других прибавок” (“НГ-сценарии”, 27.03.2012). Чиновников – 2,4 млн (svpressa/economy/article/27995...). Вместе с жёнами, верно стоящими на страже материальных интересов мужей, 5 млн.

Ещё одна группа зависимых – бюджетники. Именно их выводили на митинги в поддержку Путина. Журналист “Новой газеты” запечатлел скопление транспорта у Поклонной 4 февраля: “Вдоль Кутузовского стояли автобусы “Мосводоканала”, “Почты России”, синенькие микроавтобусы ГУП “Гормост” (“Новая газета”, № 12, 2012).

Примерно тот же состав “согласных на всё” собрали на Манежке 5 марта. Корреспондент Lenta.ru фиксировал: “Из динамиков звучали объявления: “Уважаемые сотрудники ГУПов, администраций и акционерных обществ, пройдите к лестнице, получите флаги и светящиеся палочки” (lenta.ru/articles/2012/03/05/manezhnaya/_Printed.html).

Сомневаюсь, что 15 миллионов бюджетников как один голосовали за “национального лидера”. В отличие от чиновников, им достаются лишь крохи с пиршественного стола. Да и бесцеремонность, с какой их использовали для выражения всенародного одобрения, выводя на площади в мороз, любви к власти не прибавила. Репортёр “Новой газеты”, побывав на Поклонной, отметил: “. . . Они не думают так, как хотелось бы организаторам. Но пришли. Из-за этого выглядят изнасилованными. Очевидно, им стыдно. Противно. Они злы на самих себя и на окружающих” (“Новая газета”, № 12, 2012).

Однако и к безоговорочным противникам власти я бы бюджетников не отнёс. “Изнасилованные” вполне могли проголосовать за тех, кто использовал их.

Людям благополучным или житейски неопытным такой поворот может показаться невыносимым. Молодая писательница Е. Александрова-Зорина в яростной статье возмущается: “Конечно, лучше жить на коленях, чем умереть стоя. Но не оказывать молчаливого сопротивления, не противодействовать закабалению даже пассивно? Это выше обычного понимания, тут нужны специалисты по виктимологии (наука о потерпевших, обладающих индивидуальной или групповой способностью стать жертвами преступного деяния) и стокгольмскому синдрому” (“МК”, 13.06.2012).

Ах, Екатерина, тут прежде всего нужно понимание человеческой психологии, чудовищно искажённой под давлением обстоятельств. И толика сострадания.

Никогда не забуду первый разговор в посёлке Советский, куда я приехал зимой 1999 года написать о расстрелянном рабочем митинге на знаменитом Выборгском ЦБК (Казинцев А. В поисках России. Калуга, 2000). Работница, которую я встретил по дороге на комбинат, на мой вопрос о ситуации о горячностью ответила: “Ох, у нас тут всё так сложно, вряд ли вы разберётесь!”

На деле никакой сложности не было. Прежнее руководство ЦБК нагло обирало рабочих. Месяцами не платили зарплату, а потом предлагали продать акции предприятия. Обищавшие сотрудники постепенно отдали всё, что у них было. Вскинулись, а им: “Теперь мы владельцы, а вы – никто”.

* Данные взяты из следующих источников: ria.ru/defence_safety/20110701/306121247.html; ria.ru/defense_safety/20110301/340607437.html; incedent.su/rossiya/news/73491.html; ttolk.ru/?p=180; rg.ru/2011/01/27/prokuratura-site-del.html; lenta-com.ru/reviews/755.html.

Людей и здесь изнасиловали. Часть поднялась на борьбу. Другие побоялись, принялись обманывать сами себя. Дескать, и не разобратся, кто прав, кто виноват. Понимали: разобравшись, придётся действовать. А за это могут наказать (и наказали – жестоко!). Люди уходили не только от ответа – от ответственности.

Можно предположить, что нынешний весной Владимир Владимирович получил немалую часть голосов бюджетников. Социологи Фонда “Общественное мнение” (ФОМ) утверждают: за Путина проголосовало “до 61 и 63% среди самых обездоленных (разрядка моя. – А. К.): “низкоресурсных работников” (20% населения) и “низкоресурсных пенсионеров” (17%)”. Примечательно, их выбор совпал с голосованием самых богатых, причём “высокоресурсные” поддержали Путина не столь безоглядно, отдав ему 51% голосов (“Новая газета”, № 33, 2012).

Не забудем и Северный Кавказ, почти поголовно путинский. Чем объясняется такая любовь – вопрос особый. Центризбирком объявил, что из 5,9 миллиона избирателей СКФО почти 90% проголосовали за Путина – при почти стопроцентной явке. Это ещё 5 миллионов.

Несмотря на условность расчётов, в целом они совпадают с мнением социологов: “Все соцопросы показывают, что “за” власть проголосовали прежде всего: дотационные полуфеодалские “национальные республики”, бюджетники, женщины (в основном, кому за 40). Классический аполитично-инерционный избиратель, ТВ-зритель” (infox.ru/authority/state/2012/03/05/Pryesidentskiye_vyu.Phtml).

Из приведённого списка я позволил себе не затрагивать такую деликатную сферу, как женские предпочтения. Но и так набирается порядка 25 миллионов голосов, собранных благодаря энергичному использованию административного ресурса (не стану утомлять читателей детализацией подсчётов)*.

Если вычесть их из путинского большинства – 45,6 миллиона, остаётся ещё 20 миллионов! Это те, кто поддержал Путина по “велению сердца”.

Правда, скептики заявляют, что сторонники “национального лидера” голосовали отнюдь не сердцем. Небезызвестный С. Белковский пишет: “Путина выбирают, то есть, скорее, утверждают в качестве непреложной данности, не потому, что он хороший или плохой, волосатый или лысый, пьющий или непьющий, простой или сложный. А потому, что он главный начальник и у него есть плеть” (“МК”, 23.03.2012).

Думаю, Белковский слишком прямолинеен. Какая-то часть населения действительно зависит от “начальника” (об этом мы говорили). Какая-то испытывает сладкий ужас перед олицетворением власти. “Стране нужен царь”, – сформулировал их настрой президент Татарстана Рустам Минниханов (“МК”, 24.02.2012). Но только страхом, одной “плетью” немного добьёшься.

Особенно сегодня. При наличии – пускай ограниченного – политического выбора, альтернативных источников информации и выражения собственного мнения.

Нет, избирателя недостаточно напугать или грамотно “использовать”. Его надо “зацепить”, услышать и ответить на его опасения и нужды.

Об этом содержательно высказался заместитель главного редактора газеты “Завтра” А. Нагорный. Характеризуя смысловые опоры избирательной кампании Путина, он подчеркнул: “Во-первых, всячески педалировался государственно-патерналистский, можно даже сказать – левопатриотический, уклон самого Путина. Все эти три месяца он всюду и всегда демонстрировал себя как идейного приверженца “социальной модели государства”. Второй постулат фокусировался на ярко выраженном патриотизме и антиамериканизме... Обе эти схемы сработали” (“Завтра”, № 11, 2012).

Парадокс в том, что после победы успех стратегии Путина обернулся для него серьёзными проблемами. Уже в ночь торжества опытный А. Ципко не без яда заметил: “Главная опасность для него – это его собственный электорат” (“Россия-1”, 05.03.2012).

* Тему так называемых “спорных голосов” я в данном случае не затрагиваю. Интервью отсылаю к публикации “Демвыбор” пересчитал голоса Владимира Путина” (“Коммерсант”, 02.04.2012). Однако, в отличие от декабря 2011 года, до казаться факты подтасовок на президентских выборах труднее.

Завоевав симпатии миллионов, “национальный лидер” должен проводить политику, отвечающую их чаяниям. Что в условиях резкого сужения бюджетной базы невозможно. Вмиг отощавший бюджет не вынесет всех предвыборных обещаний.

Но проблема не только в изменении рыночной конъюнктуры. Дело в окружении нового-старого президента и в нём самом. Привлекательная программа и социально близкий образ кандидата, созданный официальной пропагандой, имеет мало общего с российской действительностью и лично с Путиным В. В. Не случайно процитированная статья в “Завтра” озаглавлена “Маски сброшены, господа!”

Признаюсь, мне близка антиамериканская риторика Владимира Владимировича. Пусть это в основном слова. Но должен же кто-то дать хотя бы словесный укорот американским воякам и горгонам из Госдепартамента! Хиллари Клинтон, Сюзан Райс – неряшливые, отёчные, но сохраняющие неизменный апломб, то и дело возникают на телеэкранах и поучают, отчитывают, грозят государствам, расположенным за тысячи километров от Соединённых Штатов.

Но скажите на милость, что думать, когда узнаёшь: тот же Владимир Владимирович согласился на создание перевалочного пункта НАТО в Ульяновске. Невольно вспоминаешь и его согласие на размещение американских баз в Средней Азии после событий 11 сентября. И его же отказ от российских баз на Кубе и во Вьетнаме.

Говорят, соглашение отвечает национальным интересам России, обеспечивая транспортировку военных грузов из Афганистана. Не убежден, что в интересах России поспешный вывод американских войск из региона, где продолжается развязанная ими война. Того и гляди, она перекинется через границу республики Средней Азии. Спасибо Дяде Сэму за огненное наследство!

Положим, согласие или отказ Москвы на вывод войск не повлияет. Могут уйти через Пакистан, хотя это обойдётся им дороже. А вот на безопасность нашей страны натовский маршрут, чуть ли не из конца в конец прострочивший Россию, очень даже влияет!

Во-первых, это наркотрафик. Во-вторых, созданная логистическая система – наверняка американцы станут действовать с присущим им размахом – в час икс может быть использована для вторжения. Воздушные коридоры и наземные маршруты, высоты, на которых осуществляются полёты, особенности рельефа, возможности аэропортов и железной дороги – всё, что представляет жгучий интерес для зарубежных разведок, что вызнаётся, выпытывается годами, наша власть сама отдаёт вероятному противнику!

“Транзитный пункт – чем не база? – задаёт резонный вопрос “НГ”. – Там обязательно будут присутствовать военнослужащие стран НАТО – разгружать самолёты, заправлять и перегонять боевые машины на железнодорожные платформы, оформлять документы и осуществлять мелкий ремонт. Возможно, их там будет две-три смены – десятки человек. Плюс обслуживающий персонал, кухня и гостиница” (“Независимая газета”, 17.02.2012).

Не забыв упомянуть кухмейстеров, о сотрудниках всевозможных спецслужб либеральная газета промолчала. Но и сказанного достаточно.

После продолжительной паузы – иной раз они красноречивее слов – российский МИД выступил с заявлением: “Создание в Ульяновске транзитного центра, а тем более военной базы НАТО абсолютно исключено... Речь идёт об использовании местной транспортной инфраструктуры для транзита... Никаких военных или гражданских представителей НАТО в Ульяновске не будет” (“Независимая газета”, 12.04.2012).

С нами играют в слова! Видимо, считая за малых детей. “Натовских военных в Ульяновске не будет”. А сотрудники частных охранных фирм по типу Blackwaters, которым Пентагон передал часть своих функций в Ираке и том же Афганистане? Трудно предположить, что рачительные западные стратеги, привыкшие считать каждый доллар, бросят дорогущую технику – военную технику! – без присмотра, полагаясь на честность и пунктуальность россиян. То-то удивятся, обнаружив по прибытии машины без колёс и прочей “амуниции”!

Что-то подсказывает: они не столь наивны. Грузы будут охранять. А как станут именовать охранников и прочих тружеников плаща и кинжала, не суть важ-

но. Равно как и то, считать ли транзитный пункт натовской базой или “местной транспортной инфраструктурой”, предоставленной в распоряжение НАТО.

Ульяновский прецедент качественная печать (“НГ”, “Коммерсантъ”) начала обсуждать в феврале. На широкую публику проблему вынесли только в апреле. За это время прошли выборы президента. Антизападно настроенные избиратели, а это едва ли не большинство электората, отдали голоса “национальному лидеру”, который грозно говорит с самой Америкой. После того как дело сделано, почему бы не пообсудить проблему натовского трафика...

И всё-таки впечатление, произведённое такой метаморфозой, оказалось столь негативным, что власти решили объявить: ничего нового в транзите натовских грузов нет. После июньской встречи Путина с Обамой была обнародована информация: перевозки осуществляются аж с 2008 года. “США переправили через территорию России более 379 тысяч военнослужащих и более 45 тысяч контейнеров с военными грузами в поддержку операции в Афганистане” (newsru.com/world/19jun2012/soldiers.html).

Не уверен, что новая информация исправила ситуацию. Отечественные антизападники узнали, что, пока руководители страны произносили звучные речи, предостерегали Вашингтон и даже изобличали его “пособников” в рядах “несогласных”, над нашим головами летели самолёты с бравыми джи-ай, по нашей земле громыхали составы с натовской военной техникой.

А как отнестись к тому, что экономическая элита, внимающая Путину в Георгиевском зале Кремля, восседающая с ним в президиумах международных форумов и получающая от него преференции, лицензии, кредиты, предпочитает квартировать в Лондоне? Который злые языки прозвали по этому случаю Лондонградом. При том что недельная поездка одного из лидеров оппозиции на зарубежный курорт подавалась в российской прессе чуть ли не как “измена родине”.

Миллион баксов, обнаруженный в сейфе оппозиционерки (замечу, не вызывающей у меня симпатии), объявляют “убийственной уликой”. А сотни миллиардов, вывезенных нашими олигархами за рубеж, — свидетельством свободного движения капиталов. Даже после того как за первые пять месяцев нынешнего года из страны утекло 42 миллиарда долларов (“МК”, 02.06.2012), что опасно обескровило отечественную экономику, Путин на Петербургском форуме заявил: “Обращаю внимание — мы не отступим от принципов свободного движения капитала и не будем вводить здесь какие-либо ограничения” (newsru.com/finance/02jun2012/puforum.html).

Путин за олигархов не ответчик? Но ведь именно он “освятил” авторитетом государства богатства, нажитые ими в “лихие” 90-е, зачастую с нарушением закона. Он не раз — даже в ущерб собственной репутации — заверял: итоги приватизации пересмотру не подлежат.

А многие “сверхбогатые” сколотили свои состояния уже при Владимире Владимировиче. Кое-кого из них пресса называет его друзьями. К примеру, Геннадия Тимченко и Бориса Ротенберга. Оба перебрались в тихую Финляндию и приняли местное гражданство*.

На Запад устремляются не только “денежные мешки”, но и сподвижники “национального лидера” из правительства. В начале июня информативства сообщили, что Науму Мардеру, заместителю министра связи РФ, отказано в получении американской визы. Достоянием широкой публики сообщение не стало. Жаль! Во-первых, такой отказ сам по себе крайне неприятный сигнал. Отказывают тем, в чьей законопослушности сомневаются. Вот и в данном случае “британская Morning Chronicle цитирует документ департамента внутренней безопасности США под номером R 382300 Z, говорящий об основаниях подозревать чиновника в совершении незаконных действий”. Во-вторых, источник утверждает, что американцы распорядились “препятствовать Мардеру во въезде в США по израильскому паспорту” (newsru.com/russia/01jun2012/mardervisa).

Последнее утверждение из разряда сенсаций! Уголовный кодекс запрещает высшим чиновникам иметь двойное гражданство. Но дело не только

* Иванюшкина А., Затеичук М. Двойное гражданство российских богачей (ukrrud-prom.ua/digest/Dvoynoe_gragdanstvo_rossiyskih_bogachey.html).

в УК. Где же высокий патриотизм, культивируемый лично Владимиром Владимировичем, где самоотверженное служение “суверенной демократии”? Как мог Наум Семёнович променять всё это на израильский паспорт? Или информация не соответствует действительности? Тогда почему не слышно опровержений?

Любопытно было бы узнать, сколько лиц в руководстве страны имеют паспорта других государств, живут и работают в состоянии двойного подчинения.

В начале нулевых “Новая газета” писала об израильском гражданстве лидера партии “Родина” А. Бабакова. Сам он эту информацию не опровергал (newsru.com/news/detail/id/358044). Правда, несколько лет спустя было официально заявлено, что у Бабакова двойного гражданства нет. То ли паспорт затерялся, то ли глава “Родины” и по совместительству вице-спикер Госдумы от него отказался, то ли и впрямь не имел.

Между прочим, едва вернувшись в Кремль, Путин назначил Бабакова своим официальным представителем по взаимодействию с организациями соотечественников за рубежом. Согласитесь, что в свете информации “Новой газеты” наименование должности Александра Михайловича звучит чуточку двусмысленно...

Если двойное гражданство все-таки экзотика, то заграничная собственность чиновников и обучение их отпрысков на Западе – повседневная практика. Дошло до того, что в начале 2012 года директор ФСБ А. Бортников издал приказ, предписывающий сотрудникам ведомства избавиться от собственности за рубежом (stringer.ru/publication.mhtml?Part=37dePubID=19902).

Сообщение можно было бы счесть анекдотом, если бы оно не было широко растиражировано. Представим – вполне в духе модных экранных фантазий, помещающих людей сегодняшнего дня в эпоху сороковых годов прошлого века, – что Л. Берия отдает распоряжение сотрудникам НКВД продать их виллы под Берлином и передать итальянскому пролетариату яхты, пришвартованные в Палермо...

Если уж те, кого по традиции именуют “государевым оком”, с вожделием взирают на заграничную недвижимость, норovia прикупить бунгало на Коста-Брава, то что говорить о других.

Вице-премьер А. Хлопонин владеет жилым домом в Италии, министр М. Абызов – квартирой в Англии, экс-министр культуры А. Авдеев – квартирой во Франции (reality.newsru.com/article/03jul2012/otvet_nedvizh...).

Переехать на ПМЖ в Лондон или Париж госчиновник не может. Это было бы слишком даже для всепонимающей России. Шлют детей! В конце нулевых в британской столице случилась неприятная история с сыном вице-преьера (ныне вице-спикера Госдумы) А. Жукова. Его арестовали за драку (“Коммерсантъ”, 09.06.2007). Схожая история произошла с дочкой экс-министра атомной промышленности Е. Адамова. Полиция Швейцарии использовала инцидент для того, чтобы выманить чадолюбивого родителя, а заодно носителя государственных тайн из России, и арестовала его.

Такие случаи выявляют уязвимость высших чиновников РФ для воздействия, а возможно, и шантажа со стороны Запада. Не случайно, когда Дума принимала скандальный закон о митингах, хорошо информированный ректор Российской экономической школы С. Гуриев предрёк: “Если поправки в этот закон будут приняты, боюсь, многим единомыслителям будет отказано в разных визах”. Эксперт уточнил: “На бумаге будет выглядеть, что именно они придумали и проголосовали за этот закон. А люди из правительства и администрации президента, которые на самом деле им занимались, избегают этих санкций” (“Коммерсантъ”, 06.06.2012).

Вот, оказывается, о чем среди прочего думают в верхах: как бы “не засветиться” и не попасть под западные санкции*.

“Вашингтонский обком” внимательно отслеживает поведение наших должностных лиц. И дело не только в пресловутых визах. В 90-е годы американские политики бахвалились: “Да будет вам известно, что кан-

* Не оттого ли столь эмоциональной была реакция Москвы на проект Закона о “списке Магнитского”, запрещающего въезд в США и накладывавшего арест на зарубежное имущество граждан РФ, причастных к гибели юриста.

дидатуры всех министров Москва согласовывает с Вашингтоном". Эту фразу корреспонденту "ЛГ" передал человек, которого в то время рассматривали в качестве кандидата на министерский пост ("Литературная газета", № 51, 2010).

Не думаю, что этот эпизод – вымысел. В те же годы я сам стал очевидцем любопытного случая. Я участвовал в избирательной кампании на Урале. Оппозиционный кандидат, которого я поддерживал, вышел во второй тур губернаторских выборов. Перед повторным голосованием с ним изъявил желание встретиться американский консул, специально приехавший из Екатеринбурга. Разговор состоялся, американец остался им доволен. После чего оппозиционер легко одолел действующего губернатора.

Казалось бы, та эпоха завершена. Но вот информация для размышления: в январе нынешнего года накануне выборов президента Москву посетил Генри Киссинджер – еврейский эмигрант из Германии, ставший советником нескольких президентов США по национальной безопасности, членом Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии, словом, один из самых влиятельных представителей мировой закулисы. Цель приезда – встреча с Путиным.

Точно так же престарелый политик приезжал в Москву накануне предыдущей смены власти. По собственному признанию, он имел отношение к "согласованию кандидатуры Дмитрия Медведева в качестве нового президента РФ" (см. "Завтра", № 20, 2008).

В последнее время официальные СМИ преподносят любой контакт отечественных политиков с американскими дипломатами как нечто противозаконное. Именно так откомментировали январскую встречу оппозиционеров с только что назначенным послом Соединённых Штатов Майклом Макфолом.

Страшно представить, к каким выводам можно придти, если приложить ту же методу к постоянным встречам "национального лидера" с могущественным представителем мировой закулисы! К слову, во время последнего визита Киссинджера сопровождал тот же г-н Макфол.

Не стану следовать дурному примеру. Убежден, Путин искренне противится заоклеанскому диктату, отстаивая прежде всего собственную самостоятельность. Ту схему управления, которую в былые эпохи именовали самодержавным правлением, а сегодня толерантно объявили суверенной демократией.

Однако в глобализированном мире, куда Россию втянули либералы, национальный суверенитет по определению ограничен. Путин недостаточно субъектен для роли самодержца.

Увы, это не та желанная зависимость правителя от воли народа, которая предоставляет каждому человеку возможность оказывать влияние на политику государства, что составляет суть демократии. Это зависимость от внешнего давления, унижительная и крайне невыгодная. Что наглядно демонстрирует либеральный экономический курс, два десятилетия проводимый Кремлем по рецептам и под приглядом Запада.

Несоответствие социально-экономической политики Путина его предвыборным ориентирам может обернуться для Владимира Владимировича куда большими репутационными потерями, чем казус с натовской базой в Ульяновске.

Минувшей зимой стало казаться, что власть наконец-то повернулась лицом к человеку труда. Которого она годами игнорировала и над которым всю изгалялась её медиаобслуга. Как только не именовала она трудолюбивого простеца – "совок", "быдло", "чернь".

И вдруг в информационном пространстве прозвучало экзотическое здесь слово "мужик" – и не с насмешкой, не с осуждением! Видимо, пиар-менеджеры сочли его более понятным массовой аудитории, чем советское определение "трудящийся". Как бы то ни было, "мужики" оказались в чести.

Все началось на исходе декабря, когда один из руководителей нижнетагильского "Уралвагонзавода" И. Холманских, стилизуясь под "рабочую речь", обратился к Путину в ходе телевизионной Прямой линии: "Я хочу сказать про эти митинги, – с расчетом затронул он горячую тему протестных выступлений. – Если наша милиция, или, как сейчас она называется, полиция, не умеет работать, не может справиться, то мы с мужиками готовы сами выйти и отстоять свою стабильность..." (newsru.com/russia/20dec2011/tagilvagon_print.html).

Это было именно то, что хотел услышать Путин. То, что должна была, по его мнению, услышать вся страна. Адаптированная к новейшим условиям версия спектакля “Жизнь за царя”. Сам ли Холманских нашел нужный тон или ему подсказал опытный пиарщик А. Жарич, также подвизавшийся на “Уралвагонзаводе”, но слово было произнесено.

“Мужик” из Нижнего Тагила стал желанным гостем на федеральных телеканалах. Он был тем более удобен, что не затрагивал такие потенциально взрывоопасные темы, как условия труда, размер заработной платы, возраст выхода на пенсию, перспективы отечественной промышленности – то, что волнует реальных рабочих. Идеальный “пейзан” со сцены императорского театра, ко времени переодетый в робу современного индустриального рабочего.

Впрочем, напомнить о достоинстве людей труда Холманских позволили. Но лишь затем, чтобы лишний раз щёлкнуть по носу “несогласных”: “Нас называют быдлом. Нам отказывают в праве иметь свое мнение. Вслух говорят, что власть в стране не должна обращать на нас внимание. Что значение имеет только мнение “продвинутых” и “креативных” жителей больших городов. Я не могу с этим согласиться” (newsru.com/russia/19jan2012/holmanotvet_print.html).

В предыдущей главе я писал о том, что подобная интерпретация лозунгов Болотной чудовищно искажает действительность. Однако те, кому поручили мочить “несогласных”, не заботились о правдоподобии.

Заявленная с самого начала связь “мужиков” с кандидатом номер один, взвалившим на себя задачу “заступника” за всю Россию, была официально подчеркнута на митинге в Лужниках – кульминационном пункте избирательной кампании. Мэр Москвы неожиданно назвал “мужиком” самого Путина: “Я хорошо знаю Путина. Он реально пашет (здесь и далее разрядка моя. – А. К.), он заново собрал Россию. Он настоящий мужик, человек слова и дела... Путину – да!” (“МК”, 24.02.2012).

Обалдевшие от такого лексического слома политологи лихорадочно пытались определить, насколько серьезно терминологические новации связаны с политическими реалиями. “В целом власть демонстрирует определенный дрейф влево, стремясь расширить свою социальную базу, – сочувственно отмечал Б. Кагарлицкий, но тут же подчеркивал: – Вопрос о том, насколько серьёзным и последовательным (здесь и далее разрядка моя. – А. К.) окажется этот сдвиг и сколько он продлится, остаётся открытым” (“Независимая газета”, 27.02.2012).

После победного возвращения в Кремль Путин демонстративно отблагодарил И. Холманских, назначив его своим полномочным представителем в Уральском федеральном округе. Публичный жест в духе “народных царей” – Ивана Грозного и Петра: “человек из низов” выдвигается, чтобы олицетворять личную связь государя с подданными. “Считаю, что для вас, – чеканил В. Путин, – для человека, который всю жизнь провел на производстве, знает, чем живут люди, чем живет наш рядовой гражданин, занять такую позицию – правильно, и вы сможете отстаивать интересы людей труда” (цит. по: “Независимая газета”, 21.05.2012).

На этом тема “мужиков” была закрыта.

В администрацию президента переключал ещё один представитель “Уралвагонзавода” – председатель совета директоров Е. Школов. Но его, экс-замминистра внутренних дел, даже самые рьяные пропагандисты именовать “мужиком” не решились.

Путинская твердыня – Нижний Тагил после выборов остался один на один со своими проблемами. “В Нижнем Тагиле большое количество проблем, с которыми местная власть не справляется: не контролирует она управляющие компании, плохо работает транспорт... дороги по-прежнему в ужасном состоянии”, – это не обличения оппозиционеров, а констатация главы екатеринбургских единороссов Е. Шептия (“Коммерсантъ”, 28.02.2012).

“Медведи” в острастку исключили из партии мэра Валентину Исаеву. Но ситуация не изменилась. И не могла! Таково положение дел по всей России.

Воспользовавшись очередным приездом Путина, рабочие “Уралвагонзавода” попытались обратить его внимание на городские проблемы: “Дороги ужасные, люди уезжают”. Но Путин отшутился: “Так если дороги отремонтировать, – отреагировал президент, – тогда вообще все по ним уедут” (“Коммерсантъ”, 11.05.2012).

“Мужики” свое дело сделали. Теперь они не нужны...

Нижний Тагил ещё раз попал в информационные сводки летом. Внимание привлекла дикая история. Сотрудник местного предприятия (не уточнялось, идет ли речь об “Уралвагонзаводе”) потерял работу и на два месяца просрочил выплаты до кредиту. Ему позвонили коллекторы – профессионалы, выбивающие долги. Далее цитирую: “Всё, бери нож! Бери нож, говорю, Торун, и режь своих детей, потом жену, а потом вешайся. Потому что с завтрашнего дня в твоей жизни начинается ад” (newsru.com/russia/14jun2012/bank.html).

Картинка счастливой жизни нижнетагильских трудяг в предвыборных роликах и ад в судьбе конкретного рабочего – таков разрыв между виртуальной “стабильностью” и реальностью.

К слову, даже “всесильный” Путин не смог пробить для “Уралвагонзавода” заказ на производство новой модели танка. То ли уральцы и впрямь разучились делать современные машины, то ли Министерство обороны сознательно гробит отечественный ВПК (высказывались и такие мнения).

Что только не предпринимали производители – заставляли танки то “летать”, то “танцевать”. Однако военное ведомство приняло беспрецедентное решение: на пять лет приостановить приобретение бронетехники. По сообщениям СМИ, “российское военное руководство считает нецелесообразным развивать отечественную тяжелую гусеничную технику, делая выбор в пользу закупок за рубежом (разрядка моя. – А. К.) более дешёвых и одновременно “продвинутых” танков и броневедомств. За последние годы были закрыты сразу несколько танковых проектов” (newsru.com/russia/22may2012/tanki.html).

Всё, чем Владимир Владимирович смог отблагодарить “Уралвагонзавод”, – это заказ на модернизацию большой партии танков Т-72. Конечно, тоже деньги. И немалые! Но Т-72 – это не вчерашний и даже не позавчерашний день. Если задуматься о перспективах крупнейшего предприятия с почти стотысячным коллективом, то они не слишком радужные.

Между прочим, руководство завода, как выяснилось, предпочитает делать инвестиции в западную экономику. Как гром среди ясного неба прозвучало известие, что “мужики” с “Уралвагонзавода” имеют иностранные активы. Оказывается ещё в 2010 году они прикупили литейное производство на севере Франции. Куда теперь выезжают, не обделяя вниманием и Лазурный берег (см. статью “Уралвагонзавод” с французским отливом” – “Коммерсантъ-Деньги”, № 25, 2012).

Патриотизм – патриотизмом, но красиво жить не запретишь...

Не слишком обнадеживающими выглядят перспективы и других гигантов ВПК. Производственные площади и имущество крупнейшего производителя ракетной техники концерна “Алмаз-Антей” распроданы за бесценок. “Государство передало “Алмазу” в собственность 152 здания – от небольших электростанций до огромных, как главный корпус площадью 45000 кв. м. Теперь из 152 осталось 11”, – подсчитала военный корреспондент “МК” О. Божьева (“МК”, 16.03.2012).

В сборочном цехе, где производились ракеты С-300 и С-400, ныне установлена... самая длинная барная стойка в Европе (там же)!

Корреспондент с горечью отмечает: “...Во всей этой истории вижу лишь типичную картину того, что произошло с нашим ОПК в последние годы. Вовсе не в “лихие” 90-е, на которые теперь принято списывать все грехи, а именно в последнее десятилетие”. Божьева пишет: “Зайдите в любой оборонный НИИ и увидите, что 50–80% его площадей оккупировали автосервисы и стриптизбары. А всеми любимое ледовое телешоу теперь снимают в ангаре известной авиафирмы, где раньше размещалось опытное производство военных самолетов” (там же).

Военкор предрекает крах масштабных планов по перевооружению российской армии: “В одной из программных статей президента было заявлено, что российская оборонка, продукцию которой сегодня не хочет покупать даже собственное Минобороны, в ближайшее десятилетие... встанет с колен, благодаря вкочанному в неё 23 триллионам рублей. В результате армия к 2020 году получит море новейшего оружия, а том числе 28 полковых комплектов систем С-400 и 38 дивизионов зенитно-ракетных комплексов “Витязь”. Так вот. Уже сегодня ясно: не получит” (там же).

Финальная фраза, звучащая как приговор, заставляет задать вопрос не только об обороноспособности нашей страны, но и о возможном и с-тощени и ее ресурсов в заведомо бесперспективной гонке вооружений. Одно дело – отдать огромные суммы, которые можно было бы вложить, к примеру, в образование или здравоохранение, на повышение боеготовности армии, и совсем другое – вбухать их в устаревшие, разорённые производства, по определению не способные произвести вооружение нужного качества и в установленный срок.

Не лучше положение и в других отраслях промышленности. Инвестиции сократились на 9,9%. Реальная заработная плата снизилась на 1,4% (“Независимая газета”, 27.02.2012).

Градообразующие предприятия останавливают работу (“Ростсельмаш”) или банкротятся (красноярский “Сибтяжмаш”).

“Ситуация по-крупному плохая”, – комментирует старший научный сотрудник Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН Я. Дубинецкий (там же). “Потери, которые понесла промышленность в 90-х годах прошлого века, составили около 35 тыс. предприятий, из которых почти 5 тыс. крупных производств с числом работающих до 3 тыс. человек, восстановить пока не удаётся”.

В этом году отмечено падение производства в ряде ключевых отраслей. Добыча полезных ископаемых сократилась на 0,1%, производство нефтепродуктов – на 2,2%, выпуск машин и оборудования – на 2,4%, производство электро- и оптического оборудования – на 2,6% (“Коммерсантъ”, 19.06.2012).

Это не абстрактные цифры. Снижающиеся показатели свидетельствуют о сворачивании деловой активности. Пока они не слишком заметны, но приобретают значение предвестников беды в условиях приближающейся новой волны экономического кризиса. Замедление развития российской экономики ставит под вопрос предвыборные обещания Путина, а вместе с ними и ту социально-экономическую модель, за которую отдали голоса миллионы его сторонников.

“Левый дрейф”, с надеждой подмеченный Б. Кагарлицким, завершился вместе с окончанием выборов. На практике происходит движение вправо. Разрыв между богатыми и бедными за последние годы увеличился вдвое (“МК”, 22.02.2012). По-прежнему не отменена плоская шкала налога, при которой богатые платят те же 13%, что и бедные. Для сравнения: в США и Германии налог на богатых – 45 и 40% соответственно. Даже символический жест в виде налога на роскошь оказался Путину не по силам. Олигархи заблокировали его принятие.

Возвышение И. Холманских никак не повлияло на положение рабочих. Зато назначение лидера “Деловой России” Б. Титова омбудсменом по делам предпринимателей повышает защищенность их как класса. Дополнительную идеологическую весомость получает назойливо продвигаемая Титовым апология социального неравенства: “Неравенство создает развитие” (“Диалог”. РБК, 10.05.2012).

Партийный проект “В защиту человека труда”, курировать который поручено тому же И. Холманских, до сих пор находится в зачаточном состоянии. Рабочая организация, левая идея не нужны Кремлю. Может быть, в перспективе проект используют, чтобы оттянуть голоса у КПРФ и “Справедливой Россия”, но и только.

Реальная власть возвращается “Единой России”, стыдливо задвинутой в тень на период выборов (к слову, я предвидел это, когда большинство аналитиков считало, что дни “медведей” сочтены). Единороссы – “небедные” люди. Наиболее состоятельные депутаты Госдумы – единоросс Г. Аникеев, задекларировавший 2,7 млрд руб., и его коллега по фракции Н. Борцов – 1,28 млрд. Сообщая об этом, “НГ” выносит в заголовок “Власть богатых. Олигархов теперь надо искать не в бизнесе, а в правительстве и парламенте” (“Независимая газета”, 16.04.2012).

Кстати, раз уж речь о правительстве: вице-премьер А. Хлопонин отчитался о доходах за 2011 год в размере 484 миллиона рублей. Другой вице-, также известный высокими доходами, И. Шувалов на этот раз показал скромные 9,6 миллиона. Зато его супруга пополнила семейную копилку 364 миллионами (ria.ru/society/20120412/624175148.html).

Стоит ли удивляться, что сразу же после победы Путина власть объявила о новой волне приватизации. “Первым лучшие куски”, – как поётся в песне. Что означает приватизация для трудящихся, объяснять, я полагаю, не надо. Ещё после первой волны уразумели: это, помимо прочего, “оптимизация” расходов, проще говоря, увольнение работников, объявленных “лишними”.

Поствыборное изменение приоритетов обусловлено не только объективными обстоятельствами, о которых я упоминал, но и субъективным настроением Владимира Владимировича.

Перед миллионами избирателей он старался выглядеть “мужиком”. Однако в своём ближнем кругу Путин предстаёт в качестве неолиберала. “Будущее России зачастую решается на закрытых совещаниях у Владимира Путина, – утверждает “Коммерсантъ-Власть”, – при этом слушает он всех приглашаемых экспертов, но доверяет оценкам очень узкого круга людей. Прежде всего это Алексей Кудрин и Герман Греф” (цит. по: newsru.com/russia/04jun2012/experts.html).

Увольнение Кудрина как будто ставит эту версию под сомнение. Но и после отставки в печать неоднократно попадали сведения о встречах экс-министра с Путиным, что свидетельствует о сохранении контактов и влияния.

Эксперты уверяют: не утратили влияния и либеральные “мозговые центры”, разрабатывающие экономический курс государства. “...Тот же ИнСоР” сохранится, потому что будет нужен и новому правительству. Новая жизнь будет и у ЦСР, да и за ВШЭ или Институт Гайдара можно не беспокоиться” (“Независимая газета”, 29.05.2012).

В начале лета появились сообщения, что малозаметный, но чрезвычайно важный пост главы экспертного управления президента займёт ближайшая сотрудница Грефа Ксения Юдаева (“Коммерсантъ”, 05.06.2012). В том же сообщении отмечается, что первым руководителем этого органа, созданного Путиным в 2000 году, был Симон Кордонский, которого в 2004-м сменил А. Дворкович. Последнего обычно рассматривают как человека Медведева, противостоящего “путинским силовикам”. Оказывается, в Кремль его пригласил Владимир Владимирович. Как, впрочем, и самого Медведева.

Неолиберальный курс путинской команды подтверждается рядом экономических мер, предусмотрительно отнесённых на глухую пору летних отпусков.

1 июля произошло очередное повышение тарифов. Вздорожали услуги ЖКХ. Всякий раз правительство уверяет, что речь идёт о подтяжке и в а н и и цен к “рыночным”. Между тем, за электричество мы уже платим столько же, сколько американцы. Притом, что средняя заработная плата в Америке в пять раз выше российской. Так что и цена киловатта для нас фактически в пять раз выше, чем для американцев (“МК”, 02.07.2012).

На 15% подорожал газ для населения. Буквально накануне глава “Газпрома” А. Миллер на годовом собрании акционеров похвалялся рекордной прибылью – она превысила 1 триллион (!) рублей (“Независимая газета”, 02.07.2012). Казалось бы, почему не пожалеть население? Тем более в год выборов. Но выборы прошли, а с ними “эра милосердия”.

Замечу попутно, концерн заставляет нас платить не только за себя, но и “за того парня”. А именно – жителей Северного Кавказа. Регион, где регулярно устраивают пышные празднества, строят небоскрёбы по примеру сказочных Эмиратов Залива, осыпают деньгами заезжих футболистов, элементарно не платит за газ. Чеченская республика оплачивает 42,1% поставок, Дагестан – 42,3%, Ингушетия – 59,8% (“Коммерсантъ-Деньги”, № 25, 2012). Чем не повод содрать недоимки с законопослушных жителей Центральной России?

Осенью наступление на наши кошельки продолжится.

Но уже сегодня оно не ограничивается ростом тарифов ЖКХ. Резко – на 25% – взлетел акциз на крепкий алкоголь. Бутылка самой дешёвой водки с 1 июля стоит 125 рублей. Для провинции деньги немалые! Подрос акциз на табак. Эксперты прогнозируют, что к концу года пачка сигарет подорожает в среднем на 4–5 рублей (“МК”, 02.07.2012).

Иностранные товары будут дорожать опережающими темпами из-за ползучей девальвации рубля. С начала весны национальная валюта подешевела на 15%. Соответственно подорожал импорт. А это и бытовая техника, и одеж-

да, и лекарства, и продовольствие (отечественную колбасу делают из привозного сырья, молоко из зарубежных сухих смесей).

Первыми сориентировались торговцы на столичных рынках: в самый сезон цены на овощи и фрукты рванули вверх. Эксперты недоумевают – с чего бы? Коллеги, посмотрите, откуда товар. Лук – египетский, огурцы – израильские, помидоры – испанские, яблоки – чилийские, груши – аргентинские. На прилавках ничего своего нет! “Реформы” угробили сельское хозяйство России (исключения достойны восхищения, но немногочисленны). Теперь всё приходится покупать за доллары.

Говорят, правительство сознательно отпустило рубль в свободное плавание. Дескать, только так можно выполнить предвыборное обещание повысить зарплаты бюджетникам. Под подорожавший доллар можно отпечатать больше рублей. Если предположение верно, то это игра для идиотов. Людям дадут больше денег, но купить товаров на них они смогут меньше. Неужели не заметят?!

А вот присоединение РФ к Всемирной торговой организации уж точно незамеченным не пройдет. Аналитики, да и производители дружно обещают отечественной экономике серьёзные проблемы. Снижение ввозных пошлин и как следствие приток товаров из-за границы задушит целые отрасли экономики: сельское хозяйство – окончательно, машиностроение, лёгкую промышленность. “В целом потери ВВП оцениваются в 3,5%, в том числе промышленности – 16%, в том числе обрабатывающей промышленности – 23%” (“Завтра”, № 12, 2012).

Что же там, наверху, не знают, чем это грозит? Увы, это не анекдот – действительно не знают! Когда Госдума собралась ратифицировать Протокол о присоединении к организации, выяснилось: правительство не озаботилось переводом текста на русский язык. Не представлен в Думу и основной документ ВТО – Соглашение об учреждении организации. А ведь он вместе с многочисленными приложениями после ратификации Протокола станет обязательным для России (“Независимая газета”, 29.06.2012).

Депутаты проголосовали “вслепую”!

С другой стороны, первый ли раз? Скандальный закон о драконовских штрафах за нарушения на митингах Совет Федерации одобрял с голоса. Дума приняла его ночью, а утром сенаторы начали обсуждение, не имея окончательного текста.

Парламент в нашей стране по-прежнему не место для дискуссий.

Из неприятных летних “сюрпризов” выделю ещё коммерциализацию медицины и образования. Не успела общественность порадоваться отставке А. Фурсенко, как новый минобраз Д. Ливанов “осчастливил” её планами вдвое сократить количество бюджетных мест в вузах (newsru.com/russia/22may2012/dmilivan.html). Платить придётся и в средней школе. По новым образовательным стандартам старшеклассники выбирают 9 предметов – их будут преподавать бесплатно, остальное – за деньги (“МК”, 02.07.2012).

На очереди самые сокрушительные новации. Подготовлен законопроект об оплате ремонта домов собственниками квартир. И другой – о начислении налога на землю, исходя из её рыночной стоимости. Шесть садоводческих союзов окажутся поистине золотыми!

Социально привлекательный проект, предложенный Путиным перед выборами, сразу после них начинает приобретать устрашающие черты. Разумеется, это резко изменит общественную атмосферу. Аналитики в один голос предрекают обострение ситуации к нынешней осени.

“Социальная база правящей группы продолжает сужаться, – отмечает руководитель Центра экономических исследований В. Колташов. – Маневрируя... власть осложняет и запутывает собственное положение... Предвыборные обещания... противоречат друг другу, не вписываются в бюджет и раздражают общество своей очевидной невыполнимостью”.

Эксперт делает вывод: “Революционная ситуация в России остаётся реальностью... Протестная волна поднимется снова. Россия остаётся в восходящей фазе политического кризиса” (Finam.ru/analysis/newsitem64BAF/default...asp).

Не исключено, что уже в сентябре вчерашние симпатизанты “национального лидера” присоединятся к “несогласным”. Это не парадокс. Это – в о з м е з д и е (воспользуюсь сокровенным словом Александра Блока, чьи строки я вынес в эпиграф к главе).

Возмездие за обман.

(Окончание следует)

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ХАРАКТЕР ГИПЕРБОРЕЙСКИЙ

* * *

Вертолёт накренился и, повинувшись воле Сергея Геннадьевича Фёдорова, сделал круг над строительной площадкой. Перед моим взором, словно неровная зубчатая корона, венчающая по горизонту края громадной каменной чаши, проплывали хибинские хребты. По их пологим склонам тянулись овраги, заполненные снегом, из-под которого вырывались серебряные ручьи талой воды. Извиваясь, они скатывались в громадное Умбозеро, куда со всех сторон вползали, словно на водопой чешуйчатые, доисторические ящеры, языки чёрной породы, насыщенные минеральными богатствами. И надо всем этим первобытным хаосом по громадному кругу клубились, обгоняя друг друга, тяжёлые тучи. Сергей Фёдоров своей медвежьей лапой придвинул меня к иллюминатору.

– Вот, глядите, это – бывшая лесная долина, а теперь наша стройплощадка. Вон там, на склоне горы – штольня подземного рудника. За ними – открытый карьер – видите, на его дне шевелятся экскаваторы? А это, – он показал глазами на комплекс прямоугольных зданий, сверкавших на земле, как бело-синие кристаллы, в окружении могучих подъёмных кранов, ажурных металлоконструкций и ползающих, словно жёлтые жуки, самосвалов, – это сердце комбината – обогатительная фабрика.

Я едва успевал схватывать глазами проплывающие под вертолётom серые ленты дорог в карьере, уступы которого были похожи на многоступенчатые пирамиды инков или ацтеков, на громадные корпуса для переработки руды, на величественные, похожие на механизмы для запуска космических ракет, бетоносмесительные установки, устремлённые в небо...

Во время одного из вертолётных виражей внизу блеснула маковка часовенки, стоящей поодаль от стройплощадки на невысоком холме. Сергей Фёдоров перехватил мой взгляд:

– Это часовня в честь Макария Египетского, покровителя горняков.

– Когда же вы всё это успели построить?

Перекрывая своим могучим голосом вертолётный гул, Фёдоров прокричал мне в ухо:

– Летом две тысячи седьмого года мы впервые прорвались на Олений ручей. Вот он – под нами... А завтра обо всём расскажу поподробнее!

...На другой день мы уже сидели на берегу Варзуги возле костра. Река шумела. Соратники и друзья Фёдорова хлопотали вокруг – одни ставили ла-

герь, другие хлестали спиннингами реку, пытаюсь поймать что-нибудь на уху. Сергей Геннадьевич рассказывал...

Летом 2007 года он организовал экспедицию на Олений ручей. Пробивались к месторождению, открытому советскими геологами ещё в 1961 году, по бездорожью, через завалы бурелома, через овраги и каменистые осыпи на вездеходе.

Вот тогда-то у Фёдорова, с юности писавшего стихи, зародились первые строчки, ставшие впоследствии гимном будущей стройки. Он связался по радиции со своей помощницей Татьяной Калининой и сквозь урчание вездехода продиктовал:

*На Олений ручей прорывалась братва —
Гусев, Фрол, два Покровских, Матвеев и я,
“На Олений ручей”, — вездеход наш рычит,
Мы пробьёмся к ручью добывать апатит.*

*На Олений ручей, где гора Коашкар
Миллионами лет прячет в недрах сей дар.
На Олений ручей мы пробьёмся, друзья,
Мы построим здесь ГОК, по-другому нельзя.*

Вездеход буксовал, его железные траки рвались, стальные пальцы вылетали из гнезд, мотор перегревался — но “братва”, как называл своих соратников Фёдоров, не сдавалась:

*Мы водички попьём из родного ручья,
Насладимся красою полярного дня,
И дойдём до заветнейшей точки земли,
Где сойдутся две нити мечты и судьбы.*

Позднее появился припев:

*Соединит, друзья, наши старания
Северо-Западная Фосфорная Компания.*

В корявых, но искренних строчках будущего гимна компании пульсировал азарт, жажда самоутверждения, вера в свои силы — словом, многое, без чего не делаются большие дела.

Вскоре после рывка к Оленьему ручью, 21 сентября 2007 г. на месторождении был произведён первый взрыв, чтобы получить породу для исследования. А ещё через несколько дней на месте будущего горно-обогатительного комбината Фёдоров с друзьями поставили глыбу апатита с геологическим молотком и надписью:

Памятный знак
установлен в честь начала
освоения месторождения
“Олений ручей”.

*Мы верим, что победа будет с нами,
Построим ГОК — не задрожит рука.
Для нас всегда весна не за горами
И с нами Бог! Вперёд, СЗФК!*

Последняя аббревиатура расшифровывалась, как “Северо-Западная Фосфорная Компания”. А ключевым было слово “мечта”, потому что Сергей Фёдоров происходил из породы мечтателей.

Председатель Совета директоров компании, Почётный горняк Российской Федерации, полный кавалер знака “Шахтёрская слава”, Почетный гражданин г. Кировска, он не был баловнем судьбы. Родившийся в 1953 году в суровой Восточной Сибири, в горняцком городе Чита, Фёдоров начал зарабатывать на

жизнь уже в школьные годы, отправляясь во время летних каникул в геологические экспедиции. Отучился в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта, в студенческие годы строил БАМ и после института, в 1976 году, приехал по распределению в апатитовую столицу СССР город Кировск Мурманской области, где живёт и работает уже 36 лет. Строил тоннели, шахты, рудники и прошёл путь от горного мастера до генерального директора «Североподземстрой», а потом и акционерного общества «Апатит» и ЗАО «ФосАгро АГ».

Типичная и успешная биография высокого профессионала советской эпохи... А то, что он, доктор экономических наук, остался мечтателем и романтиком, влюблённым в своё время и в своё дело, я понял, когда Фёдоров, на другой день нашего знакомства на берегу реки, после рюмки под свежую уху взял в руки гитару и выдохнул слова, от которых захолонуло моё сердце:

*Если я заболею, к врачам обращаться не стану,
обращаюсь к друзьям, не сочтите, что это в бреду,
постелите мне стель, занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте упавшую с неба звезду.*

Но это же мой любимый Ярослав Смеляков, написавший стихотворение, ставшее песней, в середине 30-х годов! 80 лет прошло с той поры, а песня жива, значит, есть в ней – и в её мелодии и в словах – нечто бессмертное*.

– С каких времён Вы любите и помните эту песню, Сергей Геннадьевич? – спросил я.

– Со студенческих! – ответил мне этот прошедший огни и воды строитель жизни.

* * *

Приватизация предприятий по производству апатитового концентрата в последние годы XX века привела к тому, что оно сосредоточилось фактически в одних руках. ОАО «Апатит» производило более 80% российского концентрата и поставляло свою продукцию заводам, производящим удобрения, по таким ценам, что большинство наших сельских хозяйств не могли это удобрение покупать. И немалая его часть, естественно, продавалась за границу, ради сверхприбылей акционеров-собственников. Многие из них имели собственность за рубежом, у иных дети учились в заграничных университетах, некоторые бывшие акционеры «Апатита», близкие к его прежнему владельцу Ходорковскому, окончательно порвали с Россией и скрывались за бугром, поскольку выведенных через офшоры апатитных денег им могло хватить на несколько жизней. Сергею Фёдорову, не имевшему за рубежом никакой собственности, у которого сын и дочь, окончившие школу в Кировске, работали вместе с ним и который любил с молодости стихи Смелякова, было обидно и «за державу», и за отечественное сельское хозяйство, поэтому он пошёл на разрыв с владельцами «Апатита», был без работы 8 месяцев, в течение которых и принял решение создать новую компанию по производству апатитового концентрата, что фактически означало конец монополии. Об этом жёстко, но убедительно он сказал в одном из интервью тех лет:

«В своё время я пытался убедить акционеров «Апатита» изменить взаимоотношения с потребителями. Ведь производитель сырья и его переработчик заинтересованы друг в друге. Поэтому я предлагал строить отношения на долгосрочной основе, разработать формулу цены на апатитовый концентрат и заключать договор на 5 и более лет. Но проект остался на бумаге. Понимая, что одному «Апатиту» трудно развивать рудно-сырьевую базу, чтобы обеспечить полностью всех потребителей апатитовым концентратом, я предлагал переработчикам внести свой вклад в её развитие, взять на себя отработку новых месторождений. Для монополиста увеличивать добычу руды нет резона, поскольку необходимы дополнительные вложения в строительство рудно-сырьевых мощностей. Во времена Советского Союза «Апатит» выпускал около 20 млн тонн концентрата, сейчас – 7,5 млн. (В годы, когда «Апатитом» руко-

* Я привожу не книжно-литературный, а песенно-народный вариант текста.

водил Федоров, его команде удалось увеличить производство концентрата до 9 млн тонн. – Ст.К.) Предприятия по переработке были рассчитаны на соответствующий объём сырья. Где сейчас эти предприятия? Одни загружены на половину мощности, другие ещё ниже, а некоторые просто закрыты. На полную мощность или чуть ниже работает всего 6–7 заводов из 15 существующих.

Сегодня вся огромная Россия вносит в землю столько же минеральных удобрений, сколько Белоруссия, площадь сельхозугодий которой меньше в 40 раз. Это объясняется вовсе не “нелюбовью” наших земледельцев к своей земле, они прекрасно знают формулу повышения урожайности, она проста: азот, фосфор, калий. Но сегодня большинство отечественных сельхозпредприятий не может воспользоваться этим эффективным рецептом, потому что – дорого. За последние три года отпускная цена на фосфорные удобрения выросла почти вдвое, что большинству сельхозпроизводителей просто не по карману.

Ситуацию необходимо срочно менять. Поэтому наша компания будет разрабатывать месторождения Олений ручей и Партомчорр. Наша задача – предложить предприятиям-переработчикам, не имеющим собственной сырьевой базы, апатитовый концентрат по доступной для них конкурентной цене”.

... Помнится мне, как полвека тому назад, работая в тайшетской районной газете заведующим отделом сельского хозяйства, я не вылезал из колхозов, особенно во время посевной и уборочной. На обочинах колхозных полей обычным делом было увидеть груды надорванных мешков с рассыпанными удобрениями. Серая апатитовая масса размывалась дождями, распылялась ветрами, утекала с вешними водами в реки. А почему? Да потому что в эпоху плановой экономики стоила копейки, как, впрочем, и водопроводная вода, как и электричество, как природный газ, как бензин, литр которого стоил 20 копеек. .. Что теперь вздыхать! Как говорит народная мудрость, что имеем – не храним, а потерявши, плачем. .

Но рыночная экономика, которая, казалось бы, обещала всё это “плановое расточительство” выправить и отрегулировать “невидимой рукой рынка”, на деле показала свою зверину, алчную, эгоистическую сущность, желая получать сверхприбыли по принципу “на наш век хватит”, не думая ни о благосостоянии страны, ни о людских жизнях.

“Невидимая рука” рынка могущественна. Потому-то у нас рушится Саяно-Шушенская ГЭС, взрывается шахта “Распадская”, тонет теплоход “Булгария”, обманутые дольщики сходят с ума, разваливается только что построенная дорога на Русский остров, а наши государственные мужи в разгар кризиса твердят до сих пор о том, что **“плановой экономикой мы уже наелись за 70 лет”**, что **“государству нужно вообще уйти из бизнеса”**, что **“частный бизнес гораздо эффективнее, нежели государственный”**... Может, оно и так: действительно частный бизнес эффективен для трёхсот тысяч семей, живущих в Англии, нещадно эксплуатирующих собственность, полученную в России за копейки, но он оказался весьма неэффективен для погибших в “Распадской” шахтёров, для утонувших на Саяно-Шушенской ГЭС, для всех принявших смерть в катастрофах, постигших изношенные до предела самолёты частных авиационных компаний, для десятков тысяч обманутых дольщиков, оставшихся и без жилья, и без денег, для несчастных больных людей, которым частный бизнес подсунул в частных аптеках фальшивые лекарства, и т. д.

Москва забыла про северные окраины, и спасаться северянам надо было самим. Сергей Фёдоров понимал это лучше многих руководителей государства, когда в голодные 90-е годы, живя в Кировске, открыл при «Северподземстрое», где был генеральным директором, свинокомплекс и сеть магазинов, чтобы помочь своим работникам и населению моногорода. Кстати, и потом, уже работая в ОАО «Апатит», он создавал торговую сеть магазинов Комбината рабочего питания, но при этом старался, чтобы они не вытеснили с местного рынка предпринимателей, а составили им здоровую конкуренцию. Однако так случилось, что с подачи хозяев «Апатита» («Роспром» – впоследствии «ФосАгро») в 1995 г. «Северподземстрой» перестал существовать. Тогда еще не было понятия “рейдерский захват”, но предприятия уже отбирали. Вот тогда-то у него и зародилась мысль создать собственное дело. И спустя десять лет он начал осуществлять свой замысел. В 2005 году была создана «Северо-Западная Фосфорная Компания» под эгидой «Акрона», который нашел средства для строительства ГОКа. Вызов монополистам был брошен. После

победы в 2006 году в конкурсе на освоение месторождения и необыкновенно быстрой и энергичной разработки проекта в конце 2008 года – в самый разгар экономического кризиса! – началось строительство горно-обогатительного комбината “Олений ручей”, которое приобрело масштабный характер к лету 2010 года.

Слово “масштабный” не является преувеличением. Одновременно начали сооружаться около 200 объектов, в том числе таких крупных, как открытый карьер, подземный рудник, обогатительная фабрика, состоящая из многочисленных корпусов – крупного, среднего и мелкого дробления, обогащения, фильтрации и сушки, сгустителей, пульпонасосной станции, реагентной, силосных складов апатитового и нефелинового концентратов и т. д. Помимо этого были сооружены энергетические объекты: ЛЭП, главная понизительная подстанция, котельная, АЗС. Проложено более 40 км дорог. Построены мосты, гидротехнические сооружения, хвостохранилище, каналы, дамбы, в том числе противолавинные. (Хибинские горы известны своим суровым нравом, и лавины – одно из самых страшных проявлений их необузданного характера.) И у каждого объекта своя инфраструктура. Строительство горно-обогатительного комбината “Олений ручей” – первый на Северо-Западе крупный инвестиционный “green-field” проект. В строительстве занято более 2,5 тысячи человек, десятки подрядных организаций из разных областей – Мурманской, Новгородской, Вологодской, Ленинградской. Генеральный подрядчик ООО “Трест-2” – из Великого Новгорода. На самом предприятии уже создано более тысячи рабочих мест, а вместе с дочерними компаниями около полутора тысяч. Каждый день идёт приём на работу. В компанию принимаются наряду с молодыми специалистами, недавно вышедшими из стен учебных заведений, и люди в довольно солидном возрасте. Они обретают второе дыхание, когда им предоставляется возможность проявить свои знания и применить накопленный опыт на новом производстве.

В результате таких темпов строительства окончательный пуск объекта, запланированный на лето 2013 года, был перенесён на август 2012-го. Строители, как сказали бы в прошлом веке, взяли на себя повышенные обязательства. И грешно над этим подсмеиваться и иронизировать. Потому что нужен свой апатитовый концентрат, чтобы не останавливались из-за его отсутствия перерабатывающие заводы «Акрон» и «Дорогобуж» с 15-тысячными коллективами.

С мая 2012 года, когда было принято окончательное решение о досрочном пуске первой очереди ГОКа, Фёдоров фактически жил на промплощадке, летая в Москву только, чтобы решать неотложные дела, требующие личного присутствия. Ему казалось, что без него работа будет идти не такими темпами, как требовало время, и не так качественно, чтобы соответствовать уровню современного предприятия XXI века. Каждый день обход промплощадки, посещение всех строящихся объектов, строгий осмотр монтажа оборудования. Каждый вечер – подведение итогов дневной работы, каждое утро – селекционное совещание с подведением результатов за сутки. Год назад начался обратный отсчёт времени. На табло при входе в административно-бытовое здание на промплощадке и здании управления комбинатом в посёлке Коашва каждый день менялась информация: “До пуска осталось...” Количество дней стремительно сокращалось. Чем ближе пуск, тем короче время. И даже полярный день, растягивающий рабочее время до 24 часов в сутки, казался коротким. Календарный план работы был сначала помесечным, потом еженедельным, потом – каждодневным. На счету каждый час, и каждый час – под контролем Фёдорова. Ритм работы становился всё более напряжённым, выдержать его под силу только настоящим мужчинам.

Казалось бы, кому это надо? Прошли времена комсомольскихстроек, канул в Лету энтузиазм строителей коммунизма с их моральным кодексом. Но здесь, на Севере, где когда-то строился первый на Кольском полуострове трест “Апатит” и куда сгонялись тысячи лишённых в правах наших соотечественников для выполнения поставленной партией и правительством задачи создания собственной фосфатной сырьевой базы, вновь закипела стройка. И уже нет колючей проволоки, нет спецпереселенцев, но есть несколько тысяч человек, у которых – огонь в глазах и есть огромное желание – построить новый ГОК. У них есть идея, творческая, созидательная. Она их объединяет и ими движет. И есть сильная личность, способная повести их за собой, чтобы воплотить эту идею в жизнь.

Так случилось, что в нашей стране со сломом старого общественного строя произошла подмена понятий. Кто герой? Настоящий создатель жизни или офисный планктон, как теперь называют управленцев многочисленных фирм и организаций? Героями стали эстрадные певцы, которые почему-то сами себя называют “звёздами”, едва появившись на экране ТВ; бандиты — опять-таки с лёгкой руки телевизионщиков и подельцев многочисленных телесериалов; проворовавшие чиновники, которые учат нас жизни и возглавляют “борьбу с коррупцией”. Они — на виду, они живут на широкую ногу, не стесняясь демонстрировать своё богатство, не принося при этом никакой пользы отечеству. И есть “пахари”, умные мужики, которым не нужны ни телеэкраны, ни звёздная слава. Они не играют в политику. Им нужно, чтобы была интересная работа, которая бы приносила удовлетворение от каждого прожитого дня. И даже если кто-то захочет вычеркнуть их имена из нашей отечественной истории, они всё равно оставят свой след на земле в виде новых ГОКов, фабрик и заводов, которые многие десятки лет будут давать работу их соотечественникам, наращивать экономический потенциал страны, обеспечивать её стратегическую и продовольственную безопасность...

* * *

Узнав о создании Федоровым новой компании, к нему потянулись люди, некогда работавшие с ним на «Апатите», тосковавшие, как и он, по настоящему делу. Первой отозвалась на приглашение Татьяна Калинина, его бывший помощник и пресс-секретарь, вслед за ней пришёл опытейший профессионал В. М. Захаров, бывший директор по экономике и финансам Ковдорского горно-обогатительного комбината... Потом люди стали приходиться целыми семьями. Сейчас одним из главных соратников Фёдорова является Михаил Иванович Гусев, горняк высочайшего класса, всю свою трудовую жизнь отдавший Хибинам. Его советские убеждения, его добросовестность и принципиальность в отношении к делу, его щепетильное чувство долга Сергей Фёдоров ценит чрезвычайно высоко, как и то, что на строительной площадке ГОКа рядом с Гусевым работают его жена Галина, их сын Константин, племянник Дмитрий и его супруга Наталья.

Сергей Владимирович Фролов, тоже один из заместителей Фёдорова, привёл за собою на Олений ручей сына Петра, закончившего Санкт-Петербургский политехнический институт, и молодой специалист вскоре стал главным теплотехником стройки.

Рядом с Фёдоровым работают отец и сын Покровские, которым он безраздельно доверяет. Да и сын самого руководителя проекта Николай руководит работой всего транспорта на стройплощадке. Что это — если не семейная артельная ответственность близких людей друг перед другом и перед государством?

Дух семейной артельности особенно ярко проявился в одном из эпизодов моего краткого общения с командой Фёдорова. Во время наших посиделок у костра он неожиданно вспомнил о том, какое впечатление в молодости произвели на него мои стихи, и попросил: “Станислав Юрьевич, в одной из Ваших книжек есть короткое стихотворенье “Из жизни поморов”, не могли бы Вы его прочитать?”

Слава Богу, что я большинство своих стихотворений помню наизусть.

*Старик собрался умирать,
навек уйти в родную землю,
а значит, надо уезжать
домой, в родимую деревню.
И у вагонного окна
он обронил, хлебнув хмельного:
— Отцов, как псов, а мать одна,—
и больше не сказал ни слова.*

Шумная компания одобрила стихотворенье аплодисментами, но Михаил Гусев после недолгого молчания сказал: “А я не согласен с Вами, товарищ поэт! Нельзя так огульно обижать отцов. Вы отец, я тоже отец. Вот сидит мой сын Костя, ну что он о нас подумает?”

Я знал, что Костя работает в компании под началом своего отца, что он толковый специалист. То, что он рыбак умелый, я понял утром, когда вылез из палатки и увидел Костю, бредущего в гидрокостюме по грудь посередине реки, на плече у него был большой подсак, в котором лежало несколько лососей.

Я разволновался и стал возражать Костиному отцу, что “отцов, как псов, а мать одна” – это народная поговорка, потом привёл в пример ему Сергея Есенина, который ни одним словом не обмолвился в своих стихах об отце, но зато много раз с нежностью вспоминал о матери. Я с чувством прочитал есенинское “Ты жива ещё, моя старушка”. Однако Гусев не сдавался:

– Нет, так об отцах говорить нельзя. Есть же такое понятие: Бог-отец, а мы все его дети!

С такой несокрушимой логикой не поспоришь, и тогда я, к счастью, вспомнил, что у меня в поэме “Солнечные ночи” есть глава о том, как однажды в беломорской тайге на охоте я спугнул с гнезда лебединую пару, у которой недавно вывелись два птенца. “Спасён!” – мелькнуло в моей голове, и я вдохновенно прочитал всей честной компании мой гимн отцовству:

*Два лебедя к крылу крыло
над лодкой взмыли тяжело
и не уходят от излучи...
Ах, вот в чём дело — под ольху
два серых близнеца в пуху
забились и молчат в испуге.*

*Отец и мать над головой
готовы жертвовать собой.
Кричат, гортани надрывая:
— Не трогай наших близнецов!
Ты сам из племени отцов!
Отцовство — заповедь святая.*

*Два неуклюжих малыша,
от ужаса едва дыша,
глядят, как лодка режет воду.
А человек веслом гребёт
и думает: “Пришёл черёд
забыть кровавую охоту”.*

Артельная братва удовлетворённо зашумела, Михаил Гусев заулыбался, недоразумение было исчерпано, и мы, довольные друг другом, выпили на по-сошок и расползлись по своим палаткам спать под мерный шум сосен и рокот ледниковой реки.

Я залез в спальник, но долго не мог заснуть, думая об артельной сплочённости фёдоровской команды. Удивительно то, что он задал тон нашему разговору у костра, исполнив песню на слова Смелякова. А Ярослав Васильевич почти 70 лет тому назад, будучи молодым журналистом и ещё малоизвестным поэтом, приехал на строительство уральской Магнитки. Впечатление от этой самоотверженной всенародной стройки он получил столь сильное, что 40 лет спустя, в 1972 году, за несколько месяцев до смерти написал стихотворенье “Банкет на Урале” о том, как в суровое аскетическое время строители Магнитки праздновали приёмку правительственной комиссией очередной домны:

*Я знал, что надо жить смелей,
но сам сидел не так, как дома,
среди седых богатырей
победных дозн Наркомтяжпрома.*

*Их осеняя красоту,
на сильных лбах, блестящих тяжко,
свою оставила черту
полувоенная фуражка.*

“Полувоенная фуражка” – деталь, говорящая о многом. Страна напрягла все силы, чтобы закончить индустриализацию к началу грядущей войны, дыхание которой уже доносилось с пространств обретавшей коричневый цвет Европы, и Смеляков чувствовал, что обязаны построить эти домны в кратчайшие сроки:

*И преднамеренность одна
незримо в них существовала,
как словно марка чугуна —
в структуре чёрного металла.*

*Пей чарку мутную до дна,
жми на гуляш с нещадной силой,
раз норму славы и вина
сама эпоха утвердила.*

Я, знавший Ярослава Смелякова лично, иногда ощущавший на себе его строгую благосклонность, вдруг почувствовал себя некой его ипостасью, сидя среди “седых богатырей” новой эпохи, вглядываясь в лица Михаила Гусева, Сергея Фролова, Владимира Покровского, Александра Лозюка, в небритое, покрытое седой щетиной лицо самого Сергея Фёдоровова, от которого, когда бы я ни звонил ему из Москвы, всегда слышал один и тот же ответ: “Говорить долго некогда, я на промплощадке”... Тот же тип людей, что и на площадках магнитогорских домн... Разве что полувоенных фуражек, оставлявших вмятину на их лбах, не было.

Конечно, строительство рыночной экономики, как, впрочем, и мобилизационной предвоенной в 30-е годы, – дело тяжкое. Хочешь не хочешь, а приходит в результате, говоря словами великого пролетарского поэта Владимира Маяковского, “амортизация сердца и души”. Но всё-таки стержень человеческого, сердцевина натуры, укрытая изработанным телом, остаётся в генетическом смысле одна и та же. Что бы ни строил русский человек – социализм или капитализм, он всё делает по-русски. Воля и азарт, расчёт и вдохновение, смекалка и хватка – всё, чему научились нынешние 50-60-летние “седые богатыри” апатитовой страды, всё те же, что были у богатырей “наркомтяжпрома”, и называется эта единая сущность “русским характером”. Характер этот складывался у фёдоровской команды во времена советской молодости, в 70-х – 80-х годах, в геологических маршрутах, в студенческих стройотрядах, в первых трудовых испытаниях, в которые они погрузились после распределения, в армейской службе...

Они ведь не комсомольские функционеры вроде Ходорковского и Невзлина или фарцовщики вроде Гусинского, не сочинские картёжные игроки, подобно Немцову. Нет, это люди из трудового простонародья, из русской глубинки, с крестьянской хваткой, с русским солдатским упорством. Недаром даже большевики-интернационалисты первого поколения 20-х годов поднимали ДнепрогЭС, Турксиб и Кузбасс с лозунгом на устах: “Русский революционный размах плюс американская деловитость!”

Конечно, у нынешнего поколения богатырей нет того чисто идеологического и почти религиозного стимула построения справедливого общества. Конечно же, ими движут и тщеславие, и деньги, и страх остаться на обочине жизни. Но, как я понял, – главная их забота стара как мир: осуществить свою мечту, ощутить счастье творчества, почувствовать себя победителями. Кстати, и смеляковские “богатыри наркомтяжпрома” работали не только за идею. Думаю, что генералы производства в 30-е годы зарабатывали куда больше вчерашних крестьян, ставших на Магнитке рабочими. Но попробовали бы эти генералы заявить, что работают только ради денег. Да и нынешние этого не скажут, потому что это как-то не по-русски. И, словно бы угадав мои мысли, Сергей Фёдоров ударил по гитарным струнам и запел с таким чувством, будто бы о себе:

*Я ходил напролом, я не слыл недотрогой,
если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову горной дорогой
и укройте меня одеялом в осенних цветах.*

И тут, кто в лад, кто вразнобой, кто в лес, кто по дрова, но весь генералитет, сидевший у костра, подхватил припев своего генералиссимуса (генерального директора) нестройным, но самозабвенным хором:

*Забинтуйте мне голову горной дорогой
и укройте меня одеялом в осенних цветах.*

А последний куплет вообще вознёс всю нашу компанию к небесам, напомнил нам о том, что человек — это Образ Божий, примирил нас с грядущей судьбою:

*От морей и от гор тянет вечностью, тянет простором.
Как вдохнёшь, так почувствуешь — снова, ребята, живём.
Не больничным, друзья, ухожу я от вас коридором,
ухожу я, товарищи, сказочным Млечным путём.*

* * *

В северной части Кольского полуострова благодаря спросу на минеральные удобрения в 30-е годы возник город Хибиногорск, переименованный после убийства С. М. Кирова в его честь в Кировск, в 60-е — в 20 км от него возник город строителей и ученых Апатиты, в 70-е — посёлок Коашва, и в каждом из них жили горняки и обогатители комбината «Апатит», который с каждым годом наращивал объёмы производства и планировал развивать Восточный рудник на месторождениях юго-восточной части Хибинского массива. В расчете на большой приток рабочей силы для освоения этих месторождений и было решено построить новый благоустроенный посёлок Коашва. Однако переселяться в него так далеко от обжитых городов согласились не многие, поэтому до конца план развития поселка так и не был реализован. А потом, в эпоху 90-х, и вовсе случилось непредвиденное: падение объёмов производства апатитового концентрата, а с ним и сокращение работников. Коашва превратилась в Богом забытый уголок.

Мы ехали с Сергеем Фёдоровым по его улицам, и он показывал мне пятиэтажные некогда жилые дома с выбитыми оконными рамами, с чёрными квадратами мёртвых глазниц вместо окон, с подъездами без дверей, дома, отрезанные от воды и тепла. Не дома — а призраки. Они стали такими в бандитское ельцинское время, когда новые владельцы Хибинских апатитов, приехавший познакомиться со «своей» новой собственностью, заявили, что им из двадцати тысяч рабочих нужна всего лишь половина. Массовые сокращения выбрасывали людей на улицу — как жить в приватизированных квартирах, если нет работы, если у тебя за неуплату «коммуналки» отключают электричество, тепло и воду? Гайдаровская экономика выдавила, вышвырнула с обжитых мест в небытие сотни семейств некогда вполне благополучного поселка, в котором закрылось всё, что только можно было закрыть: почта, сбербанк, два детских сада, комбинат бытового обслуживания, магазины. Ни «скорой помощи», ни пожарного подразделения, ни постоянного участкового. У безработных не было денег на автобусный билет, чтобы доехать до города по каким-то делам или к врачу. Сотни людей стали бомжами, кто-то пытался жить огородом, но Кольский Север — это не кубанские чернозёмы. Это было время, когда, то ли одурев от алкоголя, то ли от разговоров с «умным», по его словам, Гайдаром, Борис Ельцин по время поездки в Архангельск сказал историческую фразу: «Север легче куда-нибудь перевезти, чем прокормить». Никуда их не перевезли и не «прокормили», и не дали им никакой работы, а просто-напросто оставили вымирать геологические посёлки, местные аэродромы, погранзаставы, метеорологические станции, леспромхозы и лесхозы, военные городки, словом, всю цивилизацию, созданную несколькими поколениями советских людей по всей кромке северных морей от границы с Норвегией до Камчатки.

Когда я услышал рассказ Фёдорова об этой катастрофе, случившейся с посёлком, окружённым драгоценными залежами апатитовых руд, то, глядя на дома с вырванными руками мародёров рамами и дверями, со свинченны-

ми электросчётчиками и водопроводными кранами, вспомнил ещё одно смеляковское стихотворенье, написанное поэтом в 1946 году, когда он находился после финского плена (куда, кстати, попал во время оборонительных работ на Кольском полуострове) в трудовых лагерях Тульского каменноугольного бассейна. Поэт увидел однажды целое кладбище паровозов, изношенных до предела, совершивших всё, что нужно было совершить в эпоху героической индустриализации и Великой Войны, и обратился к ним, словно к одушевлённым существам:

*Кладбище паровозов.
Ржавые корпуса.
Трубы полны забвенья.
Свинчены голоса.*

*Словно распад сознания —
Полосы и круги.
Грозные топки смерти.
Мёртвые рычаги.*

*Градусники разбиты:
Цифирки да стекло —
Мёртвым не нужно мерить,
Есть ли у них тепло.*

*Мёртвым не нужно зренья —
Выкрошены глаза.
Время вам подарило
Вечные тормоза.*

*В ваших вагонах длинных
Двери не застучат.
Женщина не засмеётся,
Не запоёт солдат.*

*Вихрем песка ночного
Будку не занесёт.
Юноша мягкой тряпкой
Поршни не оботрёт.*

*Больше не раскалятся
Ваши колосники.
Мамонты пятилеток
Сбили свои клыки.*

Великое стихотворение эпохи, которое будет понятно выпускнику Института инженеров железнодорожного транспорта Сергею Фёдорову, рисующее страшную картину того, как израбатываются в результате немислимого напряжения не только люди, но и железо. Однако финал стихотворенья пронизан верой поэта в правоту и святость этих исторических жертв, положенных народом на алтарь социализма:

*Шапку сними, товарищ,
Вот они, дни войны.
Ржавчина на железе,
Щёки твои бледны.*

*Тут ведь одно железо,
Пусть оно учит всех...
Медленно и спокойно
Падает первый снег.*

Конечно, сверхнапряжение пятилеток и Великой войны кошунственно сравнивать с сознательно осуществлённой предательской разрухой жизни в 90-е годы, с отчаянием честных людей и мародёрством хищников. Однако хочешь, не хочешь, но надо же выползать, вырываться из объятий этой разрухи, надо же кому-то сказать – хватит! Ни шагу назад! – как в знаменитом приказе № 227, и приступать к возрождению жизни. Таким человеком на своём участке фронта оказался Сергей Фёдоров. Он настоял на том, чтобы часть безлюдных и полуразрушенных муниципальных домов была передана в аренду «Северо-Западной Фосфорной Компании». Около 100 квартир были отремонтированы, в зияющих проёмах окон появились стеклопакеты, к домам были подключены вода, электричество, тепло. В ожившее жильё заселились строители ГОКа «Олений ручей». Вслед за жильём команда Фёдорова добилась того, чтобы на средства, которые компания перечисляет в бюджет Кировской администрации, возродились школа, детский сад, которые из-за недостатка детского населения наполовину законсервировали, дом культуры, школа искусств, библиотека и фельдшерский пункт, построилась спортивная площадка. Потом принялась за торговый комплекс, где будут и кафе, и парикмахерская, и оздоровительный центр. Было выкуплено заброшенное здание детского сада, и старые стены, полностью обновленные, приняли штаб «СЗФК». Теперь здесь управление комбинатом «Олений ручей».

Но главные дела – на промплощадке, где развернулось строительство ГОКа. Такой стройкой можно только гордиться, как и другими грандиозными государственными проектами: нефтепроводом, проложенным по дну Балтийского моря, шоссейной автодорогой Чита–Хабаровск, чудом строительной мысли – мостом между материком и островом «Русский».

* * *

Я думаю, что о человеке можно во многом судить по тому, какие песни он любит, с каким чувством и как часто поёт их... В первый же день у рыбацкого костра на берегу Варзуги Сергей Фёдоров вместе с друзьями исполнил две песни Михаила Исаковского – «Костры горят далёкие, туман в реке купается, а парень с милой девушкой никак не распрощается» и «Летят перелётные птицы в осенней дали голубой», потом перешёл к геологическому гимну «Ах, перекаты» Александра Городницкого, что-то из Глеба Горбовского, бывавшего в этих краях, исполнили. Я напомнил фёдоровской команде, что и Николай Рубцов в 1954 году целый год в Кировском горном техникуме учился на маркшейдера, и прочитал вслух его «Старую дорогу», которая настолько пришлась всем по душе, что пришлось Фёдорову подобрать аккомпанемент, а мне «порубцовски» изобразить его проникновенную архангельскую песню «Потонула во мгле отдалённая пристань». Позже в Москве я встретился с помощником Сергея Фёдорова Татьяной Калининой, и она рассказала, что в Апатитах проходят «рубцовские чтения», что в Кировске существует небольшой музей бывшего кировчанина Венечки Ерофеева, что в советское время в «апатитовую империю» приезжали Даниил Гранин, Юрий Скоп, Юрий Рытхэу, ленинградский поэт и геолог Леонид Агеев, популярные барды Лев Куклин, Юрий Визбор... А ровесник Смелякова молодой Лев Иванович Ошанин в 30-е годы был главным редактором газеты «Кировский рабочий». Так что не случайно Сергей Фёдоров и сам пишет стихи, и знает творчество многих поэтов России...

Наше затянувшееся сиденье июньской белой ночью у костра закончилось песнями Владимира Высоцкого и, конечно же, вечно живым шлягером советской эпохи «Здравствуй, моя Мурка». И поскольку сердца слушателей распахнулись навстречу простонародной, лагерной стихии минувших времён, я рассказал моим новым друзьям о судьбе поэта Виктора Бокова, о встречах с ним, о его пребывании в лагерях сталинской эпохи, о том, как он проклянул «усатого тирана» в стихах сороковых годов и как он преклонился перед его памятью в девяностые годы, когда увидел, что случилось с Россией:

*Я жил при нём. При нём сидел и строил.
Я понимал, что мне не жить в раю.
Прости, мой вождь, что я побеспокоил
бессмертную фамилию твою.*

Давно уже у меня не было столь благодарных слушателей, как в этот подаренный судьбой вечер... А наутро Сергей Фёдоров подтвердил, что он является руководителем авторитарного стиля: увидев, что некоторые его подчинённые вечером, как говорится, перебрали лишнего, объявил сухой закон, приказал все запасы алкоголя перенести к нему в палатку и не обращал никакого внимания на отчаянные, просящие о сочувствии взгляды, обращённые к нему.

* * *

На следующий вечер, когда соратники Фёдорова, удручённые от введения сухого закона, уныло разошлись по палаткам, мы попили с ним чаю, послушали шум реки, полюбовались тусклым свечением белой ночи, и перед тем, как разойтись, Сергей Геннадьевич спросил меня:

— А Вы что-нибудь знаете про Гиперборею?

Я с трудом, но вспомнил одну из поэм поэта-сибиряка Леонида Мартынова из его некогда знаменитой книги “Лукоморье”, изданной перед войной.

— Ну так слушайте, — сказал Фёдоров, — я Вам кое-что расскажу.

И он поведал мне о народах мифической Северной Евразии, якобы располагавшейся на материках около десяти тысяч лет тому назад, погрузившейся, подобно Атлантиде, в глубины нынешнего Северного Ледовитого океана, который был тёплым, и хребты Ломоносова и Менделеева, ныне находящиеся под водой, возвышались над его поверхностью.

К такому выводу пришли многие учёные — и американские, и канадские, и российские. На карте современного арктического дна якобы хорошо видны очертания огромного плато, с речными долинами, с извилистой береговой линией... Климат этой Гипербореи был благоприятным для жизни, о чём до сих пор свидетельствуют ежегодные перелёты птичьих стай с Юга на Север — генетическая память о тёплой, уютной прародине каждый год заставляет их возвращаться для размножения на земли предков... На карте знаменитого английского мореплавателя Герарда Меркатора, изготовленной в 1595 году, изображён легендарный материк Арктида, в виде архипелага из четырёх огромных островов, отделённых друг от друга полноводными реками...

Многие учёные предполагают, что эта карта, попавшая в руки Меркатору от древних греков, была создана гиперборейцами, покинувшими свою родину после какой-то всемирной катастрофы, сведения о которой есть в календарях египтян, ассирийцев и народов майя... Одним из древнейших индоевропейских наименований Солнца было слово “Коло” — отсюда и “кольцо”, и “колесо”, и “колея”, и “колядки” — праздник славян в честь зимнего солнцестояния... От этого древнейшего корня возникло имя реки Колы и всего Кольского полуострова.

Историк древнего мира Плиний Старший так изображал страну Гиперборею и её народ в своей “Естественной истории”:

“За этими [Рипейскими] горами, по ту сторону Аквилона [Северный ветер — синоним Борея. — Ст. К.], счастливый народ, который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, светила там восходят только однажды в год. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ Богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. Нельзя сомневаться в существовании этого народа”.

Никакая рыночная экономика не вытравила из русско-советского человека Сергея Фёдорова его мечтательности, его любви к русскому поэтическому слову, к родной песне, к таинственным мифам древности.

Если бы кто-то взялся написать его служебную и человеческую характеристику по образцу из знаменитого советского сериала “Семнадцать мгновений весны”, то в последней графе, где речь идёт именно о характере, следовало бы написать вместо банального **“характер нордический”** — более точно и глубоко: **“характер гиперборейский...”**

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

д.э.н., директор Института проблем глобализации

ГОСУДАРСТВО, НАРОД И БИЗНЕС

Задача государства – балансирование интересов

Развитие общества определяется взаимодействием государства, бизнеса и населения, причем не только образы действия, но и краткосрочные интересы двух последних существенно различаются.

Бизнес стремится к эффективности – к концентрации благ у наиболее успешных субъектов экономики и политики. Это стремление оформляется идеологией свободной конкуренции и погони за эффективностью – либерализмом.

Население столь же органически стремится к справедливости – к более равномерному распределению благ. Его естественная идеология – социализм.

В области социально-экономических отношений никаких других идеологий в принципе нет: им просто неоткуда взяться так же, как на Земле неоткуда взяться Восточному или Западному полюсам.

Полюсов в общественном развитии есть только два: эффективность и справедливость. И, поскольку слишком последовательная реализация каждого из них доводит их до абсурда и порождает катастрофу, важнейшая функция государства заключается в гармонизации этих текущих интересов ради достижения долгосрочного успеха всего общества.

Решение обществом разных задач на разных этапах его развития требует разных пропорций между эффективностью и справедливостью, либерализмом и социализмом. Соответственно этому сменяются и стоящие у власти политические силы.

Как и все фундаментальные закономерности, общий принцип гармонизации интересов бизнеса и населения прост, хотя и выработан развитыми странами в жестоких социально-управленческих муках.

Во внешнем мире государство должно реализовывать интересы национального бизнеса как наиболее активного, творческого и агрессивного элемента общества, поддерживая и частично направляя его экспансию, рассматривая ее как ключевой инструмент развития национальной экономики и повышения благосостояния.

Внутри же своей страны, где нет основания для развертывания агрессивных, в том числе коммерческих, оно должно поддерживать население с его стремлением к справедливости и более равномерному распределению ресурсов, так как расколотое общество не может быть конкурентоспособным.

Классический пример ориентации на интересы бизнеса во внешней политике и населения во внутренней – стихийно сложившееся отношение государств к форме собственности на нефтяные компании.

При добыче на своей территории, когда основной задачей является справедливое распределение природных благ, добывающие компании, как правило, находятся в государственной собственности.

Добыча же на чужой территории требует экспансии – а значит, частных компаний. Здесь значимо и то, что частные иностранные компании допускают к освоению месторождений на своей территории легче государственных иностранных, так как в последнем случае угроза утраты суверенитета более очевидна.

Издержки этой модели для бизнеса окупаются эффективностью государства, способного обеспечить как выполнение “правил игры” внутри страны, так и внешнюю экспансию бизнеса, за счет чего он получит гарантированно больше, чем потеряет от внутренних ограничений. Пример подобного самоограничения крупного бизнеса на внутренней арене – его согласие на антимонопольное регулирование.

Поощрение государством внешней экспансии бизнеса в обмен на его согласие с приоритетностью интересов населения внутри страны – единственный способ гармонизации интересов бизнеса и населения, достижения общности интересов, спланируемых обществом.

К сожалению, подобное гармоничное развитие доступно лишь ограниченному числу стран. Ведь внешнюю экспансию, являющуюся условием внутренней гармонии общества, не могут вести разом все страны мира. Кто-то будет ее победоносным субъектом, а кто-то – неминуемо – не более чем объектом.

При этом страна, являющаяся объектом внешней экспансии (классическим примером этого остается и современная Россия), не только лишена возможности гармонизации интересов собственных бизнеса и населения, но и сталкивается с проблемами, порождаемыми воздействием извне.

Доступный для нее способ гармонизации интересов населения и бизнеса – объединение их усилий в противостоянии разрушительной внешней экспансии ради сохранения в стране большей доли производимых ресурсов и направления их на нужды собственного развития в ходе своего рода **“национально-освободительной” войны в экономике.**

Необходимость победы в этой “войне” не отменяет необходимости организации внешней экспансии национального бизнеса, которая остается самостоятельной задачей.

Для чего существует государство?

Государство – инструмент, созданный обществом для решения стоящих перед ним задач, которые оно не может решить само. Именно поэтому общество терпит государство с его неизбежно меньшей (по сравнению с бизнесом) эффективностью: необходимое лучше сделать плохо, чем не сделать вообще.

Неотъемлемые функции государства для обществ любого, сколь угодно высокого уровня развития:

установление норм и правил и обеспечение их соблюдения (поэтому как вид бизнеса возможна частная тюрьма, но не частный суд);

обеспечение безопасности общества в широком смысле – это отнюдь не только обороноспособность, но и поддержание устойчивости природной, технологической и социальной среды;

стратегическое планирование и реализация долгосрочных программ развития (именно поэтому говорят, что государство – мозг и руки общества);

критически значимая часть социальной помощи.

Помимо этих функций, в зависимости от уровня развития общества государство оказывает ему услуги, которые оно постепенно должно научиться оказывать себе само. Важнейшая из них – реализация долгосрочных и капиталоемких проектов, непосильных или непривлекательных для бизнеса (как правило, из-за значительности необходимых инвестиций и длительности или вообще неопределенности их окупаемости), в первую очередь в области развития инфраструктуры, особенно общенациональной, и создания новых технологий, включая фундаментальную науку.

Существенно, что наиболее эффективным способом создания новых технологий до сих пор являются, как это ни прискорбно, военные расходы: только первичный для живого существа страх смерти может побудить рыночные общества к столь вопиюще нерыночным действиям, как финансирование исследовательских программ с заведомо неопределенным результатом.

В 90-е годы ослабление международной напряженности привело к тому, что страх смерти стал эксплуатироваться для создания новых технологий в смягченной форме – через финансирование исследований в области здравоохранения. Насколько можно судить, они обладали качественно меньшей эффективностью, чем традиционные военные – вероятно, именно из-за смягченного характера страха смерти. И в конце 90-х годов военные расходы из-за возрастания международной напряженности вновь стали расти*.

Сфера влияния государства сужается по мере развития общества: последнее справляется со все большим числом функций.

Но для России более актуален противоположный аспект: чем слабее общество, тем шире поле деятельности государства. Последнее постоянно испытывает соблазн ослабить общество ради сохранения или даже расширения своего влияния. Успешная реализация этого соблазна подрывает эффективность общества и чревата его поражением во внешней конкуренции.

Общественно-политическая функция бизнеса заключается в том, чтобы не дать государству остановить развитие общества и окостенеть. Решение этой задачи включает в себя последовательное изъятие из ведения государства ряда функций, с которыми общество (хотя бы в части его бизнеса) уже может справляться само.

Великое противостояние

Вне критических общественно-политических ситуаций бизнес несравнимо активнее, сознательнее и организованнее населения. Поэтому для государства так важно выстраивать отношения именно с ним.

Однако их нельзя понять без учета третьей и главной вершины “общественного треугольника” – населения, этого великого и, при нормальной ситуации, безмолвствующего субъекта политической жизни. *Население становится народом, лишь когда неэффективность государства вынуждает его выходить на политическую сцену и возвращать себе ряд функций управления, ранее “по умолчанию” делегированных государству.*

Если власть перестает ощущать свою ответственность перед населением, она неминуемо теряет эффективность, и народу приходится поправлять ее, демонстрируя недовольство доступными ему методами – от высмеивания руководителей страны и неявки на выборы до массовых беспорядков и революции.

Утрачивая ответственность перед населением, государство теряет единственное оправдание своего существования, лишая себя и единственно возможной и необходимой ему точки опоры в отношениях с бизнесом. В результате оно либо подчиняется бизнесу, либо само подчиняет его себе.

Подчинение государства бизнесу, помимо дичайшего расцвета коррупции, превращает его в инструмент реализации коммерческих интересов, как это было в 90-е годы в России (и сохраняется сегодня в социально-экономической политике). В силу несовпадения интересов бизнеса и общества это лишает государство возможности выполнять свои функции и делает его существование неоправданным для оплачивающего его общества.

Подчинение же бизнеса государству душит творческий потенциал всего общества, разрушая его конкурентоспособность.

Лишь если государство опирается на население, оно может говорить с бизнесом с единственной конструктивной “позиции силы” – от имени всего остального общества, выполняя свою функцию стратегического планирования и определения норм и правил, необходимых для достижения определенных им целей.

После этого главной проблемой становится механизм определения национальных интересов. Наглядный пример – США, достигшие глобального лидерства за счет симбиоза государства и транснациональных корпораций. Как правило, они преследуют единые общенациональные цели. При решении коммерческих задач государство выступает в роли “младшего партнера”, а в остальных случаях в роли ведомого выступает бизнес.

Симбиоз корпораций и государства реализуется в постоянном персональном взаимодействии, в котором прославленные американские лоббисты играют весьма ограниченную роль.

* Подробней об этом см. М. Г. Делягин “Мировой кризис. Общая теория глобализации”. М., “Инфра-М”, 2003.

Ключ к американской системе – постоянная ротация высших управленцев между государством и бизнесом, при которой управленец может несколько раз с поста госслужащего (например, министра) уходить на пост топ-менеджера (например, вице-президента) крупной корпорации и наоборот. Эта система не просто обеспечивает единство интересов и взаимопонимание бизнеса и государства (что, конечно, усиливает требования к ограничению коррупции), но и погружает их в единое кадровое пространство. В результате **корпорации и государство участвуют в глобальной конкуренции не как обособленные союзники, но как единый организм.**

Однако главный механизм объединения государства и крупного бизнеса США – американское аналитическое сообщество. Оно выросло из антикризисных подразделений корпораций, вынужденных преодолевать кризисы на уровне сначала предприятий, затем отраслей, а с Великой Депрессии 1929–32 годов – и на общенациональном уровне.

Именно аналитическое сообщество соединяет корпорации и государство в единое целое.

Американский путь отличается от характерной для неразвитых стран “олигархии” тем, что сращивание государства и корпораций идет на уровне не только лоббистов, но в наиболее важной части – на уровне стратегических аналитиков, на базе не узкокорыстных интересов корпораций, а на основе инструмента совместной выработки и осознания стратегических интересов.

Вместо того, чтобы сначала порознь выработать различные системы корпоративных и государственных интересов, а затем мучительно приспособлять их друг к другу при помощи громоздкой политической машины, США при помощи аналитического сообщества изначально вырабатывают национальные интересы как единое целое, объединяющее интересы бизнеса и государства. Это смягчает противоречия и повышает осознанность развития, а с ним – и конкурентоспособность общества.

Перенос этого механизма на отечественную почву – условие конкурентоспособности нашей страны и вместе с тем важнейший инструмент ее модернизации.

Государственные корни российского крупного бизнеса

Отношения государства и бизнеса в России далеки не только от американского идеала, но и от менее успешных моделей.

Несколько слов о предыстории. Как только после смерти Сталина советских чиновников перестали расстреливать, они сложились в замкнутый социальный слой, – партхозноменклатуру. Попытка Хрущева вновь подчинить ее политическому руководству потерпела крах, и при Брежневе этот слой завершил эволюцию, осознав свои интересы: желание присваивать блага, которые он перераспределял.

Для его представителей производство и созидание в целом не были первоочередной целью и ценностью. Несмотря на глубокие производственные и организационные знания, они воспринимали процессы производства и его развития как нечто само собой разумеющееся, как некий природный процесс, происходящий помимо стратегического управления. Их политическая воля была направлена не на новую модернизацию страны, которая при Брежневе уже вполне созрела, но на личное потребление.

Эта воля была актуализирована крахом политики “ускорения социально-экономического развития”^{*} и ряда локальных попыток найти новые резервы, факторы и механизмы, поддерживающие развитие системы.

Необратимый шаг к катастрофе был сделан в 1987 году, с одновременным появлением кооперативов, развитием биржевого дела и отменой монополии внешней торговли. В результате с системой централизованного распределения внутри страны начала жестко и повсеместно конкурировать заведомо более эффективная не рыночная, но коррупционная система, перепродающая по свободным ценам продукцию, полученную по ценам фиксированным.

Кооперативы позволяли перекачивать на рынок со свободными ценами

^{*} Эта политика предусматривала, как это было по инерции объявлено на последнем съезде КПСС, не только обеспечение каждой советской семьи отдельной квартирой к 2000 году, но и двукратное увеличение к тому времени национального дохода – “удвоение ВВП” на современном политическом языке.

материальные ресурсы, централизованно выделяемые по низким государственным ценам. “Товарно-сырьевые” биржи обеспечивали формирование из этих ресурсов крупных товарных партий, а отмена монополии внешней торговли обеспечивала частный сбыт за рубежом с присвоением колоссальной разницы между внутренними и мировыми ценами.

Без отмены монополии внешней торговли эта система не развернулась бы из-за ограниченности спроса внутри страны. Ее отмена создала “черную дыру” в лице мирового рынка, всасывающего в себя все ресурсы и разрушающего приблизительную сбалансированность хозяйства. Вместо производительной по своей сути экономики возникла “экономика трубы”, направленная не на производство, а на вывоз ресурсов, причем, чем ниже была степень их обработки, тем выше была эффективность вывоза. *(Причина не только в сравнительной неэффективности советской экономики, но и в несовместимости советских и западных технологий, что позволяло последним потреблять лишь советское сырье, но не полуфабрикаты).*

Разбалансировка любой системы бьет по ее слабым местам, в СССР – по потребительскому сектору. Ему не хватало необходимых ресурсов, так как государство продолжало концентрировать их в ВПК.

В обществе стала стремительно расти социальная напряженность, которая многократно усугублялась из-за проблем и социально-психологических комплексов, связанных с уходом СССР из Восточной Европы и внутренним разложением.

Распространение материального стимулирования при сохранении системы централизованного распределения натуральных ресурсов как основы политической власти привело к переизбытку наличности и разрушению потребительского рынка.

Государство не сопротивлялось деструктивным тенденциям, так как обогащения жаждало большинство образующих его элементов. В итоге советская экономика рухнула, разорвав страну и похоронив под своими обломками обрушивший ее своей неконтролируемой жадностью класс присваивающих чиновников – партхозноменклатуры.

Возник вакуум власти. Наиболее массовыми и прибыльными видами бизнеса стали торговля и валютные операции. Социальная структура общества была размолота в пыль. Люди, которые в этих условиях держались “на гребне волны” и, зарабатывая деньги, успевали думать о будущем и имели возможность влиять на него, понимали: получение денег – это не результат, а процесс, и, в отличие от партхозноменклатуры, хотели их зарабатывать.

Для этого надо было владеть заводами, – в то время, несмотря на общую разруху, в целом еще функционировавшими.

Это желание было наиболее осозанным у директоров, которые и так управляли ими, однако так или иначе этого хотели все, заработавшие легкие деньги и понимавшие, что возможности мгновенного обогащения будут исчерпаны, – от комсомольских активистов, использовавших административно-политический ресурс ВЛКСМ для развития кооперативов, до удачливых фарцовщиков и бывших цеховиков.

Политики-“демократы”, взгромоздившиеся, как обезьяны на мачту, на вершину дрожащей и раскачивавшейся административно-управленческой пирамиды, отчаянно нуждались в поддержке бизнеса и бросились ему навстречу.

Главная цель ваучерной приватизации, как это было с торжеством признано потом, заключалась в передаче директорам (на следующем историческом витке заклеянных “красными”, но тогда еще являвшихся политическими союзниками прорвавшихся к власти демократов) в собственность управляемых ими заводов.

Ваучерная приватизация сыграла исключительную политическую роль. Начав формирование фондового рынка и слоя фондовых спекулянтов, создав возможность при помощи скупки акций устанавливать контроль за активами, она положила начало формированию широкой и щедрой социальной базы либеральных реформаторов.

Оказавшиеся к концу 1991 года у власти “демократы” пошли навстречу бизнесу не только в приватизации, но и во всех вопросах социально-экономической политики. Они были слабы, госаппарат частью разрушен, а частью враждебен, и они нуждались в любой поддержке – особенно со стороны тех,

кто мог дать деньги, нужные как для политической деятельности, так и для личного обогащения.

В результате любые сложные меры по развитию страны и поддержанию уровня жизни были непосильны реформаторам и, сдерживая спекуляции, грозили поссорить их с их единственной социальной опорой. Да и сама направленность мер по развитию перекликалась с практикой только что уничтоженной Советской власти и потому была для реформаторов идеологически неприемлемой.

Это обусловило проведение идеологизированной, жестокой и неадекватной социально-экономической политики, вызвавшей разрушительный политический кризис. Именно он в итоге и покончил с демократией в России как системой, при которой государство стремится учитывать настроения и интересы населения, а последнее способно принудить его к этому.

Сегодняшняя российская государственность сложилась в ходе расстрела Белого дома в октябре 1993 года, когда силовые структуры подчинились президенту, повязав себя кровью.

В силу изложенного **российское государство сложилось без народа и помимо народа** – и осталось с бизнесом один на один, что объективно обрекло его не только на неэффективность, но и на контрпродуктивность.

Раздача льгот, начавшаяся еще в 1991 году (когда российские власти переманивали в свою юрисдикцию заводы установлением налогов ниже общесоюзных, разрушая тем самым финансовую базу противостоящих им союзных властей, а заодно и всего СССР), достигла максимума в 1993–1995 годах: государство пыталось превратить бизнес в устойчивую политическую опору.

Но уже перед парламентскими выборами 1995 года стало ясно, что поддержка спекулянтов и бандитов не просто дорога, но и ненадежна.

Реформаторам надо было создать крупный бизнес (которого тогда почти не было), обладающий политической, финансовой и организационной мощью, достаточной для противодействия народу, и привязать этот бизнес к себе, что требовало постоянства его финансовых потоков, их подконтрольности и относительной защищенности.

Решение этой задачи было предложено самими бизнесменами и заключалось в проведении залоговых аукционов, **даром** предоставлявших бизнесу в собственность крупнейшие и наиболее прибыльные госпредприятия, обеспечивавшие ему огромные прибыли и играющие большую социальную роль.

Так как сроки возврата залога государством истекали после президентских выборов, при смене власти собственность могла быть изъята у новых хозяев почти без затрат. Откровенно грабительский характер залоговых аукционов и массовое нарушение условий их проведения, делавшее сделку нелегитимной, обеспечивали лояльность новых собственников реформаторам.

Выбор самих этих собственников также был просчитан: крупнейшие банкиры обладали наибольшими финансовыми ресурсами и доказали свою минимальную управленческую эффективность.

Расчеты государства оправдались: крупные банкиры, победившие в залоговых аукционах, стали верной политической опорой реформаторов и выиграли выборы 1996 года – за это государству пришлось расплатиться с ними еще раз. После выборов главным бизнесом стало разворовывание бюджета с использованием госбумаг, взаимозачетов и кредитования расходов бюджета.

Результат этой вакханалии был закономерен – разрушительный дефолт и девальвация, не только финансовый, но и идеологический кризис. Перед страной второй раз за 90-е годы встал призрак хозяйственного коллапса.

Напуганное коррумпированное руководство передало оперативное управление группе старых советских управленцев, наспех разбавленное относительно молодыми бизнесменами, – правительству Примакова. Ответственность этого правительства и осознание угрозы катастрофы позволили ему достичь успеха.

Отменив наиболее разрушительные реформаторские меры, направленные на благополучие крупного бизнеса за счет остальной экономики, заморозив тарифы естественных монополий (простой просьбой об обеспечении их финансовой прозрачности), правительство Примакова–Маслюкова быстро стабилизировало ситуацию и начало восстановление экономики.

В конце апреля 1999 года оно победоносно завершило переговоры с МВФ, вырвав у того исключительно значимое тогда разрешение на широко-масштабное государственное стимулирование инвестиций, позволявшее начать модернизацию.

Но тем самым оно подписало себе приговор, ибо до того одна из важнейших функций президента заключалась в защите правительства либо от народа, либо от Запада. Получив поддержку и России, и МВФ, Примаков помимо своей воли сделал президента Ельцина стратегически ненужным и потому был сразу же отправлен в отставку.

Но дело было сделано: по преодолении негативных последствий девальвации “заработали” ее позитивные последствия – рост экспорта и импортозамещение. На этой волне поднялся новый бизнес, уже не спекулятивный, но производственный, даже если во главе этого бизнеса стояли прежние олигархи.

Опираясь на восстановление экономики, государство вышло из-под полного подчинения крупному бизнесу, не попав при этом под контроль региональных элит. Главным инструментом этого освобождения стала прямая апелляция к народу в ходе второй чеченской войны, впервые за более чем десятилетие пробудившая массовые патриотизм и гордость за свою страну.

В результате коммерческие олигархи эпохи Ельцина наконец перестали определять государственную политику в целом (а кто не смирился с этим, был демонстративно лишен бизнеса и изгнан из страны), сохранив контроль за ней лишь в форме участия в определении экономической “повестки дня”.

Силовая олигархия: новый правящий класс

Рассмотрим теперь те же самые общественные процессы с точки зрения иной общественной группы, вызревшей в обществе на положении обслуги коммерческой олигархии и сумевшей подмять ее под себя.

Ведь силовая олигархия эпохи Путина, сменившая коммерческую олигархию времен Ельцина, – “бригада”, пришедшая на смену “семье” и частью поглотившая, а частью вытеснившая ее из власти, – вызрела в недрах ельцинской системы.

Отрицая практику 90-х годов по форме и на уровне пропаганды, и силовые олигархи, и сам путинский режим явились вполне гармоничным продолжением ельцинизма – его реинкарнацией в новых, более благоприятных условиях.

Генезис силовой олигархии прост.

В 90-е годы бизнесмены нуждались в силовом обеспечении своих операций – от личной защиты до нападений на конкурентов. Наиболее значимые капиталы создавались без применения силы, за счет захвата госсобственности или перераспределения финансовых потоков государства, но чудовищная преступность и отсутствие действующих законов создавали потребность в собственных силовых подразделениях.

Бизнесмены соревновались друг с другом в переманивании отставников и действующих сотрудников силовых структур, но со временем стало ясно: основная ценность их представителей заключается в самой их принадлежности к указанным структурам. Переход в коммерческие организации резко сокращал их возможности, так как они теряли способность использования государственных полномочий, в первую очередь – монополии на насилие (в том числе произвольное).

Поэтому бизнес усилил работу с теми, кто не ушёл со службы. Первой задачей, решенной ими в масштабах страны, стала “зачистка” “дикой” оргпреступности, не связанной с группировками коммерческой олигархии и представлявшей для нее опасность.

Одержавшие эту победу сотрудники силовых структур, воодушевленные и повысившие свой материальный уровень и служебный статус, начали осознавать и реализовывать свои собственные групповые интересы, отличные от интересов коммерческой олигархии.

Это породило “поход чекистов к собственности” – установление контроля над предприятиями, тогда еще в основном среднего бизнеса, в интересах самих сотрудников спецслужб, а не в интересах бизнесменов. Это изменение носит качественный характер, так как группировки, сложившиеся в рамках силовых структур, именно на этом этапе начали создавать себе свою собственную финансово-экономическую базу, не зависящую от превратностей судьбы и чужой милости. Они сделали ключевой шаг не к коммерческой, но к политической самостоятельности.

По данным исследований, проведенных специально для определения даты этого шага, в массовом порядке он был сделан в середине 1998 года.

Поразительное совпадение с моментом назначения будущего президента Путина директором ФСБ (июль 1998 года) нельзя трактовать вульгарно. Такой подход представляется неверным не только в силу своего циничного упрощенчества, но и потому, что он не соответствует фактам. Так, контроль за бизнесом в своих интересах примерно в середине 1998 года начали, как можно понять, устанавливая представители далеко не только ФСБ, но и других силовых структур, которыми будущий президент даже и не пытался руководить. То, что в этих структурах при резком и наглядном изменении характера их деятельности не происходило смены руководства, подчеркивает глубинный, естественный характер описываемой трансформации.

Приход Путина в ФСБ сопровождался, как можно судить, ее жесткой перетряской. Дефолт отвлек внимание общества от этого, однако ясно: усилия нового директора были направлены на реструктуризацию службы. Вопросы же взаимодействия тех или иных внутренних группировок с бизнесом если и рассматривались им, то оставались в лучшем случае на периферии его сознания.

Таким образом, Путин вряд ли был дирижером пробуждения “силового самосознания” и перехода силовиков с позиций obsługi коммерческой олигархии на позиции субъекта политики, обладающего собственными не только административными, но и финансовыми ресурсами. Как это видится сейчас, Путин в силу момента назначения и особенностей личности стал, по-видимому, не только наиболее высокопоставленным, но и наиболее адаптивным и быстро развивающимся выразителем этой тенденции.

Не он ее создал, но, вероятно, он ее “оседлал” и возглавил.

Это произошло вовремя: дефолт кардинально изменил характер формирования крупных капиталов.

С одной стороны, воровать у государства в привычных масштабах было уже нечего, с другой — девальвация и ряд шагов правительства Примакова–Маслюкова создали условия для восстановления производств. Впервые за все время реформ вновь стало выгодно производить.

Главным способом зарабатывания больших денег стало уже не ограбление государства и функционирующих предприятий, но установление контроля за перспективными предприятиями с расширением их производства. Крупный бизнес рванулся в регионы.

Понятно, что о законности действий в условиях схватки всех со всеми за привлекательные активы думали мало, но юридическое оформление приобретенных было, в отличие от прошлого этапа, важной задачей. Ведь производство, в отличие от спекуляций, долгосрочно и потому требует хотя бы формальной юридической защищенности. Поэтому роль государства на новом, производительном этапе существенно повысилась: захват собственности должен был быть признан и одобрен им.

Новая форма ведения бизнеса повысила роль силовых структур. “Войны за собственность” шли прежде всего с использованием государственных инструментов, включая возбуждение уголовных дел. Это превращало силовые структуры в ключевого участника процесса, без которого он просто не мог идти.

Представители сформировавшихся в их рамках групп, осознавших свои корпоративные и групповые интересы, стали задумываться о конвертации возросших возможностей во власть, остающейся основным источником и единственной гарантией собственности.

Путин был выдвинут в президенты не представителями этих групп: они были еще слабы и раздроблены. Но он вновь стал выразителем этого процесса и, нуждаясь в социальной и административной базе для освобождения от контроля коммерческой олигархии, возглавил и катализировал формирование силовой олигархии и рост ее группового самосознания.

В итоге, сконцентрировав политическую власть, **силовые** олигархи быстро взяли под контроль **коммерческую** олигархию эпохи Ельцина. Зафиксировало “новый порядок” дело “ЮКОСа”, показавшее, что неподчинение аппетитам силовой олигархии (не говоря уже о попытках ограничить ее коррумпированность и участвовать в политике без ее санкции) будет караться беспощадно.

После углубления контроля силовой олигархии за ключевой частью экономики начался и практически постоянно идет новый передел, связанный с борьбой внутри нее самой. Ведь коррупционные аппетиты могут только расти, а возможности субъектов экономики удовлетворять их ограничены, а то и сокращаются (из-за деградации хозяйства, подавляемого коррупционным давлением).

Перед рассмотрением отличий силовых и коммерческих олигархов надо зафиксировать их общность: и те и другие являются бизнесменами, использующими контроль за государством для получения критически значимой части прибыли.

Коммерческие олигархи контролировали госаппарат “снаружи”, ориентируясь на гражданские ведомства (управлявшие наиболее значимыми для этих олигархов ресурсами государства – имуществом и деньгами). Силовые же олигархи контролируют государство в основном “изнутри”, занимая те или иные государственные посты. Они нацелены не на гражданские, а на силовые ведомства, распоряжающиеся наиболее важным для этого сорта олигархов ресурсом – правом применения насилия от имени государства.

При этом силовые олигархи остаются олигархами, то есть действуют в интересах не общественного блага, пусть даже понимаемого превратно, но собственного, как материального, так и символического потребления.

Для них характерен высокий уровень насилия в сочетании с низким порогом его мотивации. Страх, порождаемый силовой олигархией в силу ее образа действия, разрушает общество, экономику и саму государственность не меньше, чем махинации олигархии коммерческой.

Неизбежность системного кризиса

При всей мерзости отечественных коммерческих олигархов беда России не в бизнесе, а в разложившемся государстве. Ведь предпринимателя делает олигархом именно слабое и не ответственное перед народом государство, которое навязчиво продается этому предпринимателю и тем самым развращает его.

Демократия как инструмент принуждения государства к ответственности перед обществом в России искоренена. В принципе это было бы поправимо, если бы правящая элита сознавала свою ответственность перед обществом. Трагедия России в том, что ее элита сформировалась в ходе осознанного разворовывания и разрушения собственной страны. Поэтому ответственность перед обществом просто в силу истории этого социального слоя недоступна ему.

Только политическая модернизация и оздоровление российской элиты может открыть дорогу модернизации России.

Такое оздоровление может быть вызвано только глубоким, системным экономическим кризисом. Строго говоря, он неизбежен. Даже без удешевления нефти, в силу обострения структурных проблем и износа инфраструктуры кризис, сопровождаемый девальвацией, разразится все равно.

Время до него дано нам для обучения и организации. Мы должны извлечь урок из сопоставления диссидентов СССР и Восточной Европы. Те четверть века, что советские диссиденты провели на кухнях, ругая коммунистов, их восточноевропейские собратья на точно таких же кухнях выясняли, что они будут делать, когда власть перейдет в их руки.

В результате крах социализма застал советских диссидентов врасплох до такой степени, что они даже не смогли взять власть, суетливо уступив ее разнокалиберной толпе реформаторских жуликов, – а восточноевропейские смогли проводить относительно осмысленную и целенаправленную политику.

Ключ к выработке этой политики и подготовке к этому кризису – понимание того, что системный кризис не подарок, а страшное лекарство, применения которого можно и не пережить. Чем дальше он будет отодвигаться во времени, чем глубже будет разложение российского общества, тем выше вероятность того, что системный кризис будет напоминать не 1998-й, но 1991 год.

В издательстве "Вече" вышла в свет книга давнего автора журнала "Наш современник" В. Д. Попова "Россия: испытание Смутой".

Книгу можно приобрести в редакции.

Справки по тел.: 8 (495) 621-48-71.

ЛЕОНИД ИВАШОВ

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ ПОД УГРОЗОЙ

Беседа с писателем Игорем Шумейко

Игорь ШУМЕЙКО: Леонид Григорьевич, охарактеризуйте нынешнее состояние нашей армии, её готовность защитить Россию.

Леонид ИВАШОВ: Говорить о состоянии армии всегда сложно, потому что официоз почти любого государства подает армию как боеготовую, готовую защитить свою страну. И с другой стороны – в любой армии есть свои недостатки, а критерий оценки её всегда: готовность вести борьбу с реальным противником. И говоря о сегодняшнем дне, нужно заметить, что родное Министерство обороны ведёт не совсем правильную политику. Не видя реального противника, они подгоняют тот наличный военный потенциал, что сохранился ещё на сегодня, под противника виртуального. Сегодня наша армия не может противостоять НАТО, не может противостоять военному давлению или нашествию США, не может противостоять Китаю. Может быть, поэтому в качестве главного противника армии был выдвинут “международный терроризм”. Это вызвало такое недоумение у командующих округами, флотами, когда некий полувиртуальный Усама Бен Ладен выставляется нам в качестве главного врага: ну как могут эскадра, флот, мотострелковые дивизии ловить

ШУМЕЙКО Игорь Николаевич, известный журналист, историк, автор интеллектуального бестселлера “Вторая мировая. Перегрузка” (три издания в 2007–2009 гг.), “Голицыны и вся Россия” (2008), “10 мифов об Украине” (2009).

ИВАШОВ Леонид Григорьевич родился 31 августа 1943 года в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1992–1996 гг. — секретарь Совета министров обороны государств-участников СНГ, в 1996–2001 гг. — начальник Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации. Генерал-полковник. Президент Академии геополитических проблем. Доктор исторических наук, профессор. Специалист в области геополитики, конфликтологии, международных отношений, военной истории. Автор монографий “Маршал Язов (роковой август 91-го)”, “Россия и мир в новом тысячелетии. Геополитические проблемы”, “Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России”, “Хоронить не спешите Россию”. Автор поэтических сборников “Лира в погонах”, “И тем я горд, что русский генерал”. Член Союза писателей России.

этих “международных террористов”? Всё же борьба с терроризмом — это второстепенная, если не третьестепенная задача для регулярных вооружённых сил. Так что, с одной стороны, размыт образ реального противника, а НАТО выводится в ранг некоего нашего партнёра.

Вспомним, Гитлер пошёл на Восток с 4500 танками, и мы видели, какая это грозная была сила. Сегодня НАТО имеет 26 000 современных танков, не считая ещё БМП. Встаёт вопрос: куда эта бронированная машина может двинуться? На запад? На юг? На север? Остаётся только одно направление её задействования — восток. То же самое по авиации, артиллерии — вся эта машина канализируется только на восток. В Ираке, Афганистане задействуются лишь небольшие силы альянса. И, в общем, видя эту объективную реальность, мы должны признать, что к противостоянию возможной агрессии на западном стратегическом направлении мы не готовы. На южном стратегическом направлении даже Турция с силами усиления США нас превосходит.

По технической готовности нашей армии: прилагается много пропагандистских усилий, показываются новые истребители, средства ПВО, корабли и прочее, создавая иллюзию, что есть чем защищать страну. Но у нас в Академии большие сомнения на этот счёт. Мы знаем темпы вывода из строя боевой техники бывшего СССР. Нормальный срок функционирования систем вооружений в пределах 20 лет. А сейчас в армии техника на 80% — ещё советского периода. Она должна выводиться, заменяться современными системами, а наш оборонный комплекс к этой работе не готов. Выводим сотни, а замещаем единицы. Армия в техническом отношении деградирует. И причина не только в недостатке финансовых средств, как раз сегодня они увеличиваются на оборонный заказ. Однако наша промышленность не справляется с этим, даже профинансированным заказом. 90-е годы — это было “мамаево побоище” в связи с приватизацией, перепрофилированием, ликвидацией союзной кооперации оборонного комплекса. И серийного производства мы сегодня освоить не можем. По ракетам — это одно по сути головное предприятие, способное выпускать в пределах 10 ракет в год. Чуть лучше по танкам, авиации. Но сказать, что “выплывем” в ближайшие 5–10 лет — сложно.

Ещё и потому, что оборонный комплекс — это сложнейшая система, и создавалась она как система. На самом низовом уровне это были кружки юных техников, юных космонавтов, секции ДОСААФ. Через всё это формировалось оборонное сознание до самых верхов власти, приоритет обороны страны являлся незыблемым. Сегодня в оборонном комплексе самая критическая точка — это кадры, средний возраст которых — 64 года. И уход из жизни наших великих конструкторов приводит к непоправимому ущербу, потому что заменить их некем. Очень слабо в конструкторские коллективы идёт молодёжь. Наши Великие — Королёв, Макеев, Непобедимый, Челомей — они жили Идеей создать чудо-оружие, прорваться в Космос, защитить Родину, а о материальном практически не думали. Государство обеспечивало им достаток на каком-то фиксированном, не слишком высоком по нынешним меркам уровне, но главное в их жизни было — духовный, творческий Порыв, служение Отечеству, общественное признание их заслуг. Сегодня приходящие в оборонку ребята спрашивают: “А сколько будут платить?” — а платят ведущему специалисту в КБ оборонном меньше, чем водителю троллейбуса. А второй момент “непрестижности” в том, что почти два десятилетия дискредитировали всё советское, и в том числе великих наших конструкторов подавали как неких милитаристов, стремящихся ко всеобщему уничтожению. Критическая точка, точка бифуркации — это конструкторские кадры. И сегодня, если всерьёз задумываться о возрождении, начинать надо... с кружков юных техников.

И. Ш.: *Маршал Жуков считал “мужество наших солдат” — главной, итоговой причиной Победы. Каков нравственный потенциал сегодняшней армии?*

Л. И.: Нравственный потенциал — ещё одна критическая точка. Состояние Его Величества Офицерского корпуса и всего личного состава. Потеряна высокая, пафосный смысл защиты Отечества. Некоторые партии — как, например, Демократическая партия — вообще включили в предвыборную программу положение, по которому в армию идут только те, кто не может откупиться. А кто может — пусть вносит финансовый взнос, чтобы не служить. Армия к тому же не понимает, что защищать? Миллиарды Абрамовича? Понятно, что не хочет она этого делать. Сегодня и офицерский корпус, и контрактники, и срочники, как правило, выходцы из беднейших семей. Они видят разорён-

ные деревни, разрушенные предприятия, сплошную коррупцию и несправедливость. И понимают, что это не стоит защищать.

И. Ш.: *Пройдена ли нижняя точка нашей политической траектории? Что сейчас являет собой “политическая воля страны”?*

Л. И.: В России происходят очень интересные процессы. Кардинально ситуация не улучшается, но всё подведено к такому положению, что получить объективную информацию практически невозможно. Если раньше были хорошие ли, плохие оппозиционные каналы, то сегодня вся информационная сеть подчинена только восхвалению партии власти, администрации Президента, самого Президента. Исчезла как жанр политическая дискуссия. Она заменена политическими шоу типа “К барьеру”. И поэтому наши люди сегодня воспринимают искажённую реальность. По военной линии – трансляции успешных испытаний, пусков, некоторые из которых являются на 100 процентов ложью, но картинка есть. Те же “национальные проекты” – я их сравниваю с нашими “ленинскими комнатами”, “красными уголками”. Показуха, пиар, а не спокойное системное наступление для улучшения жизни.

И. Ш.: *А видны ли в обществе здоровые, организующие силы?*

Л. И.: Сегодня у нас полная неуправляемость многих процессов и полная безответственность. Создана система не только коррупции, но и система тотального неисполнения законов, распоряжений, инструкций. Закон есть, но он или не исполняется, или исполняется наоборот, всё зависит от суммы взяток. И это просто опасная ситуация. Теперь что касается политического поля. За годы президентства Путина создана система управляемого политического хаоса. Именно управляемого. Политические партии никоим образом не влияют на ситуацию в стране. Искусственно созданная партия бюрократов и лоббистов “Единая Россия” не выполняет свою роль правящей партии. Во время различных политических дискуссий я задаю им элементарный вопрос: – Вот вы приняли 4500 законов, кто-то от вас их контролирует, комментирует? – Нет. – Вы несёте ответственность за тот же закон о монетизации льгот? – Нет. – Правительство несёт? – Должно нести... но не несёт.

Как в коррупции, где у нас всегда почему-то виноват рядовой гаишник, так и здесь за неисполнение законов ответственен бухгалтер какого-то районного масштаба. Безответственность сплошная. Политические партии не выставляют свои программы развития страны. Единороссы говорят: “У нас план Путина”. Но хотелось бы знать этот план, по крайней мере, на десять лет вперёд, в чём его суть? Что за модель – общества, экономики? Я, выступая на одном соборном мероприятии, спросил единороссов: “А если сегодня “Единую Россию” распустишь, что-нибудь изменится?” Народ почувствует только, что стало меньше пиара. Другие партии специально создаются, закрываются, объединяются с тем, чтобы этот политический хаос регулировать. На патриотическом поле, чтобы не допустить создания мощного движения, поощрено создание нескольких партий для раздробления электората. Плюс ещё различные партии-обманки, отвлекающие людей от серьёзных раздумий. Поле сегментировано, и серьёзная политическая партия, способная повлиять на изменения в лучшую сторону, нет.

Сегодня оппоненты России провели большую работу, чтобы разобрать и сам русский народ – на частички, на население регионов, на электораты, на членов многочисленных партий. Мы видим, что предпринимаются гигантские усилия, чтобы подавить русское национальное самосознание. Только в России национализм является словом, которое тут же привлекает внимание правоохранительных органов. Но классика геополитики, политологии говорит, что без национализма нельзя вести речь о народе. Это фундамент любого народа, любой нации и в моно-, и в многонациональном государстве!

Перестанут французы быть французами и отвечать за Францию – страны, со всеми её нацменьшинствами, не будет. Это же касается Германии, Англии. И в США понимают роль англосаксов. Только в России русский народ приравняли ко всем остальным и не только в правах, но и в ответственности, то есть – в безответственности.

Права народов подменили правами человека, и в результате ни народы не имеют права, ни отдельные “человеки” не имеют достойных прав. А права эти распределены по социальным группам в пропорциях, зависящих от наличия у этих социальных групп денежных средств. Это касается и службы в армии, и судебного производства, и всего прочего...

Сегодня партии могут родиться только снизу, только под влиянием национальных движений и социальных групп, путём формирования национальной элиты и создания их политического инструмента. Иначе будем иметь такое правительство, как сегодня, которое ни русским, ни российским назвать нельзя, какой критерий к нему ни применяй: ни по духу, ни по проводимой им политике.

В рамках глобального разделения труда нам не дадут (и это ощущают и в Кремле, и в любой избе) развиваться так, как мы хотим. Нам отводят узкую нишу: качайте нефть и газ, подавайте свежий воздух, поставьте нам красивых девушек и дешёвую интеллектуальную рабочую силу, ну и хороните отходы грязных и опасных производств. И наше правительство шаг за шагом идёт в этом направлении. Взять то же вступление в ВТО. Я не встречал ни одного губернатора, ни одного бизнесмена, ни одного здорового человека, который бы не то что ратовал, но и просто соглашался с этим. Сейчас нам лезть в ВТО – значит загубить и машиностроение, и науку, и сельское хозяйство, да тот же средний и малый бизнес. Но правительство нас туда затянуло.

И. Ш.: *Поговорим о геополитической ситуации. Как вы оцениваете перспективы пресловутой американской ПРО в Европе и наши попытки не допустить её развёртывания?*

Л. И.: В условиях развития глобальной ПРО США, наращивания неядерных систем высокоточного вооружения, типа СКР “Томахок”, сохранения в США значительного “возвратного ядерного потенциала” (в количестве до 6000 боеголовок), сохранения ядерного потенциала Великобритании и Франции, наращивания современных ракетно-ядерных средств Китая, – **Россия практически полностью утрачивает способность к ядерному сдерживанию своих геополитических соперников**, прежде всего США, что безусловно послужит немалым искусом для них, чтобы попытаться решить свои геополитические и экономические проблемы с опорой на ядерный шантаж, и угрозой применения (или применением) значительно превосходящих обычных средств концепции “Быстрого глобального удара”. Не так давно мозговой трест “РЭНД” по заказу военно-воздушных сил США подготовил исследование по России **“Трудный партнер”**, в котором четко говорится: *“Если российская реформа вооруженных сил пройдет успешно, ВС России будут меньшего масштаба, но с повышенными возможностями и средствами; их архитектура будет предназначена для малых локальных войн, а не крупномасштабных военных конфликтов”*. То есть для обороны от агрессора типа Грузии, и не более того. Что касается *“повышенных средств и возможностей”*, то опять же, без индустриальной основы страны не может существовать и развиваться оборонно-промышленный комплекс. И эта аксиома известна любому начинающему инженеру – как и невозможность при разгромленной промышленности безопасно эксплуатировать и обслуживать ранее созданный технопарк страны...

И. Ш.: *Леонид Григорьевич, вы разобрали военные аспекты складывающейся ситуации. Что вы скажете о морально-политических следствиях?*

Л. И.: И распад СССР, и все беды нынешней России связаны с ошибочным выбором геополитической идеи (встраивание в западное сообщество), разрушением веками создаваемой цивилизационной основы (православно-славянская и русско-евразийская цивилизационные матрицы), и никакими частными преобразованиями без кардинального изменения этого строя и стратегического курса они устранены не будут. Нынешние строй и курс способны лишь “творить”, по выражению выдающегося русского академика Б. Е. Чертока, рублевские заповедники. Точнее – зоопарки.

Россия в XXI столетии оказалась в крайне опасной геополитической ситуации. Новый век, как и предрекал еще в XIX столетии наш выдающийся соотечественник Н. Я. Данилевский, будет не эрой этносов и государств, как прежде, но эпохой мировых цивилизаций (культурно-исторических типов по Данилевскому).

И сегодня отчетливо прочитываются следующие тенденции:

– западная цивилизация все более утрачивает цивилизационные качества, все более управляется фарисейско-финансовой олигархией, теряет свои позиции на планете. В ее недрах проявляются признаки, несвойственные даже животному миру;

– либерально-рыночная модель западного типа развития дискредитировала себя, поскольку противоречит смыслу человеческого бытия, законам природы, выживанию населения планеты;

– судьбу человечества в XXI веке будет определять восточные цивилизации и, прежде всего, Китай, Индия, а затем и исламский мир. Как более ду-

ховно-нравственные, коллективистские и сохранившие жизненную энергию. Но им жестко будут противостоять мировая финансовая олигархия, остатки англо-саксонской элиты;

России необходимо избрать свое место в системе нового миропорядка, определить свою роль в мировом оркестре цивилизаций, воссоздать собственную цивилизационную матрицу. Поэтому срочно требуется разработка и утверждение геополитической доктрины России.

Изменяется в новом столетии характер и масштабы геополитического противоборства. Оно будет носить межцивилизационный характер. Главными объектами этой борьбы уже становятся ключевые районы мира (как правило, перекрестки цивилизаций: Балканы, Ближний Восток, Кавказ, Юго-Восточная Азия и др.), стратегические коммуникации, глобальные ресурсы. Процессы этого противоборства моделируются сегодня в Афганистане. Основным театром геополитической борьбы на новом этапе становится духовно-цивилизационная сфера.

В силу изложенного, необходимо быстро переосмыслить состояние защищенности Российского государства и общества и принять новую стратегию национальной безопасности. Переосмыслить – означает понять простую мысль, что в основе безопасности наций лежат три фактора:

1) способность нации сохранить свою сущность и, конечно, численность, через сбережение наследия предков, истории, традиций, культуры, языка, духовно-нравственной системы ценностей;

2) способность нации воспроизводить в новых исторических условиях национальные признаки, достоинства и особенности (прежде всего, духовно-нравственные), а не просто сохранять и воспроизводить физическую численность;

3) сохранение потенциала национального развития, т. е. развития заложенных веками и тысячелетиями национально-цивилизационных признаков, качеств, особенностей, с учетом развития других народов и цивилизаций, изменившихся исторических условий.

Таким образом, решая проблемы национальной безопасности, важно не просто сохранить территорию и численность населения, но прежде качество людей, их святое право быть и развиваться именно русскими, татарами, чукчами, аварцами, а не общечеловеками, биороботами.

И. Ш.: *Так где же место России в новом мировом порядке?*

Л. И.: Как ни печально, но при сохранении сущности нынешней власти и продолжении проводимого ею курса, будущее у России не прочитывается. Она, в лучшем случае, сохранится как второразрядная региональная держава, находящаяся под влиянием мировых центров силы. Законы гравитации действуют и в геополитике.

Сегодня геополитический статус России как мировой державы первой тройки (США, Китай, Россия) поддерживается: инерцией правопреемства мощи Советского Союза, ракетно-ядерным потенциалом, масштабностью территории и наличием запасов природных ресурсов мирового значения. По количеству населения мы уже не великие, нас обошла Индонезия, догоняет Япония и даже Вьетнам, по качеству человеческого потенциала (критерий ООН) за годы “жирной” десятилетки мы скатились на 73-е место. Доля России в мировом ВВП к 2015 году составит менее 3 процентов (КНР – 18 процентов), а это уже не мировая держава.

Страна не имеет никакой цели, не то что развития, но существования, никто в стране не знает, какую модель государства и общества мы пытаемся построить, какой тип экономики, кроме сырьевой, планируем создавать. В мировом сообществе устойчивым становится мнение о России как о стремительно деградирующей и вымирающей стране. По продолжительности жизни, особенно мужчин, мы занимаем одно из последних мест и одно из первых по уровню насилия против своих граждан, числу больных людей, наркоманов, по размаху коррупции, неисполнению законодательных и управленческих решений. Более четверти населения – за чертой бедности. Страна находится в продовольственной и технологической зависимости от других государств и ТНК. Оборонно-промышленный комплекс перестал существовать как единая системная структура, способная удовлетворять потребности единственных союзников России – армии и флота. Да и вооруженные силы страны перестают быть организацией государства, отвечающей требованиям обеспечения его военной безопасности. Остатки армии после завершения сердюковско-путинских реформ будут способны лишь на очаговые действия по защите отдельных объектов, но не страны в целом.

Нынешняя Россия оказалась вне мировых цивилизаций, успешно разрушив свою цивилизационную основу: православно-славянское и евразийское лидерство. В славянском мире у нас много врагов, но нет друзей и союзников. В отношениях с Украиной российская власть участвует в сценарии, ведущем к вооруженному конфликту. Беларусь, не видя в российской реальности примера для подражания и ощущая постоянную нацеленность Москвы на приватизацию белорусской экономики, ищет партнеров и союзников вне России. Украина и Беларусь, как, к стати, и другие государства СНГ, при всех их недостатках, строят национальные государства с ведущей ответственностью титульного этноса. В России нынешней русский этнос затравлен и унижен, а русский национализм не только под запретом, но и уголовно преследуется. Так о каком братстве с украинцами и белорусами мы говорим? Такая же ситуация и на славянских Балканах. Друзей и потенциальных союзников в арабском мире мы разменяли на особые отношения с Израилем. Индию как стратегически важного союзника оттолкнули отказом сотрудничать в сфере высоких технологий и надувательством в поставках военной продукции. Вообще, современная официальная Россия исключила из практики международных отношений цивилизационный (этно-культурный и духовный) аспект, в то время как именно цивилизации, а не этносы и государства, выходя на первые позиции в мировой иерархии субъектов. Что, собственно, и предвещал еще в XIX столетии Н. Я. Данилевский.

Содружество независимых государств не состоялось как единое духовно-культурное (цивилизационное) пространство, наоборот, остатки его разрушаются с каждым днем. СНГ сегодня – это бизнес-клуб президентов, где главным мероприятием стали скачки на приз Президента России. Ни одно из государств Содружества не поддержало решение российского руководства о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Это говорит о том, что новые независимые государства не связывают свое будущее с Россией, не видят будущего у самой России.

Под прессингом Запада и собственных либералов уничтожается еще один важнейший элемент нашего геополитического потенциала – культурно-исторический. Наша история и так искусственно разорвана: православие не признает языческий период духовно-культурного становления Руси, негативно оценивает деятельность Петра I, коммунисты и социал-демократы не воспринимают монархию, либералы вообще отрицают все русское и советское и призывают стать на колени и каяться перед поляками, венграми, румынами, перед всем Западом. Сейчас развернуто масштабное наступление на смысл и глобальное значение Победы русского и других коренных народов СССР в Великой Отечественной войне. Думаю, если бы у американцев была столь славная и драматичная, как у нас, история, каждый житель планеты кланялся бы при встрече с янки: они бы заставили себя уважать и выжали из исторического потенциала максимум возможного.

Итак, можно констатировать, что геополитическая безопасность России под угрозой: мы теряем свою геополитическую сущность как одна из мировых цивилизаций, как субъект мировых процессов XXI века.

Остается только надеяться на Бога и на русское чудо. Но непременным условием русского чуда является коренное изменение сущности власти. И, прежде всего, власть, вместе с величайшей ответственностью за судьбу страны и всех населяющих ее народов, должна быть русской по своей сущности, а не по фамилиям и лозунгам.

Во-вторых, подлинная, настоящая элита России обязана вооружить общество и государство сакральной национальной идеологией, предложить модель внешнеполитического позиционирования и внутреннего развития именно как самобытной цивилизационной матрицы.

В-третьих, Россия должна определиться со своими геополитическими союзниками в лице не только отдельных государств, но мировых цивилизаций, предложив им новую приемлемую повестку для развития человечества в XXI столетии. Для начала можно было бы вернуться к переосмыслению сути Шанхайской Организации Сотрудничества, сделав упор на сближении с Индией и подтянув к деятельности будущей ШОС Латинскую Америку, возможно, через БРИКС.

Русское чудо свершится, если мы вновь начнем жить своим умом, принимая на вооружение все лучшие достижения других народов и цивилизаций, вернемся к своим истокам и устремимся к высоким и красивым целям. И восстановим бездарно растроченный мощнейший потенциал русской цивилизации.

И тогда Господь поможет в нашем благородном стремлении.

БОРИС КЛЮЧНИКОВ

профессор

ЕВРОПЕЙЦЫ НЕ ЖЕЛАЮТ СГИНУТЬ В ПЛАВИЛЬНОМ КОТЛЕ НАЦИЙ

*Ducunt volentem fata,
Nolentem trahunt.
(Судьба благоволит волевым,
Безвольные прозябают)*

Западноевропейские государства открыли двери и ворота переселенцам из “третьего мира” в погоне за дешевой рабочей силой. Сделали это без оглядки на общественное мнение, на волю народов, ссылаясь на благородные идеалы прав человека, равенства, свободы передвижения, веротерпимости. Никогда и нигде фиктивность западной демократии не проявлялась так наглядно, как в принятии этого судьбоносного решения.

Переселенцы принесли в Европу свои жизненные ценности, свои глубоко отличные от западных, зачастую несовместимые с ними правовые нормы, этические представления, свою религию. Это было очевидно и 30 и 40 лет тому назад. Но либеральная элита не хотела этого видеть. Вначале она убеждала европейцев, что высокая культура Запада быстро ассимилирует “примитивных” мигрантов. Потом, отступая, она бросилась строить систему “мультикультурализма”, предполагающего, что на европейской земле рядом мирно будут строиться и уживаться параллельные общества европейцев и мигрантов-мусульман.

Трудно утверждать, было ли это затмением здравого смысла или коварным замыслом неприметно превратить Европу в плавильный котел наций, подобный Америке, изначально населенной эмигрантами. За образец “мультикультурализма” взяли Канаду, где в 70-е годы стартовал эксперимент сосуществования англоязычных и франкоязычных канадцев. Однако уже в 80-е годы стало ясно, что эксперимент не удался. Деголлевский лозунг “да здравствует свободный Квебек” никогда не снимался с повестки дня французов Квебека. Вспоминаю, что, работая в ЮНЕСКО, я вместе с заместителем генерального директора С. А. Тангеном в 80-е годы наблюдал необычную в стенах этой уважаемой во всем мире организации неприглядную сцену – скандал между англо- и франкоязычными канадцами. А ведь эти два общества принадлежат одной и той же цивилизации и сосуществуют более трех веков.

Понадобилось почти полвека, чтобы либеральные правители Евросоюза вняли жалобам, призывам и протестам европейцев. Они, наконец, задумались над грозными последствиями массовой иммиграции, над плодами мультикультурализма. Первой откликнулась канцлер Германии Меркель.

“В начале 60-х годов, — заявила она в октябре 2010 г. — наша страна пригласила иностранных рабочих в Германию, и теперь они здесь живут. Некоторое время мы обманывали себя, уверяли, что они у нас не останутся, когда-нибудь уедут домой. Но так не произошло. И, конечно же, наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга. *Этот подход провалился, совершенно провалился*” (выделено мною. — **Б. К.**). Это была не более чем констатация очевидного факта. Ее подхватили и разнесли по всему миру СМИ. Однако без внимания остался главный вопрос — что же надо делать, чтобы остановить процесс самоуничтожения Европы, ее исламизацию, сползание континента к гражданской войне. Тем более, что, заканчивая речь, Меркель добавила: “Мы заинтересованы в иностранной рабочей силе и создадим ей хорошие условия”. Конец речи оставил окончательно европейцев в недоумении: что власти намерены предпринять для решения острейших проблем, порожденных иммиграцией?

Вскоре решился коснуться темы мультикультурализма Н. Саркози: “Конечно, все мы должны уважать различия, но мы не желаем создавать общество, в котором сосуществуют различные общины. Если вы прибыли во Францию, вы должны согласиться с тем, что вы вливаетесь в единое общество, которым является наше национальное общество, а если нет, то вам не место во Франции”. И вновь, теперь для французов, без ответа остался вопрос, что власти намерены делать с 8 миллионами мусульман (есть уже ссылки на 14 миллионов), явно не желающих вливаться во французскую общность.

В феврале 2011 г. на конференции по безопасности в Мюнхене о начале “борьбы против мультикультурализма” заявил и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон: “Мы отказываемся от 30-летнего опыта мультикультурализма, мы будем проводить [политику] мускулистого либерализма... *Мы долго терпели эти обособившиеся общины, которые систематически отвергают наши жизненные ценности*” (выделено мною. — **Б. К.**). Возмущение премьер-министра было так велико, что он осмелился напомнить европейцам, что они принадлежат к белой расе: “Когда белый человек придерживается неприемлемых взглядов, например, расизма, мы вполне правомерно осуждаем его. Но когда в равной степени неприемлемые взгляды исходят от кого-нибудь, кто не является белым, мы становимся чрезвычайно осторожными, скажу откровенно, просто трусоватыми, не способными его остановить”.

Впрочем, не ясно, кого премьер-министр Англии относит к “не белым”? Арабов, индийцев, иранцев, тюркоязычные народы? Были и остались этнографы и политики, блюстители чистоты расы, которые не считают белыми и албанцев, и кавказцев, даже жителей юга Италии и прочих “средиземноморцев”. Как мог решиться премьер ультралиберальной Англии поднять вопрос о цвете кожи? С 30-х годов это было строго охраняемым табу. Помнится, не столь уж давно президент Франции Ширак с гордостью заявлял: “Теперь Франция мусульманская держава!” В те же годы Билл Клинтон, выступая в портлендском университете, нарисовал “радужную” перспективу: “Через пятьдесят с лишним лет в США не останется никакой расы, претендующей быть большинством”. “Свободолюбивые” белые американцы поморщились, сдвинули брови, но проглотили эту пилюлю. Не прошло, однако, и десяти лет, и в 2008 г. статистическое бюро США (Census Bureau) сообщило, что через 15 лет, уже к 2023 г. небелые в США станут большинством среди молодежи в возрастной группе до 18 лет, а к “2042 году большинство населения США будут составлять “черные, испаноязычные (Blacks, Hispanics) и выходцы из Восточной и Южной Азии”.

Не всем эта перспектива показалась такой радужной, как Клинтону. Патрик Бьюкенен — патриот, один из самых уважаемых политологов Америки, откликнулся на речи Клинтона книгой “Смерть Запада”*. Показательно, что католика Бьюкенена вовсе не успокоила перспектива, что среди 420 миллионов американцев к 2042 году будет свыше 100–120 миллионов — единоверцев — католиков из Латинской Америки.

В этой связи задумаемся, что в конце концов дает единство и стабильность обществу и государству? Кровь, почва (Blut, Boden), религия, идеология или общее дело, как оно виделось православному мудрецу, русскому космисту Н. Федорову?! На Западе до сих пор преобладают алармистские настроения, прогнозы, сценарии, вроде сериалов “Конец белой расы”, “Конец

* Patrick Buchanan. The Death of the West (переведена на русский).

белой Америке”, “Неизбежна ли расовая война в Америке?”¹ Пессимизм вполне объясним: в США остается пласт негативной исторической памяти о взаимоотношениях рас и этносов. Память эта живет и среди белых, и среди цветных. Да и сегодня расовые отношения ухудшаются. Все чаще можно видеть в общественных местах самиздатовские “Даешь ненависть к беленьким” (Hate whitey), “Белые! Возвращайтесь в Европу”. Участились немотивированные нападения на белых. Широко распропагандированный “плавильный котел” Америки (melting pot) более не срабатывает, знаменитые белые англосаксы-протестанты (WASP) со все большими трудностями исполняют роль государствообразующего сегмента общества.

Именно в свете расовой напряженности в Америке (а в Евросоюзе вдобавок и религиозной напряженности) лидеры Германии, Франции и Англии решились отказаться от мультикультурализма. Впервые они осмелились заявить своим народам, что в вопросах взаимоотношений рас и религий европейцам не по пути с США, которые избрали путь к “Смерти Запада” – диагноз, поставленный П. Бьюкененом. Недолго оставались верными “мультикульту” и малые страны, даже ультралиберальные, как их часто называют, “разложенцы” в Нидерландах. Единство Запада размывается не только и даже не столько чередой кризисов, экономических, финансовых, долговых. Его расшатывает не только подковерная борьба доллара и евро, но и наметившийся во многих западноевропейских странах отличный от США подход к иммиграции из стран “третьего мира”. Атлантистские элиты в Европе пока робко заявляют о несогласии с президентом Обамой и его программой “расового нейтрализма”. Они, наконец, уразумели мудрость максимы “демография – это судьба”. Они видят, что в США ни белые, ни “цветные” не считают Обаму своим президентом. Белые создают “чайную партию” (Tea party), цветные в противовес – “кофейную партию”. Деятели “Чайной партии” считают Обаму “марионеткой” (puppet) фининтерна. Среди американцев все большее число людей убеждено, что фининтерн, неокны ненавидят Америку вообще, а белую Америку в особенности.

Едва ли стоит забегать вперед событий, но они складываются так, что употребление привычных терминов “Запад”, “Атлантическое сообщество”, “развитые страны Севера” становится неточным, ненаучным, а иногда просто анахронизмом. Все чаще встречаем в Евросоюзе ученых мужей, которые называют США “страной на пути в “третий мир”. Такими оценками и сценариями пестрит Интернет. И претензии США руководить планетой и поучать других становятся все более странными.

* * *

Речи европейских лидеров против “мультикульту” встревожили руководителей Евросоюза в Брюсселе. *Европейский Союз был задуман в Вашингтоне как механизм, обеспечивающий единство Запада, а из-за иммиграционной проблемы в большей мере, чем из-за кризиса, углубляется и раскол Запада, и раскол среди 27 стран Евросоюза.* Его председатель португалец Жозе Баррозу решил предупредить немцев и французов, заявив в июне 2011 г.: “В некоторых случаях проблемы миграции используются экстремистскими популистскими силами для подрыва европейского проекта”². Камешек-предупреждение, брошенный вовсе не “экстремистам” и “популистам”, а канцлеру Меркель, президенту Саркози, премьер-министру Кэмерону.

Однако европейцы, кажется, не услышали предупреждения Евросоюза. Их страны захлестывают новые волны иммигрантов из стран Ближнего Востока, где нарастает хаос и приходят к власти деятели политического Ислама. Европейцы, забыв о правах человека на свободу передвижения, восстанавливают, пока выборочно, национальные границы. Чиновники Евросоюза опустили руки. 24 июня 2011 г. они признали законным восстановление границ, ибо они – “механизмы защиты в исключительных случаях”.

Дмитрий Медведев в дискуссии о мультикультурализме занял отличную от западноевропейцев позицию, что для него в общем-то не характерно. “Нам нельзя себя спровоцировать на рассуждения по поводу краха мультикультурализма”, – заявил он во время своего визита в Башкирию. И конечно, Россия

¹ См., например, The Atlantic Magazine, Jan./Feb. 2010.

² EU Press Release. June 28, 2011.

исторически многонациональное государство, и у нас многовековой опыт добрососедского проживания сотен этносов. Это отражено в Конституции. Бесспорна и традиционная уживчивость русского народа, веками строившего обширное государство и стремившегося скреплять его не кровью, а, по слову Ф. Тютчева, христианской любовью. Советский Союз унаследовал традицию дружбы народов. Она не была пропагандистским блефом. Блефом является утверждение и большевиков, и либералов, что Россия была “тюрьмой народов”. Были и в СССР очаги международных конфликтов, особенно в 80-е годы, но была и реально работавшая модель интеграции в единое общество. Народы еще вернутся к оклеветанному советскому проекту, к советскому опыту 50–70-х годов.

Однако этот опыт применим только в социальном, а не в монетаристском государстве, каким стала Россия. Рынок, социальная несправедливость и скандальное неравенство разобщают не только людей, но и нации. И потому отказываться от обсуждения проблем мультикультурализма нельзя: ни царская Россия, ни СССР не сталкивались с мощными процессами глобализации, с беспрецедентным по темпам и масштабам переселением народов с Юга на Север. Это поистине вторжение “третьего мира”.

В России ныне проживает не менее 10 миллионов мигрантов. И это вовсе не миллионы из 180 коренных национальностей. В борьбе за выживание в условиях распада социального государства и господства рынка, когда богом стали деньги, стремительно падает нравственность, души людей запущены. Национальные меньшинства структурируются в этнические предприятия, в “торгующие меньшинства”, а порой и в этнические банды. Это очевидные факты, и крайне опасно по-страусиному прятать голову в песок, отказываясь изучать и обсуждать проблему. *Она у нас немногим отличается от стран Западной Европы, которые за последние 30–40 лет тоже стали многонациональными государствами.* Следует, конечно, считаться с тем, что это крайне деликатная тема.

Отказ европейских властей от мультикультурализма привел лидеров мусульманских организаций в негодование. Они называют это “сговором правых экстремистов”, “истерией против Ислама”.

Многие из исламистов придерживаются мнения, что наша планета населена двумя типами человеческих существ: тех, кто верует в единого Бога и исповедует Ислам, и тех, кто исповедует многобожие – кафилов, т. е. европейцев, христиан и прочих неверных.

С обеих сторон слишком много примеров нетерпимости. Кровоточат границы с мусульманством, переживающим ныне пассионарный подъем: в Эритрее, Кашмире, Судане, Чаде, на Кипре, в Боснии, Македонии, Ливане, Египте, в Косове – всюду исламисты теснят иноверцев. Суннитский шейх Гуссейн Эль Куатли еще во время пятнадцатилетней гражданской войны в Ливане четко обозначил условия совместного проживания с христианами: “Или правитель мусульман и правление исламское, и тогда мусульманин признает его и поддерживает. Или правление неисламское, и тогда он его не принимает и стремится его уничтожить всеми способами, убеждением или силой, в тайной или открытой войне”¹. Европейцы подозревают, что мусульманские лидеры в Европе лицемерят, поддерживая и защищая мультикультурализм, что они ведут тайную войну, ждут своего часа, сигнала к началу наступления на остатки христианской цивилизации.

* * *

Трудно судить, реальна ли эта угроза, правда ли то, во что верят многие европейцы, а именно: умеренные, мирные мусульмане перестают быть умеренными и мирными, как только их число в чужом обществе достигает 10%. В конце концов важно не то, правда это или ложь. Надо считаться с тем, что все больше простых людей верят в это, убеждают других, а массовое убеждение становится реальной политической силой.

Отказ либеральных правителей от мультикультурализма был в Евросоюзе воспринят многими как лицемерие и обман. Потому что, действительно, никаких серьезных шагов ни Меркель, ни Саркози, ни Кэмерон не предприняли. Кэмерон погрозил, что прекратит “государственное финансирование мусуль-

¹ El Qadiya el Lubnaniya, 1976–1977.

ман, если они не признают равенства женщин и не согласятся интегрироваться в английское общество". Такие обещания вызывают только насмешки, европейцы ожидали по меньшей мере запрета иммиграции, а многие даже конкретных программ возвращения радикально настроенных переселенцев на их родину. Именно это давно обещают те партии и организации, которых официальные СМИ упорно называют крайне правыми. Однако, как доказывается в моей статье "Закат Евросоюза?", по существу дела эти партии становятся массовыми антилиберальными популистскими организациями, которые в некоторых странах довольно успешно прокладывают себе путь к власти². Национальный фронт во Франции, его президент Марин Ле Пен обещают полностью запретить неевропейскую иммиграцию и разобраться с теми осевшими миллионами эмигрантов, которые отказываются стать французами.

Лидер Британской национальной партии Ник Гриффин уверяет англичан, что и консерваторы, и лейбористы перехватывают его лозунги, его программы: Кэмерон, играя "либеральными мускулами", "сделал огромный шаг в освоении наших идей", тех самых, которые он еще недавно называл расистскими и нацистскими. Отказавшись от мультикультурализма, Кэмерон "узаконил наш подход к иммигрантам", – заявляет Гриффин. "Консерваторы, – ликует он, – целыми отрывками повторяют мои речи, с которыми я обращался к нации еще в 2005 году. Мы давно квалифицировали мультикультурализм как абсурдную, дурацкую затею".

Лидер голландских националистов Геерт Вильдерс, выступая в британской палате лордов, напомнил англичанам, что обожаемый ими Уинстон Черчилль в книге "Вторая Мировая война" назвал священный Коран исламским Майн Кампфом, потому что Коран тоже проповедует войну – джихад, а джихад по-арабски так же, как Kampf по-немецки, означает борьбу. Он призвал лордов и английский народ прекратить отступление, прямо заявлять, что "западная культура превосходит исламскую. Утверждая это, вы не должны бояться, что вас станут называть расистами"³. В Евросоюзе многие убеждены, что некие темные лошадки в эти темные для Европы времена ведут дело к окончательной дехристианизации, сознательно колонизируют Европу, превращая ее в "Евразию".

Показательна реакция европейцев на чудовищный террористический акт Брейвика в июле 2011 г. в Норвегии. Брейвик расстрелял тогда 79 юных соотечественников. Даже самые ярые националисты в те дни осудили его. Однако вскоре террориста стали называть "жертвой мультикультурализма". Ознакомившись с пухлыми томами писаний Брейвика, европейские националисты высказались в том смысле, что разделяют многие его идеи и подходы к мусульманской диаспоре. Марио Боргезио – депутат Европарламента – прославился тем, что заявил: "100 процентов идей Брейвика правильные, а некоторые просто превосходные"⁴. Позже, правда, он поправился, снизил тон и оценки.

* * *

В Европе знают и часто цитируют Эрбакана – в недавнем прошлом премьер-министра Турции: "Вся Европа станет вскоре исламской. Мы завоюем Рим". Между прочим "вся Европа" включает и Россию, и Украину, и Белоруссию. Оптимистично смотрел в будущее и Каддафи: "В Европе уже несколько десятков миллионов мусульман, и их число будет быстро расти. Это тенденция к тому, что европейский континент перейдет в Ислам". Такие перспективы Европе рисуют не соратники Бен Ладена и прочих исламистов, а руководители государств, входящих в ООН. Они мечтают о новом халифате от Киргизии до Марокко.

Европейцам, наконец, становится ясно, почему претендент на мировое господство – Вашингтон, взявший курс на самое тесное сотрудничество с исламистами, настойчиво поддерживает вступление 80-миллионной Турции в Евросоюз. Министр обороны США Гейтс упрекал немцев и французов в том, что они пираются, не хотят принимать Турцию в Евросоюз, а она ближайший

¹ См. "Наш современник", № 10 за 2011 год.

² См. "Наш современник", № 10 за 2011 год.

³ Rede von Geert Wilders in Britischen Oberhaus.

⁴ Anders Breivik. Europa im Krieg mit dem Islam. Von M. Kamann und Peters/Welt on Line-Sa, 30 Juli 2011.

союзник Америки в Ираке, в Афганистане, в Ливии, в Косове, в Боснии, а ныне и против Сирии. Естественно, что многие из европейцев, в том числе и правящая элита, начали задумываться над своими перспективами в атлантическом сообществе, над своим по сути вассальным статусом. США уже давно ведут против Европы экономическую войну, подрывают евро. Европейцы это терпели, потому что европейский бизнес очень заинтересован в американском рынке сбыта. Ныне из-за кризиса этот рынок сжимается, а поддержка Вашингтоном иммиграции и исламизации Европы стала очевидной, нетерпимой угрозой.

Угрозой не капиталу и прибылям, даже не суверенности – совершенно другого уровня. Угрозой самому существованию европейских наций. Реальной становится перспектива сменить язык, генетические коды, лишить своих детей и внуков будущего. Раствориться в пришельцах, в другой антипатичной им расе, в другой, чуждой им религии и цивилизации, исчезнуть со страниц истории, как некогда исчезли гордые римляне, поглощенные волнами варваров. Только в Риме это заняло века, а в Европе, как многие уверены, это может случиться за десятилетия.

Мусульманская диаспора, исламские анклав, уже живущие по нормам шариата, воспринимаются коренными европейцами как мина, заложенная под фундамент европейской цивилизации. Основные черты исламской доктрины ваххабитского толка пугают европейцев. Они не хотят теократии, не хотят жить по Корану и средневековым нормам шариата. Наблюдая нравы мигрантов, западноевропейцы не верят, что Ислам ведет к очищению души от лжи, обмана, лицемерия. Вместе с тем, они воочию наблюдают, как исламисты презирают Запад, христианство, отказываются даже от основных западных понятий, таких как государство, класс, нация. Они проповедуют тотальную войну с еврейством, а европейцам готовят статус подданных второго сорта (statut obligé de Dhimmi)¹.

Евросоюз в наши дни – это гигантская медуза, гонимая ветрами истории. Сообщество, сжимающееся и трясущееся от страха, с падающим евро вместо крови, с банкротами-банками вместо реальной экономики, отягощенное долгами, с неизвестно кому принадлежащими СМИ вместо мозгов, бесформенное полумиллиардное месиво, движимое какими-то неизвестными и сомнительными силами. Европейцы видят, как эти силы напористо искореняют остатки христианской веры и ее нравственность, ее духовность. Разрушают семью, легализуют содомию, однополые браки, наркотики, разврат, паразитизм.

Европейцы видят также, что мир теряет к ним бывшее почтение, потому что они так не похожи на своих пассионарных предков, людей величайшей энергии и дерзости, пышущих здоровьем авантюристов, белых дьяволов, как их звали в Китае. То были поколения корсаров и воинов, эстетов и ученых, презиравшие роскошь, способные переносить крайние лишения и бедствия. То были люди, славившиеся во всем мире своей волей, целеустремленностью, преданностью научному поиску. Их уважали за трудолюбие, за крепкую семью, чадолюбие. Героями тех эпох были строители, напористые предприниматели, исследователи, мастера и рукастые подмастерья. Теперь их место заняли ленивые рантье-домоседы, суетливые пиарщики, тупые маркетологи, безвкусные стилисты, художесные модели. Вспоминается мысль Монтестье: беда тому обществу, в котором банкиры не только богатеют, но становятся уважаемыми людьми. В России, до установления ельцинского компрадорского режима, банкиров никогда не уважали. Ныне эта беда и к нам пришла.

Демографы и социологи бьют тревогу: снижается рождаемость среди коренных европейцев, они менее активны, чем мигранты, все больше времени проводят перед телевизором. Мигранты захватывают розничную торговлю и многие другие сферы услуг. Этнические группировки в бизнесе быстро богатеют. Их лидеры намерены добиваться создания своих партий, своих фракций, своих квот в управленческих структурах. И несмотря на все это, комиссары Евросоюза, не считаясь с настроениями коренных европейцев, требуют ввиду старения населения открыть двери еще для 20 миллионов иммигрантов.

Естественно, люди возмущаются. Но есть же у нас, говорят европейцы, наши национальные власти в Берлине, в Париже, в Риме? Почему они бездействуют? Почему сотрясают воздух пустыми угрозами? Почему по-прежнему

¹ См. учения саудита Abd el Aziz ibn Baz; Omar Abdul Rahmane (Египет); Gulbuddine Nekmatyag (Афганистан); Hassan al Tourabi (Судан); Abassi Mudani (Алжир).

поощряется завоз рабочей силы из Азии и Африки? Прибыль предпринимателям, а народу издержки? Приезжие ведут себя нагло, агрессивно. Коренные европейцы покидают целые кварталы в городах. В Роттердаме мало голландцев, в Мальмё редко встретишь шведа, в Италии смеются: все, что южнее Рима, – это уже Африка. И все чаще в массах возникает вопрос: почему национальное государство не защищает нацию? Нам не нужно государство, которое становится ликвидатором нации.

* * *

На высокой волне всенародного негодования в странах Евросоюза все более популярными и востребованными становятся националисты. Они объясняют, что мировая олигархия – это строители новой Вавилонской башни, что она не угодна Богу и потому народы перестают понимать друг друга. Государства создавались и создаются не для конкурентоспособности, не для извлечения прибыли. Их главной задачей всегда была защита рода, племени, сохранение народа, его генетического фонда. У либералов, стоящих у власти, у монетаристов, завоевывающих рынки, атрофировался инстинкт самосохранения. Пакистанцы, ввозимые в Норвегию и Швецию, не могут стать норвежцами и шведами, но их присутствие, – учат националисты, – “расщепляет атом социальной жизни”: живут “не вместе, а кто кого” уничтожит.

Националисты обращаются к великим предкам: как, говорят они, поступила королева Изабелла, покровительница Колумба, когда Испания стала “непоместительна” для мусульман и евреев? Она их изгнала. Либералы, – уверяют они, – не способны повторить подвиг Изабеллы. Бесплезно ждать от них помощи, они зависимы от Вашингтона, где господствуют идеи неоконсерваторов о “плавильном котле” наций. Нужна духовная революция, возвращение к тем нравственным ценностям, на которых основывался общественный порядок.

Читаешь труды националистов – вроде есть логика. Но какая логика? Возвращения к средневековой нетерпимости или к расизму позапрошлого века? Да, отвечает известный на Западе французский ученый Г. Фай (Guillaume Faye): “Мы революционные диссиденты, ибо стремимся к полному перевороту в доминирующих ценностях и цивилизационных формах (ницшеанская *Umwertung*)”¹.

Г. Фай один из авторов и талантливый защитник проекта “Евросибири”. Об этом проекте надеюсь рассказать читателям в последующих статьях. А пока посмотрим, что Г. Фай и другие европейские националисты предлагают делать с десятками миллионов неевропейских мигрантов. Они признают, что это архитрудная, почти неразрешимая проблема. Но, – говорят они, – на то мы и консервативные революционеры. “Труднее всего, – пишет Г. Фай, – решить, что делать с уже проживающими ордами чужаков. Я ничего нового не могу предложить, кроме того давно известного простого решения, которое ныне очень трудно оправдать: всех их надо депортировать (*deport them all!*). Как это сделать? – задаёт он вопрос. – Это мы не знаем, потому что это колоссальная задача”. Но ее надо решать, иначе будет “метаполитическая катастрофа”². *Посмотрите, как Америка превращается в колонию цветных народов? Вы хотите идти вслед за Америкой?* “Я, – пишет Фай, – сострадаю и индейцам, и пигмеям, и канакам, и берберам, и нубийцам, и даже маленьким зеленым инопланетянам. Но не надо крокодиловых слез: когда наводнение грозит снести твой дом, надо заботиться о себе, а не, бросив свой дом, помогать другим”. И заключает свои доводы неприемлемой для православных установкой: “Мы ничего не должны “третьему миру”, пора отказаться от христианского альтруизма, который демонизирует нашу цивилизацию”. То есть не надо никакого покаяния за грехи прошлого, даже за работорговлю. “Что их жалеть, у них прирост населения в три раза выше, чем у нас. Между прочим, благодаря западной медицине”³.

¹ Журнал французских националистов *Révolution et Agir*. № 9, 2011.

² Guillaume Faye. *Geopolitics of Ethnopolitics – The new concept of Eurosiberia*. Доклад, представленный на International Conference on the Futura of the White World, Moscow, 8–10 April 2006.

³ Guillaume Faye. *Geopolitics of Ethnopolitics – The new concept of Eurosiberia*. Доклад, представленный на International Conference on the Futura of the White World, Moscow, 8–10 April 2006.

Накал страстей в Европе, питаемый массовой иммиграцией, таков, что становится главным фактором, размывающим атлантическое единство. Америка выбрала (не могла не выбрать) путь мультикультурализма, путь смешения этносов, рас и культур. В Европе большинство людей отвергают этот путь. Включился инстинкт самосохранения: европейцы за сохранения своих наций и этносов, своей расы, за единство крови, за цивилизационные границы и цивилизационную геополитику. *То есть лозунг дня сегодня: мы не против мусульман и африканцев, мы не лучше их, но давайте жить отдельно.*

Однако правят европейцами атлантистские элиты. Орден Атлантистов десятилетиями подавлял евразийцев, считающих, что Европе не по пути с США. Поэтому евразийцы обращают с надеждой свои взоры на Россию, разрабатывают разнообразные проекты континентальных блоков.

Известный французский геополитик Тириар (Thiriard) был в Москве в 1992 г. и обсуждал с Лигачевым возможность союза России и Европы. Европейские националисты убеждены, что “Россия будет более спокойным союзником”, что вместе будет легче противостоять и гегемонии и “культурному империализму США”. В Германии националисты очень осторожны. Они ждут своего часа, а пока напоминают немцам англо-американские ковровые бомбардировки, ужасы уничтожения Дрездена 14 февраля 1945 г. и каются в “преступлениях на Востоке”. Атлантисты напоминают немцам о холокосте, а континенталисты о плане министра финансов США Моргентау, предлагавшего “физическую ликвидацию немцев” путем голода и болезней¹.

В наши дни, — доказывают националисты, — неоконы в Вашингтоне целенаправленно используют мусульманскую иммиграцию для того, чтобы растворить европейские нации, уничтожить самобытность Европы, превратить ее в расово смешанный континент, подобный самим Соединенным Штатам. США ждет судьба канувшего в лету Южноафриканского Союза. Беда американской элиты, что она верит в технологии и пренебрегает, как они говорят, “этнобиологическими основами общества, теми корнями, которые питают нацию”. Европейские правые обвиняют англосаксов в том, что их лидерство в мире и догма “свободной торговли” подвели белых людей к краю пропасти. И первыми в нее сгинут белые американцы. Элита США вынашивает планы расчленения России, а европейские националисты прочат такую судьбу США и, чтобы избежать ее, призывают белых американцев “ослаблять ненавистное федеральное правительство, вплоть до расчленения США”. Они не исключают, что остатки белых американцев “закроются в северных штатах”. А если им это не удастся, то белая Европа откроет двери белым братьям не только из США, но и из Австралии и Канады. Читаешь эти прогнозы и слышишь в них набат расовых войн.

Много других любопытных, парадоксальных, а порой и опасных идей, теорий, проектов ныне встречаешь в среде европейских “новых правых”. Они отражают смятение и сумятицу в умах, царящую в наше бурное, турбулентное время. Время перехода в другую эпоху, время перегруппировки сил на великой шахматной доске геополитики.

Нас ожидают эпохальные перемены, возможно, этнические войны в сочетании с гигантским экономическим крахом. Они не обойдут Россию, скорее всего она как геополитическое сердце мира, как кладезь природных ресурсов окажется в центре вихрей, ныне зарождающихся в Евразии. Надо к ним готовиться, прежде всего следить за движением этих вихрей. Изучать новые угрозы и даже маловероятные проекты и сомнительные предложения, такие как проект Евросибири. Надо ясно представлять все возможности выживания. Римский философ Сенека когда-то сказал, что корабль, который не знает, куда плыть, никогда не поймает попутного ветра.

¹ См. о плане Моргентау (Morgentau): James Bacque. Crimes and Mercies. The Fate of German Civilization... 1950.

ИСРАЭЛЬ ШАМИР

КОМУ НУЖНА ВОЙНА В ИРАНЕ

Надо убить президента Обаму! – с этим радикальным предложением выступил в редакционной статье главный редактор и владелец еврейской газеты в Атланте, Atlanta Jewish Times, Эндрю Адлер. Чтобы спасти Израиль, пишет он, премьер-министр Нетаньяху должен приказать агентам “Моссада” в США замочить (take out) недружественного Израилю президента Обаму, чтобы его место занял дружественный вице-президент и ликвидировал врагов еврейского государства. А именно – Иран, Хезбаллу, Хамас. Адлер призвал ударить по этим “трем врагам Израиля” незамедлительно. Его слегка завуалированный призыв к убийству президента возмутил многих. “Это уже перебор”, – сказали еврейские организации. О таком вслух не говорят. В ведущей израильской газете “Гаарец” комментатор отметил, что ненависть к президенту Обаме, вызванная его нежеланием ударить по Ирану – нередкое явление среди американских и израильских евреев. Адлер извинился, а затем передал бразды своему заместителю и выставил газету на продажу.

Президент Обама активно действует против Ирана: вводит санкции, боевые корабли вошли в Персидский Залив, и все же этого мало для его оппонентов – республиканских претендентов на пост президента и для людей вроде Адлера. Но это слишком много для альтернативной Америки, со взглядами которой мы знакомимся в этой статье.

Альтернативная Америка однозначно против войны с Ираном. В первую очередь из соображений солидарности с глобальным Югом, со странами Третьего мира, но она подкрепляет это и практическими аргументами.

Война с Ираном приведет к резкому подорожанию нефти и ударит по карману рядового американца и европейца. Она может привести и к мировой войне, считают они. Американская блогосфера отметила слова Дмитрия Rogozina о том, что “любой конфликт вокруг Ирана является прямой угрозой безопасности России”, и поняла их как штормовое предупреждение Америке. А тут еще вдобавок китайский генерал Чжан Чаочон сказал, что Китай будет защищать Иран, хоть бы это обернулось третьей мировой войной.

Позиции России и Китая – ключевые. Одно дело – отбомбиться по стране в изоляции, как Ливия или Ирак, совсем другое – ввязаться в войну, где противника поддерживают Китай и Россия. Такой опыт у США есть, его имя – Вьетнам, и ни малейшего желанья его повторить не появилось. Сегодня Россия, видимо, не станет воевать за Иран, но развитие событий может ее вынудить. Так считает русский политфилософ Александр Дугин. Если война за Иран охватит Закавказье и Среднюю Азию, России придется вмешаться. Понимая эту опасность, американцы жмут одной ногой на газ, а другой – на тормоз.

Другой важный фактор против войны – американская общественность к ней не готова. Если войны в Афганистане и Ираке пользовались поддержкой народа, против войны в Иране выступает большинство. Неубедительной оказалась недавняя попытка создать “casus belli” (повод для войны), обвинив Иран в попытке убийства саудовского посла в США, – слишком сомнительным показался предполагаемый наемный убийца – торговец подержанными автомобилями.

Третий фактор против войны – армия не стремится к сложной и опасной кампании. Пока американские войска стояли в Ираке, велика была опасность, что они окажутся в западне среди шиитов Ирака и Ирана и пострадают первыми. После вывода войск из Ирака сухопутная операция становится почти невозможной. Поэтому в вооруженных силах предпочитают подождать – пока санкции ослабят Иран или использовать флот и десантников для проведения рейдов, избега большой войны. Но и флот опасается, как бы не оказаться в ловушке Персидского залива.

Почему же, несмотря на эти веские доводы против войны, какие-то силы тянут Америку на конфронтацию с Исламской Республикой?

Альтернативная Америка предлагает несколько возможных ответов:

1. влияние израильского лобби;
2. стремление корпоративной Америки установить полный контроль над миром;
3. стремление корпоративной Америки овладеть ресурсами нефти на планете;
4. торговля нефтью как финансовая основа доллара;
5. геополитика – сдерживание России и Китая.

Официальное объяснение, господствующее в мейнстриме, – иранская ядерная программа – не пользуется популярностью, в нее мало кто верит из альтернативно мыслящих американцев. В первую очередь потому, что несколько лет назад они слышали все то же самое применительно к Ираку. “В руках Саддама Хуссейна – страшное оружие массового уничтожения” – твердили масс-медиа и ведущие политики в Вашингтоне и Лондоне. Ирак был завоеван, разрушен, миллион иракцев погиб – но ОМУ так и не было найдено. Поэтому сегодня, когда истеблишмент говорит об иранской атомной угрозе миру, американцы нервно позевывают – и ищут другое объяснение.

Израильский фактор

Статья Адлера дала дополнительное оружие в руки тех, кто объясняет ближневосточную политику Америки влиянием израильского лобби.

Сторонники этой версии считают, что якобы неосторожные слова Адлера могут быть на самом деле последним предупреждением Обаме. Но и чисто политические соображения могут вынудить президента, который идет на пере выборы в этом году, прислушаться к пожеланиям Израиля. У израильского лобби, несомненно, значительное влияние на выборный процесс, хотя, вероятно, оно не настолько тотальное, как это кажется иным. Многие американские политики считают, что поддержка Израиля необходима для их карьеры, а противостояние Израилю – губительно.

Позиция Обамы уже сменилась на противоположную под израильским давлением. Когда Барак Обама пришел к власти, он заявлял о своих намерениях договориться с Ираном и с исламским миром. Но против этого резко выступил израильский премьер-министр Нетаньяху – он отправился в Вашингтон, выступил перед сенатом и конгрессом и был встречен бурными аплодисментами, переходящими в овации, – двадцать девять раз. Сталину на 17-м съезде столько не аплодировали.

Томас Фридман, один из ведущих обозревателей газеты “Нью-Йорк Таймс”, выразил надежду, что “Нетаньяху понимает, что он сорвал овации в конгрессе не за свою политику. Овации оплатило израильское лобби”. (Потом Фридман извинился за свои слова, которые были восприняты еврейскими организациями крайне негативно.)

После этого президент Обама резко изменил курс и практически отказался от попыток договориться с Ираном. Он поддержал и инициировал жесткие санкции – но Израиль считает любые санкции недостаточными, если они не приведут к смене режима в Тегеране. Бомбежка иранских ядерных объектов

не только сорвала бы (неясно, существующие ли) планы создания иранского атомного оружия, но и подорвала бы престиж режима и могла бы привести к победе прозападных сил в Иране.

Израильские власти предпочитали бы сами отбомбиться по ядерным объектам в Иране, как они бомбили в Сирии и Ираке, но Израиль не в силах это сделать сам. При всех поставках американской техники, даже один бомбовый рейд в Иран находится на излете израильских технических возможностей, по мнению израильских экспертов, в частности, экс-главы разведки Меира Дагана. Но такой рейд вызвал бы иранский ответ, да и не сокрушил бы Иран или иранскую ядерную программу.

Израильяне предпочитают, чтобы удар нанесла Америка. Эту мысль проводят и сторонники Израиля в США; так, правый сионистский американский сайт *Never again is now* призвал американскую администрацию: “Бомби Иран Сейчас!” (*Bomb Iran Now!*) А раз президент Обама этого делать не хочет, Америку нужно втянуть в войну. Самым прямым способом спровоцировать войну было бы нанесение бомбового удара силами израильской авиации. Идея заключается в том, что США будут вынуждены заступиться за Израиль в случае ответного удара со стороны Ирана.

Хотя в самом Израиле многие выступают против этого рискованного шага, да и американские лидеры, включая министра обороны, предупреждают против него, в пространной статье в “Нью-Йорк Таймс” известный израильский политический журналист Ронен Бергман говорит о решимости израильского руководства нанести удар, несмотря на опасности. По словам Бергмана, встретившегося с израильскими лидерами и руководителями разведок, часть израильского руководства (включая премьера Нетаньяху и Эхуда Барака, лидера Рабочей партии и министра обороны) готова к этому.

Николай Патрушев предупредил Израиль не толкать Соединенные Штаты на войну с Ираном. Но израильское руководство стоит на своем. По мнению американских обозревателей, угроза израильского удара – это скорее способ подтолкнуть Америку к действиям или хотя бы к более серьезным санкциям против Ирана.

Американские альтернативные независимые обозреватели не считают, что еврейскому государству угрожает иранская ядерная программа, по их мнению – иранская атомная бомба могла бы помешать полной гегемонии Израиля, но никак не угрожать Израилю – обладателю сотен ядерных боеголовок и средств доставки, по их мнению. Да и Иран – заведомо не агрессивная страна. В блоге пишут: “Израиль хочет повторения иракского сценария. Ведь до нападения США на Ирак это была большая процветающая страна со своей наукой и промышленностью, которая реально претендовала на лидерство в регионе и не соглашалась с израильской гегемонией. Сейчас Иран – ближайшая к Израилю крупная держава, не подчиняющаяся тель-авивскому диктату. Значит, настал ее черед”. При этом они вспоминают израильские стратегические документы, в частности, знаменитый план Йинона по разрушению и фрагментации всех соседей Израиля.

Израильяне напоминают, что президент Ахмадинежад сказал, что место Израиля – на свалке истории, или что-то в этом роде. Предположим, отвечает американская несистемная оппозиция. А Никита Хрущев обещал показать американцам кузькину мать, да еще и похоронить. А президент Рейган в качестве проверки голоса отдавал приказ уничтожить Москву. Ну и что? Если бомбить всех, кто считает, что место Израиля на свалке истории, никаких бомб не хватит. По крайней мере на Ближнем Востоке, где Израиль крайне непопулярен. Выход из этого – заключение мира с палестинцами, а не война с Ираном.

Несмотря на угрозы, Израиль все же не нападает на Иран. Одна причина: отношения между президентом Обамой и премьер-министром Нетаньяху настолько неудовлетворительны, что нет гарантии, что США вмешаются в разгоревшийся конфликт немедленно.

Израиль удерживает и возможность ответного удара со стороны союзников Ирана – Хезбаллы и Сирии. В 2006 году, во время предыдущей вспышки напряженности вокруг Ирана, Израиль попытался ликвидировать Хезбаллу. В недолгой кампании израильяне убили тысячи ливанских граждан, но потерпели поражение на поле боя. Если бы не горстка хорошо обученных и мотивированных воинов Хезбаллы, израильские войска смогли бы (как писали из-

раильские газеты) продолжить свой поход на Дамаск, а затем уже ударить по Ирану.

Сейчас, параллельно с давлением на Иран, идет и нажим на Сирию, где с помощью Катара и Саудовской Аравии раздувается гражданская война. Лидер повстанцев Бурхан Гальюн уже обещал прекратить поддержку Хезбаллы и порвать с Ираном. Пока Сирия не будет нейтрализована, израильские самолеты вряд ли полетят на Иран.

И тут твердая позиция России против антисирийской резолюции в СБ ООН и визит российских военных кораблей в сирийский порт Тартус сыграли важную роль в предотвращении войны. Они показали, что Россия не сдаст Сирию, а значит, Сирия и Хезбалла не будут нейтрализованы и смогут нанести ответный удар по Тель-Авиву. При таких условиях Израиль, скорее всего, воздержится от прямой провокации.

Но возможна непрямая провокация. Судя по публикациям в израильских газетах, израильтяне надеются, что иранцы атакуют один из американских военных кораблей в Заливе и навлекут на себя ответный американский удар. Израильские спецслужбы не будут ждать иранской торпеды – но скорее запустят ее сами руками своих агентов на иранском берегу, предполагают блогеры. Это могут сделать и сами американцы – сторонники войны, без израильской помощи. Симур Гириш писал о плане бывшего вице-президента Чейни: построить несколько копий иранских военно-морских катеров, посадить на них морпехов и дать им приказ обстрелять американский линкор.

Косвенной провокацией могут стать теракты в Иране. Не так давно был убит иранский ученый-атомщик Мустафа Ахмади-Рошан, до него – Маджид Шахрияри и Али Мохаммади. Они были убиты одним методом – магнитной миной, прицепленной мотоциклистом к их автомобилю. Пойманный с полицией иранский убийца признался, что он получил мину и был обучен “Моссадом”, сообщил американский еженедельник “Тайм”, который альтернативным не назовешь.

Это похоже на израильский метод – еще в 50-е годы израильская разведка убивала европейских ученых, работавших в Египте и Сирии, о чем впоследствии писал в своих мемуарах легендарный глава “Моссада” Иссер Харэль. Ронен Бергман в цитированной статье пишет, что убийства ключевых фигур (“точечные ликвидации”) – это излюбленный метод недавно ушедшего в отставку главы “Моссада” Меира Дагана.

Американцы стараются обезопасить себя от возможной израильской провокации. Сайт Foreign Policy, тесно связанный со спецслужбами и госдепом, опубликовал “слив” ЦРУ, из которого следует, что израильские разведчики вербуют боевиков “Джундалла”, занимающихся террористической деятельностью в Иране. Хуже того – при вербовке офицеры “Моссада” выдают себя за представителей ЦРУ. Таким образом, пойманные террористы искренне подтвердят, что они были посланы американской разведкой. Публикация слива была засчитана израильтянами как враждебный акт, как попытка перевести на них стрелки.

Стремление Америки установить полный контроль над миром

Но объяснения с помощью израильского лобби опасны для объясняющих – они могут привести к увольнению или к общественному ostracismu. Традиционно любящие Израиль и евреев мейнстримные американцы относятся к таким объяснениям резко отрицательно. Многие альтернативные сайты предпочитают другое объяснение, по которому США стремятся к мировой гегемонии, а поэтому им необходим контроль над Ормузским проливом. Они напоминают “доктрину Картера” – заявление президента Картера в 1980 году, что США не допустят “чужие интересы” в Персидском заливе.

Ормузский пролив – узкое место в транспортировке нефти, Иран мог бы его контролировать, если бы не американский флот. Но появление иранского ядерного оружия изменит баланс сил, и США утратят возможность беспрепятственно давить на Иран. Противники этого объяснения утверждают, что Иран не перекрывал пролив – разве что во время войны с Ираком. И даже с позиции гегемонии неясно, чем ядерный Иран опаснее для Америки, нежели ядерные Пакистан и Индия. Без заметных подвижек это не тянет на casus belli.

Защита нефтяных арабских монархий и княжеств Залива от иранской угрозы может объяснить давление на Иран, но не войну. Нефтяные княжества Залива не любят Иран и одобряют любые санкции против него; эти санкции только повысят цену на их нефть. Но и они не хотят войны, потому что боятся ответных шагов Ирана. Иран может не только перекрыть Ормузский пролив и отрезать их от рынков сбыта, не только поднять шиитское большинство нефтедобывающих регионов против суннитских шейхов, но и уничтожить опреснительные установки и инфраструктуру жизнедеятельности, отбросив эти богатые страны обратно в каменный век.

Стремление корпоративной Америки овладеть ресурсами нефти на планете

Американские нефтяные компании хотят наложить лапу на иранские нефть и газ. Но пока нет никаких признаков того, что они хотят это сделать военным путем. Нефтяное лобби не было замечено в лоббировании ближневосточных войн; нефтяные компании не заработали на войнах в Ираке, Афганистане и Ливии. Американским нефтяникам не удалось овладеть нефтью Ирака и Ливии, им не удалось пробить нефтепровод через Афганистан. Поэтому это объяснение скорее осталось приемлемым и понятным лозунгом демонстраций “Нет войне за нефть”, нежели объясняющим войну фактором.

Торговля нефтью как финансовая основа доллара

Многие альтернативные сайты продвигают финансовое объяснение кризиса. Они считают, что петродоллар стал главной опорой американской системы. По этой схеме, еще в 70-е годы XX века между США и нефтяными монархиями Ближнего Востока сложился симбиоз. Они торговали своей нефтью только за американские доллары – а за это США гарантировали их безопасность. Прошло сорок лет, но эта система симбиоза действует и поныне.

В 70-е годы США отказались от золотого стандарта доллара, и в принципе спрос на доллар должен был бы упасть. Он не мог бы выполнять роль мировой резервной валюты, а этот статус приносит Соединенным Штатам и их финансовой системе гарантированное благополучие. И тут возник симбиоз с нефтяными шейхами. Всем покупателям нефти понадобились доллары, чтобы платить за нефть. Возник спрос на доллар, и поэтому – несмотря на огромную эмиссию – доллар удерживает покупательную стоимость и статус резервной валюты. Только из-за этого многие страны инвестируют в американские облигации, говорят сторонники этой версии. США не боятся высоких цен на нефть, потому что выручка за проданную нефть все равно возвращается в американские банки и деноминирована в долларах. Высокая цена на нефть выгодна Америке, потому что она бьет по карману Европы – главного конкурента, и Японии и Китая – вторичных конкурентов. Америка всегда может повысить или понизить цены на нефть, по мере надобности, и таким образом нанести удар по конкурентам.

Переход торговли нефтью на другие валюты – страшный удар по Соединенным Штатам, способный обрушить доллар. Поэтому, говорят блоггеры, после того, как Ирак перешел на евро, его атаковали США. Ливия собралась перейти на золотой динар – и ее режим был сметен бомбардировкой НАТО. Сейчас Иран перешел на другие валюты и перестал работать с долларом. Поэтому американцы хотят разделить эту страну под орех, сменить режим и заставить преемников брать доллары.

Это убедительная модель, хотя о ней не говорят в “приличной” прессе. Если не остановить “отказников доллара” – в частности, Иран и Венесуэлу – конец доллара опасно приблизится. Все больше и больше стран переходит на другие валюты при взаиморасчетах, в том числе Россия с Китаем, Китай с Японией, Индия с Ираном. США тратят большие усилия на борьбу с евро – так, утверждают в альтернативной прессе, нынешний финансовый кризис в Европе – целиком их рук дело. Иран мог бы помириться с США, если бы согласился вернуться к доллару при продаже нефти. Но и тут есть загвоздка – деньги надо хранить в американских банках, а те могут их конфисковать в любой момент. Поэтому этот выход для Ирана невозможен.

Есть еще один финансовый довод против Ирана. Он несколько сложен для объяснения, и мы это сделаем в будущем, но вкратце он основан на том, что в Иране нет центрального банка, независимого от правительства и государства. Таких стран осталось очень немного — когда-то СССР и страны социалистического лагеря имели ЦБ, подчиненный государству, до недавнего времени Ливия, сейчас — Иран и Северная Корея, и частично — Китай. Странники этой монетаристской конспиративной версии говорят, что все “независимые” ЦБ мира подчинены ФРС, американской резервной системе, или другим банковским структурам, которые стоят за ФРС. Так и ЦБ России, по их мнению, получает инструкции от Goldman Sachs. Этот довод трудно верифицировать, и неясно, где там срочность, требующая бомбежек.

В принципе финансовые проблемы можно решить с помощью санкций. Санкции могут так обескровить Иран, что его руководство согласится с финансовым диктатом Вашингтона. Падение иранской валюты не может не отразиться на жизненном уровне, а значит — вызовет недовольство и может привести к смене режима. Но есть и другая точка зрения. Иранцы и некоторые независимые эксперты утверждают, что санкции только помогают Ирану диверсифицироваться. Иран стал производить больше готовых нефтепродуктов — например, бензина. В результате девальвации реала иранские промышленные товары стали дешевле и более конкурентоспособны. Кроме этого, основным бенефициаром санкций становится Китай, который сможет дешевле купить иранскую нефть и газ. Не собираются расставаться с Ираном его соседи Афганистан и Пакистан. Не отказываются от закупок Япония и Южная Корея. И все же санкции — серьезный удар по иранской экономике, как и угроза войны.

Возможно, американцы и израильтяне блефуют, повышая уровень военной истерии. Они любят риск, в то время как персы (и русские) избегают рисков. У американцев есть популярная стратегия *brinkmanship*. Словари переводят этот термин как “балансирование на грани” войны, но этот перевод не передает главного. Brinkman не столько сам балансирует, сколько подталкивает своего противника к краю пропасти в надежде, что тот испугается и отступит, уступив спорную территорию.

Это рискованная стратегия, но кто не рискует... Логика и здравый расчет гласят, что война не нужна никому. У Израиля нет реальных причин опасаться Ирана, и тем более нет такой опасности для США и Европы. Но логика и здравый расчет благонамеренных людей — не единственный фактор. В этом мире есть силы, которые готовы рискнуть в надежде на большой выигрыш. Их мнение описала Наоми Кляйн: для кого кризис, а для кого и шанс. Эти игроки могут сыграть по-разному, в зависимости от конъюнктуры. И даже если они надеются победить без единого выстрела, запугав Иран своей мощью, война все равно может разразиться из-за десятков неучтенных факторов.

Большинство игроков — противников Ирана — хотели бы “опустить” Иран на несколько ступенек в региональной и мировой иерархии. Это бы устроило и нефтяных шейхов, и финансовые круги. Американский ВПК получает большие дивиденды от напряженности с Ираном — так, нефтяные шейхи становятся покупателями дорогого оружия, а американские вооруженные силы получают ассигнования из бюджета. Угроза войной на руку Америке, но не война. Видимо, так считают и в Тегеране.

Рон Пол против войны

Ключ к решениям лежит в Вашингтоне. Единственный крупный американский политический деятель, выступающий против войны с Ираном и против “нерушимых уз” с Израилем, — это Рон Пол, борющийся за место кандидата от Республиканской партии на пост президента США. Рон Пол пользуется серьезной поддержкой рядовых республиканцев — и не только республиканцев. Рон Пол очень популярен, особенно среди университетской молодежи, хотя ему 76 лет. Рон Пол занимает особую нишу среди республиканцев — он против войн, которые ведет Америка за океаном. Рон Пол был единственным конгрессменом, голосовавшим против нападения на Ирак, он был против войны в Афганистане, он стоит за выход Америки из НАТО, за ликвидацию американских военных баз за рубежом, и что “хуже всего” — он против банков и банкиров.

Рон Пол был против массивных субсидий банкирам во время кризиса 2008 года. Сейчас он требует разорваться с ФРС – федеральной резервной системой, главным эмиссионным банком США, находящимся в частных руках.

Рон Пол один из очень немногих американских политиков, которые не боятся выступать против израильского лобби. Он обещал прекратить щедрые денежные субсидии Израилю в случае победы – и этим настроил против себя агентов лобби в американских СМИ. Они его называют “изоляционистом”. Рон Пол – против готовящегося нападения Израиля и США на Иран.

Партийные боссы требовали обеспечить провал Рона Пола. Они разрешили голосовать без удостоверений личности, то есть любой желающий мог проголосовать хоть двадцать раз, лишь бы остановить Рона Пола. Республиканский политолог Ди Ди Бенки (Dee Dee Benkie) рассказала с гордостью, что боссы предлагали щедрые взятки организаторам и местным и районным политикам, чтобы их избиратели голосовали за Ромни или Санторума – но не за Рона Пола. “Все партийные боссы Айовы стараются остановить Рона Пола. Нельзя допустить, чтобы он получил первое место. Надо остановить “хомячков Пола” (the Paul-bots) не мытьем, так катаньем”.

Губернатор штата Терри Бранстад призвал – в случае победы Рона Пола не обращать на него внимания и сосредоточиться на втором и третьем месте. А Рона Пола не упоминать, чтобы не позволить ему добиться хороших результатов в Нью-Гемпшире. “Если Рон Пол победит в Айове, – сказал Роджер Саймон, главный колумнист медиа-организации Политико – мы просто не будем об этом говорить”. Впрочем, и так американские СМИ уделяют Рону Полу меньше места, чем Первый канал – Алексею Навальному. Его просто блокируют и игнорируют.

Для борьбы с Роном использовались ложные данные опросов избирателей. Так, за день до голосования на сайте Politico сообщалось, что Санторум занимает по опросам второе место с 21 процентом голосов, а Рон Пол – третье место с 18 процентами. Через несколько часов сайт признал ошибку – Рон получал 22 процента, а Санторум – только 15. Но про ошибку не все знали – так многие не определившиеся избиратели были сбиты с толку.

Для того чтобы гарантировать нужный результат, место подсчета голосов содержалось в тайне. Официальное объяснение – чтобы хакеры не добрались. Но вскоре выяснилось, что пропали результаты голосования сразу по двум графствам. Это не помешало “Суркову республиканцев”, Карлу Роуву, заявить, что в результате выборов Митт Ромни, любимец банкиров, получил на четырнадцать голосов больше, чем Рик Санторум (из 122 тысяч голосовавших). Позднее Роув признал, что подлинных данных не было, но “была достигнута договоренность между Ромни и Санторумом”. Мнения Рона Пола об этой “договоренности” никто не спрашивал. Но статья Роува о результатах кокуса называлась “Великая Победа Ромни в Айове” (A Big Win for Romney in Iowa).

Даже по фальсифицированным результатам Рон Пол не намного отставал от Ромни и Санторума, но его результат даже не упоминали в послушной американской медиа. Роув, бывший советник и заместитель главы президентской администрации (deputy chief of staff) при президенте Буше, уже сказал, что победа Ромни неизбежна.

Избиратели негодуют. Говорят о массовом подкупе, о больших взятках, о том, что партийные боссы перекупили голоса сторонников Перри и Бахманн, о том, что неокконы устроили “карусель” для многократного голосования.

Израильское лобби борется с кандидатурой Рона Пола. Комитет защиты Израиля обратился с призывом остановить Пола. Его сын конгрессмен Ранд Пол был на короткое время задержан. Но старый политик упрямо не сходил с дистанции, несмотря на реки клеветы. “Уолл-стрит Джорнэл” предположила, что в конце пути Рон Пол соберет столько сторонников (электоров) на номинационную конференцию, что он сможет потребовать у любого кандидата реализовать его идеи в обмен на поддержку. Другие считают, что он пойдет во главе третьей партии как независимый кандидат. Независимые “третьи” кандидаты никогда не побеждали в США – но появление Рона Пола в качестве претендента повлияет на Обаму и сделает нападение на Иран невозможным.

ОЛЬГА СВЕРДЛОВА

ТРУДНЫЕ СУДЬБЫ ТРУДНЫХ ДЕТЕЙ

“Я не хочу...”

Хотя генетика у нас давно реабилитирована, мы все же продолжаем не верить в предрасположенность какой-то части детей к антисоциальному поведению, особенно когда это касается нашего ребенка. И тем не менее есть группа риска, и родители должны знать, относится ли их ребенок к этой группе или нет. В противном случае нас ждут большие разочарования и вопросы, на которые невозможно найти ответа. Потому что в группу риска попадают дети, которыми не занимаются родители, отягощенные патологической наследственностью, недолеченными болезнями, жертвы наших ссор, конфликтов с родными и близкими. Они порой и следствие нашего легкомыслия во время беременности и выбора спутника жизни, мягко говоря, не отвечающего нормам элементарной порядочности.

А мы продолжаем по инерции возмущаться, почему, к примеру: “Я должна делать с ним уроки, когда соседний Вася делает все сам”, или “Почему я должна подбирать ему друзей и следить за тем, с кем он общается во дворе и на улице, а его двоюродный брат учится отлично, в свободное время моделирует или рисует, но телевизор не включает, несмотря на то, что целый день дома один, мать на работе, а отца нет?” И почему на нашу просьбу выполнить что-то один отвечает полной готовностью, а другой тянет: “Я не хочу”? За этим внешне капризно-инфантильным “Я не хочу” могут скрываться самые разные причины.

* * *

Каждый вечер был для них истинным испытанием: придет... не придет.

Бабка с дедом в ужасе ожидали стука в окно. Сегодняшний вечер вроде бы выдался спокойным. И вдруг в напряженной тишине, в ночи почти пустого поселка послышались быстрые шаги: “Сбежал, опять сбежал!”

Любимый, единственный внук каждый день сбегал — и, вы не поверите откуда, возможно ли такое, — из казармы. Как это ему удавалось, один Бог знает. Но упорно бежал — и не домой, а в дачный поселок, где жили бабка с дедом. Проходил пешком 15 километров, шел в темноте через лес, поле в солдатской форме, когда каждый человек в погонах мог его остановить, проверить документы. Но его ничто не останавливало — ни страх, что может

задержать патруль, ни соображения безопасности и бесполезности подобного броска. Ею неудержимо влекло на волю, свободу, вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения.

Почему убегал, ничего толком объяснить не мог. Только повторял: “Я не хочу в казарму...” Знал, что далеко не уйдет. Но уходил. А наутро приезжал офицер, забирал парня обратно и говорил, что больше так продолжаться не может, что ему грозит штрафбат. Парень клялся, что больше этого не повторится, а через день все повторялось вновь.

Офицер части, где служил юноша, был когда-то учеником его матери. А мать была в этом маленьком провинциальном городке заслуженной учительницей. Потому парню эти побеги до поры сходили с рук. Но все понимали, что надо что-то делать.

Дед, его звали сокращенно Петрович, тот самый, который может блоху подковать, не знавший в свои 70 лет, что такое отдых, безделье, и любивший внука беззаветно, считал, как и вся семья, что его может исправить только армия, что нужна железная дисциплина, строгость и никаких поблажек. Что причина подобного поведения в том, что парень привык получать все, не затрачивая труда, не проявляя какого-то волевого усилия.

Дед видел в поведении внука следы избалованности, изнеженности, покаяния, а мать разрывалась между новым мужем и сыном, ощущая подспудно свою вину, не видя выхода из сложившейся ситуации, умоляла офицера в очередной раз простить сына. И никто не догадывался, что неодолимое стремление к побегам, бродяжничеству есть следствие болезни, последствие ушиба головы в раннем детстве. Это расстройство на медицинском языке называется дромомания (от греческих слов: дромос – дорога, путь, мания – страстное влечение). Обычно это последствие ушибов головы, сотрясений мозга, полученных в раннем или подростковом возрасте.

Потому и учился из-под палки, и в институт поступить не смог, и раздражался по любому поводу, и не мог переносить духоту и жару.

Помогать надо было, а не испытывать на прочность.

Склонность к побегам, бродяжничеству бывает различного свойства и в каких-то случаях требует вмешательства психиатра и специального лечения. При организации правильного образа жизни и соответствующем лечении это расстройство проходит порой бесследно. Но наша психологическая и медицинская безграмотность часто приводит к трагическим последствиям.

Совсем еще дети, даже не подростки, бегут из теплого дома, бродят, скитаются по чердакам и подвалам, нюхают клей, воруют, готовы убивать и насиловать в поисках приключений, легкой наживы, удовлетворения сиюминутного желания – “Я хочу”.

Нет страха, что замерзнешь, что тебя убьют, что умрешь, заболеешь чем-то неизлечимым – потому как “сон разума”, по выражению Жан-Жака Руссо, не дает разыгаться воображению, и все происходит только на уровне сиюминутных желаний.

Уходят от ответственности, дисциплины, подчинения, от соблюдения норм морали, в мир, где господствует насилие и жестокость. И нет страха за себя и своих близких, нет раздумий о будущем, о своем месте в жизни, нет никаких интересов, кроме одного – любым путем достать деньги, которые обеспечат сегодняшний день.

Сон разума в самом прямом смысле слова. Разум спит, чувства спят, только потребности на уровне животных инстинктов.

Добру и злу внимаем равнодушно?

И все-таки... Разумеется, существует врожденное предрасположение к добру и злу. Более того, есть на свете ангелы и монстры. Святые и злодеи.

И никуда от этого не деться. И невозможно объяснить их рождение и существование, когда мы пытаемся найти лазейку, ответ на мучающий нас вопрос “почему”.

...Передо мной стоит лицо молодого человека Дмитрия Черкасского, осужденного на пожизненное заключение, которого нам показали по НТВ в передаче “Криминальная хроника”. Красивое, умное, несчастное лицо подонка, который в погоне за 40 тыс. долларов убил семью из трех человек. Это произошло в квартире, где он снимал комнату, за которую у него хозяева даже

не брали денег, так как ему часто нечем было платить. Это были добрые, милые, интеллигентные люди, с которыми он прожил как в одной семье больше года. Ведущий передачи, анализируя этот случай, сказал, что, очевидно, у него была завышенная самооценка, и он пытался возместить то, что ему недодало общество. А сам он ни слова не сказал, что сожалеет о погубленных жизнях, в общем-то, своих друзей.

Ни капли раскаяния. Хладнокровный и жестокий убийца. Жалел об одном: “Если бы я был знаком с нашей пенитенциарной системой, знал, как содержатся преступники, какая жизнь их ожидает, то никогда бы не совершил такое”, – сказал он.

Но ведь у этого злодея были мать и отец, которые, наверное, любили его и считали, что растят нормального человека. Не debil, не пьяница, не наркоман или бомж, учился даже в медицинском институте. Только не окончил, так как решил, что много врачей не заработаешь.

Человек, для которого деньги дороже человеческой жизни. Деньги он мог присвоить, а жизни – чужие.

Конечно, время сегодня диктует новые ценности, сознание молодого человека, подростка, ребенка отравлено мыслью, что жизнь – это сплошное удовольствие, что надо брать от жизни все. Массовая культура одурманивает потребителя. Уже давно сложилось представление о массовой культуре как о чудовище, пожирающем в человеке все человеческое. Яд насилия с экрана телевидения вливается в умы молодого поколения с раннего детства.

Правда, мы знакомы и с Раскольниковым, который, вообразив, что он сверхчеловек, попытался решить проблему передела собственности по справедливости, как он ее себе представлял. Его совесть замучила. Но убийство есть убийство, кто бы это ни был.

У нас существует стереотип, доставшийся нам, возможно, еще от теории Ч. Ломброзо, что убийца имеет определенный внешний вид, и его судьба написана у него на лице. Это особого типа человек, предрасположенный к совершению преступлений в силу определенных биологических признаков.

Но тот же Достоевский нам доказывал, что и на каторге среди убийц есть хорошие люди. Очевидно, чем закон необъяснимей, тем убедительней.

Наверное, педагоги и психологи меня обвинят в безнравственном экспериментировании, своего рода провокации, но я расскажу все-таки, какой вопрос задала в моем присутствии соседка двум 17-летним подросткам, которые копали колодец на дачном участке. Ребята присели отдохнуть, и мы разговорились. Оказалось, один мальчик из многодетной семьи, в которой 13 детей от 4 лет до 22, учится на сварщика в ПТУ. Другой перешел в 11 класс, член юношеской футбольной команды Подмосковья. Увидев у меня на столе томик Достоевского, школьник иронично бросил: “А... тварь дрожащая?” В его голосе послышалось столько презрения и превосходства, что мне стало как-то не по себе. И тут соседка, заскочившая, чтобы узнать, сколько стоит работа, услышав слова парня, задала ему отнюдь не педагогический вопрос. “А смогли бы вы убить старушку, – спросила она у ребят, – у которой было бы под подушкой несколько миллионов, если бы знали, что вас никогда не поймут? Зато денег хватит, чтобы обеспечить себя и всех близких? И работать в каникулы не надо и “Бери от жизни все” – станет не рекламой, а реальностью?”

Ребята задумались и предложили свой вариант: “Зачем самому, можно наводку сделать. Нанять киллера и разделить с ним эти деньги. Ну, ему 10%, а себе все остальное”, – сказал парень из многодетной семьи. Что тут скажешь? Конечно, эти слова нельзя воспринимать буквально. И от слов до дела – совсем не один шаг, но дух времени, атмосфера сегодняшней жизни, которая формирует ценности современного подростка, дает себя знать.

Я расскажу вам еще одну историю, совсем уж детективную, со всеми атрибутами, присущими этому жанру. Только это было не в кино, не в литературе, а в жизни. И так как это случилось где-то в 85 году прошлого столетия, то это действительно напоминало литературу, а не нашу сегодняшнюю жизнь, которая по остроте сюжета может поспорить с самыми фантастическими детективами.

Довелось мне сидеть в одной комнате с убийцей. Убивают сейчас так часто на улице, в подъезде среди белого дня и в самом центре столицы, что это

уже не вызывает ни ужаса, ни удивления. А вот убийц нам все-таки видеть приходится не так часто, их просто не могут ни поймать, ни судить, они как бы неуловимы.

Симпатичный был парень, эрудированный, начитанный, историк по образованию. Все время читал исторические романы, а я ему предлагала помочь поступить в аспирантуру. Он отказывался и мечтал найти работу где-нибудь в лесничестве. И наконец нашел вакансию где-то в Ярославской области и поселился в затерянном в лесу охотничьем домике.

Пережив семейную драму или какой-то разлад души, человек порой пытается спастись где-нибудь вдали от цивилизации, в уединении. Как-то “Комсомольская правда” рассказала о москвичке, которая прожила пять лет в Сибири, в тайге, на заимке, залечивая свои душевные раны.

Может быть, и наш герой пытался спастись от душевного кризиса в лесничестве, вдали от друзей и близких, — думала я. Но тут-то было совсем другое. В лесничество он устроился, чтобы затеряться на время и там вынашивал планы бандитских набегов на московские магазины и банки.

А потом мы узнали, что он с группой бандитов напал на инкассатора в магазине “Молодежный”, убил несколько человек, а потом и его убили. Первая мысль — такая нелепая, которая пришла в голову: “А мы ведь с ним сидели на одном стуле”.

Мне всегда как-то было неловко просить его сделать какую-то техническую работу, хотя он был моим помощником. (Дозвониться автору, “почистить работу” — проверить цитаты, подклеить грязные места, времена были еще докомпьютерные, и вся правка в рукописи перепечатывалась заново, а потом клеивалась.) Казалось, он способен на что-то большее.

Вот так. Мать у него была завучем в какой-то элитной спецшколе, отец — инженер, а сын убийца.

Что это — раздвоение личности? Один — нормальный, а другой — преступник? Или так умело притворялся? Он жил как бы в двух мирах. Где-то он добился немалых успехов, а в его голове ни на минуту не прекращалась жестокая борьба и вторая ипостась, жаждущая убивать и наслаждающаяся насилием, нет-нет да и брала вверх. В эти минуты нормальный человек превращался в маньяка. Хладнокровный и расчетливый, жаждущий власти манипулятор?

А потом начала вспоминать его слова, высказывания, поступки, пытаюсь найти в них намек на будущее преступление.

В памяти всплыл его конфликт с редактором отдела, когда Павел, так его звали, попытался показать, что тот недостаточно квалифицирован, грамотен. Какой-то злобный мстительный блеск увидела в его глазах, отразивший черноту души. Но это была одна секунда. А потом он как бы взял себя в руки, и уже читалась покорность во взгляде. Или его откровенное осуждение “карьерных устремлений”, как он выражался, матери, которая хотела сделать свою школу лучшей в городе, или ироническое отношение к отцу, у которого дома — экспериментальная мастерская по изготовлению самоделок, “тоже мне Кулибин XX века”. Но все это какая-то ерунда, которой можно было бы пренебречь, если бы он не совершил убийство. Так что же побудило его ко злу? Каким он был на самом деле?

Самолюбивый, жестокий авантюрист, жаждущий приключений и преклонения, признания своих сверхталантов. Познакомившись с асоциальной группой, такие ребята сразу принимают ее законы и с удовольствием включают в противоправную деятельность. В правонарушениях их привлекает прежде всего риск, пьянящее чувство опасности. Они любят участвовать в рискованном “деле”, удовлетворяя свое стремление к приключениям, авантюрам, желание ощущать себя героем среди своих друзей.

Чувствовалось, что мать боится каких-то проявлений его характера. Звонила часто, расспрашивала, как Павлу работает, как к нему относятся, довольны ли его работой. Такая, в общем-то, заботливая мать, хороший специалист, умная женщина.

И так как это не кино, а настоящая жизнь, то необходимо найти ответ на вопрос, откуда они все-таки берутся, монстры? Литература может дать уклончивый ответ на этот вопрос, но педагогика должна ответить прямо — где, в чем причина, кто виноват, иначе нет смысла в ее функционировании. Вопросов много, но следует честно сказать себе, что проблема столь сложна и серьезна, что рискуешь не получить ответ даже на собственный вопрос. Однако есть

спасительная максима: “Вопрос мудрее ответа”. Вовремя поставленный вопрос сам по себе уже есть ответ.

У этой истории есть продолжение. Я встретилась с ней случайно, в вагоне метро, наверное, через год после случившегося. Трудно было узнать в пожилой, небрежно одетой женщине еще совсем недавно такую современную и преуспевающую мать Павла. Я не хотела ее смущать и сделала вид, что не заметила. Но она сама подошла ко мне и сказала, что хочет поговорить. Мы вышли из вагона и сели на скамейку, и она... заплакала, потом стала оправдываться, а потом сказала, что сама во всем виновата — упустила, слишком занята была собой, работой, чужими детьми. Рыдания душили ее. Я старалась успокоить, закрыть от любопытных глаз, но все-таки не могла не задать вопрос — было ли что-то в характере Павла настораживающее, необычное?

— Я все время об этом думаю. Да, было, — теперь я так считаю, — но раньше я, даже имея психологическое образование, не могла сказать себе правду — что в характере его есть какие-то отклонения от нормы. Он с детства был очень скрытным ребенком, невероятно честолюбивым и властным. Младшего брата буквально третировал — за его неаккуратность, несобранность, за тройки, которые тот получал. Он, в отличие от Павла, совсем другой — мягкий, добрый, общительный. Но в Павлике было и много хорошего. Он любил историю, много знал, был очень активным членом отряда “Поиск”, аккуратный такой был, дисциплинированный. Коллекционировал оружие, правда мне это увлечение не нравилось. Любил играть в войну. Но жестокий он был с детства, — вдруг резко сказала она. — Была какая-то нетерпимость у него к слабости.

— А в чем это проявлялось?

— Сосед у нас был — мальчик, отличник. Чуть младше Павлика, он его не раз избивал, и я ничего не могла поделать. Бил жестоко, родители даже хотели в милицию заявить, но я упростила. Говорила с Павликом, убеждала, но ненависть его к соседу не могла погасить. Мальчик, кстати, был умный, математиком стал, в Силиконовой долине работает. Павлик был сдержан, но в ярости он мог убить человека. Особенно если выпьет. Я пыталась бороться с этим, но безуспешно. И еще какая-то гордыня была в нем непомерная. Если у него что-то не получалось, если не достигал цели, то на него накатывало. Это было всегда. Если кто игрушку не даст или что-то не получается, кто-то обидит его, а он не смог отомстить или дать сдачи, ярости его не было предела. В такие моменты я очень боялась за него. Он мог наброситься на жертву. Но вот убить инкассатора-женщину, вынашивать преступление месяцами — это у меня в голове не укладывается. Какое-то помутнение сознания. Ночами не сплю и все думаю, как, в какие минуты могла зародиться у него в голове такая чудовищная идея. Что побудило взяться за оружие? Хотя оно было рядом. И может быть, это послужило толчком.

Я пыталась бороться с агрессией, сурово наказывала за драки, поощряла любое проявление отзывчивости, добрых чувств, взяла в дом собаку, кошку, пыталась с самого раннего детства заместить агрессию добрыми поступками, но ничего не получалось. От судьбы, а может быть, от характера, данного природой, никуда не уйдешь, — сказала она. И в словах ее было столько горечи и убежденности, что мне стало страшно. Неужели качества личности, потенциальная структура будущего “я” заложены в человеке с самого начала?

Заглянем в “Окна”...

Чтобы просветить бедный советский народ, теперь уже российский, по части секса (“в СССР секса не было” — это уже стало клише), а вернее в коммерческих целях — наше телевидение, не щадя общественную нравственность, предложило заглянуть в “Окна”, где живут “больные с сексуальными расстройствами”. Сдирая с эротики покрывало интимности ради повышения рейтинга передач, ТВ превращает эротику в “искусство” подсматривания, делаю ее вульгарной и извращенной. Да простит мне читатель этот не имеющий к теме невольный пассаж. Но если уж так интересуется клиника, может быть, полезнее обратить свои взоры на более традиционные вещи, как это сделала в своих заметках учительница Э. Горюхина, увидев отклонения в человеческом характере, выявить “специфический профиль личности”, свойственный плохо адаптированным людям, который приводит в дальнейшем

к убийствам, грабежам, пьянству, наркомании. Или просто к личностному неблагополучию. Но тогда под сомнение будет поставлена гениальность Дмитрия Нагиева и его коллег, их буйная фантазия и смелость ведущих и создателей таких скандальных передач, как “Окна”, “Дом”, “Каникулы в Мексике”.

Психолог Горюхина заглянула в “Окна” реабилитационного центра “Вдохновение”, что находится в селе Никольском Московской области, куда помещают мальчиков с трудной судьбой. Увидела детей с искривленными характерами, которые привели их к асоциальному поведению. Это особого рода учреждение, где возвращают детей к норме не только с помощью нейролептиков, но обращаясь к духовным и физическим силам ребенка. “Вдохновение” – детище отца Ильи, священника местной церкви.

Оскорбление или причинение боли порождает ответную реакцию, вызванную жаждой отомстить. Действует принцип “око за око, зуб за зуб”. И это подтверждено многочисленными экспериментами и на животных, и на людях.

Если ребенка распристан от ярости, мы должны дать ему возможность спустить пары. Но как уменьшить агрессию? Как научить давать выход своему гневу неагрессивными способами?

– Батюшка Илья снимает агрессию. – рассказывает Горюхина, – погружая ребенка в мир, где не повышают голоса, где бьющую руку норовят поцеловать, где учат самому главному в жизни – умиению уступать.

И еще. Если мы хотим мира, нам необходимо формировать и поощрять отзывчивость и стремление к сотрудничеству с раннего возраста.

Родителям надо учиться добиваться дисциплины без применения насилия. Вот один из приемов, который предлагает американский психолог Дэвид Майерс из штата Мичиган. Используйте позитивные формулировки (“Когда закончишь уборку своей комнаты, пойдешь играть”) вместо негативных (“Если не убережешь комнату, я сравняю тебя с землей”). Реализация одной такой программы замещения агрессии снизила количество повторных задержаний юных правонарушителей и членов подростковых банд.

Подростков и их родителей обучали навыкам общения, эмоциональному самоконтролю, повышая уровень их рассуждений о нравственности, и это дало реальные результаты.

И коль скоро мы не можем ничего поделать с нашим телевидением, для которого показ сцен насилия, убийств – это возможность получения сверхприбыли, и нам отказано в праве хоть как-то влиять на него, так давайте, чтобы окончательно не изувечили наших детей, займемся профилактикой. Будем говорить с ними о том, что ТВ отражает не реальный мир, а изображает окружающую действительность искаженно, что в жизни все-таки убивают не каждую секунду, что нормальных людей большинство, что агрессия и насилие – это исключение из правил.

Когда американским детям из штата Иллинойс стали рассказывать о том, что в жизни нет такой концентрации преступности, что ТВ сгущает краски, что агрессивное поведение осуждается, то результат не замедлил сказаться. Дети, с которыми разговаривали на эти темы, оказались меньше подвержены влиянию сцен насилия, чем те, с которыми не вели предварительные беседы.

На Ямайке в 1974 году была осуществлена программа борьбы с преступностью, включавшая установление строгой цензуры на телевидении и в кинематографе, которая ограничивала показ сцен с применением оружия. Уже в следующем году количество краж уменьшилось на 25%, количество выстрелов без смертельного исхода на 37%. В Швеции был прекращен выпуск военных игрушек. Служба информации Швеции еще в 80-е годы сформулировала национальную политику следующим образом: “Игра в войну учит решать споры насильственным путем”. Конечно, это лишь слабая попытка в комплексе мер снижения агрессии.

К сожалению, мы не можем разделить оптимизм Эндрю Карнеги, который еще в 1900 году писал, что в двадцатом веке “человекоубийство будет считаться столь же отвратительным, сколь отвратительным кажется нам сегодня каннибализм”. С тех пор как он произнес эти слова, было убито около 200 миллионов человек.

“Есть печальная ирония в том, что, хотя сегодня мы понимаем природу человеческой агрессии лучше, чем когда-либо, – пишет Дэвид Майерс, – человеческая бесчеловечность едва ли уменьшилась”.

Мать и дочь

Дочь моих друзей была очень трудной девочкой. Звали ее Глаша. Редкое имя. Оно очень нравилось родителям и совсем не нравилось девочке. И во дворе, и в классе подшучивали, придумывали дразнилки типа “Глафира из кефира”. А так как она действительно “сидела” на кефире – страшно боялась поправиться, то это все портило настроение, задевало больное самолюбие, а потом начинались упреки в адрес родителей за нестандартное имя.

Глаша училась отлично, занимала первые места на всевозможных олимпиадах, много читала и ни с кем не дружила. Если собирались всей семьей в гости, театр, кино, музей – в последний момент отказывалась идти. Родители уходили, а она оставалась одна. Испортив всем настроение, разрушив все планы. И никто не мог понять, что это было. Каприз, упрямство, а может быть, желание побыть одной – отдохнуть, сказывалась психическая усталость.

Периоды веселья, высокой работоспособности сменяются спадами активности, жалобами на здоровье, снижением настроения.

Все время стремилась во всем быть первой, самой красивой и самой умной. В школе без конца бегала с четвертого этажа на первый, чтобы посмотреть в зеркало, как выглядит. Если кто-нибудь один день не похвалит ее внешность или способности – настроение портилось.

Нельзя сказать, что родители выжимали из нее “последние соки”, как часто бывает в таких случаях. Совсем нет, и тем не менее противоречие между требованиями родителей, – они могут быть не прямо высказаны, но ощущаются подспудно, – и своими возможностями приводят к страху не соответствовать ожиданиям, “быть не тем”, кто принят и уважаем.

Этот внутриличностный конфликт лежит в основе развития неврастении. Что характерно для нее? Быстрая истощаемость психических процессов, повышенная раздражительность, замкнутость, частая смена настроения. Жаловалась на головную боль, боли в сердце, были признаки аллергии. Обращались к врачу, но ничего не находили.

Ребенок болен, но что-то в нем самом порождает болезнь. Причина психическая, следствие соматическое.

Но так как девочка была очень способная, на учебе это не сказывалось. Ну, не ходила в школу неделю, говорила, что плохо себя чувствует, а потом все проходило, и на это как-то не обращали внимания. Ну, не может же человек быть всегда готов, пусть когда-то и расслабится, отдохнет, – считали родители.

Но постоянное желание быть первой во всем, когда силенок мало, подорвало ее здоровье, сделало больной. Хотя при щадящем режиме все могло бы обойтись.

Мать рассказывает сон, который ей часто снился. Сон-пожар, все полыхает, а дочка не хочет вставать с кровати. “Я хватаю ее в охапку, она вырывается, и мы бежим из дома, к которому уже приближается огонь”.

Эмоциональное перенапряжение, неадекватное реагирование на поступки и слова окружающих оставляет отпечаток на всем духовном складе, провоцируют агрессию. Меняется характер и личность в целом.

За всеми этими тревогами и заботами о себе девочка не чувствовала, что происходит в доме, в семье, – заботы матери, болезни бабушки, неприятности на службе отца.

Так как я с этой семьей была в очень близких отношениях, дружили домами, то я фактически была свидетелем многих ее поступков. И все как будто было в пределах нормы. Но вот один ее поступок меня не просто удивил, а заставил задуматься – что творится в душе девочки.

В класс, где училась дочка моих друзей, пришла новенькая. И сразу стала лидером. Красивая, умная, отлично училась и в то же время далеко “не пинька”. Она как будто решила создать новый образ отличницы – смелой, умной и дерзкой. И мальчишки, и девчонки – все готовы были ей подчиняться, попались на ее обаяние, хоть и с отрицательным знаком. Глаша не могла выдержать подобного соревнования, возненавидела новенькую с первой минуты. И тут новенькая зарвалась, решив, что ей все дозволено.

С очередного урока военного дела она увела всех ребят в кино. Одна Глаша в кино не пошла, а скиталась по школе в поисках какого-либо занятия.

На педсовете было принято решение – новенькую из школы исключить.

У Глаши, когда рассказывала мне об этой истории, глаза горели праведным гневом, но не потому что сорвали урок у старенького учителя и у него случился сердечный приступ, а потому что наконец-то избавилась от соперницы.

“Если бы вы видели, как она унижалась, как просила ее простить. Такая жалкая была, уродливая”, – рассказывала Глаша, и в голосе ее было столько превосходства и презрения.

Я только и решилась сказать: “Лежачего не бьют...”

В поведении Глаши для родителей было достаточно настораживающих моментов, но даже умные, заботливые родители порой упускают какие-то явные отклонения от нормы, считая, что с возрастом все образуется.

Если физическое нездоровье нас беспокоит, то с психическим неблагополучием мы редко обращаемся к врачу, а оно имеет тенденцию накапливаться, меняет характер человека настолько, что в дальнейшем он не может социализироваться, т. е. нормально жить и работать.

Такому подростку трудно адаптироваться, строить свои отношения с близкими и друзьями. Жизнь ведь тоже не щадит и по-разному складывается. И редко бывает безоблачной. А чаще всего обстоятельства подталкивают к развитию теперь уже болезни, а у таких личностей чаще всего в силу их характера особенно трудно складывается жизнь. Так что, получается замкнутый круг.

Шли годы. Как будто дух разрушения вселился в нее, а может быть, так проявляются задатки неординарной судьбы. Бросила театральный институт, куда прошла по конкурсу, и все считали ее счастливицей, ушла из уютного дома и жила где-то зимой в дачном поселке, куда от электрички надо было добираться минут 30 по безлюдной дороге, порвала с парнем, с которым дружила с детства и за которого собиралась выйти замуж. И все наводило на мысль: в жизни бывают ошибки, исправить которые уже невозможно.

Пропадала на неделю, а то и больше, и не звонила, а потом оказывалось, что уезжала в другой город, путешествовала автостопом, “познавая жизнь, какая она есть на самом деле”. И хотя тогда были другие времена и другие нравы, и бандитов было меньше или мы просто о них ничего не знали, но все равно материнское сердце было в вечной тревоге, в страхе, беспокойстве, где она, жива ли, что еще выкинет. Сначала мать ждала терпеливо, потом не выдерживала и начинала обзывать всех знакомых, расспрашивать, кто и когда ее видел в последний раз. Все это потом “добрыми” людьми передавалось Глаше, да еще в утрированном виде. Отношения накалялись до предела.

Известный математик Дмитрий Воеводский, вспоминая о своей юности, рассказывал, сколько страхов натерпелось его родители, когда он автостопом, никому ничего не говоря, отправлялся с приятелями в Ленинград. Возвращался и ни слова упрека, а только голодного и уставшего кормили бульоном и улыбались счастливо, радуясь встрече.

И только когда у него появились две свои дочери и когда они подросли, он понял, что переживали родители во время его отлучек и какой ценой давались эти улыбки.

К сожалению, Глаше не дано было осознать, чем могли кончиться для родителей такие ее выходки. Это была свобода от всего и всех, на которую, как она считала, имеет право, свобода от обязанностей, долга, любви, жалости по отношению к самым близким людям.

Зачерствевшее сердце не способно было осознать чужую боль, поставить себя на место другого, ни тогда, ни потом. Усвоила роль эдакого прокурора, обвинителя. Родителей обвиняла буквально во всем, по любому поводу. И никогда себя.

Велика сила материнской любви! Разве чужому можно простить хоть сотую долю того, что выдерживали эти родители.

Я всегда пожалалась, откуда берется такое терпение, черпаются такие запасы любви – не обижались, все прощали, пытались найти объяснение, но не оправдание, всем ее неблагоприятным поступкам.

Прошло еще несколько лет. Отношения в семье были по-прежнему напряженными. Глаша вышла замуж, родила двоих детей. Муж был художником, зарабатывал мало, жил где-то в мастерской, дома появлялся раз в неделю, детьми тоже не очень занимался. Все легло на плечи подруги. Деньги, которые зарабатывали бабушка и дедушка, шли в молодую семью, а сами они едва сводили концы с концами, жили на крохотные пенсии. Но все было мало –

никогда никакой благодарности от дочери, одни упреки – не то купила, не то сказала, не то сделала.

Подруга моя, умная и редкого душевного обаяния человек, как-то попросила меня робко, извиняющимся голосом: “А ты бы сказала дочке что-нибудь хорошее про меня”. “Что, например?” – удивилась я. “Ну как относятся ко мне студенты. Что уважают и любят не только как хорошего педагога, но им интересно со мной общаться. Звонят без конца, приходят, рассказывают о всех своих творческих планах, делятся переживаниями, просят совета...”

А в прошлом году произошел в этой семье конфликт, который перерос в неразрешимый. Глафиру пригласили в труппу какого-то провинциального театра, чуть ли не на Дальнем Востоке. Контракт заключался не на 2 месяца, а на 2 года. Моя подруга должна была остаться с двумя маленькими внуками, бросить любимую работу.

Но она отказалась это сделать.

Понимала, что детям без матери будет очень плохо, даже если рядом заботливая и любящая бабушка. Отец детей был тоже против отъезда и переселиться на Дальний Восток не собирался. Все понимали, что семья рухнет, что дети останутся без отца и без матери.

А кроме того, сцена требует здоровья, энергетики, которая зажигает зал. А этого как раз у Глаши не было.

Чем же кончилась наша история? Глаша в театр на краю света не поехала, сорвались все ее планы, и вот уже год она не разговаривает с родителями, не подпускает внуков к телефону.

Мои попытки, на правах близкого друга семьи, помирить оказались безуспешными. Глаша непреклонна. Считает, что родители эгоисты, мать все это сделала из ревности и зависти, и ее жизнь теперь никогда не пересечется с родительской.

Как-то журнал Elle, считая это новым словом в понимании психологии родителей и детей, хотя здесь явно слышится старый фрейдистский мотив, напечатал огромную подборку высказываний дочек о матерях под броским заголовком “Не завидуй мне, мама!”.

Чтобы не быть голословной, приведу несколько примеров:

“... когда мы встречаемся, я готовлюсь к тому, чтобы потом болеть, вспоминая ее слова и тон”.

“... Чего бы это ни касалось, я должна была запомнить: в жизни мне предстоит только терпеть. “А что ты хочешь. Это жизнь”, – так и слышу мамин голос. Вспоминаю его сейчас, я улавливаю злорадство”.

“... я никогда не просила ее что-то мне купить. Я знала, как раздражал ее мой вечный свитер. Но он был моим знаменем независимости”.

“... Мама постоянно высмеивает мои успехи на работе, хотя сама так и не имела никакого профессионального роста”.

“... Когда я забеременела, я сказала моему мужу: “Об этом не должна знать моя мама”. Не знаю, почему я это сделала, но это было требование инстинкта – сохранить ребенка. Я боялась собственной матери и боюсь до сих пор”.

А далее комментарии психолога. “Так мать верит, что желает дочери добра, всеми силами разлучая ее с любимым человеком, вместо того, чтобы признать самой себе, что завидует ее счастью. Она перестает совсем сочувствовать дочери, стимулируя самые древние проявления зависти – желание зла”.

Возможна ли зависть матери к дочери? Наверное, возможна. Она есть, как и зависть дочери к матери. Но все-таки это редчайшее исключение. Хотя психолог пытался увидеть в нем современную тенденцию, явление, у которого достаточно значительный размах.

А мне слышится в этих высказываниях скорее просьба о помощи. Эти дочки, полные неудовлетворенности от собственной жизни, пытаются найти в матери “козла отпущения”. Это своего рода психологическая защита, когда искаженное восприятие проецирует на близкого человека свои переживания, считая его виновником всех своих бед. Это тот самый случай, когда мы стараемся себя оправдать, выискивая в другом плохие качества.

В погоне за сенсацией, отвечая на потребности обывателя, жаждущего чего-нибудь “жареного”, нашими доморожденными психоаналитиками создается миф о соперничестве между дочерью и матерью, вбивается клин между самыми близкими людьми.

С легкой руки Фрейда мы выискиваем причины наших неудач в далеком детстве, виним во всем родителей, но отнюдь не себя – взрослых детей, которые уже сами стали родителями.

Подобное отношение к матери – признак какого-то душевного неблагополучия, говорит о невротическом состоянии личности, агрессивности, вымещаемой на самом близком человеке.

Любая фрустрация – т. е. несбывшиеся ожидания, личное оскорбление или физическая боль может привести к эмоциональному срыву. Даже мучительное депрессивное состояние повышает вероятность проявления агрессивности.

Слушая подругу, вспоминая многие моменты жизни, анализируя поступки Глаши, я пыталась решить для себя вопрос: больная она или это проявления дурного характера. И каждый раз думала, ну не может здоровый человек из нормальной семьи так себя вести, быть таким неблагодарным, жестоким, эгоистичным. На добро отвечать злом.

Но ведь “еще не вечер”, как говорят часто в последнее время. Может быть, что-то изменится в этой семье. Мужество и надежда не должны покидать нас, пока мы живы. Родителей не выбирают, но и детей тоже.

Яблоко от яблони...

Наследственность, которой до революции придавали слишком большое значение и которую в советские времена совсем как бы отбросили, сегодня, когда мы с ней не считаемся, может сыграть с нами злую шутку. В общем, требует, чтобы мы с ней считались и уделяли ей должное внимание.

Я узнала об этой трагедии, когда бабушка написала письмо в редакцию с просьбой помочь устроить несовершеннолетнюю внучку на лечение к хорошему наркологу. Если можно, бесплатно.

...В редакцию пришла немолодая женщина, с тонким интеллигентным мягким лицом, немного смущенная. В комнате было много народа, а история совсем не для публичного обсуждения. И рассказала мне о своей жизни.

Она заведовала большой лабораторией, муж – достаточно известный авиаконструктор, лауреат Государственной премии, а сын – учиться не хотел. Его и не неволили, видели, что учеба дается с трудом. Устроили в ПТУ, потом пошел работать на автобазу, а потом спился.

“Но он совсем не плохой, добрый, меня очень любит, даже стихи мне посвящал”. И она прочитала какие-то наивные строчки, заблуждаясь и гордясь, как может гордиться сыном только родная мать. Оказалось, сын был приемный. Взяли его из детского дома в грудном возрасте от родителей-алкоголиков, и ребенок нес в себе “алкогольные гены”.

Приемные родители что только ни делали, как только ни лечили – и любовью, и строгостью, и современными медикаментозными средствами, и народными методами ничего не помогало. Когда пьяного сына приносили к порогу квартиры и бросали бесчувственного, полумертвого у двери – выдержать это было просто невозможно.

– А он не догадывается, что вы ему не родные? – спросила я. – Может быть, узнав правду, он почувствует благодарность за ваше бескорыстное отношение к нему. И это перевернет его сознание?

– Нет, – твердо ответила она. – Мы ведь были и строги, и суровы с ним – разными путями пытались бороться с этой губительной наследственностью. И он может истолковать все по-своему. Это может стать для него губительной информацией. Ничего нельзя сделать. К кому только я ни обращалась, сколько денег это стоило, вы даже представить не можете. И когда я пытаюсь у целителей получить ответ, почему же они не могут помочь ему, они отвечают, что он попадает в те 5–6%, которые не поддаются лечению. Но теперь я пришла по поводу внучки. Такая была чудесная девочка, красивая, и голос хороший, я ее возила в ансамбль Локтева, потом в художественную школу, ушла даже с работы, чтобы больше внимания ей уделять, но наследственность опять победила. Не только отец алкоголик, но и мать пьяница, и девочка стала наркоманкой. Все хорошее куда-то ушло, теперь уносит вещи из дома, спит с кем попало, лишь бы деньги достать на дозу.

Вот такая ужасная история, далекая от оптимистических картин, рекламирующих патентованные средства от алкоголизма и наркомании и клиники, где за огромные деньги “излечивают” от этих недугов.

Запой у сына с каждым годом становились все страшнее. И лечили, и устрашали, и в конце концов не выдержали – оставили его, и уехали за границу, чтобы самим не умереть от этой кошмарной жизни.

А недавно, в последних известиях, прошла информация, что их квартира сгорела и сын заживо сгорел в ней, а потом из далекой Америки пришло письмо от этой несчастной женщины, в котором она рассказала о случившейся трагедии и обвиняла себя в том, что оставила больного сына, зная, чем все это может закончиться.

Я не хотела бы, чтобы меня поняли превратно, что я против усыновления. В одной из моих статей я рассказала об американке, удочерившей совсем больного ребенка с тяжелой патологией. Но она это сделала с открытыми глазами, зная, что может ожидать ее в будущем. Героиня же нашего рассказа считала, что воспитание всесильно. И я так думала до недавнего времени. Народная мудрость гласит, что яблоко от яблони недалеко падает, т. е. переходя на язык современный – гены, наследственность определяют во многом судьбу человека.

Нет методов, гарантирующих успех, нет раз и навсегда найденных правил. И всё-таки педагогика – это не кораблик без руля и ветрил, есть законы, выполнение которых обязательно, есть истины, которые вечны, есть правила, которые нельзя нарушать.

* * *

Рассказывая о трудных судьбах трудных детей, известный советский педагог В. А. Сухомлинский, ныне почти забытый, писал: «Только ласка является той чудодейственной духовной силой, которая способна уберечь человеческое сердце от огрубления и озлобления, от жестокости и равнодушия, от бессердечно-тупого отношения к тончайшим прикосновениям к сердцу и прежде всего к доброму, сердечному слову».

Так что давайте почаще вспоминать слова педагога, в которых заключена глубочайшая правда, касающаяся всех нас, и тогда, возможно, мы сумеем выжить в мире, где злоба, ненависть и жестокость пустили свои глубокие корни.

АНАТОЛИЙ КИРПИЧНИКОВ

*д.и.н., заведующий отделом Института истории
материальной культуры РАН*

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Идея празднования 1150-летия российской государственности одним из первых была предложена заведующим отделом Института истории материальной культуры РАН, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором исторических наук, профессором А. Н. Кирпичниковым. По мнению ученого, известного широкой общественности благодаря уникальным открытиям, совершенным под его руководством Староладожской археологической экспедицией, 862 год должен быть занесен в календарь ежегодно отмечаемых дат как память обо всех двенадцати веках истории нашего государства. Благодаря инициативе Общественной палаты Ленинградской области, в которой А. Н. Кирпичников возглавляет комиссию по сохранению исторического, культурного и духовного наследия, и при поддержке Общественной палаты Российской Федерации идея празднования 1150-летия зарождения российской государственности получила широкий общественный резонанс.

Именно 862 год можно считать временем зарождения отечественной государственности. Произошло это в низовьях реки Волхов, у стен древнего города Ладога, который стал центром объединения славяно-финно-угорских племен, а затем – первой резиденцией первого правителя Древней Руси князя Рюрика. Сообщение об этом содержится в достоверных и наиболее полных списках (летописях) “Повести временных лет” – в Ипатьевском, Хлебниковском, Радзивилловском, Московско-Академическом, Летописце Переяславля-Суздальского, а также в “Истории Российской” В. Н. Татищева.

Заново перечитаем строки выдающегося произведения древнерусской литературы – “Повесть временных лет”. Название этого произведения звучит так: “Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля...”. В данном случае нас особенно интересует “Сказание о призвании варягов”, как оно представлено в одном из наиболее достоверных списков – Ипатьевском: “В год 859-й. Варяги, приходя из-за моря, взимали дань и с чуди, и со словен, и с мери, и с веси, и с кривичей. В год 862-й. Изгнали варягов за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: “Поищем сами себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные – урмане и англяне, а еще иные – готы –

Материал подготовлен совместно с редакцией журнала “Вестник Совета Федерации”.

так и эти. Решили русь, чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к словенам. И срубили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой – Синеус – на Белом озере, а третий – Трувор – в Изборске”. От тех варягов прозвалась наша земля Русью.

Через два года, как записано в Ипатьевской летописи, умерли Синеус и Трувор. Всю власть на Руси принял один Рюрик, который отправился к озеру Ильмень “и срубил город над Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, и стал раздавать мужам своим волости и города рубить – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренные жители в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, на Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик”.

На основании сохранившихся до наших дней летописных данных можно заключить, что начальный этап формирования Древней Руси неразрывно связан с именем князя Рюрика и избранными им в качестве столичных резиденций городами Ладогой, а затем Новгородом. Особого внимания заслуживает то, что “призвание варягов” было совместным решением союза славянских и финно-угорских племен.

Для восточных славян была характерна этническая уживчивость, что может выглядеть удивительным в отношении государствообразующего, лидирующего народа. И не случайно развитие российской государственности происходило именно на многонациональной основе – на принципах объединения народов, а не захвата земель и покорения населения. Славянским племенам были присущи вечевые, демократические традиции принятия всех важных решений. Уместно вспомнить византийского писателя Прокопия Кесарийского, в VI веке писавшего: “Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве. Поэтому у них счастье и несчастье считаются общим делом. И в остальном у этих народов вся жизнь и все законы одинаковы”. Мы вправе предположить, что именно на вечах собрании вожди племен, старейшины, главы родов и семейств приняли решение пригласить князя Рюрика в качестве нового лидера своего полиэтнического союза, древнего прообраза современной федерации.

В конце VIII – начале IX века на нашем северо-западе сформировалось раннегосударственное образование – союз ильменских словен, кривичей, чудь, мери, веси. Его обществено-политическим и экономическим центром стал город Ладога, и зона влияния охватывала северный отрезок торговых путей в Арабский халифат и Византию. Отмечу, что в некоторых источниках это объединение называют Русским каганатом. Хотя в научной среде до сих пор ведутся споры, относится ли Русский каганат к предгосударственному образованию в землях северных славян или же к объединению полян, северян и других племен на южном отрезке пути из варяг в греки с центром в Киеве.

Сведения, содержащиеся в письменных источниках, проверяются, уточняются и дополняются данными археологических исследований. До прихода Рюрика Ладога существовала уже почти 100 лет, а Новгород, точнее, Предновгород, или Рюриково городище, возник в 850–870-х годах. Таким образом, Ладога стала первым центром правления варягов, приглашенных в Поволховье. Это случилось потому, что Ладога стояла на пути внутрь страны, ее было не миновать, а Предновгород в то время скорее всего еще не был отстроен.

С приходом Рюрика Ладога два-три года (по В. Н. Татищеву – четыре) была столичной резиденцией образующейся Древней Руси. За 1000 лет до основания Санкт-Петербурга она стала воплощением стремления славянских племен получить свободный выход к Балтийскому морю, чтобы торговать с Северной и Западной Европой.

Здесь, в низовьях реки Волхов, фактически на стыке морских и речных путей, славяне основали Ладожское поселение. По данным дендрохронологического анализа спилов древних бревен строения, открытого Староладожской экспедицией во время археологических раскопок, Ладога была основана не позднее 753 года. Не многие города Западной Европы эпохи Средневековья могут похвастаться такой точностью в исчислении своего возраста!

Очень скоро Ладога, воздвигнутая на высоком левом берегу широкого и полноводного Волхова, стала одним из самых значительных на севере Вос-

точной Европы международных торговых городов-портов – наравне с датским Рибем и шведской Биркой. Через Ладогу по крупным рекам Русской равнины – Волге и Днепру проходили магистральные пути в Арабский халифат и Византию. С севера на юг везли оружие, меха, мед, воск, янтарь, бусы, рабов, а в обратном направлении – пряности, ювелирные и стеклянные изделия, дорогие ткани, вино, серебро в виде монет и позднее – богослужебные греческие книги.

Многолетние раскопки показали, что хозяйство Ладоги было ориентировано на внешние связи, обеспечение судоходства. Земледелие не играло сколько-нибудь заметной роли. Основу ладожской экономики составляли дальняя и ближняя торговля, обмен и в определенной мере – сбор дани с окрестного населения. В ту пору получили развитие различные ремесла (косторезное, деревообрабатывающее, кожевенное, кузнечное, бронзолитейное и стеклодельное). Кроме того, ладожане оказывали услуги по ремонту купеческих судов, были проводниками по своему родному порожистому Волхову. В конце IX века в Ладоге была построена первая на Руси каменная крепость.

Древняя Ладога представляла “многоязычный Вавилон”, где гармонично уживались представители базового этноса – славяне с финнами, скандинавами, фризами, арабами, булгарами и представителями других народов. Возникнув наряду с другими раннегосударственными образованиями на Балтике как разнотническое торгово-ремесленное поселение, Ладога в силу особенностей своего расположения становится сначала форпостом Балтийской цивилизации на пути к богатствам Востока, затем – политическим центром складывающейся Древней Руси. В отличие от многих одновременно с нею возникших поселений Ладога не меняла своего местонахождения, и жизнь в ней никогда не замирала.

Приоритетное положение Ладоги (Альдейгьуборга) подтверждают скандинавские саги IX–X веков. В этих произведениях (при всей фантастичности их содержания и указаниях на неподтвержденные загадочные, но, возможно, в какой-то мере реальные события) сообщается о местных владетелях и их семьях. В Ладоге останавливались знатные норманны, чинили и строили корабли, защищались от нападений, у стен крепости происходили битвы, в мирное время здесь встречали и провожали купеческие корабельные караваны, вели дипломатические переговоры, устраивали свадьбы, собирали вече (тинг). Древней династии ладожской знати (ярлов) принадлежал легендарный заговоренный меч Тюрфинга, который “будет убивать человека всякий раз, как его извлекут из ножен”. Для северных пришельцев Ладога (Альдейгьуборг) была первым городом Руси на их пути на Восток. Вплоть до конца XI века они стремились владеть им как крупным центром с богатым рынком и сильной крепостью.

Историки до сих пор спорят, зачем и откуда пришел Рюрик с братьями на Русь. По версии некоторых ученых, Рюрик был скандинавом, поэтому получается, что государство не русское, а норманнское. Развернулась острая борьба между норманнами, стало быть, учеными-западниками, и антинорманистами, превозносящими чистоту славянской крови. Не вдаваясь в подробности, скажу кратко: в 862 году ладожанами был призван (и не случайно) человек, способный остановить не только внутренние раздоры, но и внешних врагов. На тот исторический момент национальность варяга значения не имела.

Политический выбор северорусских и финских племен оказался дальновидным и точным. Викинги-разбойники, терроризировавшие почти всю Европу, не покушались на страну, где уже не служил наемником, а правил, возможно, их соотечественник, судя по всему, опытный полководец и политик. Рюрик возвел в Ладоге крепость и посадил в городах своих людей – управителей. В летописи, кроме Ладоги, названы Предновгород (Новгород возник на своем месте в X веке), Ростов, Муром, Полоцк, Изборск, Белоозеро.

Рюрика справедливо характеризуют как основоположника государственного здания, строительство которого продолжил с 882 года его преемник князь Олег, прозванный Вещим, который объединил Северную и Южную Русь и провозгласил Киев матерью городов русских, то есть столицей страны. Масштаб деятельности Олега, судя по “Повести временных лет”, был поразителен и соответствовал могучему установлению новых общегосударственных целей. Было развернуто массовое строительство городов-крепостей; подчи-

нены древляне, северяне, радимичи; установлена дань славянам, кривичам, мери; удалось откупиться от набегов воинствующих варягов. Олег бросил вызов хазарам: их данники — северяне и радимичи были освобождены от поборов восточного соседа. Олегу первому в русской истории можно приписать создание армии под единым командованием. Во время похода на Киев в 882 году в ее состав входили варяги, чудь, меря, весь и кривичи. В 907 году состоялся удачный поход на греков, в котором участвовало до 14 разноплеменных отрядов. Эта войсковая практика была унаследована затем московскими князьями. Уместно сказать, что в 1380 году на Куликовскую битву собралась рать из представителей 36 городов. Воинские подразделения шли на бой, проделав путь в 750–900 километров.

Древнерусское государство последовательно создавалось с 862 по 882 год. Именно тогда в Европе, можно сказать, возникла, утвердилась и обустроилась могущественная держава, где наряду со славянами-русами жили финно-угры, скандинавы, поляки, группы кочевников, представители многих других племен и народов. Всего в образовании многонациональной Руси IX–X веков приняли участие 22 этнические группы. Молодое государство объединило не только земли и людей, но и традиции, обычаи, правила, на основании которых и зарождалась российская государственность.

Базовое население Древней Руси было спаяно общими языком, культурой, территорией, торговым и экономическим пространством, одной династией, несколько позднее — православной верой и письменностью. По одной технологии изготавливались предметы быта, украшения. Сходными являлись домостроение, фортификация, архитектура, военное дело и вооружение. Конечно, имелись некоторые различия (например, в развитии северных и южных земель), но они обычно носили частный характер.

Геополитическое положение Руси, а в дальнейшем России, между Западом и Востоком, многоэтничный состав населения, необозримые размеры территории, открытость и доступность по отношению к соседям, веротерпимость и гостеприимство — все это обусловило особую широту, природную щедрость и отзывчивость народа.

В истории Руси — России всегда присутствовал такой фактор, как связь с Востоком и Западом. Страна не могла не использовать достижения мировой цивилизации. Особенно на первых порах был важен беспрепятственный доступ к водным морским путям, международной торговле, в конечном счете — к человеческому взаимопониманию и тесному сотрудничеству со Старым Светом.

Уязвимость Руси — России со стороны границ с восточными, западными и северными соседями, победы и поражения, а порой и катастрофы, готовность населения к самопожертвованию, массовый героизм в периоды сражений и войн, удивительное терпение — все сказалось на формировании национального характера. Русские, первоначально жившие в духе вольных традиций, после монголо-татарского нашествия были вынуждены мириться с социальными невзгодами и нарастающим классовым неравенством.

В 1237 году монголо-татарские орды вторглись на территорию Рязанской земли. Спустя три года северо-восточная и южная части страны превратились в руины. Армия завоевателей во время европейских походов насчитывала 100–150 тысяч конников. Можно предположить, что при сражениях с войсками русских княжеств, захватах городов нападающие обладали 10–30-кратным численным преимуществом. Даже объединенное войско нескольких земель не могло противостоять такой армаде, хотя неоднократно предпринимало попытки. Монголо-татарские полчища впервые за несколько истекших столетий принесли миру новую войну, основанную на тотальном истреблении всех, кто пробовал сопротивляться. Последствия этого нашествия оставили далеко позади себя все, что было известно о междукняжеских распрях и половецких набегах.

Высказываются мнения, что монголо-татарский погром Руси “не очевиден”, что летописцы, описывая ужасы опустошения, его преувеличили. Археология дает на это отрицательный ответ. Результаты археологических раскопок на местах уничтоженных древнерусских городов и исследования останков свидетельствуют о массовом сожжении жилищ и сотнях погибших людей. Летописец не преувеличивал, когда писал следующие горестные слова: “Осироте бо тогда и обнищала великая наша Русская земля, и отьяся слава и честь ея, но не вовеки и поработися богомерску царю... от Батыева времени”. Монголо-татарское вторжение явилось печальным рубежом в истории русской куль-

туры, задержало ее развитие на 150–200 лет именно в тот момент, когда страны Западной Европы начали быстро развиваться.

Последствиями монголо-татарского нашествия стали ослабление связей между областями и целыми регионами, упадок торговли, ремесел и строительства, нарушение торговых путей, общее оскудение материальных и человеческих ресурсов. Относительно жизнеспособными оказались Юго-Западная Русь и Новгородско-Псковские земли. Столичные функции от Киева перешли к Владимиру на Клязьме. Целостность, единство Киевской Руси было нарушено. Постепенно началось обособление территорий, на которых потом возникнут Украина и Белоруссия. При этом, однако, важно отметить, что созданное в домонгольской Руси духовное и материальное богатство не исчезло окончательно. Столетиями историческая память народа, как верно пишет историк П. П. Толочко, несмотря на монголо-татарское нашествие, литовские, польские завоевания, сохраняла древнерусскую систему понятий и идеалов, осознание своей органической неотъемлемости от киевского наследия, свою русскую идентичность. Как не вспомнить слова Дмитрия Донского, сказанные им в 1380 году перед полком в начале битвы на Куликовом поле: “Все бо есмы от мала до велика братие едины... род и племя едино... едино крещение, едина вера Христова”.

Как бы ни менялись исторические эпохи, ныне Россия, Украина и Белоруссия являются прямыми наследницами Киевской Руси, а 1150-летие российской государственности в 2012 году предстает как праздник трех семей братских равноправных народов, взращенных от общеславянского корня.

В Великом Новгороде находится памятник “Тысячелетие России”, созданный скульптором М. О. Микешиним в 1862 году. Его упрекали в том, что он, как бы по ошибке, изобразил исторических персонажей начиная с Рюрика, при этом полагая, что государство не мог создать герой, кем бы он ни был, в один день, следовательно, у Рюрика должны быть некие предшественники, подготовившие рождение государства. Действительно, у славян Восточной Европы к середине IX века сложилась ранняя форма государственности в виде, например, племенных княжений. Надо было уловить созревшую идею, которая быстро овладела умами людей, идею о необходимости принятия общеземельного государственного устройства. Рюрик сумел осознать назревшие задачи большой страны и возглавил именно это направление. Таким образом, он справедливо занимает место среди фигур памятника “Тысячелетие России”. Следовало бы продолжить традицию создания монументов к памятным датам и воздвигнуть, например, в честь нынешнего юбилея в Старой Ладoge – древней столице Руси – памятник великим основателям российской государственности – князьям Рюрику и Олегу.

Что означает 1150-летие нашего Отечества? Юбилей – это не только воспоминания о событиях 862 года, это память обо всех двенадцати веках нашей истории, о свершениях и падениях в нашем прошлом. Это память о завещании древнерусской державы народам России, Украины и Белоруссии. По сути, это – многогранное богатство, которое ждет, чтобы им как следует распорядились. Пусть окрыляют нас молитвы и помыслы наших предков, стремившихся сделать все возможное, чтобы обустроить свое настоящее и часто непредсказуемое будущее.

“Юбилей, – писал философ И. Ильин, – века общенародная. Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве, не только в его грехах и падениях, но в его доброте, в его доблести, в его подвигах. И особенно – в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история”.

Празднование 1150-летия российской государственности помогает осознать наше многовековое прошлое. Русское государство, возникнув однажды, существовало всегда; это, если учесть войны и бедствия, часто ставившие страну на край гибели, своего рода чудо. Юбилей 2012 года – новая историческая высота, с которой через призму прошлого мы лучше видим настоящее, выбираем путь в будущее.

Недаром помнит вся Россия...

200 лет тому назад в конце июня 1812 года полумиллионная армия “императора Запада”, как он себя величал, Наполеона Бонапарта пересекла границу России и устремилась на Восток. Наполеон, “самовлюблённый герой”, уже видевший себя повелителем мира, полагал, что для достижения этой цели ему осталось сокрушить Россию. Но так не считали русские люди, так не считал великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов, полвека прошедший в сражениях и походах. Противоборство этих великих личностей во многом определило ход мировой истории, судьбу России и Франции, судьбу Европы.

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

КУТУЗОВ И НАПОЛЕОН

Великое противоборство

Они родились с разницей в один месяц: 15 августа – Наполеон, а 16 сентября – Кутузов. Но между этими датами прошло 24 года...

В определённом смысле они были людьми разных эпох. 1745 год, когда в Санкт-Петербурге, в богатой аристократической семье российского генерала и инженера Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова и его жены, урождённой Беклемишевой, родился единственный сын Михаил, это был год, когда власть аристократических родов в феодально-королевской Европе казалась незыблемой. Наоборот, царские или королевские престолы часто были утлыми челнами в волнах дворцовых интриг могущественных придворных группировок, что в России, что и во Франции. Всего за четыре года до рождения будущего “Спасителя Отечества”, как назовут Михаила Кутузова после его победы над Наполеоном, очередной придворный заговор сбросил с престола утвердившуюся было в России Брауншвейгскую династию родственников императрицы Анны Иоанновны и отдал этот престол в руки “дщери” Петра Великого Елизаветы Петровны. Переворот этот тогдашним русским обществом был воспринят положительно, как залог торжества национальных интересов. Профессор Императорской академии наук Михайло Васильевич Ломоносов написал торжественную “Оду на день восшествия на престол Ея императорского величества государыни Елисаветы Петровны”, где призывал дочь Петра следовать по стопам своего Великого отца во славу России. Повяло вновь петровским временем, энергией реформ и преобразований.

Да ведь и действительно – к управлению институтами великой державы приходило новое поколение образованных людей, родившихся в петровское бурное время, воспитанное на примере неумного царя-преобразователя. Отец Александра Васильевича Суворова был крестником царя Петра, отец Михаила Илларионовича Кутузова был одним из первых русских военных инженеров, получивших образование за границей. Родившийся в 1718 году, он к моменту рождения своего единственного сына Михаила имел всего только 27 лет от роду, а уже генерал и известный инженер-строитель! По его проекту был построен Екатерининский канал в Санкт-Петербурге, он преподавал в Артиллерийской и Инженерной школе – престижном дворянском учебном заведении, где впоследствии будет учиться и его сын Михаил и, кстати говоря, будет там слушать лекции своего отца и лекции прославленного Михайлы Ломоносова, также привлечённого к обучению будущих офицеров русской армии.

Само рождение Михаила Илларионовича окружено неким налётом таинственности. Так, совершенно неизвестно, кто была его мать. Фамилия Беклемишева как девичья фамилия матери – это всё, что осталось историкам. Даже имя её неизвестно. Но род Беклемишевых, старинный дворянский род уже дал одну замечательную женщину в истории России – Ефросинью Беклемишеву, мать князя Дмитрия Пожарского, тоже ведь “Спасителя Отечества”!.. Тут поневоле задумаешься, что в истории не всё происходит случайно..

Но умерла мать Михаила Кутузова рано, видимо, сразу после рождения единственного своего ребёнка, опять об этом ничего неизвестно, источники доносят до нас только, что Миша Кутузов “лишился матери во младенчестве”. Странно также и то, что молодой вдовец, отец Михаила более уж в своей жизни не вступал в брак, хотя дослужился до высоких чинов и был, конечно, завидным женихом. Нет, он оставался вдовцом, но воспитание единственного сына поручил своему двоюродному брату Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову, адмиралу, а впоследствии – наставнику великого князя Павла, будущего императора Павла I. Таким образом, воспитателем и Михаила Кутузова и будущего императора был один и тот же человек. Не в этом ли кроется причина большой близости в дальнейшем императора Павла и генерала Кутузова, вошедшего в особый круг ближайших друзей несчастливого государя, убитого заговорщиками? Не тут ли и ответ на вопрос, почему Кутузов будет не в фаворе (мягко сказано) у следующего императора – Александра I, до такой степени, что только трагические обстоятельства начала нашествия Наполеона на Россию заставят, да и то не сразу, Александра согласиться на просьбу всего петербургского дворянства о назначении Михаила Илларионовича главнокомандующим русскими военными силами в борьбе с Наполеоном.

Но это будет ещё не скоро, а пока маленький Миша живёт в доме своего дяди, читает, рано научившись грамоте, его богатую библиотеку, и путь его определён – Дворянское Артиллерийское и Инженерное училище, где преподаёт его отец.

А что же в Европе? А в Европе, во Франции – богатейшей и влиятельнейшей стране континента, правит король Людовик XV, очень нуждающийся в деньгах, ведь этот любвеобильный монарх (он так и вошёл в историю под именем Возлюбленный) не может ни в чём отказать своим многочисленным фавориткам (среди которых известная мадам де Помпадур), и казна “богатейшей” страны пуста. Франция того времени представляла собой довольно странное зрелище. Действительно, ставшая во времена царствования “короля-солнца” Людовика XIV влиятельнейшей страной Европы, она держала свой народ в нищете. Деление общества на сословия, когда два первых сословия – священники и дворяне – пользовались исключительными льготами, были освобождены от всех налогов, а тяжесть податей лежала исключительно на низших слоях общества, в том числе и на так называемом “третьем сословии” – нарождающейся и уже довольно влиятельной буржуазии, это деление вело к неизбежному социальному взрыву. Правители Франции задумывались об этом, но лишь в том смысле, что постоянно наращивали численность своей армии, которая должна была тушить вспышки народного недовольства и присоединять к “благословенной Франции” новые территории. Территориальный рост обяван был обеспечивать казне королевства поступление новых доходов в виде налогов с этих завоёванных территорий. Ничто не ново под луной! И Наполеон Бонапарт, став императором, ведь тоже будет проводить точно такую же внешнюю политику, только в гораздо более глобальных масштабах.

Потому неудивительным был захват французскими войсками в мае 1769 года средиземноморского острова Корсика, принадлежащего формально до того времени Генуэзской республике, а фактически – уже освободившегося от иноземной власти, провозгласившего свою независимость во главе с неким местным землевладельцем Паоли, человеком ярким, неординарным, который до последнего вздоха будет бороться за независимость своей родины. В 1755 году отряд Паоли разгромил генуэзцев и освободил Корсику, но недолгим было независимое существование тогдашнего “Острова Свободы” в Средиземном море. Жадный французский двор быстро прибрал его к своим рукам.

Однако нужно ведь было как-то привязать к метрополии новую территорию. Не всё же только кнутом действовать. И вот местному корсиканскому дворянству даются все права, которыми пользуется и дворянство французское. В частности, право отдавать своих сыновей в лучшие государственные военные училища Франции и на государственный кошт! А корсиканцы народ, как известно, воинственный, ведь сам этот остров на протяжении столетий был оплотом и базой всем известных средиземноморских пиратов – “корсаров”, названных так не случайно, а исключительно в честь их родины. Известно, были ли у сына адвоката Карло Бонапарте и его молодой жены Летиции (урождённой Рамолино) из столицы Корсики Аяччо в роду славные и кровавые пираты, но то, что противники Наполеона будут при всяком случае упорно (и не без основания) называть его “корсиканским людоедом”, это – несомненно.

Возможно, что сам Наполеоне (так по-корсикански звучит его имя) пошёл характером не в своего отца Карло – человека доброго, покладистого, несколько рассеянного и любившего “радости жизни”, страдавшего желудочными расстройствами, сгубившими его раньше срока, а в свою мать, необыкновенно энергичную и предприимчивую красавицу Летицию, нарожавшую супругу кучу детей (у будущего императора было 12 братьев и сестёр; впрочем, пятеро умерли в детстве). Характер будущего “покорителя Европы” был таким же бурным, стремительным, взрывным, как у его матери. Даже родился он, как рассказывают, на бегу. Летиция, будучи уже на сносях, не сидела дома, а всё время суежилась по хозяйству и, почувствовав приближение родов, еле успела вбежать со двора в дом.

Да, Наполеон уже с детства отличался бурным темпераментом. Вечно непоседливый, драчливый, своенравный – это был “тяжёлый” ребёнок, и только решительность и жёсткая рука его мамы до поры до времени сдерживали его властные инстинкты. Не первый ребёнок в семье (у него был старший брат Жозеф), он не мог рассчитывать на получение большого наследства, да и на продолжение отцовского дела – обычно дело отца, по законам майората, переходило к старшему сыну. Его жёсткий характер, видимо, обратил на себя внимание родителей, и на семейном совете было решено воспользоваться данным Францией корсиканским дворянам правом отдавать своих детей в военные школы на государственное обеспечение – весной 1779 года Карло отвозит своего 10-летнего сына в Бриеннскую военную школу на востоке Франции. Начинается военная карьера сына адвоката Наполеоне, которая возведёт его к вершинам мировой славы и власти, но, в конце концов, будет пресечена усилиями сына русского инженера Михаила Кутузова.

А что же Кутузов, что делал он в это время в России?

Это была уже несколько иная эпоха. “Просвещённый век” был в разгаре; трон заняла “просвещённая” ученица Вольтера, как она сама любила подчёркивать, немка Екатерина II. Но просвещённая-то она просвещённая, а на престол вступила всё тем же способом – через дворцовый переворот, да через убийство своего нелюбимого мужа, племянника покойной уже к тому времени императрицы Елизаветы Петровны, несчастного Петра Феодоровича, недолго просидевшего на русском троне под именем Петра III.

События эти, произошедшие летом 1762 года, существенным образом оказали влияние на судьбу молодого инженера-прапорщика (в таком чине он был выпущен из стен Артиллерийской и Инженерной школы) Михаила Кутузова. Дело в том, что он, закончив учёбу, довольно быстро стал делать карьеру. На него обратил внимание сам император Пётр III и назначил адъютантом к своему родственнику, голштинскому принцу Петру Августу Фридриху Гольштейн-Бекскому, только что (в январе 1762 года) произведённому в фельд-

маршалы! Естественно, личный адъютант фельдмаршала, к тому же очень расторопный во всех придворных делах, юный Миша Кутузов мог рассчитывать на блестящую карьеру. Однако события лета того года, низвержение императора, а соответственно — и всей его “голштинской” партии, могли поставить крест на блестящей будущности молодого офицера. Новая хозяйка России — императрица Екатерина Алексеевна “перебирала людишек”... Так и блестящий адъютант фельдмаршала вдруг оказывается в должности ротного командира Астраханского полка, даже не гвардейского... И тут ему несказанно повезло! Командиром этого полка назначают мало ещё кому известного Александра Васильевича Суворова. Михаилу Кутузову доведётся со всем тщанием пройти незабываемую военную школу Суворова, его “Науку побеждать”. Это отложится у него на всю жизнь и, несомненно, явится залогом будущих его блестящих побед.

Да и хорошо, что судьба вырвала молодого офицера с лощёного дворцового паркета и бросила в распутицу военных дорог... Кем вырос бы изящный в манерах, красивый (кумир дам!), ловкий и расторопный отпрыск богатого и родовитого отца, если бы не этот поворот судьбы? Россия знала бы ещё одного “великосветского шкоду”, но никогда уж точно не узнала бы сурового “идола северных дружин”, каким предстоит стать Кутузову на гребне своей славы.

Только семь месяцев тогда доведётся прослужить молодому офицеру под началом Суворова; в апреле 1763 года Александра Васильевича переведут командовать более престижным Суздальским пехотным полком, но (примечательный факт!) он успеет дать первую в жизни Кутузова служебную характеристику. Характеристика будет очень лестной: “По усердной его службе к повышению чина быть достойн”. Это нужно было заслужить! Но уехал Суворов, а юный Кутузов всё так же прозябал в своём Астраханском полку. Надо было решаться на что-то, и он решился. Начиналась война в Польше, где усилиями русского правительства на престол был посажен верный сторонник России король Станислав Понятовский, но вся Европа узрела в этом уж слишком большое усиление значения “варварской” России в европейских делах, и польские магнаты, “гордое шляхетство” было подвигнуто на мятеж против своего пророссийски настроенного короля. России нужно было удерживать Польшу, которая, кстати говоря, владела в то время землями и Белоруссии, и Правобережной Украины. Направлять туда большие регулярные части пока опасались, чтобы не вызвать гнев Европы и прежде всего королевской Франции, которая давно уже слыла “радетелем” за “несчастный польский народ” и потому посылала туда и оружие, и военных советников, и постоянно поддерживала состояние внутренней смуты в этой славянской стране.

Для участия в польских делах набирались волонтёры (добровольцы) и в России. И вот в марте 1764 года офицер Астраханского полка Михаил Кутузов отправляется на войну в беспокойную Польшу. Ему тогда было только 18 лет, но жажда славы, стремление вырваться из тенёк скрытой полуопалы, что-то сделать для продвижения по службе толкали его на риск. Так и началась в 18 лет его боевая жизнь, которая закончилась ровно через 49 лет после того, весной 1813 года, и тоже ведь на территории Польши, когда фельдмаршал русских войск, только что разгромивших Наполеона, будет вести свою армию освобождать Европу. И все эти полвека — бурная военная жизнь — походы, сражения, штурмы крепостей, тяжкие ранения и большие награды, интриги недругов, опалы и возвышения по службе...

Кутузову помогло тогда его польское волонтёрство. Он проявил себя, был замечен императрицей Екатериной II. Императрица, видимо, пожалела, что подвергла опале способного (и красивого, надо заметить) молодого офицера из хорошей семьи, и вот Кутузов в июле 1767 года определяется не куда-нибудь, а секретарём Уложенной комиссии, созданной волей “матушки” Екатерины для выработки, ни много ни мало, новых российских законов, своего рода Конституции (видна ученица Вольтера!), вместо устаревшего уже давно Соборного уложения 1649 года царя Алексея Михайловича. Председательствует в этой комиссии (которая иногда рассматривается, как некий предпарламент или сейм, на манер польского) “маршал” (и тут аналогия с польским сеймом) Александр Ильич Бибииков, а с этим семейством Кутузов хорошо знаком с детства, ведь родная сестра «маршала» Катя Бибиикова часто бывала в доме Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, где воспитывался Миша Ку-

тузов, и с ней он знаком с молодых ногтей. Забегая вперёд, скажу, что Катя Бибикова станет впоследствии женой Михаила Илларионовича и верной его подругой, родившей ему шестерых детей.

Но недолгим было существование комиссии, первой попытки создать представительское учреждение в императорской России. Сама форма народного представительства (а в Уложенную комиссию входили “выборные” от всех сословий русского общества, кроме крепостных крестьян) была противна духу абсолютизма (пускай и “просвещённого”), и когда до Екатерины (которой эта самая Уложенная комиссия на первом своём заседании всеподданейше преподнесла титул “Матери Отечества”) дошло, что некие “выборные” обсуждают крепостнические порядки, бытующие в России, то с комиссией вскоре было покончено. Под благовидным предлогом начала войны с Оттоманской Портой (как тогда именовали Турцию) её распустили.

Интересно, что это событие – разгон первого в истории Российской империи представительского учреждения, совпало по году с одним мало кому ставшим тогда известным происшествием – рождением на острове Корсика, в глухой провинции французского королевства, сына адвоката Наполеоне Бонапарте. Кто бы тогда мог себе представить, что пройдёт 30 лет, и в 1799 году этот самый сын адвоката разгонит в свою очередь французский парламент и положит конец одной из самых кровавых демократий, когда-либо существовавших в мире. Чтобы вскоре учредить одну из самых кровавых империй...

А Михаил Кутузов, лишившись престижного поста, снова оказался в каком-то подвешенном состоянии. Он было вернулся в свой Астраханский полк, потом снова подался в Польшу, где война с Барской конфедерацией (названной так по месту учреждения в городе Бар) польских магнатов-олигархов вспыхнула с новой силой, но вскоре Александр Васильевич Суворов нанёс конфедератам решающее поражение под Краковом, разгромил в сражении у Ландскроны хорошо вооружённый отряд французов, шедших на помощь полякам, под командованием известного генерала Дюмуре, взял цитадель Кракова, и война в Польше была решена в пользу России. Это развязало руки русскому правительству, и Екатерина смогла перебраться из Польши на юг к границам Турции значительные военные силы. Началась борьба за выход России к Чёрному морю. В этой борьбе сразу и ярко заблистала звезда великого русского полководца Петра Александровича Румянцева. В его 1-ю армию, громившую турок в Бессарабии, и попал в 1770 году 25-летний капитан Михаил Кутузов.

Попал не случайно. В армии Румянцева служил его отец генерал-поручик Илларион Матвеевич, видимо, он и составил протекцию своему сыну, вызволив его из бесконечного польского волонтерства. Но сам Михаил Кутузов вовсе не рассчитывал на вечное покровительство отца. Дорвавшись до серьёзных военных дел, он, что называется, закусил удила и с головой кинулся в огонь и дым сражений. Армия Румянцева за короткий срок лета 1770 года провела последовательно три блестящих сражений с турками – при Рябой Могиле, при Ларге и Кагуле. В последнем сражении армия великого визиря была уничтожена полностью, Оттоманская империя была потрясена до основания, но у неё ещё оставались сильные крепости близ побережья Чёрного моря – Бендеры, Очаков, Измаил. Кутузов, который только что отличился в сражении при Кагуле, когда он “...по обращении неприятеля в бегство преследовал его на великое расстояние”, за что получил из рук генерал-фельдмаршала Румянцева чин обер-квартирмейстера премьер-майорского ранга, сам напросился во 2-ю русскую армию, которой командовал граф Панин. Армия эта давно уже осаждала сильную турецкую крепость Бендеры на Днестре, и вот в ночь с 15 на 16 сентября (день рождения Кутузова!) – штурм. Опять Михаил Кутузов впереди, крепость взята, и взят следующий чин – Кутузов уже премьер-майор. Но молодому и, прямо скажем, крайне честолюбивому офицеру всё неймётся, он просит обратного перевода в 1-ю армию Румянцева, поскольку эта армия идёт походом на Бухарест и, значит, будут новые кровавые дела. В победоносном сражении при Попештах близ Бухареста он “направившись на все опасные случаи”, и вот в декабре того же бурного 1770 года он уже подполковник. Головокружительная карьера! И не на дворцовом паркете, а под огнём и в дыму сражений. И этого человека потом кто-то будет упрекать в трусости и робости перед Наполеоном, в лени и сибаритстве...

Это было только начало его военных подвигов, дальше будут ещё более поразительные дела, но тут судьба подставила Кутузову подножку... Пред-

ставьте себе молодого офицера, красивого, удачливого, талантливое, до безумия храброго, который за один год из капитанов стал подполковником, который не боится ничего, любит пошутить, у него артистический талант передразнивать знаменитых людей, и он вовсю пользуется этим талантом, чтобы повеселить своих друзей-офицеров на шумных военных пирушках, и вовсе не думает, что среди закадычных друзей могут быть и доносчики... Один такой фарс, где Кутузов передразнил самого генерал-фельдмаршала, закончился для него плохо. Румянцев, который, по образному выражению пиита, “молнии дыхнет с губы”, в гневе был страшен. Он изгнал Кутузова из своей армии, и если бы не благожелательность генерал-аншефа Долгорукова, ставшего к тому времени командующим 2-й армией, военная карьера Кутузова могла бы и закончиться. Но Долгоруков, прославленный завоеватель Крыма, взял его к себе штаб-офицером. Кутузов оказался в Крыму, и тут судьба преподнесла ему новую, очень тяжёлое испытание. Турция, после многих разгромов, учинённых ей русскими войсками, подписала 10 июля 1774 года Кючук-Кайнарджийский мирный договор с Россией, по которому, в частности, лишалась Крыма. Потеря эта была столь нестерпимой, что султан, уже после подписания мира, предпринял попытку отбить Крым. В том же месяце под Алуштой был высажен большая турецкий десант, сплошь состоящий из отборных вояк. На пути этого десанта встал Кутузов со своим отрядом. Сражение было ожесточённое и кровавое. Десант был уничтожен весь, но и русские понесли суровые потери. Кутузов “получил рану пулею, которая, ударивши его между глазу и виска, вышла напролёт в том же месте на другой стороне лица”, – писал Долгоруков государыне Екатерине. Смерть была неотвратима. Вообразите себе человека с головой, пробитой пулей от виска до виска... Такие раны и сейчас не лечатся. Но... Кутузов выжил! Он, правда, долго выздоравливал, но случай этот был настолько поразительным, что на него обратила внимание сама императрица, которая с этого момента стала очень благожелательно относиться к Кутузову, предоставила ему годичный отпуск для лечения с сохранением жалованья. Кутузов был награждён орденом Святого Георгия 4-го класса. Нужно заметить, что ордена Святого Георгия (высшего военного ордена России) давались последовательно с 4-го по 1-й класс, и Михаил Илларионович получит все степени этого ордена и высшую степень – за победу над Наполеоном.

Кутузов лечился до лета 1777 года. Ездил в Европу, его обследовали выдающиеся медицинские светила того времени. Все качали головами, никто поверить не мог в такое чудо – выздоровление после столь тяжкого ранения. Он стал европейской знаменитостью, с ним благожелательно беседовали прусский король Фридрих Великий и австрийские фельдмаршалы Лаудон и Ласси. Есть сведения, что в это время Кутузов вступил в масонское общество, впрочем, тогда это было не удивительно – в масонах побывали едва ли не все знаменитые люди Европы и в том числе императоры Пётр I и Павел I, избранный даже Великим магистром Мальтийского ордена. Масонам одно время покровительствовала Екатерина II, но потом охладела к ним, когда увидела, что во главе Великой французской революции стоят масоны. Быть причисленным к масонству означало в то время войти в элитарный клуб наиболее выдающихся людей Европы.

События эти оказали существенное влияние на характер Михаила Кутузова. Он, что называется, утих. Стал более осмотрительным, более покладистым в отношениях с сильными мира сего. Он стал “хитрым”, как не раз называл себя сам. В нём проявились способности ладить с людьми, но не поддаваться чужому влиянию, а быть всегда себе на уме. Он явно вырос.

По возвращению из Европы, в чине полковника он вновь приступил к военной службе. Новоиспечённому полковнику было уже как-то не к лицу оставаться холостым. Кутузов в 1778 году женился на своей давней знакомой с детства Екатерине Ильиничне Бибиковой, которой к тому времени было 24 года, она была уже “засидевшаяся в девках” невеста. Женильба Кутузова на Екатерине Ильиничне была сопряжена с одним пикантным обстоятельством – первый ребёнок у супругов (дочь Прасковья) родился... за 15 месяцев до свадьбы родителей, ещё в 1777 году. Ну, чего не бывало в “галантный” век “матушки” Екатерины, когда на некоторую распущенность нравов смотрели сквозь пальцы! А Михаил Илларионович по молодости вообще был любимцем дам. Это после он стал тяжеловесным и важным фельдмаршалом, впрочем,

по некоторым свидетельствам, до конца дней своих сохранившим страсть к нежному полу. Жену Кутузова это никогда особенно не волновало. В отличие от семейства Суворовых, к примеру, когда Александр Васильевич добился скандального развода, заподозрив супругу в измене.

Десятилетие с 1777-го по 1787 годы было сравнительно мирным для Кутузова. Судьба словно дала ему возможность передохнуть, обзавестись семьёй, наладить свой быт. Одна за другой в семействе Кутузовых рождаются дочери. После вышеупомянутой Прасковьи (которая, кстати, подарила после своим родителям восемь внуков и двух внучек!) рождаются Анна (1782), Елизавета (1783), Екатерина (1787). Впоследствии родятся дочь Дарья и сын Николай, умерший, к несчастью, во младенчестве. Служебная деятельность отца семейства проходит также достаточно мирно и успешно. Он командует резервным Луганским пикиёрным полком (лёгкая кавалерия) и отличается, в основном, на парадах и смотрах. Так, в июле 1787 года Кутузов со своим полком проявил себя пред взором самой государыни Екатерины на смотре под Полтавой, где проходили армейские учения, посвящённые годовщине Полтавской битвы, и где Кутузов заслужил похвалу “всероссийской матушки” и чин генерал-майора. Может быть, “матушка” уж слишком благосклонно смотрела на любезного “моего генерала”, как она назвала тогда Кутузова в одном из частных писем (Михаил Илларионович всегда отличался необыкновенно галантными манерами), потому светлейший князь Григорий Потёмкин, “милый друг” и фактический соправитель государыни в делах “державства и войны”, отправляет той же осенью Кутузова с его полком на вновь открывшийся фронт боевых действий против Турции. Начинаясь новая Русско-турецкая война, и теперь, после присоединения к России Крыма, предстояло отвоевать у Порты важные причерноморские крепости — Кинбурн и Очаков, запиравшие устье Днепра для русского флота. Здесь новоиспечённому генералу Кутузову предстоит вновь поступить под командование Александра Васильевича Суворова — уже прославленного к тому времени полководца, славе которого завидует сам “светлейший” генерал-фельдмаршал Потёмкин.

Кутузов, под общим командованием Суворова, участвует 1 октября 1787 года в страшном и кровавом сражении на Кинбурнской косе с высадившимся крупным десантом турок. Сражение было очень жестоким. Турки сражались с бешеным ожесточением, едва не обратив в бегство русских солдат. Суворов сам бросается в бой и переламывает ход схватки, хотя и ценой тяжёлого ранения. 5-тысячный десант турок уничтожен полностью. Судьба тогда сберегла Кутузова, но до поры до времени. В следующем году предстоит сражение за сильнейшую турецкую крепость Очаков. Русская армия долго стоит под её стенами, и главнокомандующий Потёмкин не решается на штурм, опасаясь тяжёлых потерь. Но потери и без того следуют одна за другой. 18 августа 1788 года, при отражении вылазки турок из крепости, тяжело ранен генерал-майор Кутузов. Австрийский принц де Линь писал императору Иосифу II: “Этот генерал опять получил рану в голову, и если не нынче, то, верно, завтра умрёт”.

Но Кутузов не умер... Главный хирург русской армии Массо был настолько потрясён таким невероятным событием, что ударился даже в философические пророчества, что так не свойственно людям этой трезвой профессии. Он заметил: “Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам медицинской науки”. Самое поразительное, что выздоровел Кутузов после второго “смертельного” ранения очень быстро — через шесть месяцев он был в строю. Уже в наше время выяснилось, что Кутузов даже не потерял зрения на правый глаз, он не был одноглазым, как обычно принято его изображать на портретах — с чёрной повязкой на правой стороне лица. Но дело в том, что, видимо, раны эти не прошли для него даром. Правый глаз его стал отекать, что бывает при глаукоме. Вот эти отёки и беспокоили Кутузова, они несколько перекашивали его лицо, заставляя носить повязку. Впрочем, он это делал не всегда.

Война с турками продолжалась. В начале 1789 года под командование Кутузова был передан Бугский егерский корпус, который вливался в состав войск Суворова, а на них ложатся задачи по нанесению туркам решающих ударов. Впереди был Измаил...

Перед Кутузовым был Измаил, а перед молодым офицером французской армии Наполеоном Бонапартом был Тулон. Да, честолюбивый корсиканец встретил Великую французскую революцию в небольших чинах. В 1784 году он окончил Бриенскую военную школу первым учеником и заслужил право учиться на государственный кошт в Парижской высшей военной школе. Это был прямой путь к блестящей карьере. Да и к хорошему образованию – в Париже будущим офицерам предметы преподавали лучшие учёные знаменитой Королевской академии наук – математик Монж, астроном Лаплас. Точные науки увлекали Наполеона, и он избрал своей военной специальностью артиллерию. Но недолгим было его обучение в Париже, всего год. В начале 1785 года умирает его отец Карло, и многочисленное семейство Бонапарте попадает в трудное положение. Старший брат Наполеона Жозеф оказывается ленивым и неприспособленным наследником отца, таким же впоследствии станет он и королём Испании, на престол которой посадит его младший брат, а сбросят с этого престола отважные испанские партизаны герильяс. Так уж получается, что из всех отпрысков Карло и Летиции деловым и предприимчивым станет только Наполеон, который всю свою жизнь, пока власть пребудет в его руках, будет тащить на себе всю ораву ленивых и бездарных своих сестёр и братьев. Но нужно отдать ему должное, он никогда не уклонялся от исполнения своих родовых обязанностей. Вот и в 16-летнем возрасте, когда, казалось, жизнь уже начала улыбаться ему, он ради интересов семьи бросает престижную Парижскую военную школу и выходит скромным подпоручиком в войска.

Юг Франции. Маленький городок Валанс. Жизнь артиллерийского подпоручика могла бы быть не такой уж тяжёлой, в глухой провинции офицер королевской армии – это не так уж мало. Но Наполеон исправно посылает большую часть своего жалованья матери, а сам не имеет возможности даже купить себе необходимые для продолжения образования книги. Хорошо, местный букинист выдаёт ему бесплатно для чтения тома военных историков и географов, описание путешествий на край света, философские труды Вольтера и Руссо, Рейналя и Мабли. Что мог почерпнуть из них молодой честолюбивый офицер, какую жизненную позицию усвоить для себя? Все эти творцы новой европейской “философии просвещения” сходились в одном – человек выше всего, ему не довлеют никакие авторитеты, в том числе авторитет Бога. Бог – это лишь функция, придуманная для того, чтобы держать в узде плебс. Это, разумеется, необходимая функция, но необязательная для сильной личности. Сильный индивид сам прокладывает себе дорогу, он несёт свет, рассеивающий тьму предрассудков, сам становится Богом, нет преград его несокрушимой воле. . . Мысли эти в голове Наполеона сеялись на благодатную почву. Но. . . реальность последних лет королевской Франции была совсем иной. У скромного артиллериста провинциального гарнизона не было никаких надежд выбиться в люди, его судьба – тянуть служебную лямку. Неудивительно, что Наполеон охладевает к службе, берёт годичный отпуск, уезжает на Корсику, занимается наследственными делами, ему удаётся доказать своё право на одно спорное имение, оставшееся от отца. . . Несомненно, если бы не 1789 год, не революция, так внезапно вспыхнувшая в Париже, мир никогда бы не узнал великого завоевателя Европы. Может быть, из Наполеона получился бы неплохой юрист, он, заодно с новомодными философами, проштудировал как-то учебник римского юстиниановского права, да так, что спустя 15 лет мог целыми главами цитировать чеканные римские дигесты.

Революция разразилась. 14 июля 1789 года пала Бастилия. Королевская власть существовала ещё три года, но безвольный король Людовик XVI был обречён. Анархия постепенно захватывала провинции Франции. Армия бездействовала, не имея конкретных приказов сверху. Наполеон, он уже был капитаном, однажды приказал открыть огонь по мародёрам (это было на его родной Корсике, куда он перевёлся по службе), но сам попал под подозрение властей. Его вызвали для разбирательства в Париж, и здесь он стал невольным свидетелем штурма взбунтовавшейся толпой королевского дворца Тюильри и свержения монархии. Он своими глазами видел дрожащего от страха короля, вышедшего на балкон дворца в красном революционном колпаке, дабы задобрить народ. . . Наполеон грязно выругался по адресу короля, и его спутник запомнил одну фразу, произнесённую им: “На месте короля я

бы рассеял этих каналов картечью... 500–600 трупов – и всё было бы конечно”. В этом низкорослом, не очень красивом офицере в поношенном мундире бушевали сильные страсти!

На следующий (1793) год ему удастся применить свои артиллерийские способности. В Париже пришли к власти якобинцы, начался революционный террор, а юг Франции был объят пламенем контрреволюционных мятежей. Сильнейшая крепость Тулон была захвачена мятежниками. Английский флот помогал восставшим. Якобинская армия осадила Тулон, но решимости на штурм не было. Неизвестно, слышал ли Наполеон что-то о взятии Измаила русскими войсками в конце 1790 года. Скорее всего – да, это событие прогремело по Европе. Имя генерала Суворова стало популярным во Франции, газеты рассказывали, как в решающий момент штурма, когда одна из наступающих колонн русских, которой командовал некий генерал Кутузов, остановилась под убийственным огнём противника, а сам Кутузов доложил, что не может выполнить боевую задачу, Суворов послал ему приказ с назначением его, Кутузова, на должность коменданта Измаила. Кутузов поднял своих солдат в атаку и... стены Измаила были взяты!

Это запомнилось артиллеристу Наполеону. Он явился к Саличетти – своему земляку с Корсики, который был политическим комиссаром от якобинского парламента в армии, осаждающей Тулон, и предложил свой план решительного штурма. На штурм двинулись несколькими колоннами (как русские на Измаил) после двухдневной ожесточённой артподготовки. В решающий момент, когда колонны под сильнейшим огнём противника остановились, Наполеон сам поднял в атаку свою колонну и захватил господствующую над городом высоту. Дальше в дело вступила его артиллерия... Тулон был взят.

И тут Наполеону улыбнулась ещё одна удача. Штурм Тулона наблюдал Огюстен Робеспьер – младший брат знаменитого лидера якобинцев Максимилиана Робеспьера. Он послал в Париж своему брату подробный доклад обо всём деле и в самых восторженных словах обрисовал действия артиллерийского капитана Наполеона Бонапарта. Эффект был поразительный – в начале следующего 1794 года вождь якобинцев, Неподкупный, как именовали Максимилиана Робеспьера его адепты, добивается для 24-летнего для Наполеона производства в бригадные генералы. Звезда Бонапарта начала свой стремительный взлёт!

В определённом смысле Наполеону везло. Ему повезло ещё раз в 1795 году, когда он, едва не попавший под суд как выдвигенец Робеспьера, уже свергнутого к тому времени контрреволюционным переворотом, познакомился с красавицей Жозефиной Богарне, любовницей самого Барраса – главы правительства (Директории) Франции на тот момент. А Баррасу нужен был генерал, который бы спас его от готовящегося путча роялистов. И Бонапарт согласился сыграть роль палача. В ночь на 5 октября 1795 года (13 вандемьера по календарю республиканской Франции) Бонапарт, назначенный помощником Барраса, приказывает стянуть артиллерию к зданию Конвента. Мятежники густыми толпами бросаются на штурм. В упор гремят пушки Бонапарта... Наполеон сумел осуществить на деле своё желание – смёл картечью полтысячи человек и стал самым известным политиком во Франции – политиком “больших батальонов”, как он любил потом говорить. Далее последовала женитьба на светской львице Жозефине, которая из постели Барраса перешла в постель Бонапарта.

Но прежде чем захватить власть во Франции, Наполеону нужны были победы, и он прямо из-под венца отправляется на итальянский фронт. Отсюда его безумная храбрость – он должен был победить или погибнуть – поражение означало для него политическую смерть. Однажды переступив через кровь, он уже не мог остановиться и всё больше и больше полагался на силу своих пушек и безусловную преданность своих солдат. Преданность солдат можно было приобрести только личным примером. И Наполеон рискует, а возможно, у него действительно атрофируется чувство страха. Некоторые поступки его выглядят безумными. Во время Итальянского похода 1796 года он дважды со знаменем в руках бросается на австрийские пушки – в сражениях при Лоди и Арколе (знаменитый Аркольский мост). Прямыми залпами картечи вокруг него убивают всех – и солдат и адъютантов, на нём же – ни единой царапины. И победы следуют за победами!

Но Наполеон умён. Он прекрасно понимает, что война – это не только романтика сражений, геройство и подвиги. Война – это ещё нажива и часто –

нажива очень большая. “Я поведу вас в самые богатые области света!” — заявляет он своим солдатам перед началом Итальянского похода. И он даёт возможность своим солдатам грабить, и грабить эффективно. Он не возит за своей армией больших обозов с продовольствием и фуражом. “Война сама должна кормить себя!” — самодовольно заявляет он, имея в виду, что всё, что нужно, завоеватели получают с мирного населения завоёванных земель.

Победив Австрию, принеся Франции славу, Наполеон твёрдо решил — он не будет больше одерживать победы для кого-то другого. Он одержал более 60 побед, превзойдя, таким образом, всех известных на то время полководцев мира, был внесён самим Суворовым в тройку самых великих полководцев истории (Ганнибал, Цезарь, Наполеон). Однако, в конце концов, всё-таки уступил на театре войны человеку, который после пятидесятилетнего своего юбилея несколько охладел к грому военной славы, а больше склонялся к дипломатии, к педагогике, да и к довольству придворной жизни, что уж греха таить!

* * *

В последние годы царствования императрицы Екатерины Великой мы застаём генерала Кутузова, награждённого уже тремя степенями ордена Святого Георгия, не на стенах вражеских крепостей, а в дворцовых интерьерах. Он дипломат, подписывающий выгодный для России мир с Турцией, он директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса — самого престижного военного учебного заведения Российской империи — “рассадника великих людей”, как называет его Екатерина. Он закадычный друг “самого” Платона Зубова — последнего и самого могущественного фаворита царицы. Через посредничество Зубова он принят в ближайшем окружении Екатерины, в кругу постоянных застольных друзей. “Ловкий царедворец”, “хитрейший из всех людей” — вот далеко не самые худшие эпитеты, что клеют к нему недоброжелатели. Но одновременно с этим Кутузов ведёт занятия с кадетами своего корпуса, читает им лекции по военному делу, участвует в маневрах войск под Петербургом, выполняет специальные и очень ответственные задания императрицы. Он всегда при деле.

Да и такой ли уж ловкий он царедворец? Отчего же не видно его во дворце в ноябре 1796 года, когда после внезапной кончины Великой Екатерины от инсульта (покойница до конца дней очень любила крепчайший кофе, а о гипертонической болезни тогда мало что знали) все действительно ловкие царедворцы толпой кинулись улаживать наследника престола, нелюбимого Екатериной сына Павла. Канцлер Безбородко тут же выдал Павлу секретный указ Екатерины о назначении новым наследником престола, в обход Павла, его сына, внука Екатерины, Александра, за что был озолочён Павлом. Павел на радостях осыпал наградами ловких царедворцев, но безжалостно выгонял из армии заслуженных офицеров и даже прославленных военачальников. Так, были уволены фельдмаршалы Румянцев и Суворов, 333 генерала и более двух тысяч офицеров. Но Кутузов остался. Он ведь был уже заслуженный дипломат, и Павел не мог обойтись без таких людей, ведь надо было поддерживать своё реноме в Европе, а Кутузов, знавший почти все европейские языки, бывший “умнейшим, тончайшим, просвещёнейшим и любезнейшим человеком”, как отзывались о нём современники, становился здесь незаменимым.

Постепенно Кутузов вновь оказывается в фаворе при дворе “сумасбродного” императора, как втихомолку именуют Павла аристократы. А Павел, хотя и обладал непредсказуемым характером, но глупцом не был и многое в европейской политике понимал тоньше и глубже, чем окружающие его “екатерининские вельможи”. Так, довольно рано он понял, что в той разгорающейся в Европе борьбе с Наполеоном и послереволюционной Францией России отведена роль рабочей лошадки, пушечного мяса к вящей славе австрийских фельдмаршалов и английских лордов. Это очень явно проявилось летом 1799 года, когда победоносная армия Суворова напрочь разгромила французские войска, занимавшие Северную Италию после побед Наполеона двухгодичной давности, а в решающем сражении при Нови погиб сам командующий французской армией молодой и очень перспективный генерал Жубер. Возможно, что эта смерть, в перспективе, расчистила Наполеону путь

к власти. На генерала Жубера Директория делала большую ставку, надеясь противопоставить его в политической борьбе за власть уж слишком усиливающемуся Бонапарту. Но... Жубер столкнулся с Суворовым, и этим, как говорится, всё сказано. После его гибели французскую армию возглавил опытейший генерал Моро, но и он не смог устоять перед натиском суворовских "чудо-богатырей". Французы в Италии были разгромлены, и теперь Суворов планировал поход на Париж (через Южные Альпы и Лион), но он не мог осуществить этот смелый замысел без реальной помощи австрийских союзников, а в этой помощи ему было отказано.

А окончательная победа была так реальна! Русский флот под командованием Ушакова только что захватил Ионические острова с сильнейшей французской крепостью на острове Корфу, десанты русских войск были высажены в Южной Италии, при участии отряда русских моряков освобождён от французов Рим!.. Сам Бонапарт в это время находился в Египте и безнадежно застрял там, так как не смог взять турецкую крепость Акру в Палестине. Турки сражались ожесточённо, только что в городке Яффа сильный турецкий гарнизон сдался войскам Бонапарта под обещание французов сохранить им жизнь. Но генерал Бонапарт, которому некуда было девать пленных, приказывает расстрелять их всех. Несколько тысяч человек были убиты французами на берегу Средиземного моря... "Корсиканский людоед"!

Суворов, лишённый поддержки австрийцев, вынужден был осенью того же года со всей своей армией пробиваться по ледяным высокогорным дорогам Альп, надеясь соединиться в Швейцарии с русским корпусом генерала Римского-Корсакова, располагавшимся в Северной Швейцарии, так как на помощь австрийцев рассчитывать было уже невозможно. Но пока он пробиравался через Чёртов мост и Сен-Готард, корпус Римского-Корсакова, так же оставленный без помощи союзниками, был разбит французской армией генерала Массены. Сам Суворов чудом провёл свою армию через высокогорный хребет Паникс и сумел уйти от преследования французов.

Все эти обстоятельства вызвали резкую реакцию императора Павла в отношении австрийских союзников, да и всех союзников по антифранцузской коалиции вообще. Он рассорился и с австрийцами, и с англичанами и теперь искал союза с Первым консулом Французской республики (так теперь именовался генерал Бонапарт, только что, по возвращении осенью 1799 года из Египта, разогнавший парламент Франции и Директорию и фактически ставший единоличным правителем в ранге Первого консула). И налаживать эти союзнические отношения с Бонапартом привелось Кутузову. Он был назначен Литовским губернатором и должен был формировать войска, которые теперь уже направлялись в Европу не для борьбы с Наполеоном, а как раз напротив – в помощь ему против англичан. Впрочем, у Наполеона были самые широкие планы. Войск для высадки в Англии ему бы хватило и своих, а вот завоёвывать Индию – колонию Британской короны, такое право было предоставлено русским. "Император просто не в своём уме", – писал о Павле английский посол в Санкт-Петербурге Уитворт в феврале 1800 года. Поневоле с этим приходится согласиться, если учесть, что Павел реально стал собирать армию для фантастического похода на Индию. Командовать этой армией было поручено Кутузову. Головной корпус под командованием Донского войскового атамана Платова в январе 1801 года выступил из Оренбурга в направлении на Хиву. Сам Кутузов заслужил высочайшую оценку как военачальник у императора. В преддверии большой войны по завоеванию британской колонии Индии в Гатчине, под Петербургом, в сентябре 1800 года были устроены большие маневры, на которых блистали петербургский генерал-губернатор граф Пален и теперь уже генерал-аншеф Кутузов. Кутузову удалось продемонстрировать свою воинскую хитрость. Император увидел, что Кутузов со своим штабом стоит в отдалении от своих войск. Он вознамерился воспользоваться его оплошностью и "взять его в плен". Но... как только он приблизился со своей свитой к Кутузову, неведь откуда появились солдаты Кутузова, и император сам был "взят в плен". Всё это вызвало восхищение у Павла, от тотчас же наградил полководца высшим орденом Российской империи – орденом Андрея Первозванного!

Сейчас трудно сказать, как на самом деле относился Кутузов к императору Павлу. Но то, что он вошёл в круг ближайших друзей царя – это несомненно. Может быть, тут Кутузову помогло его масонство, ведь он достиг в масон-

ских кругах высоких степеней посвящения и был отмечен особым отличием масонов – знаком “Зеленеющий лавр”. Сам Павел, как Великий магистр Мальтийского ордена, активно покровительствовал масонам. Но ведь и масоны бывали разные. Заговорщики, убившие Павла в марте 1801 года, тоже были масонами и пользовались покровительством английских лож. Сам заговор, организованный генерал-губернатором Петербурга Паленом, имел свои корни в английском посольстве, да и не удивительно – успех заговора обеспечивал раскол русско-французского союза и отмену удара по Индии со стороны России.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что Кутузов не участвовал в заговоре, но, несомненно, знал о нём. Впрочем, так же как знал о заговоре и сам император Павел... Накануне убийства, вечером 11 марта 1801 года, император давал в новопостроенном Михайловском замке, где он уже месяц постоянно проживал, свой прощальный, как теперь мы знаем, ужин. Присутствовали только царская семья и ближайшие друзья императора, в том числе и Кутузов со своей старшей дочерью Прасковьей, придворной фрейлиной. По словам самого Кутузова, он имел долгий разговор с императором. О чём?... Точно это неизвестно, но только в конце этого разговора Павел вдруг проронил загадочную фразу: “На тот свет иттить – не котомки шить”. Это было сказано Кутузову. Перед этим император поднимал тост за столом, обращённый к своему старшему сыну Александру: “За исполнение всех ваших желаний!” Все эти странные поступки Павла говорят только об одном – он знал о готовящемся заговоре, но не стал вооружённой рукой пресекать заговорщиков, ведь в заговоре был и его старший сын, наследник престола Александр Павлович. Пресекая заговор, ему пришлось бы арестовать и упечь в темницу своего сына, да, может быть, и других родственников. А он не хотел повторять историю своего прадеда Петра Великого, вынужденного, как известно, по подозрению в заговоре казнить своего сына царевича Алексея и навек остаться в истории с тавром “сыноубийцы”... Несмотря на всё своё самодурство, Павел любил своих детей, и единственное, что он предпринял – это, видимо, попросил генерала Кутузова поговорить с Александром, убедить его отменить заговор. Закончить всё дело тихо, без огласки. Тут-то и прозвучала в устах Павла эта таинственная фраза о том свете и котомках...

Александр, как известно, дал согласие заговорщикам принять престол, но лишь только после отречения императора Павла, и настаивал на сохранении жизни отца. И Кутузов был уверен в этом, но... Пружины заговора были приведены в действие. Заговорщики во главе с Паленом, Беннигсеном, братьями Zubовыми ворвались в опочивальню, и император Павел был задушен. После было объявлено об апоплексическом ударе... Как свидетельствуют источники – Михаил Илларионович Кутузов после этой трагической истории ушёл в тень, он отдалился от двора и старался не привлекать к себе внимания нового царя и его любимцев.

Но Александр хотел найти опору в людях, которым доверял его отец. Он снова приблизил к себе небезызвестного Аракчеева, который был “без лести предан” Павлу, он искал дружбы Кутузова. Михаил Илларионович в июне 1801 года получил должность петербургского генерал-губернатора. А через год – лишился этой должности и был отправлен в отставку. Причина – якобы “за болезнь”, но дело тут в другом. Кутузов ещё раз поменялся. Когда-то боевой генерал, безумно храбрый на поле офицер, он стал “ловким царедворцем”, даже, может быть, слишком угодливым перед властелинами. Но он пережил смерть двух своих кумиров – императрицы Екатерины и её сына императора Павла, был разочарован в лучших своих чувствах к наследнику престола Александру. И он больше не хотел участвовать в этой игре. Он предпочёл частную жизнь. Явно пренебрегал обязанностями губернатора, вызвал неудовольствие императора Александра и был отправлен в чаемую, как видно по всему, отставку.

Уезжая в своё имение Горошки на Волыни, Михаил Илларионович полагал, должно быть, что теперь ему остаётся лишь вспоминать на досуге о славных своих делах, да в мирных трудах по хозяйству встретить старость... Два года он отдыхал, но грозные бури, шедшие из Франции, вновь призвали его в строй.

Франция была уже фактически новой страной. Первому консулу Французской республики, а позже — императору Наполеону Бонапарту удалось преобразить государство. Здесь раскрылся весь политический гений этого необыкновенного человека. Когда он вернулся на родину осенью 1799 года из Египта, он застал Францию в бедственном положении. Французские генералы проиграли Суворову войну в Северной Италии. На других фронтах было не лучше. На западе бушевали контрреволюционные мятежи, вандейские повстанцы взяли Нант. Казна государства была пуста, везде в государственных учреждениях процветало казнокрадство и взяточничество. На фоне роскошной жизни олигархов и министров-директоров нужда народа была ужасающей. Военным не платили жалованье. На дорогах господствовали разбойники. Народ роптал, вновь поднимали голову якобинцы. Надо было что-то делать. Наполеон, получивший должность командующего парижским гарнизоном, решил произвести переворот. Он сплотил вокруг себя кучку наиболее преданных ему военных, среди них был муж его сестры кавалерист Мюрат и другие офицеры, которых Наполеон сделал впоследствии маршалами. Он заручился согласием некоторых членов Директории, в частности, знаменитого Карно, которому пообещал чин консула Франции, привлёк на свою сторону министра иностранных дел Талейрана, известного своей пронырливостью, и бывшего якобинца, безжалостного террориста Фуше — его Наполеон сделает министром полиции в своём правительстве. Такие разные люди будут служить Бонапарту и за страх, и на совесть!

18–19 брюмера (9–10 ноября 1799 года) переворот осуществился. Парламент Франции (так называемый Совет Пятисот) был, под угрозой готовящегося якобы роялистского мятежа, выведен из Парижа в небольшое местечко Сен-Клу, где в бывшем загородном королевском дворце должна была пройти чрезвычайная сессия. В это время в самом Париже войсками парижского гарнизона была разогнана Директория. Разогнана без сопротивления, глава правительства, дрожащий от страха Баррас тут же согласился удалиться навсегда в своё имение. Только полная покорность и спасла ему жизнь. Разогнав правительство, генерал Бонапарт двинулся с войсками в Сен-Клу, где попытался, войдя в зал собрания Совета Пятисот, уговорить депутатов разойтись мирно и передать всю власть ему. Депутаты набросились на путчиста с кулаками, и Наполеон еле ушёл живым из зала. Говорят, он даже испытал лёгкий обморок. Во всяком случае, до конца своих дней он будет всем сердцем ненавидеть всякое проявление “демократии”, всё, что связано с республиканской, парламентской формой правления. Он будет запрещать издание книг и исторических трактатов по истории Республики во Франции с очень характерной формулировкой: “за пробуждение тягостных воспоминаний”. В этом, несомненно, звучит нечто личное, что останется раной в душе самовластца, который ведь без страха бросался на австрийские пушки, но спасовал перед сборищем разъярённых депутатов.

И тут раздался крик Мюрата, обращённый к своим солдатам: “А ну, друзья, разгоните-ка мне всю эту сволочь!” Солдаты, увидев, в каком жалком состоянии находится их “маленький капрал”, как они дружески называли своего кумира Наполеона, неистово ринулись на штурм парламента. Ворвавшись в зал, они прикладами начали избивать и выгонять депутатов. Депутаты в ужасе бросились к дверям, некоторые выпрыгивали из окон... Французская республика, так горделиво начавшаяся когда-то на стенах поверженной Бастилии, позорно и нелепо закончилась.

Наполеон после разгона парламента был угрюм и не проронил ни слова, возвращаясь в Париж.

Надо отдать ему должное! Сразу после захвата власти он не почил на лаврах, а, засучив рукава, взялся за неотложные дела. Прежде всего, железной рукой был наведён порядок на дорогах. В провинции были отправлены войска, которые с предельной жестокостью начали расправляться с разбойниками и бандитами всех мастей. Можно сказать, по всей Франции проходила операция “Ликвидация”. Ликвидировались не только уголовные элементы, но и продажные чиновники, взяточники и коррупционеры. Во все департаменты Франции были назначены особые государственные уполномоченные — префекты, подчинявшиеся только лично главе государства — Первому консу-

лу, то есть Наполеону. Всякие выборные органы даже на местах ликвидировались. Префекты сами назначали мэров городов и всю местную власть, вплоть до сельских старост. Жёсткая вертикаль власти была Наполеоном выстроена образцово. К весне следующего 1800 года была введена в действие новая Конституция, она закрепила достижения Великой Французской революции в части окончательного слома всех феодальных отношений, ликвидации сословий, узаконила права собственности новых владельцев на землю и имущество, отнятое у бывших феодалов, что сразу привлекло на сторону Первого консула миллионы французских крестьян, разделивших имения и земли бывших помещиков. Это создало крепкую социальную базу бонапартистской диктатуры, позволило Наполеону все 15 лет его правления набирать и набирать всё новых и новых солдат-новобранцев из неисчерпаемой крестьянской Франции, которые шли сражаться за Наполеона не за страх, а за совесть, а лучше сказать – за своё имущество, которое могло ведь вернуться в руки бывших хозяев-крепостников, если бы наполеоновское государство потерпело поражение.

Ну, а солдаты наполеоновской армии всегда видели перед собой пример своих товарищей, которые из рядовых вдруг выходили в маршалы! Ведь их “маленький капрал”, обладая феноменальной памятью, запоминал всякого отличившегося на поле боя солдата и давал ему дорогу наверх.

Французской промышленной буржуазии были обещаны новые неисчерпаемые рынки сбыта их товаров за счёт устранения с завоёванных территорий конкурентов, прежде всего – англичан. На рабочих накладывалась жёсткая узда административного надзора, они становились своего рода мобилизованными солдатами трудового фронта. Но в этом было и преимущество – солдатам ведь должно исправно выплачиваться жалованье. А что ещё нужно работе?.. Война и военное отношение ко всем проявлениям государственной жизни пронизывало наполеоновскую Францию. В Европе утверждалась невиданная ещё по мощи и сплочённости военная монархия, всё существование которой было направлено только на одно – завоевания и ещё раз завоевания!

Границ у этой монархии не было. Граница, даже официально, была признана “движущейся”. Куда доходили наполеоновские войска, туда и распространялась территориально новая империя. Да, именно империя! Ведь в 1804 году Бонапарт, как итог всех своих преобразований, не только ввёл в действие новый Гражданский кодекс (который и до сих пор именуют Наполеоновским кодексом и который лежит в основе всего и ныне действующего законодательства капиталистического мира), но покончил, наконец, даже формально, со всяким республиканством и провозгласил себя императором французов! В Париж, в приказном порядке, был вызван римский папа Пий VII, который подал на коронации, которая состоялась в парижском соборе Нотр-Дам 4 декабря 1804 года, Наполеону императорскую корону, но Бонапарт вырвал её из рук духовного владыки и сам водрузил её себе на голову! Он не признавал над собой ничьей, даже духовной власти и верил лишь только в свою собственную звезду, ведущую его от победы к победе. Кстати, о религиозных пристрастиях этого загадочного корсиканца мы не знаем ничего, но можно предположить, что в голове диктатора сложился странный фантастический культ собственной личности, культ своей непобедимости, о чём говорят слова Наполеона, сказанные им как-то накануне похода в Россию: “Через год я стану повелителем мира, остаётся одна Россия, но я раздавлю её”. С этими мыслями Наполеон двинулся на Восток, но здесь ему пришлось столкнуться с Михаилом Илларионовичем Кутузовым, “хитрейшим из всех людей”...

* * *

Собственно, с Кутузовым Наполеон столкнулся на поле боя ещё в 1805 году, когда вновь образованная (уже третья по счёту) антифранцузская коалиция начала активные боевые действия против новоявленного “похитителя престолов”, как называли Наполеона тогда, имея в виду, что Наполеон не только присвоил себе французскую корону, но также и корону Италии, провозгласив себя и итальянским королём. Однако правильнее было бы сказать, что это Наполеон начал боевые действия против союзников по коалиции. В манере

Бонапарта никогда не было свойства ожидать противника, он всегда напал первым, давно усвоив себе известную суворовскую мысль, что “лучшая оборона – это нападение”. Несомненно, что и другая мысль русского полководца признавалась Наполеоном: “Удивишь противника – победишь его”. Вот Наполеон и удивлял. Ни австрийские, ни русские полководцы (главные участники коалиции) не ожидали того, что Наполеон вдруг подымет лагерь своих войск под Булонью, на берегу Ла-Манша, где он вот уже почти год накапливал силы для десанта в Англию, и бросит эту свою засидевшуюся армию в Австрию, навстречу силам союзников, которые неторопливо развёртывались на дунайской равнине, не предполагая такого быстрого появления Наполеона. А он, разделив свою армию на семь корпусов, поставив во главе каждого корпуса маршала, удивительно быстро провёл войска осенними дорогами от Ла-Манша до южногерманского города Ульма, где застал врасплох передовую австрийскую армию генерала Мака и разгромил её.

Это произошло 15 октября 1805 года, а дальше события начали развиваться с калейдоскопической быстротой. 21 октября английский флот адмирала Горация Нельсона топил в Трафальгарской морской битве соединённый франко-испанский флот Наполеона. Мечта о высадке в Англию остаётся лишь мечтой. Наполеону теперь нужно только побеждать союзников, иначе всей его новоявленной империи – конец. И он бешеными маршами идёт к Вене, захватывает столицу Австрийской империи. Дальше – открыта дорога к Ольмоцу (на территории нынешней Чехии), где сосредотачиваются остатки австрийской армии и подошедшие русские войска, которые ведёт в бой сам император Александр I.

Кутузов предупреждал и советовал Александру не ввязываться в сражение, отступить дальше на север. В этом был смысл – объединённая русско-австрийская армия не намного превышала по численности “Великую армию” Наполеона, зато армия Наполеона была намного боеспособней рыхлой коалиционной армии, она летела на крыльях побед! Смысл был и в том, чтобы подождать вступления в войну на стороне коалиции Пруссии, ведь сам русский император Александр приложил немало усилий, чтобы склонить прусского короля Фридриха Вильгельма III к войне с Францией, ему пришлось даже клясться на гробе Фридриха Великого (заклятого врага России) в вечной дружбе с Прусской монархией!..

Так стоило ли теперь бросаться очертя голову на сильнейшего врага, не сплотив ещё всех сил коалиции?.. Такие и другие доводы приводил старый и многоопытный русский генерал Кутузов (ему тогда исполнилось уже 60 лет) молодому, честолюбивому императору. Всё напрасно... Войска коалиции, находившиеся на невыгоднейших тактических позициях, фактически окружённые армией Наполеона, сами полезли головой в мешок – в небольшую долину Аустерлица (ныне город Славков в Чехии), теснимую вокруг высокими холмами, на которых сосредотачивались корпуса лучших наполеоновских маршалов – Даву, Мюрата, Сульта, Ланна, Нея. Французская армия располагала и прекрасной артиллерией, ей Наполеон придавал особое значение. И вот – на рассвете 2 декабря 1805 года император Наполеон взглянув на только ещё восходящее солнце, воскликнул: “Вот оно, солнце победы!” Загремели орудия, и французские корпуса всей своей мощью обрушились на теснившиеся внизу в долине русские и австрийские части.

Наверно, вспомнил Александр советы Кутузова, да было уже поздно... Надо отдать должное императору, он никогда после не говорил, что это Кутузов проиграл сражение, молчаливо признавая свою вину за всё произошедшее, но один раз заметил, что Кутузов “недостаточно настойчиво” советовал ему не ввязываться в бой. А Михаил Илларионович к тому времени, действительно, иногда производил на окружающих странное впечатление. В решающий момент споров он мог как-то замкнуться, что называется – уйти в тень, в себя, даже прикинуться спящим... что, кстати, хорошо показано Львом Толстым на страницах его знаменитого романа. Объяснить это можно и недомоганием Кутузова в силу известных его тяжёлых ран, и свойствами характера, но можно, к примеру, высказать предположение об определённом фатализме, развившемся в натуре Михаила Илларионовича после всех потрясений его обыкновенной жизни. Возникает ощущение, что умудрённый опытный полководец как бы заранее предвидел ход событий и не предпринимал лишних усилий для того, чтобы изменить их, уже наперёд зная, чем всё это закончится...

Обычно говорят о полном разгроме русско-австрийских войск под Аустерлицем, но если бы не было решительного и мужественного сопротивления отдельных частей русской армии, если бы не полёг весь конногвардейский полк русской гвардии, ринувшийся в безумную атаку на наступавшую кавалерию Мюрата и спасший, таким образом, императора Александра от позорного плена, если бы не умелое командование Кутузовым отступавшими, почти уже бежавшими частями разбитой армии, победа Наполеона могла бы быть действительно полной и окончательной. Но армию, пусть и разбитую, Кутузову удалось сохранить, и Наполеон в результате согласился на мир, на тот самый мир, который он будет потом, в 1812 году, вымаливать у Кутузова в Тарутинском лагере под стенами Москвы, и который тогда ему Кутузов не даст!

Признанием заслуг Кутузова в деле спасения русской армии после поражения под Аустерлицем было награждение его орденом Св. Владимира I степени, что произошло в начале следующего 1806 года. Но далее император Александр отставил Кутузова от командования войсками, ведущими войну с Наполеоном, а войны такие продолжались. После недолгого перемирия и распада 3-й антифранцузской коалиции составила новая четвёртая, теперь уже в составе Пруссии и России, но и здесь союзников ждало тяжёлое поражение. Сначала Наполеон разгромил Прусское королевство в двух генеральных сражениях, произошедших в один и тот же день – 14 октября 1806 года между городами Йена и Ауэрштедт (интересно, что Наполеон разделил свою армию на две – выделив корпус маршала Даву, который действовал самостоятельно; и в то время, когда император громил немцев под Йеной, Даву разгромил другую их армию под Ауэрштедтом. Даву вообще становился, можно так сказать, первым маршалом Наполеона, которому император часто поручал особые задачи (мы это увидим в истории войны 1812 года). Русская армия опоздала на помощь немцам. Отчасти это произошло из-за отсутствия достойного командования. После отставки Кутузова император Александр долго колебался – кого назначить главнокомандующим в войне с Наполеоном. Назначил старого и заслуженного фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского, “екатерининского орла”, но Михаил Федотович, как оказалось, уже впадал в маразм. Он прибыл в войска, увидел, что Наполеон силён, его объяла старческая немощь, он растерялся, бросил армию, приказав ей перед своим бегством “отступить, кто как может, в пределы России”, то есть фактически бежать. Генерал от кавалерии Леонтий Леонтьевич Беннигсен (тот самый, один из убийц Павла I), возглавивший армию после бегства Каменского, вначале не без успеха сдерживал Наполеона в пределах Польши, даже рапортовал в Петербург, что он “победил” Наполеона в реально ничейно закончившемся сражении под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 года (Восточная Пруссия), за что немедленно был отмечен высшим орденом Андрея Первозванного, но уже 14 июня того же года был напрочь разгромлен Наполеоном в сражении под Фридландом. Создавалось впечатление, что у русского императора не было полководцев, способных воевать с “военным гением” Наполеоном...

Кутузов в это время занимал должность киевского военного губернатора, и взор его был больше обращён на юг – к пределам Османской Порты, где разворачивались нештучные события. Дело в том, что Турция, хотя и сильно ослабленная в неудачных войнах с Россией, играла, тем не менее, роль разменной карты в делах европейской политики. И Наполеон, и Россия старались как можно выгоднее для себя разыграть эту карту. В Константинополе у султана сидел французский посол Латур-Мобур и всеми силами внушал турецкому владыке мысль о продолжении войны с Россией. Ведь после окончательного сокрушения Наполеоном этого “колосса на глиняных ногах”, как выражался Наполеон о Российской империи (вот из чьих уст идёт это выражение!), “Франция вернёт Турции завоёванные Россией территории”.

Требовалась решительная победа над турками для обеспечения мира на юге, в преддверии неизбежно накатывающегося на Россию страшного нашествия. С мая 1811 года Кутузов вновь командующий армией, ведущей сражения с турками на равнинах Молдавии и Валахии. Русские войска к тому времени заняли сильную крепость Рущук на правом, южном берегу Дуная в Болгарии. Но войск у Кутузова было мало – 15 тысяч бойцов, а к Рущуку приближалась 60-тысячная армия великого визиря Ахмед Решид-паши, по стечению обстоятельств давнего знакомого Кутузова – он бивал его ещё летом 1791 года в сражении под Бабадагом в Румынии, а после встретил его в Константи-

нополе, когда в ранге посла вёл дипломатические переговоры с султаном. Они поддерживали дружеские отношения, Кутузов даже поздравил своего “благороднейшего и прославнейшего друга” с назначением на пост великого визиря. Впрочем... чтобы тут же разгромить его на поле боя. Кутузов обвёл вокруг пальца несчастного турка, и притом ко всеобщему удовлетворению. Пока великий визирь Ахмед с радостью наблюдал “поспешное бегство” малочисленной армии Кутузова из Рущука на левый, северный берег Дуная, а потом переправлял сам свою армию туда же, чтобы окончательно разгромить русских, Кутузов переправил в другом месте на южный берег реки корпус генерала Маркова, который неожиданной атакой разгромил лагерь турецких войск под Рущуком. Армия же самого Решид-паши оказалась в кольце окружения на северном берегу под Слободзеей, где вскоре и сдалась вся в плен Кутузову. Сам великий визирь на лодке, почти в одиночестве ночью бежал через Дунай, чем сам Кутузов был очень доволен, так как, по его словам: “... будет хоть кому известить султана о положении, в котором оказалась его армия”. Как всё это похоже на то, что произойдёт через полтора года с Наполеоном, когда он, почти в одиночестве, в санках, лютой зимой в декабре 1812 года, бросивший свою армию, как и незадачливый Решид-паша, будет бежать от Кутузова через замёрзший Неман.

А пока в течение 1811–1812 годов “император Запада” спешно собирает невиданную по численности силу, своего рода “непобедимую армаду”, дабы “раздавить Россию” раз и навсегда. На этот раз он отказался от чисто французской армии, задумав всеевропейское ополчение, куда должны войти войска Франции, в состав которой уже включены Бельгия и Голландия, Пьемонт и часть Германии, Рейнского союза германских государств, Итальянской и Неаполитанской королевств, вновь образованного Наполеоном из части польских земель Варшавского герцогства, а также войска Пруссии и Австрийской империи, заключившие союз с Наполеоном. А ещё войска испанского короля Жозефа, старшего брата Наполеона, который терпел неудачи в это время от англичан, высадивших свою армию в Испании, и от испанских партизан, но безропотно послал на Россию корпус наваррских стрелков, подчиняясь воле своего державного брата. Армия вестфальского короля Жерома – младшего брата Наполеона – тоже была мобилизована для этой войны. Вся объединённая континентальная Европа надвигалась на Россию. Лишь Англия продолжала войну с Наполеоном, но это и был хороший предлог для Наполеона начать войну, поскольку Россия не хотела соблюдать условия континентальной блокады против Англии, навязанные ей Тильзитским мирным договором, заключённым Россией с Францией в тяжёлом для России 1807 году.

Континентальная блокада разоряла русскую торговлю, ведь Англия была крупнейшим покупателем русского хлеба, всяческого сырья и поставщиком промышленных товаров на русский рынок. Вся колониальная торговля была в руках англичан, а значит, товары из-за моря не поступали в Россию, поскольку Россия обязывалась Наполеону не допускать английские корабли или корабли, везущие английские товары, в российские порты. Положение стало тем более невыносимым, что сама Франция, как стало известно, приобретает-таки эти необходимые ей товары в обход своей же Континентальной системы.

Но, несмотря на все эти унижения, правительство Александра I не хотело войны с Наполеоном. Уж слишком силен был противник! Общая численность войск наполеоновской империи равнялась миллиону солдат. Наполеон Бонапарт мог двинуть на Россию 600-тысячную армию. Реально он сосредоточил на Немане к лету 1812 года более 400 тысяч человек.

Чтобы не быть голословным, я приведу данные, которыми оперирует такой известный историк, как Тарле, в своём знаменитом труде “Нашествие Наполеона на Россию”.

“В главных силах Наполеона числилось около 380 тысяч человек, на обоих флангах (у Макдональда на северном, рижском, направлении и у Шварценберга на южном) – в общей сложности 60–65 тысяч. Затем, в течение июля и августа, на русскую территорию было переброшено ещё около 55 тысяч человек, наконец, уже в разгаре войны, ещё корпус маршала Виктора (30 тысяч человек) и для пополнения потерь маршевые батальоны (около 70 тысяч человек)”.

Итак, суммируя все эти цифры, мы получаем численность армии, которая реально воевала на русской территории – 600 тысяч человек. Из них в пер-

вом эшелоне вторжения — 445 тысяч человек. Основные силы Наполеона — 380 тысяч на главном направлении — на Вильно, где находилась ставка верховного русского командования, куда ещё в мае 1812 года прибыл император Александр I. В общем, можно с уверенностью утверждать, что Наполеон выставил против России всё, что мог, максимум возможного для того времени. Он всё поставил на карту для завоевания мирового господства, а таковое он мог получить, только сокрушив Россию.

А каковы же были силы русских?.. Совершенно определённые данные мы находим в труде известного немецкого военного теоретика Клаузевица, присутствовавшего в то время в русской армии в качестве штабного офицера. Он, как и многие немецкие офицеры, не пожелавшие служить Наполеону после разгрома Пруссии в 1807 году, перебрался в Россию. Вместе с русской армией он прошёл весь тяжёлый путь отступления до Москвы, был под Бородино. Его свидетельствам можно доверять как свидетельствам беспристрастного очевидца, и лишь в одном месте мы поспорим с ним, но об этом позднее. Клаузевиц, как офицер работающий при штабе 1-й Армии под командованием Баркляя-де-Толли, располагал точными цифрами количества русских военных сил. Вот что он показывает: “На границе Польши и Пруссии стояло 180 000 солдат. По Двине и Днепру запасных батальонов и новых формирований — 30 000. В Финляндии — 20 000. В Молдавии — 60 000. На восточной границе — 30 000. Внутри страны новых формирований и запасных частей — 50 000. Гарнизоны — 50 000. Итого — 420 000”.

И это все военные силы России на тот момент! На западной границе, таким образом, более чем 400-тысячной армии вторжения противостояло более чем в два раза меньшее количество русских войск, да и то они были разбиты на две армии: 1-ю и 2-ю под командованием, соответственно, Баркляя-де-Толли (на тот момент военного министра России) и генерала Багратиона. Была ещё 3-я армия Торماسова, прикрывавшая киевское направление, но она осталась в стороне от главных сражений. Общего командования не было. Роль главнокомандующего выполнял сам император Александр, но мы-то знаем, какой из него полководец..

А вот Михаилу Илларионовичу Кутузову удалось буквально накануне открытия военных действий на западе принести России огромный успех. 16 (28 — нов. ст.) мая 1812 года был подписан в Бухаресте мирный договор между Россией и Турцией, по которому к России отходила Бессарабия (территория между Днестром, Дунаем и Прутом) вместе с крепостью Измаил в устье Дуная. Таким образом, Кутузов смог второй раз и окончательно (на тот исторический период) “взять Измаил” у турок. Успех был тем более важный, что освобождалась большая Южная армия, но она смогла принять участие в борьбе с Наполеоном лишь на заключительном этапе войны. Есть свидетельства, что Наполеон был вне себя от этого успеха Кутузова, он ведь сильно рассчитывал на помощь турок. Но все рычаги войны были уже приведены в действие. На рассвете 12 (24 — нов. ст.) июня 1812 года “Великая армия” Наполеона начала переправу через Неман по трём наведённым мостам. Переправа продолжалась четыре дня. Четыре дня бесконечным потоком шли и шли на русскую землю иноземные полки, воодушевлённые словами Наполеона из его объявленного в войсках манифеста: “Солдаты, вторая польская война начата. Первая кончилась во Фридланде и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву. Она не хочет дать никакого объяснения своего странного поведения, пока французские орлы не удалятся обратно через Рейн, оставляя на её волю наших союзников. Рок влечет за собой Россию, её судьбы должны совершиться. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы уже не аустерлицкие солдаты? Она нас ставит перед выбором: бесчестие или война. Выбор не может вызвать сомнений. Итак, пойдем вперед, перейдём через Неман, внесём войну на её территорию. Вторая польская война будет славной для французского оружия, как и первая. Но мир, который мы заключим, будет обеспечен и положит конец губительному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы”.

В этом странном и путаном манифесте поражают два момента: если Наполеон считал, что Россия “...уже 50 лет оказывает губительное влияние на дела Европы”, значит, можно считать, что губительное это влияние началось в начале 60-х годов XVIII века, то есть именно тогда, когда шла борьба в Польше

с Барской конфедерацией польских магнатов, которой активно помогала Франция. Австрия же и Пруссия, к примеру, только выиграли от сокрушения Польши, но, видимо, их Наполеон “Европой” не считал. Получается, Европой он признавал только Францию и Польшу. Совершенно явный реверанс в сторону своих польских союзников – тех корпусов польского маршала Понятовского, которые слепо шли за Наполеоном на Москву. Далее, в этом манифесте видна невооружённым глазом какая-то странная трусость французского завоевателя, его попытка переложить вину за начало войны на Россию, на то, что она не соблюдает условия Тильзитского договора. Для этого нужно её наказать, она, видите ли, не “объяснила своего странного поведения”. Для этих объяснений и собиралось, видимо, всеевропейское воинство?.. В глубине души Наполеон чувствовал, что ведёт скверную игру, но ничего уже сделать не мог, он сам стал заложником своей политики, он, а не Россия “увлекался роком”. В бездну.

И завоевание России – после всей Европы – было здесь лишь только первой целью. А какова же была окончательная цель Наполеона? Цель эта была обозначена давно. Может быть, ещё в то время, когда флот Наполеона только приближался к берегам Египта в 1799 году. Индия... Да, лавры Александра Македонского прельщали без меры честолюбивого корсиканца, и здесь был не просто политический и торговый спор с Великобританией ради выгод французской буржуазии, нет, здесь была, по-моему, даже какая-то сакральная цель. Повелевать миром... Европа уже была у ног корсиканца, но дальше нужно было сделать выбор, тот самый выбор, который сделал когда-то молодой генерал французской Директории, когда задумался над тем, для кого он одерживает свои победы: для потребы жадных и развратных олигархов – “директоров” Французской республики?.. Может быть, для народа Франции?.. Нет. Все свои победы он одерживал только для себя. И покорение Европы было лишь ступенью для него на пути к покорению мира... Он последовательно и настойчиво шёл к этой цели. Он не мог остановиться теперь у границ России, даже если бы очень захотел этого. Вся его Всеевропейская империя была лишь инструментом для осуществления более великих замыслов. Его армии не могли существовать в условиях мира, они должны были идти и идти вперёд.

Было ли это формой безумия, охватившего талантливое полководца и государственного деятеля и приведшего его, в конце концов, к гибели, или, может быть, тут есть некая предрасположенность, лежащая в основе процессов развития человеческой цивилизации вообще?.. Предрасположенность, ведущая человечество в западню глобализма, к единой всесветной империи, где в рамках беспредельного диктата наступит, собственно, конец истории, как предсказано в священных книгах... Эти процессы ясно обозначаются и в современном мире.

* * *

В начале войны с Наполеоном Михаил Илларионович Кутузов оказался не у дел. После заключения блистательного во всех отношениях мира с Турцией он вернулся в Петербург и не получал никаких указаний от царя. Царю было сейчас не до него. Царь отступал вместе с войсками из Вильно, пришёл вместе со всей армией Баркляя де Толли в Дрисский укрепленный лагерь на Западной Двине, где предполагалось, согласно плану Фуля, немецкого советника императора Александра, дать Наполеону решающее сражение. Но императору со стороны русских генералов было решительно заявлено, что Дрисский лагерь “мог придумать только предатель или безумец”. Расположенная в глубокой излучине Западной Двины, эта позиция напоминала мешок, она не имела прикрытых от неприятеля флангов, легко могла быть окружена силами Наполеона, и тогда 1-я армия погибла бы сразу, даже без большого сражения. Барклай-де-Толли настоял на продолжении отступления армии на Витебск, а царя его ближайшие советники уговорили покинуть армию, дабы не подвергнуться опасности “осиротить любезное отечество”.

Царь уехал в Москву, где был встречен всеобщим ликованием народа, надеющегося, что государь не оставит столицу и защитит её. Однако Александр поспешил уехать в Петербург.

Кутузов был стар. Последняя турецкая война отняла у него много сил. В своих письмах жене он жаловался на недомогание, но с какой великой радостью он воспринял известие, что на выборах командующего ополчением в Москве была жителями древней столицы предпочтена его кандидатура. Почти одновременно с этим и петербургское дворянство выдвинуло его на пост командующего ополчением северной столицы. Кутузов и взялся спешно организовывать “бородатых ратников”, как называли тогда ополченцев. Но недолго ему предстоит заниматься ополчением, уже в августе грозные звуки войны становятся всё слышней и слышней. Барклай-де-Толли, уходя от Наполеона, оставляет Витебск и уводит свою армию к Смоленску. Наполеон разочарован, он хотел под Витебском разбить главную армию русских и поставить точку в войне, заключив с императором Александром мир. Но вот он уже в Витебске, армия его уменьшилась – часть сил под командованием маршала Удино он направил в сторону Петербурга, но там корпус русского генерала Витгенштейна преградил ему путь, и наступление французов на Петербург остановилось. Неудача постигла маршала Даву, он со своим 50-тысячным корпусом преследовал 35-тысячную армию Багратиона, но Багратион ушёл от преследования, обманул Даву, раньше него вышел к Могилёву и переправился через Днепр. Теперь путь к Смоленску ему был открыт. К Смоленску отошла и армия Барклая. Наполеон видел – необходимо идти на Смоленск и там разбить объединённые силы русских. В российских столицах, особенно в Москве, тоже надеялись, что под Смоленском русские войска остановят врага. Наполеон шёл к Смоленску с 200-тысячной, поредевшей после всех потерь и тяжёлых переходов армией, о чём он извещал Даву, призывая его также идти на Смоленск. Под Смоленском объединились все силы воюющих сторон – русские (армии Багратиона и Барклая совокупно насчитывали теперь до 145 тысяч человек) и Наполеона, армия которого, после воссоединения с корпусом Даву, вновь увеличилась и достигла 250 тысяч человек.

Силы были неравные. Барклай понял это сразу и после двухдневных боёв за Смоленск начал отходить на Вязьму, в сторону Москвы. Это вызвало патологический гнев Багратиона, он открыто обзывал Барклая “дураком, предателем”, жаловался на него в письмах московскому губернатору Ростопчину, ближайшему царскому советнику Аракчееву, понимая, что всё это дойдёт до императора Александра. Положение становилось нестерпимым – нужен был единый главнокомандующий объединённой армией, а царь всё медлил. А что же он медлил? Ведь кандидатура главнокомандующего была на слуху у всех – Кутузов. Но назначить Кутузова главнокомандующим в войне с Наполеоном после Аустерлица... это ещё раз признать себя, а не Кутузова виновником аустерлицкого позора... Александр и так получал слишком много моральных пощёчин – ему постоянно напоминали (не в глаза, конечно, за глаза), что он убийца своего отца, что он бездарный полководец, что он слабхарактерный, нерешительный правитель, что он заключил невыгодный для России Тильзитский мир с Наполеоном... Самолюбие его изранено, он не хочет Кутузова! Он мечется – посылает за океан, в Америку, где проживает рассорившийся с Наполеоном генерал Моро, депешу с предложением встать во главе русских армий, сражающихся с Наполеоном. Моро отказывается, ограничивается советом – не вступать с Наполеоном в генеральное сражение, изводить его армию мелкими стычками, длительными переходами. Моро знает, что советует, армия Наполеона – это орудие быстрого успеха, затяжная война приведёт к неизбежной потере боевого духа. Совет принят, но командующего нет. Александр выезжает в финский город Або на встречу с королём Швеции, бывшим французским маршалом Бернадоттом, тоже в своё время не поладившим с Наполеоном, и ему предлагает командование – Бернадотт отказывается, хотя сочувствует русским. Выбора нет. Остаётся Кутузов. 17 августа (далее все даты – по новому стилю. – Авт.) собирается чрезвычайный комитет – высшие сановники государства решают, кому доверить судьбу Отечества... Единогласно – Кутузов. 18 августа царь утверждает кандидатуру Кутузова.

Царь даёт аудиенцию Кутузову, поздравляет... Старый полководец плачет. Уходя от царя, вдруг возвращается к нему с растерянным видом: “Ваше величество, у меня нет и полушки на проезд к армии – все свои наличные деньги я истратил на нужды ополчения...” – Ни слова ни говоря, Александр достаёт из шкатулки десять тысяч рублей и вручает их полководцу. На следующий день Кутузов едет в войска. Он едет к армии, навсегда в своей жизни

покидая Санкт-Петербург, свою семью, жену, дочерей. Он вернётся в этот город, но только в гробу, для вечного упокоения в Казанском соборе весной следующего года...

Он прибывает в отступающую армию, а армия уже остановила своё отступление. Михаил Богданович Барклай-де-Толли своей волей принял решение дать генеральное сражение Наполеону у местечка Царёво-Займище — это между Вязьмой и Гжатском. Место удобное — чуть всхолмленная равнина, повышающаяся с запада на восток. Собственно, Барклай бы отступал и отступал бы — до Москвы, до Владимира, хоть до Нижнего Новгорода, лишь бы сохранить армию. Но от него требуют сражения, и он не в силах уже сопротивляться. Тем более к Царёво-Займищу подходит резервный корпус генерала Милорадовича — 15 тысяч человек. Отчасти компенсированы потери, понесённые русской армией под Смоленском. Кутузов объезжает войска. Он поражён бодрым видом солдат, их боевым духом. “Приехал Кутузов бить французов!” — кричат полки вместо обычного приветствия. Кутузов машет своей белой походной фуражкой без козырька: “С такими молодцами — и отступить?..” На следующий день он приказывает... снова отступить.

Но сдать без боя Москву Кутузов не мог. Войска остановились у деревни Бородино. Вероятно, прав Лев Толстой, когда предположил, что первоначальный план Кутузова был расположить всю свою армию вдоль реки Колоочь, имея на левом своём фланге Шевардинский редут — высокий холм, господствующий над местностью. Тогда в центре русской позиции оказывалась Курганная высота, впоследствии известная как батарея Раевского. Наполеон, если бы он расположил свою армию по схеме, навязываемой Кутузовым, оказался бы в очень невыгодном положении. Неизбежно — центром всех его усилий стали бы атаки на батарею Раевского, обороняемую армией Барклай-де-Толли, которая занимала центр и весь правый фланг русской обороны. Здесь же, на правом фланге, Кутузов расположил все свои резервы, которые легко было бы перебрасывать в центр русской позиции — на батарею Раевского. Совершенно естественно, по такому плану основной удар самых крупных наполеоновских сил принимала на себя и самая крупная русская армия — 2/3 всех сил Кутузова. Но вышло иначе.

Наполеон действительно обладал исключительными талантами тактика. Он сразу же разгадал замысел Кутузова и предпринял соответствующие меры, чтобы разрушить его. Когда 5 сентября бесконечные колонны французских войск только ещё подходили к бородинскому полю, Наполеон сразу, с марша, бросает на Шевардинский редут лучшие свои пехотные дивизии — Морана и Компана, и за Шевардино завязывается жестокий кровопролитный бой. Русские артиллеристы сражаются отчаянно, когда французы, преодолев сплочённый огонь русских пушек, с большими потерями взбираются на вершину редута, русские артиллеристы не бросают свои позиции, а продолжают сражаться штыками и банниками, пока не погибают все. Но дело ещё не кончено — подходит пехотная дивизия генерала Горчакова (8 тыс. человек), редут переходит из рук в руки. Наполеон бросает всё новые и новые силы — до 30 тыс. бойцов на захват одного редута! Сражение продолжается весь день. К вечеру редут остаётся в руках французов.

После этого боя конфигурация фронта русских войск изменилась. Весь левый фланг, который обороняла армия Багратиона, отошёл немного назад, к селу Семёновскому, и там стали спешно возводиться новые укрепления, так называемые Семёновские (или Багратионовы) флеши. Но соответственно изменилось и направление главного удара французов — не по центру русской позиции на батарее Раевского, а по его левому флангу — по армии Багратиона. Тем более для Наполеона был большой соблазн нанести главный удар по армии Багратиона — ведь эта армия была слабейшей по численному составу, и значит, здесь можно было надеяться на быстрый успех. Сокрушив Багратиона, Наполеон рассчитывал выйти в тыл основных русских войск и замкнуть кольцо окружения, прижав армию Кутузова к обрывистым берегам Москвы-реки. Вот и всё — чистая победа, слава, поверженная Москва, русские бояре, выносящие ключи от древней столицы России на золотом блюде, дрожащий от страха император Александр, смиренно просящий пощады у ног повелителя мира. Далее — поход на Индию... Сладкие сны!

Кутузов не был бы Кутузовым, если бы не предвидел всего этого. Но он, когда его ещё в Петербурге после назначения на пост командующего спроси-

ли: рассчитывает ли он разгромить Наполеона? — ответил: “Разгромить? — Нет! Я желал бы перехитрить его”. Вот тут-то и тайлся второй, невяный план Кутузова. Тот план, который и стал осуществляться в ходе сражения. В записках Клаузевица о войне 1812 года есть один интересный момент. Когда сей прусский офицер на русской штабной службе объезжал поле Бородина перед битвой, то он поразился, насколько плотно стоят русские войска — в три, в четыре, в пять эшелонов по фронту. Он нигде не видел таких плотных порядков войск и не понял — для чего это? Понятно стало уже в ходе самой битвы. В течение всего дня сражения 7 сентября Наполеон наносил чудовищные по силе удары по армии Багратиона. Войска Багратиона сражались яростно, Багратионовы флешы к концу сражения были усыпаны горами трупов французских и русских солдат. Флешы (невысокие земляные укрепления) по 7, по 8 раз переходили из рук в руки! Сам Пётр Багратион, суворовский любимец, получил здесь тяжелейшую рану, от которой после скончался. . . После этой потери армия Багратиона немного подалась назад, флешы остались в руках французов. Но нигде и никогда за всё время битвы французы не смогли прорвать фронт русских, чтобы потом выйти на оперативный простор. Слишком плотным был строй русских войск. Прорывая первую линию обороны, французы тут же наталкивались на вторую, на третью. Безостановочно подходили резервы, посылаемые Кутузовым. Фронт русских войск сжимался, армия уплотнялась и, несмотря на огромные потери, оборона не ослабевала, а только усиливалась. Работал эффект сжимаемой пружины. Под чудовищным напором французов пружина русских войск сжималась, но сопротивление росло, и французский напор, в конце концов, выдохся, ведь и французы понесли огромные потери — более 50 тысяч человек. Потери русских были немногим меньше. . .

А какова вообще была численность противостоящих армий перед началом битвы? Если силы русских, в общем, подсчитаны достаточно точно — **132 тысячи, из которых, надо отметить, 21 тысяча была ополченцев (не кадровых солдат) и 7 тысяч казаков (иррегулярная конница)**, то относительно французов данные разнятся. Давайте попробуем подсчитать. Итак, у Наполеона в главной его армии вторжения было, как мы помним, у Немана 380 тысяч человек. Он сразу же отделил армию своего брата короля Вестфалии Жерома Бонапарта (60 тысяч человек) и корпус Даву (50 тысяч человек) на преследование армии Багратиона. Корпуса маршалов Удино и Сен-Сира (общей численностью 60 тысяч человек) были посланы Наполеоном на Петербургское направление. Крупных сражений до Смоленска у Наполеона не было, армия Барклая, как мы знаем, уклонялась от сражений. Текущие потери восполнялись подходившими с Запада маршевыми батальонами. Итак, легко подсчитать, что у Наполеона перед Смоленском было примерно 200 тысяч человек, о чём он писал перед Смоленском Даву (что, кстати, упоминает Тарле в своей книге “Нашествие Наполеона на Россию”). Под Смоленском к нему присоединился корпус Даву, значит, в основной армии стало 250 тысяч человек. Далее считаем: в Смоленском сражении Наполеон потерял 35 тысяч человек. Он оставил в Смоленске гарнизон — 15 тысяч человек. Наконец, были и другие потери в различных мелких стычках и за счёт дезертирства — вот и получается число **185 тысяч бойцов у Наполеона перед Бородино**, что, кстати, подтверждают некоторые историки, ссылаясь на документы, захваченные у французов при их отступлении.

Артиллерии при Бородино было даже немного больше у русских, но французские артиллеристы были лучше — это признаётся всеми, да и неудивительно — ведь сам Наполеон был артиллерист и придавал состоянию артиллерии исключительное значение. К тому же русских постигла тяжёлая потеря — в разгар битвы, защищая батарею Раевского, погиб начальник всей русской артиллерии молодой генерал Кутайсов, очень перспективный и талантливый военачальник. Кутузов, располагая меньшими силами, чем у Наполеона, вынужден был обороняться и не предпринял попытку разбить Наполеона. Тут на Кутузова и сыплются безосновательные обвинения в “лени”, в бездействии, в нераспорядительности. . . Он, дескать, всю битву сидел на своём командном пункте, на кургане у деревни Горки, а не носился на лихом коне с саблей наголо. Надо заметить, что и Наполеон ведь не носился, и в атаку не ходил, а всю битву просидел под охраной своей гвардии, которую он так и не решился двинуть в бой, хотя маршалы его просили об этом. Маршалам казалось,

что вот-вот, ещё одно усилие – и фронт русских войск будет прорван. Но Наполеон к концу битвы уже начал догадываться о замысле Кутузова и понимал недюжинным своим умом великого полководца, что и гвардии не удастся прорвать плотные порядки русских войск, а у него исчезнет последний резерв... И это за несколько тысяч лье от "любимой Франции"! Кутузов потому и сидел спокойно, что видел – его план выполняется, русская армия везде выдерживает удар, а французы обессиливают и теряют наступательный кураж. И в этом уже была победа русских!

Недаром Наполеон так желал, так жаждал сражения, так не спал всю ночь накануне 7 сентября, всё выскакивал из своей палатки, смотрел: не ушла ли русская армия? Он рассчитывал задушить русских, затоптать превосходящими своими силами, разгромить раз и навсегда, пока у него ещё сохранялось подавляющее численное превосходство. А иначе он просто бы не пошёл на Москву. Он ведь всерьёз задумывал закончить поход в Смоленске, даже сказал там во всеуслышание, что "... кампания 1812 года закончена". Но решил рискнуть, когда подсчитал, что обладает огромным численным перевесом. В этих условиях Кутузов не мог рассчитывать на разгром врага под Бородино. Выдержать бы удар! И русская армия этот удар выдержала. И это была победа.

Это была победа силы духа, победа стойкости русских солдат на поле боя, но не стратегическая победа над врагом. До этого ещё было далеко. Безвозвратные потери русских войск на Бородинском поле были огромны, французские ещё больше, но, исходя из заведомо большей численности наполеоновской армии, перевес её сил над армией Кутузова сохранялся. Возьмём максимальные цифры. Если французов погибло до 60 тысяч человек, а наступающая сторона всегда теряет больше обороняющейся – это правило войны, то всё равно французская армия после Бородино насчитывала 120 тысяч человек, причём сохранялась нетронутой основная сила, ядро – гвардейский корпус в составе Старой и Молодой гвардий Наполеона. Это – 30 тысяч солдат. Русская же армия нетронутых резервов после Бородинского сражения не имела. То есть, если бы пришлось давать ещё одну битву у стен Москвы, то французы могли выставить свежее войско против уставших, потрёпанных русских полков.

Русская же армия потеряла почти 50 тысяч численного состава и насчитывала после сражения немногим более 80 тысяч человек (что соответствует численности войск Тарутинского лагеря). Сражение, в принципе, ещё возможно было дать под стенами Москвы, ведь духовный подъём русских солдат был высок, они бы, конечно, проявили стойкость и мужество, и, возможно, Наполеон так и не вошёл в Первопрестольную. Но что дальше? Русская армия была бы совершенно обескровлена, и преследовать врага она уже не смогла бы ни при каких обстоятельствах. Наполеон свободно бы отошёл к Смоленску, как он и рассчитывал – перезимовал там. Получил бы из Европы огромные резервы, а таковые, как мы помним, у него имелись (до 200 тысяч человек – резервная часть "Великой армии"), и с весной пустился бы в новый поход на Москву. Чем бы тогда закончилась война – Бог весть! Какие бы ещё пролились реки русской крови, какие бы ещё бушевали Бородино на русской равнине – трудно себе и представить. Россия разорилась бы окончательно и, если даже и не была разгромлена, то, скрепя сердце, подписала бы с владыкой Европы тяжёлый мир и попала надолго в зависимость от глобальных наполеоновских интересов. А что это за интересы, мы помним – поход на Индию, завоевание Востока к вящей славе покорителя мира Бонапарта...

Как всё это напоминает нынешнюю ситуацию, когда сейчас Запад втягивает и втягивает нас в войну в Афганистане, пытается создать свои базы поддержки на российской территории, пытается использовать наш военный потенциал в противостоянии с Ираном... Двести лет прошло со времён наполеоновского нашествия, а ничего в отношении Запада к России не изменилось.

Так что на Военном совете в Филях, маленькой подмосковной деревушке за Дорогомилловской заставой (а ныне это уже территория Москвы – Кутузовский проспект), решался поистине судьбоносный вопрос – сдавать ли Москву? Все собравшиеся там высокопоставленные российские военные понимали – речь идёт не только о Москве – о судьбе России. Мнения разделились поровну. Такие генералы, как Беннигсен и Еромолов – были за сражение, Барклай-де-Толли, Раевский – за отступление. Последнее слово было за Кутузовым. Только от него зависело всё.

Надо понять этого человека. Предстояло принять тяжелейшее историческое решение. Судьба Москвы — священного города русской нации — была в его руках. Страшно представить: Наполеон, потомок корсиканских разбойников — в Кремле. Французские вояки, бывшие якобинцы, хозяйничают в Кремлёвских соборах, обдирают оклады священных икон, грабят дома, обижают оставшихся жителей, пьют, насильничают. “Столица государства, попавшая в руки неприятеля, напоминает девку, побывавшую в руках насильников, — самодовольно заявляет Наполеон, — что хочешь делай, а чести уже не вернёшь”. Такова была участь, уготованная Москве Наполеоном, цивилизованным варваром из “культурной” Европы. Но...

“Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на провидение, ибо это спасёт армию. Наполеон — как бурный поток, который мы еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосёт... Знаю, что ответственность падёт на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Повелеваю отступить! — Потом помолчал и добавил: — С потерей Москвы ещё не потеряна Россия”, — таковы были заключительные слова Кутузова на военном совете в Филях. Генералы, участники совета, в молчании разошлись... Потом один офицер заглянул в избу, где проходил совет, и увидел Кутузова, сидящего одного и горько плачущего, почти рыдающего навзрыд... Участь Москвы была решена. Совет в Филях проходил 13 сентября, а потом весь день 14 сентября армия покидала Москву. Между прочим, Кутузов приказал армии отступить через центр города. Войска шли по Арбату, выходили к Кремлю, далее сворачивали на Таганку, а там, через Язузу — на Рязанскую дорогу. Для чего это было сделано? Не остаётся сомнений, что сделано это было, чтобы ещё раз русское сердце облилось кровью при виде великих святынь России — Кремля, древних соборов, московских дворцов, которые теперь доставались неприятелю. Русское сердце обливалось кровью, но закалялось, наполнялось мужеством и решимостью до конца биться с ненавистным врагом. Сам Кутузов ехал в открытой коляске, в виду войск, с поникшей головой. Словно сам подвергал себя моральной экзекуции. Войска первый раз в жизни не кричали ему “Ура!”, бегущие жители проклинали... Но это надо было пережить.

Вслед за армией Москву покидало и всё население. Я говорю “всё”, потому что это в очень большой степени соответствует действительности. Из 275 тысяч жителей тогдашнего населения столицы в Москве, “под французом” осталось тысяч 6–7. Можно себе представить этот “великий исход”! Как свидетельствуют очевидцы, Рязанская и Владимирская, Ярославская и Тверская дороги были запружены морем народа, колясок, кибиток, карет, любых экипажей. Всё это море колыхалось и безостановочно катилось прочь от любимого города. Передать весь ужас народной трагедии невозможно. Вероятно, только люди, пережившие 16 октября 1941 года, знаменитый “день смятения”, когда, вот так же, население кинулось из Москвы, опасаясь прихода фашистов, только эти люди и могут представить себе картину всего происходящего тогда... Народ уходил из Москвы, город оставался пустым.

На следующий день вечером на Поклонной горе, у Дорогомиловской заставы Москва увидела силуэт низкорослого, плотного телосложения, одетого в серый походный сюртук человека в треугольной шляпе, сидящего на прекрасном белом арабском скакуне. Повелитель мира рассматривал поверженный город и ждал депутацию “русских бояр” с ключами столицы. Москва безмолствовала...

В лучах заходящего солнца город золотился крестами, куполами и колокольнями всех своих бесчисленных церквей — “сорока сороков” православной веры. Причудливые крыши многочисленных дворцов навевали мысли об азиатской пышности и царском величии. Широкие улицы, “как в Париже!”, делали город похожим на великие европейские столицы. Это была “столица Скифии”, мечта всех завоевателей, и она лежала теперь у ног корсиканца.

Так и не дождавшись депутации жителей, Наполеон послал Мюрата с его конницей обследовать город, а сам неторопливо поехал по Дорогомиловской. Французы были восхищены великолепными зданиями, особняками, возвышающимися вокруг между прекрасных разбитых садов и парков. “Это город дворцов!” — восклицали они. Наполеон поостерегся сразу ехать в центр, заочевал в одном из брошенных особняков. Всю его свиту поразила совершенно европейская обстановка и убранство комнат, не хуже, чем в Париже.

Между тем конница Мюрата достигла Кремля. Казалось, Кремль был пуст, но как только французы попытались въехать в него, навстречу им загремели выстрелы. Кучка отчаянных людей обороняла Кремль до последней капли крови. Никто из них не сдался, все полегли на кремлёвских стенах. Рассказывают, что когда у них кончились заряды, они кинулись на французов врукопашную и сражались, пока не были убиты. Кто были эти неизвестные герои?.. Это осталось тайной. Одной из многочисленных тайн той необыкновенной войны.

А дальше произошли странные и до конца не понятые историками события. Не успел Наполеон въехать в Кремль и расположиться в Большом царском дворце, как в Москве сразу в нескольких местах вспыхнули пожары. Сначала загорелись фабрики и склады готовой продукции, располагавшиеся на окраинах города, а потом сразу загорелся центр – огромный Гостиный двор и торговые ряды, находящиеся рядом с Кремлём, там же, где сейчас находится ГУМ. Историки обычно повторяют версию, которую выдвинули французы, о каких-то таинственных поджигателях, подручных московского губернатора Ростопчина, которые по его приказу поджигают город. Ростопчин всё это категорически отрицал, даже написал книжку, опровергающую его причастность к пожарам. Сам он в это время еле спасся из Москвы, укрываясь от разгневанных москвичей возле коляски фельдмаршала. Кутузов считал, что Москву поджигают сами французы, что у них даже есть план поджога Москвы, когда после разграбления очередного квартала этот квартал сжигался, чтобы замести следы. Собственно, город действительно был отдан на поток и разграбление по плану, когда сначала грабила гвардия, потом солдаты лучшего корпуса французской армии Даву, потом другие корпуса. Об этом мнении Кутузова сейчас редко вспоминают, выдвигая довод, что ведь Наполеон собирался зимовать в Москве, зачем же ему было сжигать город? Но вот тут-то и неясность. Наполеон вовсе не хотел надолго задерживаться в Москве. Дела звали его в Европу. Но в Европу он желал вернуться победителем. Значит, ему нужен был победоносный мир. А император Александр этого мира уже не желал. Он понимал, что после всех унижений, понесённых им в несчастливых войнах с Наполеоном, если он снова склонится перед захватчиком, то уж на престоле ему не усидеть. Александр закусил удила и заявил, что “скорее поедет в Сибирь и будет там есть картошку с мужиками, но мира с Бонапартом не заключит”. Наполеон это понял и начал готовиться к походу на Петербург из Москвы, тем более возможному, что армия Кутузова отошла к югу, прикрыла Калужское направление, удобное в том отношении, что можно было контролировать и Смоленскую дорогу. Москва Наполеону была уже не нужна, в принципе её можно было и сжечь. Недаром Наполеон, уходя из Кремля, приказывает взорвать Кремль. Однако чудовищный пожар Москвы, спровоцированный самим Наполеоном, вдруг обнажил все слабости его разноплеменной армии. С ужасом император французов увидел, что его армия превращается в сброд. Дисциплина падает, солдаты разбредаются по огромному городу, грабят дома, взламывают винные погреба, а их в Москве оказалось во множестве, потом поджигают разграбленные дома и притом уверяют, что это сделали какие-то неуловимые поджигатели. Наполеон приказывает найти поджигателей. Французские жандармы начинают хватать на улицах безвинных москвичей, сгоняют их на территорию Высоко-Петровского монастыря (на ул. Петровка), там устраивается что-то вроде импровизированного концлагеря. Тут же действуют французские военные суды, приговорённых “поджигателей” партиями выводят во двор и расстреливают. Недострелянных закалывают штыками. Сцены этих чудовищных расправ читатель может найти на страницах бессмертного романа Льва Толстого... В это самое время “корсиканский людоед” стоит на стенах Кремля, смотрит на бушующие в Москве пожары и причитает: “Это они сами поджигают! Это скифы, скифы! Это ди-кари!”... Через два года в апреле 1814 целая армия этих “скифов” войдёт в поверженный Париж. Радостная, возбуждённая толпа парижан будет встречать императора Александра Благословенного, гарцующего на прекрасном коне. “Мы так вас долго ждали, почему вы так долго не шли!” – крикнут ему из толпы. Александр галантно снимет шляпу, раскланяется... “Мужество ваших солдат задержало меня!” – патетически воскликнет он. Гром аплодисментов заглушит всё вокруг. Разумеется, Париж не горел... .

А фельдмаршал Кутузов, к тому времени, уже больше года будет лежать в земле. Он скончался в городке Бунцлау (ныне Болеславец в Польше) 28 ап-

реля 1813 года, измученный бесконечной войной... Его старое сердце ещё выдержит все тяготы страшного зимнего похода 1812 года, когда армия Кутузова будет день за днём наседавать на отступающую, а затем – бегущую армию Наполеона. Он не даст Наполеону ни дня, ни часа, ни минуты передышки. После месяца пребывания в Москве, после того как Наполеон пошлёт своего министра Лористона в Тарутино, в ставку Кутузова, дабы этот хитрый дипломат уговорил Кутузова подписать мир и закончить войну, а Кутузов скажет ему, что он-то войну “только начинает”... после этого Наполеон спешно со своей армией покинет Москву. Прикажет взорвать Кремль, произойдут взрывы, но рухнет только одна из башен Кремля – Никольская, впоследствии восстановленная, а другие устоят. Взрывы же под Кремлёвскими соборами вообще не состоялись. Русские партизаны, имена которых останутся в неизвестности, смогли предотвратить это варварство.

Наполеон поведёт свою, всё ещё достаточно большую, армию на Калугу, где сосредоточены запасы продовольствия и снаряжения для русской армии, Но Кутузов преградит ему путь у Малоярославца. Семь раз в ходе ожесточённого боя будет переходить город из рук в руки. Наполеон захватит его, но армия Кутузова на сей раз не уступит ему дорогу. Кутузов отступит от города, займёт Калужскую дорогу и в Калугу Наполеона не пустит. И Наполеон смирится... Первый раз в жизни он пустится в отступление, а Кутузов пойдёт параллельным маршем, постоянно наседавая на бегущую армию “всей Европы”, уничтожая отдельные её части, подгоняя её бегство. Наполеон будет бежать так быстро, что в результате проскочит каким-то чудом западню, что была подготовлена ему на Березине. Он со своей гвардией опередит Кутузова на два дня, обманет Чичагова, который подошёл к Березине с юга и должен был со своей свежей армией задержать Наполеона. Император Европы, какмышь, вырвется из этого капкана, пожертвует большей частью своей армии, оставив её на восточном берегу Березины, где она сдастся русским, а сам поспешно побежит к Вильно. Но, не дойдя до Вильно, он бросит и гвардию, и остатки армии и умчится в санках, имея спутником только своего верного советника Коленкура, к Неману, который и переедет по льду в сильнейший мороз в начале декабря 1812 года. А остатки его некогда “великой” армии добредут до Вильно, здесь бросятся грабить продовольственные склады и будут застигнуты за этим занятием наступающими частями русской армии, которым сдадутся на полную милость.

ЛИТЕРАТУРА:

Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., Центрполиграф, 2003.

Фон Клаузевиц К. 1812 год. М., Штрихтон, 1997.

Тарле Е. В. Наполеон. М., Наука, 1993.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., Эксмо, 1997.

Рыленков Н. И. На старой смоленской дороге. Смоленское книжное издательство, 1961.

Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. М., 1988.

Делдерфилд Р. Ф. Изгнание Наполеона из России. М., Центрполиграф, 2002.

Де Коленкур А. О. Русская кампания 1812 года. Смоленск, Русич, 2004.

“1812 год в воспоминаниях современников”. М., Правда, 1987.

САЛАВАТ АСФАТУЛЛИН

ВТОРЖЕНИЕ

Башкирские полки в Отечественной войне 1812 года

Советник Наполеона Арман де Коленкур, хорошо узнавший русских за годы службы посланником Франции в России в 1807–1811 гг., предостерегал Наполеона от нападения на Россию не раз. Последний – за день до перехода армии императора Наполеона через Неман, пересказав заявление Александра I: “Я воздаю должное великим военным талантам императора и буду избегать до пределов возможного меряться силами с ним в открытом бою; если русские будут разбиты, то они возьмут пример с испанцев, которые часто бывали разбиты, но не были, однако, ни побеждены, ни покорены; недостаток выдержки погубил другие государства; я не буду стрелять первым, но я скорее отступлю до Камчатки, чем уступлю свои губернии или буду приносить жертвы, которые не приведут ни к чему, кроме передышки”. Однако Наполеон сделал самую роковую ошибку своей жизни: он напал на Россию.

Участник той войны, ставший знаменитым военным летописцем Александр Иванович Михайловский-Данилевский пишет: “...для нашествия на Россию он сформировал Великую армию в составе одного гвардейского, 12 пехотных и 4 резервных кавалерийских корпусов, общей силою в 610 000 строевых чинов, а с нестроевыми доходившую до 700 000 человек, при 187 111 лошадях и 1372 орудиях. В разноплеменный состав армии не вошли из народов Европы только шведы, датчане и турки”.

Французская армия превосходила тогда любую из армий того времени. То была массовая армия буржуазного типа. Она не знала ни кастовых барьеров между солдатами и офицерами, ни бессмысленной муштры, ни палочной дисциплины. И была сильна сознанием равенства прав и возможностей простому солдату стать когда-нибудь генералом, а то и маршалом.

Михайловский-Данилевский пишет: “Против столь значительных сил Наполеона Россия могла выставить лишь 218 000 человек при 942 орудиях, составлявших 17 корпусов, которые были разделены на три армии: 1-я Западная Барклая-де-Толли – 127 000, 2-я Западная Багратиона – 48 000, 3-я Резервная обсервационная Тормасова – 43 000 человек. В запасных и рекрутских батальонах и эскадронах – 100 000; во вновь формируемых 12 полках – 23 800, в четырёх Украинских – 3600 чел. Итого: 345 400 чел”.

Кроме трёх армий на первой линии отпора французам стоял под Ригой отдельный корпус генерал-лейтенанта И. Н. Эссена (38 077 человек), а вторую линию составляли два резервных корпуса: 1-й – генерал-адъютанта

Е. И. Меллера-Закомельского (27 473 человека) — у Торопца, 2-й — генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля (37 539 человек) — у Мозыря.

Фланги западной группировки русских войск прикрывали: с севера — корпус генерал-губернатора Финляндии, генерал-лейтенанта барона Ф. Ф. Штейнгейля (19 тыс. человек), располагавшийся на границе с Финляндией, а с юга — Дунайская армия адмирала П. В. Чичагова (57 526 человек), дислоцированная в Валахии. Эти войска в начале войны бездействовали. Штейнгейль перебросил свой корпус в Ригу и Ревель только к 8 сентября по новому стилю.

Русские войска были рассредоточены на больших пространствах. Едва успела освободиться от войны с Турцией Дунайская армия, продолжалась война с Ираном. Целые корпуса стояли в Грузии и на Кавказской линии, несколько дивизий несли гарнизонную службу в Одессе и Крыму, в Зауралье и Сибири. Отдельный корпус внутренней стражи был распределен полубатальонами по всем губерниям для борьбы с крестьянскими волнениями. Поэтому русские численно и уступали французам в зоне вторжения почти в полтора раза^{*}.

К 1808 году русская армия была вооружена разнообразнейшими ружьями всех времён, начиная с петровских, и всех народов и стран. Эти ружья имели почти 30 различных калибров. А. А. Аракчеев, назначенный в 1808 г. военным министром, начал в 1809 году перевооружение армии оружием единого калибра. Новый военный министр Барклай-де-Толли продолжил это начинание, но закончить его не успел. Хуже того, и стародедовских разнокалиберных ружей в 1812 г. не хватало. «Россия вынуждена была закупить ружья в Англии (50 тыс. штук) и в Австрии, причем 7 тыс. австрийских ружей, собранных в Киевском арсенале, оказались совершенно негодными. Если даже регулярные войска терпели недостаток в ружьях, то ополчение — тем более: на 230 тыс. ополченцев было отпущено в 1812 г. только 37 349 ружей.

Русская артиллерия почти не уступала французской ни количественно (1102 орудия на западной границе против 1372 у Наполеона), ни качественно, но это было достигнуто крайним напряжением сил и средств.

Необходимо отметить, что не только армия Наполеона отличалась многонациональностью своего состава. К началу Отечественной войны на западной границе находились 1-й и 2-й Башкирские полки, а также 1-й Тептярский, 1-й и 2-й Уральские казачьи полки, 1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки. После вторжения наполеоновской армии манифест царя Александра I и предписание генерал-губернатора с призывом об обороне Отечества оглашали во всех мечетях и на деревенских сходках в башкирских селениях. Многие джигиты рвались на войну, стыдно было мужчине-башкиру не служить, а побывавшему на войне, да ещё вернувшемуся с медалью, был почет по всей округе. С годовалого возраста мальчишек начинали воспитывать джигитами, причём не только отец с матерью, но и вся улица, весь аул.

В первые же недели войны по инициативе башкир (молва о начавшейся войне дошла быстрее, чем официальные распоряжения) были сформированы 3-й, 4-й, 5-й Башкирские полки из добровольцев. И 25 июля* 1812 года, в первый же день доставки манифеста Александра I в Оренбург, эти полки, под общим командованием капитана Верхнеуральского гарнизонного батальона И. Г. Тихановского выступили в поход. В формулярном списке командира 5-го Башкирского полка И. Г. Тихановского есть дата начала его личного участия в боевых действиях: 1 ноября 1812 года.

В борьбе за независимость страны вместе с русским народом активное участие приняли, кроме башкир, калмыки и крымские татары. «Не только стародавние сыны России, — писал поэт Сергей Глинка, — но и народы, отличные языком, нравами, верою и образом жизни, народы кочующие — и те наравне с природными россиянами готовы были умереть за землю русскую. Башкирцы оренбургские сами собою вызывались и спрашивали у правительства: не нужны ли их полки?» Глинка называет башкир оренбургскими потому, что Башкирия в то время входила в состав Оренбургской губернии.

Полковник Углицкий, будучи Оренбургским войсковым атаманом, подал в начале войны управляющему военным министерством Российской империи в Санкт-Петербурге рапорт с предложением быстро организовать от 10 до 30 башкиро-мишарских казачьих полков для войны с Наполеоном. Предложе-

* Даты в статье даны по старому стилю, в отдельных случаях в скобочках, после основной даты, указаны по новому стилю.

ние было поддержано на всех уровнях, и уже **8 августа 1812 года, в день своего назначения на пост главнокомандующего, М. И. Кутузов получил указ о сформировании башкирских казачьих полков.**

Башкиры откликнулись на указ чрезвычайно энергично. 15 номерных башкирских полков, с 6-го по 20-й, выступили, по мере формирования, на войну.

Ранее прибывший на западную границу 1-й Башкирский полк вошёл в состав казачьего корпуса войскового атамана Матвея Ивановича Платова (14 полков, 12 орудий), находящегося в городе Гродно. Он нес кордонную службу на дистанции. 9 июня отправлен по распоряжению Баркляя-де-Толли к Гродно. В марте 1812 года на западной границе находился и 2-й Башкирский полк, который был расположен в белорусском селе Олеске и входил в 1-ю бригаду полковника Иловайского.

1-й Тептярский полк майора Темирова прибыл на западную границу в марте 1812 года и вошёл в состав авангарда 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Тучкова 1-го. Вскоре он был выделен на аванпостную службу на берегу Немана в районе Олиты.

В апреле 1812 года в 24-ю дивизию вошел и Уфимский пехотный полк. В нём было 3 штаб-офицера, 30 обер-офицеров, 73 унтер-офицера и 1104 рядовых.

Башкирские полки и полк майора Темирова оказались на боевом участке пограничной линии, где уже в мае 1812 года начались стычки с разъездами Наполеона.

В связи с создавшейся тревожной обстановкой на западной границе уточнялась и укреплялась авангардная служба по кордонам пограничной линии. 4 июня 1812 года начальник главного штаба 1-й Западной армии генерал Лавров дал следующее предписание командиру 3-го Пехотного корпуса генералу Тучкову: “Как авангард вверенного вам корпуса состоит из 1-го полка казачьего, который предписал генералу Платову туда отрядить, 1-го полка Тептярского, лейб-казачьего и Черноморской сотни, 2 егерских полков и дистанцию передовых постов занять от Румнишек до Олиты, то аванпосты учредите в нижеследующем порядке: 1-я линия должна быть занята казаками на кордоне, линия в одном марше от кордона из небольших отрядов легкой кавалерии и егерей, имеющих передовые посты, которые патрулями своими должны содержать сообщение с казаками”.

Полк Темирова оказался в том районе, где началась переправа передовых частей наполеоновской армии через Неман. В начале июня за Неманом стали показываться крупные силы неприятеля. 11 июня (ст. ст.) 1812 года вечером пехотный корпус французского маршала Даву начал переправу через Неман у деревни Понемунь. Это был участок, где кордонную службу несла 5-я сотня Тептярского полка. Французы показались и на других участках.

12 июня майор Темиров доносил бригадному командиру генералу Орлову-Денисову: “Получил я сейчас рапорт есаула Юсупова, что вчерашнего числа на противной стороне реки через местечко Балберишки вниз по реке к Ковно проходило несколько сильных отрядов. Равно и сотник рапортует, что через Матишанцы прошло конницы полков пять, и против кордона Прены прошла пехота. Сии войска потянулись вниз к Ковно. А для разбора обстоятельнейшего я отправился, и что мною усмотрено будет, поспешу донести о том вашему сиятельству”.

Сообщение майора Темирова подтвердилось полностью. В ночь с 11 на 12 июня по трём мостам у Понемуня через Неман хлынули в Россию полчища Наполеона.

Считая возможной и наступательную, и оборонительную войну, Баркляй-де-Толли разработал план, который был утверждён не позднее марта 1812 г., то есть ещё до отъезда Баркляя в армию. Вариант “А” этого плана (“когда война с нашей стороны откроется наступательною”) предписывал “отрезать, окружить и обезоружить войска неприятельские, в герцогстве Варшавском и в королевстве Прусском находящиеся”, и затем идти вперёд, навстречу главным силам Наполеона. Вариант “Б” (оборонительный) гласил: “продлить войну по возможности” и “при отступлении нашем всегда оставлять за собою опустошенный край”, вплоть до перехода в контрнаступление. Александр I, утвердив план Баркляя, не стал отменять и известный план своего военного советника Фуля, очевидно, потому, что не видел между ними принципиальной разницы: план Фуля тоже предусматривал, как следствие Дрисской операции, переход в контрнаступление. Но главным считался план Баркляя. Именно он

был разослан не позднее мая 1812 г. в войска, тогда как план Фуля царь держал при себе как бы в запасе и даже не знакомил с ним своих генералов.

Под натиском превосходящих сил противника русские войска вынуждены были отступать в глубь страны. Авангард генерала Шаховского, где находился полк майора Темирова, превратился в арьергард. Тептярский полк, находясь в арьергарде, принял участие и в боях 18 и 21 июня.

Главные силы 1-й Западной армии, оставив Вильно, отступили к городу Свенцяны, чтобы оттуда следовать к Дриссе.

29 июня 1812 года Барклай-де-Толли поручил командиру 2-го корпуса генералу Корфу взять под свое начальство все авангарды 1-й армии: "... для чего препровождаю при сем расписание, где именно расположены и из каких войск составлены авангарды от корпусов, да сверх того имеется при оных донской Родионова 1-го, Бугский и Тептярский полки". Причем Тептярскому и некоторым другим полкам давалось особо важное задание: продвинуться "как можно далее вперед, для узнания, где неприятель находится, и непременно стараться схватить несколько пленных".

2 (14) июля 1-я армия оставила Дриссу — и очень своевременно. Наполеон приготовился было зайти к ней под левый фланг со стороны Полоцка и заставить её сражаться с перевернутым фронтом, но не успел осуществить этот маневр. По его признанию, он не ожидал, что русская армия "не останется долее трех дней в лагере, устройство которого стоило нескольких месяцев работы и огромных издержек".

Из Полоцка царь отправился в Москву, а Барклай повел 1-ю армию к Витебску на соединение с Багратионом.

Полк майора Темирова с боями производил смелую разведку. 10 июля в окрестностях местечка Бешенковичи произошла схватка с неприятельским авангардом Мюрата. 1-й Башкирский конно-казачий полк находился в летучем корпусе Платова, расположившемся в районе Гродно. На корпус была возложена задача прикрыть отход 2-й Западной армии Багратиона. С 14 июня войска Платова обеспечивали эвакуацию в Минск припасов, оружия и больных. Уже 15 июня казаки Платова приняли бой под городом Гродно, в котором активно участвовали конники Башкирского полка. Противник вступил в Занеманский форштадт. Казаки и башкиры совместно с батальоном Гродненского внутреннего гарнизона завязали перестрелку с войсками корпуса вестфальского короля Жерома и польского корпуса Понятовского. Вечером российские войска сожгли мост через реку Неман. Особенно отличались рядовые Буранбай Чувашбаев, Узбек Акмурзин, есаул Ихсан Абубакиров, хорунжий Гильман Худайбердин и др.

Багратион оказался в критическом положении — сказалась нехватка сил. Уже 26 июня (8 июля) маршал Даву взял Минск и отрезал Багратиону путь на север. С юга наперерез Багратиону шёл Жером Бонапарт, который должен был замкнуть кольцо окружения вокруг 2-й армии у Несвижа. Корпус Даву (без двух дивизий, выделенных против Барклая) насчитывал 40 тыс. человек, у Жерома в трёх корпусах его группы было 70 тыс. Багратион же имел не более 49 тыс. человек. Ему грозила верная гибель. "Куда ни сунусь, везде неприятель, — писал он на марше 3 (15) июля А. П. Ермолову. — Что делать? Сзади неприятель, сбоку неприятель... Минск занят, и Пинск занят".

Вестфальский король Жером Бонапарт ("король Ерёма", как прозвали его русские офицеры), "наиболее бездарный из всех бездарных братьев Наполеона", в 1812 г. впервые был на войне. Молодой (27 лет), легкомысленный, празднующий, он и в походе, несмотря на то, что Наполеон требовал от него "величайшей активности", больше отдыхал, чем действовал: 4 дня "отгулял" в Гродно и далее неторопливо шёл к Несвижу такой поступью, что Э. Лависс и А. Рамбо могли только воскликнуть на страницах своей "Истории": "Он сделал 20 миль в 7 дней!"

В результате Жером, хотя он имел преимущество перед Багратионом на пути к Несвижу в два перехода, опоздал сомкнуть вокруг русской армии французские клещи. Багратион вырвался. Наполеон был в ярости. "Все плоды моих маневров и прекраснейший случай, какой только мог представиться на войне, — отчитывал он Жерома, — потеряны вследствие этого странного забвения элементарных правил войны".

Отряд И. С. Дорохова, состоявший всего из двух егерских и двух казачьих полков при 12 орудиях, был отрезан противником. Не имея возможности

прорваться к своей 1-й армии, он в течение недели шёл с боями по лесам и болотам на соединение с войсками П. И. Багратиона. И, потеряв 60 человек, 26 июня соединился со 2-й армией.

В 1-й армии все заботы Барклая были подчинены одной, главной задаче – обеспечить отступление армии в наибольшем порядке и с наименьшими потерями. И русские, и французские источники свидетельствуют, что его армия отступала образцово. Барклай “на пути своем не оставил позади не только ни одной пушки, но даже и ни одной телеги”, – вспоминал А. П. Бутенев. И “ни одного раненого”, – добавляет А. Коленкур. Он не раз возвращается к этой теме в своих мемуарах: “Лошади и скот – всё исчезло вместе с людьми, и мы находились как бы среди пустыни... Его (Наполеона) удивляло это отступление 100-тысячной армии, при котором не оставалось ни одного отставшего, ни одной повозки. На 10 лье кругом нельзя было найти какую-нибудь лошадь для проводника. Нам приходилось сажать проводников на наших лошадей; часто даже не удавалось найти человека, который служил бы проводником императору. Авангард был в таком же положении”. Тем не менее, с каждым днём организованного отступления росло недовольство против Барклая-де-Толли по всей стране. Первоисточником его был неблагоприятный для России, уязвлявший национальную гордость ход войны. В такой обстановке Барклай-де-Толли отводил 1-ю армию от Полоцка к Витебску. На защиту Петербурга Барклай выделил из своей армии целый корпус (1-й, под командованием генерал-лейтенанта гр. П. Х. Витгенштейна). Барклай учитывал, что царский двор, вся царская фамилия и сам царь были тогда в страхе за судьбу “града Петрова”. Столичные тузы “не знали, что и предпринять, куда деваться... – свидетельствовал Р. М. Цебриков (отец декабриста). – Все дворцовое казенное начали отсюда вывозить... Всяк помышлял о своем отсюда удалении”. Александр I в день своего отъезда из армии отправил председателю Государственного совета Н. И. Салтыкову паническое письмо: “Нужно вывозить из Петербурга: – Совет. – Сенат. – Синод. – Департаменты министерские. – Банки. – Монетный двор... – Арсенал... лучшие картины Эрмитажа... обе статуи Петра I... богатства Александро-Невской лавры”, даже домик Петра велел “разобрать и увезти”, а императорскую фамилию подготовить к эвакуации в Казань.

27 июня под Миром казаки устроили врагу ловушку: “... впереди Мира по дороге к Кареличам составлена в 100 человек застава, как для наблюдения за неприятелем, так и для заманки его оттоль ближе к Миру, а по сторонам направо и налево в скрытых местах сделаны засады, каждая по 100 отборных казаков, называемые вентерь. Для того, что ежели открывающие от неприятеля будут стремиться по дороге, тогда застава отступает с намерением с торпливостью и проводит неприятеля сквозь засады, которые тогда делают на него удар, и застава оборачивается ему же лицом”. На месте боя у деревни Симаково и по пути отступления поляков осталось свыше 300 убитых, в плен захватили 6 офицеров и 242 рядовых. Платов же потерял не более 25 казаков убитыми и ранеными.

В бою при местечке Мир вместе с донскими казаками против польских всадников храбро сражались и башкирские конники. За проявленную отвагу и храбрость рядовой Узбек Акмурзин был произведён в урядники.

Двигаясь через Несвиж и Тимковичи, 1 июля корпус Платова прибыл в Романово Могилёвской губернии, где получил приказ Багратиона задержать наступление неприятеля “до глубокой ночи 3-го числа”. Уже 2 июля крупные силы неприятеля появились у местечка Романово. Авангард французов, состоящий из 7 кавалерийских полков М. В. Латур-Мобура, был встречен казаками, башкирами и калмыками и после упорного боя опрокинут. Враг предпринял вторичную атаку, но, натолкнувшись на стойкую оборону казачьих полков, вынужден был отступить. “Дорога и хлебные поля усеяны были трупами”, казаки взяли в плен 260 человек, в том числе 17 офицеров. Победа казачьего корпуса Платова у местечка Романово способствовала успешному отходу 2-й армии на Бобруйск. В числе отличившихся в этом бою были и башкирские воины. Рядовой конник Буранбай Чувашбаев за отличную службу и проявленную храбрость был произведён в урядники.

В это время в 1-й Западной армии ощущалась острая нехватка лёгкой кавалерии. 5 (17) июля Платов получил высочайшее повеление идти на соединение со своей армией, что подтвердил прибывший от Барклая-де-Толли подполковник П. А. Чуйкевич. Но Багратион накануне сражения под Салтановкой попросил Платова задержаться в Ст. Быхове. Лишь 12 (24) июля его корпус по

найденному Чуйкевичем броду у монастыря Ворколабова переправился через Днепр и двинулся к Смоленску, прикрывая слева путь отступления 2-й Западной армии. От местечка Горки Оршанского уезда Могилевской губернии Платов отправил к Шклову, Копысю и Орше казачьи партии, которые совершили удачные поиски и отвлекли внимание противника от истинного маршрута 2-й армии.

15 (27) июля его корпус вновь переправился через Днепр у местечка Дуброво Оршанского уезда. Но 16 июля русские войска оставили позицию у Витебска. Лишь 18 (30) июля передовые казаки Платова вышли на войска 1-й Западной армии. Напомним, что в составе этого летучего казачьего корпуса воевал и 1-й Башкирский полк.

Башкиры использовались в армии разнообразно: разведка, сторожевое охранение, конвойная служба, участие в боях и в партизанах. Необычный вариант использования башкир, учитывающий наличие у них второй лошади, приводит в своих воспоминаниях командир 1-го егерского полка. В своих «Рассказах служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе» (1845 год) он пишет: «Присоединяясь у Столбцов к армии князя Багратиона и перейдя чрез Бобруйск к Старому Быхову на Днепр, мы маневрировали одним нашим Егерским полком с атаманом Платовым при его 20 казачьих – Донских, Уральских, Татарских, Калмыцких и Башкирских – полках, у 16 орудий Донской артиллерии его около Могилёва, Копыса, Орши, Любавичей и Рудни до Бабинович и Поречья. По этим местам мы пропасть полей и перелогов исплутали.

Спасибо ещё нашему атаманушке батюшке Матвею Ивановичу, что он в чрезвычайных движениях этих давал нашему полку два Башкирских полка возить: ранцы, шанцевые инструменты и заслабелых егерей; а без того все они, не рождённые быть конями, сгнули бы от беготни по извилистым тропам героев донских». Потом этот 1-й Егерский полк героически воевал всю Отечественную войну 1812 года и дошёл до штурма Монмартра в Париже в марте 1814 года.

Характерно и то, что в годы войны среди башкир не наблюдалось дезертирства и членовредительства для уклонения от воинской службы. Всего в 1812 году в Башкирии было призвано 28 башкирских (в том числе 6 ремонтных), 2 мишарских и 2 тептярских полка. На Дону было сформировано 26 дополнительных полков. **В 1812 году в Башкирии был неурожай, народ голодал, но снаряжал воинов конями, обмундированием и оружием. Каждый полк имел своё знамя. Знамя 5-го Башкирского полка до сих пор хранится в Национальном музее Башкортостана.** После опубликования манифеста о созыве ополчения в полки поступило до 400 татарских князей, мурз и дворян.

Кроме того, в Оренбургском крае, куда входила Башкирия, были созданы Оренбургский драгунский, 3-й, 4-й и 5-й Оренбургские казачьи полки. Из двух последних составили атаманский тысячный полк.

Пять полков было сформировано и уральскими казаками.

Горожане Уфы выставили Уфимский пехотный полк. Всего в действующую армию Оренбургский край выставил 45 полков. Помимо этого, в 1812–1813 гг. по четырём рекрутским наборам на защиту Родины ушло свыше 10 тысяч солдат из крестьян и горожан губернии.

Население края собирало деньги на нужды войны. Уже к 15 августа 1812 года башкиры, тептяри и мишари пожертвовали в пользу армии 500 тыс. рублей.

Доктор исторических наук Усманов А. Н. со ссылкой на 1-й том Очерков по истории Башкирской АССР 1959 года (ч. 2, с. 69) указывает, что помимо этого, тогда же 12 тысяч башкир несли линейную службу на восточных границах России, плюс отправили в дар на фронт 4 139 строевых лошадей.

В командный состав башкирского казачьего полка входили 30 человек: командир полка, старшина, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 1 квартирмейстер, 1 мулла, 1–2 писаря и 10 пятидесятников. Кроме этого, был ещё и шеф полка из русских офицеров, говоривших на башкирском языке, или из крещёных башкир.

2-й Башкирский полк майора Курбатова в составе авангарда 3-й Западной армии под командованием К. О. Ламберта 15 (27) июля участвовал в сражении под городом Кобрином восточнее Брест-Литовска. В ходе него были убиты сотни саксонцев, взято в плен 2382 солдата, 76 офицеров и 2 генерала из корпуса французского генерала Ренье. Русские потеряли всего 74 человека убитыми и 181 ранеными. В этом сражении 2-й Башкирский полк вместе с казачьим полком Власова и эскадромом гусар перешёл через р. Мухавец, занял дорогу на Пружаны, оттеснил саксонский эскадрон к городу, но был встречен пехотой, засевавшей во рву и домах.

Штурм Кобрина стал первой крупной победой русского оружия в 1812 году. Командующий 3-й армией Торماسов написал 16 июля из г. Кобрина Багратиону: “Поспешая равномерно поздравить Ваше сиятельство с теми трофеями победы над неприятелем, каковые Бог в 15-й день сего месяца даровал войску армии, мною предводительствуемой, при совершенном разбитии и покорении всего отряда саксонских войск, занимавших город Кобрин, где по упорном и сильном его сопротивлении и защищении себя, продолжавшемся чрез девять часов наконец был поражен, и, кроме убитых на месте более тысячи человек, взято в плен: командовавший отрядом генерал-майор Клингель, полковников 3, штаб-офицеров 6, офицеров 57, унтер-офицеров и рядовых 2234, знамен 4, пушек 8 и разное, в большом числе, оружие. Потеря же с нашей стороны не весьма значительна”. В честь этой победы в Санкт-Петербурге был произведен артиллерийский салют, а Тормасов награждён орденом Св. Георгия 2-й степени.

За храбрость и отвагу Аюп Каипов из Белебеевского уезда и полковой старшина Аралбай Акчулпанов из Стерлитамакского уезда были награждены орденом Святой Анны.

Орден св. Анны 3-й степени по установлению 1797 года носили на “инфантерийской (пехотной) или кавалерийской сабле”. В 1770 году Аннинским кавалером стал сорокалетний А. В. Суворов. Это был первый его орден. Первоначально Знак Ордена св. Анны 3-й степени на оружие изготовлялся из чистого золота. Аннинское оружие никогда не снималось, даже при получении более высоких ступеней того же ордена. В 1815 году орден св. Анны был разделен на четыре степени, причём Аннинское оружие стало низшей, 4-й.

22 июля (3 августа) 1-я и 2-я русские армии соединились у Смоленска. План Наполеона разбить русские армии потерпел крах. Под Смоленском башкирские воины вели боевую разведку. Так, 1-й Тептярский полк был придан авангарду Смоленского резервного корпуса под командованием генерала Е. И. Оленина, а затем вошёл в состав отряда генерала Г. В. Розена 1-го. 22 июля полк Темирова сражался с французами при деревнях Сырокоренье и Гусиной, где удалось получить важные сведения и взять в плен французского гусара. 23 июля генерал Оленин из Корытно рапортовал Барклаю-де-Толли об успехах майора Темирова и полковника Власова 3-го: “Командиры полков казачьих Тептярского и полковника Власова 3-го сейчас доставили ко мне двух пленных: первый – одного французского гусара, а второй польского улана, из коих гусар взят разъездом на той стороне реки Днепра против села Гусинова, последний же в селении Лядах. Причем донесено от майора Темирова 1-го, командующего Тептярским полком, что при взятии гусара убито на месте четыре француза. Помянутые пленные объявили мне, что конная бригада генерала Вотрена расположена у самого берега Днепра, восемь же полков кавалерии растянуты до местечка Рудни, а пехота вся позади. Наполеон тому назад четыре дня был в местечке Рудне и Любавичах”. Не ограничиваясь донесением, Оленин послал майора Темирова к Барклаю-де-Толли для личного доклада. “Прописанных пленных вашему высокопревосходительству, – писал Оленин, – поручил я доставить потребованному к вашему превосходительству майору Темирову... г. майор Темиров о силе и намерении неприятеля лично Вашему высокопревосходительству донесёт”.

27 июля в сражении между деревнями Лешня и Молево Болото (дело при Иньково) вместе с донскими казачьими полками: атаманским, подполковника Грекова 18-го, генерал-майора Денисова 7-го, генерала Иловайского 5-го и Симферопольским конно-татарским полком дрался 1-й башкирский полк. Российскими конниками “сделана на неприятеля сильная атака, простиравшаяся с фланга на фланг неприятеля, и неприятель... храбростью российских войск совершенно опрокинут и преследован с большим поражением”. Казаки, “быв разъярены, кололи и били неприятеля беспощадно. Много вражеских офицеров и рядовых было взято в плен”. **Атаман Платов, давно убедившись в храбрости башкирских конников, из двухсот наиболее отличившихся башкирских джигитов образовал особый отряд для этого боя.**

Поручик Павлоградского гусарского полка Жилин, получивший “в правую ногу пулею тяжёлую рану”, был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени. Зауряд-есаулы Муслим Сиксимбаев и Ихсан Абубакиров получили чин есаула. Зауряд-сотник Иждавлет Мисареев, зауряд-хорунжий Мурат Хурурдинов (Куруртинов), Ерыш (Яруш) Азаматов, Янмурза Шкалдеев (Ян Мурдаш-

калдеев), которые “действовали с отличной храбростью и поражали онаго, прогнали до самого подкрепления, подавая пример рядовым башкирцам, за что были награждены следующим чином”.

Наполеон всё ещё рвался к генеральному сражению. С этой целью он решил обойти Смоленск и зайти русским войскам в тыл. Но французские войска натолкнулись на отряд Неверовского. 2 августа под Красным произошла знаменитая битва. На подступах к Смоленску вместе с донскими казаками сражались с неприятелями и отважные конники Башкирии. При этом отличился 1-й Башкирский полк. За отличие в храбрости Ихсан Абубакиров представлен был в полковые есаулы, что и было утверждено командованием. Вместе с казачьим полком Власова важную боевую операцию проводил и Тептярский полк майора Темирова.

“В три часа дня 2 (17) августа Наполеон дал знак к общему штурму Смоленска. Ней ворвался в Красненское предместье, Понятовский – в Никольское, Даву штурмовал Молоховские ворота. К 6 часам вечера французы овладели всеми предместьями города, кроме Петербургского. Казалось, Смоленск падёт в считанные минуты. Но в этот день он устоял.

Все защитники города, от генералов до рядовых, были живым олицетворением воинской доблести. “Оба дня в Смоленске ходил я сам на штыки, – вспоминал генерал Д. П. Неверовский. – Бог меня спас: только тремя пулями сюртук мой расстрелян”. Героически сражались за Смоленск молодые офицеры – будущие декабристы: М. С. Лунин, М. Ф. Орлов, Ф. Н. Глинка, М. А. Фонвизин, П. Х. Граббе, А. В. Ентальцев, И. С. Повало-Швейковский. Но главным героем смоленской обороны был русский солдат. Офицеры и генералы, по их собственному признанию, были “не в силах удержать порыва” своих солдат, которые бросались в штыки “без всякой команды”, понимая, что они “заслоняли тут собой порог Москвы – в Россию двери”.

Ожесточение смоленского боя сами его участники назвали “невыразимым”. Именно после Смоленска 13-й бюллетень “Великой армии” засвидетельствовал: “Никогда французская армия не выказывала большей отваги, чем в этой кампании”. “Французы, – писал об их атаках 17 августа Ф. Н. Глинка, – в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы...” Но кончилось тем, что к концу дня русские выбили их из всех предместий.

Досадуя на неудачу общего штурма, Наполеон приказал открыть огонь по городу из 300 орудий. “Тучи бомб, гранат и чиненых ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви, – вспоминал Ф. Н. Глинка, – все, что может гореть, запылало”. Оборонять пылающий город было и опасно, и уже нецелесообразно, поскольку 2-я армия вышла на Московскую дорогу”.

Уфимским полком командовал генерал-майор Иван Денисович Цыбульский, о котором говорили, что он “человек простой, но заслуженный и храбрый”. Он входил в VI пехотный корпус генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова, который на 10 июля 1812 г. насчитывал 17988 человек и 84 орудия.

Начало Отечественной войны застало VI корпус оторванным от 1-й Западной армии. Поэтому, согласно приказу военного министра от 14 июня 1812 г., корпус начал отступление от Лиды, где находился, до Ольшан. Участник этого марша артиллерийский офицер Н. Е. Митаревский оставил свои воспоминания: “Шли почти день и ночь, несмотря ни на дождь, ни на грязь, без регулярного распределения отдыхов, варили есть, когда случится, редкую ночь проводили на месте. Вообще поход нашего корпуса от Лиды до Двины был самый иррегулярный... Случалось, что солдаты, идя, забывались и падали, что особенно было заметно в пехоте. Один упадет – заденет другого, тот опять – двух, трех и т. д. Падали целыми десятками с ружьями со штыками; но при этом никогда не было несчастных случаев”. В результате ускоренного марша 29 июня корпус прибыл к Дриссе, где соединился с частями 1-й Западной.

Еще до рассвета 5 августа VI пехотный корпус занял позиции. У Смоленска воинам из Уфы впервые пришлось вступить в бой с французской армией. Надо отметить, что свой первый бой они провели достойно, вызвав восхищение его свидетелей. Вот как описывал подвиг уфимцев 5 августа оберквартирмейстер корпуса И. П. Липранди. “Вправо от Малаховских ворот, за форштадом, расположен был Уфимский полк. Там непрерывно слышны были крики “Ура!” и в то же мгновение огонь усиливался. В числе посланных туда с приказанием не подаваться вперед из предназначенной черты был послан и я... Я нашел шефа полка этого, генерал-майора Цыбульского, в пол-

ной форме, верхом в цепи стрелков. Он отвечал, что **не в силах удержать порыва людей, которые после нескольких выстрелов с французами, занимающими против них кладбище, без всякой команды бросаются в штыки. В продолжение того времени, что генерал-майор Цыбульский мне говорил это, в цепи раздалось “Ура!”**. Он начал кричать, даже гнать стрелков своих шпагой назад; но там, где он был, ему повиновались, и в то же самое время в нескольких шагах от него опять слышалось “Ура!” и бросались на неприятеля. Одинаково делали и остальные полки этой дивизии... в первый раз здесь сошедшиеся с французами. **Ожесточение, с которым войска наши, в особенности пехота, сражались под Смоленском 5-го числа, невыразимо. Нетяжкие раны не замечались до тех пор, пока получившие их не падали от истощения сил и течения крови”**.

В ночь на 6 (18) августа Барклай-де-Толли приказал Дохтурову оставить Смоленск. Весь высший генералитет 1-й армии был против отступления и попытался воздействовать на Барклая. “Граф Кутайсов... любимый всеми и главнокомандующим, на дар слова которого надеялись, принял на себя передать ему желания и надежды первых лиц армии, — читаем в записках П. Х. Граббе. — Барклай-де-Толли выслушал его внимательно и с кроткою ласкою ответил ему: “Пусть каждый делает свое дело, а я сделаю свое”.

Кутузов, заменив Барклая, продолжил его стратегию. Но не потому, что не сумел придумать ничего собственного, а потому, что она была единственно правильной, и Кутузов понимал это не хуже, чем Барклай.

12 августа 1-й Башкирский полк участвовал в бою арьергарда с противником при отступлении от Смоленска. Здесь вновь отличился зауряд-хорунжий Гильман Худайбердин.

Во время отступления от Смоленска летучий казачий корпус 1-й Западной армии с 8 (20) по 18 (30) августа находился в главном арьергарде под общим командованием Платова. Сражался под деревнями Пнево и Михалевка, при Дорогобуже и у Семлева. После отправки Платова в Москву казачьи полками арьергарда командовал И. К. Краснов, который был смертельно ранен в деле при Колоцком монастыре.

Итак, с 8 (20) августа 1812 г. главнокомандующим стал М. И. Кутузов. Его назначение главнокомандующим русскими армиями обрадовало почти всех, даже Наполеона, который “...узнав о прибытии Кутузова, как вспоминал Арман де Коленкур, — тотчас же с довольным видом сделал отсюда вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление: он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву, потому что находится слишком близко к этой столице, чтобы спасти её”.

На все приветствия опытный полководец скромно отвечал: “Не победить, а дай Бог обмануть Наполеона”. Что и удалось старому полководцу, хотя и ценой сдачи Москвы. А башкирские конные полки прошли с русской армией весь её славный боевой путь, который завершился в Париже весной 1814 года.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Арман де Коленкур. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. С. 86.
2. Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. М.: Захаров. С. 12–13.
3. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. С. 137–138.
4. Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 года. М.: Захаров. С. 13–14.
5. Глинка С. Прибавление к русской истории Сергея Глинки, или Записки и замечания о происшествиях 1812, 13, 14 и 15 годов, им самим изданные. М.: 1818. С. 113.
6. Усманов А. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Ватандаш-Соотечественник. 2012. № 2. С. 8. / Отечественная война 1812 г. // Материалы военно-ученого архива Главного штаба. СПб. Т. 1–22. 1900–1914. Т. 10. С. 153.
7. Лесин В. И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 167–168.
8. Бессонов В. А., Попов А. И. Действия казачьих отрядов А. И. Быхалова и Н. А. Темирова в 1812 году / Отечественная война 1812 года: Истоки. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всероссийской научной конференции. Сост. А. В. Горбунов. Можайск: Маленький город, 2004. С. 24.
9. Энциклопедия Отечественной война 1812 года. М.: РОССПЭН, 2004. С. 248–249.
10. Тарле Е. В. Сочинения в 12 т. М., 1957–1962. Т. 7. С. 505.

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

ЭТО РУССКАЯ ПАМЯТЬ И СЛАВА

“Несвоевременные мысли” в годовщину Бородина

Указ президента Владимира Путина № 1755 “О праздновании 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года” был подписан ещё 28 декабря 2007 года. Формулировка его не точна: в 1812 году мы отмечаем годовщину Бородинского сражения и два века разгрома и изгнания Наполеона с ошмётками Великой армии из России, а не полной победы – до полного освобождения Европы и взятия Парижа в 1814 году оставалось почти два года. Но главное – не в этом: за неполные пять лет по большому счёту не было сделано в общероссийском масштабе ничего существенного ни в зримо-мемориальном воплощении, ни в духовно-патриотическом измерении. пышные собрания, бутафорные реконструкции, дорогие банкеты в памяти народной не остаются, на них новые поколения не воспитывают. Российское правительство, которое должно было исполнять указ президента, несмотря на высочайшие нефтегазовые доходы, не осилило ни грандиозных монументов, ни достойной книгоиздательской программы, ни создания киноэпопеи. Полный державно-исторический крах. В прошлые значимые юбилеи при царской и советской власти – было не так!

* * *

Ровно век назад, 29 августа 1912 года, в Москве на Чистых Прудах открылась панорама “Бородинская битва” художника Франца Рубо. В 1962 году, к 150-летию сражения, панорама была перенесена в специально построенное здание на Кутузовском проспекте. А что же успеют сделать к 200-летию? Да почти ничего, если сравнить со 100-летним юбилеем и даже 150-летним! Об этом с горечью говорили писатели, собравшиеся на Бородинском поле, прямо у Семёновских флешей, на свой пленум и Соборную встречу, посвящённую сияющей дате.

Председательствующий Валерий Ганичев дал первое слово историку, писателю, архивисту Вячеславу Хлёсткину: “Тот титанический труд, который проделал Вячеслав Михайлович, где буквально поминутно восстановил все происходящее в России за несколько дней до генерального сражения с момента назначения М. И. Кутузова главнокомандующим, заслуживает поистине памятника при жизни. Это та книга, без которой мы теперь уже не сможем видеть нашу историю в её полноте”. В своём выступлении Хлёсткин рассказал о выходящем двухтомнике, где будут собраны все документы, связанные с Отечественной войной 1812 года, и особо подчеркнул, что без нравственно-

го императива, без моральной оценки невозможно отразить историческую правду, признавая только пеструю мозаику фактов, которую надо ещё сложить в картину, а то и в икону.

Многие выступающие, от Виктора Гуминского до ректора Литинститута Бориса Тарасова, подчёркивали, как действительно была поставлена литературно-патриотическая, пропагандистская работа того периода. Её возглавил Государственный секретарь Российской империи адмирал Александр Шишков. Над ним, помню по школе, издевались, как над русофилом-ретроградом, и мало кто вспоминал, что в грозном 1941 году, в дни второго сражения на Бородинском поле были использованы те самые методы – от пламенных речей с привлечением имён героических предков до карикатур на врага, которые столь ярко использовал Шишков. Только недавно была выпущена его книга “Служба Отечеству” в серии “Национальная безопасность”, выпущенной Союзом писателей России и ИИПК “Ихтиос”. Редактор издания Сергей Котьяло особо подчеркнул, что если выдающиеся полководцы отмечены в столице памятниками, то никакого зримого знака благодарности москвичу Денису Давыдову или выдающемуся генерал-губернатору Москвы во время наполеоновского нашествия Федору Ростопчину – нет. Он известен также как писатель и публицист патриотического толка, который вслед за Фонвизиним высмеивал галломанию. Владимир Силкин прочитал новое стихотворение, написанное накануне ночью, о двух рязских земляках-генералах – Паисии Кайсарове и Иване Скобелеве, которые готовили трагический приказ об оставлении Москвы во имя сбережения русской армии.

Особо тревожило писателей то, что снова начинает под давлением Запада воцаряться французская точка зрения на Бородинское сражение. Оно стало самым крупным за всю Отечественную войну 1812 года, продолжалось около 12 часов и считается самым кровопролитным однодневным сражением в истории. Император Александр I объявил о Бородинском сражении как о победе. Князь Кутузов был произведён в генерал-фельдмаршалы с пожалованием 100 тысяч рублей. Всем бывшим в сражении нижним чинам было пожаловано по 5 рублей на каждого.

С тех пор в российской, а за ней в советской (кроме промежутка 1920–1930-х годов) историографии установилось отношение к Бородинской битве как к фактической победе русской армии. В наше время ряд российских историков также традиционно настаивает, что исход Бородинской битвы был неопределённым, и русская армия одержала в ней “моральную победу”.

Зарубежные историки, к которым в наше время присоединился и ряд их российских коллег, рассматривают Бородино как несомненную победу Наполеона. В результате сражения французы, мол, заняли все основные позиции и укрепления русской армии, сохранив при этом резервы, оттеснили русских с поля сражения, и в конечном итоге заставили их отступить. При этом никто не оспаривает, что русская армия сохранила боеспособность и моральный дух.

Главным достижением генерального сражения при Бородине стало то, что Наполеон не сумел разгромить русскую армию, а в объективных условиях всей Русской кампании 1812 года отсутствие решающей победы предопределило конечное поражение Наполеона. Более того, Наполеон уже не искал открытых сражений (битва под Малоярославцем была вынужденной и тактически проигранной), словно император забыл собственный афоризм: “Главное – вязаться в битву!”. К стати, Малоярославец, что особенно подчеркнул в выступлении Вадим Терёхин из Калуги, как и Можайск в этом мае, удостоен звания Город воинской славы.

Недавно назначенный губернатор Московской области Шойгу сообщил, что среди его идей – строительство подмосковного зоопарка, проект обустройства Бородинского поля, строительство новых спортивных сооружений и бассейнов. Вот так – через запятую. Между тем проблем здесь – уйма, но что понимается под обустройством? – непонятно. **К 200-летию Союз писателей выдвинул идею возведения памятника-часовни Смоленской иконы Божией матери.** Музей-заповедник заявил, что места на мемориальном поле для него нет. Закладной камень мы установили и освятили в Можайске, близ дороги на Бородино. Однако вопрос с выделением земельного участка так затянулся, что **единственный памятник к 200-летию возвести не успеют.**

На сайте музея сказано, что к 2012 году будет обновлена недавно закрывшаяся основная экспозиция музея-заповедника “Бородино – битва гигантов”,

у главного монумента героям Бородинского сражения на батарее Раевского появится мемориальный сквер, где будут увековечены все соединения, участвовавшие в Отечественной войне. Ещё один сквер увековечит героизм тех, кто сражался на стороне французской армии, состоявшей почти на 80% из разноплеменных наёмников. Он будет разбит у Шевардинского редута, где высится французский памятник “Мёртвым великой армии”. Странное решение! Например, русские войска трижды брали Берлин с героизмом и потерями. В первый раз – во время Семилетней войны 1756–63 годов в сентябре 1760 года. В марте 1813 года русские войска, освобождая Европу, стояли в Берлине, Дрездене и других городах, заняв территорию Германии к востоку от Эльбы. Быстрое продвижение русских привело к распаду наполеоновской коалиции. Наконец, русские войска 25 апреля 1945 года начали штурм Берлина, а 2 мая гарнизон рейхстага капитулировал. Я не видел в Берлине или где-нибудь на Эльбе сквера, где был бы запечатлен героизм русских и советских солдат. А здесь – такой пиетет. . . Лучше бы по дороге к монументу “Мёртвым великой армии” установили стелу с выбитыми стихами поэта-офицера Федора Глинки:

*Кто вам опишет эту сечу,
Тот гром орудий, стон долин?
Со всей Европой эту встречу
Мог русский выдержать один!*

*...Но год двенадцатый не сказки,
И запад видел не во сне,
Как двадцати народов каски
Валялись на Бородине.*

В рамках государственной программы по празднованию 200-летия Бородинского сражения по мере сил и средств восстанавливаются и реставрируются памятники в Можайске и окрестностях. В частности, древний Колоцкий монастырь, который в 2013 году отметит 600-летие. В годы Отечественной войны 1812 года он находился в центре военных действий, в нём останавливался Наполеон, но всё равно храм был осквернён французами, как и в Лужецком Ферাপонтовом монастыре.

Незадолго до нашего приезда Региональной общественной организацией “Бородино-2012” при партнёрском содействии Культурно-просветительного фонда им. св. Василия Великого был проведен очередной, четвёртый по счёту крестный ход в защиту исторического ландшафта Бородинского поля, против его поругания и коттеджной застройки. Защитниками Бородинского поля было принято следующее обращение к президенту Путину:

“Уважаемый Владимир Владимирович!

Мы, участники крестного хода в защиту Бородинского поля, за сохранение его исторического ландшафта, против его поругания торговыми ярмарками и увеселительными мероприятиями, обращаемся к Вам с настойчивой просьбой обратить самое пристальное внимание на положение дел на Бородинском поле – Поле Русской Славы двух Отечественных войн – 1812 и 1941–1945 годов.

Последние два года идет интенсивная застройка Бородинского поля. Музеем-заповедником построено здание Фондохранилища, которое значительно изменяет исторический ландшафт. Насколько нам известно, планируется строительство гостиниц и паркингов. В зоне особо охраняемой территории музея-заповедника (10 x 10 км) на глазах строятся дачи, коттеджи, вырастают целые дачные посёлки, но органы власти, министерства и ведомства считают, что ничего незаконного не происходит. Таким образом, игнорируются не только принятые нормы общественной морали и память о павших героях Бородинской битвы и героях Великой Отечественной войны, но и постановления Правительства, указы губернатора и даже Президента Российской Федерации. . .

. . . За последние два года общественность неоднократно уверяли в том, что всякое строительство на Бородинском поле прекращено. После многочисленных прокурорских проверок выносились постановления о прекращении строительства, даже проводились судебные разбирательства по вопросу сноса незаконных строений. Но ни один особняк так и не был снесён за это вре-

мя. Ни один участок, приобретенный за последние годы на Бородинском поле, не был изъят у их владельцев. Весной этого года органы прокуратуры вновь провели проверки на Бородинском поле и вынесли постановления о возбуждении только 60 дел по факту незаконной застройки. Достаточно ли этого для спасения Бородинского поля?»

Активисты считают, что в охранной зоне музея-заповедника находятся 28 населенных пунктов. В каждом из них уже появились улицы, а то и несколько, с новыми особняками. По самым скромным оценкам, в каждом населённом пункте построено не менее тридцати-пятидесяти новых домов. Таким образом, примерно 1500 новых домов выстроено за последние годы на всей территории Бородинского поля и его окрестностей. И это власти не хотят видеть! Можно ли назвать это борьбой за Бородинское поле?

Нельзя не сказать, что полтора года назад, когда в СМИ началась «Бородинская битва» против застройки поля коттеджами, под идеологические жернова попали несколько десятков обычных семей, живущих в деревнях Можайского района. Это не миллионеры-абрамовичи, а простые люди, которые добросовестно приобрели у государства кусок земли. Кто-то купил, кто-то взял в аренду – совершенно законным путём. Для большинства из них решение суда о сносе их домов будет означать полное разорение и навсегда сломанную жизнь.

Большинство местных жителей (не без оснований) считает, что участки будут у них отобраны, чтобы передать их чиновникам и толстосумам. Увы, и такой опыт есть! Жители Криушина на берегу Можайского моря уверяют: приобретая участки, они понятия не имели, что земля находится в границах Бородинского поля. Лишь в 2011 году некоторые из них, обновляя кадастровые паспорта на свою землю, увидели там примечание, что участок полностью или частично относится к территории Бородинского музея-заповедника. Во время покупки в документах на это не было даже намека. Никаких памятников, связанных с битвой при Бородине, в Криушине нет и никогда не было. По свидетельствам жителей деревни, ни один турист за последние 10 лет Криушино не посетил. Исторических видов строения этого населенного пункта тоже не портят, так как находятся слишком далеко от музея и центральных памятников. Даже просто заподозрить то, что земля охраняемая, было сложно. Полуразрушенный коровник с одной стороны, водонапорная башня с другой – это, дескать, мало напоминает «исторический ландшафт, нуждающийся в государственной охране». Но защитники поля пишут о другом: «Всё побережье Можайского водохранилища, входящее в территорию музея-заповедника Бородинское поле (а это около десяти километров береговой линии), уже продано под дачные посёлки. Не исключено, что и Криушинский редут (укрепление на правом фланге русских войск) оказался в зоне застройки. Можайские чиновники скрывают информацию о продаже земли Бородинского поля».

Кому же верить?..

Делегация писателей приехала на Поле в детский военно-исторический праздник «Стойкий оловянный солдатик», который является своеобразным подарком школьникам, заканчивающим учебный год. Дети вместе с учителями и родителями в этот день в ходе экскурсии совершают путешествие в прошлое, знакомятся с музейными экспозициями, осматривают памятники и памятные места, связанные с событиями двух Отечественных войн. Во второй половине дня у батарее Раевского прошло представление «Сквозь дым летучий...», подготовленное группами военно-исторической реконструкции. Над полем звучали ружейные и артиллерийские залпы, раздавался звон сабель и палашей. Атаки пехотинцев сменяли кавалерийские схватки. Открывался праздник показательными выступлениями Президентского полка и воинов-десантников Вооруженных сил России. Они демонстрировали приёмы рукопашного боя, самообороны. Глядя на огромное количество зрителей, попирающих место двух ожесточенных битв, бесчисленные ларьки и дымящиеся мангалы с шашлыками, с ящиками пива кругом, начинаешь соглашаться с обществениками: да, торговцам, чиновникам и музейщикам даже так удобней – собрать огромную массу в одно место и – гуляй. Но ведь это и впрямь поле – братская могила. Из дота времён Великой Отечественной устроили трибуну, а сколько вокруг него пало солдат...

*Выверяя путь по обелискам,
Как и год, и шестьдесят назад,
Журавли над полем Бородинским,
Над весенней родиной летят.
Что им сверху видно на рассвете?
Прокричат и снова — тишина
Над лесами и Долиной смерти,
Что Долиной славы названа.*

* * *

В нынешнем юбилейном году состоится VII фестиваль духовности и культуры “Бородинская осень”. После шумных празднеств с реконструкцией битвы накануне памятной даты Бородинского сражения, когда съезжаются высокие гости, музейщики, члены военно-исторических клубов и тысячи зевак, среди позолотевших лесов и притихших просторов собираются участники традиционного фестиваля. Сосредоточенно, вдумчиво, без особого ажиотажа участники из разных краев России продолжают во всех жанрах и родах искусства осмысливать память веков, подвиг предков и вечный долг перед Отечеством.

Начинается фестиваль в Ильинской слободе, возле памятника Советским воинам, где епископ Серпуховской Роман освятил в 2010 году кованую икону Владимирской Божией Матери на звоннице Мемориала памяти у братского захоронения солдат, погибших при обороне Можайска. Тихо несёт свои просветлевшие воды Москва-река, которая здесь, в верховьях, не раз становилась грозным рубежом. Кстати, французские историки называют Бородинское сражение битвой при Москве-реке. Чего им там на притоки Колоочь и Воинку размениваться, а ведь названия-то какие характерные!

Далее в деревне Исавицы, возле комплекса “Святой колодец преподобного Ферапонта Можайского”, проходит концерт лучших исполнителей народных песен на приз фестиваля “Бородинская осень” (председатель жюри заслуженная артистка России Татьяна Петрова). Запомнилось, как коллектив “Криница” под руководством Надежды Яковлевой пел украинскую песню, и певуны с восторгом говорили мне: “Ой, мы так любим украинские — всегда поём!”. Чистому русскому таланту не надо рассказывать про славянское родство — оно у него в крови.

Интересно, что монументального, зримого оставит потомкам этот 200-летний юбилей? Указ о его проведении, как я уже отмечал, подписал Путин ещё в 2007 году. Долго ничего внятного не говорили, не обсуждали. В музее-панораме “Бородинская битва” председатель оргкомитета по празднованию великой даты тогдашний вице-премьер Александр Жуков стал говорить о том, что надеется на создание хорошего фильма “... кем-нибудь из режиссеров”. Ну об эпопее, близкой “Воине и миру” Сергея Бондарчука, сегодня и заикаться не приходится, но не провели ведь конкурс сценариев, кинопроектов, а лишь спокойно мечтали о хорошем... Кстати, бюджетные деньги выделили огромные — 2 млрд 380 млн рублей... Для сравнения: пока Рослесхозу на ликвидацию последствий страшных лесных пожаров выделили сопоставимую сумму — 2,5 млрд рублей. Конечно, надо и памятники Смоленска, Вязьмы, Бородина реставрировать, и ту же панораму Рубо восстанавливать, и Музей войны 1812 года создавать в здании бывшего музея В. И. Ленина, переданного Историческому музею. Но все это — не нами заложено, возведено, намолено. Чем нынешняя капиталистическая, криминально-олигархическая Россия блеснёт? По-моему, специально затягиваются все конкретные дела, чтобы ближе к юбилею аврально навалиться и... распилить!

Лишь одна “замечательная” идея витает в либеральных умах: установить памятник самому... Наполеону! На месте командного пункта Наполеона — пока единственный французский памятник — “Мёртвым великой армии”, возведённый в 1912 году. Но уже доходят слухи об увековечении узурпатора и завоевателя. Достаточно вспомнить, что сегодня девиз работы музея, как рассказывают сотрудники, встречающие зарубежных гостей и представителей посольств: “Дорогами минувших войн к миру”. Ох, какие мы толерантные!

В декабре 2004 года в музее-панораме “Бородинская битва” прошли торжества, посвященные... 200-летию коронации Наполеона Бонапарта! Это событие вызвало глубокое возмущение жителей района Фили, прихожан храма-часовни Святого Архангела Михаила. Они направили коллективные письма протеста в Государственную думу РФ и в московскую мэрию. В письмах говорится: “Невозможно описать удивление, которое охватило жителей Филёвского района Москвы, Кутузовского проспекта, когда вечером 5 декабря 2004 года раздался выстрел и повис фейерверк, который видели многие граждане. Но вот стало очевидно, что музей-панорама “Бородинская битва” празднует событие, приуроченное к 200-летию коронации Наполеона Бонапарта (внутри музея – выставка, посвященная этому событию). Это возмутительно”.

Но так думают наивные русские патриоты, а сотрудники музеев, библиотек, представители продвинутой интеллигенции горячо приветствуют такие проекты: а как же – во Францию съездить в командировку, прослыть европейцем, грант получить... Господи, какие там родные пыльные дороги! По ним 28 августа 1812 года французский император вступил в Можайск. В городе он провёл три дня, рассылая приказы подчинённым и подписывая важные бумаги. В Можайске Наполеон наградил маршала Нея титулом “князя Московского”. Пародируя характер занятий местного населения в начале XIX века, И. А. Крылов написал известную эпиграмму: “Французский маршал Ней в Можайске принцем возвеличен, – и прежде был Можайск отличен породой свиней”. Вот как резко и “нетолерантно” (ах, ах!) выразился наш великий баснописец.

Бородинское поле уникально тем, что оно становилось главным рубежом защиты Москвы дважды. Потому и соседствуют на поле памятники русской славы 1812 года с огромными ДОТами Можайской линии обороны и танком Т-34. На рубеже Минское шоссе – село Бородино оборонялась 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия под командованием полковника В. И. Полосухина. В 1938 году во главе с комдивом Н. Э. Берзаринным она участвовала в разгроме группировки японских войск на Дальнем Востоке. В апреле 1941 года командиром 32-й дивизии был назначен полковник Виктор Иванович Полосухин, до этого командовавший отдельной стрелковой бригадой во Владивостоке. Бывший боец-чоновец, член укома комсомола, участвовавший в разгроме остатков колчаковских банд в окрестностях Кузнецка, в Шорской и Мариинской тайге, в отрогах Кузнецкого Алатау, он стал профессиональным военным.

В 1978 году ветераны 32-й дивизии установили памятный знак на месте гибели своего командира. Семья, родные и близкие комдива В. И. Полосухина узнали о его гибели из статьи писателя П. Павленко “Сибиряки”, опубликованной 6 марта 1942 года в газете “Красная Звезда”. В статье, посвящённой мужеству сибиряков-защитников Москвы, были такие строки: “Зимой и конь того не осилит, с чем сибиряк справится, – говорит лейтенант Анатолий Кузнецов, разведчик из дивизии, которой командовал славно погибший полковник Виктор Иванович Полосухин. На карте лейтенанта, размеченной незадолго до своей гибели покойным командиром, только и есть, что стрелки, ведущие в немецкие тылы”. Через три дня после этой публикации семья комдива получила письмо из политотдела 32-й дивизии, фотоснимки, подтверждающие, что В. И. Полосухин погиб 18 февраля в боях у деревень Иванники, Васильки, а 20 февраля был похоронен с воинскими почестями в центре города Можайска.

Из газеты “Правда” от 3 января 1942 года родственникам стало известно, что В. И. Полосухин награжден (отменённым ныне!) орденом Красного Знамени. В письме от 18 января комдив сообщил жене Ольге Васильевне, что получил от неё телеграмму с поздравлением его с этой высокой наградой. Полосухин погиб на боевом посту, сраженный пулемётной очередью. Непреступную высоту взяли штурмом его батальоны. С тех пор эта высота называется “Холмом Славы”, и на ней установлен скромный памятник. Комдив Полосухин заслуживает того, чтобы к 70-летию Московской битвы и второго Бородинского сражения ему был установлен достойный монумент. Ничего не сделано...

Сегодня о Герое Советского Союза Викторе Ивановиче Полосухине, герое “второго Бородина”, известно и написано немало. В частности, мне было очень интересно узнать из очерка ответственного секретаря газеты “Советская Россия” Ивана Кожухова, что 12 октября 1941 года в книге отзывов Бородинского музея была зафиксирована запись последнего посетителя. Ее оставил

именно командир 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии полковник Виктор Иванович Полосухин. Под его командованием дивизия на 6 суток задержала на священном Бородинском поле части 40-го механизированного корпуса гитлеровцев, рвавшихся к Москве. В графе “Цель посещения Бородинского поля” он написал: “Приехал Бородинское поле защищать”. Правда, некоторые музейщики оспаривают существование такой записи, у нас и архивисты стали западниками-либералами, но бой-то за Бородино и музей был. **Пора возвести монумент защитнику!**

Правда, Иван Кожухов тоже может писать, не сочиняя, потому что за четыре года до войны в возрасте 23 лет его отца Сергея Ивановича назначили директором музея в Бородино. Он успел многое сделать: развернул новую экспозицию, организовал в Москве филиал музея “Кутузовская изба”, а также помогал в создании музея Отечественной войны 1812 года в Малоярославце. Именно он успел эвакуировать все музейные ценности перед самым наступлением фашистов. А вообще-то вопрос о создании музея на Бородинском поле возник во время торжеств по случаю 25-летия вступления русских войск в Париж – 26 августа 1839 года. Перед строем 150-тысячного войска и 200 участников сражения на Курганской высоте (батарея Раевского), одном из главных укреплений русской армии, был торжественно освящен монумент в память доблестных защитников Отечества. Рядом захоронили прах героя Бородина генерала П. И. Багратиона.

Вспоминаю сейчас, как мы, участники V Всероссийского фестиваля духовности и культуры собрались тогда, осенью 2010 года, на Бородинском поле после страшной засухи, не только климатической, но и патриотической, нравственной – всех последних губительных лет. Близ Спасо-Бородинского монастыря стоит огромная стела в честь всех городов и весей России, пославших свои войска на Бородинское сражение. Но нет подобного величественного памятника всем частям и соединениям, сражавшимся осенью 41-го на Бородинском поле и освобождавшим Можайск зимой 42-го. Старейшая подвижница краеведения Владислава Ивановна Булычёва, подарившая участникам круглого стола новый выпуск историко-краеведческого альманаха “Земля Можайская”, особо ратовала за памятник освободителю этой легендарной земли, сыну бурлака, командующему 5-й армии генералу Л. А. Говорову.

А вечером в ДК села Горки прошла самая торжественная и трогательная встреча: старейшие труженики этой живописной земли отмечали 60-летие колхоза “Бородино”. Созданный в самые трудные годы, он быстро стал маяком Подмосковья: например, первый награжденный орденом Ленина труженик в Можайском районе был из этого колхоза. Председатель оргкомитета фестиваля Виктор Лапкин был до контрреволюционного переворота 1993 года председателем колхоза “Бородино” и сохранил Красное знамя. Его торжественно внесли в скромный зал, и начался неповторимый вечер чествования ветеранов. Двум женщинам было уже под 100 лет, многие выходили с палочками – бывшие доярки, не снимавшие резиновых сапог в жару и мороз. Подарки, денежные премии, грамоты Всемирного русского народного собора, песни и стихи от участников фестиваля: Татьяны Петровой и Фёдора Григорьева (Борисоглебск), Михаила Ножкина и Василия Попова (Ангарск), Татьяны Симушиной и Константина Скворцова. Начинал и завершал тёплый вечер замечательный ансамбль “Червлёный яр” из Ельца.

На этом вечере был утверждён проект создания музея колхозно-крестьянского быта XX века в селе Поречье Можайского района Московской области. Для этого председатель оргкомитета отдал наследственный дом своего отца – Лапкина Алексея Егоровича, который с 1963 по 1985 год являлся бессменным руководителем совхоза “Порецкий”. Решением Совета депутатов от 2 марта 1999 года товарищу Лапкину было присвоено звание Почётного гражданина города Можайска.

На следующий день после литургии в Спасо-Бородинском женском монастыре в том же ДК Горок прошло закрытие Всероссийского фестиваля духовности и культуры “Бородинская осень”. Гран-при – небольшой, но призывный колокол получил режиссер из Новосибирска Юрий Шиллер за фильм “Недаром помнит вся Россия” и народный артист России Михаил Ножкин, который озвучивал фильм “Полундра” о морской пехоте и написал гимн этого славного рода войск. Морские пехотинцы насмерть стояли на подступах к Москве под Волоколамском, Дмитровом и здесь, на Бородинском поле.

*Лавину битв, событий, бед
Всегда несло по Подмосквью.
Прошло сто двадцать девять лет
И поле вновь набухло кровью.*

*И грозно встретились на нем
12-й и 41-й.
Мы снова память всколыхнем
С приливом гордости безмерной.*

*В сверканье солнца — блеск штыков,
В заречном громе — боя давность,
Но тем прочнее связь веков
И жарче
предкам благодарность.*

Главным духовным памятником воинской славы России является возрожденный на поле битвы Спасо-Бородинский женский монастырь.

Женский монастырь — заслуга не музея, а княгини М. М. Тучковой и многих поколений верующих. А в наши дни? Когда едешь к музею, проезжаешь границу поля со скромным давним знаком (хорошее место для памятника-часовни), потом налево вдруг ведёт указатель “Бородино-пласт”, и за посадками идут строения завода, обшитого серо-сизой евровагонкой. Такое “украшение” на границе Поля! Потом тянется селенье Горки, где выросла подпольно целая улица — тоже ведь хорошее место для памятника у бывшей ставки Кутузова. И таких подходящих мест на поле — прорва! По иронии судьбы, как раз после протестующего музейного письма на решительный штурм Поля без всякой “архитектурной проработки” пошли не чужеземные враги, а замороженные влиятельные дачники. Свято место пусто не бывает: вместо заросших полей колхоза “Бородино”, где сеяли хлеб, и новых (не возведённых) памятников стали расти богатые особняки. На прошлом фестивале, как я уже замечал, все повторяли: нужен памятник полковнику В. И. Полосухину, чья 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия насмерть стояла у Бородина (это небольшая часть от стоимости роскошного особняка), необходим достойный памятник всем воинам, павшим на Бородинском направлении в 1941 году (это примерно половина стоимости особняка). Ничего не сделано к 70-летию начала Великой Отечественной и Московской битвы... Так чего ж удивляться наступлению денег на высоты, не занятые другими свидетельствами эпохи?

Для единственного памятника-часовни нашли новое место: на въезде из города по Старой Смоленской дороге, на взгорке напротив уникального Никольского собора. По этой дороге едут все экскурсанты к Полю (исключая, правда, туристов и паломников, кто идёт пешком от станции Бородино). Участники фестиваля присутствовали на торжественной закладке и освящении камня. Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, министр промышленности и науки правительства Московской области Владимир Козырев, зам главы администрации Можайского района Марина Лузина, председатель Совета депутатов Можайска Александр Кун сняли белое покрывало, и открылись слова на мраморе: “Камень в основание памятника “Поклонение русского воинства пред Смоленской иконой Божией Матери — покровительницы России в Отечественной войне 1812 года от благодарных потомков. 17 сентября 2011 года”. И то хорошо, а то — целый год потеряли впустую на странную борьбу и согласования.

Нынешних поэтов упрекают порой в том, что их стихи не столь известны и действенны, как произведения классиков. На круглом столе в музее, посвященном Слову во время двух Отечественных войн, Валерий Ганичев вспомнил, как умело использовался опыт идеологической борьбы 1812 года, патриотические лозунги и воззвания того времени в 1941 году. А ещё в своих заметках о русской литературе в годы Великой Отечественной он пишет, как поздравлял от комсомола и издательства “Молодая гвардия” Георгия Жукова с 75-летием. Он подарил победителю Московской битвы XX века четыре тома “Тихого Дона” и антологию стихов “О, Русская земля!": “Маршал погладил “Тихий Дон” и признался: “Любимый писатель!” Полистав антологию, сказал: “Мы на фронте очень ценили патриотическую поэзию!”...

Я подумал у карты Бородина: господи, что же надо написать сегодня, чтобы нынешний гражданский несменяемый министр обороны Сердюков снял... (что он там вместо фуражки носит?), а Верховный главнокомандующий Путин любовно погладил, например, антологию военной поэзии “Ты припомни, Россия, как всё это было”, составленную Геннадием Красниковым и выпущенную издательством “Вече”?..

* * *

Снова вернусь к волнующей многих теме. Музей получил статус музея-заповедника в 1961 году. Ровно через полвека все СМИ и федеральные каналы наполнились материалами о распродаже заповедных мест, о наступлении особняков на Поле русской славы. Компания по защите Поля и её освещение, вроде, возымели действие: строительство приостановилось. Но по словам Михаила Черепашенца, директора Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, процесс превращения Бородина в обыкновенный дачный поселок начался уже давно. Бородинское поле – это 11 тыс. га земли, на которых расположены 27 поселений, военные части, железнодорожные станции и фермерские участки. Люди покупают старенькие деревенские дома и возводят на их месте роскошные коттеджи. Кроме того, фермерские поля также постепенно переводятся из “земель сельхозназначения” в “земли поселений” – строить нынче выгоднее, чем заниматься сельским хозяйством. 600 га в самом центре Бородинского поля пока ещё ничем не застроены, но руководство музея уверено, что это ненадолго. Распоряжаются судьбой Бородинского поля не федеральные власти и даже не районные, а – в это сложно поверить – местный сельсовет! Чтобы отдать кусок истории под застройку, надо всего лишь провести так называемые общественные слушания с участием 15 бабушек, которые за мешок сахара или картошки проголосуют как надо. Таким образом, дачами застроили уже три участка Бородина.

“Пока еще Бородинское поле поражает размахом и просторами. – Кутузов знал толк в дислокации, – говорил Александр Золотарёв, замдиректора музея-заповедника газете “Известия”. – Луга, леса, реки, овраги – всё было преимуществом русской армии, всё работало на победу. Когда музей организовывался, так и подразумевалось – сохранить исторический ландшафт, ничего здесь не исправлять, не строить и не переиначивать. В голове не укладывалось, что найдутся желающие превратить Бородино в дачную местность. Тем не менее, “процесс пошёл”. Охранные зоны музея-заповедника, составлявшие когда-то 65 тысяч гектаров, постепенно съеживаются. К сегодняшнему дню они ополовинены и практически уже не служат Бородинскому полю подушкой безопасности. Больше того, в ближайшее время поле-памятник будет обеспечено вонью и дымом – по решению администрации Можайского района в семи километрах от него возводится свалка отходов ТБО. Ужас от грядущей свалки не меньше, чем тот, что хранители Бородинского поля переживают ежедневно: беспорядочная застройка медленно, но верно подбирается к самому центру памятника. Частные ограждения уже перекрыли панораму Бородинской битвы”.

Зелёную улицу такой застройке открыл поспешно продавленный Земельный кодекс, который, как и Водный, и Лесной, добывает заповедные места России. “Раньше такой вольницы не было, – рассказывал Золотарёв, словно не понимая причины катастрофы. – Все изменилось буквально за последнее время... Представляете, что здесь будет после 2012 года? Бородинское поле просто доедят...”. Да, достаточно придти к памятнику 1912 года – мемориальному месту на возвышении, где Франц Рубо делал эскизы для своей панорамы Бородинской битвы, чтобы убедиться, какой вид с крышами и строениями ему бы открылся сегодня!

Серьёзно повторяю для читателей: хотите увидеть Поле, ощутить гений места, а не просто глянуть на музей и два-три памятника в его окрестностях, приезжайте быстрее на Бородинское поле. До юбилея губернатор (бывший) Борис Громов наложил мораторий на сделки с заповедной землёй, но он не действует. Не успели музейщики перевести дух, как кто-то среди бела дня за столбил под коттеджную застройку полтора гектара вблизи деревни Семёновское, где располагалась ставка Багратиона. В музей позвонили местные жи-

тели: в лесополосе крутятся подозрительные личности, размечают территорию. Золотарёв и главный хранитель “Бородинского поля” Александр Суханов ринулись туда, прихватив для устрашения захватчиков папку с документами. Пришельцы прикрывали автомобильные номера с серией АА. Местные знатоки утверждают, что такая серия обычно присваивается автопарку правительства Московской области. Чем закончился скандал? Да как обычно – секвестром заповедной территории и утратой ещё одного памятного места. . .

В начале 90-х Мособлсовет утвердил границы музея-заповедника и его охранные зоны, а также особый режим содержания, не допускающий, в частности, расширения исторически сложившихся населенных пунктов и нового строительства на территории памятника. Казалось бы, ну какая еще охранный грамота требуется, чтобы сохранить и защитить Бородино? Поле Ватерлоо в Бельгии охраняет единственный закон, и 200 лет никто это поле не трогает. У нас долго не обращали внимания, что музеи в России не получили прав на землю, а их заповедные территории остались юридически неоформленными. То есть границы существовали как бы на честном слове – межевание, постановка на кадастровый учет не проводились – сначала потому, что таких процедур ещё не существовало, а потом у Министерства культуры не нашлось на это денег. Но, строго говоря, даже на таком полулегальном положении существует всего 7 российских музеев-заповедников из 127. Казалось бы, Бородинскому полю повезло – уникальный памятник заимел и то и другое. В 2007 году он даже получил премию ЮНЕСКО за сохранение культурного ландшафта. Но с принятием Земельного кодекса ландшафт пошёл на продажу – распил и распыл!

* * *

Завершая свои заметки, хочу вспомнить о том, что 2012 год, с запозданием объявленный “Годом истории”, проходит бездарно и неярко, что в сентябре мы дежурно и почти бесследно отметим 200 лет со дня первого Бородинского сражения, а в ноябре – 400 лет освобождения от польско-шведской интервенции. В 2013 году мы будем отмечать 1150-летие Моравской миссии и обретения славянской азбуки братьями Кириллом и Мефодием, 150-летие праздника славянской письменности и культуры в России. К любым славным датам надо готовиться заранее, не дежурно, а вспоминая заветы русской и советской литературы, огромный опыт краеведческой и туристской работы прошлого, издавая новые доступные книги и путеводители, складывая новые стихи и песни. А главное – надо снова звать молодых в дорогу по полям и рубежам русской славы!

*У России — нелёгкая доля,
Но много в веках не дано...
Куликово ковыльное поле,
Легендарное Бородино —*

*Эти вехи истории с кровью
Не сметут никакие враги
От суровых снегов Подмосковья
И до огненной Курской дуги.*

*Слышат снова Берлин и Полтава:
Бьют орудья и стелется дым.
Это — русская память и слава,
Мы её — никому не сдадим!*

Вот уже два года прошло, как современную русскую литературу постигла тяжёлая утрата — скончался замечательный рязанский писатель, деревенщик, в лучшем смысле этого слова, давний и любимый читателями автор нашего журнала Борис Михайлович Шишаев. Читателям “Нашего современника” не нужно рассказывать, каким писателем был Борис Михайлович — многочисленные доброжелательные отклики, поступавшие в редакцию после опубликования каждого нового его произведения, говорят сами за себя. Борис Шишаев с пристальным вниманием следил за текущей жизнью, за всеми бедами и проблемами современной России. Что отразилось в его, до сих пор не публиковавшихся, дневниках, которые сам писатель назвал “Хрониками”. Хроники эти весьма обширны и не закончены, к несчастью, автором при жизни. Незадолго до своей смерти, будучи уже тяжело больным, Борис Михайлович передал в редакцию свой труд в той его части, которую он смог завершить. Сейчас мы публикуем выбранные места из его “Хроник”, относящиеся к 1992 году, к тому бедственному году, когда, поистине, началось новое “смутное время” в истории России.

БОРИС ШИШАЕВ

ХРОНИКИ БЕДЫ

Вступление

Глубоко переживая взрыв революции в России 1917 года, Иван Алексеевич Бунин с болью писал в своих дневниках, которым дал потом название “Окаянные дни”: “... была русская история, было русское государство, а теперь нет его. Костомаровы, Ключевские, Карамзины писали историю, а теперь и истории никакой... Мои предки Казань брали, русское государство создавали, а теперь на моих глазах его разрушают — и кто же? Свердловы?”

После того разрушения наше государство было вновь собрано, хотя и с великим трудом, с невиданной кровью. Была великая держава — Советский Союз. Мой отец едва жизнь за неё не отдал, сражаясь на фронтах с фашистами, а сколько русских, украинцев, белорусов, казахов, армян и представителей других народов великой страны отдали за неё свои жизни...

Почти все население Советского Союза проголосовало (на референдуме 17 марта 1991 года. — **Ред.**) за сохранение этой великой державы, и всё-таки повторяется история — разваливают теперь уже и Советский Союз.

И кто же? Свердлова давно уже нет в живых, но чем лучше его нынешние развальщики, у которых фамилии: Горбачёв, Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе, Хасбулатов, Бурбулис, Шахрай, Гайдар, Гавриил Попов, Собчак, Чубайс и проч.? Есть ли среди них хоть один настоящий русский?.. Вряд ли.

Разрушают теперь уже под видом перехода от большевизма обратно к капитализму, но, Боже ты мой, сколько общего с тем бунинским временем, когда разрушали во имя перехода от капитализма к коммунизму!.. Такое же свинство, такая же наглость, такое же махровое предательство. Теперь они называют себя демократами. Как угодно могут себя назвать, и любой предлог для них хорош, чтобы разрушить русскую сущность, основу, фундамент, на котором столько веков стояла Россия.

И уже видно, как страну расчленяют, разбирают по косточкам, превращают в удобное поле деятельности для западных воротил, а нас, граждан разрозненных, грызущихся между собой государствишек, именуемых СНГ, — в дешёвую рабочую силу. И уже видно, как враг хозяйничает на нашей земле.

1992 год

18 февраля

На окраинах война. Южная Осетия отстаивает свою независимость от Грузии, Армения с Азербайджаном никак не могут поделить Нагорный Карабах, Приднестровье борется за независимость от Молдавии. И везде льётся кровь, везде большое количество жертв.

Украина претендует на Крым, а Казахстан с благословения Ельцина и его министров уже отхватил громадные исконно русские территории. Как будто Советский Союз специально создавался для того, чтобы потом укоротить Россию в размерах.

Распадается, “растаскивается по национальным квартирам” армия — она, как и весь народ, унижена, обкрадена и, скорее всего, недееспособна. А между тем президент США Буш заявляет: “Вооруженные силы США должны сохранять способность быстро прибыть в любую точку, быть оснащёнными самой лучшей военной техникой и добиваться успеха”. Их никто не трогает, а им надо “добиваться успеха”...

Цены поднялись абсолютно на всё — в десять, в двадцать, в сто раз. Большинство народа оказалось на грани нищеты, у пенсионеров нет денег на собственные похороны — все сбережения превратились в ничто. Ощущаем это с женой, что называется, на собственных шурах.

Зато, как на дрожжах, богатеют воры, бандиты, чиновники всех мастей и рангов. Дорвались. Недавно было сообщение, что в Рязани к похоронному бюро “подбросили” гроб с телом — не на что было хоронить.

20 февраля

Чтобы рассеять тяжелые думы, хочу делать съестные припасы. Мало чего найдёшь в магазинах, а что есть — страшно дорого. В квартире не работает отопление, холод в щели режет, и вот такое-то жильё заставляют приватизировать. То есть: платы за квартиру и к тому же сам будь и электриком, и сантехником, и кем угодно ещё.

21 февраля

Всю зиму вижу грачей — немного их, правда. Неужели остаются зимовать? Сидит на проводе грач — корм искать ему, наверно, не хочется, холодно. Лапы поджал, распушился, а лететь в тёплые края тоже, видать, неохота. Вот и люди сейчас такие — не могут лишний шаг сделать для своего же спасения.

Ходил в магазин. Раньше в него можно было входить через одну дверь, а выходить, во избежание толчеи, через другую. Теперь одну из дверей заперли. Мужик стоит и смеётся: “При коммунистах и вход и выход были, а сейчас куда войдёшь, оттуда и выскочишь”. Приватизировали они, что ли, вторую дверь-то? Смеёмся — одно спасение.

О матери часто думается. Как она теперь там, в Сынтуле, одна со своими пенсионными грошиками? Росла в ту революцию — все узнала: и нужду, и голод, силой её в коммунизм загоняли, отнимая последнее. Дожила до старости, и вот теперь силой выгоняют из коммунизма, и опять нужда — подумаешь ещё, купить кусок колбасы или нет. В мир явилась — выстегали, как плетью, нуждой да принуждением, и настала пора уходить из мира — опять стегают.

Какую же страшную жизнь они прожили! И как задумаешься, то кажется, будто одно и то же какое-то тайное лицо делало эти паскудства тогда – и делает сейчас.

22 февраля

В Барнауле нашли в мусорном ящике ребёнка – живого и даже здоровенького. Не зная его папы и мамы, взяли да и назвали Михаилом Сергеевичем Горбачёвым. Зря поиздевались над парнем – вырастет, и стыдно ему будет носить имя, отчество и фамилию первого из разрушителей великого государства. Тоже показатель бессердечности людской – выместили свою неприязнь к Горбачёву на невинном ребёнке.

А Горбачев, как сообщают, становится теперь постоянным автором газеты “Нью-Йорк Таймс” – будет писать для них ежемесячную колонку о будущем коммунизма, о войне в Персидском заливе, об отношениях Израиля с папой римским и о собственных отношениях с Ельциным. Господи, неужели денег всё не хватает, мало заработал на предательстве Родины? Молчал бы уж...

Предательство становится каким-то поветрием, настоящей эпидемией. Родину нашу продают все кому не лень: президенты, разведчики и контрразведчики, дельцы и просто всякая шваль. Продают друг друга политики, писатели, художники, музыканты, продают жены мужей и мужья жён, отрекаются друг от друга люди, дружившие по 20–30 лет...

...Книги стоят так дорого, что обычному трудовому человеку они не по карману. Для издания книги теперь нужно искать деньги, но меценатов пока что-то не видать. Да какие тут меценаты, если дельцы, предприниматели почти сплошь – хищная угловатая сволочь, и от слова “культура” на их лицах появляется отвратительнейшая гримаса...

23 февраля

День Армии и Флота, которые то ли есть у нас, то ли нет – непонятно. Хорошо хоть, эта армия по России, по городам и весям, не шляется с оружием в руках, как в 1917 году. Но ведь по окраинам-то шляется.

Странные говорили сейчас по радио слова: “Мы были бедны духовно, и потому...” Почему-то на каждом переломном этапе истории нам кажется, что раньше мы были плохими, а вот теперь, дескать, поняли, как надо... Какой-то гордынный идиотизм. Да мы лучше были, духовней в десять раз при большевиках и чище душевно были до большевиков. Удивительно: каждый раз, когда мы становимся хуже, нам кажется, что мы сделали шаг вперед, усовершенствовались. Это как человек с завязанными глазами, которому говорят: “Давай, давай – шагай, ещё шаг, и ты уже рядом с раем...” А на самом деле приближают его к пропасти. Так и полетит он в преисподнюю, думая, что летит в рай.

Вечером телевидение сообщило о митингах и демонстрациях в Москве – в двух словах, как-то брезгливо и сухо.

Телевидение, радио, большинство газет стали подобными верным псам новой власти, лакейства в них во много раз больше, чем в газетах времён “перестройки”. И сплошное, агрессивное какое-то враньё.

24 февраля

Оказывается, вчера в Москве были столкновения демонстрантов с ОМОНОм, была пролита кровь.

Американские газеты (самые влиятельные) наперебой заявляют, что Ельцина ждёт крах, что дни его как президента сочтены. И это после того, как принимали его в США, во Франции не хуже, чем законного царя. А газетёнки-то, наверно, подзадоривают, подстёгивают – бросится, дескать, доказывать, что вполне способен оправдать надежды своих покровителей.

Бурбулис (первый вице-премьер) сказал журналистам, упрекнувшим его за кровь во время вчерашних демонстраций: “Мы взяли власть не для того, чтобы так просто её отдать”.

Терские казаки требуют возврата своих территорий, лозунг у них: “Россией должны править русские!” Поздновато, братцы, спохватились.

Офицер-ракетчик сказал по телевидению: “Нас оплёвывают, армию превратили в навоз. Осталось у нас только одно святое — боевое дежурство”. А если и этого святого не будет?

25 февраля

Без конца по телевидению пичкают народ какими-то данными опросов населения, и по этим опросам всё время у них выходит, что народ одобряет то, что они делают. Кого, когда и кто спрашивал? Кто спрашивал меня, мою жену, моего соседа? Врут без зазрения. Но в чем-то, может, и правы. Бунин писал в своих “Окаянных днях”: “...три четверти народа так: за подачки, за разрешение на разбой, грабёж отдаёт совесть, душу, Бога...” Скорее всего, то же самое и сегодня.

Продолжается ломка старых структур и насаждение множества новых — великого множества. Продукты в магазинах лежат по страшным ценам — никто ничего мясного не берёт. Наверное, лучше сгноят всё, но цены не снизят. Нас давят — заметно, как нас давят.

Мэр Москвы Гавриил Попов, оказывается, один из пяти самых богатых людей России. Откуда столько взял-то?.. Он, слывающий рьяным демократом, произнёсший множество ругательно-разоблачительных речей в адрес сталинско-хрущёвско-брежневского “авторитаризма”, этот деятель теперь заявляет: “Сочетание рынка и диктатуры — это путь, подходящий для отсталых стран. И для России тоже — ей необходимы долгие годы авторитаризма”.

26 февраля

Похороны стали настолько дорогими, что с ума можно сойти, а в Петербурге, говорят, к тому же ещё и гробов нет — теперь хоронят людей в полиэтиленовых пакетах.

Госсекретарь США Бейкер “обскакал” пределы СНГ, теперь приехал руководитель НАТО Вернер. Мы ликвидировали Варшавский Договор, а сильнейший военный блок НАТО остался — теперь он будет уже не противостоять нам, а просто-напросто диктовать.

В Нагорном Карабахе между армянами и азербайджанцами война разгорается всё сильнее. Бои идут с применением установок залпового огня “Град”, артиллерии, танков, БТРов и БМП. Думаю, что такие дела на Кавказе будут разрастаться. В Абхазии тоже боевые действия, чрезвычайное положение...

Сегодня сообщили, что в экологическую катастрофу мы вступили ещё в 1972 году, когда горели леса и торфяники вокруг Москвы и у нас на Рязанщине. Тогда все решили: дескать, прошло и ладно. А это было начало. Теперь катастрофа ширится, но правящим кругам Москвы плевать на это. Мир сумасшедших — до экологии ли ему? Мир обречённых, вернее, обречших себя и других...

27 февраля

Сегодня подумалось: что было в моей жизни хорошего? Долги, долги, бесконечная тревога, что не хватает денег на прожитьё. Писательство уже начало спасать нас с женой — в прошлом году мы только-только начали жить без долгов. И вот — почти нищие!

Господи, почему на Россию такая напасть? Из века в век без конца находятся в ней люди, которые рвутся к своим подлым целям, обязательно ввергая народ в нищету, в страх, создавая сволочную, дикую атмосферу выживания, которой никакой другой народ не выдержал бы.

Ну, когда в нас проснется инстинкт самосохранения, безошибочное чутьё своих будущих бед? Ведь ничего же сложного, казалось бы: если деятель, пришедший к власти, соврал хоть раз, если стало при нём хоть чуть хуже, чем было — сразу же долой его! Неужели так трудно уразуметь простую истину: лучше можно сделать, только улучшая. А нам ухудшают, обещая улучшение, и мы миримся с ухудшением, верим лживым посулам.

...А ухудшают нам жизнь потому, что ведь уже целый век, а, может, и гораздо больше, правят нами люди, которые нас, русских, ненавидят.

2 марта

В “Известиях” некий публицист Нуйкин разразился злобной (прямо-таки слюнями брызжет) статьёй по поводу “подлостей” митинговавших 23 февраля фронтовиков, которых ОМОН не пускал к могиле Неизвестного Солдата и вдобавок ещё лупил дубинками. Вот интересно: на улицах и в самом деле много выгнанных из домов собак (тоже предательство), но живут эти голодные собаки всё-таки мирно как-то — ни людей не грызут, ни друг друга. Хоть бы у них поучились — и омовцы, и тот же их Нуйкин.

Вспомнил. В очереди за водкой один господин как-то уж очень рьяно уверял меня, что иного пути у нас, то есть у тех, кто стоит у руля государства, нет, что всё делается очень правильно. Кто-то сказал: мол, китайцы-то вон помудрее как-то у себя делают. Господин аж руками замахал: нет, нет, ничего у китайцев не получится, у них всё равно будет плохо. А вот у нас всё будет хорошо. Вот и поговори. Наш бардак всё равно самый правильный, наш грабеж лучше, чем у всех. И водка, и способ её продажи тоже лучше, чем у всех. Нет, лучше молчать.

3 марта

В прессе довольно часто попадается примерно такое: “...под ножами бандитов (они же кооператоры. — **Б. Ш.**) упал в крови хозяин дома. Покончив с сыном, подонки схватили старуху-мать и бросили на раскалённую печь. Вся округа слышала истошный крик. Но пока банда не убралась прочь, никто не посмел зайти на несчастное подворье...” Это из газеты “Рабочая трибуна”.

В таких вот условиях живет сейчас наш народ. Подобные зверства совершаются повсюду изо дня в день, об этом пишется во всех газетах, но с этим почти никто не борется. Главарь описанной выше банды боялся только таких, как сам, а милиция и прокуратура лишь за последнее время закрыли двадцать два уголовных дела, заведённых на него.

Я думаю, что сознательно погружают народ в такой беспредел — хотят как можно сильнее подавить его морально и физически, чтобы он жил не думая, а обалдевший окончательно, боялся, дрожал и принимал всё, что ему ни навяжут, соглашался со всем. А потом разграбят страну, завладеют всем и, разделавшись за год-полтора с преступностью, скажут: вот какие мы хорошие. И народ завопит от радости: хорошие! Лучше и не было никогда!

Идеология появилась новая, всесокрушающая, и название ей Купля-Продажа. На экране телевизора без конца деньги, игры на деньги с участием новоявленных “денежных мешков”. Продаётся и покупается всё: честь, совесть, женщины, малолетние дети. Такой продажности, в таких масштабах, наверное, ещё не было никогда. Россия идёт с молотка!

Есть трезвые, истинно русские патриотические силы, но как легко, играючи расправляются с ними радио, телевидение, газеты, которые практически все в руках тех, кто нас ненавидит. А у патриотов кроме железного рупора нет почти ничего. И жалко смотреть, как легко их опутывают ложью, выставляют в смешном виде.

4 марта

Ехал в Сынтул. Дорога разбита вдрызг, на “Жигулях” ехать страшно. Повсюду, по сторонам, полное запустение.

Мать старая, жалкая, маленькая. Бойтся покупать — всё ей кажется слишком дорогим. Да и вокруг заметно, что человек настолько унижен, что даже чувствует себя недостойным купить что-либо хорошее, вкусное, чувствует, что его за человека не считают, не считаются с ним. И ему от этого страшно. У людей развивается чувство неполноценности: ведь есть те, кто может купить что угодно, и как, где они берут такие большие деньги? Они могут возводить для себя большие красивые дома, покупать дорогие машины и быть для властей хорошими, даже любимыми, а простой маленький человек для этих самых властей теперь ничто. И невдомёк этим простым маленьким людям, что и власти, и все денежные люди стали такими потому, что хапали да грабили всё, что попадалось под руку, грабили народ — то есть их самих...

Между Арменией и Азербайджаном уже самая настоящая война.

Идут боевые действия в Приднестровье. Тоже уже много жертв. Там добровольно помогают приднестровцам российские казаки. Российское же правительство не вмешивается.

Потерпел крушение поезд Рига–Москва. Много часов не было никакой помощи людям, они умирали от ран. Погибших более 30.

А президент Ельцин поехал отдыхать в Сочи... Президент же бывший, то бишь Горбачёв, пожинает плоды своей славы в Германии. Он же ведь был там объявлен “лучшим немцем” прошлого года. Ну и взяли бы его себе совсем. Для меня, например, он худший из русских (если он действительно русский).

6 марта

Те, кому, возможно, доведётся читать этот дневник, могут подумать: “Что-то всё он о плохом да о тёмном, как будто ничего хорошего в то время не было...” Хорошего много. Всё так же приходит весна, прилетают птицы, обновляется природа. Встречаешь немало хороших людей. Много в жизни святого и удивительного, как всегда...

7 марта

Включишь телевизор – и не поймёшь, в какой стране ты находишься. Российское телевидение, а увидеть на экране русского – редкость. В “Вестях” почему-то всё время комментирует какой-то Сванидзе. Рассуждают про российскую и русскую жизнь всё какие-то евреи, учат нас жить всё какие-то армяне, прибалты и другие нерусские личности – то с тёмным, то со светлым обликом.

8 марта

Женский день, а на женщин смотреть жалко. На большинстве их лиц тревога и забота. Только молоденькие девушки встречаются весёлые – хохочут беззаботно. И от такого контраста сжимается сердце.

9 марта

Удивительное дело – все, кто жаждал независимости от Москвы, с таким же остервенением стараются теперь подавить тех, кто возжаждал быть независимым от них... Литовцы давят требующих независимости поляков, не говоря уж о русских, Украина вцепилась зубами в Крым, который не желает быть украинским, Азербайджан старается удержать под собой Нагорный Карабах, где подавляющее большинство армян.

В странах СНГ спешно ниспровергается и с пеною у рта поносится всё большевистское, вот только большевистские границы эти новосувверены склонны считать неизбежными. Да ведь всё равно придётся вспомнить поговорку: “Насильно мил не будешь”.

10 марта

Сообщили, что Шеварднадзе, бывший последним министром иностранных дел СССР и много чего подаривший американцам из нашего державного, находится сейчас в Грузии. Говорит, что приехал помогать. Уж Грузию-то свою этот деятель целиком загонит под американцев. Наверняка они его туда послали.

Встречу ему устроили пышную. Какой-то смехотворный парадокс: с огромным энтузиазмом грузины порицали и ниспровергали свою партократию, освободились от влияния так называемого Центра, то есть от Москвы, и какой же результат? Свергли своего законного, демократическим путем избранного президента и пышно встречают бывшего первого секретаря ЦК Компартии Грузии, бывшего представителя того самого московского Центра, который именовался Политбюро ЦК КПСС. И не исключено, что сделают его своим президентом.

О, гордые грузины! Вот он какой – результат вашей национальной гордости, всех ваших свободолюбивых поползновений.

Кузбасс начинает бастовать. Президента России не видать-не слышать. Скорее всего, мирно пьёт в Сочи.

12 марта

Президент России обнаружился – показали по телевидению, как он играет на даче в Сочи в теннис и купается.

А между тем, в Армении захватили в заложники 10 российских офицеров (от лейтенанта до подполковника) и взамен требуют оружие. Наш заместитель главкома генерал Столяров и вице-президент Руцкой “грозят пальцами”: отдайте, дескать, офицеров, а то, мол, мы вам...

Во власти заговорили о борьбе с коррупцией и мафиозными структурами. С горбачёвских времён об этом говорят. Да если бы эти мафиозные структуры почувствовали, что новая власть им неудобна, если бы они не смыкались с ней, то сами бы в два счёта перевернули бы её вверх тормашками.

13 марта

10 российских офицеров, которые были взяты заложниками в Армении, отпустили. Главный из них, подполковник, со следами побоев – издевались армянские боевики. Господи! Кто только сейчас над нами не издевается... Война в Нагорном Карабахе продолжается, конца не видно. А в Санкт-Петербурге нечем платить зарплату. Мэр северной столицы Собчак ездил за помощью в Москву к первому вице-премьеру Гайдару, но тот ничем помочь не смог.

Под окнами нашего дома в микрорайоне Дашково-Песочня вырыли котлован – огромный, похожий на воронку от снаряда большого калибра. Там, внизу, трубы, и сантехники что-то без конца латают электросваркой, и без конца у них прорывает. И весь дом наш многоквартирный из-за этого без тепла, без воды. Утром заварили, дали холодную воду, а сейчас опять в котловане хлещет, а рабочие стоят и смотрят, как огромная яма наполняется водой.

И подумалось, что вся Россия наша становится похожей на огромную аварийную яму: делают вид, что латают, а прорывает и прорывает – то в одном месте, то в другом.

14 марта

В Кремлевском Дворце съездов, в этом большевистском детище, читает проповедь американец – адвентист седьмого дня. Зал полон, наши столичные идиоты тут как тут. Московские казаки протестуют. А поклонники американских адвентистов возмущаются казаками.

Ну, давайте представим себе, что посланец Русской Православной Церкви приехал в Польшу и читает проповедь где-нибудь в здании польского Сейма или у американцев в Капитолии. Может ли такое быть и к чему такое приведёт?..

15 марта

С. М. Соловьёв пишет в своей “Истории...” о Борисе Годунове: “...можно только присоединить сюда и подозрительность Бориса, который, не доверяя своим русским, хотел окружить себя иностранцами, вполне ему преданными”. И далее описывается, как Годунов был милостив к этим иностранцам: “...не печальтесь: мы в три раза возвратили вам то, что вы там (у себя на родине. – **Б. Ш.**) потеряли; дворян мы сделаем князьями, меньших людей – боярами; слуги ваши будут у нас людьми свободными; мы дадим вам землю, людей и слуг, будем водить вас в шелку и золоте, кошельки ваши наполним деньгами; мы не будем вам царём и господином, но отцом, вы будете нашими детьми, и никто кроме вас самих не будет над вами начальствовать...”

Вот как! Не то же ли и при нынешнем Борисе? Практически то же самое, но имеются и различия. Борис Годунов в начале XVII века “...делателей же преславного сего печатного дела преизобилне своими царскими уроки повсегда удоволяя и дом превелик устроите повеле: в нем же трудолюбиому семя книжного писания печатному делу совершаются”.

А Борис Ельцин на пороге цивилизованного XXI столетия с писателями и издателями обходится так по-свински, что пишущим перестали платить,

а издательства, газеты и журналы, работавшие без малого столетие, закрываются из-за невыносимых условий.

17 марта

В Москве громадный митинг. “Хозяйские” средства массовой информации сообщают, что участвовали в нём 50 тысяч человек. Как же это сумели подсчитать? Когда показали по телевидению, то я просто увидел бескрайнее море людей, не поддающееся никакому подсчёту.

Проходило вроде бы без инцидентов.

А где-то в подмосковном совхозе почти нелегально собрался съезд (чрезвычайный, как они сами определили) народных депутатов бывшего СССР. Раньше спали на своих заседаниях, покорно принимали всё, что им навязывал Горбачёв, а теперь спохватились. Не поздно ли?

И всё это – и митинг, и съезд – проходит в годовщину референдума, который в прошлом году решил, что СССР – быть.

18 марта

В верноподданнических газетах, по радио и телевидению сквозь зубы, как о швали, – о вчерашнем огромном митинге в Москве на Манежной площади, о съезде депутатов бывшего СССР. Ведущий телевизионных “Вестей” даже не удержался, изрёк злорадно: “Ваш поезд ушёл, господа”. Злорадство, злость – это у них очень заметно.

Заметно и то, что им удалось расколоть общество – даже в среде моих знакомых немало их сторонников, некоторые даже с пеной у рта. Того и надо было новым революционерам: “разделяй и властвуй”. Но ведь тем, кто победит за ними, надо же что-то дать. Большевики манили в своё время идеей о всеобщем братстве, равенстве, землю обещали, а потом коммунизм. И заманчивый лозунг у них был: “Грабь награбленное!”. А у этих, по-моему, кроме слова “демократия” ничего в запасе нет. Они, наверно, и рады были бы крикнуть: “Грабь самих себя!”, но не решаются. Молча следуют этому лозунгу, грабя, конечно, не себя, а нас, а из наших тоже многие поняли этот негласный мотив с будничным названием “рынок” и кинулись хватать всё, что попадет под руку.

И, судя по всему, главное для новых хозяев – уничтожение национального самосознания в нашем народе, национальной сущности России. Чувствуется – уже очень хорошо ощущается – что добиваться этого они будут любыми средствами – и разворотом, и обманом, и силой. И чистое место нужно. Нечистой силе нужно чистое место. Чтобы засеять его по-своему – драконьими зубами.

23 марта

Жёсткая какая-то стоит весна. Зимой была сплошная оттепель, а сейчас довольно крепкий мороз по утрам, и днем свежо, неуютно даже при солнце. Метеорологи обещают, что лето 1992 года будет самым жарким за всю историю России. Упаси, Боже. Как же мы, рыночные подопытные кролики, выживём-то в такую жару?

Не пишу ничего художественного – не знаю, какую и зачем надо писать сейчас прозу, какие стихи, кому они нужны? Изливаю свою душу лишь в этот вот дневник. Часто думаю о том, какое же мощное средство воздействия – телевидение. Если бы года два-три назад начали через телевидение неотступное нравственное и духовное воспитание, привлекли бы к этому деятелей Церкви, лучших писателей и мыслителей России, лучшие примеры её прошлого приводили бы каждый день, то сейчас уже многое изменилось бы к лучшему. К тому же люди этого ждут, прямо-таки жаждут.

Ан нет. Телевидение в руках самых настоящих бесов, и они изощраются, как только могут, чтобы русские люди привыкали к одной только мысли: “Плевать нам на ближнего! И совестью своей, Родиной своей торговать – это ничего, это даже хорошо...”

Торез Кулумбегов, председатель обособившейся от Грузии новоявленной республики Южная Осетия, был похищен грузинскими боевиками и брошен

в тюрьму к уголовникам. И вот рассказал в “Литературной России”, как целый год проходил он по грузинским тюрьмам все муки ада. Рассказал, как издеваются грузины над осетинами. Выжигают паяльной лампой узоры на теле, обжигают лица. Убивают осетинских мальчиков выстрелами в пах, кастрируют осетинских мужчин. И всё это только за то, что они осетины и не хотят жить “под одной крышей” с Грузией. Интересно, как отнеслись бы грузины к тому, что мы начали бы их кастрировать за то, что они не хотят жить “под одной крышей” с нами?

Выродки грузинского народа бизнес даже организовали невиданный – продают изуродованные, расчлененные во время пыток останки осетинских заложников за 400–500 тысяч рублей обезумевшим от горя родным и близким этих замученных.

Так вот, на телевидении-то Торезу Кулумбегову слова не дали, излить своё горе и горе своего народа ему удалось только в литературном еженедельнике...

Поведал Кулумбегов и о чудовищном “бартере”, когда за троих пленных грузин получают осетины останки лишь одного своего сородича. Двор школы № 5 осетинской столицы Цхинвала превратился в кладбище, поскольку городское кладбище стало опорным пунктом, огневой точкой грузинских боевиков.

И ни в одной российской газете, ни по российскому радио и телевидению этих грузинских, азербайджанских, молдавских и прочих выродков фашистами не называют. Фашистами постоянно называют нас, русских – самых терпеливых, самых унижаемых везде и всюду. Те, кому не терпится окончательно взорвать Россию, распылить русский народ, кричат с пеной у рта, что мы фашисты. Всякий, кто возмущается литовским, молдавским, особенно еврейским воинствующим национализмом – сразу же фашист. Всякий, кто хочет, чтоб жили как прежде – без вражды, без ругани, все “под одной крышей” – тот сразу же красно-коричневый.

И сколько же мы еще будем терпеть эти изощренные оскорбления и унижения? А ведь многие русские, насмотревшись и наслушавшись такого по телевидению, с озлоблением повторяют эту клевету на самих себя...

26 марта

Вчера журналисты атаковали так называемого вице-премьера Егора Гайдара. процитировав ему его дедушку (“Тимур и его команда”), где тот говорит о человеческом счастье как об обязательном условии жизни, спросили: а как относится к человеческому счастью Егор Тимурович?

Тот ответил, что ко всему старается относиться с научной точки зрения, а с этой точки зрения такой категории, как счастье, не существует. Вот так-то!

Намекали на его прежнюю работу в журнале “Коммунист”, спрашивали, почему Бурбулис и он летали на переговоры в Казахстан на двух самолётах. Спрашивали также, собирается ли Егор Тимурович сократить автопарк кабинета министров и в целях экономии госсредств (в связи с предполагаемым отпуском цен на энергоснабжение) ездить на своей машине, использовать в одну поездку лишь один самолёт.

Вице-премьер был невозмутим: отвечал, что государственным людям не пристало ездить “кое на чём”, а на двух самолетах летали потому, что иначе не разрешает охрана. “Это что же, – удивились журналисты, – охрана вами распоряжается, а не вы ею?” – “Да, именно так”, – ничтоже сумняшеся, отвечивал Егор Тимурович.

Денег же у простых людей хватает только на самые дешёвые продукты, а те, что подороже, колбасы и проч., остаются сохнуть и портиться в магазинах. Мне сказали, что высохшую, испорченную колбасу отдают на переработку, и опять она отправляется на прилавки.

27 марта

Шёл сегодня по улице, и казалось, будто каждый встречный подозрительно вглядывается в моё лицо. Даже дети. И понял вдруг: сосредоточенность людей на своих бедах, нехватках и заботах делает их взгляд таким.

Президент Ельцин постоянно проводит беседы у себя в кабинете с представителями “демократических” партий различного толка. Судя по всему, старается обрести побольше сторонников к предстоящему съезду народных депу-

татов России, который является в стране высшей властью. Сторонников, конечно, будет много. У нас ведь как — приняли человека в Кремле, грубого слова ему не сказали, и он уже кремлёвский, считает, что вся Россия только там.

А Борис Николаевич перед съездом-то, кажется, нешуточно волнуется, даже, пожалуй, трусит...

28 марта

Первого вице-премьера Егора Гайдара “щиплют” теперь уже в Верховном Совете. Он говорит, что всё идет очень хорошо, а депутаты говорят, что всё очень плохо.

На радио и телевидении злостная блокада русской культуры. Без конца мелькают лица и имена еврейских “творцов прекрасного”, и не упоминается ни единого имени русских писателей как XIX, так и нынешнего века, будто их и не было никогда, будто не было у нас ни литературы, ни живописи, ни музыки истинной.

Грохочут с телеэкрана всевозможные поп-, шоп-, и рок-трясуны, да всё на английском. Лучшие русские певцы и музыканты, известные во всём мире, в России не выступают — им попросту не дают тут выступать. Недавно как-то чудом пробился на телеэкран удивительный певец — Владимир Яровицын. Удивительный поистине, близкий к шаляпинскому голос. За границей он известен, а здесь маринуют — на большой сцене петь не дают. Точно так же игнорируют и другого прекраснейшего русского певца — покоровшего зарубежных любителей музыки Дмитрия Хворостовского.

29 марта

Нынешнее российское руководство уж чему научилось как следует, так это передвигать время. Опять передвинули на час вперед — в третий раз уже. Сами, наверное, живут по обычному времени, а для народа его передвигают — с той целью, чтоб у людей мозги совсем набекрень съехали. Да они уж и так набекрень — куда дальше-то?

Подумалось сегодня: Господи, почему в России, когда наступает время улучшать всё, выползают вдруг откуда-то, словно тараканы из щелей, люди, легионы людей, которые начинают, наоборот, — ухудшать и ухудшают энергично, злобно, безжалостно?.. А тех, кто хочет спокойного, безболезненного улучшения, объявляют врагами и принимаются травить, изводить любыми средствами...

Что же это за страна такая, где и тараканы в щелях, и крысы в норах, и бесы в обществе всегда наготове? Едва только забрезжит в крови народа желание праведной жизни, как они сразу же бросаются всем скопом и поганят жизнь ещё больше — раздирают, растаскивают, треплют её с нарастающим злым азартом...

31 марта

На улице тепло, повеваает весной, а на душе по-прежнему нерадостно. Часто думается: а, может, я постарел, и оттого так тревожно? Может, просто вращаюсь среди таких же постаревших и тревожных людей, потому и создается у меня впечатление разрушения жизни? А у молодых — у них, может, и в помине нет такого ощущения, они, возможно, любят, радуются любой мелочи и видят во всём большей частью хорошее, а не плохое?

Ведь если вспомнить наши послевоенные детство-молодость, то в материальном-то отношении тогда, пожалуй, потяжелее было, а мы — сколько радости носили в себе, ничего плохого не замечали. А отцы-матери наши, может быть, тоже, как мы сейчас, полнились тревогой, ощущением разрушения жизни?..

Так вот думаю-гадаю, а потом вдруг твёрдо прихожу к выводу: нет, тогда свет жизни был во всех — и в молодых, и в старых, разрушения жизни никто не ощущал. А нынче это ощущение у всех. Когда малые не верят старым, не уважают и даже ненавидят их — разве это не разрушение? Наверное, правда и то, что молодых готовы возненавидеть. Разве можем мы, привыкшие дорожить каждой малостью, спокойно смотреть, как они не дорожат ничем, ничего не умеют, не любят, ничего всерьёз не хотят и всё кругом уродуют?

Иной раз даже появляется ощущение, что когда-нибудь они и стрелять нас начнут – просто так, от скуки.

Так что – нет, наверное, не ошибаюсь я, не возраст мой причиной таких ощущений, а, в самом деле, трещат по швам все основы нашей жизни...

2 апреля

Эксперты Бразилии, Испании, Франции и США (лучшие в мире экономисты) считают, что цены на энергоносители в России отпускать было нельзя. Их можно отпускать лишь тогда, когда 52 процента населения будут готовы проголосовать за подобный шаг. В противном случае такой шаг следует воспринимать как провокационный. Дорогие вы мои! Да разве будут обращать внимание на население страны российские олигархи и иже с ними, разве останутся они перед губительной для других возможностью набить свои карманы и сундуки?

Эти сердобольные мировые эксперты считают, что нынешние институты власти России как по своему составу, так и по своему характеру не отвечают требованиям рынка, что и здесь необходима реформа. И советуют провести новые выборы.

Конечно, институты власти в России никудышные, но зато у нас отменные проститутки у власти, и уж они-то вполне соответствуют всем требованиям купли-продажи!

3 апреля

В Новосибирске стоит на улице дед с плакатом: “Объявляю голодовку до тех пор, пока мне, защитнику интересов России, правительство не назначит персональную пенсию.

Личный адъютант адмирала Колчака В. Изотов”.

Объявилась также “внучка” последнего российского императора – просит квартиру “улучшенной планировки”. На восстановление ей титула великой княжны, однако, не претендует – скромная.

Появляются уже и “Христы”, которые готовы взять на себя всю полноту власти в России.

А сколько, по сообщениям новой российской печати, колдунов, вещунов, целителей, белых и чёрных магов и разных прочих “волшебников” явилось на арену нынешней жизни! Просто нашествие какое-то. Вымысленный Остап Бендер кажется сущим младенцем по сравнению с этими реально существующими типами. И российская публика щедро наполняет их шапки и кошельки мелочью, а то и крупными купюрами.

Откуда это? Почему? Непременные атрибуты российской демократии? И множество сиротски поющих в подземных уличных переходах и других местах, играющих на гармонях, гитарах, саксофонах и балалайках и таким образом добывающих себе пропитание – это тоже, что ли, относится к всплеску российской демократии?..

Порой даже оторопь берет: если в народных низах появилось такое множество (и таких умелых!) аферистов, обманщиков и хапуг, то какого же высокого пошиба аферисты, хапуги и обманщики обосновались в верхах – в политических, экономических и прочих структурах власти?

Невольно приходится сравнивать Россию с Западом, и какая же между ними великая пропасть! Если, к примеру, в Англии или Германии надвигается кризис, то там прямо так и называют: наступил кризис – экономический, общественный и т. п. Мобилизуя весь свой здравый смысл, они дружно начинают бороться с кризисом, и через некоторое время, глядишь, рассосалось. Если же у нас в России надвигается кризис, который охватывает всех снизу доверху (а точнее, пожалуй, – сверху донизу), то это вот уже второй раз за один век называют торжеством свободы и демократии! И мобилизуя всю подлость, всю бессовестность, с оголтелой многоликой дурью принимаются углублять, расширять и оправдывать этот свободно-демократический бардак.

Россию и Запад можно сравнить с двумя кораблями в открытом море, на одном надвигается шторм. На одном корабле начинают дружно задраивать люки, убирать паруса, всё предпринимают для того, чтобы как можно меньше было ущерба. А на другом, наоборот, поднимают все паруса, какие

есть, да ещё пляшут от радости, что их швыряет да кувыркает. С того корабля, на котором к шторму хорошо подготовились, посматривают удовлетворённо и с издёвкой кричат этим: хорошо, де, мол, пляшете, молодцы! Подбадривают, предвкушая, что когда пройдёт шторм, то много чем будет поживиться среди обломков корабля этих плясунов...

Президент Ельцин подписал указ о переходе 14-й армии под юрисдикцию России. Она дислоцируется в Приднестровье, и её вывод оттуда означает, что этот регион, тяготеющий к России, будет брошен на произвол судьбы. Только присутствие 14-й армии останавливает Кишинёв от полного “заглатывания и пережевывания” на свой лад этой промышленно насыщенной непризнанной республики. Население в ней насчитывает 750 тысяч. 25 процентов русских, 29 процентов украинцев, остальные – болгары, евреи, молдаване, цыгане. Так вот как раз прав этнически особого да к тому же русскоговорящего региона за Приднестровьем не признаётся.

А вслед за указом Ельцина последовало следующее. Министр иностранных дел России Козырев (в народе его называют Иудушкой Козыревым) подписал в Хельсинки совместно с министрами иностранных дел Молдовы, Украины и Румынии декларацию, где говорится о восстановлении в Приднестровье “законной” власти и разоружении гражданских вооруженных формирований.

В ответ на это офицеры 14-й армии на своем собрании выдвинули Кишинёву требование прекратить кровопролитие и признать Приднестровскую республику. Если в течение 24 часов эти требования не будут приняты, – заявили они, – то военные оставляют за собой право выступить на стороне Приднестровской республики.

По самым последним сообщениям, 14-я армия выдвинула бронетехнику в район Бендер и заняла ключевые позиции.

4 апреля

Выходили мы с прозаиком Толей Овчинниковым из нашей рязанской писательской организации, спускались по лестнице. Толя кондылял на костылях, волоча свою сломанную ногу, а я поддерживал его как мог. Наверху стоял, смотрел нам вслед поэт Валерий Самарин. И вдруг он сказал:

– Вы, мужики, прямо это... На тех похожи, ну... на белых офицеров... когда они горе мыкали в эмиграции.

У меня что-то дёрнуло душу, я обернулся и ответил:

– А мы и есть эмигранты...

6 апреля

Открылся съезд народных депутатов России. Ох, горячие настали деньки...

Многие депутаты полны негодования и горят желанием отправить в отставку прозападное правительство, возглавляемое Егором Гайдаром. В Москве, на Манежной площади, громадный митинг, и там кричат: “Отдать под суд предателя Ельцина!” Председатель Верховного Совета Хасбулатов с одной стороны тоже вроде против гайдаровского правительства, а с другой стороны... Да всё у этого научного чеченца как-то хитро, “ни туда ни сюда”, сплошная неопределённость. Тёмная лошадь, если не троянский конь.

Как и вице-президент Руцкой. Совсем недавно во всех газетах кричал, что либерализация цен пагубна, а теперь уже, кажется, готов поддерживать тех, кто провёл эту самую либерализацию.

Ельцин постарался заручиться поддержкой – созвал так называемое собрание граждан России. А “граждане России” были там, в основном, одной национальности – из сионских мудрецов – Вольские, Яковлевы, Шейнисы да Лысенки. И они, конечно же, горячо поддержали “своего” президента.

В поте лица стараются и печать, радио и телевидение. Врут беззастенчиво, приводят результаты опять каких-то неведомых никому опросов населения, из которых следует, что народ президента “горячо поддерживает”.

И все средства массовой информации рьяно подогревают общественное мнение против Верховного Совета. Ельцин впрямую заявляет, что республика должна быть президентской, а не парламентской, а его приспешники типа Собчака и Гавриила Попова убеждают, что Советы мешают, вредят, и надо их ликвидировать на всех уровнях.

Вполне ясно, что Ельцину нужна вся власть целиком.

7 апреля

Опять ходил выкупать по талонам “конвертируемую валюту”, то бишь водку.

Люди, стоя в громадной очереди, оживлённо болтают-толкуют обо всём, а больше всего о том, что Горбачёв предатель, шкура и т. п. Но поражает то, что почти никто не понимает всего, что с нами творят. Похоже на стадо, которое гонят куда-то, оно устало, озлилось, а всё равно идёт, хоть и не знает, куда. И кто-то прекрасно использует это – что нас можно спокойно гнать, как стадо, в желаемую им, “пастухам”, сторону.

Те немногие, которые всё понимают, и, прежде всего, то, что гонят не туда, вынуждены тащиться со “стадом” вместе. Куда денешься? “Стадо”, послушное воле “пастуха”, тащит таких в своей гуще. Это своего рода “поднарод” среди народа, и он вполне сознаёт, что гонят в пропасть, но вынужден тащиться, увлекаемый всеобщей инерцией.

Иначе затопчут.

9 апреля

На съезде народных депутатов России продолжается резкая, подчас весьма нелицеприятная критика президента и правительства. Опять возник вопрос о доверии правительству. Да только с них как с гуся вода – держатся нагло и самоуверенно.

Какой злобой русоненавистничества пышут “демократические” средства массовой информации! Сообщают, что в Петербурге начали наказывать (непонятно только, каким образом) так называемых русских националистов, которых именуют также национал-патриотами, русскими фашистами. Поразительно!

В Союзе писателей (бывшем СП СССР) событие. Сначала Черниченко, Афиногенов и иже с ними, наняв ОМОН, не пускали в здание недавно избранный оргкомитет будущего съезда писателей СНГ, а потом собрались писатели, чтобы поддержать этот оргкомитет и вышвырнули самозванцев из здания.

“Известия” в связи с этим полыхают злобой: сначала всё тот же Нуйкин, потом ещё статейка, а сегодня плюс к тому Окуджава, Панченко. Вот они – националисты-то, изрыгающие ненависть, поливающие грязью СП России, русских писателей. Окуджава даже до того распалился, что заявил о своём уходе (в знак протеста) из редколлегии “Литературной газеты”. Газета, видите ли, заняла неуютную ему позицию. Господи, какие же они злые-то, как им не хочется, чтобы писатели разваленного СССР хоть сколько-нибудь объединились...

10 апреля

С утра один благообразный носатик лет тридцати из правительства Гайдара не учил нас, неразумных, по телевидению:

– Сейчас важно, чтобы как можно больше людей “научивось плавать”. Чем больше сейчас научится “плавать”, тем “вучше” будет всем остальным. В море рынка необходимо уметь “плавать”...

Телевидение, радио, все “демократические” средства массовой информации устраивают в эти дни мощнейшую обструкцию Верховному Совету России, съезду народных депутатов. Ничтоже сумняшеся, внушают народу, вдалбливают прямо-таки, что съезд – это вредители, противники реформ, “коммуно-фашисты”! А на съезде как-то странно реагируют на это – никто не только не пытается прекратить этот подлый шабаш, но, кажется, даже никто особо и не возмущается. Словно заранее чувствуют своё поражение. Ползучий переворот в полной красе...

12 апреля

Продолжается разнузданная массивованная кампания огромной армии средств массовой информации против Верховного Совета России. Если использовать военную терминологию, то это мощнейший артобстрел. И наступление это строится на бесстыдном передёргивании фактов и откровенной лжи. Например, говорят: не будет правительства Гайдара – не сможем войти в число цивилизованных государств. Дикие мы совсем, значит, нецивилизо-

ванные. Да упаси нас, Боже, от тех цивилизованных, которые держат на зарплате Гайдара и иже с ним!

15 апреля

Ходил в сбербанк. Осталось на моем счете какая-то мелочь, впереди самая настоящая нищета. Смотрел на одну старую женщину в сбербанке, которая снимала со счёта свои жалкие гроши. Руки у неё дрожали, голос дрожал, и она с трудом сдерживала слёзы. Жалко, сил нет...

...Мы бедствуем, страшно бедствует и простой наш народ. О народной беде Василий Белов хорошо сказал в рассказе, напечатанном в журнале "Наш современник". Там у него бабы, которые мыкают горе – у них отцы погибли в войну, мужья умерли от пьянки, а сыновья погибли в Афганистане. А самих их заставляют ездить кровь сдавать в район – такие нынче кампании проводятся на селе...

Да, кроме нашей крови у нас уже ничего больше не остаётся.

На съезде народных депутатов всё больше "попахивает" склонностью к компромиссу с "ребятами-гайдаровцами". Спектакль, судя по всему, разыгрывается давно. Президент пока молчит, но, похоже, на то оно и молчание, чтобы в нужный момент сказать веское слово.

Большое возмущение выплескивается делегатами съезда по поводу грязной работы радио и телевидения, насквозь лживой "демократической" прессы. Но, думаю, толку от этого возмущения не будет никакого – отбрышутся, оторвутся и выйдут сухими из воды все эти Попцовы, Яковлевы, четвёртая власть, как их называют. Чувствуют за своей спиной громадную силу, пригтовленные пачки денег...

17 апреля

Спектакль на съезде продолжается. Вчера назвали Россию "Россией", стояли, хлопали в ладоши, аплодируя самим себе, а сегодня вдруг возмутилась этим названием кучка депутатов из национальных меньшинств, видно, подогретая кем-то за ночь, и вот опять гадают, в какие бы скобки Россию заключить. И большинство (вот показатель-то на съезде!) идет на поводу у меньшинства. Откуда же такое давление-то на съезд, если на нем поднялась столь бурная волна национализма из-за того, что Россию назвали Россией.

И ведь переголосовали! Мы теперь называемся "Российская Федерация (Россия)". Всё-таки заключили Россию в скобки, задвинули взад.

Не один раз поднимался на съезде вопрос о том, что результаты референдума о сохранении СССР были попорчены, что Ельциным и его "подельниками" по Беловежской Пуще была грубо нарушена Конституция Советского Союза, и необходимо дать этому надлежащую оценку. Многие поддержали поднявшего этот вопрос депутата М. Астафьева, однако полегоньку, незаметно было замято и это. Председатель Верховного Совета Хасбулатов великолепный специалист "по замятию" проблемных вопросов. И режиссёры этого спектакля, судя по всему, очень умелые...

19 апреля

Вербное воскресенье. Всю ночь шёл дождь. Весна плачет и плачет – кого она оплакивает?

Давно стал замечать, что природа ведёт себя подобно людям – никакой в ней нет устойчивости, надёжности, ожидать от неё можно чего угодно, в основном плохого, опасного. Неужто такое может быть на свете – природа подражает людям? Да нет, просто, наверно, они изуродовали как себя, так и её...

21 апреля

Читаю "Русофобию" Игоря Шафаревича. Один из немногих истинных защитников России и её народа. Если бы каждый более-менее мыслящий человек прочитал эту книгу...

22 апреля

Шафаревич пишет в своей “Русофобии”, что отсутствие ценностей, стоящих выше авторитета власти (традиции, моральные и религиозные принципы) автоматически порождает общество тоталитаризма. У нас сейчас как раз идёт лихорадочное уничтожение этих ценностей.

23 апреля

Великий Четверг – день холодный, солнце светит скупо, даже снег шёл. И всеми своими нервами ощущаю какую-то скрытую боль и муку родной моей природы. . .

Ходили с матерью в церковь, причастились Святых Тайн.

Народу в церкви было не очень много, однако поражает то, что когда после общей исповеди подходили к батюшке под епитрахиль на отпущение грехов, а потом к причастию, когда в конце обедни шли приложиться к кресту, то проявлялось в людях какое-то тревожное нетерпение, и они начинали довольно заметно напирать, подталкивать друг друга. Конечно, не то чтобы слишком уж сильно, не столь явно, как, например, в очереди за хлебом или водкой, однако всё же ощущалось, как в людях непроизвольно проявляется это: а вдруг не достанется?..

25 апреля

Великая Суббота. Приехала в Сынтул жена. Она пошла в церковь причащаться, а я отправился в лес за сморчками.

Иной раз кажется, что видит меня Господь Бог и старается порадовать. Хожу по вырубке, и вдруг налетела снеговая туча, потом другая. Снег валит, засыпает прошлогоднюю рыжую траву, кусты, настоящая метель поднялась, а я брожу по этому снегу и подрезаю сморчки и строчки – крупные, чистые. И смеюсь: кто поверит, что в этукую, можно сказать, пургу можно собирать грибы да причём такие исполины?..

А потом приуныл: и радости-то нынче пошли все какие-то необычные – в виде аномалий.

К тому же лес в жутком состоянии: сплошные вырубки, всюду валежник гниёт. И тут дичайшая безжалостность и безоглядность, настоящее свинство, и тут разорительная диктатура. . . Лес. . . Ведь это душа земли, и надо же так увечить земную душу, так издеваться над ней. . . Вот они и грехи наши, от которых в природе боль. . .

Помню наш лес тридцатилетней давности. Тогда даже сухостойное дерево спилить – требовалось разрешение лесника. Спелят, бывало, все сучочки уберут, вершинку тоже увезут. На двухколёсных тележках дрова тогда возили. Деловой лес пилили выборочно, а не сплошными вырубками. И лесовосстановление, увеличение площадей под лесом шло неуклонно.

А нынче. . . Словно выбросили на нашу землю новых каких-то людей, которым надо без остановки и без оглядки пилить, рубить, корёжить деревья гусеницами тракторов, расшвыривать всюду деловую древесину, оставлять вокруг горы сучьев и вершин, чтобы всё это гнило без пользы, заражало живой лес. . .

И совсем уж затуманилось сердце: эх, предатели мы, предатели. . . По делам нашим и воздаётся нам. Точно так же вот, по приказу, и церкви свои рушили, веру свою уничтожали. Без веры человек одному только и подвержен – бесовским наущениям. По бесовским наущениям уничтожаем уже и саму Жизнь.

Сколько разговоров о покаянии, но далеки, ох, как далеки от него. . . Говорим одно, а делаем другое. И до чего же доделаемся?..

Великая Суббота. . .

26 апреля

Пасха, Светлое Христово Воскресение.

Удивительный у нас в Сынтуле обычай. Когда идут все ночью на пасхальную службу, то прежде заходят на кладбище и зажигают на могилах усопших родных свечи, лампадки. Мы с женой тоже зажгли свечи на могилах моих род-

ных. Завораживающее зрелище – эти мерцающие огоньки по всему кладбищу, люди, медленнодвигающиеся в их отсветах, приглушённо разговаривающие между собой. Так вокруг благостно, уютно, что даже уходить не хочется.

Потом стояли в церкви, и светло было на душе – впервые за много дней ощутил я невольную улыбку на своём лице. И согревало сердце чувство родства с людьми.

И я вдруг представил себе, как идёт по православному миру волна этой ночной пасхальной службы. Началась она в церквях Дальнего Востока, с движением времени продвигалась по России всё дальше к западу и вот дошла до нас... И идёт от нас, как эстафета, к Балканам, растекается ручейками во все уголки Запада, где есть православные... Во всех православных соборах, церквях, церквушках идёт служба.

И ощутил я всем сердцем: какая же это огромная сила – проходящая по всему миру волна праздничных церковных служб, волна светлого и радостного обращения людских сердец к Господу!.. Очистительная волна, объединительная волна. А Церковь – что в мире может сравниться с Нею в её служении очищению и единению человеческих душ?..

Потому так и ненавидят её те, кто жаждет власти над миром, кому для обретения этой власти нужны людское разобщение, равнодушие и ожесточение. Как люто клеветают они на Православную Церковь, как стремятся ослабить, расколоть и уничтожить её... .

28 апреля

Первый по-настоящему тёплый весенний день. Солнце, безветренно.

Весь день копал огород и слышал лишь одну-единственную синицу. Ни одного скворца, и щеглов не видеть, которые жили где-то тут в прошлом году. Неужто погибли где-нибудь на перелётах?

Огороды в Сынтуле почти все копают лопатами, даже старики. Цыгане пахут, свой сынтульский пахарь тут есть, но мало кто их нанимает – очень дорого. Не нанимаю и дрова пилить бензопилой, пилят вручную сами. И терпят, терпят, терпят... Всё прошу Бога: Господи, пробуди ты у него, народа моего, инстинкт самосохранения, встряхни его, поставь на ноги так, чтоб стал он внушительен, грозен и справедлив! Чтобы поняли: с этим народом шутить нельзя! Да, видеть, нет у Господа желания помогать народу, предавшему Его и винящему в своих бедах кого угодно, только не себя самого, говорящему о покаянии, но не делающему к настоящему покаянию решительного шага... .

Бастуют учителя. Зарплата нищенская, дошли до полного отчаяния.

Да, учить и лечить у нас практически перестали. Сталин был такой-сякой, этакий да разэтакий, но при нём и учили, и лечили не кое-как. А теперь поступают сообщения о массовых отравлениях детей в детсадах, школах и интернатах. Совесть у людей “на нуле” – суют детям порченные продукты. Порченные продукты, кстади, возникают и в магазинах, всюду объявляются – санитарного контроля, судя по всему, никакого.

А первому вице-премьеру Гайдару вручили в США награду – какой-то орден, и похвалили за “приверженность реформам”.

В Одессе всё делят Черноморский флот... .

4 мая

Управился на огороде – осталось лишь картошку посадить, привёл в порядок цветничок во дворе. Погода отличная – тепло, за +20, тихо, солнце. Только бы радоваться, а на душе как-то замкнуто-глуховато, постоянное смутное какое-то ощущение несчастья. Несчастья России, несчастья собственного сердца.

Давно ли существовал СССР, а теперь вот уже в международных конфликтах на его бывшей территории погибло 15 тысяч человек – больше, чем за долгие годы войны в Афганистане.

А Горбачёв между тем пребывает сейчас в США, на ранчо президента Рейгана. Там ему преподнесли подарок – набор стетсоновских шляп. Это, скорее всего, с издёвкой. В подобных случаях подарки всегда преподносятся со значением, и какое тут может быть значение? Ты теперь наш – вот и носи нашу шляпу. Возможно и другое: эх, мол, шляпа ты, шляпа... .

И ещё в США Горбачева называют победителем “холодной войны”. Хороша победа... После неё мы полностью в тисках США и НАТО. “Победил” Горбачёв и афганскую войну. Наши ребята вышли из Афганистана, чтобы... стрелять по своим. В Отечестве идёт бойня, которая за короткий срок побила все афганские рекорды.

“Победителя” чествуют в США, а у нас в Нагорном Карабахе, почти по всей границе между Арменией и Азербайджаном, в Южной Осетии, в Приднестровье идёт военное противостояние, льётся кровь, и ручьи её скоро станут реками.

Вот она такая, твоя победа, “меченый” ты наш Михаил Сергеевич!

14 мая

Всю ночь шёл дождь – большое дело. Теперь бы к нему ещё тепла немного.

Помогал сестре сажать картошку под плуг. Борозды нарезал на лошади кривой мужик Доможилов по прозвищу Огонёк. Лошадь – заезженный вконец мерин, зовут его Мальчиком. Плечи у Мальчика растёрты хомутом в кровь, плуг он таскает с великим трудом. А Огонёк к тому же ещё и кнутом его нахлёстывает.

– Что же ты бьешь-то его? – попенял я Огоньку. – Он еле ходит от усталости.

– Конечно, еле ходит, – уныло согласился он. – По десять усадеб за день вспахиваем – кто же такое выдержит? И я еле хожу.

И оказалось, что ни мерину, ни Огоньку не дает отдохнуть жена Огонька Марья. Нечего, дескать, прохлаждаться, отдохнёте потом, а сейчас самая пахота – можно упустить деньги.

– А ты, – решился я дать совет, – когда видишь, что Мальчик устал, не идёт, не бей его, а дай отдохнуть, пусть пощиплет травку. А сам в это время сходи да отстегай, как следует, свою Марью.

– Это зачем ещё? – удивился Огонёк.

– Чтобы поняла, каково лошади. Начал Мальчик спотыкаться – опять дай ему отдохнуть и ещё раз сходи, отстегай Марью. Она же вон какая толстая у тебя, вот ты и скажи: на лошади, мол, от кнута живого места нет, а у тебя его вон сколько. Должно подействовать, и тогда вы с лошадьёю будете работать с отдыхом.

Я ожидал, что Огонёк, приняв шутку, посмеётся. Но он устремил свой единственный запалённый глаз вдаль, потом повернулся ко мне, почесал затылок и рассудительно изрёк:

– Надо подумать. Пожалуй, так и сделаю, потому что уж никаких сил больше нет.

15 мая

По-осеннему холодные облака, сильный свежий ветер. Черёмуха цветёт. Что-то припозднилась.

Весь день колол дрова. Колол, колол и представил вдруг себе, что я где-то в плену, выполняю работу, которую мне приказали делать. И думаю, успокаивая себя: ничего, буду вот так дрова колоть и кроме этого немало всякого делать умею... Глядишь как-нибудь и проживу в плену-то...

Так вошёл в эту роль, что даже осознал не сразу: какой плен, я же во дворе своего сынтульского дома. Покачал головой, удивляясь самому себе, засмеялся с горечью...

Откуда такие странные мысли? Да, ясно откуда и отчего они...

Завод наш сынтульский, чугунолитейный, стал акционерным обществом. С сырьём плохо – слитки чугуна приходят нерегулярно. Одну смену директор отправил в отпуск.

Так-то вот. 205 лет завод работал без перебоев – и днём, и ночью, когда-то пушки отливал для кораблей Черноморского флота, когда-то корпуса для гранат-лимонок, не говоря уж о разнообразной сугубо мирной продукции, а теперь вот пошли перебои.

Военные склады во Владивостоке горят, снаряды рвутся в полутора километрах от городской черты. Огонь подбирается к складу с реактивными сна-

рядами. Дома, стоящие поблизости, люди покинули, и в квартирах, ясно дело, сразу же грабежи.

Член Верховного Совета России Исаков предложил коллегам принять решение об освидетельствовании президента Ельцина на предмет алкоголизма. Коллеги застеснялись. Дескать, ишь чего придумал, как можно?..

А ведь каждый из них прекрасно осведомлён и своими глазами не раз видел, насколько владеет президентом стихия систематического пьянства. Чего же можно ждать от парламента, который с абсолютной лёгкостью мирится с тем, что у руля России стоит горький пьяница? Что можно ждать от народа, который видит, что российский президент пьяница, но одни, как и парламент, закрывают на это глаза, а другие просто не верят своим глазам, считая, что пьяницей может быть кто угодно, только не человек, занимающий президентский пост?

В Архангельской области обнаружено 20 тонн закопанного мяса. Нашли его местные жители. Они кормят этим мясом скот и питаются им сами.

Сдаётся мне, что наша Родина, которую мы ещё совсем недавно называли Великой, понемногу превращается в огромный сумасшедший дом.

А поздно вечером по телевидению странный фильм о том, как гитлеровцы уничтожали евреев. В этом фильме ни единого слова о том, что фашисты уничтожали и русских, украинцев, белорусов, людей многих других национальностей, причём во много раз больших количествах, чем евреев.

В этом фильме ни слова о том, что и евреев и множество других народов спасли от зверств фашизма русские, белорусы, украинцы, весь многонациональный народ СССР, заплативший за Победу огромным количеством жизней.

В этом фильме освободители – только американцы, англичане и даже французы (?), но не показано ни одного советского солдата, офицера или генерала. Фильм сделан так, будто война велась фашистами только против евреев, будто и освобождали евреев из концлагерей только западные войска. А Советский Союз словно и в войне-то не участвовал вовсе. Ни единого доброго, вообще ни единого слова о нас, будто нас и в помине нет, будто говорить, что это мы сокрушили фашизм, позорно и даже преступно.

Вот так это всё выдано нам по нашему телевидению. Глотай это всё, народ, спасший мир от фашизма ценой таких своих жертв, каких не было никогда и ни у кого за всю историю человечества.

16 мая

Много на мне грехов, а теперь вот ещё одним грехом стало больше.

Пришла моя сестра и сказала, что одноглазый пахарь Огонёк запил, отхлестал кнутом свою жену Марью и сильно бушевал дома – еле успокоили. Валентина долго пеняла мне – она слышала, какой совет дал я Огоньку на её огороде. Мне, конечно, было и стыдно, и досадно, но я всё-таки пробормотал упрямо: “Зато хоть лошадь отдохнёт”.

А потом не выходило всё это из головы – думалось: да что же это такое, Господи? Скажи ему, чтобы он пахал на лошади, пока лошадь не упадёт, – он будет пахать. Скажи ему, чтобы он шёл бить жену – он идёт бить жену, а заодно и всех, кто попадёт под руку. Я-то просто пошутил и вот теперь каюсь с горечью, а какой успех ждёт подлеца, оказавшегося на вершинах власти и решившего сознательно использовать этот народ в своих паскудных целях!

Да уже и налицо они, новые успехи-то. И “головокружение от успехов” налицо в который раз. И это ещё, судя по всему, не главные успехи. Главные – впереди.

К вечеру мать взялась меня ругать за то, что я научил одноглазого Огонька отхлестать кнутом жену вместо лошади.

– А если бы ему в колодец велели прыгнуть вниз головой, – вспылал я, – он что же – и это сделал бы?

– Да, глядишь, и прыгнул бы. А ты отличать умеешь, кто прыгнет, а кто нет.

– Кто вас тут знает, – окончательно вышел я из терпения, – может, вы все сдуру готовы в колодцы попрыгать!

– Может, и готовы, – насупила брови мать. – От такой жизни прыгнешь в колодец. А ты не бери на себя грех – не научай людей всякой дурости. Если уж взялся быть писателем – не такому обучать должен.

На это мне ответить было нечего!

17 мая

В последние времена своей власти коммунисты понемногу склонялись в сторону совести (ну или хотя бы делали вид, что склоняются). Они начали через печать советоваться с народом, наказывать зарвавшихся хапуг. При них стало крепнуть потихоньку, обрисовывать свои контуры общественное мнение, появилась надежда на истинную социальную справедливость. Были, конечно, всяческие поганые издержки, перегибы, но отдушина всё же ощущалась явно. Ощущался курс на улучшение жизни.

И вдруг всё это смяла, словно бульдозером прошлась, новая власть, взлетевшая на истерическом гвалте по поводу того, что старая власть неисправима. Эта новая власть сразу же начала так бессовестно и нагло лгать, так подло обманывать и так грабительски обирать народ, разбазаривать страну и хватать себе всевозможные куши, что все мы, нормальные, честные граждане, попросту говоря, обалдели. Так обалдели, что многие, не выдержав этого обалдения, уходят в могилу. Мы думали, что видывали всякое, однако такого бравого и уверенного в себе свинства не видели никогда (во всяком случае те, кто родился позже 30-х годов).

В считанные недели народ, который сводил концы с концами, стал полунимчим. Заботу о здравоохранении эти “собаки демократии” со своих плеч свалили и делают вид, что это не должно их касаться. На нашу культуру они наплевали, более того – всячески, зачастую подло и изощрённо, уничтожают её, насаждая пошлый, хамский бред, то есть антикультуру. И врут, врут, врут – уверенно, ежедневно, ежечасно, до самозабвения.

Во всём они правы, всё, что ни делают, – подлежит восхвалению, а если хвалить неудобно – то нахальному оправданию. Все, кто критикует их, подлежат осмеянию, осуждению, обливанию грязью.

Заговорили на съезде народных депутатов об истинном положении дел – съезд надо разогнать. Моссовет критикует деятельность мэра Москвы Попова – Моссовет нужно уничтожить. Ленсовет (а это ведь все представители народа, его широких масс) противостоит произволу, творимому петербургским мэром Собчаком, – уничтожить и Ленсовет.

Корреспондент петербургского телевидения Невзоров обличал горбачёвщину – никто его не трогал, стал обличать ельцинское безобразие – надо Невзорова уничтожить.

Самое лучшее в России – это всё еврейское. Они – лучшие музыканты, лучшие писатели, лучшие политики и учёные. Они и телевизионщики лучшие... А самое худшее в России – это всё русское. Классиков русской литературы, музыки и живописи загнать в тёмный угол, а лучше вообще предать забвению. Всячески уничтожаемая в России, всячески ругаемая идея – это идея русской государственности, – становления государства на основе наших национальных традиций.

И хотя мы не ожидали такого, хотя мы такого никогда не видели, но какое-то постоянное ощущение в крови, что всё это мы уже испытали когда-то и ничего не могли с этим сделать, что однажды мы уже притёрлись к этому, а это втёрлось в нас...

Нынче, судя по всему, решающий этап “втирания”. Рецепты старые. Неужели и теперь не поймём (наученные ведь уже опытом, да ещё каким!), что рецепты эти для нас так же смертельны, как для астматика всё большее потребление бронхорасширяющих средств?..

18 мая

Наконец-то солнце. Тепло и тихо.

Слышал сегодня, как где-то в гуще стоящих у дома деревьев пел щегол, который жил тут в прошлом году. Прилетел всё-таки, бедолага, из каких-то краёв – радуется. И у меня на душе полегчало...

В Приднестровье продолжаются бои, растёт число убитых и раненых. В Дубоссарах от молдавского обстрела рухнуло несколько домов. В события начинают вмешиваться украинские националисты – посылают туда своих “волонтёров”, чтобы вытеснить русских.

В Кишинёв прибыл глава Румынии Илиеску – о чём он там договаривал-

ся с молдавским президентом Снегуром, неведомо, можно только догадываться.

19 мая

Мать всё время молчаливая, мрачная – чувствует, что и во мне, и в стране творится не то. И жена молчаливая – ни звонка из Рязани, ни письма. И я не пишу, не звоню. О чём говорить? О том, что я сейчас тупой землекоп и дровосек? Это она и без меня знает.

В Приднестровье от беспорядочных перестрелок переходят к позиционной войне. Командование дислоцированной там 14-й российской армии предупреждает молдавскую сторону, что если нападения не прекратятся, то армия развернёт боевую технику и откроет массированный ответный огонь.

20 мая

Приднестровцев обстреливают с правого берега Днестра из тяжелых орудий, и президенту Молдовы Снегuru, судя по всему, не терпится втянуть в боевые действия российскую 14-ю армию. Тем самым он склонил бы на свою сторону мнение так называемого мирового сообщества. Снегур вообще-то уже и заявляет, что 14-я армия участвует в боевых действиях. Может, оно и так, отсюда не видать.

В Румынии “оппозиция” требует действий от своего президента Илиеску – требуют помочь Молдове вплоть до её присоединения к “великой Румынии”, а в Кишинёве “оппозиция” требует действий от Снегура – тут и Румыния дорога, и Приднестровье упускать не хочется. Кто-то откуда-то направляет и ту, и другую “оппозиции”.

Из так называемой Нахичеванской республики, которой руководит бывший кагэбэшник и член Политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев, ведут обстрел армянской территории, а Азербайджан “вопит” на весь мир, что армяне нападают на Нахичевань.

Таджики, успевшие уже хорошо обучиться где-то, делают ловкие броски через границу к афганцам, а через некоторое время – обратно. Цель таких челночных операций – оружие, наркотики, информация, координация действий. Пока их вроде бы ловят российские пограничники, но разве всех и везде?

Грузинские боевики расстреляли 30 беженцев-осетин – стариков и детей.

21 мая

Показали по телевидению наших военных в Германии (передача из Группы войск). Двое подполковников – у одного родители в Волгограде, а жильё на Украине, а у другого вся семья в Киргизии, и родился он там. Оба русские, и не знают, как быть – и Кыргызстан, и Украина теперь для них чужие стороны.

Оба говорят, что никакой другой присяги принимать не собираются. Присягали общей Родине, с этой присягой и будут служить, пока можно служить. Пока можно...

Другие наши военные в Германии, словно паршивые фарцовщики, продают немцам оптом и в розницу противогазы, военную форму, технику. Прибыль, скорее всего, зависит от звания продающего. Танки, БТРы и БМП решили уничтожить, а металл продать опять же немцам. Это наш-то бронеметалл, для защиты Родины отлитый...

После Великой Отечественной многие наши офицеры приезжали домой из Германии богатенькие, изрядно хапнув вражеского имущества. Теперь многие военные тоже приедут из Германии богатенькими, но на сей раз продадут немцам даже не своё, а наше общенародное...

Никогда не думал, что доживём до такого дикого унижения.

22 мая

Никола. Ходили с матерью в церковь.

И снова думалось о том, какое великое дело – духовное единение верующих в церкви. Тут особое – тут становишься чище и легче душой и телом. Тут какая-то тёплая близость между всеми.

24 мая

Свыкаюсь с одиночеством. Наверное, это плохо.

Был заморозок. Неужто помёрзнет у нас с матерью всё, что посеяли? Только что вылезшая из земли картофельная ботва почернела.

В Москву приехала из США жена Солженицына. Заявляет, А. И. придет жить (доживать) в Россию. Жена собирается покупать дом в Подмосковье и организовать фонд помощи нынешним преследуемым и заключённым. Интересно, какой же нужен фонд помощи, если преследуемым (более того – уничтожаемым) является сейчас весь русский народ?.. Эх, игры-игрушечки... .

По телевидению без конца учат нас жить. Все, кому не лень. Учат шведы, американцы. Сегодня учил посол США Мэтлок. Подготовил у нас тут весь этот бедлам-развал, а теперь уж вылез учить в открытую. Ну как же – хозяева-победители.

26 мая

Российский парламент в шоке от заявления президента Молдовы, в котором выражено желание объявить войну России!

В Конституционном Суде России рассматривается вопрос о правомерности Указа Ельцина о запрещении деятельности компартии.

Министр иностранных дел ездит по отделившимся республикам Югославии. Был в Македонии, Хорватии, Боснии-Герцеговине. И только о пребывании его в Сербии никаких сведений нет – скорее всего, он там не появлялся.

Английский премьер Мейджор заявил, что к Сербии надо применить жёсткие санкции, и он это сделает.

Хасбулатов выступил по телевидению – сетовал, что средства массовой информации ведут охоту на него и на Верховный Совет.

Стали появляться по телевидению передачи о России и её истории (даже о геноциде русского народа говорят). Даже критикуют “масскультуру”, говорят, что она отравляет народ. Скорее всего, подыгрывают, хотят выпустить из народа пар, а в нашу сторону вряд ли они развернутся когда-нибудь, свой антинародный курс вряд ли изменят.

27 мая

Первое настоящее тепло, но уже и опасения, как бы не началась засуха. Ветер юго-восточный – от Каспия, с песков. Не люблю его – неуютный ветер.

С раннего утра сообщают, что Ельцин обещает нам хорошую жизнь к концу года. И обеспечит нам её, как он говорит, полный отпуск цен на энергоносители. Я представляю, какая это будет хорошая жизнь – при стремительном падении производства, при разрушенном сельском хозяйстве. И ведь многие верят ему – пожалуй, даже большинство.

Предчувствуя обещанную президентом “хорошую жизнь”, сделал на огороде ещё пять грядок – будем с матерью сеять редьку, сажать огурцы, помидоры. Только бы не засуха... .

Стоял у прудка, слушал лягушек. Боже, что ту делается! Так они орут, так наяривают на разные лады, что даже уши закладывает. А один старательный квакун даже превзошёл самого себя – строчит, как из пулемёта.

Стоял я и с горькой усмешкой думал, что водяные квакуны всё-таки значительно лучше, чем наши нынешние политики. От лягушачьего кваканья умиротворение на душе, земля вокруг кажется надёжной и родной, лягушачье кваканье сулит хорошую погоду.

А от кваканья политиков, наоборот – земля кажется тревожной, неухоженной и бесполезной, ощущаешь грядущее ненастье своего народа.

Иду от пруда домой, и встречается знакомый мужик – вежливый и дотошный. За ним бежит крохотный щеночек. Я остановился, поздоровался, погладил щенка.

– А что, Михалыч, – спросил хозяин щенка, – писателей прекратили финансировать?

– Да, – говорю, – не печатают и не платят.

– И как же вы теперь живёте? – он взял щеночка на руки, и тот стал лизать ему руку.

– По-разному живём. Одни на голодном пайке, но есть и такие, которым очень хорошо платят. Попцов, например, Черниченко. Слышал про таких?
– Нет, не слышал. Ну а как же те, которые без финансов сидят?
– Живут так же, как и ты.
– Это не дело, – ответил он. – Писатели должны жить по-другому. – И вдруг огорошил: – Конечно, чего хорошего ждать, если власть захватили евреи.
– Да там, – попытался я возразить, – не только евреи, там всякие.
– Вот, вот, – кивнул он. – Евреи, а с ними ещё всякие.
Так вот и поговорили.

29 мая

Водка теперь будет продаваться по свободным ценам – 140 р. А коньяк – 300 р. Ничего, переживём.

По радио какой-то демократ по фамилии Боксёр долго убеждал, что в парламенте сидят плохие люди. Они, мол, злые консерваторы, президенту палки в колёса суют и всему народу вредят. И с пеной у рта доказывал, что самое лучшее – это ликвидировать Съезд народных депутатов и отдать всю власть президенту.

Явно – ползучий переворот в стране.

30 мая

Ночи холодные, дождя нет – сухо. Проборонил картошку – всходит плохо. И люди живут плохо – ссорятся с каким-то остервенением, соседством не дорожат. Подумалось, что если бы сейчас восстали из мёртвых мужики и бабы 20–30-х годов, то смотрели бы они на нынешних как на сумасшедших.

Да что там 20-е и 30-е годы! Ещё и я помню, как жили, блюдя разум и помогаю во всём друг другу...

Дикое пьянство и похороны, похороны... Не помню, чтобы умирали в Сынтуле так часто. Видно, и по всей России так же. Неужели и впрямь выродились мы, зашли (вернее, завели нас) в какой-то глухой, гнилой тупик, из которого уже и нет выхода? Тошно...

Югославия (сербы и черногорцы) единственная из бывших коммунистических стран оказалась непослушной США. Теперь её будут ломать через колено – ООН объявила санкции против неё.

США недовольны и тем, что Россия, Киргизия, Казахстан продают на мировом рынке уран в два раза дешевле, чем Соединённые Штаты. Грозят наказать и нас. Что-то уж очень часто стали грозить.

Приднестровье объявило себя независимой республикой, обратилось к России с просьбой признать их независимость. Думаю, что эта просьба останется втуне.

А Румыния поставляет Молдавии бронетехнику и другое вооружение. У молдаван румынские военные специалисты.

31 мая

Первая по-настоящему тёплая ночь. К утру небольшой дождик. Ночью долго не мог уснуть. После часа ночи в посёлке ради экономии электроэнергии выключают свет. Самая удобная пора для воров. И вот в эту пору, в крошечной тьме, никак не спалось. Чего только ни лезло в голову... Все беды мира, России словно бы обступили меня. И это ещё: не пишу ничего художественного, как писатель никому не нужен, как человек – тоже мало кому...

1 июня

То ждали солнца, а теперь ждём дождя. Так вот оно и идёт. Земля сохнет. Покрутилась вчера вокруг Сынтула тучка и пошла себе поливать не у нас. Кого затопит, а кому ни капли.

Подали в отставку председатель российского банка Матюхин и его зам Рассказов. О причинах не сообщается.

В Москве прекратили деятельность суды – нет условий для работы, нет заседателей.

Американские бизнесмены в России налогами облагаться не будут. Облагать налогами можно только своих, и первый вице-премьер Егор Гайдар заявляет, что ничего плохого ещё не произошло. Значит, это только “цветочки”, а “ягодки” будут впереди?..

И ещё вице-премьер Гайдар сделал одно “утешительное” заявление: что самое главное сейчас – побольше бумажной денежной массы. Куда уж больше... .

По телевидению сообщили, что в различных конфликтах на территории бывшего СССР погибли не менее 40 тыс. человек.

3 июня

Ночью умер сосед дядя Егор. Жена его, тётя Люба, попросила меня вымыть покойника и обрядить. И занимался я на рассвете этой печальной работой – третий раз в своей жизни. Отметил в себе, что делаю это куда спокойней, чем в те времена, когда то же самое приходилось делать над моим отцом, а потом над братом жены, убитым в Таджикистане. Подумал даже этак с горькой усмешкой: вот какая нынче твоя работа – покойников мыть. Не исключено, что придется ещё не раз – старух-то в Сынтуле, которые занимались обычно этим, не осталось почти.

В Киргизии межнациональная бойня: киргизы – узбеки.

Народный депутат Сергей Бабурин от имени оппозиции потребовал у парламента отставки Ельцина и его правительства, заявив, что дальнейшие их “реформы” грозят России непредсказуемыми последствиями.

7 июня

При нынешнем дефиците всего Москва, однако, не покупает у сельхозпроизводителей молоко, животноводы, как сообщают, даже вынуждены выливать его коровам. А москвичи жалуются на нехватку молока. Что это – попытка окончательно загубить сельское хозяйство? Скорее всего, покупают какой-либо суррогат молока за рубежами... .

8 июня

Всё время думается: если наши нынешние муки посланы нам свыше в наказание за прошлые отступничества – это ещё можно вытерпеть в надежде на покаяние и прощение. Но если такое издевательство над громадным народом запланировано и претворяется в жизнь земными слугами дьявола, то... жутковато.

Продолжают выходить из строя крупные предприятия. Остановились теперь ивановские ткацкие фабрики. Нет хлопка, смежники не платят, прекратились все поставки.

В Воркуте, на шахтах, предзабастовочное состояние.

Президент Ельцин посоветовал уральцам продавать за рубеж танки, другое вооружение. Куда, кому? Против кого оно пойдёт – не против ли нас самих?

Режут на металл наш построенный уже на 70 процентов авианосец, а также авианосные крейсера. США покупают металл этих кораблей – сначала договорились по 530 долларов за тонну, а теперь уже почему-то цена стала 120 долларов за тонну. Самим нам, выходит, металл не нужен, несмотря на жуткий кризис в металлургической отрасли – отдаём задаром.

11 июня

Господи, какая мне выпала мука – видеть угасание сразу двух матерей: матери Анны и матери России... .

У матери моей с каждым днём угасает её сердце, мозг... И всё чаще приходит мысль, что опустеет наш дом: не слышно будет её шагов, никто не сготовит мне завтрак и никто не даст совет от всего сердца. К вечеру она совсем

без сил, а покориться усталости не хочет – что-нибудь да пытается делать, но получается у неё всё из рук вон плохо...

И Россия... Выдержит ли она козни хитрого дьявола, ежечасно подталкивающего её к бездне?

Имущество бывшего Союза писателей СССР первый вице-премьер Гайдар обещает справедливо поделить. Знаем мы их справедливость – захапают себе. Ликуют Черниченки, Нуйкины, Шмелевы (которые отнюдь не Иваны), не имеющие практически никакого отношения к русской литературе, ненавидящие её. Как они огульно охаивают то, что даже и охаиванию-то не поддаётся, как стараются обгадить всё, что не только нам, русским, но и всем народам России дорого.

Они такую разведут идеологию, такую объявят литературу, что содрогнутся на том свете от омерзения и Пушкин, и Достоевский, и Толстой, все, кто отдал свою жизнь святой российской словесности.

12 июня

Этот день стал нерабочим, называется теперь Днём независимости России. От чего же это она стала независимой? От своих территорий, за которые пролито несметное количество крови, от своих кровных братьев белорусов и украинцев. Независимой её стараются сделать от её национального духа, от своей национальной культуры, от всего, что веками хранило тело и душу России.

А теперь посмотрим, от чего же она стала зависимой. От США и западных стран зависима целиком и полностью – шагу не можем ступить без их ведома. Они нам диктуют, какое оружие мы должны у себя уничтожить, они устанавливают удобные им режимы в бывших наших республиках. Их подводные лодки бороздят наши территориальные воды, заходят даже на наши морские полигоны. Запад нам указывает, что и кому мы можем продавать, и что кому продавать нам нельзя, поскольку, де, мы наносим ущерб национальным интересам США.

Зависимы мы от МВФ – от подачек, от обглоданных кусков с барского мирового стола. Зависимы мы стали от пришедших к власти людей, открыто ненавидящих Россию, её славное прошлое, её православный дух и национальную культуру.

Жизнь наша, необходимые условия её зависят теперь от любой случайности. Нас, русских, могут оскорбить, унижить, оболгать, избить, вышвырнуть на улицу как на наших бывших окраинах, так и центре России. Нас и наше прошлое поносят наши же (вернее, уже не наши) газеты, радио и телевидение, в открытую даже заявляют, что глупость мы сделали, не проиграв Гитлеру войну.

Вот такие мы нынче независимые. И применение к нам сейчас этого слова – “независимые” есть не что иное, как замаскированное “дураки”. Пока замаскировано, а завтра, глядишь, враги России, черви, грызущие её изнутри, и маскироваться перестанут. Да зачастую уже и не маскируются.

В Москве правительство организовало возле своего “Белого дома” концерт в честь так называемого праздника, там пели такие “звёзды”, как Магомаев, Толкунова. Но на концерт людей пришло очень мало.

Зато громадный митинг (неоглядное море людей) состоялся возле телецентра “Останкино”. Лозунги были и такие: “Оккупанты! Долой из Кремля “Останкино”!” Основной протест был против антирусской направленности телевидения. Руководство какого-то патриотического движения объявило голодовку и начало её прямо в кабинете у Егора Яковлева, руководителя телекомпании “Останкино”. Просили у него эфира для руководителей патриотических движений, и он издевательски предложил им 5 минут после 18 часов вечера. От этого унижительного предложения отказались.

Громадное количество милиции ждало митингов в трёх местах Москвы, но люди неожиданно собрались именно в Останкине. Без столкновений не обошлось – митингующих били, и те в долгу не оставались.

В Колонном Зале заседал Русский Национальный Собор. Казаки со всех регионов, служители Церкви, представители многих общественных движений.

Кроме этих были в Москве и другие акции протеста, где выдвигались требования ухода в отставку президента и правительства.

Президент Ельцин в День независимости приехал в малолюдный район Москвы, на новостройки, которые ещё нашлись. И увидел там во всей “кра-

се” какое-то невероятное торжище, а потом был атакован прямыми нелюбимыми вопросами мгновенно собравшейся толпы.

Чеченцы путем каких-то хитрых махинаций умыкнули из российского Центробанка 25 миллиардов рублей. Изъято лишь 40 миллионов. Чеченцам теперь есть на что вооружаться, а на российских предприятиях, в учреждениях социальной сферы по 3–4 месяца не выдают зарплату – нечем.

Министр иностранных дел России “Иудушка” Козырев и госсекретарь США Бейкер готовят встречу Ельцина с президентом Бушем. Борис Николаевич поедет получать новые указания.

15 июня

Азербайджан – Армения: война всё злей и масштабней.
В Тюмени дают по карточкам по 200 г хлеба на человека в день.

25 июня

Показали по телевидению, как руководители стран черноморского бассейна в Турции поднимают бокалы с шампанским. Ельцин рядом со Снегуром – пьют и улыбаются. А в это время по приказу Снегура ведётся обстрел приднестровских городов, гибнут десятки, сотни людей – русские, украинцы, молдаване. Президент Румынии тоже тут участвует, а от Приднестровья нет никого – не пригласили, хотя решается вопрос именно о Приднестровье.

Подумалось, что вчера Ельцин, наверно, так же вот улыбался и пил с грузинским узурпатором, по приказу которого уничтожают осетин, уставших уже кричать, что не хотят быть с Грузией, а хотят быть с Россией.

26 июня

В Приднестровье средства ПВО российской 14-й армии, которая там дислоцируется со времён Великой Отечественной войны, отогнали два молдавских самолёта.

И вслед за тем последовало сообщение: президент США Буш заявил, что 14-ю армию России следует немедленно вывести из Приднестровья.

29 июня

У русских талант к Вере, и те, кто не хочет возрождения России, прекрасно знают, что у русских есть такой талант, что в Вере их спасение. И подсовывают легковверным всякую гадость, лишь бы подальше от Бога, лишь бы поближе к дьяволу. Да-с, брат, не ты один знаешь, в чём сила России и в чём её слабость. Но ты-то всего лишь знаешь, а те, которые хотят убить Россию, неустанно действуют. . .

Вице-премьер Гайдар успокоил телезрителей, что первый этап реформ заканчивается, и скоро начнётся второй этап реформ. Надо думать, что по окончании второго этапа мы будем ходить нагишом, зарплату выдавать совсем перестанут.

Надо же было откопать такую личность: внешность тупого трактирного лакея, и манера говорить тому соответствует. Глаза бы не глядели. . .

Укради сегодня – завтра может быть поздно. Таков девиз нынешних чиновников всех рангов и мастей, и воплощают они его в жизнь с всё возрастающим аппетитом и рвением.

В Россию прибыли уже 50 тысяч беженцев из Приднестровья. Отстранён командующий стоящей в Приднестровье 14-й армией генерал Неткачев. На его место прибыл генерал Лебедь, кажется, тот самый, что отличился в дни так называемого августовского путча, угодив демократии. Новый командующий заявил, что если Молдова и Румыния будут продолжать обстрелы и бомбардировки, то Россия и Украина защитят Приднестровье.

30 июня

Вот думаю: неужели и впрямь сумеют убедить народ, что развал нашей великой Родины, все эти паскудства и предательства, вся эта невообразимая

подлость, ложь, грабежи громадных масштабов и мздоимства невероятных размеров, кровь, смерть, сотни тысяч беженцев и миллионы опустошённых душ — всё это торжество исторической справедливости?

Неужели когда-нибудь подшлифуют, вгонят всё это в учебниках в нужные рамки, и преподнесут нашим внукам как великое время, великие события, великое благо для России?.. А что ж — опыт-то есть уже такой.

Но ведь и у народа есть опыт — неужто обманется и во второй раз? Если обманется, тогда что ж — значит, правы они во всём относительно нашего народа? И особенно в том, что с ним можно делать всё, что угодно?..

3 июля

Хорошенькую показали по телевидению картину. В Кремль к Ельцину приехал президент Молдовы Снегур, и Борис Николаевич встречает его в своём кабинете (трезвый и, кажется, даже не с похмелья) с радушной улыбкой, будто своего лучшего друга. Был даже момент, когда я подумал, что сейчас они обнимутся.

И сразу же после этого пошли кадры: с правого берега Днестра движутся танки и БТРы, въезжают на мост и ведут непрерывный артиллерийский и пулемётный огонь по левому берегу. Молдавская атака на приднестровцев. Съёмки сделаны сегодня днём.

Сколько раньше шумели в Европе, в США о нарушениях прав человека в СССР! А теперь, когда права человека на территории бывшего СССР нарушаются на каждом шагу чудовищно, когда человеческая жизнь здесь ценится ничуть не больше, чем кошачья, — молчат “человеколюбцы”. Более того — радуются, одобряют.

4 июля

Приехал из Москвы в свой дом неподалёку от меня писатель Р. Подробно рассказал о том, что творилось в Москве 22 июня. Была огромная демонстрация и митинг на Манежной площади. Несли лозунги: “Ельцин — убийца!”. Демонстранты шли под имперским, андреевским, российским флагами, а также под флагом СССР, и был ещё флаг со Спасом — такой, под которым Дмитрий Донской бил татар на Поле Куликовом.

Творилось, по словам Р., невероятное — пока шли до Манежной, количество народа увеличилось во много раз, люди глядели из окон, стояли на балконах.

В сдерживании участвовала дивизия им. Дзержинского — с автоматами. Были жертвы.

А на пикеты, которые были у телекомпании “Останкино” (жили там в палатках), в 4 часа утра 22 июня набросились омоновцы и так называемые бейтары и стали избивать пикетчиков дубинками. Вот, мол, вам, русские, ещё разок — в 4 утра 22 июня. Среди убитых будто бы мальчишка и девочка.

Потом оказалось, что ни прокурор Москвы, ни какие-либо другие прокуроры на эти действия санкций не давали.

А народ (московский) решили улажить особым способом. На Красной площади с нынешнего дня и по 11 июля пройдёт фестиваль мировых “звёзд” музыки и балета. “Красная площадь представляет” — так этот фестиваль называется. Билеты стоят от 200 р. До 1000. Поэтому сегодня, в первый день фестиваля, заполнили Красную площадь в основном иностранцы. А униженный и обобранный народ вряд ли за эти цены сюда пойдёт — ему кушать не на что.

Ублажить свой народ решили и власти Петербурга. На одном из невских мостов хотят организовать выставку монументальной живописи. И ведущий телевизионных “Вестей” Флярковский в связи с этим пожелал всем россиянам сухой погоды. Издевается или идиот? И без того ведь уже засуха, которая грозит голодом.

Президент Молдовы Снегур заявил в своём интервью журналистам, что его надежды в Кремле оправдались.

А командующий 14-й армией генерал Лебедь сказал следующее: действия Молдовы в Приднестровье не что иное, как геноцид. И все переговоры, которые ведёт Снегур по поводу мирного решения вопроса, являются попыткой выиграть время для перегруппировки сил с целью начать решающее наступление. И добавил, что как русский офицер за свои слова ручается.

23 июля

Всё время наблюдаю, сколько же взаимной ненависти и зависти стало в окружающем народе. Некоторые этим только и живы. Раскололась общая российская душа на мелкие кусочки.

5 августа

Ходили со Светланой на богомолье, на святой источник Божией Матери – Радости всех скорбящих. Шли в самый полдень – жарница, пыль над дорогой, потому что навстречу по ней шло стадо на дойку. А когда вышли за Сынтул, увидели шествие впереди – люди с иконами и хоругвями, старые и малые, довольно много народа.

А возле часовенки, у родника, ждал ещё народ, и кого только там не было – из всех окрестных деревень люди, из Касимова. Множество машин на той стороне речки Сынтулки. Родник целебный – это все в округе знают, многократно на себе испытали.

Удивительная служба была – четыре священника и два дьякона служили молебен. Проникновенные у этого молебствия слова, и трогают они душу под открытым небом несказанно, так, что накатываются слёзы на глаза. Окропили всех святой водой, и каждый радостно, с миром в душе воспринял летящие на него капли.

Светлые, счастливые были у всех лица, словно в момент тёплого откровения.

А потом набирали все в свои посудины воду из родника, и от частого черпания она замутилась. Одна старушка зачерпнула, увидела, что вода мутная, и растерялась.

– Грязная... – ошеломлённо сказала она стоящему рядом сыну нашего сынтульского отца Фёдора Алёше. – Как же так, почему?..

– замутилась, – погладил её по плечу Алёша, которому нет, наверное, ещё и пятнадцати лет.

– И что же теперь, как же быть?

– Отстоится, – успокоил её Алёша. – Обязательно отстоится.

И так всколыхнули мне сердце эти произнесённые мальчишкой простые слова, так тепло подумалось вдруг обо всей нашей замутившейся России... “Отстоится, – сцепив зубы, повторял я мысленно. – Обязательно отстоится...”

27 августа

Всё чаще думаю о том, как несчастны те, которые не верят в Бога. В каком ограниченном мире они живут, как страшно, пустынно и тускло, наверно, становится им от одной лишь мысли, что люди идут не туда, делают не то, и никто людям не может помочь...

Одна из героинь Н. С. Лескова очень точно сказала о таких: “Таковой... сколь бы умён ни был, а положиться на него нельзя, потому что у него смысл жизни потерял”.

А с Богом в душе вся жизнь приобретает огромный смысл, душа отзывается на всё, растёт и разветвляется. И ветви её по большей части благодатные.

И уже не так страшно, когда бушуют вокруг, словно буйные ветры, слепые человеческие страсти. “Пройдёт, – думаешь, – буря, пройдёт, утишит её справедливая вышняя сила”.

8 октября

Сегодня 600 лет со дня упокоения преподобного Сергия Радонежского.

О, святой отец Сергей, как ты нужен нам сейчас! Опять страшная смута на Руси, опять владеет Русью враг, опять “князья” тянут каждый в свою сторону. И новая битва нужна, подобная Куликовской. Только бы без крови, преподобный. Крови на Руси было столько пролито за 600 лет... Мне даже кажется: потому так богаты мы нефтью, что это кровь наша, просочившись в недра земные, превратилась в нефть. И торгуют, обделяя русский народ, без зазрения торгуют этой кровью...

НИКОЛАЙ СКАТОВ

РУССКАЯ МАДОННА

К 200-летию Н. Н. Гончаровой

На переходе от двадцатых к тридцатым годам своей жизни, кстати сказать, почти совпавшем с рубежом двадцатых и тридцатых годов в жизни девятнадцатого столетия, Пушкин стоял перед решением: жениться. Женитьба как воплощение вечного естественного закона и исполнение простой урочной обязанности всякого нормального человека. “Мне за 30 лет, — напишет он в феврале 1831 года и за несколько дней до венчания, — в тридцать лет люди обыкновенно женятся. Я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться”.

Предшествовало этому многое. Первое, так сказать, — объективное обстоятельство: время пришло. Второе — субъективное: дело за ней. Кто же — она? Где же? Шли поиски — поначалу не очень-то упорные, прикидки — не совсем обязательные, примерки — как бы не непременно, в общем что-то похожее на затянувшийся репетиционный период: не то... не та... не так... Множество сомнений... “Мне 27 лет, дорогой друг, — пишет поэт в процессе короткого сильного увлечения и быстро неудачного сватовства мужу сестры “предмета” Софьи Федоровны Пушкиной, дальней-дальней родственницы. — Пора жить, т. е. познать счастье <...> Жизнь моя доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой неровный, ревнивый, подозрительный и слабый одновременно — вот что наводит на меня тягостные раздумья. Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером судьбу существа такого нежного, такого прекрасного”. Сколько здесь раздумий и рефлексии, возникших еще до разве что не обрадовавшего отказа.

Характерно и сватовство к Анетте Олениной. С отказом, тоже воспринятым достаточно спокойно. Конечно, были препятствия. Прежде всего, сомнения и несогласие родителей.

К тому же полуравнодушие “невесты”. Правда, при постоянном внимании к поэту, по ее признанию, “самому интересному человеку своего времени”. Однако “герой своего времени” не стал героем ее романа. Тем более что “невеста” литературна и даже сама пытается писать. Любопытно, верно, выглядела бы ситуация: жена Пушкина — с притязаниями на писательство. Кажется, уже в этом-то пункте такой брак был бы обречен на несчастье. И, видимо, к счастью, не состоялся. Характерно, однако, опять-таки отсутствие всякой настойчивости со стороны “жениха”.

Ну, допустим, и здесь такая ненастойчивость диктовалась уверенностью в неуспехе. Но такая же, почти подколесинская, нерешительность появляется

у Пушкина при успехе, почти обеспеченном. Речь об увлечении Екатериной Николаевной Ушаковой. “Обе они, — пишет о ней и ее сестре Елизавете один из биографов, — были красавицы, отличались живым умом и чувством изящного”.

Увлечение было довольно долгим и, так сказать, параллельным иным (дело для Пушкина обычное) и, видимо, серьезнее других. А главное — вызвавшим вполне сочувственный отзыв. “Он уехал в Петербург, — пишет Ушакова в одном из писем брату. — Город опустел, ужасная тоска (любимое слово Пушкина)”. Кстати сказать, неслучайно перед будущим замужеством уже после гибели Пушкина, ей пришлось, по требованию жениха, Дмитрия Николаевича Наумова, уничтожить два своих альбома, наполненных пушкинскими стихами и рисунками. Говорят, что через много-много лет, уже перед своей смертью, Екатерина Николаевна приказала дочери сжечь и обращенные к ней письма поэта, закрывая и скрывая последнюю страницу этого пушкинского романа — и состоявшегося и не разрешившегося.

Снова — его нерешительность. А ведь Пушкин был не из отступающих в решительном деле людей. Значит, опять-таки дело не было решительным.

И вот. Зимой 1828 года Александр Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову. Наконец-то: Она!

Он был и первым, кто проник в суть и будущее ее красоты: ведь она была совсем юной: только-только исполнилось шестнадцать лет: “Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась...” Он был ослеплен.

“Александр Сергеевич, — рассказывает, конечно, со слов Натальи Николаевны ее дочь от второго брака Арапова, — не мог оторвать от нее глаз, испытывал на себе натиск чувства, окрещенного французами “coup de fourde”*.

Но и она была ослеплена. Может быть, и более его. Еще бы: только-только выехавшая в свет шестнадцатилетняя девочка и — Пушкин!

“Слава его, — передает материнские впечатления от этой первой встречи дочь, — уже тогда гремела на всю Россию. Он всегда являлся желанным гостем, толпы ценителей и восторженных поклонниц окружали его, ловя всякое слово, драгоценно сохраняя его в памяти. Наталья Николаевна была скромна до болезненности, при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущие гению, не то что сконфузили, а как-то придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность, столь редкая спутница торжествующей красоты, только возвысила ее в глазах влюбленного поэта”.

Что же выделило Наталью Николаевну в ряду всех, без исключения, любовей, влюбленностей и увлечений поэта? Какова была идея этой женщины, этого удивительного, по выражению хорошо знавшей ее с детства М. Еропкиной, самородка.

Ум? Образованность? Красота?

Итак — ум?

Конечно, вряд ли следует говорить о выдающемся рационалистическом уме в узком смысле. И Пушкин после женитьбы часто ищет общения с женщинами действительно острого, вышколенного, гибкого интеллекта: Д. Фикельмон, А. Смирнова-Россет и др.

Не забудем, впрочем, сколь скепичен был Пушкин в отношении к “академикам в чепце”.

Отзывы современников и современниц очень разные: от признания неподдельного ума до упреков в недалекости, простоватости и простодушии. Последовавшие характеристики несовременниц — особенно великих, таких как Анна Ахматова, Марина Цветаева, — еще чище — “пустое место”. Это в лучшем случае. Как же! Если верить одному из рассказов, однажды ночью жена не стала слушать внезапно пришедшие в голову мужа стихи, а попросилась спать. Конечно, уж они-то — и Анна Андреевна, и Марина Ивановна — не то что Наталья Николаевна, — с ним бы о поэзии поговорили. И говорили, и прекрасно, правда, уже не с ним, но о нем. Здесь, видимо, можно предположить и особого типа ревность.

Успокаивались несовременницы опять-таки на объяснении: дура. Но красавица. Либо: красавица, но — дура.

* Любовь с первого взгляда, буквально: “удар грома”.

Впрочем, вспомним еще одну дуру. Литературную героиню позднейшей книги, но как раз об этой эпохе – Наташу Ростову, перед которой склонился такой умник, как Андрей Болконский, и о которой умник Пьер Безухов сказал: “Она не удостаивает быть умной”. Подобно Наташе Ростовской, Наташа Гончарова не удостаивала быть умной, вернее, умничавшей... “...А у ней пречуткое сердце”, – пишет Пушкин Нащокину.

Явно в уверенности именно такого ума, сердца, такта, понимания и пронизания ее “пречуткости” умница и сердцевед Пушкин написал жене самое большое количество своих русских писем.

Вообще любопытно отметить, что почти все его письма невесте написаны по-французски. Почти все – жене: по-русски. Верный знак полной естественности и простоты установившихся отношений. “Жена – свой брат”, – скажет он в одном из писем. Да и пишутся письма жене, в отличие от обычной практики пушкинских писем, без черновиков: сразу – как излилось и про все, про что думалось: быт, дети, литература, политика – сразу.

Теперь – образованность?

Да, Пушкин явно будет находить своеобразные интеллектуальные отдушины в беседах с женщинами, отмеченными особой литературной осведомленностью, эстетической заинтересованностью (та же А. Смирнова-Россет, несколько раньше – З. Волконская), а уже что касается нашего поэта, то и восторженным поклонением: в парке римской виллы Волконской был установлен ему памятник.

Но и Наталья Николаевна была образованна, в меру, вполне пристойную по заведенным и диктуемым временем, положением и средой стандартам. Даже более того. И даже литературно – более того. Хотя и без притязаний на собственное литературное творчество, подобно той же Анетте Олениной, но с большим, как и во всей гончаровской семье, так сказать, читательским пониманием того, что такое Пушкин-писатель.

Справедливость требует сказать, что мать Натальи Николаевны Наталья Ивановна – тратила на обучение детей большие по своим возможностям деньги. Были и гувернеры, и гувернантки. Были и очень тогда дорогие учителя. Не говоря уже о французском, юная невеста неплохо знала немецкий и английский: видимо, лучше жениха, и через много лет сама удивлялась, как хорошо при необходимости вспомнила свой забытый английский.

Наконец – красота?

Да, вероятно, красива, судя по многим отзывам многих современников. В то же время даже красивой казалась не всем: не говоря уже о, видимо, довольно пустоватом молодом В. Туманском, такому, например, вроде бы знатоку красоты, как Карл Брюллов: на ее портрет не смог уговорить художника сам Пушкин.

Отметим здесь, однако, существенное для уяснения одно обстоятельство: почти все и чаще всего говорят больше, чем о красоте, – о произведенном ею впечатлении. Но, может быть, куда проще свалить все на неподвластность и необъяснимость чувства любви к Красавице – и дело с концом. “Было в ней, – писала Марина Цветаева, – одно: красавица. Только – красавица, просто – красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И – сразила”.

Между тем любовь поэта как раз здесь обретает глубочайший исторический, общественный и нравственный смысл. А простое, точно и исчерпывающее объяснение дал он сам. Дал навсегда и для всех.

Ведь именно Пушкин увидел в Гончаровой главное – помимо ума, вне образованности, даже сверх красоты – нечто органичное и натуральное, врожденное, как гений: уж в чем, в чем, а в гениальности он толк знал.

Что же?

Женственность. Идеальную, светлую, чистую женственность. Которая, естественно, должна найти и находит продолжение и самое точное выражение в материнстве и сливается с ним.

Мировая, во всяком случае европейская, культура нашла и воплотила этот образ – Мадонны.

Русская традиция его почти не знала. Богоматерь в русской – даже не в живописи, а в иконописи – явление иного рода.

Пушкину образ Мадонны как некий идеал женственности был почти все-

гда близок. И он, может быть, единственный, кто внес этот образ в русскую культуру, да еще в столь присущей этой культуре литературной форме.

А в жизни он сразу прозрел это начало в шестнадцатилетней девочке. Прозрел и будущую прекрасную мать своих детей, что она подтвердит при жизни поэта и, может быть, еще больше после его гибели. Так что и здесь он не ошибся.

Наталья Николаевна действительно стала одной из самых замечательных русских женщин-матерей. Вся ее последующая жизнь посвящена детям. “Это мое призвание, — писала она позднее, — и чем больше я окружена детьми, тем более довольна”. А детьми она была окружена плотно. Четверо пушкинских детей, ею растившихся и обучавшихся в условиях довольно, а иногда и очень жестких, материальных стеснений. Любой вариант нового замужества определялся отношением к детям Пушкина. Только безукоризненность такого отношения и решила через семь лет вопрос о втором браке — с Петром Петровичем Ланским, от которого было еще трое детей. Кроме того, опека над пушкинским племянником Львом Павлицевым, учившимся в Училище правоведения. “Забыла тебе сказать, — сообщает она мужу, — что Лев Павлицев приехал вчера из своей школы провести с нами два дня”. А кроме того, опека над сыном Павла Воиновича Нащокина: “На днях приходила ко мне мадам Нащокина, у которой сын тоже учится в Училище правоведения, и умоляла меня послать иногда в праздники за ее сыном <...> Я рассчитываю взять его в воскресенье”. Нащокины живут в Москве — как не взять. Да и назван сын любимого пушкинского друга, конечно, Александром, а дочь — Натальей.

“Положительно мое призвание, — пишет Наталья Николаевна, — быть директоршей детского приюта. Бог посылает мне детей со всех сторон”.

Еще до замужества и — соответственно до материнства — Пушкин обратил к невесте стихи “Мадонна”:

*...Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.*

Поэзия открыла возможность создать очень емкий образ, может быть, больший и, во всяком случае, иной, чем Мадонна “с холста”. Так, одной стороной (и одним словом — “пречистая”) пушкинская Мадонна обращает нас к русской богородичной традиции. Другой — к его, Пушкина, суженой, которая в стихах, буквально, конечно, не Мадонна. Чувство меры и ощущение иерархии у нашего поэта, как всегда, безукоризненные: это — его Мадонна (“моя Мадонна”).

Поэт находил, что выставленная в антикварной лавке на Невском проспекте старинная копия “Мадонны” Рафаэля имеет поразительное сходство с его невестой. “Прекрасные дамы, — пишет он ей в июле 1830 года, — просят меня показать Ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на Вас как две капли воды”. Но этой “одной картиной” украсить “свою обитель” было не по карману: “Я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей”.

По сути его голос стал и общим гласом. “Это образ такой, — записывает позднее о пушкинской жене Дарья Федоровна Фикельмон, — перед которым можно оставаться часами, как перед совершенным произведением Создателя”. Кажется, Наталья Пушкина — единственная среди светских матрон, кого называли Мадонной: та же внучка Кутузова — Дарья Фикельмон, а Софья Карамзина, уточняя, — Рафаэлевой Мадонной... Такой же художник, как Карл Брюллов, которому это начало абсолютно чуждо, не должен был его ощутить и от “натуры”, где оно было заложено, отказался.

И конечно же именно в таком внешнем облике находил выражение внутренний образ Натальи Николаевны — ее глубокая религиозность и потребность молитвы: “тогда я снова обретаю спокойствие, которое часто принимают за холодность, и в ней меня упрекали”. “На вид, — вспоминал В. А. Соллогуб, — всегда она была сдержанна до холодности и вообще мало говорила”. “Что поделаешь, — продолжает и как бы отвечает на подобные упреки Наталья Николаевна. — У сердца есть своя стыдливость. Позволить читать свои чувства — мне кажется профанацией. Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца”.

Истинно: много званых, да мало избранных. Пушкин стал таким избранным. И она стала такой избранной. Отсюда же, от избранности ее – и обреченность его ей, какой не было в предшествовавших видах на брак: “Что же касается меня, то заверяю Вас честным словом, что буду принадлежать только Вам или никогда не женюсь”. В таком решительном деле это простое и сильное честное слово Пушкина, данное и через полтора года после первого предложения, – не то что любовные клятвы, заверения и обещания, обильно рассыпавшиеся в письмах к другим.

Отсюда же и готовность пройти через все искусства, препятствия и рогатки, которых жизнь понаставила чуть ли не больше, чем когда-либо, испытывая Пушкина прямо как сказочного героя: и временем и пространствами, и собственными сомнениями (“думаю о заботах женатого человека, о прежней холостой жизни”), и бытом, и заданиями, одно другого чище. Здесь же и первый полуктаз, и его, пушкинская, неуверенность в ее чувствах, и их, гончаровские, опасения, опасения за его благонадежность, и оскорбительные придирки классичнейшей из тещ – в особенности по денежной части. К тому же, даже весь дежурный тещинский репертуар здесь как нарочно и вопреки обычной практике в основном был проигран до женитьбы.

В результате моментами свадьба почти расстраивалась. Дело явно спаслось лишь пониманием и ощущением Пушкина, что, скажем, за холодными письмами невесты в Болдино стоит будущая теща, а что, по сути, он и будущая жена заодно. “Когда он жил в деревне, – рассказывает современница, – Наталья Ивановна не позволяла дочери самой писать ему письма, а приказывала писать всякую глупость и, между прочим, делать ему наставления, чтобы он соблюдал посты, молился Богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого”.

Надо сказать, правда, что, став уже реальной тещей, Наталья Ивановна своим зятем будет быстро и решительно укрощена.

Наконец, имело место и почти фатальное вмешательство судьбы, вплоть до смерти дяди, в очередной раз отложившей (из-за траура) брак. “В довершение всех бед и неприятностей только что скончался мой бедный дядюшка Василий Львович, – сообщает Пушкин Е. М. Хитрово 21 августа 1830 года. – Надо признаться, никогда ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца, и Бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург”.

Действительно, в Петербург он смог вернуться нескоро, и свадьба отложилась уже не на полтора месяца, а еще на полгода: началось долгое осадное холерное болдинское сидение. “Наша свадьба точно бежит от меня”, – пишет Пушкин невесте в сентябре 1830 года из Болдина. Она бежала, а он догонял и догонял.

Он преодолевал (и преодолел) собственные сомнения, неуверенности и страхи. Он завоевывал (и завоевал) любовь невесты. “Она меня любит”, – уже уверенно пишет он Плетневу из Болдина. Зная Гончаровых Н. П. Озерова рассказывала: “Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась браку своей дочери, но что молодая девушка ее склонила. Она кажется очень увлеченной своим женихом”. Справедливость этого наблюдения подтверждается и письмом самой юной Наташи деду с просьбой о разрешении на брак с Пушкиным: “Любезный дедушка! <...> Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые Вам о нем внушают, и умоляю Вас по любви Вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета. В надежде, любезный дедушка, что все Ваши сомнения исчезнут при получении сего письма, целую ручки Ваши и остаюсь навсегда покорная внучка Ва-ша Наталья Гончарова”.

Мягкая и “навсегда покорная”, Наталья Гончарова с молодости могла быть и упорной и волевой. В частности, и в том, что касается семьи. Серьезно и будучи глубоко религиозной, так сказать, религиозно смотреть на брачные узы. Много позднее она писала: “Можно быть счастливой и не будучи замужем, конечно. Но что бы ни говорили – это значило бы пройти мимо своего призвания <...> Замужество, прежде всего, не так легко делается и потом – нельзя смотреть на него как на забаву и связывать его с мыслью о свободе <...> Это серьезная обязанность и надо делать свой выбор в высшей степени рассудительно. Союз двух сердец – это величайшее счастье на земле”. Все это близко тому, как понимал брак Пушкин: как ответственность и как обязанность.

Он добивался (и добился) заверения властей и царя в своей общественной благонадежности. Ведь, скажем, стоило Пушкину в марте 1830 года прибыть из второй столицы в первую, как следовали рапорты о чиновнике 10-го класса Александре Сергееве Пушкине, — “за коим учрежден <...> секретный полицейский надзор”. К счастью, власть слицемерила. В письме Пушкину в апреле того же 1830 года Бенкендорф, сообщая о царском, так сказать, благословении (“Его величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей Вашей женитьбе”), официально заверил поэта: “Никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за Вами надзор <...> Я уполномочиваю Вас, милостивый государь, показать это письмо всем. Кому Вы найдете нужным”. Понятно, что нужно было это письмо показать прежде всего невестинной родне.

Наконец, он устраивал (и в общем устроил) денежные дела: долговые (в частности, существующие карточные), издательско-гонорарные (прежде всего печатание “Бориса Годунова” вследствие разрешения царя), семейно-имущественные (главным образом благодаря помощи отца). Все это позволило подготовить почву и под свадьбу, и под первоначальное обзаведение, а также ответить на многочисленные претензии и притязания тещи, вплоть до того, что приданое невесты обеспечивал жених — дело в свадебной традиции почти небывалое.

Конечно, женитьба Пушкина становилась событием и всероссийского масштаба. Общество готовилось к нему как к спектаклю. Чуть ли не бились об заклад: состоится — не состоится. Ведь это был брак, говоря нынешним языком, звезд. Современник вспоминает, как однажды, когда в сопровождении Нащокина Пушкин с невестой приехали в Нескучный сад погулять и посмотреть вновь отстроенный театр, то “артисты, увидев Пушкина, прекратили репетицию и, пока он осматривал сцену и места для зрителей, толпою ходили за ним, не сводя глаз ни с него, ни с невесты”.

Многие рассчитывали и на скандал: ведь женился, по представлению этих многих, русский Байрон. А как женился нерусский Байрон, было всевропеейски известно: громкий скандал, скорый — через три месяца после рождения ребенка — развод, дальний отъезд. “Не понимаю, как с характером его выдержит он недостатки, лишения, принуждения”, — записывает о друге Пушкине друг Вяземский. И продолжает: “Я теперь читал в записках о Байроне эпоху его женитьбы и сердце часто сжималось от сходства с нашим женихом”. Но женился-то не британский Байрон, а русский Пушкин. И готовился к этому с величайшей ответственностью, как к решающему в своей жизни акту.

Волнуем и беспokoим в жениховстве Пушкин был одним — может быть, главным сомнением: ревность.

Недаром он еще в Бессарабии кинулся, как Алеко, на поиск, — правда, безуспешный, своей Земфиры.

Недаром проиграл подобный сюжет в своей “бессарабской” поэме.

Недаром вспомнил о бессарабской поэме в болдинском письме Плетневу: “Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как гуляет вольная луна, etc.”.

Видимо, будучи неукротимо ревнивым любовником, Пушкин готов был увидеть себя неудержимо ревнивым мужем: “Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее, но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа — эта мысль для меня — ад”.

Пройдет время, и Пушкину придется “умереть за нее” и “оставить ее блестящей вдовой”. Но уже без всяких адских мыслей: он сам спокойно, как герой будущей песни, ставшей народной, чуя смертный час, отдаст ей наказ, ставший последним: сколько она все-таки должна носить траур и печалиться и с кем, другим, она пусть обвенчается. Точно по этому наказу она все и исполнит. И только замуж выйдет не по его наказу: не через завещанных быстрых два года, а после долгих семи лет.

В женитьбе Пушкин не оставлял надежд на счастье семейной жизни, ибо уже только здесь видел единственную возможность какого-то счастья вообще, хотя не обязательно рассчитывал на него. В феврале 1831 года, правда, в оговоренном им состоянии *spleen* (тоски, *англ.*) Пушкин пишет: “Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. <...> Я же-нюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет неожиданностью”.

Видимо, и здесь Пушкин ощущал возможность действия не только общих жизненных роковых стихий и драматических непредсказуемостей, но и чуть ли не общенациональной, во всяком случае, народной традиции: “Вообще несчастья жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа”.

Однако и здесь ярчайший представитель национальной жизни и “нравов русского народа” преодолет эти традиционные черты и явит поучительнейший пример счастья “жизни семейственной”.

На общем фоне семейных судеб чуть ли не всех выдающихся русских писателей пушкинская, кажется, единственная – счастливая.

Конечно, были свои обычные, как и у всех, неурядицы и недоразумения. Конечно, была, несмотря на необычно большие литературные доходы, обычная нехватка денег. Наконец, была ревность. При этом Пушкин не стал ревнивым мужем, но очень ревнивой оказалась Наталья Николаевна. И, кажется, Пушкину это даже нравилось. “Таша, – пишет брат Дмитрий в сентябре 1831 года, – обожает своего мужа, который также ее любит; дай Бог, чтобы их блаженство и впредь не нарушалось”. Через много лет А. И. Куприн под впечатлением пушкинских писем к жене скажет: “Я хотел бы представить женщину, которую любил Пушкин, во всей полноте счастья обладания таким человеком”.

Не была Наталья Николаевна пустой светской красавицей, увлеченной только балами и только разорявшей мужа нарядами. Да и наряды-то в основном оплачивала очень ее любившая и баловавшая тетка Екатерина Ивановна Загряжская. В то же время было бы, наверное, что-то противоестественное в случае, если бы очаровательная юная женщина осталась совершенно равнодушна к нарядам и к успеху в свете, которому сам Пушкин в юности, да отчасти и в зрелые годы, отдал такую обильную дань.

Одна из самых умных и наблюдательных женщин петербургского света Д. Ф. Фикельмон записывает в дневнике 25 октября 1831 года: “Мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, все возбуждение и волнение, которые испытывает муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете”. Наверное, Пушкин, особенно поначалу, не потерпел бы, если бы его молодая жена не могла и не умела блистать в обществе или выглядела хуже других.

Счастье семейной жизни, естественно, прирастало детьми. Вера Александровна Нащокина свидетельствует, каким Пушкин был “внимательным и любящим отцом”. Она знала, о чем говорила. Сам Пушкин пишет ее мужу Павлу Воиновичу: “Желал бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Ведь и я тут участвовал, и я имел влияние на решительный поворот твоей жизни. Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились”.

А любовь к жене нарастала. И какая! Вот два подтверждения. Сказано вроде об одном, да по-разному. Вначале, то есть в марте 1831 года: “...женка моя прелесть не по одной наружности”. Много позднее: “...душу твою я люблю более твоего лица”.

И еще: “...чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом”.

Почти сразу после смертельной дуэли Пушкина молодой Лермонтов написал в своем, почти сразу ставшем знаменитым стихотворении: “Восстал он против мнений света. Один как прежде...”

Действительно, с врагами, “мненьями света”, “клеветниками ничтожными” и “коварным шепотом насмешливых невежд” – все было ясно. Но – друзья! И “мнения” друзей!

Это потом П. А. Вяземский назовет козни против Пушкина и его жены адскими и скажет: “Прошу в том прощение у его памяти”.

Это потом А. Н. Карамзин скажет: “Краснею теперь от того, что был с ним (Дантесом. – Н. С.) в дружбе”.

А тогда: “Дядюшка Вяземский, – сочувственно и даже не без злорадства поделилась с братом А. Н. Карамзиным С. Н. Карамзина, – утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных”.

И все же один Пушкин не был.

Пушкин вполне понял, что такое – Дантес. Она поняла, может быть, позднее, но – поняла. Пушкин понял, что дело не в Дантесе. Она поняла позднее – но тоже поняла. Кое-что, особенно перед концом, понять помогла ему она. Тогда-то, видимо, абсолютно все объяснил ей он.

Потому же, особенно на последних преддвуэльных этапах, не приходится даже говорить о тени пушкинской ревности. Отелло не ревнив, он доверчив – так вроде бы неожиданно сказал об “африканских” страстях знаменитого шекспировского героя сам поэт. Как известно, не Дедемона изменила Отелло, а Отелло, по сути, изменил своей доверчивости. Пушкин оказался Отелло, ни разу своей доверчивости не изменившим. “Доверие Пушкина к жене, – сообщает Д. Ф. Фикельмон, – было безгранично”. То, что Наталья Николаевна вполне оправдывала это доверие, никогда не вызывало сомнения ни у кого из ближайшего окружения. Княгиня В. Ф. Вяземская готова была даже в том “отдать голову на отсечение”. Более того, с приближением событий, которые стали концом, по свидетельству П. А. Вяземского, поэт сделался к жене “еще предупредительнее, еще нежнее”.

В финале финалов, в 1869 году, Дантес-Геккерен в беседе с мужем Александрины Гончаровой Фризенгофом, ни в чем не раскаиваясь и ни о чем не сожалея, все-таки, как сообщает сам Фризенгоф дочери Натальи Николаевны, Араповой, “возгласил и защищал – не чистоту вашей матери, она не была под вопросом, но совершенную невинность во всех (!) обстоятельствах этого печального события ее жизни”.

В отношении к Наталье Николаевне сам Лермонтов явно оказался в плену “мнений света”. И, по сообщению той же Араповой, лишь накануне его последнего отъезда на Кавказ у Карамзиных состоялся один, как чудо, все разрешивший разговор жены Пушкина с ним. В заключение этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью, Лермонтов сказал: “...Я чуждался Вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в Вас только холодную, неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собой вечный упрек в близорукости... Но, когда я вернусь, я сумею заслужить прощение”. Он не вернулся.

Пушкин знал, что его жена безвинна, но Пушкин знал и то, что она будет терпеть: безвинно.

Обычно мы, судя о чем бы то ни было, способны верить Пушкину больше, чем кому бы то ни было, и лишь в том, что касается жены Пушкина, верим кому попало, но только не Пушкину. “Любовь Пушкина к жене, – писал П. В. Анненков, – была как бы довершением или, точнее, жизненным осуществлением того взгляда на красоту, который проходит через всю его поэзию”.

В конце 20-х годов Пушкин напечатал стихотворение, написанное им еще ранее:

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
На ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой...*

Мы долго, варварски чернили картину гения, а в последнее время беззаконные и бессмысленные рисунки иной раз приобретают и прямо непотребный характер.

И все же в последние годы ледяная глыба предрассудков и предвзятостей, в которой так долго была заморожена Наталья Николаевна Пушкина, начала таять, и постепенно с прежней красотой выходит перед нами созданье гения – прекрасный образ русской женщины-матери. Русской мадонны.

НАСЛЕДНИК КЛАССИКИ

Беседа Ксении Зиминной* с Андреем Румянцевым, однокурсником Александра Вампилова по Иркутскому университету, народным поэтом Бурятии, автором книги воспоминаний и других публикаций о драматурге.

Ксения Зимина: Почему так редки хорошие, точно передающие замысел А. Вампилова постановки его пьес?

Андрей Румянцев: Потому что нынешние режиссеры больше заботятся о собственном “самовыражении”, чем о точном сценическом воплощении пьес Александра Вампилова. За долгие годы приходилось видеть многие постановки его произведений на столичной и других сценах. В Иркутске проходит Вампиловский фестиваль современной драматургии, в нем каждый раз, как правило, участвует более десятка театральных коллективов из всех регионов России. Тут уж с особым вниманием смотришь спектакли по пьесам, рассказам (и даже записным книжкам) Вампилова. Ну что говорить о точном прочтении авторского текста, если один известный в стране театр так “дописывает” “Старшего сына”. Если вы помните, у автора пьеса начинается с того, что девушки, которых проводили до дома молодые гуляки Бусыгин и Сильва, отказались пригласить их к себе, и те остались глухой ночью на улице дальнего городского предместья. Режиссер решил осовременить Вампилова. Спектакль начинается сценой в каком-то кабаке, где обе парочки шумно резвятся, потом совокупаются прямо перед притоном и, наконец, едут в предместье. Это уже стало дурной традицией: вносить отсебятину в пьесы, авторы которых ушли из жизни и не могут одернуть режиссера. Приходилось видеть спектакль по чеховской “Чайке”, где Аркадина представлена наркоманкой. Вампилов в таких случаях советовал театральным “новаторам” самим писать пьесы и экспериментировать, как говорится, до посинения. В классике глубина открывается тогда, когда режиссер и актер чутко улавливают смысл каждого слова, все оттенки мыслей и чувств автора. Любое вторжение искажает текст, вносит в него фальшь. Нынешним неопитам в театрах стоило бы помнить слова своего великого предшественника Георгия Товстоногова. Он писал о Вампилове: “Уже тогда, в пору только начавшегося знакомства с его драматургией, мы в полной мере отдавали себе отчет в том, что имеем дело с большим художником. Это походило на работу с классикой, когда за любой деталью обнаруживаешь глубокий внутренний смысл”.

* Ксения Зимина — выпускница Московского гуманитарного университета им. М. Шолохова, исследовательница творчества А. В. Вампилова.

К. З.: *Что не видят в драматургии Вампилова современные режиссеры?*

А. Р.: Его нравственной чистоты, порыва к духовному совершенству. Со- гласитесь, сейчас, когда успешными людьми принято называть тех, кто нажил (в основном бесчестно) большие деньги, тебя просмеют, если ты назовешь успешным человеком, к примеру, музыканта Сарафанова с его убеждением: “Все люди – братья”, или следователя Шаманова с его трудным решением – отстоять в суде справедливость, или студента Колесова, отказавшегося в конце концов пойти на компромисс с совестью. А ведь именно они напоминают нам о нравственном долге, на них держатся доброта, справедливость, душевная приязнь людей друг к другу. Это они успешно исполняют свое земное предназначение, их духовный опыт понесут дальше новые поколения.

В театре, в кинематографе есть, конечно, и сейчас спектакли, фильмы, герои которых не приемлют нынешние нравы, противостоят им. Но чаще всего эти произведения примитивны, мелкотравчаты. У Вампилова чистая кисть, напитанная благородством, нежностью к людям. Он никогда не поучает, не разоблачает, не выставляет героям свои оценки. Он пытается понять их характеры, он то любит кем-то из них, то негодует по поводу грязных поступков и помыслов, то огорчается несовершенством их душ, то сочувствует запутанности их жизни. А в совокупности перед нами встает тот мир, в котором живут правда и красота, но который мы сами постоянно оскверняем ложью и жестокостью. Вот это тонкое, поэтическое очарование вампиловского мира и не удается передать на сцене многим режиссерам.

К. З.: *Какая мысль, может быть, фраза А. Вампилова является ключевой, определяющей и лучше других помогает понять его произведения и его личность?*

А. Р.: Мне кажется, такие строки из записной книжки драматурга: “Все лучшие, известные писатели знамениты тем, что говорили правду. Ни больше, ни меньше – только правду. В двадцатом веке этого достаточно для того, чтобы прославиться. Ложь стала естественной, как воздух. Правда сделалась исключительной, парадоксальной, остроумной, таинственной, поэтической, из ряда вон выходящей. Говорите правду, и вы будете оригинальны”.

В литературе есть правда глубинная, та, что умножает наше знание о жизни, о нашем национальном характере. Думаю, Вампилов твердо помнил завет Льва Толстого, обращенный к литераторам: “Напишет правду не тот, кто только опишет, как было дело и что сделал тот и что сделал другой человек, а тот, кто покажет, что делают люди хорошо, то есть согласно с волей бога, и что дурно, то есть противно воле бога. И потому правду знает не тот, кто глядит себе под ноги, а тот, кто знает по солнцу, куда ему идти”.

Вампилов был как раз из числа тех редких писателей, которые “знают по солнцу, куда им идти”. В жизни, как в большой вольной реке, всего много: и плывущего мусора, закрывающего светлое течение, и мути, поднятой бегущей струей у высокого яра, и камней на перекатах. Но главное в этой реке все же – ее хрустальное ложе, ее питаемая родниками животворная вода. Эти родники из глубин жизни и есть правда Божья. Такую правду несут в душе или к ней мучительно стремятся Валентина и Шаманов в пьесе “Прошлым летом в Чулимске”, Сарафанов, Нина, Бусыгин, Таня, Колесов в комедиях “Старший сын” и “Прощание в июне”, Галина, Ирина в драме “Утиная охота”, Хомутов в водевиле “Двадцать минут с ангелом”.

К. З.: *Были ли какие-то существенные изменения в мировоззрении Александра Валентиновича в студенческие и последующие годы?*

А. Р.: Обычно мировоззрение, духовный фундамент начинают складываться у человека в ранней юности. Наверное, особый отпечаток в душе юного Вампилова оставила трагедия его отца: Валентин Никитич был репрессирован и расстрелян в марте 1938 года. Правда, в студенчестве разговоров с Александром на эту тему у нас не было. В общении с педагогами и сокурсниками Саня никогда не чувствовал себя таким изгоем. Но ведь рана, нанесенная всей семье, – она не заживала, кровоточила. Вероятно, боль от нее Вампилов чувствовал постоянно. На мировоззрение же его, кроме окружающей жизни, огромное влияние, думаю, оказала классика. Тут даже генетически, по наследству от отца, мог перенять он страсть к чтению, любовь к литературе. Валентин Никитич, сельский учитель, был большой поклонник русских классиков, имел немало книг. Так что Вампилов-младший не мог не приобщиться к чтению. Когда мы, несколько ребят из студенческой группы,

составили своего рода литературно-музыкальный кружок, то оказалось, что никто из нас всерьез не воспринимал постулаты тогдашней критики. Что-де литература должна воспитывать “нового человека”, показывать “советский образ жизни”, рисовать “положительного героя”. Уже в те дни Вампилов с дерзкой иронией записывал в свою книжицу: “Искусство существует для того, чтобы исказить действительность, потому оно и называется искусством”. “Узнать жизнь, узнать жизнь! Скорее ее не надо узнавать для того, чтобы быть поэтом”.

Исследователи почему-то начинают разговор о творчестве драматурга с его пьес, считая ранние рассказы и сценки Вампилова чуть ли не литературными пустячками. На самом деле уже в них виден тот художественный метод, который характерен для всего творчества писателя. Для Вампилова нет неинтересных героев. Духовная сущность любого человека привлекательна для него и поучительна для читателя. Конечно, мировоззренческая и творческая позиция драматурга со временем обретала цельность, его художественное мастерство росло, но болезнь флюгерства, так распространенная сегодня, не могла поразить его. Он был подлинным наследником русских классиков.

К. З.: *Какие примечательные поступки или суждения первыми вспоминаются Вам, когда заходит речь о личности Александра Вампилова?*

А. Р.: Я убежден, что в творчестве любого крупного, тем более великого писателя всегда проявляется его необычный характер — благородный, щедрый, искренний. Так, во всяком случае, обстоит дело с Вампиловым. Могу привести множество примеров, летучих, но надолго запомнившихся, когда мимолетный, будничная случай высвечивал коренные свойства его личности. Он был наделен особым даром товарищества. Для друзей он делал все, что мог: делился последним, бросался на помощь, откладывая срочное дело, нужную поездку, важную встречу. В смертную минуту он поступил по тем же законам товарищества. Когда лодка, на которой он плыл с другом, перевернулась и качалась на воде вверх днищем, он, зная, что его спутник не умеет плавать, крикнул: “Держись за лодку! Я поплыву к берегу, пришлю помощь”. Тот друг остался жив.

Вспоминаются его пристрастия в поэзии и музыке. Он любил стихи, отмеченные мучительными чувствами — горькие признания Лермонтова и Тютчева, Блока и Есенина. Омывающая душу печаль, ранние прозрения отражались тогда в его взгляде... Он клал на проигрыватель пластинку с записью романса Глинки “Сомнение” или арии Алеко из одноименной оперы Рахманинова, где звучали слова:

*Что ж сердце бедное трепещет?
Какою грустью я томим? —*

и мы затихали, словно это была прелюдия к каким-то провидческим минутам. А ведь Вампилов и мы, его товарищи, так часто пели, смеялись и дурачились! Он хорошо чувствовал трагическую подоснову мира, сочетание света и тени в человеческой жизни и человеческой душе. Его герои, как и он сам, их создатель, не знали легких путей к чистой жизни, к гармонии с самим собою, к совершенству. Когда-то Гоголь призывал строить в себе “внутреннего человека”. Гоголь, как и Чехов, был любимым писателем Вампилова. Драматург ни к чему не призывал, но на судьбе своих героев он наглядно показывал, как одни из них медленно и тяжело, со срывами и обвалами во тьму, подвигались к совершенству, а другие выбирали дорогу зла.

К. З.: *Вы уже говорили, что писать правду — это традиция отечественных классиков. Злобное очернение или неумная лакировка одинаково чужды подлинной литературе. Но вот пьеса “Утиная охота”. Есть ли в ней светлое начало? Не слишком ли безнадежна картина, нарисованная драматургом?*

А. Р.: Такой вопрос можно задавать в связи со многими произведениями русской литературы. Где светлое начало в таких шедеврах драматургии и прозы, как “Иванов” Чехова, “Живой труп” Толстого, “На дне” Горького, “Деревня” Бунина, “Яма” Куприна, многих других?

Говорят: человека формирует среда и время. Отчасти справедливо: среда и время, хотя каждый из нас — это частица пресловутой “среды” и при желании сам может сильно повлиять на среду; что же касается времени, то опять же мы сами определяем духовную атмосферу времени, каждый из нас своими способностями, своей деятельностью может повлиять на нее.

Свою душу, мировоззрение, характер формирует прежде всего сам человек. Среда и время, конечно, повлияли на Виктора Зилова. Вчерашняя система нередко подсовывала человеку вместо интересной работы ничемное дело, вместо духовной свободы – унижительные запреты, вместо подлинных идеалов – фальшивые лозунги. Но все же за свою судьбу ответственен прежде всего сам человек. Для Зилова, кажется, нет ничего святого, все – пустой звук: работа, семья, любовь, сыновние чувства к отцу, товарищество.

Но почему он вызывает сострадание, даже симпатию? Потому что умен, не меркантилен, способен на добрый поступок? Потому что безоглядно, бесстрашно обнажает свою безнравственность, опустошенность, безверие, цинизм? На это способен лишь человек с живой, а не с мертвой душой. И это вселяет надежду. Во всяком случае, хочется верить, что для Зилова еще не все потеряно.

А рядом с Зиловым – Галина, о которой автор с большой симпатией написал в ремарке: “В ее облике важна хрупкость, а в ее поведении – изящество, которое различимо не сразу и ни в коем случае не выказывается ею нарочито”. В своих сложных супружеских отношениях с Зиловым, причинившим ей столько страданий, она до конца ведет себя достойно. А еще есть другая жертва эгоизма и подлости главного героя – Ирина, доверчивая и чистая. Обе эти натуры не могут быть приравнены нравственно к недалекому и циничному окружению Виктора Зилова. Где же тут беспросветная и безнадежная картина жизни? Нет, здесь то же богатство судеб, то же богатство человеческих характеров, что и всюду на нашей неустроенной земле.

К. З.: *Еще один, может быть, странный на первый взгляд вопрос: как связаны между собой автор и его герой, в частности, Вампилов и Зилов? Сколько в Викторе Зиллове самого Вампилова?*

А. Р.: К моему удивлению, на эту тему рассуждают многие исследователи творчества драматурга. Если принять их логику, то можно спросить: а сколько Вампилова-студента в его ровеснике Колесове из комедии “Прощание в июне”? Или сколько Вампилова в музыканте Сарафанове?

Проблема тут, конечно, есть. Еще Пушкин в своем романе обмолвился, что приятельствовал с Онегиным, и добавил, какие черты характера этого человека нравились ему. Но ниже поэт написал, что он “готов отметить разность” между Онегиным и собой. То же сделал Лермонтов в предисловии к роману “Герой нашего времени”. Он посмеялся над “проницательностью” тех читателей, которые сочли, что автор изобразил в Печорине самого себя.

Видимо, легковых читателей и невдумчивых критиков сбивает с толку одна особенность художественного творчества. Рисуя героя, писатель постыжно сверяет его чувства, настроения, поступки с теми, которые он испытывал или совершал сам в схожих ситуациях. Правда образа обязывает автора быть очень точным, когда он рисует сложные переживания, неожиданные решения, алогичные поступки своего героя. Тот же Лев Толстой, работая над романом “Воскресение”, сказал однажды жене о Нехлюдове и Катюше Масловой, которые по его первоначальному замыслу должны были вступить в брак: “Знаешь, ведь он на ней не женится...” Логика взаимоотношений этих героев воспротивилась намерению писателя и продиктовала свою волю, которую автор, конечно, проверил собственным душевным опытом. Еще определенной на эту тему сказал о героине своего романа Флобер: “Госпожа Бовари – это я”.

Но нужно ли понимать такие утверждения буквально? Разумеется, нет. Автор дарит герою пережитое единственно для того, чтобы повествование о нем звучало правдивей, исповедальней и, значит, воздействовало на читателя сильнее, неотразимей. Так и у Вампилова. Какие-то совпадения житейских подробностей в судьбе автора и его героя, сходство переживаний, испытанных тем и другим, говорят лишь о том, что драматург добивался особой художественной достоверности изображаемого. Он словно сказал себе: то, что я взялся вывести на сцену, должно быть показано с беспощадной правдивостью, предельной искренностью, личной исповедальностью. Особенно это касается сюжетной линии: Зилов и его жена Галина. Тут есть отблеск пережитого самим автором. Сцена, когда Зилов и Галина вспоминают памятный для них день, или другая, когда Зилов произносит свои покаянные слова перед запертой дверью, за которой, как он думает – его жена, – эти эпизоды, необычайные по трагедийному накалу и открытости, исповедальности чувств, написаны пером, которое обмакивалось не в чернила...

К. З.: Как преподавать творчество Вампилова в школе? Что Вы посоветуете педагогам?

А. Р.: Открывать ребятам Вампилова как еще одного классика русской литературы. Изучать его художественный метод, особенности его драматургии, стилистику, язык, оригинальный юмор. Вампилова мало что роднило с советской драматургией и очень многое – с русской классикой. У него нет только “положительных” и только “отрицательных” героев – у него живые люди, наделенные достоинствами и недостатками. У него нет конфликтов, которые были так любезны тогдашней критике, конфликтов, в которых побеждает выдуманная идеологией мораль “нового человека”, а есть бесстрашное художественное исследование жизни.

Возьмите, например, такую нравственную проблему, как компромисс с бесчестностью, подлостью, продажностью. Прошли десятилетия со времени создания пьес “Прощание в июне”, “Утиная охота”, “Прошлым летом в Чулимске”, а драма человеческой души – приспособленчество, сделка с совестью не только не отпала, не притупилась, она, по крайней мере в России, стала решающей приметой времени. Трубадуры вчерашнего строя, в своих романах, пьесах, стихах, песнях до слез умиления прославлявшие его успехи, успехи и успехи, в одночасье и без угрызений совести сменили тон и краски, будто сменили очки, и наперебой заговорили о грязи и крови вчерашней жизни. Эти люди уже есть в пьесах Вампилова. Мерзкий Репников из комедии “Прощание в июне” даже и не скрывал, что в решительные минуты готов сменить свои “принципы”. А уж синтетический Калошин из “Провинциальных анекдотов” – тот в новые времена с большим удовольствием возглавит любую “контору” – и ту, к примеру, где болтают о воспитании нравственности, и ту, где обдуманно и цинично втоптывают ее в грязь. Но во всех пьесах Вампилова, как в жизни, есть и чудо непредсказуемости. Будто вырванные из шумного потока бытия в самый драматический, решающий момент судьбы, герои его произведений в конце опять отдаются автором этому грозному потоку жизни с его подводными камнями, смертельными водоворотами, стремительным, неуправляемым течением. При этом, как и в реальной жизни, будущая судьба героев обещает множество вариантов в зависимости от того, какие силы победят в их душах. Что ждет завтра Бусыгина, Сильву, Нину, Васеньку из “Старшего сына”? Какие пути выберут Валентина, Шаманов, Пашка из пьесы “Прошлым летом в Чулимске”? Погибнет или возродится душа Зилова? Такие персонажи – принадлежность классического искусства. Если юный человек задумается над их судьбой, значит, усилия школьных наставников не пропали зря.

ВАЛЕНТИНА СЕМЁНОВА

ИГРИЩЕ

Об “Утиной охоте” Александра Вампилова

Парадоксальность, свойственная творениям Вампилова, удивительным образом сопутствует его литературной судьбе. С одной стороны, итог, безусловно, важный: за эти годы общество осознало, что Вампилов – последний классик драматургии XX века, с другой, то “восторженное непонимание” драматурга, о котором критика говорила 30 лет назад (М. Туровская), продолжается по сей день. Более того, мы удалились от Вампилова по причине нашего общего постперестроечного “раскультивования” и падения театра.

О последнем прискорбном явлении удрученно писала “Литературная газета”, открывая дискуссию на тему русской драмы. И не кажется излишне заостренной рубрика “Предательство театра”, предвещающая вопросы: “Что мы имеем сегодня на родных подмостках, если попытаться обозреть всю картину с самого верхнего яруса? Труп классики – новаторски оскверненный или талантливо гальванизированный? Импортную комедию, очень смешную, но намертво забываемую на уровне гардероба? Череду бодрых и разудалых капустников?” и т. д.¹

Прилично ли говорить в подобных обстоятельствах о высоком назначении театра, тревожить тени великих, выдающихся и просто талантливых? Но достижения отечественной сцены не велят поддаваться унынию и заставляют ждать, и смотреть, и негодовать, и терпеть одно разочарование за другим.

Вампилова сегодня ставят главным образом к юбилеям, да еще в связи с фестивалем, который носит имя драматурга и проводится в Иркутске с 1997 года. Постановки по Вампилову присутствуют непременно – за шесть лет (фестиваль проводится раз в два года) их прошло около тридцати.

Кому-то чего-то удалось больше, кому-то меньше, но общее впечатление далеко не радужное и не радующее. И это при том, что вампиловский юмор, в какой раз ни читай, неизменно вызывает смех, а герои взывают к сочувствию. Но на сцене акценты расставляются так, что подтексты, рожденные в голове режиссера, желающего отличиться от других режиссеров, затемняют ясный вампиловский текст, а уж эти примитивные “оживляжи”, потуги сделать смешнее, чем у Вампилова, ничего кроме раздражения и усталости вызвать не могут.

Ранняя гибель драматурга, не дожившего совсем немного до своей настоящей славы, и трудная судьба его героев, беззащитных в доброту, не понятых в слабостях, отзываются одной болью в сердцах читателей и зрителей, и эта боль не проходит с годами, заставляя заново перечитывать, передумы-

¹ Тимашева М. Драма безволия // Лит. газета. 2008. 6–12 февр.

вать, искать причины недоволощенности образов, неузнавания того, что было увидено Вампиловым раньше других, но от чего предпочли отвернуться.

* * *

*Человек с двоящимися мыслями
не тверд во всех путях своих.*

Иак. 1, 8

Сложная, загадочная, неподдающаяся для постановки – такую славу снискала “Утиная охота” – лучшая, по мнению многих критиков и по мнению самого автора, что немаловажно, пьеса драматурга. С другими проще, они понятнее своими конфликтами, характерами, выводами, которые можно сделать в финале. В “Прощании в июне” (с более точным первым названием “Ярмарка”) остро столкнулись расчет и любовь, в “Доме окнами в поле” и “Старшем сыне” любовь побеждала, во второй из этих комедий побеждала, можно сказать, вдвойне. Не потому ли и судьба у “Старшего сына” счастливая – в 1971 году, еще при жизни Вампилова, пьеса прошла более 1000 раз в 28 театрах страны, став одним из лидеров сезона¹. Все объяснимо и в драме “Прошлым летом в Чулимске”, даже с учетом двух вариантов концовки – первоначальной трагической, с самоубийством Валентины, и той, что стала окончательным вариантом, – Валентина вновь чинит палисадник. Верно и то и другое: участь добра и чистоты гибельна в грубой действительности, в то же время есть примеры их стойкости наперекор всему, что предпочтительнее – не отнимается надежда.

В пьесе “Утиная охота” и в самом деле есть какой-то секрет, какая-то ловушка не только для режиссера и актеров, но и для зрителей. Попадая в нее, все вдруг оказываются не сторонними наблюдателями, а близкими свидетелями (не далекими от соучастия) не ими затеянного действия. Действия, от которого лучше держаться подальше. Оно обезоруживает беспощадной откровенностью, оголенностью внутреннего облика героев, завораживает игрой – столь же блистательной, сколько и опасной, ибо сближаются в ней смыслы с противоположными знаками. Один музыкальный перевертыш, когда траурная мелодия превращается в легкомысленную, чего стоит! А сама композиция пьесы: от конца событий к началу, потом опять к концу, оказываешься сразу в двух временах – настоящем и прошлом, каждое имеет свое течение; воспоминания героя то и дело перебиваются порывами к немедленному действию, находится место и мистике – видения, телефонные звонки, неизвестно чьи и откуда, наконец, пружина действия распрямляется на грани жизни и смерти... Внутри этой круговерти – выкрутасы героя. Он не знает сам, куда его несет: влюбляется – охладевает, обижает других – раскаивается, разочаровывается в себе – обличает окружение, готов застрелиться – переводит дуло на друзей... Пик этих качелей – состояние, когда “плачет он или смеется, понять невозможно”... Он ли, герой, играет со своей компанией, драматург ли со зрителями...

Каково все это представить на сцене!.. В том, что театр пока не справился, несмотря на отдельные относительные удачи, вина не одного театра. Сцена – зеркало жизни, это известно давно, и если общество прошло мимо каких-то вопросов, поставленных драматургом, или исказило их суть, то можно ли всю ответственность возлагать только на театр? Вряд ли.

* * *

Главная причина неудач в постановке “Утиной охоты” – в поверхностном прочтении текста, или, точнее сказать, в предвзятом прочтении, когда неоднозначность образов, противоречивость в поведении действующих лиц подгоняются под идею, которая давно владеет толкователем пьесы или рождается вдруг, неожиданно для него самого, под влиянием вырванной из контекста фразы. Торопливость, нежелание вчитываться, размышлять над созданием

¹ Нарожный В. С. Прижизненные постановки и отношения с театрами // Мир Александра Вампилова. Иркутск, 2000. С. 60.

художника, стремление навязать свое видение – это все характерные черты нашего отношения к первоисточнику. И получается, что о произведении спорят многие, не участвует только автор с его текстом.

Вопрос: а нужно ли сегодня перечитывать “Утиную охоту”? Не ушла ли она в прошлое вместе со своим мятущимся героем? Кому сегодня интересны его метания, сопровождаемые пьянством, что едва ли не соотносимо с клиническим случаем, живописно изображенным? И коль сегодня человек человеку не друг, не товарищ, не брат, а конкурент, то зачем разбираться с Виктором Зиловым – пусть падающий упадет скорее!

И все-таки разбираться стоит, хотя бы потому, что это, во-первых, классика, как уже признано, а во-вторых, совсем не помешает вернуться туда, откуда мы начали падать, да все никак не могли сообразить – падаем или нет, один ли виноват перед всеми, все ли перед одним... Подумаем еще раз, вдруг да и пригодится.

* * *

Будем въедливы и начнем с жанра.

“Утиная охота” обозначена как пьеса. И хотя автор в начале работы над ней называет ее трагикомедией, что следует из его письма Е. Якушкиной, но на выходе осталась пьеса¹. Согласно словарю: “пьеса, 1. Драматическое произведение для театрального представления. 2. Небольшое музыкальное произведение. 3. (Устар.) Небольшое литературное произведение (обычно стихотворное). (Франц. *pièce*)” (Современный русский язык. В 4-х тт., т. 4, 1987). Но почему тогда “Прошлым летом в Чулимске” – драма, а “Утиная охота” – пьеса? Дополнительный оттенок находим в Словаре Даля: “пьеса, фрн. (*pièce*), музыкальное сочинение или // драматическое представление, игрище”.

Вот-вот – игрище. Нечто большее, чем просто игра. И музыка – часть игрища. На фоне причудливых, если не сказать кошунственных, ее превращений и разворачивается судьба-спектакль Виктора Зилова.

* * *

Появление Зилова в конце 60-х годов ушедшего века вызвало шок и отторжение. Е. Стрельцова в своей книге “Плен “Утиной охоты”, кстати сказать, написанной искренне и трепетно, с верно выбранным эпиграфом (что, однако, не отменяет нашего несогласия с автором в трактовке образа Зилова), приводит мнения критиков советской эпохи о новом герое. При небольших расхождениях они смотрят на него примерно, как К. Рудницкий, назвавший Зилова “редкостным образчиком цинизма”².

Но постепенно, примерно к 80-м годам, начинается оправдание Зилова. Так, иркутянин Н. Антипов в книге “Наедине с совестью” в 1981 году пишет: “Зилов не лишний для жизни. Он самый нужный для нее. И нужный именно таким вот пробудившимся, недовольным собою и обывательским бытом”³. В его же статье в сборнике “Мир Александра Вампилова” слово в защиту Зилова взмывает до высот необычайных: “И он (Зилов. – **В. С.**), имея в сердце неизмеримые драгоценные духовные сокровища, идет навстречу давно омертвевшим душам (имеются в виду офицант, Кушак, Саяпин. – **В. С.**)”. “Зилов – человек особой отмеченности, выделенности, некоторой природной исключительности” (курсив авт. – **В. С.**). “Неповторимый”, “уникальный”, “единственный”⁴.

Москвичка Е. Стрельцова в вышеупомянутом исследовании солидарна с Н. Антиповым и хотя восклицает, что не оправдывает Зилова, однако пи-

¹ Вампилов А. В. Стечение обстоятельств: Рассказы и сцены; фельетоны; очерки и статьи. Иркутск, 1988. С. 400.

² Стрельцова Е. Плен “Утиной охоты”. Иркутск, 1998. С. 230.

³ Там же. С. 231.

⁴ Антипов Н. П. Виктор Зилов как литературный архетип // Мир Александра Вампилова. С. 261–264.

шет: “Речь идет о реабилитации Виктора Зилова как живой и совестливой личности, о трагической вине героя и его беде... О резком отделении этого образа от понятия “зиловщина”¹. До 1977 года, сетует автор, это ее мнение не принималось к публикации.

Даже В. Распутин, вначале весьма резко отозвавшийся о Зиллове: “Зилов – это не просто герой, один из героев вампировских пьес, это тип, явление далеко неординарное и безопасное, и с “зиловщиной”, пустившей глубокие социальные корни, нам впереди еще бороться и бороться, страдать от нее и страдать”² – хоть и не меняет своего отношения к нему двадцать лет спустя, утверждая, что это “нерядовая личность, спустившая себя по мелочам, по пустякам”, однако же смягчает тон, вкладывая в уста Зилова, раздумавшего покончить с собой, такие доводы: “Ты (автор пьесы. – В. С.) не написал меня отпетым, никчемным и пропащим человеком, о котором, как об отце братьев Карамазовых, напрашивается вопрос: “Зачем живет такой человек?” Ты дал мне ум, совсем не злой, дал способности и обаяние, позволь мне положиться на них”³.

Таков разброс мнений.

А теперь дадим слово автору и обратимся к страницам “Утиной охоты” еще раз.

* * *

Начало истории – первые картины воспоминаний Зилова. Мы видим перед собой достаточно жизнерадостного и достаточно благополучного героя. Он живет предвкушением отпуска с охотой на уток, мечтает стать метким стрелком, радуется, что получил квартиру (“сам не верю”), отмечает новоселье. Доволен подарком четы Саяпиных – охотничьим снаряжением. Развлекается тем, что, пытаясь отделаться от надоевшей любовницы, предлагает ее своему начальнику. И хотя уже чувствуется в поведении Зилова “небрежность и скука”, но еще вполне ощутима “уверенность в своей физической полноценности”. Последнее звучит странно, не правда ли? Возьмем на заметку, но не будем останавливаться – Зилов определенно хорош собой, он обаятелен, он способен очаровать юную Ирину и сам искренне очарован ею, при этом не спешит расставаться с женой, не желает ее терять. В общем, это грешный, но живой человек, которому хочется пожелать поскорее распутать завязавшиеся узлы. Одна из ошибок постановщиков – они нередко проходят мимо вот этого, пока всего лишь настораживающего озорства героя, драматизируя его образ сразу.

Однако с каждой новой картиной узлов становится больше, они затягиваются туже. Совершен подлог на работе; жена, перестав верить, избавляется от беременности; отменяется поездка на похороны отца. Дальше – уже обвалы: разрыв с женой, пьяный скандал в кафе с оскорблением всех, попытка самоубийства, новый скандал с друзьями, уже на трезвую голову, и – успокоение, звонок напарнику по охоте: “Извини, старик, я погорячился...”

Перед нами картина распада, совершенно очевидная. Другое дело, она вызывает не только осуждение, но и сострадание, и есть тому причины, иначе бы спорить было не о чем. Мы не обойдем этого, но сначала возразим защитникам Зилова.

* * *

Оправдание главного героя “Утиной охоты” далеко небезвредно. И мы все не собираемся морализировать по поводу его “заносов”. Важнее другое: посмотреть, как неверная логика в толковании характера Зилова приводит

¹ Стрельцова Е. Плен “Утиной охоты”. С. 233.

² Распутин В. Истины Александра Вампилова // Распутин В. Что в слове, что за словом? Иркутск, 1987.

³ Распутин В. С места вечного хранения // Распутин В. В поисках берега. Иркутск, 2007. С. 347.

к искажению характеров других персонажей и тем самым к искажению смысла пьесы.

То и дело слышишь о том, что Вампилов не осуждал своих героев, а страдал им. Но почему такой подход относится только к Зилову? Как так случилось, что на всех остальных мы стали смотреть не с вампиловским сочувствием, а с зиловским раздражением?

В результате, например, Кушак, невредный начальник, помогающий молодым сотрудникам получать квартиры, “решительный и деловитый” “на работе”, согласно ремарке, и “нерешительный и суетливый” “вне учреждения”, у Н. Антипьева вырастает в неоправданно зловещую фигуру. Хотя критик вынужденно признает: “Вампилов снисходителен к подобного рода персонажам: что с них возьмешь”¹. Так и верно, что с них возьмешь! Мелковаты... Кушак, бесспорно, пошел, и свою пошлость боится показать, и заслуга ли Зилова, что именно он дает ей ход наружу, инструктируя шефа, как добиваться хорошенькой женщины? Это еще одно “доброе” дело нашего героя.

Саяпин тоже утяжелен винами. Почему-то все уверены (полное единодушие критиков), что засекли этого незадачливого парня на коварном намерении завладеть квартирой Зилова после его смерти. Поверили Зилову больше, чем автору! Но автор не дает на то оснований.

Главная черта Саяпина (читаем ремарку) – простодушие (синоним: бесхитрость, доверчивость, СРЯ. В 4-х тт. Т. 4. 1987), на что указывается не однажды. И нельзя согласиться с Н. Баландиной, которая считает, что слово “вид” в ремарке о Саяпине “Вид у него весьма простодушный” означает умение “быть разным в нужные моменты, принимать на себя какой-нибудь вид с целью ввести в заблуждение”² (то есть – прикидываться). А как быть со следущими за этой фразой словами: “Он любит посмеяться. Часто смеется некстати, иногда, даже себе во вред, не может удержаться от смеха”? Где же здесь притворство? И в ремарке об Ирине автор предупреждает: “В ее облике ни в коем случае нельзя путать... душу с простодушием” – этим противопоставлением Вампилов отодвигает “простодушие” в более низкий ряд, ближе к простоте, которая, согласно поговорке, хуже воровства. Вот это как раз про Саяпина, что и подтвердит так повредивший ему разговор о зиловской квартире в неподходящую минуту.

Обратимся же к этой сцене, одной из ключевых в пьесе, чтобы прояснить образ Саяпина, и не только его.

Итак, друзья мрачно и зло пошутили – прислали траурный венок живому Зилову. Сделали они это в отместку за устроенный им скандал в “Незабудке”, после которого им же и пришлось мертвецки пьяного приятеля по дождичку тащить домой. Наутро, не в силах вынести физических и нравственных мучений, Зилов принимает решение покончить с собой и звонит друзьям, приглашая на собственные поминки. (Его хватает на ответный ход: прислали венок – получайте похороны.)

Кузаков и Саяпин примчались тотчас. Плохие или хорошие, но они не дали Зилову застрелиться – Кузаков выхватил ружье. Они явно пожалели о розыгрыше.

“Кузаков. А что касается венка, я готов просить у тебя прощения... Я в этом не участвовал, но о венке я знал, значит, и я тут виноват”. И вполне логично, что, напуганные видом Зилова, его приготовлениями, прочитавшие его предсмертную записку, они начинают отговаривать его от его замысла. Он не хочет слушать, не верит раскаянью Кузакова, гонит обоих вон. Друзья не уходят, и следующее побуждение Саяпина, опять-таки естественное, отвлечет Зилова разговором. Но во что это выливается в пьесе-игрище!

“Саяпин. Ребята. Что же вы молчите? Поговорим о чем-нибудь, а? (Маленькая пауза.)

(Простодушно.) Витя, ты замечаешь, у тебя полы рассыхаются... Придется ремонтировать. (Поднимается, подходит к кухонной перегородке и стучит по ней.) Картон... Картон и штукатурка. Халтура... Плохо стали дома делать... (Подходит к другой перегородке.)

Зилов наблюдает за ним с возрастающим любопытством”.

¹ Антипьев Н. П. Виктор Зилов как литературный архетип // Мир Александра Вампилова. С. 280.

² Баландина Н. В. Речевые приемы создания ремарок-характеристик в пьесах Вампилова // Мир Александра Вампилова. С. 30.

Юмор в том, что говорить ни о чем, как о квартире, находясь у Зилова, Саяпин не может. Мы знаем, с каким нетерпением он ждет своей очереди, уверен, что Кушак поможет и ему — ни тени сомнения. “Обещал — делает. Ты получил, и я получу”, — говорит он Зилову в день новоселья. Да, Саяпин завидует Зилову, а вид рассыхающихся полов искренне его огорчает, как будто это его, Саяпина, недавно полученное жилье уже требует ремонта. Вот этот-то заинтересованный, ревнивый взгляд и уловил Зилов и умело им воспользовался, чтобы обрушить невыносимый груз своих переживаний на друзей. Так он поступает не впервые. И Кузаков совершенно прав, когда говорит Зилову: “Перестань, ты его не так понял”.

Саяпин не способен на столь чудовищную злонамеренность. Он слаб характером, дома им командует жена, на работе верховодит Зилов. Вспомним, как он принуждает его подписать вместе с ним липовый проект, и Саяпин поддается, хотя и боится потерять замаячившую квартиру. В момент разоблачения не говорит правды, попросту отказывается от всего: “Я не в курсе этой статьи. Ее готовил Зилов. Я ему доверил”. В этом эпизоде Вампилов хорошо показал, как просто и буднично может выйти предательство. Ведь никакого коварства со стороны Саяпина не было. Сначала он всего лишь уступил злу — предложению Зилова пойти на обман, а потом и сам содеял зло, оправдываясь. Со своей совестью, наверное, договорился так: я не виноват, я же не хотел этого, Зилов все затеял — пусть и отвечает. И вполне в духе Вампилова, что сочувствие вызывают оба: жаль Саяпина, когда Зилов буквально дожимает его поставить свою подпись, но жаль и Зилова, вынужденного отвечать в одиночку, пусть он и больше виноват.

В сцене с квартирой проявилась приземленность природы Саяпина, элементарность его запросов к жизни. То, как он ходит, постукивая по стенам и все больше увлекаясь осмотром, симпатий к нему вызвать не может. Вот почему мы так легко верим Зилову в его подозрениях. Тем более — на наших глазах Зилов едва не расстался с жизнью — что ему квартира! Вот в таком настроении мы и встаем рядом с Зиловым в гордую позу обличителей.

Встаем, не замечая, что Зилов повторил с Саяпиным то же самое, что когда-то с Галиной, только грубее. Это произошло во время их объяснения в кафе в день прихода телеграммы о смерти отца. Галина признается, что получает письма от друга детства. Причина признания — она снова убедилась в своей ненужности Зилову, который отказывается взять ее с собой на похороны и вообще хочет поскорее отослать домой. Но Зилов этой причины не видит или не желает видеть. Он имеет право возмутиться: “И ты решила сказать мне об этом именно сейчас?” Галина не может не почувствовать себя виноватой. Зилов же свое право возвышает до патетики: “Ты понимаешь, до чего ты дошла?! И чтобы такую женщину я привел на могилу своего отца?” Галина потрясена: “Ты с ума сошел! Сам не знаешь, что ты говоришь...”

Точно так же потрясен Саяпин и точно так же восклицает: “Старик, ты с ума сошел!” Но Зилова уже не остановить: “Бросьте, ребята, не будем сентиментальничать, чего уж тут. Признайтесь, вам обоим это на руку” и т. д.

Вот так Саяпин, жертва зиловской демагогии, становится невиданным негодяем.

Другое дело официант Дима. Тоже приглашенный Зиловым, он появляется позже, хотя его кафе рядом. И он тоже заводит отвлекающий разговор на тему охоты (каждый о своем): дескать, заряды у тебя ненадежные. Берет у Саяпина патрон, вынутый Кузаковым из ружья, и, сообщив, что дождь кончился и можно выезжать, “играючи” вставляет патрон обратно. Зачем? Подталкивает к самоубийству — догадается не в меру проникательный читатель. Да нет... Затем, что Дима пока что не верит в серьезность намерений Зилова. Зная характер Виктора, он действует по своей программе: собирается на охоту, зовет напарника с собой, пытается урезонить: “Спокойно. Возьми себя в руки!..” А когда до него доходит, что здесь все может случиться, не прочь воспользоваться “расстройством” Зилова и “если что”, прибрать его лодку к рукам. Ему не особенно важно, что будет с Зиловым, хочет — живет, хочет — не живет, он-то тут при чем? Но зачем же лодке пропадать!

Материализм — главная черта официанта, и к нему не применимы понятия идеального мира: совесть, долг, вера, сострадание. Он ни добр, ни зол — рационален. Автомат, биоробот. Вот почему он “жуткий” и “ужасный”. Вампилов не любил материалистов, и эта определенность отношения выразилась

в том, что образ официанта не вызывает разнотолков. Речь может идти только о деталях. Бессмысленно, например, предъявлять официанту претензии за то, что он исподтишка бьет пьяного Зилова в ответ на его “Ты лакей”, а после не признается в этом. Здесь не столько трусость, сколько расчет: Зилов ведь все равно не помнит, а расскажи ему, может и не поверить и начать новые разборки. Зачем? И своя, мелкая, правда: он меня унижил — я ответил (Дима, наверное, все-таки считал себя другом Зилова, в меру своего понимания дружбы). И никакого снисхождения к пьяному, это не Кузаков с Саяпиным, которых было нетрудно остановить Вере одним возгласом: “Не будете же вы бить пьяного?”

Но в конце концов выбирает Зилов именно его, официанта Диму — вот в чем дело.

А не, допустим, Кузакова. . . От него — все дальше и дальше. А между тем Кузаков достоин более справедливого отношения не только со стороны Зилова, но и со стороны всех нас.

Автору этих строк уже приходилось, и не однажды, писать о Кузакове (впервые 25 лет назад) как о единственной фигуре, которая противостоит Зилову¹. Нельзя сказать, чтобы этого совсем не замечали, но. . . Так, В. Курбатов писал в 1987 году: “Может быть, один Кузаков. . . противостоял Зилову. . .” В. Курбатов в целом верно, на наш взгляд, оценивал этот образ, видя силу Кузакова именно в спокойствии и незаметности, что особенно раздражало Зилова. Но критик скоро спохватывается: “. . . пожалуй, я тут придумываю этот необходимый позитив” и, напоследок отметив, что “Кузаков — парень нормальный”, уравнивает его с остальными: “Они все нормальные, просто люди, а Зилов не хочет просто”².

С годами для Кузакова ничего не изменилось, и рядом с Сарафановым и Валентиной он никогда не упоминается. Отсутствие “яркой внешности”, его “задумчивость”, “самоуглубленность”, “умение слушать других”, спрятанные за непрезентабельной одеждой, прочно задвигают Кузакова на второй план, где он и пребывает. Режиссеры не знают, что с ним делать, рисуют его то смешным, то нелепым, то прекраснородушным романтиком, опять-таки смешным. А то, что именно Кузаков один из всех увидел в Вере человека и вывел из круга аликов, что он один говорит Зилову правду о нем, пытается разубедить в искаженном восприятии жизни, наконец, что это в его уста вложена автором фраза, которая трижды звучит в пьесе как приговор: “Жизнь в сущности проиграна” — все это ничего не стоит в глазах увлеченной игрищем публики! Более того, Н. Антипов, например, предъявляет Кузакову нешуточные обвинения в предательстве.

Первое — в розыгрыше с венком. Но у нас нет никаких оснований не верить признанию Кузакова: “В этом я не участвовал, но о венке знал” — и искренности его раскаянья. Второе — когда Зилов, овладев ружьем, заставляет всех уйти: “Все алики исчезают, в том числе и Кузаков. Оставляя Зилова наедине со смертью. Ситуация ошеломляющая”³. В беспочвенности этого обвинения нетрудно убедиться, если внимательно и без предвзятости перечитать текст про то, как Зилов разворачивает ружье от себя на друзей, внезапно преобразившись в борца за свое имущество. “Уже слетелись? — злобно вопрошает он. — Своего вам мало?.. Крохоборы!.. Но теперь вы у меня ничего не получите”.

Кузаков дольше всех стоит под нацеленным дулом, упорно повторяя сначала “Врешь”, потом “Не уйду”, до тех пор, пока официант не вытаскивает его из комнаты. (Кстати, надо отдать должное официанту. В столь острый момент он действует с охотничьей сноровкой: трезвая оценка опасности, быстрая реакция. Будучи сильнее и хладнокровнее других, он пытается взять инициативу в свои руки, однако поединок с вооруженным Зиловым проигрывает.)

Предательство Кузакова, видимо, в том, что он не подставил свою голову под выстрел.

¹ Семенова В. Отошли Вампиловские дни. . . // Лит. Иркутск. 1988. 31 марта. С. 6–7.

² Курбатов В. В глубь уходящих и мерцающих звезд / Предисл. к кн.: Александр Вампилов. Утиная охота: Пьесы. Иркутск, 1987. С. 18.

³ Антипов Н. П. Виктор Зилов как литературный архетип // Мир Александра Вампилова. С. 275–276.

Да, друзья оставляют Зилова с ружьем в руках. Уходит со всеми и Кузаков¹. Но надо принять во внимание: Кузаков и Зилов вообще сильно расходятся к концу пьесы. Разный наклон судьбы – Зилов все теряет, Кузаков, напротив, находит свою любовь. Он окрылен и не видит всей драмы Зилова. Это следует из его слов в той же сцене с ружьем: “Да что же все-таки случилось? В чем дело?.. Чем ты недоволен? Молодой, здоровый, работа у тебя есть, квартира, женщины тебя любят. Живи да радуйся. Чего тебе еще надо? – И дальше: – Кому она нужна, твоя смерть, подумай сам... А если тебе не нравится твоя жизнь, ну и отлично, живи по-другому, кто тебе мешает? И не суди по себе, не думай о людях скверно”.

Здесь более всего справедливы последние слова “не суди по себе”, что же касается предыдущих – в них тоже правда, но не вся. Убеждая друга не судить по себе, Кузаков как раз судит по себе, как счастливый человек. И его давешнее невеселое наблюдение о проигранной жизни, которое мы привыкли распространять не только на Зилова, но и на всех остальных, теперь к нему, Кузакову, отношения не имеет.

Несчастье Зилова и счастье Кузакова – еще один, незамеченный конфликт пьесы.

Ружье, наведенное Зиловым именно на Кузакова, говорит об их глубоком расхождении, как и ответ Зилова на призыв Кузакова “жить по-другому” – “Толя, гони этого праведника из своей квартиры”.

Вполне правомерно задать вопрос: что же мешает увидеть Кузакова в пьесе как носителя добра? Внешняя незаметность – да. Но и другое, более важное. Кузаков не пытается встать над всеми – он один из всех. Он противостоит среде внутри среды, а это неизмеримо труднее, чем извне. Вспомним Чацкого из “Горя от ума”, который, по возвращении из дальних странствий, вдруг нашел общество донельзя закосневшим и бросился это общество обличать. Кузаков не обличает – скорее увещевает того же Зилова. Более того, он берет на себя, точнее, за себя грех своей среды – Веру. И потом, мы почему-то забываем, что все добрые люди в пьесах Вампилова – это не герои-победители в сверкающих одеждах, а люди весьма скромные, неброские на вид, много претерпевшие в жизни, зачастую жертвы обстоятельств.

В чем можно упрекнуть Кузакова, так это в излишней доверчивости. Не всякий согласится с ним в его восприятии Веры: “Она совсем не та, за кого себя выдает”. Недооценивает он и Зилова, когда однажды скажет, что всегда считал его всего лишь “мелким шкодником”. Да он и не оценивает, ни Веру, ни Зилова – Веру он любит, Зилов – его друг, и друга он не судит, лишь одергивает, когда тот совсем уж зарывается.

Такое отношение – приятие без опаски – к ближнему опять-таки характерная черта лучших из вампиловских героев. Не имеющие зла в себе не подзревают его в других. Разве предвидела Валентина, чем кончится ее поход с Пашкой на танцы? Она просто пожалела его и никак не ожидала в ответ насилия. Доброта и недоверчивость по Вампилову – вещи несовместные.

Таким образом, зилловская компания выходит весьма неоднородной. Перед нами разные характеры, разный нравственный уровень – вот что главное. Именно это имея в виду, только и можно пытаться разгадывать загадку “Утиной охоты”, загадку ее главного героя.

* * *

Принято противопоставлять Зилова остальным действующим лицам пьесы. А через них и обществу. Это давняя известная практика социального подхода. Мы так изучали классику: “Чацкий и фамусовское общество”, “Онегин и высший свет”, “Страдающие эгоисты Арбенин и Печорин”, жертвы своей социальной среды и ее обличители...

¹ В одном из вариантов этой сцены Кузаков уходит сознательно, даже демонстративно. Более того, со словами “На, стреляйся” он отдает Зилову ружье, понимая, что Зилов начал блефовать и никакого самоубийства не будет. Так и происходит. (Александр Вампилов. Драматургическое наследие. Иркутск, 2002. С. 616). К слову, семь фрагментов варианта “Утиной охоты” свидетельствуют о том, что Вампилов много работал над характерами своих героев. Так, первоначально образ официанта был более однолинеен. В сцене с попыткой самоубийства Зилова он вообще отсутствовал, и вовсе не с ним собирался Зилов на охоту.

Вопрос на самом деле интересный. Прогрессивный герой опережал общество в развитии и потому получал право презирать его и обличать. И не важно, что сам он принадлежал к этому обществу. Но почему не важно? Не обличают же образованные дети своих малограмотных родителей. Не смотрят свысока на родную деревеньку или родной городок те, кто прославился в столицах. Всякое высокомерие в подобных случаях справедливо осуждается. И потому многие, напротив, стремятся помочь тем, кого они переросли, да еще так, чтобы не обидеть.

Мы, наверное, слишком всерьез восприняли героев-протестантов, которые необходимы писателю как прием. Это они, писатели, осуждают пороки общества, но осуждают устами своих героев. И уже в том ответственность читателя, если он романтизирует такого героя, да еще пытается ему подражать! Оттого так смешон бывает молодой человек, принимающий разочарованную позу Онегина или Печорина. Совсем иное дело подражать герою-защитнику, герою-освободителю!

В ряд жертв-обличителей общества ставится критикой и Зилов. Насколько это правомерно – давайте посмотрим.

Для полноты картины прежде зададимся вопросом: откуда приходят люди в общество? Правильно, из семьи. О семье Зилова сведения очень скудные, но кое о чем догадаться можно. Например, о том, что Зилову, вероятней всего, не пришлось испытывать нужды в детстве, как пришлось самому автору пьесы и многим его сверстникам, родившимся в конце 30-х годов XX столетия. Если отец героя стал персональным пенсионером, значит, занимал в свое время достаточно высокое положение. И мы не знаем, истинными были его заслуги или мнимыми – его письмо никаких сведений на этот счет не содержит. Известно одно: старик-отец зовет сына повидаться, предчувствуя близкую смерть, а сын его предчувствиям не верит. Мы вынуждены гадать: или сын когда-то разочаровался в отце, или дитя было просто избаловано. Ведь Зилов равнодушен и к матери. О ней – совсем ничего, одна просьба отца: “и мать надо утешить”.

Во всяком случае, по словам “ты, как говорит мой папаша, ленив и развращен”, процитированным Зиловым Саяпину и, очевидно, сказанным когда-то в адрес Зилова-младшего, по зиловским выражениям “старый дурак”, “лежит, собака, ждет” – можно судить, что в семье с воспитанием сына не заладилось.

Теперь вернемся к ремарке о Зилове, той, самой первой. Она как раз подтверждает нашу версию предыстории героя. В ремарке говорится о том, что молодой человек (около 30 лет) “довольно высок, крепкого сложения; в его походке, жестах, манере говорить много свободы, происходящей от уверенности в своей физической полноценности. В то же время и в походке, и в жестах, и в разговоре сквозят некие небрежность и скука, происхождение которых невозможно определить с первого взгляда”.

Если вдуматься, характеристика содержит мало хорошего. Весьма прозрачно намекается на самоуверенность, самонадеянность героя. Хуже того, словосочетание “физическая полноценность” отдает биологией, понятием “самец”, плюс “небрежность и скука” – известные спутники пресыщенности жизнью.

Удивительное дело! Чем больше вчитываешься в пьесу, тем больше невнимательности обнаруживаешь по отношению к ремаркам. А ведь у Вампилова ремарка особенная – развернутая, обстоятельная, с оценкой характеров и поведения персонажей, но не любовой, а психологически тонкой и точной. Этим он вошел в энциклопедии, но остался не прочитан теми, для кого это все было написано.

“Много свободы” и самоуверенность – путь к победе, не зря имя Зилова – Виктор (победитель). Ведь по сути он добивается всего, чего хочет. От Галины – чтобы прощала, от Ирины – чтобы любила, от Саяпина – чтобы подписал “липу” вместе с ним, он уже и своим начальником руководит “вне учреждения”. . . Ум и артистизм помогают ему в этом. Почему же нас не ужасают такие “победы”? Почему нас прельщает яркое зло и оставляет равнодушными некрикливое, искреннее добро? Не сказалась ли на восприятии “Утиной охоты” искаженность общественного сознания, его неспособность воспринять пьесу на высоте авторского видения наступательной беззастенчивости? . .

Зилов оказался без настоящего дела, без служения. Насколько проще было обрести себя следователю Шаманову из “Прошлым летом в Чулимске”:

любовь Валентины окрыляет его, и первое, что он делает – отправляется отстаивать справедливость в своем следовательском деле. Ему есть куда направить силы. А куда их направить Зилову? И в чем виновато перед ним общество? Разве что в потакании его распущенности, в бессилии остановить его куражи.

* * *

Было бы просто судить об “Утиной охоте”, если бы речь шла об одних куражах легкомысленного человека. Но не раз и верно отмечалось, что к героям Вампилова трудно приложимы понятия “положительный” или “отрицательный”. Так, Дергачев из только что упомянутой драмы при всей его пьяной грубости вызывает сочувствие, тогда как курсант Кудимов из “Старшего сына” отторгает своим стремлением добиться правды и немедленно объявить ее.

Вот и Зилов вносит смятение внезапно заговорившей в нем совестью. Еще бы! Казалось, уже нет предела цинизму, и вдруг – человек-то, оказывается, все понимает! К раскаявшемуся грешнику – особое великодушие, и мы готовы простить все.

Да и как может быть иначе, кого может оставить безучастным знаменитый монолог Зилова перед дверью, обращенный к Галине? Зилов говорит “искренне и страстно”, он беспощаден к себе: “Я сам виноват, я знаю... Я тебя замучил, но, клянусь тебе, мне самому опротивела такая жизнь... Что со мной делается, я не знаю... Не знаю...”

В этих словах – боль страдающей души, ощущение края бездны. Зилов наконец увидел себя, каков он есть, и ему стало жутко. “Помоги мне! Без тебя мне крышка”, – взывает он к той, что так долго его терпела. Он хочет удержать Галину любой ценой, всем, что у него есть. Это все, святая святых – утиная охота. Он готов взять Галину с собой, “...ни одну женщину. Только тебя...” И какой неподдельный восторг перед великолепием природы! Зилову доступно самое высокое из человеческих чувств – благоговение.

Его исповедь открывает в нем присутствие духовного начала, которое есть представление об идеальном и способность к раскаянию. Для Зилова идеальное – в чувстве единения с природой, растворенности в ней в момент созерцания картины восхода солнца над туманом озера. Ради этого мига он живет и ждет его целый год. Он испытывает, безусловно, религиозное чувство, недаром звучат такие слова: “Это как в церкви и даже почище, чем в церкви...” – в своем переживании он интуитивно обращается к образу святости.

И здесь не хочется возражать защитникам Зилова, считающим, что вот оно, его возрождение, уже началось! И хочется не соглашаться с В. Курбатовым, такой надежды не имеющим: по его мнению, утиное озеро для Зилова – “единственное место, где он был на краткое время жив, но к концу пьесы, кажется, и туда поедет трупом – спокойным убийцей вроде дружка Димы”¹. Нет, говорим мы, есть, есть в Зилове хорошее, и может, оно еще не погибло!..

Но духовное, как известно, выше душевного, и мы не должны забывать, что обожествление природы есть признак язычества. Словно мгновенной вспышкой высветил Вампилов состояние своего героя-современника, жаждущего высокого и вечного, но устремленного в духовном поиске к земному.

В связи с этим открывается целая тема под названием “Религиозность советского человека”. Но мы не будем в нее вдаваться, напомним только, что речь идет о времени, когда путеводные звезды социализма, утверждаемого на материалистических принципах, стали тускнеть, и человек, не нашедший своего бога в творческом труде или иной сфере, устремлялся к какой-нибудь отдушине: на природу, рыбалку-охоту, в горы, просто “за туманом, за запахом тайги”. Подобные занятия не вмещало модное западное словечко “хобби”. Недаром Зилов грубо обрывает Кушака, назвавшего таким словом утиную охоту: “Какое еще к черту хобби! Охота она и есть охота. (Фыркнул.) Хобби! Чем говорить такие пошлости...” и т. д.

Надо ли объяснять, что человек находил в этих отдушинах лишь временное утешение, недолгое счастье, сплошь и рядом продолжая быть несчастным в повседневной жизни. Не подчиненная большой цели, она становилась прозябанием, и об этом было немало сказано советской литературой.

¹ Курбатов В. Слово о Вампилове // Мир Александра Вампилова. С. 9.

Молодые герои Вампилова вроде бы страшно далеки от мысли о Боге. Они хотят жить весело и получать удовольствия от жизни. Однако совесть, эта посланница Бога, вершит свой суд над их поступками, и вопрошающий голос Достоевского: если Бога нет, значит, все позволено? – так и витает над страницами, полными юмора и парадоксов. И видимо, совсем не случайно в пьесах драматурга, внука православного священника (а детей в семье Вампиловых воспитывала бабушка, вдова этого священника, репрессированного в 30-е годы), то и дело проскальзывают слова и фразы, исполненные религиозного смысла. Это уже приведенное сравнение рассвета на озере с церковью; брошенное Зиловым об Ирине: “Она же святая”; слова Галины о том, что ей хотелось бы обвенчаться с Зиловым в церкви, и упомянутая церковь-планетарий... Вспомним и Шаманова: “... Я подумал: если бог есть, то сейчас я тебя встречу... Кто докажет мне теперь, что бога нет?...” Можно упрекнуть героя в упрощенном толковании божественного присутствия, но, с другой стороны, чем ему еще обозначить чудесный поворот в судьбе?

Драма Зилова – это драма безверия, и сам Вампилов говорил об этом. Известны свидетельства тех, кто хорошо знал драматурга. Одно из последних – в воспоминаниях Т. Бусаргиной, где она передает мысль Вампилова об “Утиной охоте”. “Во всю пьесу проходит, как тень отца Гамлета, наша духовная опустошенность, наша душевная неряшливость, когда мы не можем отличить подлость от невинной шуточки”¹.

* * *

Другое упование Зилова – любовь к женщине.

Он отдается этому чувству настолько безоглядно, что остается лишь гадать, чего здесь больше – легкомыслия или искренней, до самозабвения, влюбчивости. Встретив Ирину, он вмиг теряет голову, бросается вслед со словами: “Может, я ее всю жизнь любить буду”. Раньше, видимо, так же бросался за Верой, еще раньше – за Галиной. И во всех трех вызвал ответное чувство. Чего он ищет? К кому привязан больше?

Последнее объяснение с Галиной говорит о том, что дорожит он именно ею. Во всяком случае, только к ней обращены слова признания – “Я люблю тебя”, и когда вместо Галины появляется Ирина, он “поражен, растерян”. Игра, в которой Зилов не знает границ, возвращается бумерангом, и, сбитый с толку, он говорит Ирине первое, что приходит в голову, машинально врет. От ответа на ее вопрос – “Ты в самом деле меня так любишь?” – уклоняется: “Как?” – “Так, как ты сейчас говорил”. – “Ты что, сомневаешься?” После ее вопроса: “Когда мы поедем на охоту?” раздражается смехом, потом отмахивается: “Скоро, скоро поедем”.

Все женщины в “Утиной охоте” (кроме Валерии) – по первому взгляду жертвы Зилова, его непостоянства. Он заставляет страдать жену, с легкостью обманывает ее; увлеченный Ириной, выказывает равнодушие к сообщению Галины о будущем ребенке, в ответ на просьбу увидеться приводит убийственный аргумент: “Ведь не сию же минуту он у тебя будет”. И Галина от ребенка отказывается.

Вина Зилова огромна – надо ли говорить... И если спросить в этом месте пьесы адвокатов Зилова, не хотели бы они, чтобы человек, подобный Зилову, оказался на пути их дочери или сестры, ответ, думаем, вполне предсказуем, если они не враги своим близким. Но ради справедливости поставим вопрос и по-другому: а что если Зилов – это наш брат, сын наших друзей? Мы, конечно, не станем его оправдывать, но, пытаясь чем-то помочь, мы особенно будем желать ему добросердечной, мудрой, самостоятельной жены.

С этой точки зрения, при всем сострадании к Галине ее поступок поражает какой-то даже неправдоподобной, нехарактерной для нее жестокостью. Она слишком легко отказывается от ребенка, причем желанного ею ребенка. Даже если муж не годится быть хорошим отцом, мы знаем, сколь многие жен-

¹ Бусаргина Т. Тот вечер и та ночь... Воспоминания о Вампилове // Созвездие дружбы. 2007. № 3. С. 94–98. Бусаргина Т. Г. – кандидат искусствоведения, жена писателя Глеба Пакулова.

щины берут на себя трудное счастье одинокого материнства. Да, неполная семья – это нелегкая судьба, и Вампилов, сам выросший без отца, не однажды коснулся драмы сиротства в своем творчестве.

Галина оказалась не из тех женщин, кто надеется ребенком скрепить семью. (Надежда, конечно, зачастую призрачная, но все бывает.) У нее иная логика. Если отцу ребенок не нужен – лучше ему не появляться на свет. Лучше изменить свою жизнь, устроить ее с тем, кто будет заботиться о семье. И она не просто уходит, а уходит к другому.

Женщины в пьесах Вампилова, надо заметить, создания хрупкие, нежные и незащищенные. Только рядом с мужчиной они могут исполнять свою роль. Она заключается в том, чтобы любить и прощать. Вести какую-то свою линию им не дано. Более того, чем они самостоятельнее, тем малосимпатичнее. Например, энергичная Валерия, “боевая подруга” Саяпина. Или взять Галину – ни одного штриха на тему, какая она учительница, мы не найдем. Единственное замечание в ремарке, что ее работа отрицательно сказалась (вкуче с замужеством) на ее изяществе, и только. В других пьесах одинокие Макарянская и Кашкина как личности вообще ничего из себя не представляют, их единственная цель – выйти замуж... Жена Репникова, посвятившая себя семье, испытывает неудовлетворенность не от своего самопожертвования, а оттого что Репников не состоялся как ученый. Анна Хороших – воистину страстотерпица семейных уз.

Но почему же тогда любовь и преданность женщин надоедают Зилову? Ответ по Вампилову – виновата натура Зилова, его неисправимое легкомыслие.

И здесь мы не можем разделить авторского взгляда на предназначение женщины, жены. Берем на себя ответственность предположить: не ищет ли герой “Утиной охоты” в женщине какой-то иной основательности, помимо способности следовать во всем за мужчиной? Вроде нет особых причин для постановки такого вопроса. Вспомним, как умильно звучит Ирину: “Я послушная девочка. Я вела себя, как ты велел...” Как это трогает Зилову, а еще больше трогает, что для Ирины не имеет значения, женат он или нет. Вспыхнувшее чувство благодарности к искренней, чистой, неискушенной девочке столь велико, что побуждает Зилова поцеловать ей руку и не расстаться с ней в эту минуту. Ее непосредственное, после пережитого, “Я хочу есть” для него важнее всего, важнее самолета, который должен доставить на похороны отца...

И все равно заскучать с Ириной, выставить ее на позор в пьяном кураже?..

Нет, видимо, все-таки мало для жены быть только “надежным тылом”, тенью мужа, особенно если муж не слишком устойчив. Важно еще и уметь разделить с ним думу – зачем живем, к чему стремимся, одних ли земных благ домогаемся? Не в этом ли старинное представление о разумной жене? И есть союзы, и немало, где именно супруга несет заботы о духовном здоровье семьи.

В этом смысле Виктору Зилову не так уж и повезло с женой, даже если и сам автор на ее стороне.

Ирина принимает эстафету от Галины у двери зиловской квартиры. Не ее ли спасительные звонки раздаются по телефону, когда Зилов готовится покончить с собой? Она молчит, не находя путей восстановления разорванной связи, но она чувствует, как ему плохо, и боится за него... Возьмет и вернется, и не станет выяснять, нужен Зилову ребенок или нет, просто родит ему ребенка, наполнит смыслом семейную жизнь, взяв, разумеется, на свои молодые плечи основную тяжесть супружества...

* * *

Но мы отвлеклись, и быть может, излишне, потому что отрываем исповедь Зилова (самое высокое в нем) от скандала в “Незабудке” (самое низкое), чего не следовало бы делать. Исповедь и скандал тесно связаны, но не так, как многие думают.

Принято считать, что Зилов, прозревший темные глубины своей души, вслед за тем перевел взыскующий взор на свое окружение и вскрыл его порочность. Так сказать, начал с себя – перешел на других. Нам же видится иная логика.

Скандал в “Незабудке” устраивается Зиловым именно после разрыва с Галиной. После того, как его покаянное слово, обращенное к ней, прозвучало.

чало в воздух. Это был удар. Зилов не только не вернул Галину, но и был внутренне оскорблен. Атеистическое сознание не могло смириться с насмешкой судьбы, с неприятием исповеди, и потому вместо еще более глубокого раскаяния — злорадия. Выплескивается все отчаянье опустошенного, потерпевшего крах человека.

Отсюда стремление напиться, циничное рассуждение о дружбе, раздражение при виде гостей, настроенных на веселье и кажущихся благополучными, мстительное желание разоблачить это видимое благополучие, вывернуть всю подноготную. А вывернуть есть что, есть! Мы уже знаем, что иные из них далеко не безгрешны, и ведь не каются!

На пафос зиловского обличительства поддаются все. Дескать, вот каково общество! Дружный хор критиков звучит на два голоса: один — что общество не лучше Зилова, другой — что гораздо хуже. При этом не замечается, что пафос-то слишком преувеличен. Ведь совсем недавно Зилов вполне беззлобно подшучивал и над Кушаком, и над Саяпиными, и вдруг: “Они пришли учить меня жить”. Что же в них изменилось? Да ничего. И потом, общество-то неоднородно, как мы уже отметили. Между Кузаковым и официантом дистанция огромного размера. Но рядом с Кузаковым Вера, и вид этой счастливой пары непереносим для Зилова. Еще бы! Та самая Вера, которой Зилов тяготился, вдруг счастлива на его глазах — и с кем? С его другом Кузаковым. Есть от чего взбеситься! И Зилов переходит всякие границы, оскорбляя всех подряд.

Сцена в “Незабудке” — не начало выздоровления Зилова, а продолжение его болезни. Другое дело, что он стал осознавать ее. Но насколько серьезно — вот в чем вопрос.

Эта болезнь, безусловно, — болезнь духа. Утрата цельности порождает двойственность. Ту страшную двойственность, когда человек, не просто имеющий и достоинства, и недостатки, но наделенный даром различать добро и зло, не делает выбора между ними, но начинает играть ими по своей прихоти. Вызвать к себе любовь, а потом уничтожить ее оскорблением — это разрушительно и для других, и для себя самого и приводит к горькой догадке: “Неужели у меня нет сердца?”.

Зилова невозможно противопоставить обществу. Он так же неотделим от него, как и от своей компании, в центр которой поставлен автором.

Герой “Утиной охоты” — скорее отражение общества, его порочной двойственности. И то, что фигура Зилова в пьесе масштабнее фигуры Кузакова, говорит о масштабе надвинувшегося на это общество кризиса.

* * *

Если и будет дано Зилову увидеть свое окружение в истинном свете, то не здесь и не сейчас. Это произойдет позже, без истерики, во втором видении своих похорон.

На самом деле видение было одно, просто оно повторилось. Повторилось полностью, выпала лишь последняя фраза о венке как ненужная — венок уже был.

Эта метаморфоза, блестяще выстроенная драматургом, обозначила границы самоанализа героя, ознаменовала начало и конец игры. Первая вариация — как продолжение розыгрыша, продолжение кошуинства на тему смерти — таково состояние Зилова до воспоминаний. Воспоминания перерастают в нравственный суд над собой и заканчиваются новой вариацией видения — “без шутовства и преувеличений... то есть так, как если бы все это случилось на самом деле”.

...Перед героем проходят те, с кем он дружил и кого любил, проходят такими, какие они есть. Саяпин, любитель посмеяться, твердит, что Зилов вовсе не умер, а в очередной раз пошутил; женщины сокрушаются: не может быть! Зачем! Галина признается, что за шесть лет так и не поняла мужа (важная деталь); Кушак с его “я далеко не ханжа” туповато топчется возле Ирины, как когда-то возле Веры; официант конкретно приглашает Ирину к шести часам в “Незабудку”, Ирина все время плачет и сквозь слезы всем отвечает: “Хорошо...”

Слова Кузакова “Кто знает... Если разобраться, жизнь в сущности проиграна”, — предпоследние в первой вариации видения и последние во второй, — звучат на сей раз как итог жизни-игры.

После этих слов Зилов решает окончить свой путь выстрелом в себя. Напрашивался другой возможный финал пьесы – трагедийный. Все логично: непутевая жизнь – суд над собой – приговор – исполнение приговора.

Однако игрище не заканчивается. Может быть, автор посчитал историю Зилова недостойной высокого жанра трагедии или, как пишут, решил отвести своего героя от греха самоубийства – так или иначе, Зилов в финале спокоен, собран, готов ехать с официантом Димой стрелять уток. Нам же ничего другого не остается, как рассуждать: означает ли это спокойствие окончательное омертвление души или оно всего лишь очередной штиль после очередной бури.

Теперь несколько слов о возможном (или невозможном) возрождении Зилова. Есть ли здесь предмет для спора?

С православной позиции, близкой многим из нас, нет такого грешника, чье раскаяние не могло быть принято Всевышним. И Зилов способен испытывать чувство раскаяния. То, что оно посетило его ненадолго, не закрывает перед ним возможности пережить это чувство снова, и может, с большой силой, которая заставит его окончательно прозреть и переродиться. (Есть тому примеры.) Но никто не может знать, когда это произойдет и произойдет ли вообще. Пока что зиловское раскаяние кратковременно и сменяется озлобленностью с прибавлением грехов. Все другое – гадательно. И как не вспомнить сказанное самим Вампиловым в общении с друзьями: “Зилов остается жить, но это еще страшнее!”¹.

Вампилов нашел своего героя в жизни, показал нам и предоставил судить о нем. Вместо этого мы едва ли не попали под влияние Зилова, не осознавая, что вместе с ним оказались в тупике.

Зилов остался жить, и жизнь дописывает его судьбу.

* * *

В этом дописывании – новые объяснения характера, новые штрихи к судьбе.

... На заседании “круглого стола” на тему: “Виктор Зилов: движение образа в театральном пространстве и времени” вампиловского фестиваля 2005 года прозвучало много разных суждений критиков – москвичей и иркутян. О том, что Зилов – мировой тип человека, отказавшегося участвовать в своем времени, что в этом образе – крах шестидесятничества, отсутствие за душой последней идейной инстанции (В. Бондаренко); что в Зилове – старая, вечная болезнь нигилизма, герой без прошлого и будущего, а его покаяние – не покаяние, поскольку выход не религиозный (К. Кокшенева); неожиданно было предложено рассматривать Вампилова не в системе христианских ценностей, а буддийских (Н. Матханова, Р. Кречетова), с чем не согласилась К. Кокшенева: “Не нужно искажать духовное пространство драматурга”; что резерв воскрешения героя не в “Утиной охоте”, а в “Прошлым летом в Чулимске” (И. Плеханова).

Была высказана и такая мысль: несчастье Зилова в том, что драматург поделил его творческой натурой, но поместил в нетворческую атмосферу “конторы” БТИ, отсюда неудовлетворенность жизнью (П. Громов). Помнится, В. Бондаренко возразил: в подобном бюро в свое время работал такой творческий человек, как Эйнштейн.

И все-таки мысль достойна внимания и развития.

Если посмотреть на Зилова как на творческую натуру, но не научного, а художественного толка, многое увидится по-другому. Недаром писатели вампиловского круга находили в этом герое свои черты, чему немало и печатных, и устных свидетельств. (И сам Вампилов однажды воскликнул: “Зилов – это я!”). Правда, надо иметь в виду, что это было сказано в пылу обсуждения пьесы, в защиту ее героя, и потому не может быть воспринято буквально. А уж режиссеры, если их послушать – все сплошь Зиловы! Не понимают, бедные, что в таком случае ожидать от них чего-то стоящего в постижении Вампилова не приходится.)

Итак, художник в пору творческого кризиса – чем не Зилов? Именно художник, повторяем, – тот, что творит свой мир из живой жизни, прежде чем заносит его на бумагу или холст. Художник одновременно и сторонний наблю-

¹ Иоффе С. (О Вампилове) // Александр Вампилов. Стечение обстоятельств. С. 320.

датель и участник событий, более того – он провокатор, он заставляет людей говорить то, что они хотели скрыть, делать то, чего они не собирались делать, переживать неожиданности, словом, втягивает их в одному ему известную (и то не до конца) игру, причиняя тем самым большое беспокойство (и разнообразя их спокойную жизнь, добавим). И если художнику плохо – плохо всем. Помочь невозможно, пока он сам не найдет выход, и этот выход в одном – в творческой победе. Такая догадка о Зилове представляется нелишней.

В то же время Зилов – это, без сомнения, собирательный образ. Зиловых можно найти среди людей разных профессий и занятий, что подтвердит почти каждый. К тому же известно, что свою фамилию герой “Утиной охоты” получил от геолога Зилова, с которым Вампилов был хорошо знаком. Кстати, это знакомство проливает дополнительный свет на образ Зилова в пьесе.

В свое время свидетельств об отношениях писателя и геолога, как и о самом геологе, пока он был жив, было совсем немного. Но вот в 2003 году появляются воспоминания ветерана иркутского научного центра Михаила Тараканова, из которых можно составить более полное представление о реальном Зилове.

Из рассказанного следует, что это был, в отличие от героя “Утиной охоты”, человек состоявшейся судьбы. Автор пишет о 60-х годах, когда шел на подъем иркутский Академгородок, жизнь кипела, и для молодых ученых распахивались двери в науку. Зилов довольно рано стал кандидатом геологических наук, имел разносторонние увлечения. Вот как пишет об этом М. Тараканов: “Кажется, не было соревнований, в которых он не участвовал бы... Команду Института геологии, тогдашней “Земной коры” без него невозможно было представить. Мощный, плотный, широкоплечий, играл он больше в защите. Стоял как скала!” Писал стихи, “печатал их, даже хотел издать сборник, но так и не довел это дело до конца”, читал лекции по геологии, и не только в ИГУ, где преподавал, но и по линии общества “Знание”, опубликовал в альманахе “Ангара” научно-популярную статью. Ездил в экспедиции. “Те, кто с ним работал, рассказывали, что он добросовестно “пахал” в маршрутах и лихо пил в компаниях у таежных костров”¹.

Складывается образ человека, которому много было отпущено природой, но склонного разбрасываться и потому не достигшего всего, чего мог бы. Последние годы жизни стали тому подтверждением. Об отношениях Вампилова с Зиловым сказано, что, по словам знавших их обоих, “в застольных компаниях они любили подначивать друг друга. Иногда между ними возникали шуточные перебранки”.

Эта деталь, вместе с другими, наводит на мысль о том, что Вампилов и Зилов в чем-то не сходились, противоречили друг другу, и главное, что Вампилов наблюдал своего будущего героя со стороны и относился к нему до некоторой степени критически.

И здесь просматривается явное сходство с расстановкой героев в пьесе: Кузаков – Зилов. Кузаков – наблюдатель, журналист, сотрудник редакции, как недавно Вампилов; человек, умеющий слушать других, возможно, будущий писатель.

Да, Зилов – собирательный образ. Что-то в нем от Зилова-геолога, что-то от писателей, друзей автора, от самого автора – все так. И эта загадочность, идущая от художественности натуры, которая не подлежит разгадке, – ее просто нужно сыграть!..

Имея все это в виду, не следует закрывать глаза на очевидное присутствие автора и в образе Кузакова.

* * *

Чем мы сегодня недовольны, чем удивлены?

1968 год, “Утиная охота”. Все сказано. Все готово к развалу 90-х. Нравственная катастрофа уже разразилась. Остальное, что называется, дело техники.

Явились герои, для которых “гореть трудовой красотой” смешно, если не унижительно. Веры в светлое будущее коммунизма нет, как нет и другой боль-

* Тараканов М. Зилов вампиловский и Зилов настоящий // Культура: вести, проблемы, судьбы. 2003. Июль–август. С. 7.

шой веры, и далеко не каждый способен выстоять в повседневности быта. Часть молодежи горит “красотой” распада; огня прибавляет алкоголь, чему мы как-то не привыкли придавать значения, и спорить можно лишь о том, доглы сгорит душа Зилова или будет теплиться помаленьку, когда отбушует молодость. Старшее поколение в лице Кушака – конечно же, не те “Отечества отцы, которых мы могли принять за образцы”. Кушаки, получив свой набор жизненных благ (должность, квартира, машина, дача), обывательски самоуспокоились и теперь желают отдыхать и вкушать “клубничку”. Те же, в ком есть энергия, потребители еще более алчные. Валерия и официант Дима – готовые “новые русские”. Просто поразительно, насколько закончены их портреты! Легко представить, как при попустительстве Кушака и ему подобных “больших либералов” “контора” в одночасье превратится в торговую лавку и хозяином ее окажется бывший официант. И мы вспомним, с каким “преувеличенным достоинством” он держался и как смешно это выглядело. А он будто знал, что время его придет! Когда ярмарка заполонит все, и лишь редкие смельчаки отважатся спасти остальное – производство, науку, образование, медицину, культуру... И двойственный Зилов может вписаться в новую картину. Не стоит слишком рассчитывать на его брезгливость. Если вспомнить, с какой легкостью он пошел на подлог с проектом реконструкции фарфорового завода, когда за такие проделки могло крепко влететь, то чего можно ожидать от подобной сообразительности во времена вседозволенности и безнаказанности! И если рядом с Зиловым уже не мягкий Саяпин, а железный Дима, – чем, собственно, и кончилось, – то охота на диких уток вполне может смениться для двух друзей охотой на дикие барыши.

А вот кто уж точно непредставим в сегодняшнем мире, так это Кузаков. Вот уж кто не станет унижаться перед деньгами, так это он, потому что он из породы идеалистов. И общество многое потеряло, оттого что Кузаковых оказалось слишком мало и не смогли они противостоять натиску примитивного прагматизма. В материальном мире Кузаковы обречены на неуспешность. Их, как правило, обманывают, им – не верят. Зиловское снисходительное “Старик, ты ошибаешься, как всегда” будет сопровождать их всю жизнь. Мало того, они же еще будут оклеветаны, как это случилось в критике и о чем мы уже говорили.

Но мы так рассуждаем, будто пьеса написана не в 1968 году, а в 1988-м. А что было в эти два десятилетия? То и было, игрище с всевозможными вариациями. Писатели не молчали, выплескивая тревогу за ослабление нравственного чувства в человеке: В. Тендряков – “Поденка – век короткий” (1965), В. Белов – “Привычное дело” (1966), В. Распутин – “Деньги для Марии” (1967), Ф. Абрамов – “Две зимы и три лета” (1968), В. Розов – “Традиционный сбор” (1967), Ю. Трифонов – “Обмен” (1969) – список можно продолжить. Понимание было – перемены к лучшему отставали. Вот и косыгинские реформы, о которых теперь часто вспоминают, были начаты, а потом свернуты. Власть ли не справилась, народ ли не был готов... И то сказать, всего двадцать с небольшим лет прошло после тяжелейшей из войн. Все силы были отданы на защиту страны и ее восстановление, на реформы – не осталось. Этот новый груз требовал нового напряжения. Лошадь нельзя повернуть, не натянув поводьев. Впрочем, их и позднее не натянули, и в 90-е все понеслось и опрокинулось...

Вампилов показал непарадную сторону жизни, и это взгляд писателя, чувствующего, прежде всего, боль своего времени. Его фронтовики – люди с поврежденными судьбами – и добрый Сарафанов, и озлобленный Дергачев. Но кто посмеет упрекнуть их в слабости...

Не надо было свертывать другое, не надо было пресекать путь возвращения народа к духовным корням – православию. В жестокие годы, в войну, открывались храмы, измученные страданиями люди шли в них и находили духовную опору, церковь, как могла, помогала и фронту. Почему же в 50–60-е годы она вновь стала неуютной? Почему “железный занавес” над Страной Советов был поднят только для того, чтобы впустить западную культуру, но не культуру русского православного Зарубежья? Она пришла к нам лишь в конце 80-х, в самый канун новой смуты. Не это ли запоздание так огрубило и путь, и характер перемен. Будь духовно-нравственная атмосфера чище, глядишь, и Зиловых было бы меньше.

Атеисты могут возразить. Дескать, и в XIX веке, в православной России, подобные типы встречались, и они запечатлены в литературе. Думается, противоречия здесь нет. Всех их роднит с Зиловым охлаждение души – равнодушие, бездушие, наконец, что несовместимо с состоянием верующего человека, видящего цель своей жизни не в потреблении материального, но в обретении духовного. И потом, как в эпоху официального атеизма не все были атеистами, так и в эпоху официального православия не все были истинно верующими, что и показала русская литература. И именно религиозный кризис в России, как писали русские философы и публицисты конца XIX – начала XX века, предшествовал социальной революции. Все прежде свершается в душах людей, а потом уже в мире.

“Утиная охота” как раз об этом. Она – о личной ответственности человека перед тем, что выше его, перед тем, что рядом – семьей, обществом и страной. В том одна из прочных нитей, связывающих имя Вампилова с именами писателей-классиков.

* * *

Перечитывать и осмысливать Вампилова должно в Иркутске. Здесь самые подходящие условия. Изданы все произведения драматурга и прозаика вплоть до черновиков, выходят книги о его судьбе и творчестве. Есть среда, литературная, театральная, которая может оценить постановки его пьес. Это те, кто знал Вампилова, вместе с ним входил в литературу, кто участвовал в работе над “Старшим сыном” (реж. В. Симоновский) вместе с драматургом, создав один из самых лучших спектаклей.

В Иркутске удался на сцене Зилов, о чем забыли или чего не заметили и сами иркутяне. Причина понятна – то была одна из первых постановок “Утиной охоты”, причем силами не профессионального, а народного театра Иркутского мединститута – реж. Р. Курбатова, исполнитель главной роли П. Мутин (имена сохранились у В. Нарожного). Не мудрствуя лукаво, доверяясь автору, актер сыграл Зилова во всей гамме его противоречий: веселым, обаятельным, легкомысленным, циничным, искренне кающимся...

Отрадно, что все-таки вспомнилась эта постановка, и сравнительно недавно. Стоит привести отрывок из беседы с Н. Ковригиной, уважаемым иркутским литературоведом и театральным критиком, где она делится своими впечатлениями о спектакле, и не только о нем.

“... И театральная культура в Иркутске на хорошем уровне находилась. Я лучшей “Утиной охоты” из всех мной виденных считаю ту, что мединститут поставил в 70-е. Там главное было – понимание трагедии Зилова, а значит, понимание самого Вампилова. Жизненная среда была передана. Вот этого московские театры не понимают. Москва не знает провинции. Откуда? Наши не могут, а Москва тем более...”¹.

Иркутск сегодня, как и вся Россия, живет, сопротивляясь натиску антикультуры. И, не в упрек другим городам будь сказано, ему есть что сохранять и возрождать. Так, может, не надо ожидать, когда нас удивят приезжие театры новыми прочтениями Вампилова? Может, надо самим вчитываться, вдумываться, вглядываться в наше вчера и наше сегодня и вместо легковесных и торопливых интерпретаций вампиловских пьес постараться понять их? Пусть экспериментируют другие, нам выпадает миссия сохранения первоисточника – будем же ее достойны.

г. Иркутск

¹ Иоффе Л. Культура, которую мы потеряли?.. // Живая память Иркутской филологии. Иркутск, 2005. С. 61.

ГРИГОРИЙ КАЛЮЖНЫЙ

НЕУГАСИМАЯ МЕЧТА НИКОЛАЯ СТАРЧЕНКО

Есть у Николая Николаевича Старченко (р. 04.04.1952) коротенький, написанный еще в студенческие годы автобиографический рассказ о том, как его родители купили привыкшую к электрическому освещению корову, которая ни в какую не хотела заходить в темный сарай. Тогда-то и родилась у восьмилетнего Коли тайная мечта, а по сути – целая программа на будущее. “Вот закончу школу, – думал я, – поступлю учиться, где электричество изучают, а потом построю машину, что свет делает, и привезу ее домой. Установим ее посреди деревни, провода проведем к каждой хате...” Этот замысел окрылял отрока до тех пор, пока в его деревню Осиновку не провели электричество, после чего он и доверил свою тайну электрику, оставшемуся жить в Осиновке. А тот, вместо сочувствия, стал подшучивать над ним: “А мечту... Мечту-то твою засветили!...” Но электрик ошибался. Колина мечта не пресеклась, ибо была она светоносной, неугасимой, как и его любовь к родной земле, к писателям, ее воспевшим, – И. С. Тургеневу, А. А. Фету, И. А. Бунину, чьи традиции ему и суждено было достойно продолжить в русле русской лирической прозы. В ней-то он прежде всего и осветил на всю Россию милую его сердцу Осиновку со всеми ее окрестностями. Дело в том, что посвященные ей рассказы составляют немалую долю его самобытного и достаточно уникального творчества, наиболее полно представленного в двух книгах избранных произведений (М.: Голос-Пресс, 2007), среди которых наряду с лаконичными описаниями природы, охоты, в том числе и охотничьих маршрутов классиков русской литературы, значительное место занимают рассказы о человеческих судьбах – такие, как “Луга зеленые”, “Монолог в апреле”, “Федора-бессмертник”, “Егор Пеньков”, “Небесная подкова” и др.

Особенность этих выразительных рассказов заключается в том, что после их прочтения остается впечатление, как от чтения объемных повестей. В целом же о сочинениях Николая Старченко можно сказать, что все они, независимо от своей тематики, взаимно дополняют друг друга, оставаясь при этом вполне самостоятельными по отдельности. Многие из них к тому же отличаются неизъяснимой, чисто русской музыкальностью. Особенно это относится к “Закрайкам”, так называемым охотничьим рассказам, которым писатель Юрий Чернов, видимо, сам охотник, дал следующую характеристику: “Глаза у автора не зашорены только отысканием добычи, и на охоте он видит многое, если не всё... От “закрайка” к “закрайку” ведет он читателя и нигде не повторяется, убеждая нас в том, что состояние охоты многогранно, неисчерпаемо и уж никак не укладывается в рамки привычных и шаблонных представ-

лений о ней". Замечательная, очень верная со стороны охотника оценка. Однако с литературной точки зрения главное в "Закрайках" все-таки не охота и связанные с ней путь и весьма точные всеохватные наблюдения, а поэтическое содержание, включающее в себя сокровенную, незамутненную русскость, отличавшую нашу литературу в досоветское время, что отмечали и европейские критики.

В связи с этим и с целью более глубокого понимания творчества Николая Старченко, представляющего главным образом малые жанры прозы, отвлечемся здесь на короткий экскурс в историю и вспомним, что своей мировой известностью русская литература прежде всего обязана романам Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского. Правда, эта известность сопровождалась не только восхищением таких западных умов, как французский дипломат и писатель Мельхиор де Вогюэ (1848–1910), давший ей весьма высокую оценку в книге "Русский роман" (1886), но и возмущением их определенной части, вызванным этой оценкой. Французская критика тогда же усмотрела в ней всего лишь преломление категорий любви и зла, будто бы принадлежавших исключительно западным литературам, которые, если на то пошло, сами не были свободны от разного рода заимствований, включая и эти категории, например, из античных творений Аристотеля и Платона. К тому же признание библейских ценностей, пусть и величайшей европейской культурой, вряд ли было правоммерным по отношению к христианской России. Это настолько очевидная истина, что, кажется, и рассуждать здесь нечего. Тем не менее Мельхиор де Вогюэ, кстати, в отличие от своих оппонентов владевший русским языком, был вынужден публично извиняться перед французской критикой за свое восхищенное отношение к русскому роману, а нашему историку отечественной словесности Б. И. Бурсову (1905–1997), написавшему об этом в своем фундаментальном исследовании "Национальное своеобразие русской литературы (1957–1967)", пришлось и в последующих трудах – таких, как "Личность Достоевского", "Лев Толстой", "Судьба Пушкина", так или иначе давать развернутую характеристику особенностей "русскости русской литературы, как принадлежащей всему мировому литературному развитию". При этом он, как правило, сосредотачивался на изучении крупных произведений великих писателей, хотя у них имелись и совсем небольшие сочинения (например, "Охотничьи рассказы" Тургенева), выгодно отличавшиеся от объемных, нередко начиненных инородными идеями романов. Почему Бурсов не проявил к ним должного внимания? Скорее всего потому, что он действовал, как адвокат, по существу не только внешних, но и purely – внутренних обвинений о якобы национальной несостоятельности отечественной литературы. Бурсов, судя по его трудам, с честью справился с поставленной им же самим задачей, придя к ряду важнейших заключений, в том числе и к тому, что русские национальные проблемы всемирны. Их максимально полное выражение мы находим прежде всего в жанре романа. Именно роман как масштабная, по сути безразмерная форма повествования, ограниченная только возможностями и смертностью автора, является идеальным вместилищем не только национальных, но и вообще проблем, которые имеют свойство преобладать над его персонажами, неизбежно, в той или иной мере, превращая их в своих заложников. При этом русскость, о которой так хлопотал Бурсов в своих исследованиях, может растворяться в них до неузнаваемости.

Если учесть, что потеря качества происходила и в результате перевода романов на иностранные языки, то проясняется еще одна из причин, по которой Европа затруднялась признавать самобытность русской литературы. Конечно, для Запада вопрос о ее русскости был прежде всего вопросом элементарной идентификации. Но для самих русских он всегда оставался, да и сегодня остается, вопросом жизни и смерти, ведь исчезновение русскости как духовной субстанции национального бытования равносильно исчезновению народа, ее носителя.

Именно на этой субстанциональной русскости и основано творчество Николая Старченко, хотя такую идею, как самостояние человека в борьбе против тотального расчеловечивания, которая пронизывает все его сочинения, вполне можно отнести к мировым проблемам. Сегодня многие писатели в погоне за динамикой сюжетного развития мыслят комбинациями. Старченко же свойственно словомыслие, словочувствие. Вот пример из небольшого рассказа "Сутоки":

“Вспомнилось, как, впервые увидев Сутоки (мы пришли с бабушкой за крапивой), я спросил: “Почему, баб, так называется?” – “А тут, видишь, две речки сустрекаются, и воды их сутекаются в одно... Потому и Сутоки”.

Какое для нас это было место – Сутоки! С мая и до холодов матери искали нас здесь. Подрастая, работая в поле, мы всякий вечер верхом наперегонки мчались сюда – самые отчаянные лезли в воду с конем...

И так мне сжало тоской грудь, так ясно, трезво увидел невозвратность прошлого... И я неожиданно для себя поднял ружье, дважды выстрелил в чистое, промытое дождями октябрьское небо, сказал подбежавшей собаке:

– Это, Найда, салют. Пошли-ка домой...

А глубокой ночью вдруг как-то странно, в полной тишине, проснулся. Сел на кровати, глядя в залитое лунным светом окно.

Сустрекаются – сутекаются... И опять взволновался – ведь такие глубокие, родниковые речки питали Сутоки! А не осталось почти ничего, какая-то жалкая, плоская яма, зарастающая болотной травой, истыканная коровьими копытами...

Как-то незаметно стал думать о себе, о своей жизни. Ведь дело мое – те же сутоки. Я и люди, люди и я – сустрекаемся – сутекаемся... Какими же станут эти сутоки: будут жить, обмелеют, исчезнут?..”

Одна из главнейших заслуг Николая Старченко заключается в том, что он вслед за И. С. Тургеневым (“Стихотворения в прозе”) и В. И. Беловым (рассказ “На Родине” и др.) убедительно доказал своим творчеством, что даже самое маленькое сочинение может стать фактом большой русской литературы, если его содержанием является поэзия и естественно входящая в нее русскость.

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

СИБИРСКОЕ УЗОРОЧЬЕ

Байбородин А. Не родит сокола сова: роман и повесть. М.: "Вече", 2011. — 416 с. ("Сибиряда")

Дал Бог отраду: попала ко мне в руки свежая книга сибирского писателя Анатолия Байбородина о старой советской деревне. Чтение её сродни работе со средневековой русской скорописью. Разобрать почерки XVI или XVII веков — дело непростое. Но как только добираться до смыслов, укрытых древним способом письма, в душе начинает звучать праздничная торжественная мелодия.

Книга написана необычно и даже вызывающе. И в обоих произведениях Байбородина повествование таково, словно солнце большого направления в русской литературе — «деревенской прозы» — ещё не закатилось, будто оно не упало уже за линию горизонта, а всё ещё чертит на небе огненную дугу, поднимаясь в зенит. То, что написал Байбородин, может быть, и равно зениту деревенской прозы... вот только широкая её дорога уже заколодела, заросла осинником, размылась ручьями и болотами в неровную, едва видимую среди лесных чащоб нитку.

В сборник вошли известный роман «Поздний сын» и повесть «Не родит сокола сова», сюжетно связанные с одной местностью близ Байкала. И там, и там время от времени звучат имена сёл Укыр, Сосново-Озёрск, Еравна. Действие в основном сосредоточено на хрущёвских и отчасти брежневских временах: середина 1950-х — середина 1960-х. Но это лишь ядро его, основа, а корешки заглублены и в проклятое время раскулачивания, и ещё подаle — в реальность дореволюционной Сибири. Отросточки же, тянущиеся кверху, к нашим временам, доходят до 1990-х годов.

Ранние версии этих двух повестей создавались с хронологической дистанцией в пять лет. Видно, как христианское чувство автора, редкими крупными, слабыми вспышками трепещет в романе, а в повести уже горит ровно, сильно. И не менее того видно, как старые, советской поры смысловые пласты перемежаются пластинами современными — в обеих вещах.

Большинство наших деревенщиков, в том числе лучшие из них, повествовали о древнем «ладе», сохранившемся до послевоенных времён и тогда начавшем разрушаться. Боль от крушения прочных устоев сельского мира пронизывает их повести и рассказы. Она — как шильце, всажённое в сердце, она возвещает о гибели того, чему нельзя умирать ни при каких обстоятельствах.

У Байбородина — другое. Без сомнения, он любит деревенский «лад» не меньше других деревенщиков, вот только гибель старинного мироустройства

относит к иным временам. То и дело в его произведениях громяют раскаты коллективизации, то и дело поминают его герои эпопею раскулачивания. О горестном времени, невозвратно расколовшем русскую деревню, Байбородин пишет без прикрас. Горечь его сродни самым печальным страницам в романах “Мужики и бабы” Бориса Можаева и “Год великого перелома” Василия Белова. И ещё горше она оттого, что Байбородин не скрывает: до наших дней звучит огненное эхо раскулачивания и расхристывания крестьян. До сих пор не расхлебали той каши, подсоленной слезами... Похождения безродного злого бабника Гоши Хуцана, ставшего большим человеком, тёмная история пришедшей семьи Лейбманов, потеря зажиточным семейством Краснобаевых родового дома – всё это наводит читателя на мысли: вот тогда-то, задолго до Великой Отечественной, и умер “лад”. Страдания военных лет в какой-то мере сплотили деревню, но прежнего единства даже общая Победа не вернула. И боль, наполняющая произведения Байбородина, – такая-то привычная, словно застарелая хворь, становящаяся то гибельнее, то легче, не прекращающаяся никогда, однако ж стонов и криков не способная исторгнуть у понимающего человека. Лад скончался. Давно. Но это... как давно скончавшиеся родители: вот тут, в сердце, в крови, в пульсе осталось горе от их ухода, но уж поздно голосить по ним.

К середине 50-х, к злому времени хрущёвского разорения, деревня пришла искалеченной и усмирённой. Вот идёт она по миру с согбенною спиной, опираясь на клюку... Храм в ней разрушен. Община давно исчезла, а о колхозном и прочем начальстве, заменившем её, доброго слова не скажешь. Что ни двор – то всё бедность, скудость, а где всё ж есть достаток, не видно в нём полной праведности. Рядом с нищетой цветёт пышным цветом бестолоковый буйный задор. Эта новая деревня отошла от прежней боязни срама и греха. Злая пьянка стоит здесь чуть не каждый день, и вовлеклись в неё мужики, ещё недавно считавшиеся крепкими, домовитыми. Валентин Распутин в знаменитых пьяных сценах повести “Последний срок” показал краешек неистойой хмельной стихии, Василий Белов в “Привычном деле” явил частицу её, всего-то частицу, а и то страшно вышло, мерзко, грустно; Анатолий Байбородин показал её во всей красе, на многих десятках страниц, и оттого, читая, порой чувствуешь себя запертым в тёмной тюрьме без выхода и срока... Родня, соседи, старинные товарищи, сойдясь, потчуют друг друга презрением, гневом, корыстными расчётами. Муж корит жену куском хлеба, сын жестоко избивает отца, молоденькая девушка боится искать управы на бешеного насильника. Молодуха из города, найдя мужа в крестьянской семье, нос воротит от новой родни и деревенского быта: “Хватит, сыты по горло, нагледелись”, – а отец её, Исая Лейбман, приехавший на свадьбу, цедит: “Как были дикарями, так дикарями и остались”...

Темень! Темень!

Что ж осталось-то? Осталось ли хоть что-то, хоть какая-то надежда?

Осталось много! Боли, страданий, жертв – море разливанное, зато и любви никак не меньше, иначе каким чудом спасается народ? Вот бескорыстная, преданная любовь Аксиньи Краснобаевой к её семье – к мужу-пьянице и тьмочисленным детям, едва не вогнавшим её в гроб прежде времени. А вот тихая, смиренная, праведная любовь Ивана Житихина, никого не смеющего укорять, бегущего всякой ссоры. С мученической простотой Житихин подставляет себя под жестокий удар, спасая горделивого “мудреца” Исая Лейбмана от увечья в пьяной драке. Кто ему Лейбман? Чужой человек. Но Житихин любит его, как своего, покоряясь истине, которая выше какой угодно земной правды.

Нет, надежды Байбородин дарует достаточно. Бог над нами, он всё видит, любит нас и не бросает. Он-то и есть наша главная надежда, самое верное упование. Он гордое гнет, а кривое выпрямляет. Казалось бы, самый бесстыжий, до потери образа Божьего извалявшийся в нравственной грязи персонаж – Гоша Хуцан, ну какое ему исправление? Он храм погубил, он столько зла принес! Поговаривал уже в зрелые годы, давным-давно пережив юношескую дурную прямоту: “А народишко русский... он же скотина безмозглая, одного бича слушается... без хозяина с бичом жить не свычен... Ему царя-батюшку да опий – религию, мало-мало корми, а там хошь запрягай. А чуть что, сразу тебе анафему – религия такая...”. Но и его Господь привёл к раскаянию, к исправлению, хотя бы и под занавес жизни. Байбородин под-

водит читателя к смиренному отношению к людям, очнувшимся от зла на пороге последних врат, подобно евангельскому разбойнику, попавшему на Голгофу вместе со Христом. Не напрасно же над повестью “Не родит сокола сова” поставлен эпиграф: “Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил”.

А венчает повесть ещё один знак доброй надежды. Местный храм погиб в 30-х. Но на его месте нарождается новый, юный: “Словно крашеное луковым пером пасхальное яйцо, выкатилось солнце из-за таежного хребта, стирая ночной морок с деревенских изб и озера, и в утренней заре засияла церковь со сновыми венцами. И уже виделись пылающие золотом кресты и слышался пасхальный звон, плывущий над селом и озером и гаснущий в дали, где степь сливалась с небесами”.

Даже уделив место описаниям колдовства – что в обоих произведениях стало частью реалистического повествования, – Байбородин впоследствии печалится, что поддался соблазну “народной поэтической стихии”. В одном из интервью журналу “Парус” Байбородин выражает свою позицию без полутонов: “В сибирском крестьянском быту народное мировоззрение, в отличие от южнорусского, окончательно освободилось от языческого поклонения матери сырой земле, природным стихиям, взойдя к пониманию природы как Творения Божия”.

Советская деревня – не говоря уж о досоветской – к настоящему времени превратилась в “исчезнувшую империю”, сокровища на периферии другой империи... которая исчезла ненадолго позже. Это Ахеменидская Персия на дне давно умершей Парфии. Или, может быть, Ассирия на дне Персии. Анатолий Байбородин с умом, любовью и талантом расплетает для читателя сложные узлы умершего языка, умершей культуры.

Оба его произведения, и особенно повесть “Не родит сокола сова”, правильно было бы считать своего рода “художественными документами”. Там почти нет сюжета. Автор выбирает ситуацию (деревенская свадьба в “Позднем сыне”) или персонажа (колхозный начальник и яростный блудник Гоша Хуцан в повести “Не родит сокола сова”), а затем... будто запускает маятник. Читателя то уводят в давние времена, то возвращают к точке отсчета, с которой началось повествование, то тянут в будущее, то вновь приводят к “осевому времени” текста и опять гонят в прошлое. Дают разглядеть характеры человеческие то издалека, то крупным планом, то погружают в самую глубину их, то подают в динамике, да ещё и в окружении других, не менее сложных характеров. Но почти всегда читатель видит всё происходящее либо глазами самого автора, родившегося в том же Сосново-Озёрске на излете сталинского времени, то глазами мальчика Ванюшки из крестьянской семьи Краснобаевых, а это до предела авторизованный персонаж, во многом автобиографический. Вот и выходит: отчасти написанное Байбородиным – роман, повесть, отчасти же – беллетризованные мемуары.

Байбородин работает в очень сложной, полнокровной русской стилистике. её можно назвать затейливой, резной или узорчатой, – как наличники у окон старого деревенского дома, как настоящая жизнь, как настоящий живой язык. Речь его полна слов старинных, коренных, русских, пусть и полузабытых, украшена словесными самоцветами из сибирских залежей, приправлена обрусевшей бурятской говоркой: “Ближе к вечеру заимский гость уже смущённо жался на лавке, возле стола, где мутно подсвечивала среди рыбных пирогов и творожных шанег четверть медовой сыты. Ярко горела трёхлинейная керосиновая лампа, и на копотных венцах, по белой печи мельтешили пляшущие тени, бойко стучали в половицы чирки и чоботы”.

Интонации старой деревни, её присловья, давно канувшие в Лету, глумная едкость острого выраженьица и тягучая процерковленность крестьянских размышлений о тонких материях бытия приковывают внимание к языковым конструкциям автора, заставляя пренебрегать сюжетными, коих и нет почти... Оттого повествование приобретает густоту меда с творогом, шероховатость древесной коры и медленность колодезного ворота, неспешно опускающего ведро в колодец за водицей.

Диалоги у Байбородина быстры и колючи, а описания текут плавно, словно большие равнинные реки, задавая до крайности неторопливый темп его прозе. Он, может быть, специально подчёркивает свой отказ от высокой скорости текста, любовно выводя длинные и сверхдлинные предложения: “Степенно снял каракулевую шапку, долгополое кожаное пальто и повесил на бе-

рёзовую спичку, вбитую в избяной венец; оставшись в тёмно-зелёном кителе и чёрных галифе, промялся по кухне, смачно скрипя сшитыми на заказ, ладными хромовыми сапогами и с кряканьем потирая руки. В полувоенной справе Гоша, будучи ростом аршин с шапкой, смахивал на задиристого деревенского кочета, хотя и трудовая мозоль подпирала китель, а плечи жирно обмякли”. Или – о старой крестьянке Аксинье Краснобаевой: “Отрадный и спасительный свет в материном окошке – чада и натужная работушка, какую азартно подтягивала и подтягивала к себе, даже порой отнимая её у подросших ребят и девок... Даже, бывало, обезножит... ещё смолodu маялась ревматизмом, прижитом на рыбалке, где от темна до темна в стылой воде и болотистых покосах, когда одна обужа – сыромятные моршни... бывало, ноги едва волочит, а всё шоркается по кухне, держась за стул и пихая его впереди себя, словно поводыря. Рыбёху ли свежую пластает, солит ли в деревянный лагушок, тесто ли месит в квашенке, брушину ли скотскую скребёт, чтобы бросить её вместо мяса в суп, картошку ли трёт на крахмал, шерсть ли прядёт, только не сидит сложа руки”.

Такое ни при каких обстоятельствах нельзя прочитать быстро. Нет способов! Как видно, сам сибирский писатель и не желает, чтобы его читали быстро...

Если бы на выставке современного текстиля – со всеми там промышленными дизайнами, новой техникой, “сочетаниями цветов”, “процентом синтетики” и т. п. – неожиданно появился “покроец” или “воздух”, вышитый золотом и украшенный речным жемчугом, точь-в-точь как делали это в XVI веке (в царицыной мастерской палате, скажем, на вклад в большую обитель ради “чадородия”)... это вызвало бы изумление. Какая там промышленность! Тут месяцы очень сложной, кропотливой, искусной ручной работы, если только месяцы, а не годы. И думаешь: “Нет, странно и даже нелепо всё это выглядит на фоне современных простыней и наволочек фабричного производства. Архаизм какой-то”. Отвернёшься, уйдёшь в другой зал, смотришь, смотришь, а сердце тянет вернуться – такая красота!

Ты возвращаешься и любишься.

Вот так и с произведениями Байбородина...

АЛЕКСАНДР НЕСТРУТИН

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

*О книге Любви Ковшовой “Земную жизнь пройдя до половины”**

Вам приходилось видеть, как строят на селе дом?

Нет, не из нынешних материалов-новоделов, где сплошь шлакоблок, пеноблок да сайдинг. Я говорю о доме настоящем, деревянном, — таком, каким согревалось моё деревенское детство.

О, это непростое и неспорое дело!

Одни камни чего стоят — те самые, краеугольные. Могутно-тяжкие, будто литые, — под углы сруба ведь крошащийся известняк не положишь. На эти камни ложатся первые венцы — дубовые, как правило. В наших степных местах дубовую подрубку подводили обычно под окна, а дальше шло в дело всё, что удавалось добыть — местная сосна, вяз, даже верба. Конечно, брёвна шурили, “отбивали” шнуром, протёсывали, но изгибы стволов, неровности всё равно оставались. И только после прикидки на сруб начиналась подгонка “вчистую” — увесистым топориком, который, казалось, сам собой взлёты-вает в тяжёлых руках плотника.

И так — час за часом, день за днём, венец к венцу.

Любовь Ковшова, владеющая многими знаниями и ремёслами, к плотницкому делу, насколько я знаю, отношения не имела. Но свою книгу прозы “Земную жизнь пройдя до половины” она “рубила” по-плотницки основательно и неторопливо.

Мне кажется, повествование Л. Ковшовой не случайно открывает глава “Отец”. Хотя в плане автобиографической хронологии здесь более уместной была бы глава следующая, “Враг мой Минька” — она более “детская”, причём детство и юность героини излагаются достаточно последовательно. А в “Отце” в самом начале лишь маленькая зарисовка из детских времён. Правда, она так сочно написана, что долго ещё стоит перед глазами: “Пыхает керосиновая лампа с закопчённым стеклом, на минуту освещая бревенчатое нутро избы, лохматый серый мох между брёвен, драный бок русской печки, обитую жёстью колоду ручной мельницы, ситцевую занавеску над кроватью, зелёную самогонную бутылку на столе.

Жутковато и страшно интересно.

А в соседней комнате, уронив с головы на стол тяжёлые косы, задушено плачет моя мама, шёпотом повторяя сквозь плач:

— Куда ты меня завёз? Куда ты меня завёз?

И молча курит у низенького окна отец, и несутся за окном сивые космы вьюги...”

* Ковшова Л. П. Земную жизнь пройдя до половины: Повествование в 11 частях. — Саров, 2011.

Правда, здорово?

Впрочем, я отвлекся. Отца героини немало помотало по свету: Орловщина и Смоленщина, Румыния и Подмоскovie, Сибирь и Алтай, Жиздра и Самара, Тула, Киев, Львов, Калуга, Бийск, Москва. И вот он по просьбе дочери, “девятнадцатилетней сумасбродки”, пишет свою биографию. Биография эта, которую можно назвать и героической (сельский парнишка-полусирота выбился в агрономы, воевал, стал красным командиром), и типической (ранен, контужен, отравлен газами, умирал в сыпняке, белые расстреливали, свои сажали), даётся, что называется, без купюр. Но не вся сразу, а с объясняющими многое перебивками-воспоминаниями... автора книги? героини повествования?

Нет, ведёт эту прозу, делает её такой живой, притягательной всё-таки не умудрённый жизнью автор, а постоянно набивающая себе шишки на лбу героиня, — при том, что почти всё повествование ведётся от первого лица о событиях, случившихся в жизни автора.

Героиня повествования Люба — дитя военного времени. А значит — дитя Победы, но вместе с тем — и послевоенной разрухи, и полуголодного выживания, и того, чем сейчас страну пугают вместо чёрта — сталинизма. Не повезло ей? Как бы не так!

С ней — огромная страна, на которую никто в мире не позволит себе, да что там — просто не сможет посмотреть сверху вниз.

С ней — отец, который — в сталинские-то времена! — схватившись врукопашную с пузатым любителем сытой жизни, замполитом МТС Краскиным, говорит в ответ на его угрозы: “Пиши, гад. Я писать не буду. Я тебя без НКВД придавлю, если ещё хоть один трактор за барана пообещаешь”.

А ещё с ней рядом — простая русская баба Галиновна, которая, поймав больничную нянюку на воровстве продуктов из детской кухни, гнала её по коридору с монологом, “где единственно цензурной и самой мягкой была фраза: “Сука подзаборная, мы таких на фронте, как вшей, давили!”

И — “старая ведьма Эсфирь”, врач Эсфирь Наумовна Перельман, тоже фронтовичка, потерявшая мужа и детей, но не совесть и сострадание, в строгой жизни своей не пасовавшая ни перед эпидемиями, ни перед начальством, ни перед так называемыми “жизненными обстоятельствами”.

Именно эти люди — и, конечно, ещё многие и многие, в чём-то похожие на них — дали героине повествования понимание смысла жизни, ощущение великости дела, которому они, такие разные, служили одинаково беззаветно.

Но почему — именно они? Этот вопрос не давал покоя и самой героине повествования.

“Мучаясь и завидуя им, я искала ответ. И, может, только теперь начала понимать, что объединяло Эсфирь Наумовну с Галиновной, да и с моим отцом в придачу. Все они были не обывательской шелупонью, а настоящими людьми, людьми дел и поступков. Они были те самые советские люди, что жили не для себя, а для счастья других, то есть для счастья страны в целом, чего так не хватает нам. Они уходили, и вместе с ними уходила целая эпоха, бушующая, противоречивая, с непомерным разбросом высоты и низости человеческого духа, великая и прекрасная. И нечем было заменить этих страстных, ничем не сгибаемых людей”.

Да, так жили не все.

Более того, были и такие, для которых те же Эсфирь Наумовна и Галиновна были чужими, “сдвинутыми”, не умеющими жить и не дающими жить другим. Они, эти люди, тоже всегда были рядом, можно сказать, на расстоянии вытянутой руки, — как жестокосердный и подловатый сосед-одноклассник Минька Кудряков, его буйный старший брат Лёнька, да и отец их, “партийный”, завфермой, не забывающий в первую голову радеть о своём подворье дядя Вася Кудряков. Но эти люди, при всей их изворотливости, потаённости, вроде бы прочной укоренённости в обыденной жизни не могли, не должны были победить — Люба это знала точно. И не просто знала...

Вот картинка из времён “разоблачения культа личности”: “Я омывала последний ряд у окна, когда Минька, протиравший на противоположной стене стекла на портретах не то членов политбюро, не то героев гражданской войны, злорадно сказал:

— Коммунисты грёбаные! Только людям жить не дают. Так им и надо с ихним Сталиным. Правильно это батька тогда после собрания сказал.

Прямо с тряпкой в руках меня перенесло через три ряда парт, и этой мо-

крой, грязной, из грубой мешковины тряпкой я врезала Миньке по расшлёпанным губам. И ещё, и ещё...

Домой я вернулась с подбитым глазом, но непобеждённая и с открытием, что коммунисты — это мой отец, Иван Волков, дядя Миша Куманьков и другие, а Кудряков только так называется...

Минька победить не смог — ни Любу, ни страну. Но появились другие. Например, подрабатывающий сторожем студент МИФИ Сергей, не считавший зазорным, отметившись на работе, бросить дежурство (и всю свою бригаду) и смыться тихонько домой через пролом в заборе (глава “Мосгорснабсбыт”). Мало того — ещё и презирающий тех, кто сам работал честно и того же требовал от него. “Вытянувшись, скрестив на груди руки и прислонясь к стене у стола, Сергей смахивал на Наполеона у стен Кремля и попой, и надменно-брезгливым выражением лица, и хамским тоном:

— Кому это я объясняться буду? Вам, что ли, плебеи драные?”

Недалеко ушёл от этого “патриция” и институтский друг Любы Толик (глава “Кафе “Дружба”), который, вернувшись в Москву после шести лет жизни в Австрии, заявил в застольном разговоре, что детей “в этой стране” растить нельзя. Почему? Да всё просто: “Я хочу, чтоб у моих детей всё было! Чтоб я мог купить им всё, что они захотят! Почему я — лучший программист Европы — должен жить здесь в нищете!?”

Не на этой ли гнилой почве “колбасной образованщины” произросли многие наши беды? И, в частности, такие “личности”, как “дервенист” (глава “Изборник Святослава”) — школьный учитель биологии, возжелавший не просто получить от родителей своих учеников подношение в виде роскошного, дорогого фолианта, но и доказать свою циничную максиму: “Все — неподкупные, пока их не касается. А коснётся — вся неподкупность слетит, вот увидишь”. Персонаж сей не столь безобиден, как может показаться на первый взгляд: получив отпор, он пустился во все тяжкие, чтобы “защитить своё честное имя”. И — калечил души детей, очарованных его “демократичностью” (совместные перекуры с ребятнёй на заднем дворе школы, пересказы им свеженьких анекдотов с матерками). И — проламывался во власть, уже “демократическую”. Да, у него, как и у Миньки Кудрякова, ничего не вышло. Но в стране, как оказалось, “минек-дервенистов” оказалось не так уж мало — сверху донизу. Их поганая “корытная” философия разъедала страну, калечила души, будила в людях низменное, дикое. Вот очень показательный эпизод: “Люди линяли на глазах. Вполне приличный научный сотрудник с благородным лбом Сократа — наш сосед по даче — вышел из партии и буквально на следующий день передвинул свой забор на наш участок, оттяпав пару жалких квадратных метров. Когда же ему сказали об этом, бегал, как взбесившийся, с топором вдоль забора и, надрываясь, орал:

— Коммуняки, мать вашу! Порублю всех!

Чем кончилось — в стране, не в книге, — мы все хорошо знаем, повторять нет смысла. Но они, “корытники”, “колбасники”, нынче вождельно чавкающие повсюду, в том числе и в литературе, всё равно не победили — ни героиню повествования, ни идею, ни людей, которые этой идеей жили. Понимая это, они пытаются задурить нам голову телевизионными байками о “тоталитаризме”, охмуряют кичем и попсой, подсовывают краплёную литературу. И испытывают животную ненависть ко всякому живому, честному, яркому художественному слову. Представляю, как взъярятся они, доведись им прочесть повествование Любви Ковшовой!

Но что нам до них? Нас другое должно заботить: не канет ли это “житие”, это уверенно и талантливо вышагнувшее за пределы “частного случая” истинно художественное произведение в безвестность, в неги? Ведь книга издана далеконокко от столиц, в Сарове, тираж — 1000 экземпляров, да и эту тысячу в книжных магазинах мы вряд ли увидим.

Талантливых литераторов не так уж мало, но много ли найдется среди них людей, способных на поступок — не только литературный, но социально-значимый, имеющий высокое гражданственное звучание? Любовь Ковшова — в числе этих немногих. Её слово беззащитно и — бесстрашно. Оно пришло в мир не судить нас, но помочь нам остаться людьми. Убереечь от постыдной участи Иванов, не помнящих родства. И грош нам цена, если мы не сможем, не захотим услышать это слово.